Энвер Ходжа

Размышления о Китае

The electronic version of the book is created by
http://www.enverhoxha.ru

****

Электронная версия книги подготовлена сайтом
http://www.enverhoxha.ru

ЭНВЕР ХОДЖА

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА АЛБАНСКОЙ ПАРТИИ ТРУДА

«Размышления о Китае» взяты из Политического дневника товарища Энвера Ходжа. Помещаемые в настоящем томе размышления охватывают период 1962-1972 годов. Настоящий том, как и другой, охватывающий период вплоть до конца декабря 1977 года, впервые были изданы и розданы внутри партии в январе 1978 года. Теперь эти два тома предлагаются вниманию публики на албанском и на иностранных языках.

Из этих записок можно видеть зигзаги китайского руководства, его ревизионистский, антисоциалистический путь.

Через эти и другие размышления, которые могут быть опубликованы позже, читатель ознакомится с анализом событий и принципиальными позициями АПТ в защиту марксизма-ленинизма.

ЭНВЕР ХОДЖА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КИТАЕ

I

1962 - 1972

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

ТИРАНА. 1979

ИНСТИТУТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИИ
ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ АЛБАНСКОЙ
ПАРТИИ ТРУДА

Заглавие оригинала:

SHENIME PËR KINËN

ИЗДАТЕЛЬСТВО „8 НЕНТОРИ"

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первых двух томах „Размышлений о Китае" выражены мысли и даны оценки различным позициям и действиям китайского руководства с начала 1962 года вплоть до декабря 1977 года с учетом основных принципов марксизма-ленинизма, последовательно проводимых Албанской партией Труда.

Эти мысли и оценки основаны на фактах и событиях, о которых мы осведомлены китайской и зарубежной печатью, албанским посольством в Пекине, а редко в официальном порядке и самими китайскими руководителями.

В силу того, что мы располагали лишь частичными и недостаточными данными, ибо китайские руководители не осведомляли нас даже о наиважнейших вопросах положения в Китае и деятельности их партии, мы были вынуждены прибегать к предположениям и отсюда делать выводы и высказывать мысли о китайской политике, а также о последствиях этой политики, всегда характеризовавшейся колебаниями и оппортунизмом.

Оценки о различных позициях и действиях китайских руководителей, которые набрасывались в виде дневника, давались день ото дня, по мере их происхождения или же когда мы узнавали о них. Чтобы лучше понимать процесс познания нами китайской линии, как и диалектику марксистско-ленинских позиций Албанской партии Труда, читатель должен иметь в виду этот факт.

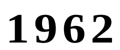
Албанская партия Труда, верная принципам про-

летарского интернационализма, защищала Коммунистическую партию Китая и Китайскую Народную Республику как во время нападок хрущевских, титовских и других современных ревизионистов на них, так и в период Культурной революции, когда китайские ультраревизионисты во главе с Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пином серьезно угрожали КП Китая и Мао Цзэдуну. В то же время она с тревогой следила за антимарксистскими позициями и действиями, во многих случаях наблюдавшимися у китайских руководителей, и реалистично, насколько это было возможно, высказывала критические мнения о том, что происходило в Китае; эти мнения она своевременно высказывала и китайскому руководству в надежде на то, что оно встанет на верный путь. Это стремление проявляется и во входящих в эти два тома записках. Но, к сожалению, ревизионизм в Китае усиливался с каждым днем.

Албанская партия Труда на своем VII съезде, а также на II и III Пленумах Центрального Комитета подвергла глубокому анализу антимарксистские позиции и контрреволюционные действия китайского ревизионистского руководства, не исключив при этом и ответственность Мао за создавшееся положение. Эти размышления могут помочь коммунистам, кадрам и другим читателям пополнить свои знания о пути развития китайского ревизионизма и о борьбе АПТ против него.

Автор

Май, 1979.

1962

ВТОРНИК
3 АПРЕЛЯ 1962 г.

КОММУНИСТЫ - РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ЖДУТ, ЧТОБЫ КИТАЙ ОТКРЫТО ВЫСТУПИЛ ПРОТИВ ХРУЩЕВСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Коммунисты-революционеры во всех коммунистических и рабочих партиях мира **ждут, чтобы Коммунистическая партия Китая открыто и без обиняков осудила хрущевский ревизионизм, который распространяется и вредит и который натолкнулся лишь на одного открытого противника — на Албанскую партию Труда.** Все они солидаризируются и поддерживают правильную линию нашей партии, восхищаются ее смелостью, но по праву ждут открытого выступления Коммунистической партии Китая. Проводимая Китаем тактика идеологической борьбы против хрущевцев не поощряет революционеров, тогда как колеблющимся дает повод сказать, что **„вот, мол, Китай ради единства не выступает открыто, мы также не должны выступать, иначе окажемся расколотыми, а это нехорошо".** И это в такое время, когда ревизионисты, со своей стороны, орудуют в открытую и втихомолку, выступают с выпадами, клевещут и т.п. **Это важная проблема, но китайцы до сих пор не имели никаких контактов с нами, чтобы обсуждать эти вопросы. Наши враги будут удивлены, если узнают, что мы совсем не советуемся друг с другом по поводу борьбы против современных ревизионистов. Этому они ни за что не поверят. А между тем дело обстоит именно так.**

ЧЕТВЕРГ
5 АПРЕЛЯ 1962 г.

ВРЕМЯ РАБОТАЕТ НА НАС, А ДЛЯ КИТАЙЦЕВ ОНО ТЯНЕТСЯ СЛИШКОМ МЕДЛЕННО

Проводимая Коммунистической партией Китая тактика против хрущевского ревизионизма, по-моему, не совсем правильная. Мне кажется, что, невзирая ни на какие соображения (как, например, более слабый чем у Советского Союза экономический и военный потенциал Китая, временные экономические трудности, созданные американским империализмом трудные ситуации, возможные обвинения в „китайском великодержавном шовинизме", которые будут выдвинуты и фактически выдвигаются, или обвинения в „расколе коммунистического движения" и т.д.), **Коммунистическая партия Китая должна занять открытую боевую позицию в защиту марксизма-ленинизма. Молчать якобы во имя сохранения загнившего единства коммунистического движения или социалистического лагеря, сознавая, что болезнь тяжела, что враги не только неисправимы, но и активно организовываются, клевещут, атаковывают, ведут борьбу — этого нельзя назвать ни революционным, ни правильным.** Насколько может исправиться Тито, настолько может исправиться и Хрущев; туда, куда скатился первый, туда скатится или скатился и второй. Первого называешь предателем, второго же по „тактическим соображениям" считаешь „товарищем". Время работает на нас, однако и мы должны способствовать его течению по-революционному. Мне кажется, что для китайцев время тянется слишком медленно.

ПЯТНИЦА
6 АПРЕЛЯ 1962 г.

КИТАЙЦЫ ПРОТЯГИВАЮТ РУКУ ХРУЩЕВУ

Китайский посол вручил мне послание Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Центральному Комитету Албанской партии Труда, в котором, в сущности, говорится: Центральный Комитет Коммунистической партии Китая считает целесообразным провести совещание с советскими, согласно предложениям индонезийской, вьетнамской и новозеландской партий в целях выравнивания разногласий и укрепления единства социалистического лагеря. Мы должны выступить с инициативой, говорят китайские товарищи, и нести знамя единства. К тому же они добавляют, что поставленные нами **в** связи с совещанием условия китайцам понятны, но они не будут приняты другими партиями, поэтому Коммунистическая партия Китая, со своей стороны, не ставит условий. Она предлагает обменяться партийными делегациями для обсуждения вопроса.

Мы дадим им ответ. Мы согласны обмениваться делегациями с Коммунистической партией Китая, но ни на йоту не изменим нашу позицию относительно предлагаемого совещания с советскими ревизионистами.

Путь, куда китайские товарищи стараются толкнуть нас — это ошибочный, шаткий, оппортунистический путь уступок перед предательской группой Хрущева, переживающей тяжелые ситуации и строя-

щей козни во избежание поражения. Китайские товарищи протягивают ей руку, чтобы вытащить ее из грязи, дают ей возможность укрепить позиции для нового нападения.

ВТОРНИК
10 АПРЕЛЯ 1962 г.

К ЧЕМУ ЭТИ КОЛЕБАНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКИМ РЕВИЗИОНИСТАМ?

По-видимому, беседа, которую я имел 6 апреля с послом Ло Ши-гао, вынудила китайских товарищей передать нашему послу копии писем, которыми обменивались Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Китая. Содержание этих писем ново для нас, ибо китайские товарищи во врученном нам послании совершенно не упоминают об этой переписке. Моя беседа вызвала раскрытие этой переписки, о которой, видимо, китайские товарищи намеревались не информировать нас.

Это начало некорректного отношения к нам, поскольку в них идет речь о нас. Было бы корректно, если бы Коммунистическая партия Китая, прежде чем ответить Коммунистической партии Советского Союза, ввела нас в курс содержания письма, которое должно было быть направлено этой партии и, по возможности, спросила и наше мнение (поскольку речь шла о нас). А затем, принималось или не принималось в расчет наше мнение — это уже другой вопрос.

Выходит, что китайские товарищи уже давно и без нашего ведома вступили в переговоры с советскими ревизионистами о встречах, совещаниях с ними и дали свое согласие на их проведение. Переговоры, которые они хотят вести с нами, имеют своей целью убедить

нас согласиться встречаться с хрущевцами, отказавшись от поставленных нами условий. Если мы не откажемся от условий, то китайские товарищи избегают ответственности, у них есть оправдательный „аргумент" перед Никитой, что обвинение их в том, будто они подталкивают нас, „не верно"; „мы посредничали у албанцев, давали им советы, но они не послушались нас". После этой победы Хрущев предложит им: „давайте соберемся без албанцев и уладим свои дела". Если пойдут и на это, китайские товарищи вступят на еще более трудные пути, попадут в ловушку Никиты Хрущева, который стремится во что бы то ни стало изолировать Албанскую партию Труда.

Копии писем, которые мы получим, полностью выяснят позицию китайских товарищей. Но, по имеющимся у нас данным, одно уже ясно: не исключено, что они попали в расставленную им ловушку, поскольку они держали втайне от нас переписку между Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза и Центральным Комитетом Коммунистической партии Китая. И здесь они допустили грубую ошибку. Это нам ясно, еще не будучи знакомы с содержанием китайского ответа. Что же касается письма советских, то мы представляем себе, что оно содержит.

ЧЕТВЕРГ
12 АПРЕЛЯ 1962 г.

КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ КРИТИКУЮТ СОВЕТСКИХ РЕВИЗИОНИСТОВ

Мы получили краткое изложение ответного письма, которое Центральный Комитет Коммунистической партии Китая направил Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. По всей видимости, дело не совсем так, как мы его представляли себе. Мы ошиблись в наших суждениях о возможном ответе китайских товарищей. Очевидно, что китайские товарищи уже размышляют, они заняли правильную позицию как относительно нашего вопроса, так и относительно своего вопроса и других общих проблем. В своем письме они винят советских, сваливают на них ответственность и требуют, чтобы те выступили с инициативой улучшения отношений с нами.

Важно то, что китайские товарищи говорят советским, что они напрасно стараются, что их попытки отколоть Албанию от Китая и от международного коммунистического движения — неприемлемы. Позиция китайских товарищей по отношению к нашим противникам хорошая. **И тем не менее из их послания мы видим тенденцию добиться некоторого смягчения с нашей стороны.**

Но как бы то ни было, ответ советским, рассматриваемый сквозь призму китайской тактики, хорош, правилен. Не следует преждевременно высказываться о позиции китайских товарищей, не ознакомившись с официальными документами.

ПЯТНИЦА
13 АПРЕЛЯ 1962 г.

ЗАМАСКИРОВАННОЕ СОВЕТСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА КИТАЙ ОТНОСИТЕЛЬНО АЛБАНИИ

„Известия" опубликовали сегодня статью о единстве лагеря социализма. В ней нападают на нас, как на „раскольников", „антиленинцев", „догматиков" и т.д. Это обычные для них клеветнические измышления, но ясно и ново то, что настоящая статья адресована не нам, а китайцам. Эта статья является публичным ответом на письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Китая от 7 апреля, направленное Коммунистической партии Советского Союза относительно возможных „переговоров" и т.п. Статья представляет собой яростное, но еще замаскированное нападение на корректную позицию Китая, который справедливо защищает нас.

Это только начало. „Известия" говорят Китаю: „Албанию ты должен бросить, иначе ты, Китай, — против единства". У китайцев теперь не будет иллюзий, и они еще больше окрепнут.

СУББОТА
14 АПРЕЛЯ 1962 г.

ГОРЕ ТЕМ, КТО ПОПАДАЕТ В ЛОВУШКУ РЕВИЗИОНИСТОВ!

Вчерашняя статья „Известий" направлена скорее всего против Китая, нежели против нас. Мы служим поводом, а указанная статья о „единстве" не что иное, как официальный ответ Центральному Комитету Коммунистической партии Китая относительно встреч о переговорах. Указанной статьей советские ревизионисты преследуют несколько целей:

1) Обвинить нас как „раскольников", „догматиков" и т.д. Но эти затасканные выражения лишь разоблачают подлинных авторов раскола, которыми являются сами советские.

2) Отвергнуть платформу китайцев о переговорах, говоря им: мы, советские, не придем на переговоры на основе вашей платформы, мы не признаем и не будем признавать, что мы виноваты перед албанцами, наоборот, мы — на марксистско-ленинском пути, а албанцы и вы — на антиленинском пути; улучшение отношений с албанцами в наши расчеты совершенно не входит. **Албанцев мы должны бросить, чтобы они не мешали нам (советским) подчинить вас (китайцев). Ваш путь (китайский) это путь раскола.** Имеется один только единственный путь: это наш путь. Выбирайте! Если не согласитесь, начнется борьба, причем открытая.

3) **Они прибегают к якорю спасения, с тем чтобы запугать или поколебать Китай с его правильных позиций.** Но эти угрозы мы можем обозвать вонью ослиной, лишь делающей воздух затхлым, но никого не пугающей, а лишь показывающей, что Хрущев и его люди празднуют труса.

4) **Хотят дать понять американцам и группе Белграда, что с Албанией и Китаем невозможно договориться, поэтому незачем беспокоиться, только взамен (советские) говорят им: пойдите-ка на уступочку, а то мы исчерпали себя, и это не хорошо ни для вас, ни для нас, ни для нашего совместного плана: разгрома социализма.**

5) **Дать четкую директиву сателлитам Хрущева, где бы они ни находились, у власти или не у власти.**

Публикуя такую статью, они преследуют две цели: а) закрепление позиций предателей ленинизма вокруг Хрущева. Сателлитам, которые осведомлены о письмах Коммунистической партии Китая, статья говорит, что именно таковой будет наша позиция по отношению к Коммунистической партии Китая. Так что поместите и вы в своих органах то, что напечатали "Известия", поддакните этой статье, скомпрометируйтесь! б) **Угрозу сателлитам, если они зашевелятся. Хрущев говорит им: поступлю с вами так же, как с албанцами и китайцами, и тогда вы окажетесь между тремя огнями (моим огнем, китайско-албанским огнем и внутренним огнем).** Лишу вас пайка, так что смотрите, не шутите.

Это дьявольское дело ревизионистов. Горе тем, кто попадает в ловушку!

6) **Предупредить партии, стоящие на принципиальных позициях: вернитесь, не связывайтесь с Китаем, иначе горе вам!**

7) **Они стремятся скрыть понесенное ими поражение на международной и внутренней арене, стремятся отвлечь внимание общественности от совершен-**

ных ими у себя преступлений против надежных кадров и т.д. Но общественность спрашивает: неужели эта маленькая социалистическая Албания столь опасна, чтобы Хрущев так яростно нападал на нее?

Общественности с каждым днем становится яснее, что она „опасна" не своим военным, а своим идеологическим потенциалом.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
22 АПРЕЛЯ 1962 г.

ПРЕКРАЩАТЬ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ, ЗНАЧИТ ДАВАТЬ ВРАГУ ВРЕДИТЬ ТЕБЕ

Начатая хрущевцами кампания прекращения „полемики в печати и по радио" ширится. Надо хорошо уяснить себе, кто первым публично начал полемику. Ее начала группа Хрущева. **Наметились две линии, две позиции относительно теоретических и международных вопросов: одна — оппортунистическая ревизионистская линия, отклонявшаяся от марксизма-ленинизма, попиравшая московское Заявление, поддерживавшая титизм и добивавшаяся прекращения борьбы с ним, расчищавшая путь уступкам перед империализмом, смягчавшая борьбу с ним, заигрывавшая с ним и т.п. Это была линия хрущевцев. Другая — это была наша линия, верно придерживавшаяся марксизма-ленинизма** и **Заявлений московских Совещаний.**

Время, хотя и короткое, подтвердило правильность нашей линии. Ревизионисты обанкротились во всех своих поползновениях, они были основательно разоблачены и не добились ни одного успеха, они были расшатаны. Они ищут выхода из трудностей, они добиваются отдышки, для подготовки оружия и возобновления наступления на той же почве, теми же аргументами. Им нужно время на заключение сделок с империалистами. Вот почему они ратуют за единство. Но о каком единстве говорят они? О том единстве, которое существовало раньше и которое они сами подорвали, или же о единстве *модус вивенди?* Они за это последнее.

Советские, как и югославские и другие ревизионисты не изменят путь. Все попытки, предпринимаемые ими под предлогом „единства", ложны. По-ихнему, единство означает: подчинитесь нашим „единственно ленинским" взглядам! Они прибегают к лести, с тем чтобы скомпрометировать тебя, подчинить тебя, чтобы затем напасть на тебя еще яростнее, чем нападали раньше и нападают ныне.

Требуя прекращения идеологической и политической борьбы, фактически Хрущев говорит: Дайте мне спокойно идти тем путем, на который я уже встал и от которого я не отойду.

Албанская партия Труда понимает эти происки. Кажется, будто их понимает и Коммунистическая партия Китая, но их не понимают в нужной мере и как следует Партия трудящихся Вьетнама, Трудовая партия Кореи, Коммунистическая партия Индонезии, Коммунистическая партия Новой Зеландии и т.д. В этих партиях преобладает сентиментальное стремление к „единству ради единства". Видимо, Коммунистическая партия Китая официально согласна с подобным положением о „единстве". В принципе мы также за единство, но только за единство на марксистском пути. Коммунистическая партия Китая, видно, слишком рассчитывает на успех этого положения. Мы же не будем питать никаких надежд до тех пор, пока конкретно не увидим, что хрущевцы публично признают свои ошибки. Этого они не делают и делать не будут. До поры до времени мы будем молчать. Это выгодно Хрущеву, но этой тактики мы сознательно будем придерживаться временно, как сказать, „ради" китайских и других товарищей, которые скоро еще больше убедятся в том, что и этот план Хрущева был просто обманом. Эта тактика долго длиться не будет, этот хрущевский маневр будет разоблачен им же самим, и мы будем способствовать его разоблачению.

СРЕДА
13 ИЮНЯ 1962 г.

КИТАЙ ИДЕТ ПО ЦЕНТРИСТСКОМУ ПУТИ

Товарищи Хюсни [Капо] и Рамиз [Алия], которые, после долгой одиссеи, пройдя на пароходе несколько океанов, на днях прибыли в Китай, начали переговоры с китайскими товарищами и прислали несколько радиограмм, которыми они вводят нас в курс взглядов пекинских товарищей на занимающие нас проблемы.

Прежде всего китайские товарищи выразили солидарность с нашими взглядами на международные вопросы, как и на ревизионистскую группу Хрущева и его сторонников. Они нашли правильной нашу позицию **и сказали, что у нас (албанцев) руки свободны для борьбы против хрущевцев, поскольку те первыми напали на нас.** Они заявили, что без нас не пойдут на совещание, что не пойдут ни на какое неожиданное совещание, которое может устроить Хрущев, как это у него в обычае. **Они сказали также, что получили от Коммунистической партии Советского Союза ответное письмо в 50 страницах, 40 из которых содержат нападки на нас.** После получения этого письма, китайские товарищи опубликовали, конечно, с опозданием, выдержки из моей речи на предвыборной кампании.

Все усилия китайских товарищей в том и заключаются ныне, чтобы переубедить нас снять поставленные нами условия для совещания и принять участие в том совещании, которое будет подготовлено, конечно, советскими и китайцами. Соображения, которыми они

объясняют это настояние, лишены основания, несостоятельны и пронизаны явно оппортунистическим духом. Китайские товарищи колеблются, боятся борьбы с ревизионистами, переоценивают силы врага и недооценивают наши силы и силы международного коммунизма. Они стараются добиться некоторого компромисса. Наша решительная позиция мешает им, поэтому они крутятся-вертятся.

Советские боятся нас и никогда не согласятся на проведение совещания при нашем участии. Они активно добиваются нашего исключения из международного коммунистического движения, то же самое делают и в отношении Китая, но путем демагогии, шантажа, запугивания и т.д. **В этой ситуации Китай идет по центристскому пути, пребывает в нерешительности.**

Мы ни на йоту не отойдем от своих правильных, принципиальных позиций. Наши товарищи ясно осмысливали и осмысливают это; я направил им также несколько телеграмм о ситуации. Посмотрим, как будут поступать китайцы. Если китайцы не изменят позицию в этом важном тактическом вопросе, то мы не сможем договориться с ними. Они должны поразмыслить.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
24 ИЮНЯ 1962 г.

ВРЕМЯ ПОКАЖЕТ, ПРАВЫ МЫ ИЛИ НЕТ

Китайцы объявили военное положение в провинции Фуцзянь, и опубликовали коммюнике о том, что чанкайшисты, поддерживаемые американцами, нападут на Китай в июле месяце. Об этом сообщили и нашему послу в Министерстве Иностранных дел Китая. Они уже приняли меры для отражения нападения. Коммюнике не тревожное. Китайцы могут располагать и располагают данными об этом, и в таком случае оглашение этого факта, извещение народа о нем — дело естественное.

Американцы способны пойти на это в целях создания напряженного положения в Тайваньском проливе. Если им удастся высадиться и занять позиции, то этим они завоюют почву, где могут расположиться для дальнейших осложнений. Если же они потерпят провал — и наверняка потерпят — американцам нечего терять, ведь именно для таких деяний они прокармливают чанкайшистов.

Однако мы думаем, что при нынешних ситуациях и учитывая возможность полного провала с треском этой авантюры, американцы не полезут на рожон. С одной стороны, я думаю, что американцы этим хотят нащупать решительность Китая и узнать, до какой степени дошли разногласия между Китаем и Советским Союзом. С другой стороны, надо предположить, что все это может быть империалистическо-ревизионистским

маневром, направленным на поднятие престижа Хрущева, который ухватится за этот случай, чтобы, как это у него в обычае, кричать со всех крыш о том, что он будет защищать Китай и о другой подобного рола чуши, и чтобы заставить его (Китай) поместить в своей печати болтовню Никиты, т.е. заставить Китай своими же устами старую собаку батькой звать, волей-неволей смягчить разногласия и со сбитой спесью идти на встречи и совещания с советскими. Рассматривая дело сквозь эту призму, полагаю, что Китай тактически допустил оплошность, предав огласке это так называемое нападение. Ему следовало бы продолжать готовиться и ликвидировать чанкайшистов в случае их высадки на материк. Время покажет, правы мы или нет.

ПОНЕДЕЛЬНИК
2 ИЮЛЯ 1962 г.

КИТАЙЦЫ ДЕРЖАТ КУРС НА ПРИМИРЕНИЕ С ХРУЩЕВЦАМИ

Выступая по телевидению о своей поездке в Румынию, ревизионист Хрущев затронул китайский вопрос и заявил: „Если нападут на Китай, Советский Союз будет защищать Китай" и т.д. Он был бы дураком, если бы не воспользовался этим случаем с целью пуститься в свою гнусную демагогию в такое время, когда советские дивизии передвигаются к Китаю, к границам Синьцзяна, и когда советское консульство там готовит и возбуждает людей против власти в Китае, в результате чего в Советский Союз сбежало до 60 000 китайцев. **Теперь китайцы, волей-неволей, раструбят в печати об этом заявлении, хотя, пожалуй, им как будто по сердцу такой повод. Они держат курс на примирение, они вроде желают его.** Да не согрешим мы, но для ревизиониста Хрущева это — победа, хотя и временная. Это нам вредит. Мы пока что вынуждены не выступать против него, и враг воспользуется этим, чтобы действовать. **Но мы непоколебимы, все выяснится, причем в нашу пользу, в пользу марксизма-ленинизма.**

ВТОРНИК
3 ИЮЛЯ 1962 г.

МЫ БУДЕМ ИДТИ ВПЕРЕД. НИКОГДА НЕ СДАДИМСЯ

Процесс сплочения современного ревизионизма и полного схождения Тито с Хрущевым переживает бурное развитие, происходит головокружительными темпами. Он неудержим. Международное коммунистическое движение молчит, безмолвствует.

Бесчисленными делегациями обмениваются Югославия и Советский Союз. Югославы и советские публично заявляют, что и их идеологические различия ничтожны и стираются. Советский Союз готовится с шумом предоставить Югославии кредиты. Брежнев посетит Югославию и т.д. С точностью подтверждается все то, что мы предвидели и предсказали. **Ревизионизм на подъеме, мы — меньшинство, но будем идти вперед, никогда не сдадимся. С нами правда, марксизм-ленинизм, и мы победим, обязательно победим. Наша борьба — трудная, неравная, но она справедливая и славная.**

СРЕДА
4 ИЮЛЯ 1962 г.

ОТДАЕТ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДАВЛЕНИЕМ. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПРОВОКАЦИЙ!

Товарищи Хюсни и Рамиз кончили работу в Китае и ныне находятся в Бирме. Шестого июля прибудут в Рим. О большинстве вопросов они договорились с китайскими товарищами, **за исключением вопроса об участии в возможном совещании коммунистических и рабочих партий мира.** Мы стояли на наших позициях, китайцы — на своих.

Чжоу Энь-лай на встрече с нашими товарищами сказал, что Китаю будет трудно поставить нам все то, о чем заключено соглашение. Наши товарищи возразили на это, ибо это отдает экономическим давлением. Это серьезно, тем не менее мы должны ждать возвращения наших товарищей, с тем чтобы лучше обсудить вопрос. Мао принял их очень хорошо, сказал хорошие слова; он ничего не знал о том, что сказал им Чжоу, и пообещал поговорить со своими товарищами.

Мы должны быть очень осмотрительны, хладнокровны и осторожны, ибо враг усиленно старается внести раскол между нами и Китаем, пытается изолировать нас. **Остерегаться провокаций, хорошо обдумывать шаги, не делать никаких уступок в принципах и сохранить дружбу и связи с Китаем, ибо это очень важно для нас и для международного коммунизма.**

ЧЕТВЕРГ
5 ИЮЛЯ 1962 г.

КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ НЕ ИЗВЛЕКАЮТ НУЖНЫХ ВЫВОДОВ ИЗ МИРОВЫХ СОБЫТИЙ

Заявление Хрущева о Китае будет использовано современными ревизионистами для „повышения" доверия к своему лидеру, выдавая этого предателя за „марксиста", который не делает уступки империалистам и, невзирая на имеющиеся у него противоречия с Китаем, когда надо, „бросается и в огонь" за него. Все это, конечно, блеф, которому не долго продержаться, но который на время надует порядочное число людей.

Чтобы смягчить дурной эффект, который, быть может, произвело его заявление на американцев, лакей Хрущев вчера сходил в американское посольство в Москве на празднества, причем в такое время, когда не было посла. Никогда президент Соединенных Штатов Америки не ходил в советское посольство в Вашингтоне на празднества. Хрущев, этот пошлый пройдоха, ходит каждый год.

Сделанное им заявление послужит ему также козырем для Конгресса мира. Он использует его и против нас, если мы открыто нападем на него, обвиняя нас в участии в империалистическом хоре против него в такое время, когда он отстаивает нашего друга, Китай. Но мы не попадем в эту провокационную ловушку.

Настоящим заявлением Хрущев постарается расположить к себе Китай, заманить его в ловушку, выровнять противоречия в свою пользу. Посмотрим, что

будет делать Китай, раскусит ли он эту ловушку, которую до какой-то степени сам устроил? Китай не принял в расчет „передвижение ракет" в помощь Кубе. Когда на нее напали на Плае Хирон, ракеты Хрущева не передвинулись, но позже передвинулась „хрущевская ракета", Эскаланте[1]. Интересно, китайские товарищи не извлекают нужных выводов из мировых событий. Изобличая возможное американо-чанкайшистское нападение на Китай, китайцы как будто говорят: „Хрущев, протягиваем тебе ветку, цепляйся за нее. Как у меня, так и у тебя веская причина — мне, китайцу, надо идти вперед по пути примирения, тебе, Хрущеву — по пути реабилитации, хотя бы временной".

Дальше увидим, как будет складываться положение, как будут идти китайцы.

Хюсни и Рамиз сегодня должны вылететь из Рангуна в Рим. Они многое разъяснят нам.

---

1 А. Эскаланте, бывший секретарь по организационным вопросам Комитета объединенных революционных организаций Кубы.

ВТОРНИК
10 ИЮЛЯ 1962 г.

В КИТАЙСКОЙ ЛИНИИ НАМЕЧАЮТСЯ ЯВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СМЯГЧЕНИЯ, СТРАХА И ПАССИВНОСТИ

Товарищ Хюсни доложил нам о проведенных в Пекине переговорах. Китайские товарищи приняли очень хорошо наших и сказали много хороших слов о нашей партии и нашем народе.

Главное, что вытекает из переговоров, это то, что китайское руководство придерживается одинаковых с нашей партией взглядов на вопросы принципиального значения, касающиеся политических и идеологических проблем. О современном ревизионизме, о титовской группе, о группе Хрущева и усердных последователях этих групп также были выражены одинаковые с нашими взгляды и оценки. Большая опасность этих ревизионистских групп и современного ревизионизма вообще оценивается одинаково. Необходимость борьбы с ними решительно была подчеркнута как с нашей, так и с их стороны. Это очень важно. Однако в приемах борьбы против ревизионистов, по их словам, имеются нюансы. **В китайской линии намечаются явные тенденции смягчения, страха и пассивности.**

Китайские товарищи вкратце объясняют это тем, что группа Хрущева сильна в экономическом и военном отношении и опирается на престиж Советского Союза и Коммунистической партии Советского Союза.

Эта группа стоит у власти. И в остальных коммунистических и рабочих партиях положение то же самое. Надо работать так, чтобы были созданы революционные ядра в этих партиях, и добиться размежевания, хотя во многих из них размежевание уже произошло. **Поэтому, по мнению китайцев, надо пойти и на формальное единство, и с этим знаменем, дескать, должны выступить мы, следует создать антиимпериалистический фронт и вместе с ревизионистами.**

Относительно совещания китайские товарищи колебались, но они были склонны участвовать. Они старались убедить нас пойти на совещание, чтобы там развернуть борьбу и т.д. и т.п.

Одним словом, у нас различия в тактике, но мы не откажемся от своих позиций, которые при наших и международных условиях являются правильными, революционными позициями. Это признают и китайские товарищи, у которых не было критических замечаний против наших позиций.

Впрочем это будет подтверждено временем, но важно то, что по основным вопросам мы согласны. Враг старается изолировать нас от Китая. Мы должны избежать такой ловушки, нам следует быть осмотрительны и аккуратны в отношениях с Коммунистической партией Китая, укреплять с ней связи и сотрудничество, ибо Коммунистическая партия Китая занимает правильные, принципиальные позиции, она наш друг, оказывающий нам помощь и поддержку.

Значение Коммунистической партии Китая для международного коммунизма огромно. Мы должны иметь и будем иметь в виду в нашей работе эти особо важные соображения, не нарушая никаких принципов и не идя на уступки. Я уверен, что китайские товарищи еще больше поразмыслят о наших позициях. Мы также должны тщательно изучать данные, представляе-

мые Коммунистической партией Китая, ее соображения.

Этот вопрос еще рано считать исчерпанным. Мы еще много раз будем возвращаться к этим капитальным вопросам.

СРЕДА
5 ДЕКАБРЯ 1962 г.

ПАЙЕТТА[1] ПРЕДПРИНЯЛ РЕЗКИЕ НАПАДКИ НА КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ КИТАЯ

Речь китайского делегата на съезде Итальянской коммунистической партии была хороша и сурова. Он изложил правильную, марксистско-ленинскую линию Коммунистической партии Китая по теоретическим и политическим вопросам, как и кубинскую проблему; взял нас под защиту, поднял вопрос о китайско-индийской границе, резко осудил и титовскую Югославию; ответил на речь Тольятти, осудил ее и показал, что Коммунистическая партия Китая по ряду вопросов не согласна с руководством Итальянской коммунистической партии. Но в своей речи китайский делегат высказался за проведение переговоров между двумя партиями. Это дело китайцев! Эти переговоры совершенно ни к чему не приведут. Дело напрасное.

Пайетта, этот ревизионист, продавший себя итальянской буржуазии, предпринял открытые, подлые и провокационные нападки особенно против Коммунистической партии Китая. Теперь китайским товарищам все ясно. Они еще яснее видят с кем имеют дело, видят правильность суждений нашей партии об этих людях.

---

1 Джанкарло Пайетта — член руководства Итальянской коммунистической (ревизионистской) партии.

ВТОРНИК
11 ДЕКАБРЯ 1962 г.

БОРЬБУ С ПРЕДАТЕЛЯМИ НАДО ВЕСТИ ОТКРЫТО И РЕШИТЕЛЬНО, НЕ ИДЯ НА КОМПРОМИССЫ В ПРИНЦИПАХ

Нам ясно, что Хрущев и его прислужники, только что проведшие съезды своих партий, устроили новое нападение на Албанскую партию Труда и особенно на Коммунистическую партию Китая. Нападение на эту последнюю было открытым, оно было совершено хулиганскими методами. На этих съездах они старались поднять совершенно упавший престиж хрущевской группы и заодно оклеветать наши партии, с тем чтобы дискредитировать наши правильные позиции, изобличающие их изменнические действия. Эти нападки преследуют также цель запугать Коммунистическую партию Китая расколом, который хрущевские ревизионисты фактически довели до конца, оторвать ее от Албанской партии Труда, т.е. посредством уловок, шантажа и запугивания завести Коммунистическую партию Китая в тот тупик, в котором они сами находятся. Все это они делают, с тем чтобы ухватить Китай за палец, а затем дать ему пинка, чтобы свалить его наземь.

Коммунистическая партия Китая не попадется в их ловушку, так как она знает, с кем имеет дело. Предложение Коммунистической партии Китая о переговорах с Итальянской коммунистической партией, как и внесенное ею на съезде Коммунистической партии Чехословакии предложение о созыве общего совещания,

в принципе как будто нельзя считать неправильным, но, если учесть, с кем мы имеем дело, то **эти переговоры не только бесплодны, но и вредны, так как ревизионисты полностью стоят на пути открытой измены, они — организаторы открытых и скрытых заговоров против марксизма-ленинизма.** Они не откажутся от своего пути, но хотят выиграть время, чтобы еще дальше продолжить свое предательство. С этой целью они стараются увлечь на свой путь кого им удастся и сколько это им удастся. **Поэтому наша партия ни в чем не согласится с предателями и не даст им, якобы во имя сохранения приличия, которое они также попрали, ввести ее в заблуждение. Борьбу с ними надо вести открыто, решительно и не идя на компромиссы в принципах.**

ЧЕТВЕРГ
20 ДЕКАБРЯ 1962 г.

КИТАЙ ПОСТУПАЕТ НЕХОРОШО, ЧТО НЕ ОТВЕЧАЕТ НА НАПАДКИ ХРУЩЕВА

Поездка Тито в Москву положила конец любой борьбе с титовской кликой, даже той, которая велась лишь для виду. Можно сказать, что Тито добился большого успеха. Он подчинил себе Никиту Хрущева и особенно его ревизионистских последователей в Европе. Тито заставил всех их облизать оплеванного и петь ему гимны. Теперь все ревизионисты мчатся изо всех сил, чтобы наверстать упущенное.

У американской агентуры теперь руки свободны, так как хрущевцы распахнули перед ней все ворота. Титовцы стали уже полновластными и они сумеют работать и активизироваться, чтобы разложить все партии и страны, открывшие им ворота. Хрущев и Тито довольны переговорами. Конечно, у этого последнего был в кармане ряд конкретных предложений от главаря американского империализма, Кеннеди, которые он представил Хрущеву и, безусловно, они добились удовлетворительных результатов. Все это Тито представит Кеннеди на окончательное утверждение. Конкретные результаты переговоров мы наверняка скоро увидим в новых уступках, в скандальных компромиссах.

До сих пор Китай не отвечает на нападки Хрущева и, по-моему, поступает нехорошо. Современные реви-

зионисты вступили в новую стадию своей борьбы против марксизма-ленинизма. В первой стадии, нарушая московское Заявление, они напали на нас, и Хрущеву при помощи постыдных методов удалось скомпрометировать и втянуть в эту гнусную борьбу против Албанской партии Труда и марксизма-ленинизма ряд руководителей партий и их пропаганду. Мы выдержали их натиск, разоблачили их и добились успехов в нашей борьбе. Теперь ревизионисты идут дальше по пути предательства и при этом хотят иметь ноги свободными. Таким образом, перед лицом поражений они стараются поляризовать ревизионистов, идут на новые компромиссы с империализмом, продолжают против нас борьбу и, одними и теми же методами, но на этот раз с трибун съездов других партий, открыто нападают на Коммунистическую партию Китая. Так было на съездах в Италии, Чехословакии, Венгрии и Болгарии. **Верхом этой деятельности явилось выступление Хрущева 12 числа текущего месяца в Верховном Совете СССР, и она будет продолжаться для двух целей: либо напугать Китай и поставить его на колени, либо вынудить его пойти в атаку, и тогда раскол налицо, ибо теперь единство формально.**

Китай выступает за совещание! Ревизионистам это невыгодно, но даже если, в конце концов, они и согласятся, не ради единства, а ради раскола, они будут до этого продолжать яростно атаковывать Китай, дискредитировать его, полностью компрометировать коммунистические и рабочие партии и их руководство в этой новой и открытой кампании против Китая, а затем, подготовив совещание, могут согласиться и на его проведение, чтобы прижать Китай к стенке и сказать ему: „Либо сдавайся, либо прочь! Ты виноват!". Китай должен раскусить эти заговоры и не давать себя в обиду.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
23 ДЕКАБРЯ 1962 г.

В ВОПРОСАХ ТАКТИКИ У НАС ЕСТЬ РАЗНОГЛАСИЯ С КИТАЙСКИМИ ТОВАРИЩАМИ, И ЭТОГО МЫ НЕ СКРЫВАЛИ ОТ НИХ

Во время ужина, устроенного в Пекине китайскими товарищами для группы наших специалистов строительства, в своей речи Ли Сянь-нянь, в частности, снова сказал про нас, **что мы не будем в состоянии построить и ввести в эксплуатацию в установленный срок новые объекты, поставляемые Китаем.** Касаясь современного ревизионизма, он отметил, что между Албанской партией Труда и Коммунистической партией Китая существуют противоречия (не назвав их), но относительно генеральной линии они согласны.

То, что он сказал относительно сооружения новых объектов, неверно, так как нет никаких фактов, поскольку работа еще не началась. Он мог бы сказать, что китайцы не передают проекты вовремя. Именно это препятствует и задерживает сооружение объектов, именно Ли Сянь-нянь настаивает и распространяет и среди других товарищей из китайского руководства свою необоснованную идею о том, будто мы не в состоянии строить новые объекты. Мы, с нашей стороны, мобилизуем свои силы, чтобы доказать им обратное.

Что касается противоречий, то правильнее было

бы, если бы он сказал, что в вопросах тактики у нас есть разногласия, а это им известно, мы этого не скрывали от них. Мы не можем слепо следовать за Коммунистической партией Китая в ее действиях, в их формах и темпах.

ПОНЕДЕЛЬНИК
24 ДЕКАБРЯ 1962 г.

КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ ВЕДУТ СЕБЯ НЕПРИСТОЙНО В НЕКОТОРЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Думаю, что по некоторым волнующим нас вопросам китайские товарищи ведут себя непристойно в некоторых отношениях. Несмотря на это, мы взяли на себя всю ответственность, мы на правильном пути, и рано или поздно все поймут правильность этого пути и встанут на него.

Современные ревизионисты, все без исключения, организовали большой оркестр против Албанской партии Труда, чтобы опорочить ее в глазах всего мира. И то, что относится к Китаю, взваливают на нас. Они стараются нанести удар своему главному врагу, Албанской партии Труда, и в то же время запугать и дискредитировать Коммунистическую партию Китая и добиться того, чтобы она отвернулась от нас, т.е. пошла на компромисс с ними.

В то время, когда ревизионисты орудуют в открытую во всех направлениях, китайские товарищи, хотя и утверждают, что ревизионисты — предатели, что отношения с Советским Союзом висят на волоске, избегают борьбы по совершенно формальным соображениям, не считаясь с тем, что всякому терпению приходит конец. Они сдерживаются в ущерб нам, в ущерб себе и коммунизму.

Китайские товарищи не понимают последствий ревизионистского маневра. Ревизионисты нападают на

нас и открыто пропагандируют, что за нами „стоят китайцы", что мы, мол, „рупор китайцев", что мы „продали себя китайцам". Эта их пропаганда говорит о том, что они нападают на Китай. **Китай добивается совещания и, хуже того, совещания для укрепления „единства". Странно, о каком единстве думают они.** За достижение единства на правильных принципах мы тоже боремся, но надо, чтобы одна сторона призналась в допущении ошибок в принципах, иначе допускаются беспринципные компромиссы. На последнее мы не пойдем. Мне кажется, что китайские товарищи слишком рассчитывают на совещание, причем этой формальности (а, судя по тому, как развивались до сих пор события, иначе его нельзя называть) они до того остаются верны, что даже дают себя и своих союзников опорочить и дискредитировать. Я уверен, что подобный образ действия, подобная тактика не являются ни боевыми, ни революционными.

СРЕДА
26 ДЕКАБРЯ 1962 г.

ЛИ СЯНЬ-НЯНЬ ГОВОРИЛ ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ ТОГО, ЧТО ГОВОРИЛ РАНЬШЕ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ МЕЖДУ НАМИ

Во время одного ужина Чэнь И выправил высказывания Ли Сянь-няня о том, что якобы между нашими партиями существуют противоречия. Он начал свою речь словами: „Между нашими партиями нет никаких разногласий, никаких трещин, а существует полное и стальное единство" и т.д. Это значит, что Ли Сянь-нянь допустил ошибку, или же его товарищи не согласны с ним. Факт, что на одном другом обеде Ли Сянь-нянь говорил противоположное того, что он раньше говорил о противоречиях между нами. На этот раз он выступил по написанному тексту.

ЧЕТВЕРГ
27 ДЕКАБРЯ 1962 г.

ГРОБОВОЕ МОЛЧАНИЕ В КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Гробовое молчание в китайской внешней политике. Хрущев, Тито, Кеннеди занимаются тайными сделками, и посмотрим, чем и как завершится все это. **Китайцы хранят молчание и не отвечают Хрущеву. Видимо, они решили не отвечать. Через коммунистические и рабочие партии, стоящие на серединных, колеблющихся позициях, китайцы добиваются созыва совещания коммунистических и рабочих партий мира. Такие „союзники" могут подвести в любое время, они стоят за компромиссные совещания.** Хрущев способен провести такое совещание, когда ему угодно, и эти „союзники" будут всегда на его стороне; но то, чего больше всего добивается он — это ликвидация Албанской партии Труда и подчинение Коммунистической партии Китая. В этой связи Хрущев старается создать условия, тогда как Китай, как сказать, волочет ноги в этом деле.

1963

ЧЕТВЕРГ
4 ИЮЛЯ 1963 г.

СНОВА ПРИЕВШЕЕСЯ КОММЮНИКЕ

Китай вновь подтверждает, что делегация, которая поедет в Москву для переговоров, будет проявлять терпение и т.д. и т.п. Китай снова опубликовал коммюнике относительно этой встречи, приевшееся коммюнике, которое, по моему, не было нужным. И зачем все это? Коммунистический мир убеждается и убедится в предательстве Хрущева, разоблачая его, срывая маску с этого предателя. Кое-кто, вроде ... рекомендует терпение, терпение. О терпении говорят и китайцы, но я уверен, что они думают иначе, ибо представляется странным, чтобы все то, что говорят и делают ревизионисты, не вывело китайцев из себя.

ПЯТНИЦА
5 ИЮЛЯ 1963 г.

ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ НЕ ДАСТ НИКАКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В Москву прибыла делегация Коммунистической партии Китая, возглавляемая Дэн Сяопином. В Пекине ей были устроены помпезные проводы, как будто она отправлялась на свадьбу, тогда как в Москве ее встретили холодно, словно устраивали проводы покойника.

Посмотрим, что даст эта формальная, бесплодная встреча. Я уверен, что она ни к чему не приведет, наоборот, она покажет, насколько правы мы, ставящие точки над „и". Какие результаты могут быть достигнуты в переговорах с хрущевскими предателями, решившими на пленуме Центрального Комитета ни на волосок не отказаться от своей линии? Хрущевцы этим хотят сказать: Отступайте вы, китайцы, и примкните к нашему хороводу!

В таких условиях, если тебе угодно, иди и „терпеливо" беседуй с хрущевцами.

ЧЕТВЕРГ
11 ИЮЛЯ 1963 г.

СЕГОДНЯ КИТАЙЦЫ ГОВОРЯТ О ХРУЩЕВЕ ТО, ЧТО ВЧЕРА ХРУЩЕВ ГОВОРИЛ О ТИТО

Чэнь И имел беседу с нашим послом в Пекине, Реизом Малиле, и в сущности сказал ему, что „московская встреча может быть прервана, чтобы продолжить ее позднее несколькими сеансами. Это, отметил Чэнь И, выгодно обеим сторонам". Излив желчь против Хрущева, он сказал: „Мы должны стараться не дать ему перейти в объятия империалистов, капитулировать, так как дело касается советского народа" и т.д. и т.п. „Мы будем продолжать непрерывно разоблачать его" и т.п., закончил он.

У китайских товарищей наблюдаются колебания, они вспыхивают и затухают, создается впечатление, что у них не ясная, а сильно колеблющаяся тактика, очень часто они страшатся давления советских, которые ведут себя нахально. То, что говорят сегодня китайцы о Хрущеве, вчера говорил Хрущев о Тито: „Он — враг, троянский конь, но мы не должны дать ему перейти в объятия врага, капитулировать, так как дело касается народов Югославии" и т.д., и, наконец, расцеловались с Тито, стали с ним друзьями, союзниками, товарищами по борьбе против нас. До чего это плохо для китайцев!!

ПЯТНИЦА
12 ИЮЛЯ 1963 г.

КИТАЙЦЫ НЕ ПОЛНОСТЬЮ СОЗНАЮТ, КАКИМ ВРАГОМ ЯВЛЯЕТСЯ ХРУЩЕВ

Китайцы еще не полностью сознают, каким врагом является Хрущев, хотя путь, по которому идет этот предатель, уже ясен. Он идет по пути соглашений с американскими империалистами, по пути уступок и компромиссов. Значит, мы не имеем дело с человеком или с группой людей, допустившей несколько ошибок, но, осознав в середине пути пропасть, к которой идет, возвращается назад; в этом случае было бы необходимо, не уступая в принципах, маневрировать, „чтобы не бросить его в лагерь империалистов". Но в случае с Хрущевым совершенно нецелесообразно и неправильно даже и думать об этом, не говоря уже о том, чтобы обращаться так с ним. Он полностью изменил.

СУББОТА
13 ИЮЛЯ 1963 г.

„СЕРЕДИННЫЕ" БОЛЬШЕ СКЛОННЫ К ПРАВЫМ

Напрасно китайские товарищи медлят. Излишние зигзаги, у которых, по их словам, свои плюсы, на самом деле, имеют и много минусов. „Серединных", как китайцы называют те партии, которые говорят, что выступают против Хрущева, но которые не выступают открыто ни против него, ни за нас, нельзя завоевать такой позицией, они за политику „тяни канитель", „не обостряй", „давай подождем"; они больше склонны к правым. Поэтому это на руку Хрущеву и его шайке. Но я уверен, что таким образом нельзя мешать предателю на его пути, он будет идти вперед, будет продолжать свое изменническое дело. Не сегодня - завтра, время еще лучше докажет это.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
14 ИЮЛЯ 1963 г.

НАПРАСНЫЕ НАДЕЖДЫ КИТАЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ РАЗЛЕТЕЛИСЬ В ПУХ И ПРАХ

Советские опубликовали сегодня открытое письмо, гнусное письмо, полное более чем открытыми выпадами против китайского руководства. Напрасные надежды китайских товарищей разлетелись в пух и прах. Полагаю — и не сомневаюсь в этом — что теперь нет другого пути, кроме правильного и революционного пути нашей партии. Письмо полно выдумок, клеветы, искажений. Нападки составляют суть и все содержание этого письма, которое похоже на длинную демагогическую статью, написанную для дураков, для сентиментальных людей, для пугливых. Одно пронизывает все письмо: **китайское руководство проводит раскольнический, догматический, опасный курс, поэтому оно должно быть осуждено и изолировано. Албанцы — орудие китайцев, а остальные — ренегаты и т. д.**

ПОНЕДЕЛЬНИК
15 ИЮЛЯ 1963 г.

ХРУЩЕВ ВЫСТУПИЛ ОТКРЫТО. КИТАЙЦАМ ПОРА КРЕПКО БИТЬ ЭТУ СОБАКУ

Письмо советских не содержит никакого аргумента, который при помощи фактов политически и теоретически опроверг бы китайские документы. От узловых проблем оно увиливает как черт от ладана, обходит и разит их самым пошлым газетным языком. Но у этого письма есть и своя очень хорошая сторона, так как оно помогает коммунистическому движению лучше понять, что из себя представляют эти изменники, и побуждает китайских товарищей еще больше усилить свою борьбу.

Манера „косвенного" реагирования китайских товарищей и употребление таких терминов, как „братская партия", „некий руководитель", „некое государство" и т.д. уже приелась и даже оказывала отрицательное влияние.

Хрущев теперь уже выступил открыто, более открыто уже нельзя. Теперь китайцам пора крепко бить эту собаку, ибо только таким образом возможна победа над хрущевским бандитизмом.

СРЕДА
17 ИЮЛЯ 1963 г.

КИТАЙЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ БЕСПЛОДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ С ХРУЩЕВЫМ

Китайцы продолжают бесплодные переговоры с советскими в то время, как Хрущев беседует, ест, пьет и смеется с А. Гарриманом, помощником секретаря американского государственного департамента, и с английским лордом Хейлшем, министром по вопросам науки и техники. Какие контрасты! До чего доходит предательство! Хрущев сам руководит переговорами, он уронил перед империалистами достоинство Советского Союза, а что касается достоинства коммунизма, то куда ему до него, ведь он сам не коммунист, а ревизионист из самых гнусных.

Просто странно, что китайцы продолжают толочь воду в ступе с этими предателями. Ведь всякому терпению приходит конец. Ну и терпение! Мы бы поднялись и ушли. Довольно канители, предательство очевидно.

ПОНЕДЕЛЬНИК
22 ИЮЛЯ 1963 г.

С ПРЕДАТЕЛЯМИ МАРКСИЗМА - ЛЕНИНИЗМА НАДО ВЕСТИ БЕСПОЩАДНУЮ БОРЬБУ

Наконец-то вчера Дэн Сяо-пин отбыл из Москвы в Пекин, где на аэропорте его встретил сам Мао. Конечно, они выпустят какое-нибудь коммюнике, чтобы сказать, что ничего не добились.

Вести переговоры с предателями марксизма-ленинизма, — дело напрасное, ибо они предатели. С ревизионистами не стоит вести переговоры, ибо они ренегаты марксизма-ленинизма. С ними надо вести беспощадную борьбу, их надо беспощадно разоблачать.

ПОНЕДЕЛЬНИК
29 ИЮЛЯ 1963 г.

НЕ ПАСОВАТЬ, А БОРОТЬСЯ С РЕВИЗИОНИСТАМИ

Китайцы через короткие статьи продолжают извещать свой народ и свою партию о том, что современные ревизионисты поносят китайское руководство, совершают против него всякого рода нападки. Отмечают также, как мировой капитализм расхваливает Хрущева и его изменническую линию. Впрочем это ихнее дело. **Но, с другой стороны, они не знакомят китайский народ со взглядами Албанской партии Труда, отстаивающей марксизм-ленинизм, разоблачающей предательскую линию Хрущева и его компании и защищающей Китай и его Коммунистическую партию.** Китайские товарищи поступают неправильно в этом вопросе. Они продолжают придерживаться старой тактики, стоят на позициях, занятых ими на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза. Эта тактика уже несостоятельна, она анахронична и вредна для коммунистического движения. Неопубликование в их печати статей газеты „Зери и популлыт" говорит о боязни китайских товарищей. Они колеблются в этом вопросе, а это неправильно, это противоречит принципам. Китайские товарищи не идут в ногу с событиями и временем.

Если они считают нецелесообразным публиковать наши статьи якобы с тем, чтобы опровергнуть клевету Хрущева о том, что албанцы являются приспешниками Китая, то это абсурд, ибо это вовсе не ме-

шает хрущевским ревизионистам использовать такой шаг китайцев в своих интересах, стараясь дискредитировать нас и, в частности, выдавать нашу правильную позицию за изолированную позицию. Китай же своей позицией содействует им. Если же Китай не публикует наши статьи, полагая, что их опубликование поставило бы в трудное положение другие братские партии — Кореи, Индонезии и Вьетнама, — еще не выступающие открыто в защиту Китая, то это также тактически неправильно.

Согласно китайской тактике, нам следует делать шаги назад, встать на путь корейцев, вьетнамцев, и, хуже того, индонезийцев. Нет! Этого мы никогда не сделаем! Им следует идти вперед, и Китаю тоже. Марксизм надо отстаивать, причем твердо отстаивать в борьбе с предателями и ренегатами. Все эти товарищи знают Хрущева, между собой они говорят, что он совершил измену, что он связывается с американцами, подрывает социализм, открыто нападает на них, и тем не менее они медлят с борьбой, выжидают. **Чего они ждут? Вот это странно. В этом и стоит вопрос для будущего. Либо борьба с ревизионистами, либо капитуляция!** Мы пойдем вперед, борясь.

Линия, проводимая Хрущевым, совпадает с политикой американских империалистов и служит ей. Подписанный в последнее время в Москве договор „о нераспространении ядерного оружия" — это договор, разработанный и продиктованный американцами и без каких-либо изменений принятый Хрущевым. Американские империалисты добиваются монополии на это оружие, Хрущев предоставил ее им. Американцы говорят о „мире", то же самое делает и Хрущев, этот лакей буржуазии, однако в то же самое время американцы готовятся к войне, увеличивают запасы атомного оружия для себя и для своих друзей, тогда как Хрущев обезоруживает своих друзей, а своим пацифизмом обезо-

руживает и народы. Это значит приходить на помощь американцам. Одна сторона — американцы — вооружается, другая же — друзья Хрущева — разоружается, и обе они вместе нападают на Китай, Албанию, обвиняют их в поджигательстве и т.д. Ясно даже слепым, не то что марксистам, куда идут и к чему метят своими поползновениями современные ревизионисты во главе с предателями — Хрущевым-Тито-Ульбрихтом-Гомулкой-Новотным-Живковым и другими.

ПЯТНИЦА
6 СЕНТЯБРЯ 1963 г.

КИТАЙЦЫ ПРИВЕЛИ В ДЕЙСТВИЕ СВОИ БАТАРЕИ ПРОТИВ СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Китай начал публиковать ряд статей в ответ на открытое письмо Коммунистической партии Советского Союза. Первая статья на тему „о разногласиях", которую мы прочитали сегодня, очень хорошая. Теперь китайцы привели в действие батареи. Это большая победа для марксизма-ленинизма. Незачем было больше медлить с разоблачением предателей. Чаша уже давно переполнилась.

Теперь мы вступили в новую, более передовую стадию борьбы против современного ревизионизма, в стадию всеобщей организации борьбы коммунистов во всем мире.

1964

**СРЕДА
1 ЯНВАРЯ 1964 г.**

ГОСТИ ОСТАЛИСЬ ОЧЕНЬ ДОВОЛЬНЫ

Вчера мы встретили на аэропорте правительственную делегацию КНР, возглавляемую Чжоу Энь-лаем, в состав которой входит и Чэнь И. На аэропорте, где было собрано около трех тысяч человек, был выстроен почетный караул. Веселый Чжоу Энь-лай сошел с самолета и с радостью обнялся с нами. Мы проехали на открытой машине через улицы Тираны, на которые хлынули восторженные трудящиеся с флажками и цветами в руках.

После обеда Чжоу Энь-лай нанес нам визит вежливости, тогда как вечером в клубе Текстильного комбината им. Сталина мы имели встречу с рабочими, затем побывали в Центральном доме офицеров и в клубе писателей и деятелей искусств, где все праздновали Новый год. Везде встречи были в высшей степени восторженны. Гости остались очень довольны.

Новогодний вечер мы провели очень хорошо во Дворце Бригад вместе со всеми товарищами. На ужине выступили я и Чжоу Энь-лай.

Сегодня вечером мы пошли в Театр оперы и балета, где слушали хороший концерт, который очень понравился гостям. Зрители сердечно и горячо скандировали в честь албанско-китайской дружбы.

ЧЕТВЕРГ
9 ЯНВАРЯ 1964 г.

ВИЗИТ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ ЗАКОНЧИЛСЯ

Сегодня Чжоу Энь-лай отбыл из нашей страны. Его визит в нашу страну вызвал большой интерес как внутри страны, так и на международной арене. Наш народ с любовью встретил представителя китайского народа и Коммунистической партии Китая, потому что нас связывает с ними искренняя дружба, основанная на марксизме-ленинизме.

Албанская партия Труда и албанский народ, в первую очередь, вместе с Китаем и его партией полны решимости бороться против мирового империализма, с американским империализмом во главе, и против современного ревизионизма, с предательской группой Хрущева и Тито во главе. Совместная борьба, особенно в нынешние моменты, укрепила и закалила нашу великую дружбу.

Известно большое значение Китая на международной арене, поэтому мировая общественность с интересом следит за поездкой Чжоу Энь-лая и в связи с этим газеты полны информации. Конечно, империалисты и различные реакционеры из визита Чжоу Энь-лая у нас надеются узнать, как отнесется Китай к абсурдным и лукавым предложениям Хрущева о прекращении полемики. Их интересуют обе стороны медали. Даже в случае прекращения полемики с ревизионистами, они в выигрыше, так как ренегат Хрущев может спокойно продолжать свое предательство. С нашей

стороны, мы никогда не прекратим полемику, но и китайцы со своей стороны подтвердили, что не прекратят ее.

С другой стороны, империалисты заинтересованы в продолжении полемики, чтобы еще крепче забрать группу Хрущева в свои лапы. Мы вовсе не хотим иметь такого предателя в наших рядах и сделаем все от нас зависящее, чтобы изолировать его от советского народа, от советских коммунистов и от международного коммунизма.

Приезд Чжоу Энь-лая к нам имеет большое значение потому, что посмотреть на вещи своими собственными глазами, это одно дело, а читать о них донесения Ло Ши-гао, китайского посла в Тиране, — совершенно другое дело. Чжоу Энь-лай и Чэнь И своими глазами увидели силу нашей партии, ее прочные связи с широкими народными массами, увидели стальное единство народа, партии и руководства; они увидели и твердо почувствовали веру масс и их энтузиазм в борьбе за построение социализма, увидели уверенность и смелость народа, партии и армии в деле защиты родины, ее независимости и суверенитета. Где бы ни побывали, они являлись свидетелями процветания сельского хозяйства, промышленности, просвещения и культуры.

Это большая победа для Албании, ибо таким образом китайские товарищи, их народ, их партия укрепляют веру в наш народ и нашу партию, любовь к ним. Именно такая дружба нужна Албании, не платоническая, не идеалистическая, а реальная дружба, основанная на марксизме-ленинизме.

Переговоры, на мой взгляд, проходили очень хорошо. Мы поняли гостей и они поняли нас. Что касается нас, то в моем изложении и в заключении переговоров мы открыто, без никаких обиняков, высказались по всем проблемам, по стратегии и тактике. У нас соз-

далось убеждение, что китайские товарищи также высказались открыто, без никаких обиняков.

Мы понимаем большую роль Китая, понимаем отдельные ситуации и большую ответственность его руководителей за каждое слово, за каждое действие и каждый шаг. Китайские товарищи также понимают наше положение, передовые позиции, завоеванные нашей партией в борьбе против современного ревизионизма, причем эти наши позиции они сочли правильными, марксистско-ленинскими. У тактики, которую мы применяем и будем применять и в будущем в нашей борьбе, своя теоретическая основа, но при этом не упускается из виду и стратегия.

В связи с вопросом о том, как мы понимаем единство, с нашей стороны была подчеркнута необходимость почаще консультироваться друг с другом с целью согласования совместных действий.

Однако большое значение имеет тот факт, — и это было доказано и в ходе официальных и неофициальных переговоров, — что китайские товарищи теперь не питают иллюзий о Хрущеве, что они, также как и мы, считают его заклейменным предателем. Тем не менее свои соображения о тактике, которую нам следует применять в борьбе с ревизионизмом, Чжоу Энь-лай изложил как-то пространно. Этим Чжоу создавал впечатление, что, пуская в ход много фраз, он стремился убедить нас в том, о чем „не мог высказаться открыто", ибо мог встретить отпор с нашей стороны. Мы опасались лишь постановки с их стороны следующего вопроса: можно и надо ли в особых случаях, идти на компромисс с группой Хрущева, против империализма? Мы открыто высказали наше мнение Чжоу Энь-лаю, отметив, что мы не пойдем ни на какие уступки перед Хрущевым, не пойдем ни на какие компромиссы с ним, ибо он предатель. Любая его попытка сблизиться с нами будет сущей демагогией, на-

деленной на то, чтобы выиграть время, выйти из трудного положения. Чжоу Энь-лай высказался по этому вопросу не очень четко, как высказались мы. но он согласился с нами. О Хрущеве он высказывал те же мысли, что и мы, и, в заключении, под предлогом того, что переводчик, мол, может быть, перевел не хорошо, он не преминул добавить, что, когда он говорил о каком-либо компромиссе (причем не о компромиссе с Хрущевым), имел в виду марксистско-ленинский компромисс.

Одним словом, так, как изложил проблемы Чжоу Энь-лай, на вопросы тактики, в общих чертах, нам незачем было не согласиться. В некоторых отдельных случаях, при некоторых отдельных обстоятельствах, связанных также с нашими передовыми позициями, мы будем поступать в соответствии с нашей линией, конечно, всегда осмотрительно, но учитывая в любой момент общие высокие интересы.

Мы думаем, что время подтвердит тот факт, что китайские товарищи забегут вперед быстрее, чем они думают. Они считают, что таким образом подходят к вопросам всесторонне, впрочем это ихнее дело, однако свое отношение к делу надо определять вовремя и нужно реагировать в соответствии с темпами, диктуемыми ситуациями. Это вовсе не означает, что все наши предположения или выводы безупречны, что все они правильны и точны. Поэтому возможно более частый обмен мнениями представляется более чем необходимым. У китайских товарищей может быть больше данных, они обрабатывают их и, конечно, выносят заключения. Мы можем рассматривать вопросы с других сторон, поэтому взаимный обмен мнениями помогает прийти к более полному выводу.

Чжоу Энь-лай благосклонно отнесся к нашему мнению о плане будущей пятилетки. Он счел его целесообразным и пообещал, что Китай по-

может нам в деле переработки нефти, хромовой, медной, ферроникелевой руды и др. Одним словом, к выдвинутым нами экономическим вопросам он отнесся правильно, нашел их уместными так что, когда у нас проект пятилетнего плана будет готов, они конкретно изучат наши запросы. Чжоу Энь-лай поинтересовался вопросом о рабочей силе, который нас постоянно беспокоил и беспокоит. Он счел правильной нашу большую заботу о том, чтобы не опустошать деревню, а как можно больше использовать городскую рабочую силу. Конечно, вопрос о хлебе занимал обе стороны. Этот узловой вопрос у нас, конечно, будет решен, особенно тогда, когда у нас будут химические удобрения. Чжоу Энь-лай нашел интересным нага курс на дальнейшее развитие зерновых культур в горных местностях и на случай какой-либо военной обстановки.

Итоги переговоров можно считать удовлетворительными как для нас, так и для них, как с политической, так и с экономической точки зрения. Это еще больше укрепит нашу дружбу и будет способствовать укреплению политического и экономического положения нашей страны, еще больше упрочит международное положение нашей родины.

ПЯТНИЦА
6 МАРТА 1964 г.

ОГОНЬ ДО КОНЦА ПО СОВЕТСКИМ РЕВИЗИОНИСТАМ!

Китайцы сообщили нам об ответном письме, врученном 1 марта советским, в связи с документом, который те, по окончании работы своего последнего пленума, направили всем коммунистическим и рабочим партиям, за исключением Коммунистической партии Китая и Албанской партии Труда. Письмо советских — очень гнусное письмо, оно содержит нападки на Коммунистическую партию Китая, называя ее хулиганкой, а также угрозы в ее адрес. КПК сразу же ответила советским и направляет также нам свое ответное письмо к ним.

Посмотрим, как будут реагировать советские на предложения относительно совещания, но я думаю, что они ухватятся за этот вопрос, **особенно теперь, когда румыны поедут в Пекин, чтобы во что бы то ни стало добиться прекращения полемики, хотя бы и на короткое время.** Враг пытается схватить у нас хотя бы кончик пальца, затем руку и, наконец, и голову. **Ни в коем случае нельзя прекращать полемику! Огонь до конца по советским ревизионистам!**

**ПЯТНИЦА
17 АПРЕЛЯ 1964 г.**

ЛАКЕИ НАГРАЖДАЮТ ХРУЩЕВА. КИТАЙСКОЕ РУКОВОДСТВО НАПРАВЛЯЕТ ЕМУ ПОЗДРАВИТЕЛЬНУЮ ТЕЛЕГРАММУ

Вчера и сегодня лакеи Хрущева по случаю его дня рождения вручили ему в Москве награды, начиная с „Золотой звезды" до „Ордена льва". Это похоже на вивлейскую историю, когда волхвы преподнесли подарки Христу. Лакеи стараются сохранить престиж обанкротившегося. **Дифирамбические телеграммы шлют Хрущеву со всех стран, однако одной из самых неприглядных и совершенно ошибочных является телеграмма китайских товарищей. Поздравительная телеграмма китайцев написана ногами, а не головой. Какие бы аргументы ни приводили китайские товарищи в оправдание этого, они несостоятельны. Их поступок — это классовая, политическая и идеологическая ошибка.** Мы совсем не согласны с этим их поступком и об этом мы, если не прямо, то окольно, обязательно найдем случай и скажем им. **Сегодня мы лишим Хрущева звания „Почетного гражданина" города Тираны с мотивировкой, которой заслуживает такой предатель как он.** Так что этот важный политический акт явится для ревизиониста „наградой" также с нашей стороны и в то же время и ответом на телеграммы, направленные ему китайцами, корейцами, вьетнамцами и др.

ПОГРАДЕЦ. ЧЕТВЕРГ
6 АВГУСТА 1964 г.

ТУТ ЧТО-ТО СКРЫВАЕТСЯ

Нести Насе сообщил нам из Пекина, что во время его беседы с Чжоу Энь-лаем, когда он изложил ему проект нашего демарша к румынам, Чжоу дал понять, что это им как-то не понравилось, отложили бы мы его на более позднее время, согласовали бы мы эти действия в октябре по случаю китайского праздника, в котором примет участие и наша делегация.

Тут что-то скрывается. Это нам не ясно, ибо, с другой стороны, Чжоу Энь-лай нашел правильными тезисы, которые мы изложим румынам. Чжоу Энь-лай сказал, что это его личное мнение, но об этом он поставит в известность руководство. Затем, пользуясь случаем, он сказал, что пришлет неизвестные нам протоколы их переговоров с румынами. Чжоу сказал также, что он побывал *incognito* в Корее и Вьетнаме, что он беседовал с руководителями этих стран по этим вопросам, и выразил свое сожаление о том, что мы далеко и поэтому он не может поступать так же и с нами. Очень странно! Посмотрим! Рано или поздно все выяснится.

ВТОРНИК
18 АВГУСТА 1964 г.

ЭТО ЗНАЧИТ ДЕРЖАТЬ НОС ПО ВЕТРУ

Китайское руководство, учитывая тактику, которой мы будем придерживаться на празднествах румын, сообщило нам о своей тактике. **Китайская делегация будет вставать в честь ревизионистов, но не будет аплодировать им и, если они будут атаковать Китай, называя его именем, она не покинет зал.** Итак, разногласие станет явным. Ничего, это на пользу. Было бы хорошо, если бы китайцы занимали одинаковую с нами позицию, но нечего делать, мы не можем встать на их позицию, ибо это было бы принципиальной ошибкой.

В то же время китайцы говорят нам, что китайское руководство понимает тот факт, что Румыния получает кредиты от империалистов и ведет примиренческую политику с титовцами, но ведь ей нечего делать, в противном случае она рухнула бы. Такой взгляд китайских товарищей является насквозь ревизионистским. Иными словами, китайцы стоят за получение кредитов от Соединенных Штатов Америки, считают, что империализм может содействовать социализму. Китайцы совсем не в уме! Не говоря уже о титовском вопросе! Китайцы забывают то, что они говорили и писали раньше. **Это значит держать нос по ветру.** Нет! Мы никогда не согласимся с такими оппортунистическими взглядами китайских товарищей! Что стало с тезисом о том, что „социализм надо строить своими собственными силами", когда, по их мнению, можно

получать кредиты и от Соединенных Штатов Америки?

Китайцы нанесут большой ущерб делу, если зайдут в такой тупик. Почему же рухнет Румыния? Мы не получали кредитов от империалистов, почему же мы не рухнули? **Не хотят ли китайцы заодно давать нам понять этим, что мы уцелели благодаря некоторым их кредитам, а то мы рухнули бы?! Это было бы вопиющей подлостью! Они совсем не в уме и совершенно не понимают нашу твердую и правильную марксистско-ленинскую линию. Социализм можно строить только на основе правильной линии партии. Кредиты и помощь друзей вторичны, они следствие этой правильной линии.**

Китайцы грубо ошибаются в этом вопросе. Как же они могли допустить такую ошибку? Не присоединились ли они вместе с румынами к этому хороводу во время их переговоров с ними, содержание которых нам не известно? В этом сообщении китайское руководство подтверждает свое согласие с мнениями Чжоу Энь-лая относительно нашего демарша к румынам. Иными словами, китайское руководство считает, дескать, правильным то, что мы скажем румынам, но ему хотелось бы, чтобы это было сказано им не сейчас, а позже, и чтобы это было сказано им важным лицом, ибо Деж может встретить это не хорошо, что Тито не главный и самый опасный враг и другие подобного рода смутные, колеблющиеся и непонятные нам идеи. Что скрывается за всем этим? Одно интересно: когда мы осведомили китайских товарищей о том, что изложим румынам некоторые принципиальные вопросы, они сразу же заговорили о своих тайных переговорах 5 июня с Дежем и пообещали передать нам протоколы. По-видимому, здесь зарыта собака. Когда они передадут нам эти протоколы, мы еще отчетливее увидим позицию китайцев в отношении оппортунистической

линии румын, как и эти нетоварищеские игры, которые они ведут с нами.

Мы искренны с китайскими товарищами, и такими будем и впредь. Мы не отойдем от своей линии, ибо она правильная, и всем будем говорить открыто о том, что мы думаем по тому или иному вопросу.

ПЯТНИЦА
21 АВГУСТА 1964 г.

КИТАЙЦЫ СТОЯТ НА НАЦИОНАЛ-ШОВИНИСТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ

Мы получили из Пекина протоколы — „сердечную" встречу китайского посла с Деж (5 часов и семейный обед), беседу Боднэраша с китайским послом (7-часовая секретная встреча у берега одного озера, длившаяся до 3 часов ночи) и беседу Чжоу Энь-лая с румынским послом в Пекине.

Ясно, что китайцы оказались в неловком положении перед нами, поэтому поставили нас в известность об этих переговорах и контактах, ведь они могли скрыть их от нас. **В отношении центристских и националистских взглядов румын китайцы занимают неправильную, ошибочную, оппортунистическую позицию.**

Ставя китайцев в известность о своих разногласиях с Хрущевым, румыны выступают хвастунами, выдают себя за безумных храбрецов против советских, они кичатся „этой храбростью" и гордятся „своей прозорливостью" и этим „сенсационным открытием" „новой" и „правильной линии". Правда, румыны ловко задабривают китайцев, делают им приятное и стараются привлечь их к некоторым примиренческим действиям по отношению к другим ревизионистам. Именно с этой целью они высказали мнение о том, что было бы целесообразным, чтобы Чжоу Энь-лай, до своей поездки в Румынию, посетил Польшу и Венгрию. Кроме этого, в переговорах Боднэраша с китайским послом

мы находим „причину" того, почему теперь китайцы недооценивают опасность Тито, почему Боднэраш выдает Тито за „противника Хрущева", **ибо „Тито высказался против предложения Хрущева о совещании и исключении Коммунистической партии Китая из социалистического лагеря и международного коммунизма",** „Тито доброжелательно поддерживает Румынию" и много другого вздора и коварных приемов Тито.

По-видимому, китайцам по душе такие конъюнктуры, они легко верят этим маневрам. В беседе Деж с китайским послом совсем не упоминается Тито (не исключена возможность, что китайцы полностью изъяли эту часть из присланного нам протокола).

Позиция румын ясна, но любопытно поведение Чжоу Энь-лая в беседе с румынским послом; это была совершенно ошибочная беседа, в ней сквозила националистская настроенность в отношении Советского Союза. Чжоу Энь-лай выдвигает перед румынами территориальные притязания к Советскому Союзу. Он обвиняет Советский Союз (Ленина и Сталина, так как при них был совершен этот „захват", по выражению Чжоу Энь-лая) в том, что он похитил китайские, японские, польские, немецкие, чешские, румынские, финляндские и другие земли. С другой стороны, Чжоу Энь-лай говорит румынам, что им целесообразно предъявлять притязания на территории, отнятые у них Советским Союзом.

Это не марксистско-ленинские, а национал-шовинистические позиции. Независимо от того, что, быть может, были допущены ошибки, ставить такие вопросы теперь, когда на первый план выдвигается вопрос об идеологической борьбе против современного ревизионизма, значит не бороться с Хрущевым, а наоборот, потворствовать ему на его шовинистическом пути. Ну и линия у этих китайцев! С одной стороны, они за-

щищают Сталина, с другой — объявляют его захватчиком. Они забывают о том, что предъявлять ныне территориальные притязания (даже и по вполне состоятельным причинам, как в нашем случае с вопросом о Косово), означает создавать обстановку военного конфликта.

Мы против мнения Хрущева-предателя относительно границ, но и так, как ставит вопрос Чжоу Энь-лай, это совершенно неправильно. Мы не можем согласиться с подобными взглядами китайских товарищей, ибо они антимарксистские взгляды.

Но это еще не все; китайцы, помимо этого, совершают и большую тактическую ошибку, высказывая эти взгляды румынам, совращая их, добиваясь при помощи неправильных принципов и ошибочных тактических приемов сближения с ними.

Теперь нам понятно, почему китайцы не хотят, чтобы наша намеченная беседа с румынами состоялась, — она идет в явном противоречии со взглядами китайцев. Мы не совращаем румын и не хотим сближения с ними, заигрывая и занимая оппортунистическую позицию по отношению к ним, а прямо говоря им правду, и указывая им принципы, правильный путь, правильную политику, путь правильной и решительной борьбы в защиту марксизма-ленинизма.

В своих беседах с китайцами, румыны вовсе не поднимают этих вопросов и им незачем поднимать их, ибо они идеологически стоят на ревизионистских, титовских позициях.

Китайцы допускают грубые ошибки, мы должны помочь им.

ПОГРАДЕЦ, СУББОТА
22 АВГУСТА 1964 г.

БОРЬБА ПРОТИВ ХРУЩЕВИЗМА НЕ ДОЛЖНА ЗАТЕРЯТЬСЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЯХ

Слишком тревожны взгляды, которые Чжоу Энь-лай высказал румынскому послу в Пекине.

Чжоу Энь-лай грубо ошибается, толкая румын на путь территориальных притязаний к Советскому Союзу. Это не правильный путь для сближения румын с нашей линией. Ныне время и момент не подходящи для того, чтобы выдвигать такие вопросы, которые Хрущев использует как средство для того чтобы обвинять нас в шовинизме. **Идеологическая и политическая борьба против Хрущева не должна затеряться в щекотливых вопросах территориальных притязаний.** Румынские руководители, со своей стороны, как в силу занимаемых ими идеологических и политических позиций, так и в силу военных соображений не только не выдвигали, но и не будут выдвигать вопроса территориальных притязаний к Советскому Союзу. Если румыны сделают это, то они проиграют во всех отношениях, ибо другие предъявят к ним больше притязаний. Поэтому **вопрос о притязаниях и дух, в котором выдвинул его Чжоу Энь-лай, не верен ни принципиально, ни с точки зрения тактики текущего момента.**

Румыны наверняка встретят неодобрительно выдвинутый Чжоу вопрос, они рассмотрят его как наив-

ную мысль китайских руководителей и даже неодобрительно отзовутся о них.

Главное это то, что Чжоу Энь-лай выдвигает вопрос о территориальных притязаниях не просто тактики ради, а в качестве принципиального вопроса. **Притязания китайцев возведены в опасную платформу и выдвигаются с националистских позиций, причем китайцы дошли до того, что они притязают и на внешнюю Монголию. Эта платформа не имеет ничего общего с борьбой против хрущевизма и Хрущева.**

Китайцы хотят, чтобы все государства пересмотрели все свои границы с Советским Союзом.

Постановка этого вопроса в эти моменты не правильна, наоборот, это крупная принципиальная ошибка. Территориальные притязания в эти моменты, даже и если предположить, что они справедливы, не могут найти разрешения, наоборот, они укрепляют шовинистические позиции Хрущева и вместе с этим содействуют ему в беспринципной и изменнической борьбе, которую он вел и ведет против Сталина.

Это скандально. Мы никоим образом не можем согласиться с этим.

Территориальная целостность Советского Союза в это время не должна быть тронута, независимо от того, что история, быть может, оставила и проблемы, требующие урегулирования. Ныне острие борьбы должно быть направлено против хрущевских ренегатов, но не подобными аргументами и методами, как поступают китайцы.

Мао допустил грубую ошибку, поставив перед японскими социалистами вопрос о притязаниях.

Это неправильные действия. Когда Чжоу Энь-лай был у нас, он совсем не коснулся этих вещей и таким образом, как слышим ныне. Если бы он выдвинул перед нами эту проблему, мы бы возразили ему, но тем не менее мы должны изыскать способ, наиболее под-

ходящее и ближайшее время, чтобы высказать свое мнение об этих больших принципиальных вопросах.

Товарищ Сталин был очень справедливым, осмотрительным и принципиальным в этих столь щекотливых и сложных вопросах. В период самого тяжелого кризиса во взаимоотношениях с титовской Югославией, когда вражда между нами и титовцами была в разгаре, когда все мы включились в борьбу против ревизионистов Белграда, которые противопоставили себя социализму и коммунистическому движению, в одной беседе со мною Сталин, в частности, сказал мне, что Югославская Федерация, как объединение различных республик, с формальной стороны прогрессивна. Рассматриваемая с этой точки зрения, ей нет повода распасться, а против титизма и титовцев, как изменников марксизма-ленинизма, надо вести идеологическую и политическую борьбу. Борьбу с ними нельзя вести с шовинистических позиций и с позиций территориальных притязаний, ее не следует направить против народов Югославии, а надо помогать составляющим ее нациям пользоваться правом на самоопределение вплоть до отделения от Федерации. Югославию и югославский народ мы не должны ни трогать, ни подвергать нападкам, их надо убедить в том, что у них во главе предательское руководство, которое ведет их к пропасти. Югославский народ пусть сам скажет свое слово, югославские коммунисты пусть сами скажут свое слово.

Таковой была принципиальная позиция Сталина, и мы полностью разделяли и разделяем эту позицию. **Вопросы территориальных притязаний всех тех стран, которые упоминают китайские товарищи, могут быть выдвинуты только после того, как будет разгромлен ревизионизм и во главе этих стран будут большевистские, марксистско-ленинские партии.** Тогда с ними можно поставить на обсуждение спорные пограничные

проблемы, обсуждать их как подобает марксистам-ленинцам и, в духе пролетарского интернационализма, найти правильные решения в пользу не только сугубо национальных интересов, но и интересов мирового коммунизма.

Другого пути нет, любой другой путь неправилен, и я полагаю, что китайские товарищи с головой впали в эту грубую ошибку.

ПЯТНИЦА
4 СЕНТЯБРЯ 1964 г.

КИТАЙЦЫ ДОПУСКАЮТ ГРУБЫЕ И НЕДОПУСТИМЫЕ ОШИБКИ

Мы дали китайцам ответ в связи с вопросом о приглашениях на праздник 15-ой годовщины провозглашения Республики. В ответ мы сурово, но справедливо, критиковали их, ибо они допускают грубые и недопустимые ошибки.

Во-первых, мы сказали им, что совершенно немыслимо и неприемлемо участие в празднике делегации Румынской рабочей партии и румынского правительства и отсутствие на нем представителей дружественных партий и стран. Мы считаем нецелесообразным затемнять или без надобности осложнять большой и ясный вопрос из-за тактических соображений или ради дипломатической взаимности. Мы не можем представить себе, как это Румынская рабочая партия и румынское правительство, которые еще вчера во всеуслышание нападали на всех нас, полностью солидаризировались со всеми современными ревизионистами, и ныне стоят (и весьма вероятно, что и впредь будут стоять) на ревизионистских идеологических и политических позициях, будут единственной партией и единственным государством, представленными в великих празднествах китайского народа. **Мы считаем неправильным, чтобы на великом празднике Китая присутствовали только та партия и то правительство, которые вчера, на своем празднике 20-летия осво-**

вождения, выступили с центристско-ревизионистским докладом; которые с самой большой осторожностью избегали нападок даже и каким-нибудь словом на американский империализм и современных ревизионистов; которые поддерживают очень дружественные связи с отъявленным ренегатом Тито; которые завязывают дружбу и получают кредиты от американского империализма и других империалистов.

Что будут думать коммунисты в мире, когда увидят, что на празднике Китая румыны сидят на главном месте, а марксистско-ленинских партий нет нигде? Хорошо будет не давать повода думать, пусть и с поверхности вещей, что Коммунистическая партия Китая одобряет центристскую линию румын и охладела к своим верным союзникам — марксистам-ленинцам.

В своей борьбе против ренегатской группы Хрущева румыны руководствуются не марксизмом-ленинизмом, а только экономическими противоречиями или некоторыми шовинистическими националистскими соображениями. Предпринимая шаги в отношениях с ними, нам следует проявлять большую осторожность и осмотрительность. Таково наше мнение, которое может измениться лишь настолько, насколько изменится мнение румын в положительном направлении.

Вы поступили правильно, пригласив на праздник много делегаций друзей - некоммунистов. Однако приглашать на ваш праздник только эти делегации и румынскую партию и румынское правительство, и не приглашать марксистско-ленинские партии — это уже неприемлемо для партийной и мировой общественности.

Во-вторых, мы писали им, что не находим правильным решение не приглашать на великий праздник 15-ой годовщины провозглашения Китайской Народной Республики, в котором примут участие многочисленные друзья Китая, официальных представителей самых верных китайскому народу народов, официальных

представителей коммунистических и рабочих партий, стоящих на революционных марксистско-ленинских позициях и борющихся против самых злейших врагов — мирового империализма и его агентов — современных ревизионистов. **Это такой поступок, который при нынешних моментах никакими тактическими соображениями и особенно внутренними тактическими соображениями между нашими партиями не может быть оправдан.** Этого не поймут ни наш народ, ни наша партия. Но даже в крайнем случае, если мы укажем им „причины", побудившие вас принять это решение, заверяем вас, что опять-таки они не поймут их.

Мы считаем, что и **братскому китайскому народу и китайским коммунистам будет неприятно, когда увидят, что их самых близких друзей нет на их великом празднике.**

Мы считаем, с другой стороны, что для мировой общественности это будет нечто удивительное, непонятное, и будет истолковано кому как угодно и совершенно по-разному.

В-третьих, писали мы им, вы приняли это решение, с тем чтобы ревизионистские ренегаты не обвиняли вас в проведении совещания раньше их, т.е. не обвиняли вас в раскольничестве! Мы думаем, что подобное рассуждение неправильно. Совещание, устраиваемое Хрущевым 15 декабря, носит другой характер и преследует другую цель, тогда как праздник Китайской Народной Республики есть 15-я годовщина Китайской Народной Республики и ничего больше. Приглашаемые на ваш праздник делегации приезжают не для проведения тайных, специальных совещаний, а для празднования 15-й годовщины основания Китайской Народной Республики. Делегации наших партий, естественно, могут обмениваться мнениями. Это наше право, и при этом мы никого не боимся. Современные ревизионисты по всякому поводу проводят сотни со-

вещаний, они не ждали, чтобы мы проводили совещания. Фактически, мы не проводим ни одного совещания, чтобы они могли обвинять нас в раскольничестве. Тем не менее враги обвиняли нас каждый день, но как бы они ни клеветали, им не запугать нас. Клеветнические измышления у них в крови.

О том, что они 15 декабря проведут в Москве совещание, они решили и заявили уже давно, не ожидая узнать, что мы сделаем на празднике 15-й годовщины Китайской Народной Республики. Ревизионистам известно также, что мы не примем участия в этом московском совещании. Итак, московское совещание будет созвано не оттого, что мы приедем на праздник Китая. Нас, приезжающих на праздник Китая, они будут обвинять не только в раскольничестве, ведь это обвинение у них стало главным лейтмотивом, и не потому, что наш приезд на праздник вызвал бы в качестве реакции московское совещание, ибо о совещании, как мы уже сказали, было решено ими раньше; они скажут, что мы съехались, в конце концов, в Пекин, чтобы вновь отметить стальное единство дальнейших действий против них. Что тут плохого для нас? Ничего. Но что они задрожат от нашей поездки в Пекин, это уже бесспорно. Это хорошая и желательная вещь, чтобы они дрожали от страха.

Итак, даже и если принять тактику, что „первый шаг пусть сделают ревизионисты", в этом случае мы, приезжая на ваш праздник, не отнимаем у них эту „привилегию". Мы не проводим никаких совещаний в Пекине. Мы совершенно не в курсе такого совещания и не подготовлены к нему. В заключение, мы думаем, что празднества в Пекине ничем не похожи на московское совещание ренегатов марксизма-ленинизма.

Мы считаем, что решением о вашем празднике вы создаете трудную ситуацию в связи с нашим праздником 20-летия освобождения. На наш великий праздник

мы думали пригласить вас, корейцев, вьетнамцев, японцев, новозеландцев, индонезийцев, руководителей марксистско-ленинских групп и румын. Если мы не пригласим вас, кого же тогда пригласим? Если вы приедете к нам, тогда то, чего вы хотели избежать на вашем празднике, вы не можете избежать на нашем празднике. Современные ревизионисты скажут, что мы съехались в Тирану в ноябре, вместо того чтобы съехаться в Пекин в октябре, и, поскольку их совещание состоится в декабре, они снова будут обвинять нас в раскольничестве.

Если по тактическим соображениям вы, корейские товарищи и вьетнамские товарищи не приедете на юбилейный праздник 20-летия освобождения Албании, в то время как вы принимали участие на празднике 20-летия освобождения Румынии, мировая общественность будет истолковывать этот ваш акт в ущерб нашему общему делу.

Если же мы применим тактику: на наш праздник не пригласим вас, всех трех союзных и дружественных стран и партий, а пригласим только румын (чего мы не сделаем, даже в том случае, если вы не приедете), и если завтра или послезавтра корейцы и вьетнамцы не пригласят нас на свои праздники, а, по тактическим протокольным соображениям, пригласят только румын, тогда дело будет истолковано так, будто наши партии и страны отмахнулись от здорового коня (т.е. от нашей правильной, марксистско-ленинской линии) и норовят сесть на клячу. Итак, невольно, на наших политических манифестациях получится, будто нашим политическим столпом является Румыния. Мы считаем, что это ошибка, которую нельзя допускать.

Зачем нам своими действиями создавать сложные для наших партий и стран ситуации, когда вопросы и так ясны?

Мы никогда не прекратим нашу священную идео-

логическую и политическую борьбу против современных ревизионистов во главе с Тито и Хрущевым. Если бы мы поступили иначе, то это явилось бы колоссальной ошибкой с нашей стороны. Нашу тактическую позицию мы разъяснили румынам в беседе, которую наш товарищ Мануш Мюфтиу имел в Румынии с Георгиу-Деж, и мы уверены, что он и его товарищи не питают никаких иллюзий о том, что мы отказались или же откажемся от принципов. И это очень хорошо, это может пойти на пользу румынам, если у них есть еще что-либо хорошее. В отношении румын мы исходим из того, что правда может быть горькой для них, однако правда это всегда правда, и она должна быть сказана.

Мы уверены в том, что высказываемые нами мысли — искренние, — сказали мы китайцам. — Мы откровенно и по-товарищески говорим вам то, что думаем, ибо для нас и для вас превыше всего — великая, искренняя, марксистско-ленинская дружба между нашими партиями, между нашими народами. Эту дружбу мы бережем и будем беречь как зеницу ока, а истинная дружба заключается в существующей между друзьями большой искренности.

Быть может, китайским руководителям совсем не понравится наша критика, однако нам все равно, ибо, повторяю, приглашать на их праздник только Румынию — это неправильно. Это означает открыто занять центристскую позицию.

Приглашение на национальный праздник государств и партий есть политическое, а не частное дело, будто Мао приглашает какое-то лицо, так как, скажем, женит сына. Этот шаг китайских товарищей кажется не случайным и не непродуманным, это цветочки, а ягодки еще впереди. Подождем и увидим.

ВТОРНИК
15 СЕНТЯБРЯ 1964 г.

ПОЗИЦИЯ КИТАЙЦЕВ: „ПЕРВЫЙ ШАГ — ОНИ, ВТОРОЙ — МЫ"

Этот лейтмотив китайских товарищей в отношении современных ревизионистов **не правилен для всех времен**, как это они хотят применять его в борьбе против них. В этом, по-моему, **нет ничего революционного**, это „выжидательный", „сдерживающий" лозунг, это значит „строить революционные и боевые действия" на лад противника. Иными словами, следует топтаться на месте, покуда противник не сделает свой шаг, а затем ты поправишь шаг, конечно, с отчаянным опозданием (как это делают китайские товарищи) по барабану врага. Когда враг бьет в барабан сильно, китайцы проводят тактику ослабления своего барабанного боя, в случае приглушения его барабана, их барабан полностью смолкает.

В ходе всей борьбы Коммунистической партии Китая против современных ревизионистов и в основном против хрущевцев, наблюдались некоторые „странные" колебания в ее тактике. Эта тактика, по моему, не может не иметь своего источника в явном отсутствии принципиальной ясности относительно борьбы, которую необходимо вести против современных ревизионистов. И в своих принципиальных позициях в отношении основных вопросов можно сказать, что китайские товарищи не всегда высказывали зрелые мнения. Нельзя сказать, что это объясняется, в основном, по-

пытками проводить в жизнь или найти какую-нибудь тактику, подходящую для развивающихся событий, или тем, что китайцам не были полностью известны все факты, побудившие ревизионистских врагов выступить против марксизма-ленинизма.

Необходимо остановиться на моменты московского Совещания 1957 года. Товарищ Мао открыто восхвалил Хрущева и выступил в его поддержку; фактически он одобрил его действия по осуждению Сталина; одобрил осуждение „антипартийной группы Молотова" и т.д., проповедовал полное единство с хрущевской группой.

Конечно, китайские товарищи, должно быть, были согласны в общих чертах с действиями Хрущева после смерти Сталина и до 1957 года; ведь когда я встретился с товарищем Мао в 1956 году в Пекине, он при нас подверг критике „неправильную" деятельность Сталина и, в особенности, „действия Сталина в отношении Югославии", так как, по мнению Мао, Сталин „допускал ошибки", а югославы были „марксистами-честными малыми" и, чтобы поддержать эту „идею", именно китайцы — и только они — первыми в этот период пригласили югославов на съезд Коммунистической партии Китая.

Почему китайские товарищи показали себя столь близорукими в отношении этих событий? Разве у них не было фактов в доказательство необходимости занять стабильную принципиальную позицию по этим вопросам?! Может быть и так, но какими бы малочисленными ни были факты, подтверждавшие предательство хрущевцев, все-таки не может быть, что только по этой причине китайцы проявили такое „благорасположение", ведь имелся большой факт, великое дело большевиков, долгое время руководимых Сталиным.

Если бы китайские товарищи верили в дело большевика Сталина, то их вера в Хрущева и их тяга к не-

му были бы более сдержанными, более умеренными. Но у китайских товарищей, по всей видимости, накопилось недовольство по отношению к Сталину, и это ясно проявилось в заявлении Мао на московском Совещании, когда он сказал, что, когда впервые встретился со Сталиным в Москве, он предстал перед ним „в роли сына. Хотя мы и были братскими партиями, мы не были равными, тогда как теперь, — добавил Мао, — встречаясь с Хрущевым, мы чувствуем себя его братом". Эти выражения сами по себе являются „осуждением" Сталина со стороны Мао, осуждением „культа личности", одобрением хрущевской линии. Это было неправильно со стороны Мао.

Уважительному отношению к Сталину нельзя придавать уничижительное истолкование, как это делает Мао. Сталин своей деятельностью заслуживал то уважение и ту любовь, с которыми относились к нему все, в том числе и Мао, причем это он заслуживал своим колоссальным трудом, своей славной борьбой в защиту марксизма-ленинизма. Я не знаю, как обращался Сталин с Мао, но лично я много раз встречался со Сталиным и он всячески старался создать у меня чувство равного товарища, создать непринужденность. Он принимал меня в своем доме, сам подавал мне блюдо, отсылал официантов и мы сами обслуживали друг друга как у себя дома; Сталин брал меня под руку и проводил по своему саду, часто уставал, ухаживая за мною, заботясь даже о том, чтобы я надевал головной убор, опасаясь того, как бы я не схватил насморка, и даже ... указал мне туалетную на случай надобности.

Можно ли считать такое поведение Сталина отношением „учителя к ученику", **когда мы, на самом деле, были его учениками, причем маленькими учениками перед ним?** Быть может, Мао был более старшим учеником, **но опять-таки перед Сталиным он был учеником.** Раз Сталин обращался со мной так, как проле-

тарский товарищ, то само собой разумеется, с какой любовью относился он к Мао, как к руководителю коммунистической партий такой большой страны, как Китай.

Поэтому слова Мао о Сталине на московском Совещании показались мне странными, подозрительными, приноровленными к сложившимся в Советском Союзе новым ситуациям.

Не хотел ли Мао своими заявлениями сказать Хрущеву, что теперь, после смерти Сталина, „обе наши страны и партии объединяет платформа равенства, и что обе они, идя рука об руку, должны руководить революционным движением"? (Это не устраивало Хрущева, ибо, независимо от того, что его осыпали цветами, он был угрюм и неспокоен). Или же он хотел сказать Хрущеву: „Ты молодой парень, я тебе помогу следовать по правильному пути"?

Несмотря на „скромный тон" Мао на московском Совещании, опять-таки его „разумная и правильная речь" производила впечатление „прозорливой", „безупречной", „директивной" речи.

Правда, китайские товарищи больше не коснулись вопроса о Сталине. Они вскоре воздержались и, наконец, позже (с оговорками) заняли позицию про Сталина и против хрущевских предателей. Такая перемена была хорошей и правильной.

Московское Совещание 1960 года поставило китайских товарищей, как сказать, на правильный путь по всем этим капитальным вопросам периода до совещания, по которым они не обладали полной ясностью и либо питали иллюзии, либо занимали неправильные, нетвердые, колеблющиеся тактические позиции. Как бы то ни было, на бухарестском и московском Совещаниях с хрущевских ревизионистов была сорвана маска.

Надо отметить, что и после совещания истинное и

глубокое понимание китайскими товарищами проблем не было достигнуто полностью. Они не видели всей опасности раскольнической и антимарксистской деятельности хрущевцев. Китайские товарищи питали иллюзии и надеялись на „исправление". После совещания они сосредоточили свое внимание больше на прекращении Хрущевым нападок против нас и возможных нападок против них в последующем, чем на более прямых и более острых атаках против предательских взглядов, побуждавших ревизионистов к действию. Итак, они больше смотрели на акции (они хотели смягчить, прекратить их), чем на их содержание и цель (против которых они должны были бороться и которые должны были разоблачать).

Следовательно, после московского Совещания и XXII съезда КПСС, наряду с некой „принципиальной защитой Албанской партии Труда со стороны китайских товарищей (Чжоу Энь-лая), мы замечаем ориентацию больше всего на советы прекратить такую „открытую полемику против Албанской партии Труда". В этот период, хотя мы и были уверены, что китайцы с нами, с их стороны не было открытых и непосредственных акций в защиту Албанской партии Труда против хрущевцев, акций принципиальной и боевой солидарности с ней.

Можно ли было в принципе считать ошибочной для тех моментов эту тактику китайцев? Нет, эта тактика не была вполне ошибочной, но, по-нашему, она не могла иметь успеха. Так что такой тактики можно было придерживаться, но не на долгое время, к тому же не следовало верить, что она даст хорошие результаты в пользу движения. Итак, долгое время китайские товарищи придерживались позиции борьбы за „прекращение открытой полемики против Албанской партии Труда". Тем не менее весь современный ревизионизм на протяжении целого ряда лет не прекращал

своих нападок на Албанскую партию Труда, а Албанская партия Труда также на протяжении целого ряда лет вела героическую борьбу в одиночестве.

Современные ревизионисты яростно нападали на нас, но в то же время они боролись против марксизма-ленинизма, боролись за распространение своих ревизионистских идей, за укрепление своих позиций, стремились внушить страх колеблющимся, а косвенно шантажировали китайцев.

Китай, как сказать, не включался непосредственно в борьбу против ревизионизма. Он вел ее от случая к случаю и именно в этот период явной медлительности китайцы выступили с лозунгом **„Первый шаг пусть сделают ревизионисты, второй — мы".**

До чего довели дело ревизионисты, до чего дошли предательство современных ревизионистов и поползновения хрущевцев, все это было настолько ясно, что статическая тактика „борьбы" китайских товарищей стала совсем безнадежной и абсурдной. Можно сказать, что их борьба против ревизионистов усилилась, они вели ее больше окольным путем, и, наконец, непосредственно, но для этого понадобилось много времени, было потеряно много времени, они строго придерживались лозунга „первого шага...". И чтобы сделать этот столь желанный первый шаг понадобилась утомительная и ненужная стратагема, и зачем? Из-за какого-то формального вопроса: „Кто первым напал, вы или мы" в то время, как современные ревизионисты свое наступление начали **не только с атак против нашей партии или какой-либо другой партии, но в особенности с атак против марксизма-ленинизма.**

Китайские товарищи придавали большое и особое значение тому, чтобы современные ревизионисты первыми упомянули о Коммунистической партии Китая и лишь после этого, по их мнению, надо было указать на острую язву. Этой тактики продолжают придержи-

ваться ныне также некоторые другие братские партии в Азии в то время, когда мир охвачен пожаром. Конечно, такая позиция является анахронизмом, чем-то избитым. И для тех партий, которые более или менее включились в дело, такая избитая тактика похожа на „фиговый лист".

Лозунг „первого шага...", который внешне кажется „приятным" и которому придается столь большое значение для общественности, изображая дело так, будто тот, „кто начинает первым, тот виновник", становится весьма вредным в такое время, когда виновник распоясался и свирепствует, а ты соблюдаешь приличие, боясь того, как бы тебя не „обвиняли". **Каких обвинений ты боишься? Обвинений в том, что ты защищаешь марксизм-ленинизм? Наша борьба фактически ведется именно в защиту марксизма-ленинизма.**

Итак, этот лозунг сдерживает борьбу за великое дело ради уже давно преодоленного формализма. Значение нашей борьбы заключалось и заключается не в том, что **„сначала ты напал на меня, а потом я на тебя"**, а в том, что **ты напал на марксизм-ленинизм, а я защищаю марксизм-ленинизм, и общественность должна как можно скорее, быстрее и яснее узнать, кто нападает на марксизм, а кто защищает его.** Вот это главное, решающее, капитальное, а не „я напал на тебя вторым, а ты на меня — первым".

Но даже если взять явный случай с Албанской партией Труда, на которую хрущевцы первыми напали, разве мы заглушили хрущевскую клеветническую пропаганду, которая возвела в теорию положение о том, что **мы первыми напали на них?** Нет, они делают свое. Или же это пригодится для истории, наподобие известного изречения французских офицеров во время войны с англичанами у Фонтенуа: *Messieurs les Anglais,*

*tirez les premiers!** Это нелепость, когда речь идет о борьбе против отъявленного врага в рядах международного коммунистического движения.

Под влиянием этого лозунга китайскими товарищами были установлены „прогнозы" о том, что **„борьба будет долгой"**, что **„у этой борьбы будут свои приливы и отливы".** Было намечено опубликовать 10 основных теоретических статьей раз в 15 дней, как они сказали нам. До сих пор прошло уже 14 месяцев, а 10-я статья еще не опубликована, тогда как современными ревизионистами без преувеличения, можно сказать, написано тысячи статей.

Итак, закостенелая, гиератическая, олимпийская тактика, приноровленная к шагам врага, но, фактически, не следующая даже по его шагам.

Отчего все это? По тактическим причинам? По объективным причинам? По субъективным причинам? Оттого ли, что китайскими товарищами не намечена последовательная линия?! Это странно! Многое делается формально, чтобы формально взвалить вину на того или другого. Многие позиции китайских товарищей противоречивы. **С одной стороны, китайские товарищи бросили последний камень в Хрущева и говорят ему: „Мы укокошим тебя", тогда как, с другой стороны, говорят ему: „Дорогой товарищ ..., живи столько, сколько живут горы!"?!**

Свое обращение к Хрущеву словами „дорогой товарищ ..." китайские товарищи оправдывают тем, что они делают это, дескать, „в целях сближения с советским народом". (Интересно, добиваться сближения с советским народом, обращаясь к предателю словами „Дорогой товарищ..."!)

Ныне они говорят: „Нам следует бороться за соз-

---

* По-французски: Господа англичане, стреляйте первыми!

дание и укрепление антиимпериалистического фронта **и с ревизионистами"!** Завтра Мао выступит с известным заявлением о пограничных притязаниях к Советскому Союзу (!!) (с которым он намерен создать антиимпериалистический союз) и получает ответ от Хрущева, который говорит Мао: „Ты — Гитлер, и если ты посягнешь на наши границы, я смету тебя с лица земли вновь изобретенной бомбой".

Вчера Тито был для китайцев предателем, потом он получил оправдание, затем опять стал предателем, а теперь этот отъявленный предатель, по словам Ли Сянь-няня, стал „дьяволенком".

И так по многим вопросам. Китайцы реагируют с большим опозданием и понимают вещи также с большим опозданием. Глубоко размышлять и принимать правильное решение, хотя и с опозданием, это очень хорошо и так надо, но размышлять с опозданием и не вывести зрелого решения, это очень плохо. Правильные решения должны служить как на сегодня, так и на завтра, так что они должны предвидеть и завтрашний день, а решение завтрашнего дня должно находиться в последовательной связи с вчерашним и связаться с послезавтрашним, т.е. все решения должны быть как бы звеньями одной единой цепи. Какое-нибудь звено этой цепи может быть слабо и, конечно, От этого цепь становится слабее, но не рвется, а если во всех его звеньях будут трещины и трески, то тогда она уже не цепь.

Китайские товарищи говорят, что они правильно ценят время, однако они рассматривают его с позиций пассивности, как нечто бесконечное в том смысле, что его можно проводить как угодно, безмятежно, полагая, что „оно работает на нас". Поэтому их не беспокоит никакое опоздание, так что для них будет очень хорошо, если и другие будут идти в ногу с ними.

Говорят, что китайским товарищам не очень по

сердцу критика, несмотря на то, что они всегда говорят: „критикуйте нас".

Китайские товарищи очень замкнуты в себе, но они способны и могут расширить свой кругозор и они должны сделать это. Это абсолютно необходимо. Следует хорошо знать народы, их жизнь, их развитие и их настроение, с тем чтобы выработать правильную, марксистско-ленинскую политику во взаимоотношениях с ними. В противном случае можно ошибиться или выработать шаблонную или схематичную линию, основанную на формулах, на случайных моментах или событиях. В результате, невозможно будет угадать решающий момент данного положения, ухватиться за основное звено и выработать дальновидную, правильную, марксистско-ленинскую стратегию и тактику.

Хотя Чжоу Энь-лай и пытался умалить мое мнение о том, что империализм и ревизионизм стараются изолировать Китай, и что нам следует сорвать эту изоляцию, я думаю, что китайские товарищи должны всегда иметь в виду это обстоятельство. Они должны преодолеть изоляцию не только в политической и идеологической области, но и в культурной, торговой и других областях. Все это нужно сделать марксистско-ленинским путем, не нарушая принципов, не ослабляя безопасность родины, генеральную линию, но и не преувеличивая „мировое" значение китайской культуры и не умаляя культуру других народов. Однако, если подойти к этому делу односторонне, по принципу: „ты полюби мое, прими его, если хочешь, а что касается меня, то мне твое не нравится и своему народу вкусить то хорошее, что есть у тебя, преподносить не буду", то результатов не будет. Такие взгляды не правильные, не марксистские, они вредны.

Мы должны уловить подходящий момент, чтобы поднять и обсуждать в товарищеском и братском духе с китайским товарищами эти и другие им подоб-

ные вопросы. Быть может, в некоторых касающихся их вопросах мы еще не разбираемся хорошо, чтобы судить о них во всей их широте, поэтому товарищеская, интернационалистская дискуссия на благо нашего общего дела всегда плодотворна, она двигает дело вперед.

Не только мы, но и китайцы очень нуждаются в обмене мнениями, во взаимном обмене опытом по этим капитальным вопросам и в выработке таких приемов или методов работы, которые по форме могут быть и одинаковыми, но которые в сущности были бы правильны и направлены на осуществление одной или больше целей нашего великого, многогранного и сложного дела.

Марксистско-ленинская серьезность стоит первой на очереди дня, любая ошибка обходится дорого, так что ошибок будет меньше, если мы будем консультироваться, если будем серьезно и правильно координировать наши действия.

ВТОРНИК
6 ОКТЯБРЯ 1964 г.

ДУРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Некоторые непринципиальные позиции руководства Коммунистической партии Китая, наблюдавшиеся особенно в последнее время, не могут не беспокоить нас:

Вопрос о китайско-советских и китайско-монгольских границах и о границах европейских стран народной демократии, установленных после второй мировой войны. (Обо всем этом Мао говорил японским социалистам).

Мы написали письмо китайским товарищам о пограничном вопросе, поэтому вдаваться в подробности не буду. В связи с этим они сказали нашей Партийно-правительственной делегации, находящейся в эти дни в Пекине, что дадут нам письменный ответ. Однако из бесед с Дэн Сяо-пином выходит, что этот вопрос они обдумывали и обдумывают и что в общих чертах свою позицию они считают правильной. Они не видят и не хотят видеть открыто опасность и неправильность постановки этого вопроса. Китайские товарищи рассматривают это как правильную идеологическую акцию, наносящую ущерб Хрущеву, а не помогающую ему использовать ее против китайцев. Это серьезное дело. Тем не менее тот факт, что китайцы не занимают марксистско-ленинскую позицию по этой проблеме и не сообщают в своей печати, хотя бы о том, что обсуждал и чего не обсуждал Мао с японцами, сви-

детельствует о том, что они находятся в трудном положении, колеблются, еще не решили, что делать, и этим дают врагам спекулировать на этой их позиции.

Китайцы шепотом оправдываются тем, что Мао эти вопросы упомянул, мол, как „исторические факты", что „мы не будем поднимать их перед советскими, разве что в подходящее время", что „мы ответим им только на основе фактов по вопросу о Синьцзяне" и т.д.

Дэн Сяо-пин заявил также, что **они не согласны с нами, когда мы говорим, что Сталин поступил при тех условиях правильно относительно границ в Европе. Они считают, что Сталин поступил неправильно, что он оставил после себя хлопоты и т.д.**

Мы вправе задавать вопрос: **Зачем китайские товарищи выдвигают подобные проблемы в такие моменты? Кому это на руку? К чему вся эта нерешительность, когда необходимо занять четкую и решительную позицию? Зачем все эти противоречия в их мнениях?**

До поры до времени мы можем прийти только к такому заключению, что это дурные признаки, что они, по крайней мере, не говорят о зрелости в политической линии. Мы должны продолжать воздействовать к лучшему, чтобы они не заходили дальше в таких ошибках, чреватых опасными последствиями, и чтобы эти ошибки были исправлены.

Китайские товарищи занимают не принципиальную позицию по отношению к румынской линии. В этом направлении имеются дурные признаки.

Чжоу Энь-лай сказал:

а) **„Мы (китайцы) понимаем румынских товарищей, стремящихся получать кредиты от американцев, так как иначе они будут разорены".**

б) **„Понимаем румынских товарищей, поддержива-**

ющих дружественные отношения с Тито, они хотят избавиться от хрущевского давления и натиска".

Ли Сянь-нянь развил в Бухаресте тезис о том, что „нам следует сближаться с румынами, ибо румыны полны решимости устоять перед Хрущевым, и что Хрущев — это большой дьявол, тогда как Тито — дьяволенок". Такой лозунг широко бытует в последнее время среди китайских кадров, вплоть до их посла в Тиране.

В беседе с нашими товарищами Дэн Сяо-пин более подробно разъяснил этот вопрос. Кроме вышеупомянутых мыслей, которые он развил еще дальше, он открыто заявил, отстаивая их:

а) **„Румыны не слушаются ни нас, ни вас, ни Тито".**

б) **„Румыны — твердые антихрущевцы, поэтому и мы (китайцы) решили тесно сотрудничать с ними".**

в) **„С румынами мы оставим в стороне идеологические вопросы".**

Яснее нельзя определять непринципиальную линию по отношению к румынским центристам. Это очень серьезный вопрос и он должен побудить нас думать над тем, отчего это происходит. Являются ли эти позиции случайными, опрометчивыми, невзвешенными, плохо рассчитанными, или же мы имеем дело с ловушками, расставленными современными ревизионистами, с тем чтобы поставить китайских товарищей в тупик? Все это может быть. Постараемся теперь сделать некоторые предварительные выводы, с тем чтобы яснее видеть в будущем.

Враги наших врагов могут быть нашими настоящими друзьями в том случае, если они придерживаются одинаковой с нами идеологической и политической линии.

Враги наших врагов могут быть временными союзниками и с нами по некоторым вопросам, однако нам не следует идти им на уступки в принципах,

более того, мы должны разъяснить им нашу линию и наши принципы, а не скрывать их от них.

Враги наших врагов могут быть нашими врагами; как первые, так и вторые должны оставаться нашими врагами и с ними надо бороться как с таковыми. Противоречия между этими двумя группами врагов — неоспоримый закон, они являются неизбежными противоречиями, которые наша жестокая, принципиальная, последовательная и постоянная борьба обостряет, углубляет. Мы должны использовать их, но не так, чтобы смягчить нашу борьбу и пойти на уступки тому или другому, попасться в их западни и поддаться на их демагогию. Боюсь, что китайским товарищам не всегда очень ясны эти вопросы.

Чтобы сосредоточиться на борьбе с современным ревизионизмом, мы должны считать его главным врагом в международном коммунистическом движении, или, если употреблять излюбленный термин китайцев **это „большой дьявол" и против этого „большого дьявола" марксистам-ленинцам надо бороться последовательно, не колеблясь и до конца, независимо от того, в какой форме, в какое время и при каких обстоятельствах он появляется.** Этот „большой дьявол" состоит — будем продолжать употреблять китайское образное выражение — из многих дьяволов, кто побольше, а кто поменьше, кто посильнее, а кто послабее, кто с маской, а кто без маски, кто в авангарде, а кто в арьергарде, кто из них стреляет из пушки, а кто действует из-под полы, смотря по ситуациям, по обстоятельствам. Эти дьяволы то действуют в одиночку, то прикидываются сплоченными, а иной раз раскалываются, чтобы снова перегруппироваться, образуя фракции, связанные интересами борьбы против социализма или противоречиями между ними, или следуют за группировками и хватаются за противоречия той империалистической буржуазии или державы, с которой их связывает

общность интересов борьбы против марксизма-ленинизма — их главного и общего врага, — или одних группировок против других буржуазных капиталистических группировок, с которыми их противоречия обостряются.

Во всей этой ожесточенной и сложной борьбе марксисты-ленинцы применяют целую гамму тактических приемов, — от попыток спасти заблудившихся и менее запятнанных людей до беспощадного разгрома врагов. Однако в основе любого нашего тактического приема должен лежать пролетарский принцип, а не буржуазные принципы и буржуазная дипломатия.

До появления предательской группы Хрущева все мы — кто раньше, а кто позже, кто убежденный, а кто менее убежденный, кто со всей серьезностью, а кто лицемерно, — говорили, что белградская титовская банда была главным ревизионистским врагом, и было решено бороться с ней до конца. По вышеприведенным причинам против титовского ревизионизма велась борьба, но некоторые недооценивали его, боролись с ним лишь для отвода глаз, тогда как он действовал открыто и скрытно. Это факт, что он наделал вреда, вдохновил, инструктировал и организовал других, чтобы те следовали за ним. Тем временем в Советском Союзе появилась хрущевская банда со всеми своими чертами, со своей тактикой и стратегией. Эта банда назвала титовцев „честными малыми". Только Албанская партия Труда осталась непоколебимой. Хрущев также стал „большим дьяволом", Тито снова был назван „дьяволом", появились и другие „дьяволы" и все эти „дьяволы" решительно, сплоченно и организованно развернули борьбу против марксизма-ленинизма в мировом масштабе, против Албанской партии Труда, Коммунистической партии Китая и других партий, стоящих на прочных позициях.

Однако решительная принципиальная борьба наших

партий и всех активно действующих марксистов-ленинцев в мире сорвала маску с современных ревизионистов, невзирая на то, были ли они дьяволятами или большими дьяволами. **Получилось так, что ревизионистские руководители многих коммунистических и рабочих партий открыто встали на ревизионистские позиции и стали активно бороться с нами. Это надо считать большой одержанной победой и ее надо углубить.** Это привело к тому, что многие коммунисты порвали с ревизионистским руководством, многие из них были исключены из партий, в которых господствуют ревизионисты, и создали новые, марксистско-ленинские партии, причем этот процесс продолжается. Это надо считать новой большой победой, которую также надо дальше углублять.

Благодаря нашей решительной борьбе, благодаря разоблачению современных ревизионистов, а также поражениям, которые они терпели и терпят каждодневно во всех областях своей деятельности в национальном и международном масштабе, в их рядах возникли и углубляются противоречия. Эти все углубляющиеся противоречия мы должны считать крупными победами революционного марксизма-ленинизма в действии.

И в этих ситуациях наша борьба против всех ревизионистских группировок не только не должна смягчаться, но, напротив, должна обостряться. Наша тактика сосредоточения огня против титовских и хрущевских группировок была правильной, ибо эти две группировки были спинным хребтом современного ревизионизма. Это не означает, однако, что мы упустили из виду другие ревизионистские группировки, не трогаем их, не ведем с ними борьбу. На самом деле, их мы также атаковали и разоблачили. Государственные отношения с некоторыми правящими ревизионистскими группировками не мешали нам вести против них идеологическую и политическую борьбу.

И теперь титовские и хрущевские ревизионистские группировки остаются главными группировками, стержнями, однако при нынешней обстановке вокруг них сплачиваются и действуют более активно и другие группировки. Эти ревизионистские группировки, которые не новы и не неизвестны, с еще большей силой проявляют, как сказать, свою „личность", склонную к проведению ревизионистской политики, направленной, как всегда, на столь же ожесточенную борьбу против марксизма-ленинизма, но они склонны к образованию новых группировок, применяющих новую тактику.

Можно сказать, что титовские и хрущевские ревизионистские группировки являются главенствующими, и что в стане современного ревизионизма выкристаллизовываются тенденции обоих полюсов: **советского полюса и югославско-полицентристско-итальянского полюса.** (Эту ситуацию я разъяснил в статье о „завещании" Тольятти)[1]. Однако дело в том, что титовцы стараются укреплять эти группировки под своим руководством, причем делают они это всегда с целью разложения марксизма-ленинизма, дискредитации и подрыва социализма, удушения революции, продления жизни капитализму **(и об этом никогда не следует забывать);** они хотят включить их в борьбу также и для ускорения начатого ими процесса, который, в первую очередь, они стараются ускорить в Советском Союзе, оказывая шантаж и давление на хрущевскую группу, с тем чтобы она умерила свой авторитет, умерила идею „руководства международным коммунизмом", ослабила Советский Союз, как великую экономическую и политическую державу, превратив его в слабого буржуазного партнера американского империализма. Чтобы

1 См. Энвер Ходжа, Соч., т. 28, стр. 114.

как можно скорее и легче добиться этой цели (впрочем это не так легко для титовцев и полицентристов, ведь и хрущевская группа также борется и старается не оказаться в этих тисках), титовцы и их союзники используют и нашу борьбу, чтобы оказать давление на Хрущева, т.е. они угрожают ему также большой опасностью со стороны китайцев. Титовцы и их нынешние близкие союзники не ведут глупой политики, а нюансируют ее более или менее антихрущевскими вариантами, с тем чтобы с ее помощью опутать дураков.

Это факт, что противоречия среди ревизионистов обостряются, однако, правильно ли будет сказать, как это выражаются китайцы, что **„Хрущев — это большой дьявол, борьбу надо сосредоточить против него, а Тито, румыны и другие им подобные — дьяволята и они не имеют значения"?** Говорить так — это ошибка, причем серьезная ошибка.

Хрущев и Тито до конца солидарны в своих стратегических целях, у них могут быть различия в тактике, могут быть разногласия, которые в будущем еще больше обострятся, но их тактика никогда не совпадет с нашей тактикой.

Было бы ошибкой думать или говорить, что, поскольку **„у титовцев и их временных союзников имеются противоречия с Хрущевым, эти противоречия содействуют марксизму-ленинизму"** и отсюда прийти к неправильному выводу, что **„титовцы незначительные дьяволы", а с румынами, которые выдают себя за антихрущевцев, „надо оставить в стороне идеологические вопросы",** что, иными словами, означает поддерживать их центристский ревизионистский путь, не бороться с их явно ревизионистскими взглядами в действии.

Тито — столь же опасен, если не больше, что и Хрущев, поэтому с обоими надо вести самую ожесточенную борьбу. Тито — вдохновитель Хрущева, уже вступившего в новую фазу. Эта новая фаза состоит в том,

что **Хрущев уже разоблачен как ревизионист, он встал на путь измены и никогда больше не возвратится назад. Теперь перед Тито ставится задача полностью подорвать социализм в Советском Союзе, заставить Хрущева идти вперед из-под палки империалистов, оставляя на пути все свои перья.**

Тито группирует и укрепляет силы для осуществления этого плана, для достижения этих целей, т.е. для борьбы против социализма, против марксизма-ленинизма, против наших стран и наших партий, против советского народа и советских марксистов-ленинцев. Мы должны использовать противоречия среди ревизионистов, ибо они свидетельствуют о слабости их рядов, но было бы большой ошибкой недооценивать роль титовцев в рядах ревизионистов, недооценивать их план, который может казаться „симпатичным", поскольку направлен, дескать, против Хрущева.

„Борьба Тито против Хрущева" не может вдохновляться теми целями, которыми вдохновляется наша борьба против хрущевской группы. Борьба Тито — это борьба одного предателя против другого предателя за главенство, **за руководство, это борьба двух предательских антисоветских группировок против народов Советского Союза, против советских марксистов-ленинцев, которых оба этих предателя боятся.**

Наша же борьба задается целью защищать марксизм-ленинизм, а также и советский народ и завоевания Великой Октябрьской революции в Советском Союзе, она руководствуется солидарностью с советскими марксистами-ленинцами в борьбе против современного ревизионизма и интернационалистическим отношением к ним.

Поэтому не следует недооценивать цели титовского плана, но особенно ошибкой, чреватой трагическими последствиями, было бы руководствоваться мыслью о том, что, для того чтобы нанести „как можно боль-

ше поражений" хрущевской группе, надо отклониться от нашей принципиальной борьбы с ней, впадая, тем самым, в националистский уклон, предъявляя территориальные притязания и другие подобные им вещи, не отдающие марксизмом. Современные ревизионисты пытаются даже свернуть нашу принципиальную борьбу с правильного пути, чтобы дать оружие и хрущевцам, и титовцам, и другим группировкам, и чтобы лишить советские народы и советских марксистов перспективы своей борьбы, чтобы они не восставали, не организовали сопротивления. Помимо этого, титовцы и другие ревизионистские группы хотят использовать эти отклонения для усиления давления на Хрущева, с тем чтобы тот пошел на уступки империализму, подчинился ему.

Поэтому китайским товарищам надо незамедлительно положить конец своим „территориальным притязаниям" и выдвижению „исторических вопросов", ибо это ведет к колоссальным непоправимым ошибкам, которые, впрочем, могут быть и исправлены, но зато ценой больших потерь.

Итак, утверждения китайцев о том, что путь притязаний „не помогает Хрущеву, а подрывает его" — несостоятельны; несостоятельно также утверждение о том, что Тито — „дьяволенок", причем это основано на глубоко ошибочном расчете со стороны китайцев, и не только ошибочном, но и предосудительном, ибо оно может далеко завести, может привести к тяжелым ошибкам.

В этом отношении ревизионистско-центристская позиция румын до того привела в восторг китайцев, что они забывают об идеологических разногласиях с ними. **Это не боевая позиция, это не союз, основанный на принципах; такой метод якобы использования разногласий в рядах ревизионистов не является ни правильным, ни плодотворным.** Китайские то-

варищи при этом как будто и знать не хотят о подлинных причинах, возбуждающих румын против Хрущева, для них достаточно того, что румыны в настоящее время против Хрущева, и они, исходя из такой неполной и не окончательной предпосылки, без разбору, безоговорочно поддерживают и восхваляют взгляды румын. Таков и смысл слов Дэн Сяо-пина: „мы оставим в стороне вопросы идеологического характера с румынами".

Однако позволительно ли нам ради закрепления некоторых „правильных позиций" румын в отношений Хрущева оставить в стороне идеологические вопросы и не говорить прямо румынам об опасности их ревизионистско-центристской линии, не говорить им о большой опасности титизма, о той большой опасности, которую таит в себе их сближение с американскими империалистами и т.д.? Такие взгляды китайцев — ошибочные и странные. Отсутствие последовательности в борьбе за укрепление тех, кто совершает положительный шаг вперед, не может быть оправдано словами Дэн Сяо-пина: „Румыны не слушаются ни нас, ни вас, ни Тито".

Может быть, румыны „не слушаются никого", как это говорит Дэн Сяо-пин, но зато они хорошо слушаются Тито, как слушались вчера и Хрущева, когда нападали на нас. Однако неужели этот факт — слушается нас или нет румын — должен мешать нам, и мы должны молчать, не говорить румынам то, что мы думаем, то, **что думаем**, которое мы повторяем денно и нощно без устали и которое, вопреки утверждениям Дэн Сяо-пина, непосредственно и косвенно способствовало первому шагу румын против хрущевцев? Но что говорят китайцы Деж? „Мы поможем вам, откройте рот и спросите, Хрущев хочет на вас напасть, мы будем защищать вас". Все это правильно, но в то же время это все равно, что сказать румынам:

„опираться на Тито — это ваше дело, мы с взаимопониманием относимся к тому, что вы получаете кредиты от американцев, только продолжайте борьбу против Хрущева, требуйте и Бессарабию, ибо это ваше право и мы будем поддерживать вас".

Такая тактика в отношении румын неправильна, ибо как Тито, так и румыны или другие ревизионисты в своих расхождениях или распрях с хрущевцами не вдохновляются и не руководствуются марксистско-ленинскими принципами, которыми руководствуется наша борьба против хрущевской банды. Ревизионисты в распрях между собой руководствуются законом джунглей, конъюнктурными капиталистическими противоречиями. А мы нет. Однако китайцы могут задавать вопрос: должны ли мы использовать эти противоречия, эти складывающиеся конъюнктуры? Конечно, да. Иначе мы допустили бы вопиющее идиотство, мы не заслуживали бы высокого звания коммуниста. Но не так, как поступают китайцы, ибо этот путь представляет собой заколдованный круг, не сулящий нам добра.

Хрущев — это не изолированное лицо. Хрущевизм представляет собой сильное регрессивное течение, значительную часть современного ревизионизма у власти. Поэтому с ним надо бороться всеми силами, бескомпромиссно, без колебаний. Необходимо использовать любую слабость хрущевской группы, любые поражения и любые трудности, которые ей создаем мы и другие ее противники в области идеологии. Надо использовать также поражения, которые ей наносят империалисты. Это одна сторона дела. Однако, ведя борьбу против хрущевской группы, нам нельзя забывать или недооценивать роль остальных ревизионистов и ослабить бдительность и борьбу против них.

Тито — это не изолированное незначительное лицо или „дьяволенок", как это говорят китайцы. Титизм

— это сильное регрессивное течение, часть современного ревизионизма у власти, за ним стоит колоссальная сила, которая руководит им и помогает ему — американский империализм. Кроме того, хрущевизм реабилитировал его, усилил его и (неполностью желая этого) превратил в мощного идеологического и политического партнера, ныне доставляющего хлопоты хрущевцам. Какие хлопоты? **Это не только хрущевцы, но и титовцы диктуют законы в рядах ревизионистов.**

Можно ли недооценивать титизм в этих условиях? Это было бы безумием, **чтобы не сказать что-либо другое**, так как недооценивать титизм, значит недооценивать голос американского империализма, поющего гортанью титизма в рядах международного коммунизма, значит недооценивать торпедирование, подрыв социалистического лагеря американским империализмом посредством открытых действий его действующей агентуры, подкупленной за доллары — титизма. Недооценка его есть предательство, есть отклонение от принципиальной борьбы, ослабление нашей борьбы. Недооценивать его, игнорировать его, чтобы он занимался своим делом — вот этого и хочет титизм. Именно этого желает и Тито — чтобы мы направляли все свое внимание на Хрущева, так как это отвечает тактическим целям империализма, которому он служит. **Вот почему с титизмом надо бороться всеми силами бескомпромиссно, без колебаний.**

Титизм связывается с румынами, с тем чтобы перетянуть их на свою сторону и не дать им примкнуть к нам. Он стремится превратить румын из хрущевских резервов в свои резервы. Это ясный расчет. Китайские же товарищи вместо того, чтобы бороться за возвращение румын на правильный путь, за их превращение в борцов за марксизм-ленинизм, говорят: „нам нечего делать", „мы понимаем румын, связывающихся с Тито и американцами". Странно! Очень странно!

Но, если следовать этой идее китайцев, предположим, что завтра польские ревизионисты могут занять приблизительно одинаковую с румынами позицию, — ссорятся с Хрущевым, еще теснее связываются с американцами и другими, крепко связываются с титизмом и ревизионистскими группами, с которыми они соприкасаются, делают некоторые (очень выгодные им) заявления, как-то: „мы хотим дружбы" с Китайской Народной Республикой, с ней мы „не полемизируем" и другую подобную болтовню, и в то же время продолжают свое дело, тогда китайцы, согласно своей логике, будут поступать как и с румынами и будут говорить: „идеологические вопросы мы оставим в стороне и с поляками". Итак подряд. **(Румынско-китайский опыт является испытательным стендом).** Следовательно, хотя мы и говорим, что полемика „не прекращается", она постепенно прекращается. Но если ее прекратить со всеми этими, то „зачем не прекратить ее и с хрущевцами?". Вступать в компромисс нетрудно, можно найти формы, причины, обстоятельства и др., можно добиться „примирения", „братства", „единства". **Ну и что же, кто берет верх в таком пути? Современный ревизионизм. Кому изменяют на этом пути? Марксизму-ленинизму.**

Мы ни в коем случае не можем встать на такой путь измены и считаем своим долгом бороться за то, чтобы китайские товарищи отказались от перехода на этот опасный путь. В этом вопросе мы не можем пойти ни на какие уступки, в этом не должно быть никаких колебаний. Это не значит, что мы должны прибегать к „жестким" формам, но принципы есть принципы, мы их будем защищать любой ценой, невзирая на жертвы.

Китайские товарищи в подходе к румынскому вопросу проявляют большую легкомысленность и беспечность. Румыны хорошо разыгрывают свою центрист-

скую, якобы „независимую", „прокитайскую", „антихрущевскую", „принципиальную", „героическую и смелую" роль, роль „остроумных и бесстрашных политиков". Румынские ревизионистские руководители играют и роль „свахи", заключающей „сватовство", они будто „без заднего умысла" переносят туда и сюда слова и предложения того или другого, „слишком интимничают с китайцами", устраивают даже тайные, конспиративные, даже сугубо фамильярные совещания.

Все эти подозрительные действия румын, никогда не отличавшихся твердым характером в своей работе и в своих традициях, могут стать опасными в случае, если китайские товарищи не будут испытывать их в „кузнице" марксистско-ленинской бдительности.

Почему мы испытываем и должны испытывать сомнения в отношении румын? Причина ясна. Если они стоят на правильном, марксистско-ленинском пути, то почему не осмеливаются сближаться с нами? **Потому, что мы говорили им правду?** Тогда мы вправе сомневаться.

Или же они кого-то боятся? Тогда они уже не марксисты и мы вправе сомневаться.

Или же потому, что мы „малы"? Тогда они уже не марксисты, и мы вправе сомневаться.

Или же, наконец, они боятся того, что мы раскроем их игру и их цели? Тогда мы вправе сомневаться и хорошо делаем, что сомневаемся, поскольку они не дают других доказательств. Их слова ветер носит, дела остаются.

Румыны выдают за „героический подвиг" свой отказ пойти на совещание. (На самом деле мы ценим шаг румын, это хороший шаг, он против Хрущева.) Но ведь они заявили, что готовы пойти, если пойдут китайцы. Итак, до какой-то степени они поддерживают намерения Хрущева (ибо совещание способствова-

ло бы осуществлению целей Хрущева в случае нашего участия в нем).

Мы хотим, чтобы хрущевцы и другие ревизионисты провели совещание, но, если меня спросят, „убежден ли ты в том, что китайцы также хотят, чтобы ревизионисты провели совещание?", — то я сказал бы, что не могу ручиться.

Румынам очень хотелось бы, чтобы совещание не состоялось. Теперь есть и другие ревизионисты, которые могут оказывать давление на Хрущева, с тем чтобы отложить совещание. Хрущеву достаточно одного словца, одного небольшого обещания от китайцев и он отложит совещание, пока они не заделают трещины в тонущем „корабле". Если современные ревизионисты отложат совещание и, для того чтобы спасти свою честь, запустят в космос спутник с тремя космонавтами, то это значит, что выигрывают румыны, их посредничество и сватовство принесли некоторые плоды, „сваха" будет продолжать свою работу — склеивать разбитые чашки и наполнять их шербетом по случаю „бракосочетания" между коммунистами и ревизионистами.

Однако предатели всех мастей, под какими бы масками они ни скрывались, потерпят позорное поражение. Коммунисты никогда не будут „вступать в брак" с ревизионистскими предателями. Наоборот, они будут бороться до окончательного разгрома современного ревизионизма, до полной победы марксизма-ленинизма.

**ВТОРНИК
13 ОКТЯБРЯ 1964 г.**

КИТАЙЦЫ РАЗВЕРНУЛИ КАМПАНИЮ СБЛИЖЕНИЯ С ЕВРОПЕЙСКИМИ РЕВИЗИОНИСТАМИ, СТОЯЩИМИ У ВЛАСТИ

На вопрос товарищей из нашей Партийно-правительственной делегации: „надеемся, что вы ответите на наше письмо относительно границ Советского Союза", товарищ Мао ответил: „Будущее докажет, ошибочно ли это или нет. Мы не дадим вам ответа, так как, если бы ответили, то отвергли бы ваши соображения также, как и вы отвергли наши, а отсюда возникла бы полемика. Так что давайте подождем, быть может, через много лет ответим, но не сейчас"[1].

Этот ответ не правилен, он представляет собой непринципиальную, не корректную, пренебрежительную и вовсе не товарищескую по отношению к Центральному Комитету Албанской партии Труда позицию. С другой стороны, этот ответ говорит о том, что товарищу Мао не нравится товарищеская критика, а из всего этого мы должны вывести некоторые заключения:

Китайские товарищи не только вновь подтверждают, что товарищ Мао действительно говорил то, о чем

---

1 Из протокола беседы с Албанской Партийно-правительственной делегацией, состоявшейся 9.10.1964 г. Центральный архив Албанской партии Труда (ЦПА).

заявляли японские социалисты, но в связи с этими проблемами занимают по отношению к нам прежние позиции, которые они считают правильными. С другой стороны, это факт, что они в своих позициях по этим проблемам не так уж тверды, как они выдают себя, слушая наши замечания. Китайские послы в разных странах Европы получили указания, как трактовать эту проблему.

Китайский посол в Польше хочет встретиться с Гомулкой (конечно, чтобы обосновывать интервью Мао японским социалистам). Гомулка отказывается принять его и рекомендует одному члену политбюро принять его. Китайский посол идет на прием и поляк не только встречает его холодно, но и отвергает высказывания Мао и требует от китайцев выступить с заявлениями о признании границы по Одре-Нейсе. Китайский посол старается оправдать Мао, выражает согласие сделать заявление и действительно делает его через Радио-Варшаву по случаю 15-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики. Вопрос же о **„польской территории, отнятой Советским Союзом", остается „неизменным" (как его изложил Мао). Это выгодно польским националистам и в то же время служит и китайцам в борьбе против Хрущева и за сближение с поляками.** Ну и „умная", „националистская" со стороны китайцев тактика!! А для того „чтобы исправить" это положение, эту жемчужину Мао, китайцы стали усиленно заигрывать с поляками под тем предлогом, что „поляки имеют противоречия с Хрущевым и что эти противоречия надо использовать".

Почему возникают теперь такие противоречия между поляками и советскими?!! Что это за противоречия? Не знают ли китайские товарищи природу этих противоречий? Конечно, они знают ее и именно потому и подталкивают поляков на националистский путь.

Это значит, с одной стороны, придерживаться такого пути и такой тактики, которых придерживается и империализм в его стремлениях натравливать народы и государства друг против друга и, с другой стороны, выдавать ее за „социалистическую тактику". Нет, эти действия не правильные, не марксистские.

Китайские товарищи, чтобы скрыть эту ошибку товарища Мао, выдвинули лозунг о том, будто „все это он говорил, обращаясь к истории". Но раз речь идет об „истории" то, почему он не довел до конца эти вопросы? Говоря об „истории", нельзя ограничиваться только Советским Союзом, не задавшись определенными целями. В чем же могут заключаться эти определенные цели? Они могут заключаться в следующем: Опорочить и дискредитировать Сталина, называя его захватчиком и империалистом, как и Советский Союз периода его руководства, разжигать шовинистические, антимарксистские настроения тех ревизионистов, у которых имеются противоречия с ревизионистом Хрущевым.

Раз Мао заговорил об „истории", то почему он не сказал, что Трансильвания „является венгерской землей", а сказал только, что Бессарабия и Молдавия „являются румынскими землями"? Раз Мао взялся за исправление государственных границ „ради истории", то почему он не упомянул и о Косово и так далее?

Нет, эти соображения несостоятельны, и китайские товарищи и сами понимают, что все это шито белыми нитками. С одной стороны, они „говорят об истории", но, с другой стороны, защищают тезис, что „никакие установленные границы не должны изменяться". Тогда возникает вопрос: раз ты исторически ставишь правильно вопросы и говоришь, что границы не должны изменяться, то почему ты поднимаешь такие вопросы в эти моменты? Кому это на руку? Мао говорил нашим товарищам: „мы производим холостые вы-

стрелы", т.е. „только ради шумихи". Ну и красивая шумиха!!

Мао сказал также, что „шуму", поднимаемому Хрущевым вокруг „шума, поднимаемого Мао", никто не внимает. Стало быть, Мао слушают, а Хрущеву никто не верит, или, иначе говоря: советские, дескать, слушают Мао, понимают его и аплодируют ему, когда он говорит им: „Верните польские, румынские, чешские, китайские, японские" и другие земли, а когда Хрущев говорит советским, что Мао добивается разгрома Советского Союза, советские, мол, не только не слушают его, но даже ненавидят за то, что он не возвращает обратно эти земли! Странная логика!

Румынское руководство начало восхвалять Мао в Румынии, называя его великим идеологом и политиком, не только атакующим Хрущева, но и критикующим Сталина. Оно утверждает, что Мао „совершенно правильно говорил о Бессарабии, отнятой у нас советскими, но этот вопрос до поры до времени мы не поднимаем, так как нас беспокоит вопрос Трансильвании".

Румыны идут „в авангарде" кампании рекламирования китайцев, их „зрелости" и нашего „упрямства". Из достоверных источников мы узнали, что румыны, по случаю их праздника, намеревались сблизить нас с советскими, как и китайцев с советскими. Но с нами они провалились, так как „албанцы показывают себя упрямыми и сектантами", тогда как Микоян, по словам румын, „показал себя с китайцами рассудительным и хорошим дипломатом".

Китайские товарищи, со своей стороны, начали кампанию сближения с правящими европейскими ревизионистами (за исключением советских). Если по случаю 15-й годовщины национального праздника Китая, они, исходя из отрицательных позиций, не хотели пригласить не то что ревизионистов, но даже и нас, то теперь они участвуют на торжествах ревизионистов,

сладкоречиво, с энтузиазмом и пламенно говорят о „дружбе народов" и т.д. Нам они говорят: „Надо кропотливо работать с ними, ибо таким образом мы сможем с выгодой для себя использовать их противоречия с Хрущевым". Но китайский порыв такой, что даже противоречия, существующие между самими китайцами и этими ревизионистами, „может погасить" в пользу последних или же в пользу какого-либо беспринципного компромисса. Все это говорит о чем-то нездоровом, немарксистском.

Если бы у китайцев был „план наступления" в Европе, если бы у них была „новая и оригинальная тактика" для использования межревизионистских противоречий и „для борьбы с Хрущевым", то они должны были поставить их на рассмотрение и обсудить их с нами и с другими. Этого они не делали и не намерены сделать. Они поступают по своему усмотрению, а то, что они говорят, просто слова и ничего больше.

На практике китайские товарищи ставят так вопрос: **„Мы действуем; хотите следовать за нами — следуйте, не хотите — с вами в полемику мы вступать не будем, пусть история судит о том, о чем мы не согласны". Это не правильно, не по-марксистски. История пишется каждый день.**

Любое действие наших партий, правильное или порочное, записывается, связывается с предыдущими и последующими действиями, а когда эти действия опрометчивы, они чреваты дурными последствиями. **Мы думаем, что следует избежать опрометчивых действий, а такие действия можем допускать мы, но могут допускать и они, могут допускать малые партии, но могут допускать и большие партии. Поэтому нужны консультации. Это факт, что китайские товарищи избегают двусторонних консультаций с нами, как и многосторонних.**

Наша сторона всегда выступала за обмен мнениями с китайскими товарищами по различным вопросам. Мы всегда проявляли инициативу. Они же не ставили вопросов, а лишь беседовали с нами относительно поставленных нами вопросов.

Мы будем продолжать придерживаться этого правильного, марксистского метода работы. Мы всегда будем высказывать свое мнение китайским товарищам, будь оно и тяжелым для нас или горьким для них. И мы будем ратовать за то, чтобы наши взгляды обсуждались, а не за „отказ от такого обсуждения" из-за боязни того, что „это приведет к полемике". Мы не боимся вести дискуссии, прежде чем вступить в полемику, впрочем незачем довести дело до полемики, когда имеем возможность обсуждать вопросы как марксисты и убеждать друг друга аргументами и фактами.

Нам ничего не следует „предоставлять истории разрешить". Мы сами должны разрешить то, что нас касается, причем разрешить его правильно, а история пусть потом посудит о правильности решения проблем нашими партиями.

Мы будем продолжать тесно сотрудничать и вместе бороться марксистско-ленинским путем. Мы уверены, что эти вопросы будут правильно разъяснены и исправлены в соответствии с высшими интересами партии и дела укрепления нашего учения — марксизма-ленинизма, на которое ополчаются современные ревизионисты всех мастей и мировой империализм.

ЧЕТВЕРГ
15 ОКТЯБРЯ 1964 г.

КИТАЙСКАЯ ИДЕЯ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ФРОНТА И ВМЕСТЕ С СОВРЕМЕННЫМИ РЕВИЗИОНИСТАМИ — АНТИЛЕНИНСКАЯ ИДЕЯ

Китайские товарищи и особенно Лю Шао-ци, если я не ошибаюсь, в беседе с нашей делегацией в Пекине выдвинули идею о том, что для борьбы с империализмом, и, особенно с американским империализмом, **следует добиваться создания широкого антиимпериалистического фронта и вместе с современными ревизионистами.** Такую идею мимоходом выдвинул и Чжоу Энь-лай почти год назад, когда он был у нас. **Мы отклонили идею сотрудничества за такое дело с современными ревизионистами, но создать антиимпериалистический фронт мы, конечно, согласны и работаем в этом направлении.** Тем не менее Чжоу Энь-лай не отступил, но и не развил эту идею, а умолчал о ней, бросил камень и не поднял его.

Этот столь важный вопрос ставился в некоторые определенные, как сказать, совсем не благоприятные моменты. Эта идея выдвигалась в то время, когда наша идеологическая и политическая борьба против современных ревизионистов была обострена до предела и, в частности, когда группа Хрущева зашла далеко в своем конкретном и серьезном сотрудничестве с американскими империалистами. Она без никаких колебаний проводила в жизнь всю свою антиленинскую политику хрущевского „сосуществования", шла на уступ-

ки американской агрессивной политике, приукрашивала американский империализм, ослабляла освободительную борьбу народов, усиливала и обостряла борьбу против марксизма-ленинизма, против Коммунистической партии Китая и Албанской партии Труда.

Когда группа Никиты Хрущева во главе современных ревизионистов ослабляла борьбу против империализма, китайские товарищи выдвинули идею создания антиимпериалистического фронта и вместе с современными ревизионистами. Странно!!

Тем не менее мы не замечали какого-либо конкретного шага в этом направлении со стороны китайских товарищей, за исключением того, что их пропаганда против хрущевцев не велась нужными темпами, как этого требовали моменты, хотя и не было признаков смягчения в их антихрущевской полемике. Мы думали, что эта идея, выдвинутая китайцами, была, как и многие другие их идеи, не хорошо обдумана, и что позднее, с течением времени, они вновь возвратятся к ней, обдумают ее и т.д. Но, как бы то ни было, долгое время об этом больше не говорилось.

Однако два-три дня тому назад эта идея китайцев открыто, публично была выдвинута в передовой статье органа Центрального Комитета Коммунистической партии Японии, **который, осуждая предложенное Хрущевым совещание будущего декабря, предлагает созвать совещание 81 коммунистической и рабочей партии для обсуждения и решения вопроса о создании „антиимпериалистического фронта".**

Как видно, свою идею китайцы разработали с азиатскими коммунистическими партиями и пришли к выводу о целесообразности предать огласке эту идею и внести ее на обсуждение мировой общественности, как и международной коммунистической общественности. Если родится „мальчик", то станет известен его отец, если же ничего не выйдет, то остается „доброе",

„приятное намерение", так как этот фронт именовался „антиимпериалистическим".

Это не простое дело, а дело из наиважнейших. **Ведь на обсуждение ставится вопрос о ревизионистском повороте в политике и идеологии, несмотря на то, что он наряжен в тогу „антиимпериалистического фронта".**

Посмотрим поглубже, что скрывается за этим политическо-идеологическим шагом Центрального Комитета Коммунистической партии Японии и кому на руку эта „новая линия", вырисовывающаяся в международной политике и в международном коммунистическом движении.

Каковы, в общих чертах, задачи нашей политики и наших действий на международной арене? Борьба против мирового империализма, против старого и нового колониализма, в какой бы форме они ни проявлялись, борьба за упрочение социализма, за его распространение во всем мире, постоянная и всемерная помощь национально-освободительной борьбе народов за разрыв цепей империалистического, капиталистического, колониального рабства, всесторонняя помощь молодым государствам в деле закрепления завоеванной независимости, в деле закрепления народно-демократической власти, в деле поднятия их экономического и культурного уровня. Наша борьба на международной арене направлена на эффективное разоружение империалистов, которые готовят термоядерную войну, готовят народам новые оковы, готовят им новую катастрофу.

Бороться за победу в этих областях значит защищать всеобщий мир или, вернее, бороться за установление всеобщего мира. Этому всеобщему миру мешают империалисты, их военная и экономическая сила, их идеология. Мы должны бороться и уничтожить их в

непрерывных боях, **единым мировым антиимпериалистическим фронтом.**

Мировой антиимпериалистический фронт, основывается, конечно, на создании нами ряда союзов против империализма, на определении нами ряда задач, более или менее далеких друг от друга в соответствии с объектами, которые мы атаковываем, в зависимости от степени прогрессивности или отсталости политического потенциала, управляющего этими объектами и т.д. Но мы во всем этом лабиринте союзов и позиций ни на миг не должны идти на уступки в принципах, наши действия ни на миг не должны быть случайными, ими не должны руководить необдуманные соображения, основанные на моментальных конъюнктурах.

С другой стороны, никто из нас не должен исходить из того, что „раз я обладаю престижем, авторитетом, силой, значит я правильнее соображаю, я могу правильнее судить, так что другие должны поддерживать меня, следовать за мной, они также должны оказывать содействие в своих сферах, где они имеют для этого возможности, но всегда следуя за мной". Это не является ни правильным, ни полезным. Когда речь идет о столь важных акциях, мы всегда, предпринимая какой-либо новый шаг всеобщего, совместного, международного характера, должны руководствоваться марксистско-ленинскими принципами и анализировать ситуации сквозь маркистско-ленинскую призму. А для того чтобы сделать это надлежащим образом, „выдвинуть идею", пусть кто хочет последует за тобой — этого еще недостаточно, надо выдвинуть идею и обстоятельно обсудить ее с товарищами. Поведение китайских и японских товарищей неправильно и неприемлемо.

Идея создания „антиимпериалистического фронта вместе с современными ревизионистами" политически и идеологически непостижима, если учесть переживае-

мые нами ныне ситуации. Основывать эту „идею" на „опыте прошлого", преднамеренно забывая именно о результате этого „опыта прошлого", или, вернее, забывая о его крахе, когда социал-демократия проголосовала за бюджеты первой империалистической войны, превратившись, тем самым, в орудие социал-шовинизма „для защиты родины", это уже открытая измена. Логическим следствием открытой измены социал-демократов, социал-шовинистов явился их откол от марксистов-ленинцев, явилось создание III революционного Интернационала, противопоставившего себя II предательскому Интернационалу.

Теперь выдвигается идея „антиимпериалистического фронта вместе с современными ревизионистами". Однако какова политика и какова идеология этого современного ревизионизма, с которым, видите ли, надо объединиться во имя создания этого антиимпериалистического фронта? Его политика и идеология совершенно противоположны нашей марксистско-ленинской идеологии, его политика и идеология включены в активную борьбу за торпедирование решения кардинальных вопросов нашей борьбы против империализма и колониализма, за торжество социализма и марксизма-ленинизма, за подлинное разрешение вопроса полного и всеобщего разоружения и т.д. и т.п.

Как это мы, находясь в ожесточенной и открытой борьбе с современным ревизионизмом по этим главным принципиальным и практическим вопросам, можем представить себе союз или политический и идеологический фронт с агентурой буржуазии и ее идеологии против империализма и мировой буржуазии?! Антиимпериалистический фронт значит, прежде всего, политический фронт. Встает вопрос: можно ли нам, марксистам-ленинцам, создать общий с современными ревизионистами фронт? Видимо, для китайцев и японцев это можно. А для нас нет, никогда! Можно ли марк-

систам-ленинцам создать общий с современными ревизионистами „политический" фронт против американского империализма, продолжая в то же время „идеологическую борьбу" с ними или же „оставляя в стороне вопросы, идеологически разделяющие нас", — как это утверждают японские товарищи? Мы говорим: Нет, ни в коем случае!

Для марксистов-ленинцев нет политики без идеологии. С Египтом, с Мали, с Бурунди и со многими другими национальными государствами можно создать антиимпериалистический фронт. В этом есть политика, но есть и идеология. Но и в этом случае мы не идем на уступки в наших принципах и не торгуем ими. Они знают наши принципы, так как мы их не скрываем, наоборот, именно эти принципы составляют нашу силу и успех этого союза, который некоторые буржуазные национальные государства хотят использовать в своей борьбе против империализма. Это в наших интересах, ибо таким образом ослабляется империализм, а ослабление империализма отвечает и их интересам, так как ослабляя империализм, они укрепляют самого себя. К тому же борьба против империализма сама собой и в первую очередь укрепляет революционные, народные силы, так что революция, социализм одерживает многосторонние победы. В то же время и между буржуазными национальными государствами, борющимися в составе этого антиимпериалистического фронта, произойдет дифференциация, развернется классовая борьба, революция, правда, где быстрее, а где медленнее, но зато всегда путем борьбы.

Ну а современные ревизионисты, Хрущев, Тито и другие, с которыми нам советуют вступить в эти предлагаемые „союзы" и „фронты", за что они борются? Неужели за социализм, за революцию, за марксизм-ленинизм? Надо быть ревизионистом, чтобы ответить „да!". **Марксисты утверждают, что ревизионисты являются**

контрреволюционерами, антимарксистами и таковыми останутся навсегда, так как они борются против социализма и коммунизма, стараются продлить жизнь капитализму. Следовательно, **создать „антиимпериалистический фронт вместе с современными ревизионистами", для марксистов-ленинцев значит превратиться в Дон Кихотов и развернуть „ожесточенную борьбу против ветряных мельниц", т.е. развернуть борьбу против „империалистического ветра", такую „борьбу" против империализма, в которой нет ничего похожего ни на марксистско-ленинскую политику, ни на марксистско-ленинскую идеологию.** Донкихотскую борьбу против империализма ведут только современные ревизионисты. Если ты намерен вести такую борьбу, тогда, конечно, создание „общего с современными ревизионистами антиимпериалистического фронта" — дело возможное и осуществимое. Это идеал лидеров Вашингтона, идеал Тито, Хрущева, современных ревизионистов, социал-демократии и т.д. Стало быть, если у тебя такая идея, ты больше не марксист, а ревизионист. Марксисты-ленинцы не могут встать на такой путь измены, а должны повести борьбу против такой идеи, являющейся насквозь ревизионистской и изменнической идеей.

Ревизионистские предатели — Хрущев, Тито с компанией мечтают „о гениальной идее". Эта идея вытаскивает их из того трудного положения, в котором они оказались, вытаскивает их из могилы, которую вырыли им мы, марксисты, причем именно китайские и японские товарищи протягивают им руку, чтобы вытащить их из этой могилы!

Хрущев хочет провести совещание 81 партии и исключить нас. Этим он совершит самоубийство. Мы этого и хотим и именно за это боремся: чтобы угробить современный ревизионизм. Отказываясь принять участие в их совещании, мы поступаем правильно и

хотим, чтобы совещание состоялось без нас. Китайцы и японцы против предложенного Хрущевым совещания, но хотят, чтобы предлагаемое ими совещание не состоялось без нашего участия. Проведение совещания без нас явилось бы поражением для современного ревизионизма. Хрущев, как это у него в обычае, попал в ловушку, включился в авантюру. Его ревизионистские друзья пошли на попятную, кто громко, а кто потише, они высказались против совещания, но все сделали это ради спасения современного ревизионизма. Ревизионисты, в целях продления своей жизни, способны на любые махинации. Итак, совещание Хрущева было скомпрометировано, оно зашло в тупик. А японские товарищи, вместо того чтобы способствовать углублению кризиса, охватившего современный ревизионизм, вместо того чтобы использовать этот успех, своим предложением о созыве „нового совещания 81 партии, целью которого было бы создание антиимпериалистического фронта", вынимают ветку спасения и протягивают ее современным ревизионистам, чтобы помочь им выйти из могилы. Это „оливковая ветвь", это совершенно типичный и антимарксистский пример и акт.

На практике предложение японских товарищей означает: „Вы, советские товарищи, оставьте выдвинутую вами идею совещания, предназначенного якобы для сглаживания идеологических разногласий и восстановления единства в международном коммунистическом движении. Нужны приготовления (надо завершить опубликование 10 статей Коммунистической партии Китая — знаменитую серию!). Давайте подготовить другое, предложенное нами совещание по вопросу о „создании антиимпериалистического фронта". Это весьма интересное, причем и очень актуальное и срочное совещание. Это „приемлемо" для всех партий. Оставим в стороне то, что нас разделяет, посмотрим

то, что нас „объединяет". (Ты, Никита Хрущев, также обращался с таким призывом, ты также желаешь этого). В этом совещании будем говорить не о разногласиях, а только об „антиимпериалистическом фронте" (за который стоишь и выступаешь и ты, Никита).

Итак, пойти на совещание и молоть впустую, поднять шум и сражаться с ветряными мельницами. (Думаем, что ты, Никита, ничего не имеешь против шума, создаваемого бесснарядной артиллерией). Но зато из совещания выходим с „важным" достижением, со „стальным единством" в борьбе против империализма. Это колоссальный успех в колоссальном вопросе. (Это, дорогой Никита, само собой смягчает и полемику, выравнивает и другие разногласия)". Вот, что хотят сказать японцы своим „гениальным" предложением о новом совещании.

Никита Хрущев тоже, если он не законченный балда, скажет дорогим японским товарищам: „Где же вы были до сих пор? Этого хотим и мы, к этому стремился и я — к прекращению полемики (ну что же, пусть китайцы выстрелят и последний снаряд)[1], так что давайте расцелуемся, выпустим и заявление и даже подсыплем в него больше перца, чем в московское заявление, и положим конец этому создавшемуся трудному положению. Что будет после совещания, это я сам знаю, или же будете опять обвинять меня в том, что я попрал второе заявление как и первое? Тогда я отвечу вам, что вы клевещете на меня, что второе заявление попрали вы, а не я".

Иными словами, „китайская идея", воплощенная японцами в предложении о „новом совещании коммунистических и рабочих партий мира", является реви-

---

1 Речь идет о 10-й статье КПК против современного ревизионизма, которая вовсе не была опубликована.

зионистским отклонением от марксистско-ленинских позиций борьбы против современного ревизионизма, является ревизионистским компромиссом с антимарксистами. Мы должны отвергнуть ее, мы должны выступить против нее, вести с ней борьбу, так как она будет иметь дурные и опасные для марксизма-ленинизма, для социализма и коммунизма последствия. Нам надо бдительно следить за тем, к каким приемам и методам будут прибегать китайские и японские товарищи, развивая эту „гениальную идею". Будут ли они советоваться с нами? В принципе они должны так поступать. Если они будут поступать так, то мы скажем им свое мнение. Если они не будут поступать так, то мы все равно должны сказать им свое мнение. Если же они будут действовать публично, не спросив и нашего мнения или не согласившись обсудить наше мнение, то и мы вынуждены будем публично высказаться по этому вопросу.

СУББОТА
31 ОКТЯБРЯ 1964 г.

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ СОГЛАШАТЬСЯ С ЭТИМИ ВЗГЛЯДАМИ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ

Вчера товарищ Нести Насе сообщил нам заявление, которое Чжоу Энь-лай, от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, сделал группе послов для передачи его центральным комитетам соответствующих партий. Все товарищи из нашего руководства вчера же ознакомились с точным содержанием заявления Чжоу Энь-лая. Он сказал послам, что данное заявление он сообщил до этого и советскому послу в Пекине, Червоненко.

Взгляды, изложенные Чжоу Энь-лаем, как по содержанию, так и по форме, совершенно неприемлемы для нашей партии, так как они глубоко оппортунистические, они означают капитуляцию перед хрущевскими ревизионистами, за ними скрываются цели, опасные для марксизма-ленинизма и для дальнейшей борьбы против современного ревизионизма; для нашей партии они являются настоящей провокацией.

Изложенные Чжоу Энь-лаем от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Китая взгляды на свержение Хрущева, на сменивших его людей, на их цели и будущую политику, на единство мирового коммунистического движения, на единство социалистического лагеря и на линию и методы борьбы против империализма и современного ревизионизма, на все узловые направления этой новой, сложившейся об-

становки, по-моему, очень темны, не тверды, они насквозь пронизаны примиренческим и оппортунистическим духом (чтобы не употреблять пока еще более сильных терминов). Эти взгляды говорят о капитуляции перед современным ревизионизмом. **Мы ни в коем случае не можем соглашаться с этими взглядами Чжоу Энь-лая, так как они являются насквозь ревизионистскими, являются антимарксистскими, капитулянтскими взглядами, ведущими на путь измены марксизму-ленинизму.**

Высказывая такие взгляды, китайские товарищи совершают грубую ошибку, приносят и принесут коммунизму колоссальный ущерб.

Взгляды, изложенные Чжоу Энь-лаем, как и манер их изложения перед послами пронизаны предосудительными антимарксистскими настроениями „большого государства" и „большой партии", чувствами презрения и пренебрежения личностью марксистско-ленинской партии, которую, судя по тому, как поступает и как рассуждает Чжоу Энь-лай, следует не убеждать путем серьезного марксистско-ленинского обсуждения, а гнать дубинкой, т. е., употребляя термин, правильно изобретенный ими против Хрущева, по указке „дирижерской палочки", которую, вне всякого сомнения, они сами стали употреблять против нашей партии. Скрытые цели шагов, которые намерены предпринять китайцы, не пахнут ни марксистской честностью, ни политической зрелостью, не говоря уже об идеологической зрелости.

Эта незрелость и нерешительность в позициях китайцев, их явные колебания то влево, то вправо, порой очень странное поведение с их стороны — все это не является для нас чем-то неожиданным. Такое поведение с их стороны мы замечали в ходе нашей совместной борьбы, особенно против хрущевских, титовских и других современных ревизионистов, однако, что ка-

сается принципиальной позиции на практике в борьбе против империализма, особенно против американского империализма, не можем сказать, что у нас были такие констатации. Как они будут поступать в дальнейшем, это уж другое дело. Будем надеяться, что у них не будет колебаний и мы будем способствовать этому.

Из всех этих констатаций можем прийти к выводу (а данное заявление Чжоу Энь-лая еще больше подкрепляет его), что **китайские товарищи не хотели зайти так далеко в борьбе против современных ревизионистов, они не предвидели такого размаха борьбы против них, такого обострения отношений с ними.** А это потому, что они, по всей вероятности, не понимали и не осознавали во всей ее подлинной широте опасность современного ревизионизма, его жестокость, поэтому они не были духовно вооружены для такой борьбы. Китайцы думали, что дело не дойдет до такого обострения с современными ревизионистами, что дело будет ограничено только опубликованием статьи „Да здравствует ленинизм!", некоторыми статьями и внутренними дискуссиями, чтобы „переубедить" Хрущева и его друзей, полагая, что современные ревизионисты покажут себя благоразумными и возвратятся на указанный китайцами путь. Однако из этого ничего не получилось, да и не могло получиться. Наша партия правильно предвидела это, она всесторонне была подготовлена вести до конца решительную борьбу против современного ревизионизма. Итак, китайские товарищи оказались в обороне, а не в наступлении. Они заняли оборонительные позиции и продолжали обороняться, тогда как ревизионисты атаковали нас открыто, и мы также открыто атаковали их.

И после открытого нападения советских ревизионистов на нас, китайцы выступали за „прекращение открытой полемики". Потом эта полемика зашла далеко и ее уже нельзя было прекратить. Но в ходе этой

борьбы у китайских товарищей появились колебания, паузы в полемике.

Исходя из того, какую оценку дают китайцы борьбе против ревизионизма в этой ситуации, и из того, как выразился Чжоу Энь-лай перед послами, очевидно, что они устали от этой борьбы, которая была для них тяжелым бременем, и что они хотели пасовать, поэтому свержение Хрущева сочли самым подходящим моментом для отступления „с честью". И, поступая в самом антимарксистском, недружелюбном, нетоварищеском духе (они хотя бы формально должны были сохранить видимость дружбы с союзником, с которым они боролись плечом к плечу) китайские товарищи самолично приняли решения (да какие решения!!) и наигрубейшим образом попытались навязать и нам недопустимое совещание.

Как подошли китайские товарищи к оценке новой обстановки? Самым жалким образом. Размышляя о новой обстановке, они думали о ней не головой, а ногами, если мы еще считаем их марксистами. Но как бы то ни было, думали ли они головой, сердцем или ногами, это ревизионистское размышление, приводящее к ревизионистским результатам.

Короче говоря, **свержение Хрущева для них это все. По их мнению, главное уже достигнуто, так что исправление всего остального — вопрос времени. Мы,** говорят китайские товарищи, **должны протянуть руку „советским товарищам", товарищам Хрущева, забыть о прошлом, что сделано, то сделано, мы должны понимать „советских товарищей". Следовательно, по их мнению, мы должны помогать этим советским горе-товарищам. Не стало Хрущева, не стало хрущевизма. Некому признаться в допущенных ошибках, некому выступить с самокритикой, впрочем, свергнув Хрущева, „дорогие советские товарищи" уже выступили с самокритикой. Теперь,** твердят китайские товарищи устами Чжоу

Энь-лая, причем перед всеми послами, **нам не остается ничего другого, кроме как подготовить чемоданы и отправиться в Москву, причем поскорее, так как время не ждет, и расцеловаться в день праздника Великой Октябрьской социалистической революции.** И сам жест торжествен и театрален (ибо Чжоу Энь-лай говорит и о спектакле, устроенном 1 октября по случаю их праздника Республики), но и праздник — торжественный день. Итак, поедем в Москву как революционеры и вместе с „великими революционерами", которых найдем там, закалим единство. Какая комедия!!

Чжоу Энь-лай не удовлетворился этим, а поднялся и, в присутствии других послов, сказал нашему послу: **„Я знаю, что у вас нет даже дипломатических отношений с советскими, так как они разорвали их, но теперь некому выступить с самокритикой, так как Хрущев снят, так что пусть Мехмет Шеху поскорее подготовит чемодан и отправится в Москву на праздник". „Как только расстанусь с вами, добавил он, я приму Червоненко, которому я скажу, что пусть Верховный Совет пригласит на праздник все 12 социалистических стран"! Какая низость!!** Он не забывает также сказать послам — это он, конечно, говорит в адрес румына, (как мне говорили, с румынами они уже заранее договорились), — что, **„если у кого-нибудь из вас есть какое-либо особое предложение, то с ним он может обратиться непосредственно к советским". Другими словами, „вы можете предложить, чтобы на праздник были приглашены и югославы, мы не имеем ничего против этого, более того, в сущности это нас радует". Какая измена!!**

Во всем этом решении, во всей этой мысли, во всей этой манере постановки этого столь важного для судеб коммунизма вопроса нет ничего марксистского, все это пронизано антимарксизмом, оппортунизмом, ревизионизмом, все это пахнет изменой. Это есть точ-

ное повторение Хрущева, когда тот впервые поехал в Белград целоваться с Тито, просить у него прощения за „преступления Сталина" против него и реабилитировать этого предателя.

Это подтверждает все то, что было сказано мною выше — как китайцы вели полемику, как они понимали борьбу против ревизионизма, но в то же время это служит также подтверждением того, что они идеалисты, фаталисты, что на дело борьбы с современным ревизионизмом они смотрят сквозь призму „борьбы против личности", сквозь индивидуалистскую, непринципиальную призму, смотрят с позиций шовинизма, доминирования, престижа и т.д. До чего роняют они свое достоинство перед классовыми врагами, перед врагами революции, перед врагами нашей идеологии!

С другой стороны, кроме вышесказанного, из этой скандальной инсценировки Чжоу Энь-лая мы должны сделать и другие логические выводы, которые, к сожалению, подтверждают их измену.

Каковы эти выводы?

1 — Приглашать наряду с нашим послом также посла Румынии и даже посла Кубы, значит сказать им: „вы, товарищи румыны (которые еще вчера шли по пути предательства) и вы, товарищи кубинцы, (несмотря на то, что вы так много расхваливали Хрущева) полностью заслуживаете честь относиться к числу тех, кто свергнул Хрущева. Мы, папы пекинские, так считаем вас. Аминь!"

2 — „Вас, албанцев, мы совсем не спрашиваем, что вы думаете об этих ситуациях, что вы думаете о наших предложениях. **Вам следует беспрекословно поступать так, как велим мы. Оставьте в стороне всякие притязания к „советским товарищам", ничего страшного нет в том, что „советские товарищи" 5 лет подряд чего только не делали против вас, назвали вас даже агентами империализма и разорвали отношения с вашим**

государством; вы склоните голову и быстро в Каноссу!". Какая логика мерзкого феодала и фашиста! Ни один буржуа не может так говорить. Даже буржуазное достоинство и буржуазные правила приличия не допускают столь вопиющего нахальства. Мы, как известно, тут же дали им ответ, похожий на удар по лицу раскаленным железом.

3 — Все это было провокацией против нас, а, с другой стороны, это было уже подготовленной сценой, чтобы сказать советским, румынам, кубинцам и им подобным: „отныне я порываю с албанцами, больше не солидарен с ними ни по политическим, ни по идеологическим вопросам. Албанцы отныне будут действовать по своему усмотрению, и за каждый свой поступок будут отвечать сами!!". Это уже ясно, китайские товарищи прекрасно знают, что мы не встанем на путь измены как они, что мы не останемся в долгу у них, поэтому они заблаговременно дали ответ советским и другим по этому вопросу.

4 — Судя по тому, как быстро действовали они в связи с этим столь щекотливым вопросом, не посоветовавшись предварительно с нами (и это наше требование является законным) и не дождавшись по крайней мере нашего ответа, надо думать, что они сделали это *fait accompli** так как, быть может, боялись какой-либо части Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, которая, побуждаемая нашим ответом, реагировала бы, а стало быть, помешала бы этому предательскому акту.

5 — Кроме низкопоклонства и отсутствия достоинства, которые китайцы проявляют, прося советских ревизионистов пригласить их на праздник Октябрьской революции или на встречи (как угодно советским ре-

* По-французски: Совершившийся факт.

негатам), их просьба присутствовать на празднике революции в Москве таит в себе подлое намерение, „жажду славы". Они намерены поехать в Москву и сказать миру, сказать советским: „Вот, мол, мы приехали как пекинские космонавты, как победители, низвергшие Хрущева; в коммунистическом движении **мы „блистательный", „непогрешимый ум". Все сломали шею, все погрешали: Сталин, Хрущев и другие, только Мао смотрел и смотрит правильно на вещи. Так что теперь совершенно справедливо надо говорить: Маркс, Энгельс, Ленин, Мао"!**

Но советские ревизионисты, которые всегда относятся к числу самых заядлых ревизионистов, если они умны (если только они не будут считать, что из этого будет больше пользы, чем вреда), вряд ли попадутся в эту ловушку Чжоу Энь-лая, шитую белыми нитками. Вполне возможно, что они не поступят так, как хочет Чжоу Энь-лай, и пригласят позднее его или кого-либо другого, но не как „победителя", а как в Каноссу.

Таково положение, вкратце говоря, тяжелое, очень опасное и вредное для международного коммунистического движения. Коммунистическая партия Китая имеет колоссальный вес в международном коммунистическом движении. Этот ее вес еще больше увеличили ее акции против современного ревизионизма, но многие из ее колебаний и ошибок, которые известны нам, другим пока что еще не известны. Вес Китая на международной арене и его роль в мире велики. Придерживаться или нет Коммунистической партии Китая правильной и решительной марксистско-ленинской линии, значит двигаться революции вперед или же ей замедлиться, задерживаться, идти на убыль. Но, в конечном счете, что бы ни произошло, революция, марксизм-ленинизм восторжествуют.

Путь, на который хотят вступить и на который

уже вступают китайские товарищи, очень опасен, очень вреден. Чжоу Энь-лай заявил: „С 16 октября полемика прекращена, заключено перемирие. Будут некоторые противоречия, полемика может быть возобновлена, но она снова затухнет" и т.д. Это точь-в-точь тактика, применяемая ревизионистами по отношению к их товарищу Тито. Точно так, как поступали они с Тито: поцелуи, не забывая говорить: „имеются некоторые противоречия", иногда полемизировали с титовцами (но всегда нехотя, ибо в противном случае они разоблачались бы еще ранее), затем поцелуи и опять поцелуи, но это еще не все. За это время Тито вдохновлял их, как сказать, в политике, идеологии, в организационных вопросах, содействовал их вырождению. Исчезли, наконец, из их словаря и знаменитые „противоречия" и было достигнуто единство.

„Теория" Чжоу Энь-лая предвещает эту же тактику, эти же действия. Мы должны проявлять очень высокую бдительность и решительно продолжать борьбу. Натолкнемся на множество трудностей, окажемся в изоляции, но мы боями прорвем окружение, так как марксизм-ленинизм нельзя ни изолировать, ни подавлять. Мы марксисты, Албанская партия Труда — славная марксистско-ленинская партия, поэтому она прорвет любое окружение, сорвет любую изоляцию, она будет говорить правду во всеуслышание и ей будут внимать марксисты везде в мире. Правда восторжествует.

Мы ни в коем случае не можем соглашаться с ревизионистскими взглядами и ревизионистскими действиями китайцев, наоборот, их мы должны разоблачать, с ними мы должны вести борьбу. Мосты с ними рушатся, но мы будем стараться до конца воздействовать на китайцев нашими правильными позициями.

Мы должны приложить максимальные и принципиально допустимые усилия, чтобы не выступить от-

крыто против Коммунистической партии Китая, но косвенно, некоторое время, трещина будет заметна. Это имеет свои отрицательные стороны, но имеет и положительные стороны. Наша справедливая борьба против ревизионистов открыла глаза многим людям в мире и они теперь в состоянии быстро понимать, кто на правильном пути, а кто нет. **Мы должны использовать оба пути — открыто выражать китайцам наше мнение обо всем, четко отмечать наше несогласие по всем тем вопросам, по которым мы не разделяем их мнение, тогда как в печати публично занимать открытую позицию по всем проблемам, не упоминая китайцев и несмотря на то, что будет понятно, что она направлена против китайских взглядов и позиций.** Это единственно правильный, марксистско-ленинский путь. Относительно отдельных действий, по которым наши мнения совпадают, мы будем согласны с ними, а относительно тех, по которым наши мнения расходятся, мы никогда не будем согласны. Если дело дойдет до разрыва отношений и до оглашения наших разногласий, то это пусть сделают китайцы, они, если хотят, пусть используют даже хрущевский арсенал. Тогда наш огонь ответит им по-иному.

Мы должны осторожно и постепенно ставить партию в курс этой новой ситуации, укреплять и закалять партию и народ и вооружить их, с тем чтобы они смогли отразить в будущем возможные опасности, мы должны делать упор на управление экономикой. Необходимо более детально пересмотреть проект плана в связи со сложившимися ситуациями. **Не может быть, чтобы возникшие между нами и китайцами разногласия по идеологическим и политическим вопросам не сказывались на экономических отношениях.** Быть может, эффект всего этого не будет столь быстрым и грубым, как это было с Хрущевым, но давление, задержки, нажим будут, хотя и постепенно, поэтому нам

нельзя идти вслепую и предпринимать капиталовложения и строительство большого размаха, так как от этого мы можем сломать шею; не следует рассчитывать на количество кредитов, которые нам могут быть предоставлены, так как они могут задержать и отменить их в наиболее подходящий для них момент.

Мы должны очень внимательно следить за событиями, за ситуациями, нам следует проявлять выдержку, и всегда сохранять хладнокровие. **Если до сих пор нам приходилось быть десять раз осмотрительными и хладнокровными, то отныне мы должны умножать эти качества, так как перед нами будут возникать более серьезные опасности, ситуации будут более сложными, а враги — коварными, крепкими и сильными.** Наша ответственность перед нашим народом и на международной арене, перед международным коммунистическим движением также возрастет. Это отнюдь не значит, что мы должны важничать, нет, мы должны сохранять марксистскую скромность. **Несмотря на то, что мы малы, — малая партия, малый народ, — свою роль, свой долг мы должны исполнить с честью, мужественно, храбро и до конца, до победы.**

На нас, руководителей, лежит колоссальная ответственность, и мы выполним свой долг до конца, до победы, так как с нами партия, у нас крепкая партия и мы еще больше укрепим ее, ведь народ у нас героический, и он душой и телом связан с партией; марксизм-ленинизм — наша идеология, ведущая нас к победам.

Для нас открывается новая эпоха, эпоха еще более жестокой борьбы. Но борьба нас не пугает. В народной песне говорится, что „албанцы борются с семью королями". Мы, как революционеры, считаем делом славы бороться и всегда бороться вплоть до полной победы. Если же полная победа не будет одержана в

наше время, то эстафету, **знамя марксизма-ленинизма мы должны оставить чистым в руках поколений коммунистов и патриотов нашей родины, чтобы оно реяло всегда чистым в Албании, чтобы имя нашей героической партии было всегда чистым и овеянным славой.**

ВТОРНИК
3 НОЯБРЯ 1964 г.

КИТАЙЦЫ ХОТЯТ НАВЯЗАТЬ НАМ СВОИ ВЗГЛЯДЫ

Китайские товарищи относятся к нашим критическим замечаниям не как марксисты, не скромно. Они разгневаны, их поведение с нами нельзя считать ни марксистским, ни корректным. Им не нравится, что мы не следуем за ними в действиях, которые они решили предпринять в отношении советских. Китайцы хотят и пытаются навязать нам свои ошибочные мысли и действия в этом направлении. Они совершенно отказываются предварительно обсуждать с нами вопросы, по которым мы должны занять общую позицию во имя наших общих интересов.

Новая, создавшаяся после свержения Хрущева ситуация, настоятельно требовала консультации, по крайней мере, между коммунистическими и рабочими партиями Китая, Албании, Кореи, Вьетнама, Индонезии, Японии и Новой Зеландии. Но ничего подобного. Такого совещания китайские товарищи и раньше избегали и, несмотря на наше повторное настояние, они избегают его и теперь.

Перед всяким поворотным моментом руководители коммунистических и рабочих партий собираются, обсуждают, определяют свое отношение к данному вопросу и принимают решения. Это необходимо. Данная проблема носит всеобщий характер и интересует мировое коммунистическое движение в целом, а не только одну отдельную партию, поэтому необходима

была общая консультация, чтобы наши партии могли изложить свои взгляды, обсудить их и занять единую позицию.

Центральный же Комитет Коммунистической партии Китая, без такой предварительной консультации, говорит нам: „Я сообразил так-то, решил так-то, так что ты следуй за мной, как послушный ручной ягненок"! Это же абсурдно и неприемлемо!

Это антимарксистские методы, которые они сами осуждали, когда другие хотели навязать их нам с помощью „дирижерской палочки". Теперь же они забывают об этих отвратительных действиях других, без капли стыда повторяют их, прибегая к ним как ни в чем не бывало.

Конечно, наш категорический отказ принимать подобные ошибочные методы и согласиться с подобными неправильными позициями вызывает раздор, разногласия, раскол и расхождение, так что, если эти ошибки не будут вскрыты вовремя, если их авторы не осознают и не исправят их сразу, то они будут усугублены и постепенно приведут их на путь Хрущева.

Что побуждает китайцев совершить такую принципиальную ошибку, очень простую, доступную пониманию, но чреватую тяжкими для них и для международного коммунистического движения последствиями?

Мелкобуржуазная надменность. Это говорит о том, что китайское руководство в сущности не так уж скромно, как прикидывается и как выдает себя на словах.

Дух великодержавного и великопартийного шовинизма. Нет такого выступления, нет такой статьи, в которых они не „осуждали" бы как антимарксистские и как опасные эти антимарксистские и опасные взгляды. Они ежеминутно обвиняют советских ревизионистов в этом пороке. Но как же назвать пренебрежительное отношение к другим партиям, к их мнению, к их личнос-

ти и к их достоинству, примером чего является Чжоу Энь-лай, который, другими словами, сказал: „возьмите чемоданы и отправьтесь в Москву — в Каноссу". Этого нельзя назвать иначе, как великодержавным и великопартийным шовинизмом. Ничем не отличаются взгляды Чжоу Энь-лая от взглядов Косыгина, который, пытаясь убедить меня отказаться от изложения наших взглядов в московском Совещании 1960 года, сказал мне: „Ты должен иметь в виду престиж Коммунистической партии Советского Союза", а я ответил Косыгину: „Я люблю Коммунистическую партию Советского Союза и дорожу ее престижем, который вы сами попираете, но и вы должны иметь в виду престиж Албанской партии Труда".

Китайские руководители, вопреки действительности, считали, что вся „слава" за разоблачение и устранение Хрущева с политической сцены принадлежит им, что эта „победа" является их победой, тогда как другие были, как сказать, их „барабанщиками". Стало быть, они судили и решали, движимые не марксистской скромностью, а великопартийным шовинизмом.

Никто не может отрицать вклад Коммунистической партии Китая в эту схватку, но были еще и другие, и они не били баклуши, „не пустозвонили", а боролись и, быть может, в пропорциональном отношении, принесли жертв больше, чем китайцы. Недооценивать борьбу других — это непозволительно, впрочем и другие не позволяют этого и совершенно не считаются с твоим незаконным и несправедливым гневом.

Если китайские товарищи не остановятся в своем беге по этому неправильно начатому курсу навстречу советским, если китайские товарищи не будут консультироваться с другими коммунистическими и рабочими партиями, принявшими участие наряду с ними в этой борьбе, если они не будут обсуждать и решать вопросы сообща с ними, если китайские товарищи не

будут проявлять реализма и свое отношение к событиям будут определять, руководствуясь не здоровой марксистско-ленинской платформой, а эгоистичными целями, высокомерием, стремлением к доминированию, то они непременно совершат грубые ошибки, они проиграют.

Почему китайские товарищи, которые на словах выдают себя за прототипов „терпеливости" (они наметили 20-летний срок для свержения Хрущева и 300-летний срок для торжества социализма в Китае), не подождали хотя бы месяц, пока „советские товарищи" не скажут хотя бы пару слов о Хрущеве и пару слов о своей линии? Зачем такое нетерпение в стремлении целоваться с советскими?! Зачем такая большая и усердная спешка — отправиться в Москву, чтобы „помочь советским товарищам, советскому народу"?!

За несколько месяцев до свержения Хрущева, в период наибольшего обострения нашей борьбы с ним, китайские товарищи направили телеграмму „дорогому товарищу Хрущеву" и пожелали ему „долгих лет жизни". „Мы сделали это, сказали они, ради дружбы с советским народом, ради укрепления этой дружбы". Ну и хорошее укрепление дружбы, желая долгих лет жизни тому, кто роет могилу советскому народу!!

Ныне китайские товарищи спешат как можно скорее поехать в Москву, зачем? Чтобы помочь „дорогим товарищам" — ревизионистам, самым тесным сотрудникам предателя, а „через них помочь революционным силам в Советском Союзе" и т.д. и т.п. **Странные взгляды!!!**

Для нас, марксистов, подобные рассуждения несостоятельны. За ними скрываются другие, не добрые, не марксистские намерения.

Не мы свергаем советских руководителей, это могут делать или нет их партия и их народ. Наши пра-

вильные, боевые позиции должны помогать советским революционерам правильно решать дела.

Возникает вопрос: Неужели ты, так усердно помогая ревизионистам, помогаешь советским революционерам?! Поступать так, значит не быть революционером. Или же говорит с революционном поступке тот факт, что, когда враги революции терпят тяжелое поражение, именно в эти благоприятные для революции моменты ты спешишь протянуть руку контрреволюционерам, чтобы помочь им в такое время, когда они не только не подают никаких признаков поворота, но, наоборот, во весь голос заявляют, что будут продолжать идти по предательскому пути XX и XXII съездов?! Нет, так могут поступать только контрреволюционеры, антимарксисты, ревизионисты.

В конце концов, от вас, китайских товарищей, не требуют пойти в „яростные атаки", так как вы уже давно прекратили эти полемические атаки, но не могли ли вы терпеть хотя бы несколько месяцев, чтобы посмотреть, что будут делать эти „советские товарищи"?!

Разве не было целесообразным, законным, достойным для вашей партии и вашего государства, чтобы побежденные враги просили вас принять их, чтобы они были вынуждены приехать к вам? Все это азбука.

Почему вы теперь, в эти моменты, проявляете такую щедрость к врагам, скатываясь даже в оппортунизм, тогда как вчера требовали от Советского Союза даже чтобы тот вернул вам „отнятые у вас земли", и „Монголию, оторванную им от Китая", поддакивали румынам, „требовавшим Буковину" и т.д. и говорили, что „Сталин допустил ошибки относительно границ", причем все это, как и примирение с румынами, поляками, немцами и другими им подобными ревизионистами делали в порядке давления на Советский Союз в целях его изоляции? Что это за позиции? Как это

могут изменяться эти позиции в течение нескольких месяцев? Почему вы обиделись на нас, когда мы по-товарищески критиковали вас за эти неправильные позиции? Гнев за то, что мы говорили вам правду, остался, а неправильные, левацкие, сектантские и даже враждебные по отношению к Советскому Союзу позиции полностью поправели, и это вы считаете марксистским и в то же время вновь гневаетесь на нас за то, что мы говорим вам: „Давайте обсудим, не торопитесь".

Явно, что китайские товарищи ошибаются, у них нет твердой линии, их линия колеблется то вправо, то влево, в их политике также не может быть принципиального, марксистско-ленинского постоянства.

Но давайте судить о китайских позициях даже методом *par l'absurde**. Китайские товарищи, допустим, заранее знали о путче против Хрущева. Советские „товарищи" тайком поставили их в известность об этом. Китайские товарищи держали это в секрете от своих марксистско-ленинских товарищей по оружию, не по какой-либо другой причине, а просто по соображениям конспирации (продолжаем рассуждать *par l'absurde*). Будучи в курсе этого путча, китайские товарищи замедлили полемику и дали нам продолжать ее, так как этого требовала их секретная тактика. Ладно. Путч уже совершен, Хрущев устранен, эта фаза закончилась, — китайцы знали, мы не знали.

Начинается вторая фаза (всегда методом *par l'absurde*). Китайские товарищи в курсе будущих планов советских „товарищей". Последние известили китайцев о том, что сегодня они сделают то, завтра — другое, послезавтра — третье и так далее; они уже договорились между собой, так что это замечательный план (продолжаю всегда методом *par l'absurde*). Но эта

---

* По-французски: Доказать от противного.

новая фаза уже не может быть фазой путча, она является конструктивной фазой (всегда *par l'absurde*), требующей согласования действий марксистско-ленинских партий.

В первую фазу операции путча китайские товарищи не поставили нас в известность, они продолжают не осведомлять нас и во второй фазе, в фазе „консолидации". Не так ли получается, даже рассуждая методом *par l'absurde*? Даже этим методом нельзя объяснять неправильные позиции китайцев. Она (Коммунистическая партия Китая) долго надувать нас не может, она не может водить за нос нас, остальные партии, требуя, чтобы мы вслепую слушались ее, когда она говорит нам: „идите сюда, ибо мне так угодно, это дело мне ведомо, вам спрашивать и рассуждать незачем". Это абсурдно!

Или, быть может, китайские товарищи твердо решили, что все вопросы международного коммунизма будут решаться и должны решаться двумя самыми большими партиями, — Коммунистической партией Советского Союза и Коммунистической партией Китая, тогда как другие партии должны покорно следовать за ними? Раньше была только одна дирижерская палочка, и это не нравилось нам (китайцам), теперь нужны две дирижерские палочки, которые должны действовать *à l'unisson**. Раньше вы, советские, со Сталиным (продолжают китайцы) попирали наши права (вопрос об ученике и учителе). Сталин умер. Вы, советские, опорочили его, между тем у нас, китайцев, появились большие надежды. Пришел Хрущев, мы приветствовали вас, нам стало легче, но Хрущев стал дирижером с толстой дубинкой и не только не принял нас (китай-

---

* По-французски в тексте.

цев) в руководство миром, но и ударил нас этой своей большой дубинкой.

Теперь Хрущев ликвидирован. Большая радость, мы перечеркиваем все то, что сделано вами, хрущевцами, против нас, лишь бы вы согласились, чтобы теперь руководили оба — китайцы и советские, с этим вы, советские, должны согласиться, так как Сталин ошибся, Хрущев ошибся, только Мао не ошибается. Если вы не согласны, чтобы я (китаец) руководил и давал указания, то нам следует договориться хотя бы о том, чтобы мы осуществляли руководство сообща, а это нам кажется „законным", „в духе марксизма-ленинизма", поэтому, если договоримся мы, все уже исправлено в этом мире!

Но как его исправить? Мы — совесть мира. А марксизм-ленинизм? Марксизм-ленинизм — это мы.

Между тем марксизм-ленинизм учит поступать не так. **Той железной палкой, которой ударил по голове одну „дирижерскую палочку", марксизм-ленинизм с такой же силой ударит и другую „дирижерскую палочку", и обе „дирижерские палочки", и целую клику других объединенных дирижеров.**

Нет, товарищи китайцы, я уверен, что вы ошибаетесь, вы страшно ошибаетесь и должны отказаться от этих ошибок, которые позднее станут опасными, очень опасными. Мы, как марксисты, очень заинтересованы в том, чтобы вы не ошибались, но, независимо от того, что мы малы, что наша партия — малая партия и наш народ — малый народ, никто не в состоянии запрещать нам говорить правду, защищать правду, защищать марксизм-ленинизм.

СРЕДА
4 НОЯБРЯ 1964 г.

ЗА ТАКТИКОЙ „ВЫЖИДАНИЯ" СКРЫВАЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДОЗА ОППОРТУНИЗМА

Чэнь И, который в эти дни совершает поездку по некоторым государствам Африки, слишком самонадеянно выразился о том, что ревизиониста хуже Хрущева не будет в Советском Союзе, и сказал, что три-четыре главных нынешних руководителя Советского Союза не играют важной роли. По его словам, они, даже если бы хотели совершить резкий поворот, не в силах его сделать. Повороту, который они смогли бы сделать, продолжал Чэнь И, препятствуют давление со стороны приверженцев Хрущева и ревизионисты социалистических и капиталистических стран. Они могли бы снять Хрущева без съезда, но линию может изменить только съезд. Если они изменят линию, то это, по мнению Чэнь И, будет иметь большие последствия в Советском Союзе, а в других ревизионистских странах вспыхнет контрреволюция. Поэтому, продолжал Чзнь И, советские руководители будут идти осмотрительно, и мы должны содействовать им. Мы, сказал он, не должны поторапливаться в своих суждениях о советском руководстве, мы должны содействовать ему и подождать, ведь опасение того, что наша помощь ему может быть истолкована как помощь ревизионизму, исключено. Чэнь И сказал также, что „оно может исправить некоторые ошибки партии, и мы должны удо-

вольствоваться исправлением некоторых незначительных ошибок". **Он сказал, что ошибки советского руководства не будут преданы гласности, ибо в таком случае повторялись бы ошибки, допущенные в отношении Сталина; мы хотим исправлять ошибки постепенно, подходя к ним по-товарищески, причем надо сделать так, чтобы эти ошибки оставались внутри братских партий, не были преданы огласке.**

Помимо всего прочего, за новой, якобы разумной тактикой, тактикой выжидания и выдержки китайских товарищей скрывается значительная доза оппортунизма и неоправданного отступления от их прежних позиций; в этой тактике в духе оптимизма и необоснованной надежды выражается и уверенность в том, что нынешние советские руководители постепенно сделают поворот. Китайские товарищи оправдывают советских „товарищей" тем, что, даже если бы последние хотели совершить резкий поворот, они не смогли бы этого сделать, ибо с ними произошли бы катастрофы.

Итак, по мнению китайских товарищей, мы должны отказаться от революционной тактики и принять тактику советского руководства, хотя нет никакого сомнения в том, что оно не пойдет по пути, проповедуемому Чэнь И. Если считать, что Хрущев был убран антиревизионистами (а это положение было бы неверным), то китайцы могут поддерживать положение: „Вот, снятие Хрущева это первый, причем крупный шаг, означающий, что эти антиревизионисты постепенно пойдут еще дальше". А между тем следует принять правильное положение: советские ревизионисты убрали Хрущева не потому, что эти советские руководители являются антиревизионистами, они убрали его поневоле, ибо нельзя было идти дальше по ревизионистскому пути **с** Хрущевым, тогда как **без** Хрущева и с други-

ми ревизионистами можно было идти дальше и увереннее.

Из этих двух положений второе, наше положение, более обосновано; первое положение, положение китайцев, выражает желания и предположения. Чтобы было подтверждено положение китайцев, надо, чтобы советские „товарищи" давали конкретные доказательства, и мы не глухи и не немы перед доказательствами и фактами.

Относительно помощи, которую мы должны оказывать советским, выделяются два вида помощи, два вида тактики, существенно отличающиеся друг от друга. **Тактика китайцев не революционная, она оппортунистическая тактика, наша же тактика — это революционная помощь также тем, кто действительно думает сделать поворот, пусть и постепенный, но в особенности это помощь революционным силам в Советском Союзе, да не только в Советском Союзе (опять-таки в этом вопросе китайцы ошибаются, недооценивают эти силы), но и революционерам в странах народной демократии, и коммунистам капиталистических стран.**

Прекращение полемики вследствие этой оппортунистической и нереволюционной позиции китайских товарищей означает позволять ревизионистам обрабатывать революционные силы в странах народной демократии и в капиталистических странах, давать им пищу, ибо, естественно, если придерживаться китайской тактики, то мы должны умалчивать о главном центре современного ревизионизма — Советском Союзе, недооценивать титизм, то есть нам придется совсем умалчивать о других ревизионистах, таких как гомулки, кадары и другие.

Но это еще не все; если бы мы в нашей борьбе придерживались китайской оппортунистической тактики, то политическую и идеологическую ориентацию мы

доверили бы новому советскому руководству, т.е. „пустили бы козла в огород", — и оно задавало бы тон сколько ему угодно и в каком направлении ему угодно, и все это лишь потому, что китайцы говорят: „Мы должны быть терпеливы, подождать, довольствоваться некоторыми незначительными исправлениями, которые может внести советское руководство".

Советское руководство пойдет своим путем, а мы остальные, по его мнению, должны сидеть сложа руки, ждать его инициатив, следить за тем, что оно будет делать, т. е., фактически, принять его руководство.

Правда, между ревизионистами имеются глубокие противоречия. Но мы спрашиваем китайских товарищей: Эти противоречия со своими товарищами по борьбе против марксизма-ленинизма советское руководство постарается выровнять по направлению к нашим взглядам, или же по направлению к современному ревизионизму? Неужели современные ревизионисты так легко простят нас за поражения, которые мы нанесли им?! Неужели ревизионисты столь готовы „радостно и усердно" пойти нам навстречу, или же они постараются забрать нас в свои лапы? У нас эти вопросы уже давно нашли четкий ответ. Стоя на подобных колеблющихся позициях, китайцы вряд ли дадут надлежащий ответ на эти вопросы, скорее всего они не смогут отвечать на них, или же ответят „наугад", „надеждами", „выдержкой" и т. д.

Другим серьезным, очень серьезным вопросом является мнение китайцев (впрочем это мнение всех современных ревизионистов) о том, что критика ошибок и погрешностей Хрущева не должна быть публичной, она должна оставаться внутри братских партий, якобы с тем чтобы этим не воспользовался враг, как это „он воспользовался ошибками, допущенными Хрущевым во время его нападок против Сталина".

Вопросом, который должен быть выдвинут на первый план и о котором китайцы совсем не ударяют палец о палец, является следующий: будет ли и дальше допущено, чтобы на Сталина легла вся грязь, которой его облили современные ревизионисты и в первую очередь советские ревизионисты? Будет ли реабилитирован Сталин или нет? Признают ли советские ревизионисты, в чем и сколько они и Хрущев допустили ошибок по отношению к Сталину?

Как же китайские товарищи могут без разрешения этого насущного принципиального вопроса перейти к другому принципиальному вопросу, к вопросу о публичном осуждении Хрущева, о публичном изобличении его измены в идеологической, политической и организационной области? А этот второй вопрос китайцы хотят замять, замолчать. Нарушать подобные принципиальные положения, поступать таким образом могут только антимарксисты, предатели. Китайские товарищи могут нам сказать: предположим, что мы не согласны с вами, албанцами, по вопросу о Сталине. Тогда мы вправе спрашивать их: а по вопросу о Хрущеве согласны ли вы с нами, что он предатель? Они ответят нам: Да. Тогда мы опять же скажем им: как это можно согласиться скрывать предательство Хрущева по отношению к марксизму-ленинизму (потому что этого хотят его товарищи), как же нам согласиться с таким предательским поползновением и не бороться за реабилитацию этого колосса, Сталина, и за разоблачение ренегата Хрущева?

Нет, китайские товарищи совсем не в порядке. Их идеологические и политические спекуляции противоречат духу марксизма, они просто софизмы, они могут быть чем угодно, но только не марксистскими. Эти ошибки заведут их далеко, если они не опомнятся, пока не поздно. Ошибка заводит в ошибку и, когда про-

должаешь рассуждать ошибочно, тогда заходишь в тупик, идешь наугад. Мы будем стараться и должны стараться воздействовать на них, но чувствую, что это становится с каждым годом труднее с китайцами. Тем не менее, марксисты не должны потерять всякие надежды.

ЧЕТВЕРГ
5 НОЯБРЯ 1964 г.

НОВЫЙ КУРС КИТАЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ НАНОСИТ УЩЕРБ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

Новый курс, провозглашенный китайскими товарищами по отношению к современному ревизионизму, повлечет за собой тяжелые для международного коммунистического движения последствия. Это оппортунистический и примиренческий курс, это очень опасная, беспринципная и бесперспективная уступка, или, вернее, это уступка с мрачными для Коммунистической партии Китая перспективами.

Чжоу Энь-лай поехал в Москву очень воодушевленным. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая в данном случае поступил грубо, отвергнув даже самые элементарные нормы взаимоотношений между людьми, не говоря уже о марксистско-ленинских нормах и принципах, связывающих друг с другом товарищей и друзей по борьбе. Ким Ир Сен не поехал в Москву на празднества, как это велел Чжоу Энь-лай (Ким Ир Сен до некоторой степени стоит за эту примиренческую линию); его отказ поехать в Москву свидетельствует хотя бы о некоторой независимости, о некотором достоинстве Трудовой партии Кореи.

И новые друзья китайцев, румыны, насколько нам известно до сих пор, также отклонили диктат Чжоу Энь-лая, требовавшего, чтобы Деж съездил в Москву, между тем как туда съезжаются другие ревизионисты,

как Гомулка, Кадар, Новотный, Ульбрихт, Живков.

Это ясно показывает, что поездка в Москву делегации Коммунистической партии и правительства Китая при этих недостойных для нее условиях, дух и цели низкопоклонства и оппортунизма, ради которых она совершается, несут Коммунистической партии Китая не славу, как это, быть может, думали ее руководители. **Китайская делегация, поехавшая в Москву, с одной стороны, отказалась от революционной линии, пренебрегла товарищами и друзьями-революционерами и изменила им, с другой стороны, она встретит в Москве не множества друзей и товарищей, которые торжественно вознесли бы ее на руках, а врагов-ревизионистов.** Эти враги-ревизионисты не отказались и не откажутся от своих изменнических позиций в угоду или ради планов и мечтаний китайцев. Нет, они будут стоять на своих ревизионистских позициях и перетянут и китайцев на эти позиции. Всем известный Чжоу Энь-лай окажется в осином гнезде. Туда ему и дорога, но зачем страдать международному коммунистическому движению, если эти бесстыдники, если эти беспринципные люди поступают так подло?

Поездка Чжоу Энь-лая в Москву в таких целях и при таких обстоятельствах не означает, что там инициатива будет за ним, как это разглагольствуют китайцы, она будет за ревизионистами, причем **ревизионисты добились своей первой цели: надуть международное коммунистическое движение „радостной вестью" о том, что первая дружеская встреча состоялась, достигнута фаза прекращения полемики.** Это повлечет за собой прямые последствия в пользу правящих ревизионистских клик, как и ревизионистских клик в капиталистических странах; это на время одурманит революционные группы и новые марксистско-ленинские партии везде в мире, вызовет среди них смятение, поколеблет их.

Находящиеся у власти ревизионисты этот свой успех не будут, конечно, пропагандировать в пользу Коммунистической партии Китая (надо быть наивным, чтобы думать так, как думают китайцы). Они воспользуются этим, чтобы укрепить свои позиции, чтобы окончательно перетянуть на свою сторону колеблющихся, дезорганизовать, расстроить и опорочить марксистов, называя их догматиками, антипартийными элементами и т. д. Первым обвинением и первым аргументом, которые они будут использовать против марксистов-ленинцев своих стран, будут: „Вы были прокитайскими, но, как видите, Китай изменил позицию, он покорился, больше не полемизирует, больше не выступает против Хрущева, мы связываемся с ним марксистско-ленинской дружбой" и т. д. Итак, „вам чего надо, кто вы такие?". Несмотря на то, что истинные революционеры умеют отвечать и ответят им, это факт, что на время, пока не рассеется туман, им будет очень трудно и все это „по милости" китайцев.

Итак, с одной стороны, китайцы прекращают полемику с современными ревизионистами, с другой стороны, современные ревизионисты возводят до небес свой путь как правильный, прозорливый, марксистско-ленинский путь. Какую победу одержала здесь Коммунистическая партия Китая? Какая революционная инициатива у нее в руках? Если надо говорить об инициативе, то мы не должны отрицать, что за Коммунистической партией Китая только инициатива способствовать пропагандированию современного ревизионизма и ослаблению революционного движения, ослаблению везде в мире товарищей-коммунистов, хорошо понявших дело и организованно включившихся в борьбу.

Такую же пользу извлекут из этого нового китайского курса ревизионистские клики, господствующие в „коммунистических" партиях капиталистических

стран. Для этих партий этот курс явился крупной неожиданной победой, такой же крупной, какой была для нас ликвидация Хрущева. Эти партии были расшатаны до основания, были разрознены, истинно революционные силы внутри них шли к размежеванию. Ныне они оправляются и за это они признательны „китайскому эликсиру", сфабрикованному Чжоу Энь-лаем и его друзьями. Эти клики не лишились перьев, XX и XXII съезды остаются в силе, ревизионистские клики раструбят о том, что китайцы волей-неволей примкнули к ним. У французов изречение: *«Paris vaut bien une messe»,** стало быть, ради этой их победы стоило снять с постов Хрущева, ведь он и не осуждается, и не разоблачается, а его ошибки и предательство не предаются гласности. Это поддерживают и „китайские товарищи".

В этих ситуациях положение и борьба наших товарищей, революционных марксистов-ленинцев в капиталистических странах становятся очень трудными. Они заклеймены как „прокитайские", так как отстаивали правильные позиции китайских товарищей. Но теперь ревизионисты, наподобие Бюрнеля, скажут им: „Поступите как китайцы, поцелуете нам руку, признаете „ошибки", допущенные по отношению к нашей „партии" и нашей „замечательной" линии. Итак, давайте, мы вас будем судить!"!!

Придерживаясь такого ревизионистского курса, что будут советовать китайские товарищи австралийским, бельгийским, индийским, французским и другим товарищам? **„Прекратите полемику и объединитесь, найдите общий язык с ревизионистами, с Шарки, Бюрнелем, Данге и т.д.; заключите братский союз, ибо**

---

* По-французски: Париж стоит мессы. (Слова, сказанные Генрихом IV в 1593 году).

так мне выгодно, ибо так это счел целесообразным и так решил Мао в Пекине" (а раз решил Мао, значит решил не Маркс, а Сверхмаркс). Так говорил нам Чжоу Энь-лай, почему бы ему не говорить и им то же самое?

Мы имеем дело с советскими ревизионистами, между тем как наши зарубежные товарищи имеют дело не только с советскими ревизионистами, но и с внутренними ревизионистами, такими как Шарки, Данге, Бюрнель и т.д. Или же китайские товарищи скажут этим товарищам: „Продолжайте борьбу против своих ревизионистов!"? Но ведь это не логично и находится в вопиющем противоречии с их же курсом. Они скажут китайцам: „Как же нам продолжать борьбу против Бюрнеля и прекратить ее против отца, родившего, вырастившего и прокормившего Бюрнеля? Как же нам принять положение современных ревизионистов — бороться против „бешеных" и не разоблачать главу американского империализма?". Ну и „великая инициатива" в руках у китайских товарищей, ну и „революционная инициатива!". Y них в руках только ветер и дурной запах своего курса.

Y такого антимарксистского курса жизнь коротка, чтобы разоблачить его много времени не надо, ибо этот курс, эта линия есть просто капитуляция на коленях перед современными ревизионистами. Марксизм-ленинизм не склонит головы, он победит. Но китайцы наносят ему колоссальный ущерб, вот почему и борьба марксистов становится более трудной, более сложной, но никогда безнадежной, отчаянной. Истинные марксисты-ленинцы никогда не теряют перспективы и никогда не отчаиваются.

При этих сложных и полных угроз ситуациях до тех пор, пока другие марксистско-ленинские партии, стоящие на прочных позициях, не определят свою позицию в этой новой стадии, на нашей партии лежит

трудная, но славная задача. Многие марксисты-ленинцы в мире с доверием будут смотреть на путь нашей партии, на ее позиции, и многие из них последуют за нами, будут вдохновляться верным путем нашей партии, последовательностью ее линии, ее принципиальностью и героизмом. Многие попросят нашей помощи. Для того, чтобы мы полностью заслужили большое доверие, которое марксисты питают и еще больше будут питать впредь к нашей партии, мы, как всегда, должны и будем решительно бороться под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, мы должны и будем прилагать все свои силы к тому, чтобы быть всегда достойными этого доверия и этой чести.

СУББОТА
7 НОЯБРЯ 1964 г.

БРЕЖНЕВ СТАРАЕТСЯ НАДУТЬ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, КИТАЙЦЕВ

Каучуковая речь по случаю 47-ой годовщины Октябрьской Социалистической революции. Только убежденные оппортунисты и ревизионисты могут писать такую речь ни рыба ни мясо, речь, которая пытается угодить всем, но никому не угождает, и особенно стремится надуть колеблющихся марксистов и, в первую очередь, китайских товарищей.

Ожидалось, что эта речь кое-что разъяснит, но она ничего не разъяснила или, вернее, она разъяснила все то, что мы, албанские коммунисты, еще раньше предвидели. Эта речь явилась зеркалом духовного и материального положения советских ревизионистов и их друзей, она показала их смятение перед постигшей их катастрофой, охвативший их страх перед будущим, их нерешительные попытки предотвратить катастрофу или хотя бы отдалить ее. Перед лицом ими же созданных трудностей, в условиях огненного окружения, в котором они оказались из-за своей предательской политики, и раздирающих их бесчисленных противоречий, боясь марксистов-ленинцев и советского народа, советские ревизионисты, празднуя труса, этой резиновой речью пытаются залатать напряженное положение, излечить полученные раны, подать другим опиум, с тем чтобы временно выбраться из этого опасного хаоса.

Основные цели речи:

а) **Успокоить обстановку внутри страны. Ослабить революционную ситуацию** только демонстративным снятием Хрущева, давая понять: „Хрущев допустил ошибки, об этом мы говорили вам в парторганизациях и намекали в печати. Имеются и еще другие грубые, вопиющие ошибки, вы сами их подразумеваете, но можете надеяться, что постепенно все будет поставлено на место. В целях сохранения престижа Советского Союза и Коммунистической партии Советского Союза теперь нам нельзя идти дальше. Мы постепенно должны подправлять некоторые вопиющие экономические ошибки (тут нам, конечно, надо трудиться и даже потуже затянуть ремень, ведь Хрущев виновен) и некоторые партийные нормы (долгое время не будет много портретов Брежнева и Косыгина), и вот вам первое доказательство против культа личности: уже не один человек занимает два главных поста — в партии и в правительстве" и т.д. и т.п.

Вот таким образом, посредством разнузданной демагогии ревизионисты постараются ликвидировать недовольство внутри страны.

Приверженцам Хрущева и ревизионистам внутри страны легче, так как, хотя Хрущев убран, хрущевцы остались у власти, линия осталась неизменной, „изменения", которые произойдут, будут осуществлены иод их руководством, поэтому им дают понять, что им следует сохранить ностальгию и восхищение Хрущевым, но в то же время сплотить ряды вокруг нового хрущевского руководства, „Иначе горе нам, вспыхнет революция", а в случае вспышки революции, хорошо известно, кто берет верх. Поэтому обращается внимание: революции надо избежать, в крайнем случае — подавить ее, но мы мало теряем, если сделаем какую-то поблажку и свалим вину на Хрущева — „козла отпущения". Вот таким путем ре-

визионистское руководство пытается сплотить свои ряды.

Речь Брежнева говорила им, что они ничего не потеряли со свержением Хрущева; его линия, линия XX, XXI и XXII съездов остается незыблемой. А советским марксистам и революционерам речь Брежнева пригоршнями подбрасывала на съедание принципиальные формулы, такие как „единство", „критика — самокритика", „коллегиальность" и т.д.

б) **Успокоить ревизионистские клики за пределами Советского Союза.** Конечно, существующие между ними и Советским Союзом противоречия, еще больше углубятся. Противоречия с итальянцами и румынами всплыли на поверхность, но и с другими, хотя и не всплыли на поверхность, они не были менее острыми. Свержение Хрущева еще больше обострит их не оттого, что они „без ума любят Хрущева", а оттого, что они о себе думают, о своей стабильности.

Сам факт, что ревизионистские клики лишились „путеводной звезды", несмотря на то, что они и ссорились и спорили с ним, и слушались его и оказывали на него давление, так что их путеводная „звезда" затмевалась, сам факт, что у них нет больше „путеводной звезды", и доставляет им удовольствие, и страшит их. Доставляет удовольствие, так как ныне они вольны думать и решать по своему усмотрению, могут разделить постель как с Соединенными Штатами Америки, так и с Англией, а, быть может, и вместе с обеими; страшит их, так как Хрущев, этот отъявленный предатель, больше им не годится, причем не потому, что пришедшие предателю на смену лучше его, а потому, что они из тех предателей, которые сидят на угольях. Значит, с этой стороны, погибло и их так называемое марксистско-ленинское единство.

Каждая из этих ревизионистских группировок, независимо от того, стоит или нет у власти, провозгла-

сит себя независимой в полном смысле слова. Эту независимость уже провозглашают чехословацкое и французское руководство, а завтра по очереди провозгласят ее другие. Вчера они клялись XX и XXII съездами, ныне же они говорят о них тихим голосом, завтра будут умалчивать совсем о них и сохранят, дескать, лишь дух этих съездов. Советские добивались гегемонии, а оказались лицом к лицу с полицентризмом. Теперь получат полное развитие децентрализация и анархия, скрываемые лозунгами под знаменем „марксизма-ленинизма", „пролетарского единства", „единства международного коммунистического движения".

Ревизионистские группы с подозрением относятся к „красивым словам" китайцев, к которым они не питают ни малейшего доверия, но они с недоверием следят также и за советскими, угадывая, до каких пор они будут верить этим столь неожиданным „дифирамбам" китайских товарищей. Объединятся „оба великих мира сего", они будут вершить закон и будут держать над нашими головами Дамоклов меч, — думают ревизионисты. — Будем ли мы сидеть сложа руки и, разинув рот, ждать спасения с небес? — спрашивают „малые" ревизионисты. Они не доверяют ни тому, ни другому, и недоверие это усилится; они наверняка будут реагировать. Не только советские ревизионисты не пойдут ни на какие уступки перед китайцами, но и ревизионистские группировки с независимых платформ будут напирать на требования не допускать никаких уступок. Китайцы должны отступить и подчиниться, разоружиться, встать на их путь. Так что для советских ревизионистов, с этой стороны, ситуация не спокойная, и они стараются умиротворить ее.

В своей речи Брежнев трактовал этот вопрос с осторожностью, он говорил им: ничего не изменилось, все идет по-прежнему, XX, XXI и XXII съезды на месте,

союзы на месте, узды, волей-неволей я освобожу вам (пока не укреплю позиции и не уладятся конъюнктуры, а затем: „запевай, ласточка, на иной лад"). Итак, в отношении китайцев — ни одной уступки, пусть они довольствуются снятием Хрущева, пусть они живут надеждами, как лиса в сказке, гонявшаяся за бараном, надеясь, что где-нибудь на повороте дороги спадут с него свисающие яйца.

в) **Успокоить китайцев, надуть их в целях прекращения полемики** и потихоньку-полегоньку заманить их в ловушку. Обе стороны этими принципами руководствуются — кто кого, чья возьмет. Принципы борьбы у них уже не революционные, у советских и подавно, но и у китайцев. Обеими сторонами проводится тактика игры в „кошки-мышки".

Хотя речь Брежнева не делает китайцам никакой принципиальной уступки, тем не менее формами, которыми внешне построена, она вызывает некоторые иллюзии, пускает некоторые капли „синтетического меда", с тем чтобы поймать муху за носик. Но факт, что китайцы, думавшие дать в Пекин, подобно Цезарю в Рим, телеграмму *Veni, vidi, vici** — этого не добились. С одной стороны, Брежнев выступил в защиту режима и победы Джонсона, с другой стороны, посредством „угрозы Малиновского" американцам он может удовлетворить надежды китайцев. Как будто подобные штуки, и даже еще более угрожающие, не выкидывались и раньше Хрущевым и этим же Малиновским!

Одним словом, у обеих сторон одна и та же тактика. Советские говорят: идти надо тише, осторожно, ибо сразу на китайцев невозможно накинуть цепи; надо терпеливо подкидывать им ядовитую пилюлю, при-

---

* Пришел, увидел, победил.

бавляя немножко меду, немножко сахару, затем, когда они проглотят ее, дело пойдет своим чередом. Дело в том, чтобы скомпрометировать их, сделать и их подобными нам идеологически, а что касается противоречий, то они на нашем пути не будут преодолены. Понятно! В этом стане порядок устанавливается законом силы, джунглей.

Китайцы, со своей стороны, придерживаются такой же тактики: наберемся терпения, не атакуем их, убаюкиваем их и потихоньку-помаленьку заберем в лапы, поставим их под наше руководство. Ведь эта тактика, говорят китайцы, нам знакома, она уже дала плоды, это похоже на историю чанкайшистского генерала Фу Ца-и, который был разбит коммунистами, сдался, и Мао назначил его министром мелиорации и энергетики и заодно заместителем председателя Военной комиссии Китая. Это достоверно. Именно на этом безмозглом опыте основывают китайские товарищи свою нынешнюю политику по отношению к новому советскому руководству. Можно представить себе результаты подобной политики.

г) **Успокоить американских империалистов.** Речь Брежнева в этом отношении доставляет удовольствие и полную гарантию бывшим союзникам Хрущева, по-прежнему оставшимся союзниками советских. Брежнев говорит американцам: „Вам нечего тревожиться, мы не изменим своего курса в отношениях с вами; более того, вы даже должны быть довольны тем, что мы больше не будем говорить вам: „захороним вас", как это невольно срывалось у Хрущева с языка. У нас с вами будут „и волки сыты, и овцы целы"". О некоторых тактических мелочах, говорил Брежнев американцам, заранее будем договориться по красному телетайпу, установленному по линии Кремль-Белый дом.

д) **Брежневу нечего давать истинным марксистам-ленинцам в мире.** Они — его решительные вра-

ги, которые выроют могилу современным ревизионистам, под какой бы маской они ни скрывались. Они не дают спокойно спать ревизионистам всех мастей, которых Брежнев своей речью старается успокоить. Этим ревизионистам нет и не будет покоя.

Поэтому речь Брежнева ничего не решает. Как бы советские ревизионисты ни пели „осанну" „светлому пути", „великой партии", на которую они наложили пятно, „ленинскому" пути, который не что иное, как предательство, — все это звуки бесструнной балалайки. Все это производит шум, подобный шуму жестянки, привязанной к собачьему хвосту.

Содействовать ненавистным ревизионистам при столь благоприятных для международного коммунистического движения моментах, как это намереваются делать китайцы, опираясь на опыт чанкайшистского генерала Фу Ца-и, и отвергать опыт марксистских маршалов всемирного значения — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — это трагедия.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
8 НОЯБРЯ 1964 г.

СКАНДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ВСЕ СКАЗАНО ЛИЦЕМЕРНО, В НЕЧЕСТНЫХ ЦЕЛЯХ

Странные статьи и речи! Полагаю, что даже в золотые времена советско-китайской дружбы китайцы, пожалуй, мало писали столь восторженных статей о китайско-советской дружбе, как настоящая статья газеты „Жэньминь жибао" по случаю 47-й годовщины Октябрьской социалистической революции. Причем все это написано несколько недель спустя после свержения Хрущева и после беспрецедентной публичной полемики. Дело дошло до того, что сами они, в частности, говорят: „Мао научил китайцев следовать примеру русских", или „мы, китайцы, зачарованы, восхищены величественными успехами, достигнутыми Советским Союзом за истекшие 47 лет" и т.д. И все это китайцы пишут несмотря на то, что всего лишь несколько месяцев назад говорили, что советским недостает хлеба и закупают его у американцев.

Это поистине скандальное, недостойное поведение, все фальшиво, все сказано лицемерно для достижения некоторых целей нечестным путем. Однако подобными „букетами цветов", или подобными „признаниями в любви", или „клятвами в беспредельной верности" никого не обманешь, и тем более советских ревизионистов. Фактически, это хорошо воспринято советскими, ибо, несмотря на то, что этим никого не обманешь, это, по крайней мере, хорошо

обнаруживает сложный, *странный*, колеблющийся характер китайских руководителей.

Китайцы, конечно, пытаются одним выстрелом убить несколько зайцев — надуть новых советских руководителей, потворствовать им в глазах советского народа в эти переживаемые ими трудные моменты, помочь им „выдержать натиск зарубежных ревизионистов", „интриговать и напугать империалистов", „закалить дружбу с советским народом" и т.д. и т.п. Тут можно распространяться сколько угодно. Тактика гениальная!!! Надо было лишь придумать ее. Ее выдумал всеобъемлющий ум Чжоу Энь-лая. Что касается обратного эффекта, который может произвести подобная тактика, то китайскому руководству это и в голову совсем не приходило.

Вся статья от аза до ижицы пронизана этим экзальтированным тоном, тогда как китайский товарищ в своей речи на торжественном собрании дошел до того, что не упомянул, хотя бы этикета ради, „борьбу" против современного ревизионизма. А на ужин, устроенный советским послом в Пекине по случаю годовщины Октябрьской революции, за исключением Мао пошли все, начиная с Лю Шао-ци и вплоть до последнего. Но забавное здесь в том (я говорю, исходя из данных Синьхуа), что советский посол произнес только несколько слов доброго пожалования и провозгласил тост, не соизволив упомянуть ни имени Мао, ни присутствовавшего Лю. А Чэнь И выступил с пространной речью в пять-шесть страниц (всегда по Синьхуа), да с какой речью! Какие тосты! Все адресовано. Действительно невообразимо! Непостижимо для нас! Даже если бы во главе партии пришел Молотов, мы бы проявили некоторую сдержанность. Китайцы же удержку не знали.

И тем не менее, на всякий случай, — это также ради сохранения видимости, — в своей передовой ста-

тье они сохраняют некоторые позиции, а именно: где-то упоминают „социалистический лагерь", но это включено в дифирамбы. Где-то упоминаются, скорее всего как формула, слова „Ленин-Сталин", упоминается Хрущев, который называется предателем и т.п.

Позиция борьбы против империализма, мирное сосуществование — все по-прежнему, но все это, изложенное в статье, пронизанной таким духом и таким тоном, выглядит выцветшим, сухим или же делается лишь для виду. Статья, в первую очередь, означает: давайте поцелуемся, а остальное можно уладить позже, постепенно, шаг за шагом.

Все это не к добру. Надо быть начеку. **Интересы родины, партии, марксизма-ленинизма никак не позволяют притупить бдительность в отношении кого бы то ни было,** если он подаст даже малейший признак колебания. Наш долг — советовать, помогать колеблющимся; если же они отнесутся к нам с пренебрежением или наглостью, подобно господам, то мы должны указать им место, решительно и без колебаний следуя по нашему правильному, марксистско-ленинскому пути.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 НОЯБРЯ 1964 г.

КАКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДОБИЛСЯ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ В МОСКВЕ?

Совершенно ничего не слышно. Китайцы хранят гробовое молчание перед своими албанскими товарищами. Это, конечно, не нормально, не по-дружески, не по-товарищески и не по-марксистски. А ревизионисты держат друг друга в курсе дел, координируют свои действия. Китайские товарищи даже не потрудились хотя бы секретно ознакомить нас с содержанием письма, которое Центральный Комитет Коммунистической партии Китая получил от советских относительно низвержения Хрущева. Это, конечно, показывает, — и нам нельзя истолковывать его иначе, — до какой степени китайские товарищи скрытны с нами. А тот факт, что китайцы не соизволили ответить на наше письмо по вопросу о границах с Советским Союзом, что они не соизволили проинформировать нас, исправили ли они или нет допущенную перед Червоненко большую оплошность относительно нас и то, что они полностью умалчивают о нашей памятной записке в связи с „создавшимся после падения Хрущева положением", ясно показывает, что китайское руководство относится к нам некорректно, что оно зашло в тупик.

Большой энтузиазм и эйфория, вызванные у китайцев поездкой Чжоу Энь-лая в Москву, в первые дни наблюдались у всех китайских послов во всех странах, где у нас имеются послы. Причем были и та-

кие китайские послы, которые стали холодно относиться к нашим и надували губы, когда наши выражали взгляды нашей партии.

После 7 ноября пыл китайских послов постепенно начал спадать. Раньше они говорили „посмотрим", затем твердили „мы думали помочь им, если они исправятся", потом — „наша тактика была основана на излишнем энтузиазме" и дошли до утверждения о том, что „они — ревизионисты и не изменятся, и мы должны продолжать полемику", и, наконец, „мы думали, что они (советские) воспользуются случаем, чтобы взвалить все провинности на Хрущева, но и этого они не сделали".

Последнее утверждение — самый красивый антимарксистский „букет" китайского посла в Бухаресте. По мнению этого посла получается, что если бы советские ревизионисты взвалили вину на Хрущева, то все уладилось бы, нам можно было целоваться с ними. Это похоже на старую китайскую тактику: когда Хрущев подверг критике Сталина, они поддержали Хрущева и обрадовались тому, что все пойдет хорошо. Но что получилось из этих действий — это известно. Это одна сторона.

Другая сторона, — столь долгое затягивание пребывания Чжоу Энь-лая в Москве для переговоров, — показывает, что ничего не шло „хорошо", согласно планам и „гениальной тактике" китайцев. За все время пребывания Чжоу Энь-лая в Москве китайская печать ничего не писала, а в советской печати каждый день помещаются передовицы, подтверждающие прежнюю линию во всех отношениях. Советские каждый день твердят: „для нас ничего не изменилось, а дело Хрущева это наше внутреннее дело". Итак, если китайцы решили помочь „дорогим советским товарищам", как это официально заявил нам Чжоу Энь-лай,

то мы полным голосом можем сказать, что это есть настоящая измена.

Какие сделки скомбинированы в Москве? Мы об этом не знаем. Но что совещание, намеченное на 15 декабря, перенесено — это не подлежит сомнению. Китайцы раструбят об этом как о своей великой победе. До чего это будет смешно!!

Они, быть может, решили и о какой-нибудь двусторонней встрече в Пекине для продолжения „переговоров". И об этом китайцы будут трубить как о большом успехе, ибо лед тронулся и т.д. и т.п.

Наконец-то, достигнут „большой успех" для обеих сторон (ибо такая заварена каша) — прекращение полемики (пока, скажут китайцы, до проведения намеченного совещания), но это может продолжаться и дальше, ибо будет назначено другое и еще другое совещание, и т.д.

Но в своей котомке достигнутых в Москве успехов Чжоу Энь-лай не преминет привести в Пекин особые впечатления от „своих глубоких наблюдений", от „своих гениальных суждений" о „рукопожатиях", о „двусмысленных словах", о „загадочных усмешках", о „ближайших и далеких целях", об „открытых и скрытых высказываниях различных ревизионистских лидеров", с которыми он встречался и беседовал в Москве. И на основе всего этого будет выработана „продуманная, прозорливая, марксистско-ленинская китайская" линия и позиция. Посмотрим какая это будет похлебка, но это факт, что отбытие Чжоу Энь-лая из Москвы „отсалютовали" четырьмя „пушечными выстрелами", причем боевыми, а не холостыми, как утверждают китайцы, четырьмя сильными антикитайскими статьями, написанными Дюкло, Лонго, Тим Баком и Фюрнбергом и публикованными в журнале „Проблемы мира и социализма" за ноябрь месяц.

Что будут делать китайцы в этой ситуации, перед

этим своим провалом? То, что делали и раньше. Их „декалог"[1] не кончился, остается еще одна статья. („Баллы Комбетар", по крайней мере, еще до своего полного разгрома, полностью опубликовал свой декалог.) Они начинают серийное публикование статей Ульбрихта, Лонго и других и продолжают публиковать наши статьи из „Зери и популлыт". Значит, сами складывают руки, защищаются нашими статьями, на международной арене представляют дело так, будто это они побуждают нас к действию и будто они доставляют нам „удовольствие" тем, что берут на себя труд публиковать наши статьи, на деле не будучи согласны с нашими взглядами.

Беря на себя труд публиковать наши статьи, китайцы делают вид, будто говорят нам: „вот, мы с вами", но в то же время они и с ревизионистами, ибо публикуют и их статьи, и делают вид, будто говорят нам: „вот, публикуя ваши статьи, мы выступаем с самокритикой, так что вы боретесь извне, а мы — изнутри".

Нет! Все это нечестные и немарксистские маневры и тактические приемы. Но ничего, мы делаем свое дело. Мир умеет судить.

---

1 Иронический намек на 10-пунктную „программу", провозглашенную предательской организацией „Баллы комбетар" в годы Национально-освободительной борьбы нашего народа. Китайское руководство также заявило, что опубликует 10 статей против хрущевского ревизионизма.

СРЕДА
18 НОЯБРЯ 1964 г.

КИТАЙСКАЯ ПЕЧАТЬ УМАЛЧИВАЕТ О НАШИХ СТАТЬЯХ И ПУБЛИКУЕТ РЕЧИ СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Китайская печать почти совсем замолчала. И те статьи, которые она помещала со времени падения Хрущева, не хлесткие. Она поместила только речи новых советских руководителей и отдельные цитаты „без ясного содержания" из выступлений какого-либо руководителя Коммунистической партии Индонезии. Что касается наших статей, то со времени падения Хрущева ими ничего не опубликовано не только в официальных газетах, но даже и в бюллетенях внутреннего пользования или просто в виде информации. Ровно ничего! Итак, ясно, что они, **по сути дела, не разделяют наших взглядов, что у них новая линия, что они заняли новую позицию после падения Хрущева**, и в связи с этой новой позицией они дали указания в партии и в народе. Ясно, значит, что они не хотят ознакомить китайскую общественность с нашими взглядами.

Теперь, конечно, они обсуждают то, что принес им Чжоу Энь-лай из Москвы. Все зависит от того, как они подойдут к делу и какую займут позицию. От этого будет зависеть и отношение к нам, к нашей линии. Если они пойдут наперекор нам, то будет пущена в ход тактика Мао: „Мы не будем полемизировать с вами, албанцами", и, таким образом, они скроют наши взгляды от китайского народа, ибо, если они поставят

его в известность, то само собой выявится противоречие. Так что и то, что якобы „мы публикуем все", как выступления друзей, так и выступления врагов, ныне нюансируется, ибо, хотя нас китайцы не считают врагами, их нынешняя линия не совпадает с нашей.

Если они более трезво подойдут к вопросу о новом советском руководстве, то их позиция изменится, и их пыл пойдет на убыль. Тогда они начнут публиковать в своих газетах серию наших статей во многих известных нам тактических целях.

Хотя от контактов с нашими людьми в Пекине тянет холодком, до нас доходят сведения, что китайцы кричат на всех перекрестках, что они „не отойдут от марксистско-ленинских принципов", что они „не тростник, чтобы раскачиваться туда-сюда". Вот этого хотим и мы, но их последние действия этого не подтверждают.

Из достоверных источников нам становится известно, что Чжоу Энь-лай, выезжая из Москвы, намеревался остановиться в Бухаресте, конечно, для переговоров „с товарищем Деж", для обмена мнениями и определения единой позиции. Но, по-видимому, этот проект был отменен, ибо слишком отдавал зловонием, и Чжоу Энь-лай из Москвы отбыл прямо в Пекин. Время подтвердит и это.

Китайский посол в Алжире также сказал нашему послу мимоходом, что часть делегации, возглавляемой Чэнь И, не вылетела в Китай, а под видом „правительственной делегации" отбыла в Рим, где вступит в контакты с итальянскими товарищами с целью разузнать, какого они мнения о новых советских руководителях.

Ну и „хорошая", „умная" дипломатия! Мы не против того, чтобы они разъезжали по различным странам, это их дело, но, поскольку обе наши партии занимали одинаковые позиции и по отношению к итальянцам, действовать за глаза и не обмениваться хотя бы

мнением с нами, пусть и несколькими словами, об „итальянцах чистой воды", которые у нас перед самим носом, это не только не по-товарищески, но и идет вразрез с марксизмом и даже с буржуазной диплома-тией, тем более с пролетарской дипломатией. Впрочем, время докажет, кто прав и по этому вопросу.

СРЕДА
18 НОЯБРЯ 1964 г.

ИДЕЯ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ СОЗДАТЬ ДРУГУЮ ООН НЕ БУДЕТ ИМЕТЬ УСПЕХА

Китайские товарищи выступили в поддержку акции Индонезии — ее выхода из ООН по причине избрания Малайзии членом Совета Безопасности. Такая поддержка, кажется мне, в принципе правильна, не только потому, что выход Индонезии был целесообразен, но особенно потому, что ООН, под воздействием Соединенных Штатов Америки, а ныне и благодаря проискам советских, причиняет много зол народам, вмешивается в их внутренние дела, совершает вооруженное вмешательство, заливает народы кровью, прикрывая все это флагом Организации Объединенных Наций.

Другим, очень серьезным фактом, наносящим ущерб интересам мира и народов, является то, **что американский империализм и его союзники закрыли двери в ООН народному Китаю — важному фактору мирного развития ситуации в мире.** Проводимая Соединенными Штатами Америки политика международного жандарма, отвечающая их поджигательским интересам и служащая делу порабощения других народов, также не только препятствует воссоединению Кореи, Вьетнама, Германии и т.д., но и мешает их принятию в Организацию Объединенных Наций. При этих условиях Организация Объединенных Наций превратилась в орудие американского империализма.

Полагаю, что выход Индонезии явился решительным, серьезным предупреждением против американского империализма, против происков и оппортунистических позиций современных ревизионистов, которые

также используют ООН для отвода глаз, для произнесения какой-нибудь демагогической речи, но и с тем чтобы потворствовать американцам за кулисами. Факт, что **по вопросу принятия Китая в ООН они** *держат речь** **раз в год**, относительно Конго орудовали сообща с американцами, относительно Малайзии ничего конкретного не сделали, то же самое и относительно других вопросов.

С другой стороны, выход Индонезии говорит другим народам, что можно жить-поживать и вне ООН, что права любого государства можно отстаивать и вне этой организации. В связи с этим вопросом Сукарно занял правильную позицию, хотя и с опозданием. Подобную позицию ему следовало бы занять еще тогда, когда так называемая Малайзия была принята в ООН. **Тут может возникнуть некоторое сомнение относительно „твердой позиции" Сукарно в этом вопросе позже, скажем, после истечения срока временного членства Малайзии в Совете Безопасности. Когда выйдет Малайзия оттуда, может быть, Сукарно вновь войдет в ООН.**

Не подлежит сомнению, что принятие Малайзии в ООН явилось провокацией англо-американцев против Индонезии и вообще было направлено на расширение вооруженных конфликтов в тех районах, на впутывание в них и Китая. Сукарно неоднократно заявлял, что скоро „нападет" на Малайзию и „покончит" с ней, причем тут речь шла не о войне боевых дружин. Надо полагать, что англо-американцы, будучи (быть может) в курсе предстоящих действий Сукарно или хорошо состряпав эту провокацию при помощи своих людей в самой Индонезии, ввели Малайзию в Совет Безопасности с целью зажечь фитиль. Интересы Англии в Малайзии — большие. И американцы, с другой стороны,

* По - французски в тексте.

кровно заинтересованы в расширении конфликта в Южном Вьетнаме и в избежании поражения. Однако этот заговор временно провалился, ибо Сукарно заявил, что он не намерен напасть на Малайзию, а англичане собираются напасть на Индонезию.

Так обстоит дело. Китай поддерживает Индонезию, все мы поддерживаем ее. Мы, албанцы, не можем, как Китай, открыто поддерживать выход Индонезии из ООН, ибо мы члены этой организации, и моменты не подходящие для этого. Если мы будем поддерживать ее, то возникнет вопрос: Что же мы делаем в ООН? Почему не выходим оттуда? Независимо от того, какого мы мнения об ООН, — а наше мнение о ней мы открыто высказывали, даже и тогда, когда мы выступили в поддержку шага Индонезии, — **политические моменты не таковы, чтобы мы следовали примеру Индонезии, ибо это было бы большой политической оплошностью.** Позиция же Китая правильная, ибо он не состоит в ООН.

Ныне, по случаю поездки в Пекин Субандрио, министра иностранных дел Индонезии, Чжоу Энь-лай выступил с речью, в которой, помимо всего прочего, сказал, что „можно создать другую организацию объединенных наций, в противовес первой" и призвал к ее созданию. Такова идея, которую выдвинул Чжоу Энь-лай, говоря о „реорганизации ООН" и т. д.

Если считать, что подобная идея китайских товарищей преследует просто пропагандистские цели и направлена просто на оказание давления на американцев в целях их запугивания, то это имеет свой эффект. **Но, если подойти к ней с другой стороны, т.е. считать, что настоящая идея выдвинута не только в вышеуказанных целях, но и с целью работать в направлении создания этой международной организации, то это незрелая, невзвешенная, непродуманная идея, и навряд ли она осуществится. Создание подобной организации**

или идея ее создания весьма необдуманны и могут навредить престижу внешней политики Китая. Эта идея или это решение не хорошо взвешено китайскими товарищами, оно принято под воздействием нынешних обстоятельств.

Распустить Организацию Объединенных Наций, у которой богатые традиции, независимо от того, чем она занимается, не так легко, как думают китайцы. Однако не все государства, состоящие в ООН, понимают Организацию Объединенных Наций как китайцы и как мы.

Тогда как же трактовали этот вопрос китайские товарищи? Не намерены ли они создать международную организацию с участием Китая, Кореи, Вьетнама, Индонезии и Лаоса? Но ведь это было бы не международной организацией. Китайские товарищи могут сказать: „подождем, покуда из нее не выйдут и другие, по примеру Индонезии, чтобы они вошли в нее один за другим". Это несерьезно; можно дожидаться долго, тем временем идея рухнет, а ты окажешься дискредитированным.

Недавно освобожденные страны-члены ООН очень колеблются в своей политике. Руководители этих стран, в большинстве своем, находятся под влиянием империалистов, а некоторые из них — и ревизионистов, чье политическое влияние и экономические субсидии ныне нельзя недооценивать, ибо это означало бы близорукость. Нельзя создавать другую международную организацию при нынешних ситуациях. Мы замечаем, что арабские страны и другие государства, с которыми мы поддерживаем дружественные отношения, просят нас пока что не настаивать на соблюдении регламента процедуры в связи с избранием органов ООН, ибо тогда возник бы вопрос о применении статьи 19 Хартии, и ООН — „покрышка", — говорят друзья. И мы, чтобы не испортить дружбу с ними, по-

ка что не решаемся, тогда как китайцы своей выдвинутой идеей хотят от них всего, даже невозможного, — хотят, чтобы они покинули ООН в целях создания новой организации.

Создание новой организации объединенных наций — это титанический труд, в который китайские товарищи, полагаю, совсем не углубились. Они не видят, что для созыва такой конференции политического характера, как конференция стран Азии и Африки, которая состоится в Алжире, „друзья-демократы" чинят уйму препятствий, переносят ее раз, переносят два, ибо у них много перекрещивающихся интересов, у них связи и интересы с американцами, советскими, титовцами, с чертом и с кем угодно. Итак, выдвигать при этих условиях идею создания новой международной организации государств, теперь это не только нелепо, но и мешает как следует вести борьбу внутри этой организации, с тем чтобы сбыть с рук американское и ревизионистское влияние.

В настоящее время перед нами ставится задача борьбы против американцев и ревизионистов как внутри Организации Объединенных Наций, так и вне ее. Пример Индонезии мы должны использовать, с тем чтобы в продолжении вражды к американцам и ревизионистам и давления на них росло число недовольных, дискредитировалась американская и ревизионистская политика. **Решения ООН, как таковые, нам нипочем, но тем не менее разоблачение этих вредных решений, возмущение членов или групп правительств несправедливостями великих государств очень выгодно и положительно для народов.** Мы должны работать в этом направлении, и это при нынешних обстоятельствах правильно.

В настоящее время имеется „противоречие" между Соединенными Штатами Америки и советскими ревизионистами по вопросу о покрытии расходов на

войска ООН в Конго. Московские ревизионисты хотят платить, но политически они проигрывают, ибо этим они лишний раз подтверждают вооруженное вмешательство в Конго. Советские ревизионисты капризничают, американцы оказывают давление. Советские ревизионисты косвенно также используют выход Индонезии из ООН и не преминут непосредственно использовать „идею Чжоу Энь-лая" в целях запугивания американцев и распределения концессий на рынке Организации Объединенных Наций.

Поэтому и с этой тактической стороны идею создания новой организации Чжоу Энь-лаю не следовало бы выдвинуть так опрометчиво. Китайские товарищи не поставили нас в известность об этом вопросе, они не советовались с нами о нем. Это мы считаем упущением и грубой ошибкой с их стороны. С одной стороны, мы ставим в Организации Объединенных Наций вопрос о выдворении оттуда Чан Кай-ши и принятии в нее народного Китая, с другой стороны, Китай хочет создать новую международную организацию. Это не серьезно ни по отношению к нам, ни по отношению к другим дружественным Китаю странам, борющимся за то, чтобы он занял заслуженное место в ООН.

Поэтому, полагаю, что идея Китая не будет иметь никакого успеха при этих ситуациях и может навредить нам.

СУББОТА
21 НОЯБРЯ 1964 г.

ПОРАЖЕНИЕ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ В МОСКВЕ

Чжоу Энь-лай поехал в Москву подобно Наполеону и вернулся оттуда также подобно Наполеону. Он понес позорное поражение. Мне очень жаль великой Коммунистической партии Китая и братского китайского народа, дискредитируемых таким человеком, как Чжоу Энь-лай. Ревизионисты из Москвы спровоцировали, дискредитировали, унизили его. Если бы вопрос касался просто Чжоу Энь-лая, питающего оппортунистические и капитулянтские взгляды, то я бы сказал: „так ему и надо", но ведь вопрос не субъективный. Тут дело касается Коммунистической партии Китая и того, что она представляет в международном коммунистическом движении.

Из некоторых достоверных источников нам становится известным то, что произошло в Москве с делегациями Китая, Кореи, Вьетнама, которые поехали „отпраздновать с советскими братьями" великий праздник революции и „помочь советским товарищам". Говорят, что эти делегации были унижены советскими ревизионистами.

Делегацию Вьетнама с трудом принял один только Косыгин, предварительно уведомив ее, что в ее распоряжении всего лишь час. Косыгин принял вьетнамцев холодно, он пренебрежительно сосчитал оказанную им помощь, затем раскритиковал их за то, что в своих газетах они помещают антисоветские материа-

лы. Что касается дела Хрущева, то он лишь упомянул ею и сказал, что от своей линии они не отойдут ни на йоту.

То же грубое и пренебрежительное обращение и с корейской делегацией, причем ей он сократил время беседы, ибо вьетнамцы отняли у господина Косыгина 15 минут больше, чем он соизволил задержать их.

Китайские же товарищи провели четыре встречи с советскими и ушли несолоно хлебавши. Советские приняли их очень холодно, они сказали им: „Не думайте, что мы изменим свою линию, которая выработана не одним только Хрущевым", „мы будем проводить свою линию до конца, непоколебимо", „позицию по отношению к вам мы не изменим, и это не позиция только одного Хрущева, это наша твердая линия", „вы, китайцы, должны исправить свои ошибки". Кроме этого, насколько нам известно, советские зашли еще дальше. **Малиновский сказал Чжоу Энь-лаю: „Мы свергли Хрущева, а вам на что Мао Цзэдун, эта старая калоша?"**. Чжоу Энь-лай не ответил, но позже пригласил на пир Брежнева, Косыгина и Микояна и сказал им: „Малиновский спровоцировал меня, не такого ли мнения и вы?". Микоян ответил Чжоу, что Малиновский ошибся. (Тот же ответ дал Микоян и вьетнамцам, когда те сказали ему, что Малиновский дурно отозвался об Албании.) Брежнев „объяснил" Чжоу, что Малиновский был якобы подвыпившим и он должен выступить с „самокритикой". Чжоу Энь-лай сообщил этим господам, что „об этом он доложит Мао Цзэдуну".

Советские затребовали от Чжоу Энь-лая прекращения полемики, а он ничего не обещал. Малиновский оскорбил также маршала Хэ Луна, которому сказал: „Раз ты претендуешь на скромность, почему ты принарядился в такой костюм из такого дорогого материала, а не приехал в старом костюме?".

Большой позор для китайцев!!! Все их „глубокие суждения", „зрелые решения", их „марксистско-ленинская линия, тщательно продуманная в Центральном Комитете после падения Хрущева", их неописуемый энтузиазм, — все потерпело фиаско, все оказалось ошибочным, неправильным, все оказались детскими, ни сквозь оппортунистическими мыслями, причем до такой степени оппортунистическими, до такой степени кичливыми, что их носители без капли стыда оскорбили Албанскую партию Труда и Албанию.

Теперь как им быть с Албанской партией Труда? Признают ли они свои ужасные ошибки? Они не соизволили дать хоть бы формального ответа, взяли ли они обратно предложение пригласить Албанию направить делегацию в Москву, сделанное Червоненко по приказу Чжоу Энь-лая?

Китайцы ни слова не говорят нашему послу в Пекине о проведенных ими в Москве переговорах. А это они обязаны сделать. Но что им говорить? Они, с позволения сказать, обос... Они, быть может, эту „марксистско-ленинскую" миссию возложили на свою делегацию, которая, по-нашему, должна принять участие в наших празднествах, но о которой они нам еще не сообщили, хотя бы протокольным путем, принимают ли приглашение! Впрочем это китайские дела.

Вчера началась или возобновилась старая тактика. „Красное знамя" (Хунци) опубликовало статью под заглавием „Почему был свергнут Хрущев?". Тезисы статьи прямо противоположны тому, что сказал Чжоу Энь-лай перед своим отбытием в Москву. Но опять же субъективны. Советские оскорбили китайцев, которые, рассердившись, сегодня отменили решение, принятое 15 дней назад с такой помпой, что „было изъято из обращения все, что ими было написано о Хрущеве". Перемирие, о котором так трубил Чжоу Энь-лай, по-видимому, было только на две недели.

Но от китайцев ничего нельзя узнавать, ничего достоверного от них нет. Сегодня говорят одно, завтра — другое. Однако во всех их нынешних спорах, во всех их дискуссиях и принимаемых ими решениях правильные позиции Албанской партии Труда, к которым они выказали столь гнусное пренебрежение, призраком стоят перед их каучуковыми суждениями. Они прикинутся, будто выступают с самокритикой перед нами. Статья о Хрущеве дает понять, будто она „попадает нам в тон", но мы будем хранить бдительность как ленинцы. Мы будем рады, если они признают свои ошибки; это было бы победой для марксизма-ленинизма, ибо на ошибках они научатся быть справедливыми и осмотрительными в будущем. Посмотрим.

ПОНЕДЕЛЬНИК
23 НОЯБРЯ 1964 г.

РЕАГИРОВАНИЕ ПЕКИНА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ ИЗ МОСКВЫ

Возвращение Чжоу Энь-лая из Москвы с пустыми руками привело к тому, что китайские товарищи выбросили в Янцзыцзян все свои милые надежды относительно „советских товарищей". Они запели на иной лад, понятно, после дискуссий, проведенных на заседаниях, на которых докладывал Чжоу и в результате которых они отказались от прежних „мудрых", „прозорливых решений" „помочь советским товарищам" и перешли в атаку на „советских товарищей". Перемирие, о котором Чжоу Энь-лай трубил с таким шумом, энтузиазмом и уверенностью, продолжалось всего лишь две недели.

Ущемленные и разгневанные оскорбительным отношением советских, которые не пошли им ни на какую уступку в политической линии или по какому-либо другому вопросу, китайские товарищи прибегли к старой, предвиденной нами тактике. Они начали помещать в „Жэньминь жибао" все статьи последнего номера органа „За прочный мир. нападавшие на Китай. Затем не только „Жэньминь жибао", крупнотиражная газета, но и „Хунци" поместил статью „Почему был свергнут Хрущев?". В следующий день в „Жэньминь жибао" они опубликовали подробное изложение различных статей из центральных газет братских партий, стоящих на марксистско-

ленинских позициях. Они поместили и отрывки из нашей статьи от 1 ноября[1].

Статья „Хунци" — хорошая. Она вызвана двумя факторами: негодованием против „советских товарищей", и, особенно, желанием показать нам, албанцам, не изменяющим и не нарушающим принципы марксизма-ленинизма и генеральную линию, что „и мы, китайцы, стоим на хороших позициях".

Указанная статья была не что иное как подробное изложение в 8 или 9 пунктах содержания нашей памятной записки, врученной китайцам в тот день, когда Чжоу Энь-лай отбыл „победителем" в Москву. В этой статье были приведены даже некоторые из наших фраз; они были взяты в кавычках, с целью дать нам понять, что „мы с вами одинакового мнения". Но в этой статье вопрос о границах с Советским Союзом, интервью Мао японским социалистам были сведены к „советскому пограничному инциденту" или „провокации в Синьцзяне". В этой же статье, а именно в пункте, где указывалось, что советские „напали на братскую партию и на братский народ..." и употреблялись и другие известные формулы, даже и не упоминалось, что „эта братская партия и этот братский народ" подверглись нападкам за то, что они отстаивали марксизм-ленинизм. Когда же речь шла об их партии, то это не упускалось из виду.

Во всяком случае, для нас, знающих, как фактически обстоят дела, это означает поворот или pirouette на 180 градусов. Что думали и что говорили вчера, того не думают и не говорят сегодня, по крайней мере, на бумаге.

Для нас и для международного коммунизма это есть успех, это хорошая вещь. Очень хорошо, что ки-

---

1 См. Энвер Ходжа, Соч., т. 28, стр. 93.

тайским товарищам не представился случай зайти еще дальше в ошибках, а это по милости „советских товарищей". Враг борется с нами, но своей борьбой он и помогает нам. Если бы советские ревизионисты показывали себя более уступчивыми, более дипломатичными, то китайцы наделали бы еще более серьезных ошибок.

До чего жестокими и отъявленными врагами являются советские ревизионисты, на которых китайские товарищи возлагали так много надежд! Они не только не показали себя уступчивыми по отношению к Чжоу Энь-лаю, но и атаковали его, спровоцировали его, между тем как они наверняка знали намерения китайцев, о которых Чжоу Энь-лай открыто говорил в присутствии румынского и кубинского послов, а, может, и в присутствии самого посла Червоненко. Советские ревизионисты, другими словами, сказали китайцам: „Нет, нам не нужна ваша помощь. Если хотите, примкните вы к нашей линии, бросьте свою ошибочную линию, уберите Мао" и т. д.

И в целях подтверждения своей твердой решимости и своей полной непримиримости с китайской линией, в знак полного отклонения „китайской помощи", как только Чжоу Энь-лай сел в самолет, советские ревизионисты приняли в Москве большую делегацию из 92 американцев, состоявшую из самых крупных банкиров и дельцов. Все они с помпой были приняты Микояном, Косыгиным и другими советскими руководителями. Они провели много встреч официального и личного порядка (об этом сообщил сам ТАСС), сердечно обсуждали вопросы дальнейшего развития экономических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки и т. п.

Это, конечно, означает, что советские ревизионисты еще более решительно проводят предательский курс

Никиты Хрущева без Хрущева. Нам это было вполне ясно.

Ну а китайские товарищи, поняли ли они это? Я сомневаюсь в этом, ибо их взгляды не выкристаллизованы, не прочны или, в противном случае, в китайском руководстве нет, видимо, единства мысли и действия. Уже доказано, что, исходя из некоторых случайных признаков или из тактических приемов врага, китайские товарищи меняют принципы и не стараются выработать в противовес тактике врага свою контртактику (впрочем это совершенно другое дело, но ведь и в этом случае сама тактика основана на принципах, которые надо соблюдать и которые должны руководить новой тактикой).

Китайцы и слова не говорили нам. С какими глазами появиться им к нам? Но марксисты не боятся признания своих ошибок. Китайские товарищи, хотя и говорят об этом, этого не делают, им не хочется делать этого.

Чтобы свою поездку в Москву китайцы считали поражением — в этом я очень сомневаюсь. И когда они проинформируют нас (ибо когда-нибудь они что-либо скажут нам), знающих, что побудило их съездить в Москву, китайцы не преминут отметить, что „мы съездили туда ради советского народа, ради дружбы с советским народом, чтобы сказать ему и советским революционерам, что Китай с вами, с Октябрьской революцией", и т.д. и т.п. Китайские товарищи не забудут отметить, что Чжоу Энь-лай не аплодировал той или другой части речи Брежнева, что и произвело большое впечатление на собрание и на народ (ибо выступление было передано по телевидению). Итак, скажут они, „это большой, невообразимый успех"!

И, наконец, китайские товарищи скажут нам: „хорошо сделали, что съездили в Москву, ибо мы на-

щупали пульс, лучше увидели, каковы намерения новых советских руководителей, и убедились, что они зловредные ревизионисты" и т. д. и т. п.

Ну ладно, ну хорошо, они предусмотрели все это, как на случай возвращения „на щите", так и на случай возвращения „с щитом". Для китайцев, для нас и для всего международного коммунистического движения важно, чтобы китайские товарищи глубоко осознавали допускаемые ими ошибки, научились на них и впредь не допускали подобных вещей. Это очень важно. Началом признания ими своих ошибок должно служить их откровенное отношение к нам. Этого требуют обстоятельства, этого требует марксистско-ленинская правда.

Они должны понимать, что нас на „формулировках" и „карточках" не проведешь. Мы — марксисты-ленинцы и всегда будем вести себя как таковые. Того же самого хотим мы и от товарищей.

ВТОРНИК
24 НОЯБРЯ 1964 г.

УСТНОЕ СООБЩЕНИЕ КИТАЙСКОГО ПОСЛА В ТИРАНЕ О ПЕРЕГОВОРАХ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ В МОСКВЕ

Китайский посол в Тиране, по поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, устно сообщил нам о переговорах Чжоу Энь-лая в Москве. Это то, что нам известно, но изложенное по пунктам. Советские порядочно оскорбили их и не пошли ни на малейшую уступку. Китайцы сильно возмущены и „высказываются до конца" против советских ревизионистов. Они (в своих взглядах) чуть ли не дословно скопировали наши мысли, изложенные им в нашем сообщении о том, что думает наш Центральный Комитет о создавшейся после падения Хрущева ситуации. Ни малейшего признака самокритики (однако они подумали, что это их сообщение, означающее поворот на 180 градусов, можно считать самокритикой).

Поездку в Москву они считают „необходимой" и „нужной" и выставляют те причины, которые мы предвидели. Ладно, это очень хорошо, лишь бы они не отступали от сказанного, не отходили от принципов. Мы выполним свой долг и постараемся положительно воздействовать.

Одним словом, китайский посол немножко облегчил дело Ли Сянь-няню, который приедет на праздник 20-летия освобождения нашей родины.

ВТОРНИК
1 ДЕКАБРЯ 1964 г.

КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К ПРАВИЛЬНЫМ ПОЗИЦИЯМ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКИМ

Это крупная победа для международного коммунистического движения. Мы рассчитывали, что и ошибки врагов помогут друзьям исправиться и не зайти далеко. Своей предательской, надменной, оскорбительной позицией советские ревизионисты оказали нам услугу, способствовали тому, что китайские товарищи потеряли всякие надежды и вернулись на правильный путь, предотвратив опасность, связанную с ошибочной тактикой, которую они восприняли с таким необоснованным энтузиазмом.

Их статья „Почему был свергнут Хрущев?" поставила дела на правильный путь, хотя в ней и не упоминается новое советское руководство. Статья, по-моему, хорошая, правильная. Коммунистическая партия Китая опередила, таким образом, все недоразумение, начавшее возникать в мире с поездкой китайской делегации в Москву. Хотя мы сами знали, какие тщетные надежды побуждали их поехать в Москву, тем не менее перед коммунистами в мире возник вопрос.

Ясно, что мы не одобряли поездку китайских товарищей в Москву на праздник Октябрьской революции. Они должны были послать к ним китайского

„Гришина"[1], но и в этом случае им следовало подождать, пока советские не пригласят их, а не самоприглашаться. Однако они не только послали туда Чжоу Энь-лая, но зашли еще дальше, особенно по отношению к нам. Мы не возражали против того, чтобы китайские товарищи нащупывали пульс советских после падения Хрущева, но это надо было сделать с терпением, с достоинством, а не с такой „уверенностью" и с таким „энтузиазмом", как они поступили.

Как бы то ни было, китайские товарищи также увидели, что из себя представляют советские руководители, и в то же время смогли судить о том, насколько продуманными были мысли нашего Политбюро. Мы не задираем и не должны задрать нос по этому поводу, иначе можем ошибаться. Мы всегда должны вести себя как ленинцы, не должны быть ни надменными, ни мстительными, ни мелочными.

Китайские товарищи за это время всячески отмечают большую роль Албанской партии Труда, героизм нашего народа, правильность нашей линии, единство, связывающее обе наши партии и оба наших народа. При этом они поступают в духе марксизма-ленинизма, и это, полагаю, делают с правильных позиций, ибо китайские товарищи еще раз увидели, что критика и замечания нашей партии были пронизаны законной и принципиальной заботой.

На ужин, устроенный нашим послом в Пекине, пошли все члены Политбюро Коммунистической партии Китая, за исключением Мао. Это было признаком любви и большой солидарности. Это наполняет наши

---

1 В.В. Гришин — в то время председатель Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, возглавлявший советскую партийно-правительственную делегацию на празднествах по случаю 15-й годовщины провозглашения КНР.

сердца радостью. Речь Чжоу Энь-лая была хорошей, теплой, дружественной. Речь Лю Дин-и — также. По случаю 20-летия освобождения нашей страны в Пекине и вообще в Китае были проведены многочисленные, величественные и горячие манифестации. И Ли Сянь-нянь здесь показывает себя любезным, теплым, сердечным; он с энтузиазмом отзывается о нашем единстве. Это имеет большое значение для нас и для них. Это было нашей самой большой озабоченностью за это время, и я очень рад, что дела вступили на правильный, марксистско-ленинский путь.

На нас выпадает долг, и мы всеми силами будем добиваться того, чтобы все дела, все вопросы решались правильным, марксистско-ленинским путем, чтобы единство между двумя нашими партиями и двумя нашими странами постоянно закалялось на марксистско-ленинском пути.

1965

ВТОРНИК
2 ФЕВРАЛЯ 1965 г.

ЗАМКНУТАЯ И ЗАКОСТЕНЕЛАЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Политика китайского правительства, кажется мне, не проявляет нужного динамизма и широты, требуемых моментами, конъюнктурами, потенциалом Китая и его значением на международной арене. Она представляется вялой, до некоторой степени колеблющейся, замкнутой и ограниченной некоторыми определенными областями и отдельными проблемами. Эта политика не обладает той инициативой и тем районированием, которые должны отличать великую социалистическую державу в процессе мировых событий. Чаще всего она подчиняется событиям и не в состоянии предвидеть и предотвратить их, опередить и изменить их курс или же расстроить планы их развития, когда эти события развертываются в ущерб социализму и всеобщему миру. Нельзя сказать, что китайская политика не реагирует, не занимает соответствующей позиции, не воздействует на события, на их ход и исход, но она действует с опозданием, не в должной мере и не в нужное время.

Борьбу с американским империализмом Китай ведет правильно, разоблачает его, но все это делается скачкообразно, так что сила этой борьбы ощущается не везде в должной мере. Можно сказать, что она ощущается на Дальнем Востоке, на Индокитайском Полуострове, вокруг Тайваня и Индонезии. Вес Китая в этом районе не могут игнорировать ни американские

империалисты, ни другие реакционеры. Своим присутствием и своей поддержкой Китай содействует народам этого бассейна в их антиимпериалистической и антиколониальной борьбе.

Такой метод борьбы нужно применять во всех районах мира и даже и в некоторых направлениях, в которых возможности более ограничены. Китаю приходится пересмотреть именно сквозь эту широкую призму свою борьбу против мирового империализма, ибо он является единственной в мире великой социалистической державой, которая, на основе правильной, марксистской линии, должна стать главной опорой народов, борющихся против империализма и против современного ревизионизма.

Проводимая Китаем линия борьбы поставлена правильно и ведется в какой-то мере правильно в Африке, в Азии и в Латинской Америке. Но я думаю, что китайцы недооценивают борьбу против империализма и современного ревизионизма в самой Европе, пренебрегают ею, не уделяют внимания ей. А это из-за различных конъюнктур, которые они создавали и продолжают создавать в ущерб социализму и которые чреваты тяжелыми последствиями для остальных континентов, где бурлит революция, где народы сражаются, где плетутся большие интриги и где обстановка неустойчива.

Я продолжаю придерживаться того мнения, что китайские товарищи на борьбу в Европе и в Соединенных Штатах Америки смотрят издалека, ведут ее посредством некоторых хороших, изобличительных статей. Однако этого еще мало, этого нельзя считать достаточным. Китайские товарищи не изучают конкретных слабостей мирового капитализма в его логове, не вникают в должной мере в конъюнктуры, создающиеся кризисами и разногласиями. Они не используют активно трещины в рядах врага, они не гибки и не пово-

ротливы в некоторых подходящих акциях, способных углубить кризисы капитализма и ревизионизма, создать им сложные ситуации, ослабляющие эффект их целей и их решений в странах, где происходят революция и восстание. Китайские товарищи не работают над тем, чтобы создавать в самом логове капитализма такие ситуации, которые облегчили бы деятельность революционных сил и способствовали бы их активизации. Это, по-моему, имеет важное для революции значение.

Вся реакция нападает на Китай, и это делает честь ему, однако это отнюдь не означает, что Китай не должен нападать на реакцию в любой стране. Китайская и наша атака на мировую реакцию, атака всех марксистов ставит себе целью мобилизацию народов, она защищает их жизненные интересы. Несмотря на некоторые достигнутые конъюнктурные позитивные результаты, как-то установление дипломатических отношений с некоторыми капиталистическими государствами и более или менее нормальное развитие торговли с некоторыми другими такого рода государствами, защита интересов народов составляет главное в борьбе марксистов-ленинцев. Мы не можем довольствоваться некоторыми результатами, достигнутыми нашей работой в отношениях с отдельными капиталистическими государствами; но, с другой стороны, эти результаты не должны сдерживать нашу борьбу, нашу стратегию, нацеленную против реакции этих стран. Эти результаты достигнуты именно потому, что капиталисты в современном мире, который преобразуется в пользу народов и революции, не могут поступать иначе. При сложившихся ситуациях капиталисты стремятся и пытаются атаковать нас извне и изнутри в случае, если найдут трещины в наших рядах; для этого они не прекращают ни открытую и „горячую" войну, ни тайную войну и диверсию, ни идеологическую и поли-

тическую борьбу. Вот почему нам надо вести с ними борьбу во стократ, в тысячу крат ожесточеннее, чем они, всеми средствами и все время, беспрерывно.

Разные империалисты и современные ревизионисты развертывают всегда лихорадочную деятельность везде, во всех уголках земного шара. Китайцы, до известной степени, сидят и следят за теми, кто сколачивает и расторгает союзы, составляет заговоры, нападает, убивает, вооружает, обезоруживает, предоставляет „кредиты" на кабальные условия, шантажирует, прекращая кредиты, следят за тем, как один уходит с „одного зеленого луга", а другой приходит, и т.д. и т.п.

Даже когда предпринимают какую-либо инициативу, наподобие инициативы о „создании новой ООН", они предпринимают ее необдуманно, не зная к чему она приведет и каковы будут ее результаты.

Я думаю, что они не вникают в суть конъюнктур, они не полностью стоят за анализ событий в мировом масштабе, они рассматривают их под узким углом зрения, не решаются действовать решительно, вовремя и правильно, когда условия для этого уже созданы и когда необходимо создать такие условия.

Но и в рамках Азии, где Китай, как социалистическая страна, исходя из здоровых, марксистско-ленинских позиций, может и должен играть важную роль, в отношениях с японцами (имею в виду отношения с японским правительством) наблюдаются известный застой, вялая политика, всего лишь несколько встреч и трактовка некоторых политических вопросов в отношениях с японскими социалистами и несколько политических заявлений. Пока что еще не устанавливаются между ними дипломатические отношения, не ведется активная и широкая торговля, которая доставила бы американцам не только экономические, но и политические хлопоты. Я не верю, что японская буржу-

азия хотела бы вечно жить под пятой американцев. Поддерживание Японией отношений с чанкайшистами, а не с Китаем, идет вразрез как с экономическими, так и с политическими интересами Японии. Но, если не предпринять шагов в этом отношении, то, естественно, в Японии, на Филиппинах, в Новой Зеландии и других странах будут продолжать сохранять свое влияние Соединенные Штаты Америки.

Даже если возьмем в качестве примера Пакистан, Афганистан, Непал или Цейлон, с которыми Китай поддерживает нормальные дружеские отношения и ведет торговлю, а, быть может, предоставляет им даже кредиты, опять-таки мы не видим, чтобы эта политика сближения и дружбы Китая с этими странами способствовала заметному общему развитию политики в этих странах в нашу пользу, чтобы его вес воздействовал и способствовал торпедированию империалистических и ревизионистских планов в этих странах. Конечно, я не думаю, что Айюб Хан, Не Вин, король Афганистана или Непала изменят путь и полностью примут китайские взгляды на международные проблемы, но дело в том, что мы не видим, чтобы что-нибудь двигалось вперед в этих странах.

Мне кажется важным не только посещать с официальными визитами эти страны или предоставлять им какие-либо кредиты, но и содействовать развитию всех форм дружеских отношений, — культурным, художественным и другим мероприятиям в отношениях с этими странами. А между тем мне кажется, что китайские товарищи в этом отношении не только проявляют нерешительность (боятся обвинения в стремлении к мировому господству), но и не смотрят как следует на развитие, культуру и хороший, положительный опыт других. Этим не хочу сказать, что они не уделяют внимания этому вопросу, но они вроде слиш-

ком прочно замкнулись в рамках своей культуры и не хотят, чтобы в пределы этих рамок проникло что-либо хорошее из жизни, обычаев и положительного опыта других. Этот узконациональный подход к делу может привести китайских товарищей на неверный путь, к сектантству или к вредной изоляции, к автаркии. Об этом говорят не только некоторые политические шаги китайских товарищей на международной арене, но и некоторые их неправильные мысли о мировой культуре, в том числе и о репертуарах наших песен, отличающихся здоровым народным характером.

Эти взгляды приводят китайских товарищей также к недооценке действий капиталистов, к неправильной оценке событий, они мешают им вовремя определить свое отношение к событиям. Руководствуясь этими взглядами, китайские товарищи доходят до того, что мировые события сравнивают с событиями, связанными с их борьбой против Чан Кай-ши, и отсюда выносят выводы и задачи о том, как им поступать. Иными словами, их внутренний опыт — это все, на мировые события они смотрят сквозь призму именно этого опыта. Это, на мой взгляд, не является ни точным, ни правильным.

Пережитый внутренний опыт есть великое сокровище, но и опыт революций в мире, опыт войн, побед и поражений других также имеет колоссальное значение, поэтому с ним следует знакомиться, его надо использовать. Мировой опыт является для марксистов широким полем, в котором они должны тщательно подбирать все, что есть хорошее, и извлекать уроки из всего дурного, с тем чтобы избежать его. Y китайских товарищей в обычае говорить другим, что они учатся и извлекают пользу из всего этого, но мне кажется, что на практике они ценят опыт и культуру других не в той мере, в какой они об этом говорят.

Китайские товарищи выступают против великодержавных националистских взглядов, но мне кажется, что если к затронутым мною выше вопросам не подходить правильно, если их не рассматривать в их комплексном развитии, то такие идеи, как-то „мое лучше других", могут открыть ошибочный путь к великодержавному шовинизму. Китайские товарищи, например, изъяли из своей практики любой советский опыт (я имею в виду положительный, хороший, ленинский опыт); более того, во всех случаях они отмечают, что нигде в Китае советский опыт „не давал хороших плодов", он „портил дело", поэтому он „непригоден для Китая". Этого нельзя считать ни правильным, ни интернационалистическим. Если не пригоден опыт большевиков времен Ленина-Сталина, то что можно сказать об опыте других?

Чтобы не распространяться, можно остановиться на вопросе о наших китайско-корейско-вьетнамско-албанских встречах. Можно с полным основанием сказать, что не только по идеологическим вопросам, но даже по определению своего политического отношения к событиям и конкретного отношения к акциям империалистов и ревизионистов, нет никаких совместных консультаций. Каждый занимает ту позицию, которой он желает, когда он этого желает и как желает. Речь при этом идет не о том, чтобы кто-то получал приказания от другого или чтобы политика одного зависела от политики другого, но такая несогласованная деятельность мне кажется неправильной.

Китайские товарищи избегают многосторонних встреч с нами, их друзьями, они не хотят совещаний даже только для обмена мнениями. Почему? Естественно, у них свои соображения, но мне кажется, что, в конечном итоге, они не правы. Они должны тщательно пересмотреть эти позиции, так как они имеют и бу-

дут иметь и в будущем последствия в международном коммунистическом движении. Быть может, я и ошибаюсь в этих суждениях, быть может, не будучи надлежащим образом в курсе дел, я подхожу к этим позициям китайских товарищей не сквозь полную призму; да будь я неправ, ибо это было бы менее опасным и менее вредным.

СРЕДА
3 ФЕВРАЛЯ 1965 г.

ОППОРТУНИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА КИТАЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ

Наш посол в Пекине пишет о своей беседе с Лю Сяо и Y Чжаном. По их словам, — а это есть линия китайского руководства, — правящая ныне в Советском Союзе ревизионистская клика „более подлая, чем Хрущев, она изменническая, коварная" и т. д. и т. п.; „Хрущев поднимал шум, тогда как она работает и действует втихомолку, а в последнее время заключила с американцами много соглашений, которых Хрущев не осмелился бы заключить или же ему не удалось их заключить"; что „нынешние советские ревизионисты прикидываются лояльными и умеренными, но, на самом деле, они очень плохие"; „они замаскировываются, подобно ведьме из китайской сказки, которая надела красивую личину, чтобы заманить молодых парней, заманила двух из них, но третий сорвал с нее личину, обнажив, тем самым, истинное лицо ведьмы" и т. д. и т. п.

Но, когда наш посол спросил их: „Почему и вам не атаковать нынешних советских руководителей, чтобы сорвать с них личину?", они ответили ему: „Мы (китайцы) отвечаем советским статьями братских партий, но, когда настанет время и они (советские) нападут на нас (китайцев) непосредственно, тогда мы сокрушим их окончательно". **Итак, „ожесточенная" борьба чужими патронами,** следовательно, живя „взятой в

долг мукой", китайцы нанесут „сокрушительный удар" ведьме, после того, как другие сорвут с нее маску. **Одним словом, „кочет яичко снес, а ворона раскудахталась"**. Это воистину возмутительно, это не имеет ничего общего с марксизмом, это нечестно. Однако гнуснее всего выдуманная ими причина того, почему они не ведут борьбы и полемики с советскими ревизионистами. Китайские товарищи не атаковывают их, „чтобы не вредить" советскому народу, ибо, по их утверждению, если они атакуют их, то советское руководство скажет советскому народу: „Видите, что делают китайцы, они не дают нам бороться как следует с империалистами. Мы (советские) боремся с империализмом, а они (китайцы) нападают на нас". Так что советский народ разозлится и не поймет нас, китайцев. Поэтому мы ждем, чтобы те (советские) открыто атаковали нас, а затем мы нанесем им сокрушительный удар".

Таково „гениальное", „марксистско-ленинское" соображение этих китайских товарищей, такова их „революционная" тактика!! Ведь это скандально. С одной стороны, это значит играть на руку ревизионистам, (ведь они хотят как раз именно такого спокойствия, в условиях которого им незачем атаковать открыто), а, с другой стороны, согласно логике китайской тактики — **пусть советский народ злится на братские партии, срывающие маску с советских руководителей** — это не имеет для китайцев значения. Баллысты у нас, чтобы оправдать свое неучастие в борьбе против захватчиков, твердили: „Надо так, чтобы и волки были сыты и овцы целы". Китайцы думают так же: пусть маску с ревизионистов сорвут другие, за нами останется слава руководства этим делом, слава мудрости, зрелости и хладнокровия, пусть другие вытаскивают за нас каштаны из огня!

К их сожалению, это расчеты, построенные на песке.

Во-первых, советский народ не злится, когда мы разоблачаем ревизионистских предателей, наоборот, он радуется, крепнет, это он считает за помощь, он усиливает свою любовь и уважение к нам.

Во-вторых, мы не вытаскиваем из огня каштаны за оппортунистов, а вносим свой вклад в дело сохранения чистоты марксизма-ленинизма, независимо от того, что обжигаем себе руки. Пусть мы обожжем себе руки и всего себя ради столь великого дела! Это мы считаем за честь, за величайшую честь.

В-третьих, думая и поступая так, китайские товарищи допускают грубую ошибку; подобные спекуляции ни к чему хорошему их не приведут. Мир ставит тебе отметку и взвешивает тебя по достоинству, по тому, что ты поставил на весы. Время и люди будут правильно взвешивать любое слово, любой поступок, любое деяние любой партии и любого народа при отдельных ситуациях, при отдельных и при совместных действиях.

СУББОТА
13 ФЕВРАЛЯ 1965 г.

МАО ЦЗЭДУН ПРОТИВОСТОИТ РЕВИЗИОНИСТУ КОСЫГИНУ ТВЕРДО И ПРАВИЛЬНО

С глубоким удовлетворением отмечаем, что согласно официальным сообщениям китайских товарищей о переговорах, состоявшихся между Мао и Косыгиным, когда последний возвращался из Ханоя, Мао решительно дал по морде этому ревизионистскому мерзавцу.

Короче говоря, Косыгин попросил Мао, чтобы китайские товарищи принимали участие в совещании партий, назначенном на 1 марта, хотя оно даже „переименовано", или, по крайней мере, не подвергали их критике за это совещание, фактически являющееся раскольническим, ревизионистским совещанием. Он высказался за то, чтобы прекратить полемику между ними, или „хотя бы вести ее не сурово, а мягко"; Косыгин попросил Мао также сказать ему, когда смогли бы встретиться представители Коммунистической партии Советского Союза и представители Коммунистической партии Китая для переговоров, как и его мнения о том, когда можно было провести совещание 81 коммунистической и рабочей партии. Он говорил ему также о том, что не следует поддерживать новые, уже созданные и создающиеся марксистско-ленинские партии и группы и т. п.

Как видно, Косыгин изложил Мао множество просьб, причем изложил их хитро, якобы покорно. Однако Мао отверг их иронически и с пренебрежением.

„Наши товарищи (Чжоу Энь-лай), сказал Мао Косыгину, предупредили вас отказаться от совещания, назначенного на 1 марта, тогда как я рекомендую вам провести его, не меняя ни даты, ни названия его, ибо как бы вы ни называли его, когда бы вы ни проводили его, вы все равно будете разоблачены. Мы не примем участия в этом совещании, а для двусторонних переговоров условия еще не созрели. Вы должны открыто признать ошибки, допущенные по отношению к Албании, признать также ряд ошибок по отношению к Китаю", при этом Мао перечислил их по одному.

Косыгин ответил Мао, что они (советские) не признают их. Тогда Мао сказал ему, что „мы (китайцы) раньше говорили, что на подготовку совещания 81 коммунистической и рабочей партии уйдет 4-5 лет, но теперь, по всей видимости, этот срок придется удвоить, на его подготовку уйдет 8-10 лет, и, быть может, после этого срока снова нужно будет хорошо подумать".

Что касается полемики, сказал он ему, то она будет продолжаться 10 000 лет, ибо полемика никого не убивает, а лишь разъясняет проблемы. Косыгин сказал Мао, что „острая полемика вредит", а тот ответил ему, что, „если она не будет острой, она будет безэффектной, между тем как она должна быть такой, чтобы кого-то и что-то обжигала". Затем Мао иронически заметил, обращаясь к Косыгину: „Вы — „марксистско-ленинская" партия, а мы — „догматики". В таком случае как же это вы можете предлагать прекратить полемику против „догматиков"? Вы исключаете из ваших „марксистско-ленинских" партий „догматиков", которых впредь мы будем еще больше защищать и поддерживать".

Когда Косыгин заговорил о „единстве", Мао сказал ему: „Вы должны признать ошибки, допущенные по отношению к албанцам, взять обратно обвинения, возведенные на них на XXII съезде, признать ошиб-

кой разрыв дипломатических отношений с ними и исправить все это". На это Косыгин ответил Мао, что „теперь уже сложились другие условия; новое руководство не обвиняет албанцев". Но Мао сказал ему, что это просто пустословие, ибо они не признавали допущенные в отношении албанцев ошибки. Кроме этого, касаясь единства, Мао сказал ему: „Вы должны отменить ваше письмо от 14 июля 1963 года, антикитайский доклад и антикитайские постановления февральского пленума 1964 года Коммунистической партии Советского Союза; вы должны признать неправильными постановления XX и XXII съездов, как и борьбу против культа личности Сталина, ваше представление о мирном сосуществовании, о всенародном государстве и всенародной партии, о разоружении и решении других проблем, занимающих человечество. Мы, сказал ему Мао, со всеми этими взглядами не согласны, и покуда вы не измените свою позицию, между нами не может быть единства. Достаточно лишь того, чтобы вы признали свои ошибки, сказал ему Мао, и единство будет достигнуто. Поэтому, прежде всего вы должны признать, что допустили ошибки по отношению к Албании и Китаю".

Мао сказал далее ему: По-видимому, враги заставят нас объединиться через 10 или 15 лет, или же через 7 или 8 лет, когда они обратят на нас ружье и штыки. Прервав его, Косыгин сказал: „Это значит, что мы объединимся в условиях войны". Мао ответил ему: „Вы не признаете свои ошибки и продолжаете ошибаться и, по всей видимости, вы будете учиться у двоякого рода учителей: у народов мира и у империалистов; более того, вы извлечете уроки также из войны империалистов, но только тогда, когда откажетесь от своих ошибок".

Мао говорил Косыгину также о борьбе, которую необходимо вести против империализма, которой они

(советские) боятся; о национально-освободительной борьбе народов, которой они (советские) помогают очень мало. При этом Косыгин прервал его и заметил: „Я не согласен с такой оценкой, ведь везде, где идет революционная борьба, Советский Союз оказывает большую помощь", но Мао, с холодной усмешкой, продолжил прерванную идею: „Даже говоря, что вы очень мало помогаете, я говорю это в порядке вежливости".

Это отличное, твердое и принципиальное поведение со стороны Мао. Советские поставлены в трудное положение, из которого они не могут выйти, не сломав себе шею.

Встреча Косыгина с Мао приобретает для нас большое значение, ибо Косыгин утрачивает всякую иллюзию выйти из положения, не потеряв предварительно и перья, и голову. С другой стороны, из этой беседы Косыгин хорошо понял, что Китай и Албания находятся в полном единстве; более того, как нам сказали, наш вопрос и наши требования Мао поставил на первый план. В этом случае советские ревизионисты утратили и те иллюзии, которые, быть может, были порождены у них известными нам действиями Чжоу Энь-лая. Эта беседа в будущем будет иметь последствия в политике и в идеологии. Как бы то ни было, мы довольны этим мужественным марксистско-ленинским поведением Мао; нам такое поведение следует считать победой для марксизма-ленинизма и поражением для ревизионистов.

Если подвести итоги поездки Косыгина на Дальний Восток, то можно прийти к выводу, что он потерпел там идеологическое и политическое фиаско.

В отношении китайцев он также потерпел идеологическое и политическое поражение. Его демагогические и хитросплетенные маневры получили тяжелый удар; его предложения были отвергнуты с отвращением. Китайцы политически озлоблены, так как пол-

ностью раскусили подлинные намерения советских ревизионистов после их поездки во Вьетнам, а затем в Корею. Это очень важно.

Их поездку во Вьетнам и оказанную им там встречу — такую, какую им оказали — с трудом можно считать „помпезной", тем не менее ревизионисты станут пропагандировать ее, но фактически она просто пиррова победа, соломенное пламя. В политическом отношении советские ревизионисты были поставлены перед большими трудностями боевыми действиями южновьетнамских партизан и варварскими провокациями американцев против Северного Вьетнама. Их „сосуществование" с Соединенными Штатами Америки их союз с ними были постыдно разоблачены. Советским ревизионистам не удалось осуществить свои истинные цели. Что касается „материальной и военной помощи" как Северному Вьетнаму, так и Южному Вьетнаму, то время покажет, что она является мнимой помощью, а будущие конъюнктуры не только уменьшат эту мизерную помощь, но еще яснее раскроют ее пропагандистский характер, доказав, что она есть сущая фальшь, инвестиция, рассчитанная на то, чтобы забрать Вьетнам в свои лапы.

Мы уверены, что результаты визита советских ревизионистов в Корею также будут незначительными, они будут просто поверхностными. Судя по сообщениям корейского телеграфного агентства, я думаю, что корейские товарищи славословили советских и даже больше, чем вьетнамские товарищи. Но в конце концов во Вьетнам Косыгин съездил специально, к тому же обстановка во Вьетнаме не та, что в Корее. Но корейцы могли бы говорить более пониженным тоном, хотя они и могут претендовать на то, что сказанное ими было адресовано Советскому Союзу и т. д и т. п. Ну хорошо, об этом говорили и мы, и китайцы, но ведь мы говорили и говорим и другое. Корейские то-

варищи не решались говорить другое, т. е. атаковать советских ревизионистов, а это использует Косыгин, который пытается найти трещины, помочь корейцам, чтобы заткнуть им рот „хлебом" и т.д. По-моему, корейским товарищам следует быть более решительными.

СУББОТА
27 ФЕВРАЛЯ 1965 г.

КИТАЙЦЫ ПУБЛИКУЮТ РЕЧИ ХРУЩЕВА!

Китайское телеграфное агентство передает, что оно публикует статьи и речи Хрущева (т. 3), которые оно называет мусором. Однако их опубликование в китайской печати дело не совсем без риска, ибо в этом мусоре кроется и демагогия, которая может ввести людей в заблуждение. Если не изобличить (причем не только с помощью 9 статей) и не комментировать их, то это может повредить делу. Китайцы странные люди в некоторых отношениях.

Китайские товарищи подают обычные признаки того, что намерены выступить в печати против совещания 1 марта. Это будет очень хорошо. Такое выступление ожидается, ведь прошло 4 месяца, и они до сих пор написали только одну статью.

**ПОНЕДЕЛЬНИК
1 МАРТА 1965 г.**

СОВРЕМЕННЫЕ РЕВИЗИОНИСТЫ РАЗВОДЯТ ДЕМАГОГИЮ О „СОВМЕСТНОМ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ"

Новое правительство Косыгина старается пустить в ход новую демагогическую тактику, чтобы завуалировать конкретные акции по сближению своей политики с политикой империалистической буржуазии в соответствии с пресловутым „мирным сосуществованием".

Надо сказать, что новое советское ревизионистское руководство поняло тот большой ущерб, который нанес ревизионистам стремительный предательский путь периода хрущевского руководства. Они очень рассчитывали на лидеров американского империализма, пошли им на значительные уступки, а сами пожали поражения.

Под руководством Хрущева современные ревизионисты оказались в страшных тисках, которые с каждым истекающим днем сжимались все сильнее и сильнее. Более того, их курс был настолько стремителен, что новым ревизионистам приходилось проявлять большую смелость, чтобы сдержать его, иначе они погибли бы под империалистической пятой, став вонючей падалью. Поэтому устранение Хрущева со сцены уже стало для них условием *sine qua non*, несмотря на то, что это означало бы для них большое политическое поражение.

Но, с другой стороны, не следует умалять тот факт, что, проведя эту операцию, они не показали себя ни трусливыми, ни глупыми. Они не показали себя трусливыми, ибо снятие Хрущева не могло не вызвать среди них открытые и скрытые противодействия, плюс противодействия со стороны советских марксистов-ленинцев и советского народа по многим другим вопросам. Они справились с этим делом, как сказать, при помощи не ослиного маневра. Те, кто сам был твердым хрущевцем, не разоблачили открыто Хрущева, ибо и впредь они должны были проводить его же линию, выработанную совместно с ним. Внутри, между собой, они немножко критиковали Хрущева, тогда как публично — совсем нет; таким образом они избегли своего разоблачения, спасли свою линию, предотвратили принципиальное противодействие личных сторонников Хрущева, а „оппозиция" последних, если ее можно называть так, была сведена к субъективно-сентиментальному вопросу, который зарубцовывается временем.

Однако хрущевским ревизионистам, низвергшим Хрущева, пришлось серьезно подумать об изменении тактики, с тем чтобы оправиться, продолжить свою линию и предотвратить удары со стороны марксистов-ленинцев. Наши противоречия с современными ревизионистами — глубокие и непреодолимые по всем вопросам. Никита Хрущев с компанией пытались провести нас, навязать нам свои изменнические взгляды. Но они провалились и были вынуждены вступить во фронтальную борьбу с нами по всем вопросам. И в данном случае они проиграли все битвы одну за другой, их крепости взлетели на воздух. Тогда Хрущев и его друзья стали призывать к прекращению полемики, вернее к прекращению ее с нашей стороны, чтобы спокойно продолжать свой предательский курс. И тут они потерпели крах.

После свержения Хрущева, его оставшиеся у влас-

ти товарищи не предпринимали громогласных попыток, как Хрущев, бия себя в грудь о необходимости прекратить полемику, но, не забывая об этом призыве, сделанном тихим голосом, они, по всей видимости, приняли тактическую линию: добиваться прекращения полемики не выкриками, а ища в генеральной линии своих противников ту область, в которой может подействовать демагогия, а полемика может сама собой увянуть. В связи с этим вопросом подходящей областью они нашли область внешней политики, или „антиимпериалистический фронт".

В этой области ревизионисты думают развернуть демагогию с целью увядания полемики, продолжить ее в области торговли и, настолько, насколько это позволят им условия, и в области официального культурного обмена. Тем не менее „антиимпериалистический фронт" является первой областью их экспериментирования. Хрущевским ревизионистам прекрасно известны китайские взгляды, неоднократно, причем совершенно открыто высказанные по этой проблеме: „Нам надо создать антиимпериалистический фронт также с ревизионистами". Когда китайцы высказывали нам эту мысль, мы возражали против участия ревизионистов в этом фронте, но, по всей вероятности, они высказали ее также Коммунистической партии Японии и некоторым другим партиям Азии, и уже договорились с ними.

Теперь советские ревизионисты не только предлагают им такое сотрудничество, но и действуют на практике. (Выезжая во Вьетнам, Косыгин предложил китайцам выпустить совместное заявление против империализма).

Какие же действия они предпринимают?

1 — Тесное и плодотворное советско-американское сотрудничество продолжается, но не как при Хрущеве, а без шума, без речей и осанн. Они заклю-

чают соглашения, договариваются в ООН о том, чтобы эта организация прекратила свою работу. Соединенные Штаты Америки бесхлопотно продолжают свое дело в Конго и других странах. Американцы бомбят Демократическую Республику Вьетнам, а Косыгин выступает с речью лишь для отвода глаз, но в то же время делает первые шаги по пути проведения новой демагогической тактики, истинной тактики их пресловутого „сосуществования".

2 — „В общих чертах, твердят советские, мы против американского империализма". Советские ревизионистские газеты теперь выступают „против американского империализма", причем не только против „бешеных", но и против „правительства Джонсона", они уже не пишут о „разумных американских голубях" и т.д.

3 — На международных совещаниях их первой линией является „антиимпериалистическая позиция", причем, если не на одной высоте с нашим и китайским тоном, то не очень ниже его.

4 — Даже в том случае, если китайцы не согласятся с ними на этих совещаниях, все равно ревизионистская демагогия делает свое: китайцы стесняются, не полемизируют, а если они полемизируют косвенно, то ревизионисты не принимают это к сердцу, не принимают вызова, молчат и дают понять, что „вот, мол, мы за „антиимпериалистический фронт", мы выступаем против американцев также, как и китайцы, но последние не довольны, не понимают нас, нападают на нас. Они (китайцы) не за такой фронт, но тем не менее мы (советские) молчим, мы терпеливы, мы будем проявлять выдержку". Ревизионисты говорят так один раз, пять раз и таким образом считают, что могут добиться прекращения полемики в столь главном направлении. Надо взяться за это звено цепи, думают они, чтобы затем взяться и за другие по очереди. Этим самым ревизионисты пытаются убить одним выстре-

лом не двух, а трех зайцев: продолжать курс на сближение с американцами, заманить в ловушку китайцев, шантажировать американцев и таким образом наверстать упущенное, восстановить утраченный престиж и добиться того, чтобы за сравнительно короткий срок их политика стала доминирующей.

Мы должны ежедневно, непрерывно разоблачать эту демагогию, ибо, даже если китайские товарищи замечают и понимают эти уловки советских ревизионистов, то их не замечают или же не хотят замечать и как следует бороться с ними ревизионисты некоторых стран вокруг Китая. Они полагают, что надо прилагать усилия к тому, чтобы хрущевские ревизионисты „стали в строй". Итак, обе стороны полагают, что обе крайности могут легко сомкнуться, тогда как советские, со своей стороны, рассчитывают заманить в ловушку „этих друзей".

Боюсь, что „эти друзья" сдерживают китайцев. Последние частично оттого, что проводят широкую, длинную политику, частично оттого, что хотят (в данном случае они правы) сохранить единство и союз с соседними народами и братскими партиями (что представляется необходимым), могут пойти на уступки в своей тактике и, в случае отсутствия бдительности, могут скомпрометировать принципиальную линию.

Не знаю, но корейские товарищи, хотя и признают нас правыми и выражают согласие с нами (за кулисами), они все-таки колеблются, проводят свою, замкнутую политику. Другое дело вьетнамцы; хотя часть из них сильно колеблется, колеблющиеся по крайней мере открыто высказывают свою точку зрения, твердые — также.

Как бы то ни было, время, факты скоро изобличат современных ревизионистов. Американским империалистам приходятся идти вперед в своей агрессивной деятельности, так что они долго соглашаться с

тактикой советских ревизионистов не будут. Американцы будут продолжать свои провокации против Северного Вьетнама, грязную войну в Южном Вьетнаме, расширение конфликтов в других районах мира, в которые они вмешиваются, так что они не только еще больше взбесятся из-за своих верных поражений, но своими действиями разоблачат также советских ревизионистов.

Они, например, наверняка сорвут советско-французское предложение о так называемом урегулировании вьетнамского вопроса. Американцы еще основательнее скомпрометируют хрущевских ревизионистов, подыгрывающих империалистической буржуазии. Это будет именно так, ибо фактически советская политика оказалась в трясине, она находится среди огней, а ее шаги формулируются в соответствии с временными конъюнктурами, создаваемыми империалистической буржуазией, в соответствии с ситуациями, ее взглядами и интересами. Раз советская политика в сущности своей является ревизионистской, то она не может придерживаться иной позиции по отношению к своим союзникам из стана буржуазии, кроме пути сохранения некоторых демагогических форм и некоторых личин.

Наши союзники увидят, насколько правильно ставим мы этот вопрос и насколько правильно поступаем мы, ведя борьбу без обиняков, бия наших врагов по голове своим железным кулаком. Змее надо задавить голову, этих изменников следует разоблачать открыто и по имени, ибо применение терминов: „некоторые утверждают", „некоторые поступают" ни к чему не приводит, толку от этого не будет; тот, кто поступает так, думает, что занимается дипломатией, что показывает себя дипломатом, но на самом деле это есть „страусовая дипломатия".

СУББОТА
13 МАРТА 1965 г.

КИТАЙ СДЕРЖИВАЮТ ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕЙСТВИЙ ХРУЩЕВЦЕВ

На основе происходящих событий и различных позиций, занимаемых в отношении этих событий, у меня создалось впечатление, что наши друзья, особенно корейцы, индонезийцы, может, и новозеландцы и какая-нибудь другая партия, оказывают большое сдерживающее давление на политику Китая.

До некоторой степени это сдерживающее давление сказывается в позициях Китая, может, не в сущности, не в принципах, а в тактике, в сдерживании быстрого реагирования, особенно на действия хрущевцев.

Y меня закрепляется мнение, которого мы и раньше придерживались о корейских товарищах, что они не только не тверды в борьбе против современных ревизионистов но и что поездка Косыгина еще больше ослабила эту борьбу. Мы не должны удивляться, если советские и корейцы кое-как договорились не поощрять полемику друг против друга, и что корейцы, быть может, согласились применять проповедуемый советскими ревизионистами способ безвредной „полемики".

Некоторые корейские руководители отличаются явным высокомерием и практикуют некую доктрину „Монро", т.е. уход в самого себя относительно борьбы в защиту марксизма-ленинизма. Они делают вид, будто выступают заодно с Китаем, но, фактически, они не со-

гласны с ним. В таком столь важном вопросе, как антиревизионистская борьба, они стараются отмечать и представляют дело так, будто они „независимы в мыслях, в действиях и решениях", однако, на деле, они больше склонны к центристско-оппортунистическим позициям, которые, в действительности, больше на руку современным ревизионистам.

Корейские товарищи, полагаю, определили свою линию в отношении позиций, которые следует занимать на международной арене, и выработали особую тактику в отношении Китая. Конечно, корейская тактика во многом отличается от тактики Китая, эта тактика еще не сталкивается шумно с тактикой китайских товарищей, которые осторожно избегают столкновения.

Но до каких пор это будет продолжаться — этого нельзя предвидеть. Факт, что когда мы обостряем борьбу с ревизионистами и разоблачаем их открыто, решительно и непрерывно, корейцы спешат сблизиться с нами и взяться за ложку, ибо реки стали молочными, а берега — кисельными. Поэтому для нас важно ограждать союзников от заразительной болезни современного ревизионизма, усилить борьбу против него, ибо этим мы упрочиваем и союзников, к тому же, в таком случае больше надежд и на излечение зараженных. Однако подобная центристская позиция корейцев не может не сдерживать китайцев, и это советские хорошо знают, но за неимением возможности пока что привязать Корею к своей колеснице (впрочем это им будет трудно) они стараются использовать и Трудовую партию Кореи в качестве буферной партии.

Мне кажется, что Коммунистическая партия Индонезии походит на неуклюжего слона, который еле двигается. Ее не слышно, она не играет надлежащей, отведенной ей роли. Она говорит, что выступает против ревизионистов, но на деле еще топчется на месте,

продолжает обмен письмами с ними, употребляя обращение „дорогие товарищи".

Коммунистическая партия Индонезии ведет борьбу под сурдинку, она направляет на ревизионистов стрелы, а затем „посылает поцелуи" „дорогим товарищам", которым она дает действовать преспокойно. Разве это революционная борьба?!

Борьба индонезийских товарищей, — да не „согрешу" я перед ними, — больше вдохновляется „мыслями" и действиями бунг Сукарно. Индонезийские товарищи говорят, что они очень выигрывают от „взаимопонимания" с Сукарно, но не выигрывает ли последний от „взаимопонимания индонезийских коммунистов с ним"?!

Во всяком случае, они тоже служат уздой для китайских товарищей, которые, хотя внешне как будто не уступают в принципах, на деле замедляют свои действия, ибо они хотят изучать и строить их так, чтобы сохранить оттенки, чтобы не выступать открыто. Полагаю, что так можно поступать, но в меру, ибо никоим образом нельзя прекращать, ослаблять, замедлять борьбу. Эти друзья будут вылечены и полностью вылечатся лишь в том случае, если мы будем решительны в борьбе и не будем допускать того, чтобы нам мешали колючки на нашем пути вперед.

Албанская партия Труда будет поступать именно так, невзирая на то, что кому-либо это может не нравиться. Наши действия никогда не приостановятся, они будут всегда на подъеме, на марксистско-ленинском пути, они будут отличаться высоким революционным духом.

ПОНЕДЕЛЬНИК
27 ДЕКАБРЯ 1965 г.

МЫ БУДЕМ ПОДДЕРЖИВАТЬ МАРКСИСТСКО - ЛЕНИНСКИЕ ПАРТИИ

Мы, в знак интернационалистической солидарности, поставили в известность китайских товарищей об основании Коммунистической партии Польши, согласно данным, которые сообщили нам польские товарищи марксисты-ленинцы. Это мы сделали и в силу какой-либо провокации, которую может устроить польское ревизионистское руководство. **Центральный Комитет Коммунистической партии Китая поблагодарил нас за информацию и отметил, что он не только не в курсе этого события и об этом не осведомлен польскими товарищами марксистами-ленинцами, но и что он не поддерживает тайных связей с ними и не помогает им, кроме как открытыми позициями в своей печати относительно борьбы против ревизионизма.**

Другими словами, Центральный Комитет Коммунистической партии Китая говорит нам, что он не вмешивается в эти дела. **Понятно, китайские товарищи не хотят, чтобы ревизионисты европейских „социалистических" стран обвиняли их во вмешательстве в их внутренние дела.** Подобная позиция Китая не мешает и не будет мешать современным ревизионистам и впредь обвинять китайцев во вмешательстве в их внутренние дела, а марксистов-ленинцев своих стран — в том, что они „подкуплены китайцами". Это также не мешало современным ревизионистам противозаконно

вмешиваться и составлять заговоры против наших партий и стран.

Мы не вмешиваемся во внутренние дела какого бы то ни было государства, однако, когда товарищи марксисты-ленинцы просят нашей политической и идеологической помощи, мы, со своей стороны, очень осмотрительно оказывали и будем оказывать и впредь эту помощь. В случае с польскими товарищами, это они сами борются, принимают и отменяют решения, мы не вмешиваемся в их внутренние дела; однако, когда они просят нашего совета, мы высказываем им свое скромное мнение; когда надо было поддерживать их дело, мы поддерживали его и будем поддерживать и впредь, причем думаем, что не поступаем плохо.

Во всех случаях справедливая борьба марксистов-ленинцев против ревизионистов своих стран безмерно радует нас, и, выражая нашу интернационалистическую солидарность, мы ничуть не боимся того, что ревизионисты будут обвинять нас „во вмешательстве". Мы не можем относиться с ледяным равнодушием к революционным выступлениям товарищей марксистов-ленинцев.

Мы считали и считаем, что поднятие масс на революцию в европейских ревизионистских странах дело необходимое и неотложное. Мы знаем также, что эта работа ведется в тяжелых для наших товарищей марксистов-ленинцев условиях. В этих странах они будут подвергнуты фашистскому террору, в этом нет никакого сомнения. Но ведь иначе нельзя, другого пути нет: **либо принять бой до конца с ревизионистско-фашистскими кликами, а, стало быть, пойти и на тяжелые жертвы, либо подчиниться им. Для революционеров не приемлем никакой другой путь, кроме пути борьбы.**

Образование марксистско-ленинской партии, когда для этого уже созданы условия, причем созданы в ре-

зультате борьбы, является первой необходимостью, главным субъективным фактором, является обеспечением успеха в революции. Считать уже созданными эти условия для образования марксистско-ленинской партии могут только марксисты-ленинцы данной страны и никто другой. Любой успех и любая неудача зависят от правильности оценки внутренней обстановки, от зрелости марксистов-ленинцев и степени их революционности, от проводимой ими генеральной линии, которая должна руководствоваться марксизмом-ленинизмом; они зависят также от внешних моментов и от многосторонней интернационалистской помощи марксистско-ленинских партий, будь они у власти или нет, но зато прочно стоящих на марксистско-ленинских позициях.

В связи с этой помощью мы ставим вопрос так: современные ревизионисты вмешиваются всюду, где это им удается, чтобы подорвать, чтобы низвергнуть марксистско-ленинское руководство, чтобы поглотить и забрать в свои лапы партии, народы и государства. В этом вопросе они не делают никакого различия, идет ли речь о социалистической или несоциалистической стране, о марксистско-ленинской или немарксистско-ленинской партии. Они не ограничиваются одной только пропагандой, они не гнушаются никаких средств. Всю эту деятельность они прикрывают демагогией, прежде всего, лозунгом „невмешательства", вмешиваясь и по локоть суя руки везде.

Поступать ли нам по их тактике? Ни в коем случае! Бояться ли нам того, что они скажут о нас, как они оклевещут нас? Ни в коем случае! Мы не можем оставаться равнодушными, когда они развертывают враждебную работу. Мы должны разоблачать их и противодействовать, вести с ними борьбу зуб за зуб. Одним из этих смертоносных ударов, помимо тех, ко-

торые мы наносим им на международной арене своей позицией и своей борьбой, является и многогранная поддержка и помощь, которую мы должны оказывать всем, без исключения, марксистам-ленинцам, где бы они ни развертывали свою борьбу.

1966

ВТОРНИК
9 АВГУСТА 1966 г.

КУЛЬТ МАО ЦЗЭДУНА

Маркс осуждал культ личности, как нечто отвратительное. Личность играет известную роль в истории, причем зачастую довольно важную, но для нас, марксистов, эта роль незначительна по сравнению с той ролью, которую играют народные массы, творящие историю, совершающие революцию, строящие социализм и коммунизм. **Роль личности для нас, марксистов-ленинцев, незначительна также по сравнению с огромной ролью коммунистической партии, стоящей во главе масс и руководящей массами.**

Однако мы с сожалением замечаем, что в последние месяцы, особенно в отношении этого вопроса, китайские товарищи встали на порочный и антимарксистский путь. **Культ Мао они превращают воистину чуть ли не в религиозный культ,** возвеличивают его до отвратительных размеров, совершенно не задумываясь над тем, какой большой ущерб они наносят делу своим поведением, не говоря уже о том, в какое смехотворное положение они ставят себя этим; ведь, действительно, поднимается такой шум и пускаются в ход такие помпезные термины, что все попахивает чем-то подстроенным, все становится анахроничным и недопустимым для нас, марксистов, неприемлемым для нашего времени.

У Мао большие заслуги в китайской революции, как и в деле социалистического строительства в Китае.

Мы относимся к нему с большим уважением, как к марксисту, однако мы не можем мириться с той пропагандистской кампанией, которую китайские товарищи развертывают вокруг его личности. Мы осуждаем эту разнузданную, ненормальную, немарксистскую пропаганду. Это факт, что наше замечание по этому вопросу, высказанное Чжоу Энь-лаю во время его последнего визита в нашу страну, совершенно не подействовало; более того, по всей видимости, наше товарищеское замечание задело китайских товарищей. Но нас ничто не сдвинет с нашей позиции — говорить то, что верно и отстаивать его.

Что получается из китайской пропаганды по данному вопросу? „Мао — это солнце, освещающее весь мир", „Мао — это великий гений, не имеющий себе равного в истории человечества", „Мысли Мао — это апогей марксизма", „Мао все знает", „Все сделано Мао", „Тот, кто желает разрешить все дела в любое время, в любой стране, пусть читает труды Мао, пусть вдохновляется идеями Мао". Это лишь некоторые, лишь немногие эпитеты, которые можно приводить здесь. Но в китайской печати употребляются такие хвалебные выражения, говорится о таких деяниях и происшествиях, что человек задумывается и задает себе вопрос: с марксистами ли имеем дело, или же с верующими? Ибо, действительно, судя по тому, что мы видим и слышим, в Китае относятся к Мао, как христиане к Христу. Высказывания о Мао, независимо от того, принадлежат ли они китайцам или иностранцам, порядочным людям или льстецам, простым, искренним людям или лицемерам, — все это китайская пропаганда возводит в теорию и в отвратительный хор.

Желая отмечать заслуги Мао, китайские товарищи затемняют роль масс, затемняют роль своей партии, не говоря уже о роли своего Центрального Комитета, который вообще „не существует" перед личностью Мао.

Марксизм-ленинизм они подменили „идеями Мао Цзэдуна", причем китайская пропаганда производит впечатление того, что она норовит сказать, что Маркс и Ленин также, мол, являются помехой для „славы Мао", вот почему она все меньше и меньше упоминает их. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что китайская пропаганда чего только не делает, чтобы внушить людям идею о том, что, говоря и думая о марксизме-ленинизме, человек должен думать об „идеях Мао Цзэдуна", поэтому, согласно этой пропаганде, „незачем ссылаться на учение марксизма-ленинизма, ссылаться надо только на идеи Мао". Неужели подобные мысли можно принять за марксистско-ленинские суждения?!

Возникает вопрос: зачем вся эта разнузданная пропаганда? Кому она на руку и нужна ли подобная пропаганда вокруг такого общепризнанного деятеля, как Мао Цзэдун, известного не только китайским коммунистам, но и коммунистам других стран? Этого я никак не могу объяснить иначе, кроме как шум оглушительного „тамтама", скрывающий враждебную работу нынешнего момента или дальнего радиуса действия.

Вопрос о „культе личности Сталина" выдумал в своих изменнических целях Никита Хрущев, который вдоволь наклеветал на него, чтобы „что-то оставалось" в умах людей. Такая разнузданная реклама китайской пропаганды вокруг Мао, фактически, дает пищу хрущевской пропаганде, хотя она и делает вид, будто противодействует ей.

Мы, албанские коммунисты, ведущие жестокую борьбу с современным ревизионизмом, раскусившие сущность тактики и стратегии хрущевцев, фактически являясь единственными последовательными защитниками правого дела Сталина и питая столь горячие чувства любви к китайским товарищам, к Мао, к китайскому народу и стоящие на одной линии и на одном фронте

с ними, просто не понимаем и отвергаем эту раздуваемую вокруг Мао пропаганду.

Итак, ставится вопрос: как же могут понять и принять подобную вещь те коммунисты в мире, которые еще не обладают нужным опытом и которых мы стараемся правильно вдохновлять своей работой? Почему китайские товарищи позволяют такой ход этого дела?

Как мы видим, подобная разнузданная пропаганда приняла тревожные для нас, марксистов-ленинцев, размеры, особенно с начала Культурной революции и с раскрытием антипартийной работы Пэн Чжэня и его компании. Китайские товарищи сказали нам, что это был крупный заговор против идей Мао Цзэдуна, что эти заговорщики — современные ревизионисты, агенты капитализма, — стремились взять в свои руки бразды правления, низвергнуть Центральный Комитет, превратить Китай в ревизионистскую капиталистическую страну. Эти люди были раскрыты с большим опозданием, но все-таки были раскрыты. Это была заслуга Коммунистической партии Китая, Мао лично и его марксистско-ленинских идей. Это верно, это сила, это факт, который надо отмечать и который должен вдохновлять китайских людей и вооружать их такими качествами, которые позволяли бы им доводить дела до конца для блага социализма в Китае, для блага марксизма-ленинизма и коммунизма вообще.

В Китае говорят о диктатуре пролетариата, говорят о классовой борьбе, но, когда дело касается того, как надо поступать с такими отъявленными заговорщиками, как Пэн Чжэнь с компанией, не делается ничего серьезного, марксистско-ленинского. Пэн Чжэнь, главный, даже и не упоминается где-либо по имени, а продолжает оставаться по-прежнему членом Политбюро Центрального Комитета наряду с Пэн Дэ-хуаем и некоторыми другими. Остальных же заговорщиков сняли с занимаемых постов, разоблачили и надели на

них „колпак" с целью их перевоспитания. Этих заговорщиков, которые стремились вырыть могилу режиму и Мао, даже и не судят.

Не раздувают ли эту разнузданную пропаганду о культе Мао пока что еще затаивающиеся современные ревизионисты, которые подобрали ноги, чтобы замести следы, с тем чтобы, уцелев сегодня как „пламенные маоисты", решительнее бороться завтра против партии и самого Мао, как это сделал Хрущев против марксизма-ленинизма, против Сталина, Советского Союза и международного коммунизма? Мы думаем и сомневаемся, что это именно так и есть. Видимо, китайские товарищи не чуют этой опасности.

Борьба за пролетарскую культуру против буржуазной культуры и ее влияния — это правильное дело, и никто из нас не должен пренебрегать ею. Но мы замечаем, что в этой происходящей в Китае Культурной революции есть что-то, наводящее на размышления. Самое главное это то, что „пролетарская культура берет свое начало в Китае и кончается в Китае", „кроме нее в мире нет ничего хорошего". Положительные и прогрессивные стороны человеческой мысли не имеют никакого значения для китайской пропаганды, для нее важны только „идеи" Мао Цзэдуна и все, что является делом китайских рук! Судя по тому, какой оборот принимают дела в Китае, это нездоровый дух, чреватый большими опасностями, как чревато последствиями и излишнее преследование там интеллигенции, напоминающее нам деяния, которые совершали против интеллигенции в нашей стране югославы и их агент Кочи Дзодзе, якобы защищая, как он утверждал, „пролетарское ядро".

Китайские товарищи, которые во многих вопросах проявляют „умеренность", „неторопливость", которые руководствуются принципом „перевоспитания" и теорией „ста цветов" и „ста школ", теперь стали орудо-

вать большим топором. Мы согласны, чтобы топор орудовал там, где это нужно, причем решительно; мы согласны с тем, что надо прибегнуть к метле, причем к большой метле, но, насколько мы можем судить, по крайней мере, по ведущейся пропаганде, метла сметает всякое творение, всякое литературное творчество, невзирая на общий прогрессивный дух произведения, на время, когда оно создано, на роль, которую оно играло в тех условиях, не говоря уже о мировой прогрессивной литературе и прогрессивной культуре вообще, которая для китайских товарищей не стоит ломаного гроша, является просто пустынной.

Быть может, я и ошибаюсь, но все это неправильно и вредит нашему великому делу. Марксизм-ленинизм не допускает подобной трактовки этих вопросов, ибо это приводит нас на порочный путь. Можно вести пропаганду против шовинизма и в то же время очутиться на пути шовинизма, можно говорить о связях с массами и в то же время оторваться от них, можно говорить о единстве международного коммунизма и в то же время очутиться в изоляции, пренебречь единством, можно говорить о творческой мысли и в то же время не считаться с творческой мыслью международного коммунизма, с прогрессивной творческой мыслью человечества.

Я думаю, что в настоящее время эти вопросы не очень ясны китайским товарищам. Почему? Это большой вопрос. Критика и самокритика, чистка сознания коммунистов от всяких мелкобуржуазных пережитков — это капитальный для нас вопрос, это одна из самых великих и самых действенных школ революционизирования людей, это наилучшее лекарство для излечения болезней и для спасения человека. Чем шире она будет применяться, тем лучше для дела, однако неправильное применение ее вредит делу, ибо в мире, даже и в рядах коммунистов, есть немало та-

ких, которые злоупотребляют этим оружием с целью сокрытия своих грехов, с целью опорочения и дискредитации других.

Воспитательная работа партии, ее контроль, ее руководство и советы абсолютно необходимы, они являются спасительным средством. Но, если это ответственное и сложное дело, если это труднейшее дело доверять студентам, предать его самотеку, как, по-моему впечатлению, поступают в Китае, это может быть сопряжено с большими опасностями. В этой стране теперь призывают массы и особенно студентов играть большую роль. Это правильно. Однако указания партии, партийное руководство в столь щекотливом деле должны быть четкими, прочными, без зигзагов в принципах, а главное — соблюдение этих принципов должно подвергаться контролю, ими надо руководить словно в битве, словно в революции, не прибегая к анархическим формам.

До вчерашнего дня бытовал лозунг „ста цветов", „ста школ". Как проводился в жизнь этот лозунг, к каким результатам он привел? Правильно ли он был воспринят? Имели ли место ошибки в его понимании и при его проведении в жизнь? Об этом Центральный Комитет Коммунистической партии Китая ничего не говорит. Враждебная работа Пэн Чжэня и его компании имеет ли своим источником эти директивы?! Не прикрывались ли они этими лозунгами? Об этом ничего не говорят. Быть может, китайские товарищи уже вынесли заключения по этому вопросу, но мы ничего не знаем об этом. Но ведь мы замечаем, что студенты в Китае закусили удила и бьют кого попало, и дело доходит до того, что приходится полиции вмешиваться, чтобы умиротворить их и очистить территорию. Мне кажется, что это неправильно.

Подвергать нападкам, опорочивать и называть

реакционным даже прогрессивное только потому, что оно старое, причем делать все это в революционные и прогрессивные для своего народа, для истории своего народа моменты, это в корне ошибочно.

Позволять студентам атаковать и опорочить всех старых ученых и всю старую интеллигенцию без исключения — это также в корне ошибочно.

Позволять, как это делают в Китае, студентам проявлять ужасную ксенофобию, это также грубая ошибка, ибо ксенофобия не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом и стирает грань между народами мира и мировым империализмом и капитализмом, между прогрессивным и реакционным.

„Страсти" студентов, если им дать проявляться как им угодно, как это происходит в Китае, по крайней мере по поступающим сообщениям, перечеркивают правильный лозунг воспитания и перевоспитания вплоть до Пу-и, императора Маньчжоу-Го, тут же заменяя его лозунгом: сметайте все, ибо в мире нет ничего другого, кроме „мыслей Лей Феня"[1]. Мысли Лей Феня пропагандируются как хорошие, революционные мысли, которые должны служить делу воспитания людей, но ведь нельзя допускать, чтобы, исходя из этих революционных принципов, вдохновляющих Лей Фенов, выбросить в помойную яму прогрессивные мысли людей в самом Китае и за его пределами. **Прогрессивная** культура и наука имеют универсальное значение, и мы, как коммунисты, опираясь на нашу марксистско-ленинскую науку, являющуюся универсальной наукой, не отбрасываем прочь прогрессивную мировую культуру и науку разных стран и народов.

Коммунисты постоянно нуждаются в чистке своего сознания, они нуждаются в беспрерывной закалке.

---

1 Китайский солдат.

Тогда что можно сказать о старых, беспартийных кадрах, о старой интеллигенции? Но разве это значит, что можно допускать опасные перегибы, как это происходит со студентами в Китае?

Что там основательное встряхивание, по моему, было необходимым, это бесспорно, однако встряхивание должно быть продуманным, организованным, управляемым и постоянным, оно не должно походить ни на землетрясения, ни на соломенные огни.

Работа по идейно-политическому воспитанию людей, по поднятию их научного и культурного уровня, на мой взгляд, не должна проводиться кампаниями, она должна представлять собой постоянную, причем продуманную кампанию; в процессе этой работы необходимо соблюдать принципы, исправлять ошибки, которые, бесспорно, неизбежны, прибегать к нужным тактическим зигзагам, идя и на временные уступки, если это потребуется с целью завладеть положением и преодолеть трудности.

Начинать культурную революцию, нанося удар по ревизионистам, таким как Пэн Чжэнь с компанией, не выпустив от имени Центрального Комитета партии четкого документа с указаниями о том, как должна происходить эта революция, это мне кажется ненормально.

Спрашивать мнения пяти студентов о том, какими должны быть будущие школьные программы в Китае, это мне кажется совершенно неправильным, несмотря на то, что эти пять или даже сто студентов вдохновлены сверху. Это формализм. Опыт масс должен быть разработан и поставлен Центральным Комитетом на обсуждение всех трудящихся, и при этом пусть высказывают свое мнение и миллионы студентов.

Эти свои мысли о том, что происходит ныне в Китае, я основываю на материалах китайской печати.

Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, естественно, принимает свои решения; у него своя, более широкая тактика. Не зная о них, я, быть может, и ошибаюсь в своей оценке ситуаций в Китае. Время разъяснит нам все.

СУББОТА
20 АВГУСТА 1966 г.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В КИТАЕ?

Большая загадка!! Происходят странные, опасные для великого дела коммунизма и безмерно беспокоящие нас события. Нам приходится решать задачу со многими неизвестными, стараться ясно видеть в этом темном китайском лесу. На основе марксистского суждения и используя те данные официальной китайской печати, которыми мы располагаем и которых в одно и то же время и много, и очень мало, мы сможем прийти к ряду ориентировочных заключений, столь нужных и необходимых для нашей партии, для той позиции, которую мы должны занимать в дальнейшем.

Я говорю, что надо вынести необходимые заключения, которые помогли бы нам ориентироваться, потому что у нашей партии должно быть свое, причем очень четкое мнение о том, что происходит в Китае. Наша партия — марксистско-ленинская партия и она никоим образом не позволит себе хоть на йоту поддаться субъективистским суждениям или же петь с чужого голоса, т.е. раз „официальная" линия Коммунистической партии Китая такова, значит нам следует быть солидарными с ней даже в том случае, если мы убеждены в том, что она не соответствует принципам марксизма-ленинизма, будь это даже по еще неясному вопросу. Касательно последнего случая, наша задача — выяснить его, однако мы должны быть очень осторожными, очень бдительными. Надо быть осто-

рожным, не идя ни на какие уступки, покуда не придем к соответствующим выводам и не выясним все, что связано с этим вопросом.

Не имея ключевых данных и основываясь на тех публичных документах, которые дают китайские товарищи, я вынужден в своем анализе делать также предположения, которые я считаю естественными при анализе фактов, даже в том случае, если последние не полны.

Дело началось с Пролетарской культурной революции против буржуазных элементов в области культуры, пробравшихся в партийные и государственные органы, как и против буржуазной культуры во всех ее аспектах. В этом отношении эту революцию надо было довести до конца. Это была справедливая борьба, и мы приветствовали ее, ибо как раз за это боролась, борется и будет бороться еще долгое время наша партия и так должны поступать все воистину марксистско-ленинские партии.

Как тактика проведения этой революции, так и методы доведения ее до конца, естественно, могут быть различными, в зависимости от внутренних и внешних факторов. Однако **такая весьма сложная, весьма щекотливая революция должна вдохновляться марксистско-ленинской идеологией, ее должна организовать и ею должна руководить партия** так, чтобы совершенно не попахивало мистикой, метафизикой, идеализмом, как в ее сущности, так и в ее формах, в ее тактике, ибо в противном случае это уже не пролетарская культурная революция, а ее противоположность, независимо от того, как ее рекламируют, независимо от того, что она приводит в движение массы из нескольких сот миллионов человек.

Эта Культурная революция в Китае, по-моему, началась не так, как должна была начать ее серьезная партия, стоящая на твердой почве. Ее разожгла армия.

затем Пекинский университет, а впоследствии пожар распространился по всей стране. Китайская пропаганда изображала ее как революцию, начатую снизу, революционными массами, как революцию, вспыхнувшую „стихийно", но, на самом деле, она была организована. Кем? На этот вопрос попытаемся ответить попозже, ибо ответить сейчас же трудно. Следует, однако, отметить, что уже теперь выступает личность Линь Бяо, руководителя армии, который болеет на протяжении целого ряда лет и которого также на протяжении целого ряда лет замещает Ло Жуй-цзинь, „враг", участник „черной банды". Линь Бяо выступил со статьей, в которой отмечается, что необходимо везде „читать, изучать труды Мао Цзэдуна и руководствоваться ими". Эта статья стала стержнем и знаменем „культурной революции" и борьбы против „черной банды".

Возникает вопрос: как это можно и правильно ли, в духе ли марксизма-ленинизма то, чтобы знаменосцем такой культурной революции стал один член Центрального Комитета и Политбюро, будь он даже министр обороны или даже сам первый секретарь или председатель партии, тогда как партия и ее Центральный Комитет оставались в тени?! Нет, это не нормально, это ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Подобные решения может принимать и подобные действия может предпринимать только Центральный Комитет партии. К этой Культурной революции призвал не Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, не он руководил ею. К ней призвали другие, она проходила в условиях самотека и неразберихи, и это было названо „революционным путем". Только в последнее время, несколько месяцев спустя после начала революции, собрался Центральный Комитет (XI пленум через четыре года! Скандал!!) и издал „положение" о том, как надо проводить Культурную

революцию. Какие еще вопросы обсуждал этот пленум Центрального Комитета? Большая загадка. Позднее мы сделаем некоторые выводы из состоявшегося несколько дней назад на площади Тяньаньмынь митинга одного миллиона участников Культурной революции.

Итак, судя по тому, как вспыхнула эта Культурная революция, как и по обнародованным фактам можно прийти к выводу, что такой образ действия был навязан Центральному Комитету Коммунистической партии Китая, поскольку он вынес решение и принял резолюцию о том, как надо руководить этой революцией, гораздо позднее, несколько месяцев спустя после ее начала.

Почему это так произошло? В этом и заключается загадка, поэтому пока что это необъяснимо. Это факт, что прошло пять с лишним лет с того времени, когда должен был быть созван IX съезд Коммунистической партии Китая, VIII съезд которой состоялся в 1956 году. А почему? Трудно объяснить. Как правило, каждая марксистско-ленинская партия собирает не менее чем два раза в год пленум своего Центрального Комитета. Последний же пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая собрался с опозданием на четыре года! Тогда кто руководит партией? Руководит ли съезд? Руководит ли в промежутках между двумя съездами Центральный Комитет? Видимо, эти форумы отстранены от руководства. По-видимому, руководит Политбюро Центрального Комитета, руководят некоторые главные лица. Ну а эти лица руководят ли, по крайней мере, коллегиально и придерживаются ли партийных норм, или же облачены неограниченными „компетенциями" по всем вопросам и устанавливают промежуток между съездами и пленумами по своему усмотрению? Об этом мы не можем высказывать своего мнения, но замечаем, что в Политбюро Центрального Комитета Коммунистической пар-

тии Китая имеются враги, такие как Пэн Дэ-хуай и Пэн Чжэнь. Другие товарищи из Политбюро, из Центрального Комитета и вне его каких только деяний не совершают, которые раскрываются в последнее время и исходя из этого против них начинается культурная революция. Их деятельность была названа крупным заговором, стремившимся направить социалистический Китай на путь ревизионизма, на путь капитализма, пытавшимся подменить идеи Мао Цзэдуна и т.д. Если это такой заговор, если этот заговор был составлен и в армии и повсюду, то это уже не „культурный", „идеологический" заговор, а прежде всего политический заговор, направленный на свержение социалистического строя.

Китайские товарищи всячески уклоняются от того, чтобы назвать его своим именем. Когда я сказал Чжоу Энь-лаю после его изложения (которое было довольно общим относительно участников этого заговора), что Пэн Чжэнь и его друзья — агенты империализма и капиталистов, он вскочил и сказал: „В своем изложении я ни разу не называл их такими".

Отсюда мы можем вынести некоторые предварительные заключения: Если Центральный Комитет Коммунистической партии Китая собирается раз в четыре года, то китайское руководство не в порядке, оно нарушает партийные нормы, нормы демократического централизма, нормы коллективного руководства. Политбюро Центрального Комитета лишило Центральный Комитет его руководящей роли, отняло у него компетенции, а в самом Политбюро преобладало личное неограниченное руководство, не контролируемое или же слабо контролируемое даже самим Мао Цзэдуном. Факт, что во всем этом деле, когда пропагандируются идеи Мао, упоминаются его старые сочинения, цитаты также выписаны из его старых сочинений. Новых нет.

Руководил ли эффективно товарищ Мао со времени последнего съезда, состоявшегося в 1956 году, или же его просто спрашивали „на ходу" и он только „вдохновлял"? Конкретно мы об этом ничего не знаем. Но я лично думаю, что этим методом работы, противоречащим духу марксизма, волей-неволей был отстранен и сам Мао, который превратился просто в символ. Дела делались вопреки партийным нормам, стало быть, там, по всей вероятности, отсутствовало единство мнения и действия. А это было на руку карьеристам, фракционерам и прочим врагам. Об этой болезненной обстановке ясно говорит их позиция в отношении некоторых капитальных идеологических и политических вопросов, и мы, указывая на них, не ошибаемся, так как они общеизвестны:

1 — В решительную борьбу с современным ревизионизмом они включились с очень большим опозданием. Долгое время нашу партию они не защищали открыто. Почему? Тактика? Нет, из-за идеологических колебаний, из-за нерешительности. Эта серьезная проблема, конечно, не была обсуждена в Центральном Комитете, поэтому в их позиции отражались колебания товарищей из Политбюро и принималось какое-либо решение для исполнения, но хромое.

2 — Был низвергнут Хрущев, и китайские товарищи сразу же решили отправиться в Москву, чтобы уладить дела. (Известен скандальный поступок Чжоу Энь-лая по отношению к нам.)

3 — Их курс на „антиимпериалистический фронт и с современными ревизионистами". Через шесть или семь месяцев они отказались от этой позиции, заняв противоположную, правильную позицию.

4 — Китайская печать и китайская пропаганда совершенно не взяли под защиту, а, напротив, игнорировали Коммунистическую партию Индонезии, кото-

рой реакция нанесла столь тяжелый удар. Почему? Это очень серьезная проблема.

Все это и многое — многое другое наводит меня на изложенную мною раньше мысль о том, что в Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая нет единства, нет коллегиальности в работе, что работа на немарксистском пути ослабила партию, ослабила Центральный Комитет и способствовала многим дурным явлениям, которые, прикрываясь множеством причин и происшествий, прокладывали себе путь вперед, источали положение, делали свое дело.

Даже после того, как эта враждебная деятельность была раскрыта, борьба с ней опять-таки не велась и не ведется правильным, партийным, марксистско-ленинским путем. Вот почему это вызывает большие подозрения. Вместо того, чтобы такую борьбу вела партия, ее ведут „революционные комитеты", которые, как известно, остаются вне партийного контроля и руководства, и все делается, всем руководят от имени разнузданного культа личности Мао Цзэдуна, от имени „трудов Мао Цзэдуна", „цитат Мао Цзэдуна" и вплоть до „плавания Мао Цзэдуна".

В последнее время имя партии полностью заслонено именем Мао Цзэдуна. „Все сделано Мао Цзэдуном", „всем руководят его идеи", партия живет по милости этих „идей". „Без Мао нет партии, нет социализма". Причем все эти ужасные извращения (по этим вопросам достаточно читать Синьхуа) совершаются в присутствии Мао. Мао одобряет их. Почему? Вот это странно!

Даже если предположить наихудшее, — что Коммунистическая партия Китая „полностью выродилась" и потребовался бы авторитет самого Мао, чтобы восстановить положение, — опять-таки путь, по которому они следуют, не марксистско-ленинский путь, это опасный путь. Даже если предположить, что весь Цен-

тральный Комитет Коммунистической партии Китая выродился и стоит на враждебных позициях, выбранный там путь восстановления положения это не марксистско-ленинский путь, это опасный путь. Фанатизация масс относительно личности Мао Цзэдуна, как это делается в Китае, таит в себе весьма опасное дело, и Мао допускает колоссальную ошибку, не принимая суровых мер в связи с этим.

Кто устроил всю эту громадную работу на этом порочном, опасном пути, чреватом серьезными последствиями? Пленум Центрального Комитета, который состоялся в этом месяце и который, согласно выпущенному им коммюнике, длился 12 дней, несомненно, обсудил много проблем и единодушно одобрил линию Культурной революции, как и выбранный образ действия.

Кроме коммюнике, в котором после Мао Цзэдуна демонстративно отмечался Линь Бяо, состоялся также митинг на Тяньаньмыни с участием одного миллиона человек, на котором присутствовали также Мао и остальные руководители. Особенно бросалась в глаза военная форма Мао. Но это еще не все. Сам митинг, его оркестрованное проведение, коммюнике о митинге, сообщение о том, кто стоял на трибуне, произнесенные на нем речи и помещенные в газетах фотографии, все это должно было указать — и фактически подтвердило — некоторые из главных установок пленума. Выходит, что главными руководителями этой революции являются Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Энь-лай. Линь Бяо выступил с главной речью, превознес до небес Мао, который стоял и выслушивал восхваления. Чжоу Энь-лай также перифразировал Линь Бяо, он, естественно, восхвалил Мао и Линь Бяо; наконец, как передает Синьхуа, сам Чжоу Энь-лай с трибуны стал дирижировать массами, которые певали на площади.

Как видно и из официальных источников, Чжоу

Энь-лай, как всегда, и в данном случае играет роль дирижера. Итак, получается, что на протяжении целого ряда лет Чжоу Энь-лай играл главную роль в руководстве после Мао. Это весьма подозрительно, так как отношение Чжоу Энь-лая к нам и к современным ревизионистам было весьма подозрительно. На страницах пекинских газет мы видим только фотографию Мао, и это нормально, но затем видим фотографию Мао — Линь Бяо, а на других страницах — фотографию Мао или же супруги Мао с Чжоу Энь-лаем.

Она, жена Мао, впервые появляется на политической арене.

С другой стороны, изменился порядок размещения руководителей, — а размещение было для китайцев своего рода табу. После Чжоу Энь-лая четвертое место занимает заведующий пропагандой, тогда как Лю Шао-ци перешел со второго места на восьмое, а Чжу Дэ — с четвертого места почти на последнее и т. д. Это, если я не ошибаюсь, говорит о том, что в Центральном Комитете имелись разногласия, имелись фракции и споры. Поскольку в списки внесены изменения, — а изменения в списках являются единственным и известным китайским способом сообщить об изменениях, — кроме группы Пэн Чжэня (он не фигурирует в списке) были еще и другие. Но этот способ двусмыслен, хочешь — пойми его так, не хочешь — пойми сяк, хочешь — пойми, что Пэн Чжэнь выведен из состава Политбюро, не хочешь — пойми так, что он не выведен.

Однако одно достоверно: Лю Шао-ци уже не занимает прежних постов. Почему? Что он думает об этих делах? Прав ли он или неправ? Кто прав, а кто неправ в этом деле? В этом и заключается загадка, которую следует разгадать. Только путем правильного, а не субъективного анализа событий и позиций можно и надо разгадать загадку.

Не может быть никакого сомнения в том, что эти воззрения, эти меры, принимаемые китайцами, основаны на определенной линии, которая воплотится в жизнь и даст нам возможность лучше судить и проверить, правильно ли мы рассуждаем или же наши тревоги беспочвенны. Мне хотелось бы, чтобы я был неправ в своем анализе, но, судя по этим действиям, а также зная Чжоу Энь-лая, я боюсь, что там существует сильная группа во главе с ним, которая маневрирует немарксистским путем и которой удалось временно ввести в заблуждение также товарища Мао, излагая ему положение в ложном свете. Мао не должен допускать таких ошибок. Может быть, он уже оторван от дел, и вследствие того, что ему неправильно докладывают о ситуациях, он пришел к выводу, что только таким путем может быть ликвидирована враждебная работа, могут быть ликвидированы группы и исправлены люди, может быть создано марксистско-ленинское единство в партии.

Я думаю, что единство может быть достигнуто партийными, марксистско-ленинскими, революционными методами, а не называя революционным мероприятием раздувание масс посредством культа Мао и путем приобретения ими его трудов, якобы для того, чтобы изучать их и руководствоваться ими.

Труды Мао надо читать, их надо изучать, но, судя по тому, как делается все это в Китае, я думаю, что здесь шумов девять, а дело — одно. Боюсь, **как бы эта шумиха не прикрывала какое-либо бесшумное дело. Это было бы катастрофой. Y современных ревизионистов в употреблении всякого рода стрелы — короткого и длинного радиуса действия.**

Это факт, что современным ревизионистам — советским и другим — в борьбе против китайских товарищей и за закрепление своего якобы правильного положения против „культа Сталина", достаточно хотя

бы помещать в своей печати то, что говорится о Мао в китайской печати. Однако они этого вопроса не поднимают. Почему? Потому, что это им выгодно и отвечает их линии; китайцы, которые внешне якобы поступают против них в „вопросе о культе", тогда как на деле, в области идеологии, в отношении своих целей согласны с ними, не сегодня-завтра могут выступить заодно с ними. Они прикрываются маской борьбы с ревизионизмом, пышными, помпезными, „революционными" лозунгами: „Бороться за марксизм-ленинизм, бороться за построение социализма в Китае и во всем мире". Мао несет большую ответственность. Коммунистическая партия Китая и подлинные китайские марксисты-ленинцы несут большую ответственность в национальном и международном масштабе. То, что произошло в Советском Союзе, является большим уроком, который не должен повторяться где-либо.

Я надеюсь, что идеи Мао, в процессе их чтения и изучения массой коммунистов и народа, независимо от применяемых при этом неправильных форм и методов и особенно от их мистического и идеалистического духа, станут грозным противовесом, сдерживающим замаскированных современных ревизионистов, кем бы они ни были. Однако подлинные коммунисты во главе с Мао должны проявлять больше бдительности, больше активности, они должны еще решительнее взяться за дело пресечения враждебной деятельности, ведя с ней беспощадную борьбу, причем не только посредством манифестаций, но и пулей в лоб, если это понадобится.

ВТОРНИК
23 АВГУСТА 1966 г.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ

Отклонения в области культуры, против которых вспыхнула Культурная революция, как поясняют китайская печать и китайская пропаганда, являются реальной действительностью. Китайское руководство более или менее установило и группу в главном руководстве, ответственную за эти отклонения. Самыми главными в этой группе являются Пэн Чжэнь и Лю Дин-и.

Возникает вопрос: Только они ли ответственны в главном руководстве за эти столь опасные отклонения? А остальные, как же это они столь долгое время не замечали и не принимали мер против этих отклонений?

Указанные отклонения не могут быть просто „культурными" отклонениями. Они прежде всего идеологические и политические отклонения. Это, как поясняет китайская пропаганда, связано со всей „надстройкой". Исходя из этой пропаганды получается, что Пэн Чжэнь и Лю Дин-и направляли в китайском руководстве всю политику и идеологию. По-моему, это неправда. Тут есть и другие.

Но давайте рассуждать *par l'absurde.* Пэн Чжэнь и Лю Дин-и — единственные ответственные лица за эти культурные отклонения, а главное руководство не сумело вовремя раскрыть эти отклонения во всей их широте. Но ведь мы не можем согласиться с версией о том, что партийная и государственная политика выработана Пэн Чжэнем и Лю Дин-и. Этим делом, конеч-

но, занимались другие. Тогда встает вопрос: кто должен нести ответственность за опасные колебания, чреватые тяжелыми последствиями?

Во-первых, нигде нет какого-либо анализа, нигде нет ни одного дацзыбао в связи с идеологическими отклонениями в политической линии, за исключением культурной области. Установки о борьбе против современного ревизионизма давались, изменялись, давались новые. Тогда отчего все эти колебания в политической линии? Кто за них несет ответственность? Тут полнейшее молчание. Молчание, по крайней мере для нас и для общественного мнения.

Возьмем вопрос о создании **„антиимпериалистического фронта, в который вошли бы и ревизионисты".** По этому капитальному вопросу линия нашей партии была марксистско-ленинской, твердой, последовательной линией, тогда как линия Коммунистической партии Китая нет, она поколебалась и снова исправилась. Для нашей партии „фронт против империализма, в который вошли бы и современные ревизионисты", был невозможен, тогда как для Коммунистической партии Китая он был возможен. В связи с этим ключевым, капитальным, колоссальным вопросом мы оказались в большом идеологическом и политическом противоречии с китайскими товарищами, и если бы они не изменили путь, то между обеими нашими партиями обязательно возник бы идейно-политический конфликт. Китайские товарищи заметили наше серьезное реагирование и отказались от этого опасного пути, ибо это был ревизионистский курс. **Нельзя вести успешную борьбу с империализмом, если не вести успешную борьбу с ревизионизмом.** Таково наше руководящее ленинское положение.

Однако что означало китайское предложение „идти единым фронтом с современными ревизионистами против империализма"? Оно означало:

1 — Что наши партии придерживались бы одинаковых с советскими и другими ревизионистами взглядов на природу империализма, возглавляемого американским империализмом, и что наша борьба против него полностью отождествлялась бы с борьбой современных ревизионистов.

2 — Такое отождествление взглядов и действий по этому капитальному вопросу отодвигало бы на последний план всякие другие разногласия, ибо для того, чтобы включиться вместе с современными ревизионистами в общую борьбу против злейшего врага — американского империализма — и чтобы эта борьба была действенной, надо отказаться от полемики и от ожесточенной борьбы с изменниками марксизма-ленинизма и признать, что современные ревизионисты „это марксисты-ленинцы, допустившие некоторые исправимые ошибки, но все-таки они марксисты". Это положение ныне отстаивают некоторые ревизионистские руководители Трудовой партии Кореи и Коммунистической партии Японии, утверждающие: „идя единым фронтом с советскими ревизионистами против американского империализма и ведя борьбу против него, мы ведем борьбу и против современного ревизионизма".

3 — Проведение такой линии означало бы для наших партий перечеркивание идеологических и политических разногласий с советскими ревизионистами, принятие предательского курса хрущевского „мирного сосуществования", принятие явных и тайных советско-американских соглашений и договоров, принятие хрущевских буржуазных пацифистских идей, принятие их изменнических ревизионистских идей о партии, о государстве, о социализме, отказ от революции и от поддержки национально-освободительной борьбы народов. Одним словом, если бы наши марксистско-ленинские партии стали проводить такую линию, то они встали

бы в один ряд с ревизионистскими партиями „ради" ложного единства против американского империализма. Таковы были линия и требование хрущевцев.

4 — Проводить эту линию означало бы довести измену до самого конца или же оказать советским ревизионистам моральную помощь, дать им оружие для борьбы с нами, ибо, для того чтобы организовать фронт с ревизионистами против американского империализма, надо разобрать до конца эту линию. Это, особенно для нас, означает проводить одну и ту же политику, предполагающую одинаковые идеологические взгляды, установить единство военных и экономических сил. Итак, надо было выработать и принять другие политические, экономические, военные позиции, которые отвечали бы сложившемуся новому положению.

Ясно, что советские ревизионисты никогда не могли отказаться от своих изменнических позиций, так что пришлось бы нам отказаться от своих правильных, марксистско-ленинских позиций. Иначе говоря, проводить эту линию для нас означало бы перейти от революционных позиций в позиции оппортунистические, признав, тем самым, ошибочными нашу линию и наши позиции.

5 — В случае проведения такой линии, в дальнейшем ходе событий Китай должен был изменить свое отношение к Индии или принять индийскую политическую позицию по отношению к американскому империализму, точно так, как принимают ее советские, а также принять политику других „независимых" и „социалистических" буржуазных государств, которые примкнули бы к „антиимпериалистическому фронту". В случае проведения такой линии, нам пришлось бы принять в этот „фронт" титовских предателей.

Наша партия не только не могла проводить подобной изменнической, ревизионистской, антимарк-

систской линии, как и не стала ее проводить, но и должна была развернуть, как и развернула, борьбу с ней, которую она ведет и доведет до конца. Руководство же Коммунистической партии Китая допустило оплошности, некоторое время оно проповедовало эту линию, не официально, но вскоре отказалось от нее. Тем не менее проповедование китайским руководством этой порочной, антимарксистской линии оставило следы и имело горькие последствия. Ревизионисты использовали ее в качестве оружия, они воспользовались этим колебанием китайских товарищей.

Первоначально эту порочную линию нам преподнес Лю Шао-ци. Такую линию, конечно, прежде чем Преподнести нам, (ибо китайские товарищи прекрасно знали, что мы, в этом капитальном вопросе, как и в других вопросах, не могли идти на уступки) они преподносили Трудовой партии Кореи, Партии трудящихся Вьетнама, Коммунистической партии Японии, Коммунистической партии Индонезии и Коммунистической партии Новой Зеландии. Мы решительно отвергли ее и изобличили даже официально (не указывая на ее источник). Насколько нам известно, Коммунистическая партия Новой Зеландии также предотвратила эту опасность, тогда как остальные партии с энтузиазмом приняли ее. Об этом говорит позиция, занимаемая ныне некоторыми коммунистическими партиями Азии, говорят колебания в их руководстве и шум, который они поднимают по поводу „советской помощи", являющийся практическим осуществлением части этой линии. Наконец, об этом свидетельствуют события в Коммунистической партии Индонезии.

Кто несет ответственность за это столь серьезное дело в китайском руководстве, которое открыто и публично не говорит совершенно ничего? Кто поддерживает эту линию, осуществление которой имело бы пагубные последствия? Неужели только один Пэн

Чжэнь? Трудно верить этому. Не ошибся ли и Лю Шао-ци? Этого мы не можем сказать. Или же это Чжоу Энь-лай, проявивший столь большое усердие в своих наглых попытках переубедить нас ехать в Москву после падения Хрущева?

Если состоявшийся в этом месяце пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая не проанализировал эту грубую ошибку и не установил ответственность за нее, то он поступил нехорошо. Это значит, что пленум рассматривал вопросы поверхностно, а это говорит об отсутствии серьезности. Фактически, в одном документе, розданном китайцами в партии для внутреннего пользования и касающемся Культурной революции (который они передали также и нам) эти крупные вопросы, связанные с политической линией, не фигурируют. Быть может, это останется просто и строго внутрипартийным делом.

Тем не менее последствия остаются и тяготеют: Коммунистическая партия Японии и какая-нибудь другая партия порвали с нашей линией. Y этих партий — ревизионистское руководство. В этом нельзя винить Коммунистическую партию Китая, но в то же время и она не должна скатиться в оппортунизм ради того, чтобы эти партии придерживались нашей линии. А между тем это факт, что выше упомянутое мною колебание китайцев в политической линии руководство некоторых партий теперь использует в качестве оружия против китайцев и в качестве своей правильной линии. Оно утверждает, что „это китайцы колеблются, это они пытаются навязать нам свою линию". Понятно, речь идет о правильной линии борьбы с ревизионизмом, ибо с порочной линией китайцев они были согласны, причем продолжают с верностью проводить ее и публично трубить о ней.

Трудно будет китайским товарищам атаковать эту линию некоторых партий, так как они сами были

скомпрометированы. Вот еще другое последствие неправильной позиции. Мы же будем атаковать любую ревизионистскую позицию, где бы она ни проявлялась.

А теперь рассмотрим вопрос о Коммунистической партии Индонезии. Она получила исключительно тяжелый удар. Естественно, виновно само руководство Коммунистической партии Индонезии, не говоря уже о реакционном буржуа Сукарно, который должен был играть — как и сыграл — свою роль.

Но не несут ли Коммунистическая партия Китая и китайское правительство какую-либо ответственность за это дело? Мы, конечно, не можем высказываться категорично, так как нам не известны конкретно взаимоотношения между Коммунистической партией Китая и Коммунистической партией Индонезии, мы не знаем, проводили ли они между собой товарищеские консультации и были ли китайские товарищи полностью согласны с курсом, которого придерживалась Коммунистическая партия Индонезии, как они воздействовали на Айдита и его товарищей. Если Центральный Комитет Коммунистической партии Китая был согласен с этим курсом и воздействовал на него, то она несет прямую ответственность. Но даже в противном случае Коммунистическая партия Китая опять-таки косвенно несет ответственность.

Официально китайцы задабривали Коммунистическую партию Индонезии и Айдита. Они хлопали его по плечу, присваивали ему звания и даже одобряли его колеблющуюся „линию" в отношении советских ревизионистов.

Я думаю, что китайцы занимали оппортунистическую позицию в отношении Коммунистической партии Индонезии и Айдита. Почему? Думаю, что китайцы поддавались влиянию Сукарно не меньше, чем Айдит. Более того, учитывая колеблющиеся позиции китайцев, которые преувеличивали свои усилия во что бы

то ни стало добиться поддержки своей внешней политики со стороны некоммунистических элементов или так называемых демократов, я думаю, что они очень верили Сукарно, его политике НАСАКОМА, чувствам его „дружбы" к Китаю. Они не только помогали режиму Сукарно материально, кредитами, стараясь тем самым конкурировать с советскими ревизионистами, также предоставлявшими кредиты индонезийцам, но безмерно обрадовались выходу Сукарно из Организации Объединенных Наций и почувствовали себя как на седьмом небе. Чжоу Энь-лай поспешно заявил, что надо создать новую Организацию Объединенных Наций. Однако осуществление этой мечты сорвала реакция, низвергшая Сукарно. Конечно, Китай не мог вмешиваться, но его расчеты на „создание новой организации объединенных наций" не оправдались, так как в его политике было что-то порочное, оппортунистическое. Он не подошел правильно к этой политике, чтобы надлежащим образом воздействовать еще до реакционного индонезийского переворота. Но и после этого Китай не занимал и не занимает правильную, революционную позицию в отношении индонезийской реакции.

Китай ведет себя недостойно. Индонезийская реакция унизила Китай в Джакарте, неоднократно вторгалась в его посольство там, избивала и наносила ранения его дипломатам, разграбила и сожгла документы и мебель, сожгла портреты Мао и, наконец, разорвала даже флаг, великий символ Китайской Народной Республики.

Как ответило на все это китайское правительство? Оно боролось посредством некоторых нот протеста и некоторых газетных статей, но дипломатические отношения не разорвало даже после всех этих провокационных издевательств. Могут сказать, что именно этого и добивалась индонезийская реакция, поэтому нель-

зя было поддаться устроенной ею провокации. Думаю, что такое мнение неправильно, и китайские товарищи эту ошибку допустили, ибо они продолжают питать иллюзии о Сукарно и его возможном повороте. Китайские товарищи ошиблись, думая, что, в случае разрыва дипломатических отношений, их стали бы обвинять в том, будто именно они побудили индонезийских коммунистов к сентябрьскому государственному перевороту. (Их все равно обвинили в этом.) Китайские товарищи не разорвали дипломатических отношений, так как в таком случае они „могли быть поставлены в один ряд с советским правительством, разорвавшим отношения с Албанией", но ведь мы не были ни Насутионом, ни Сухарто, а Китайская Народная Республика это не ревизионистское правительство Хрущева. Если же они решили не разорвать дипломатических отношений с индонезийским реакционным правительством ради сохранения связей с индонезийским народом, то я думаю, что народ не может хранить большого уважения к такому другу, который позволяет своему врагу ошельмовать его.

Думаю, что из-за всех этих соображений Коммунистическая партия Китая не выступила в защиту Коммунистической партии Индонезии во время этого большого постигшего ее несчастья. Но если объявляешь, что будешь выступать в защиту сражающихся народов мира, если хочешь выступать в защиту коммунистических партий и коммунистов, то случай был таков, что надо было выступить в защиту индонезийских товарищей-коммунистов, ибо вряд ли этот случай представится когда-либо в столь драматичной форме.

Что могут думать японские, индонезийские, новозеландские и другие коммунисты о боевой интернационалистической солидарности Коммунистической партии Китая? Конечно, не хорошо, ибо по отноше-

нию к индонезийским событиям и к Коммунистической партии Индонезии она не заняла правильную, революционную позицию.

Рассмотрел ли этот важный вопрос, чтобы установить ответственность и извлечь уроки, состоявшийся в этом месяце пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая? Если он этого не сделал, то это отнюдь не говорит о марксистско-ленинской серьезности.

Мне кажется, что эти вопросы, касающиеся политической линии, имеют капитальное значение, являются ключевыми вопросами. Организовать массы на Культурную революцию это хорошо, это положительно, это правильно, но ведь, прежде чем заняться стрижкой волос или сменой вывесок магазинов, надо взяться за устранение ошибок в этих вопросах, касающихся политической линии; прежде чем переименовать улицы, надо публично принять решение и ликвидировать ренту, которую продолжают получать китайские капиталисты. В китайской линии имеются странные противоречия, имеются положительные, хорошие стороны, но имеются и порочные, зачастую антимарксистские явления, так что человек задает себе вопрос: почему делается все это, как же это делается и как все это допускается!

ПЯТНИЦА
26 АВГУСТА 1966 г,

ПРИНЯТИЕ ДОКУМЕНТА ИЗ 16 ПУНКТОВ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сегодня я прочел выпущенный последним пленумом Центрального Комитета Коммунистической партии Китая документ из 16 пунктов о Культурной революции. По-моему, в общих чертах, это правильный сбалансированный документ. В нем ясно видна нить мыслей. Конечно, затронутые в нем вопросы, по всей видимости, являются широкими, сложными проблемами, которых мы не очень знаем во всей их глубине и широте. Как бы то ни было, из этих 16 пунктов можно уловить суть проблемы, можно понять, на что делает упор Центральный Комитет и каким путем он думает добиться своей цели в этой революции, которую он и сам признает долгим, сложным и щекотливым делом, в процессе которого будут перегибы, приливы и отливы, будут и зигзаги. Это настолько реально, насколько реален и тот факт, что эту революцию надо довести до конца, независимо от того, к какой тактике и к каким методам следует прибегать и какие меры должны быть приняты.

Читая этот документ, мне кажется, что китайские товарищи, по сути дела, правильно ставят вопрос, утверждая, что пролетарская культура должна взять верх над буржуазной, капиталистической, ревизионистской культурой и что надо вырвать с корнем всякое влияние буржуазной культуры в образе жизни, в обра-

зе мышления, в сознании людей и т. д. Это совершенно правильно, всем марксистско-ленинским партиям воистину предстоит постоянная и очень долгая революция.

Прочтя этот документ, можно вынести ряд заключений о положении в Коммунистической партии Китая и в ее руководящих органах всех уровней, как и о размерах опасности влияния буржуазной культуры в Китайской Народной Республике. Этот документ подвергает анализу положение в партийных комитетах и их отношение к буржуазной культуре и в то же время дает оценку их борьбе с этим влиянием.

Это наводит нас на мысль о том, что враг глубоко проник в партию, раз ему удалось прибрать к своим рукам руководство целых партийных комитетов. Об этом, по словам китайцев, свидетельствует положение в Пекинском парткоме, как и в парткоме университета. Но, по всей видимости, в Пекине много таких комитетов, не говоря уже о парткомах других уездов, которые, должно быть, исчисляются десятками и сотнями, и тем более о первичных организациях.

Насколько можно судить по этому документу и исходя из высказываний товарища Мао и тех, кто в руководстве Центрального Комитета занимается проблемой Культурной революции, дело было весьма серьезным, ибо такое опасное положение, конечно, не могло быть создано и усугублено в случае, если бы партия и Центральный Комитет Коммунистической партии Китая проявляли бдительность и стояли на революционных позициях. Итак, можно вынести логическое заключение о том, что в Центральном Комитете Коммунистической партии Китая не только отсутствовала здоровая организационная и политическая работа, но и существовали противоположные линии, имели место отклонения и фракции, о чем я говорил и раньше, и что эти фракционные элементы развертывали

спою работу долгое время и свободно. Многие руководители, в центре и на местах, независимо от того, кто они такие, выродились идеологически и политически и встали на враждебный путь.

Одно меня тревожит. Хотя документ из 16 пунктов и отличается от коммюнике пленума, в котором отчетливо бросалось в глаза преобладание личности Мао над партией, все-таки и в этом случае умаляется не только роль Центрального Комитета, несмотря на то, что это он выпустил 16-пунктный документ, но и роль партии, а ее призыв стать хозяином этого положения — бледен. В этом призыве содержится только поощряющее и возбуждающее упоминание революционного студенчества. Это наводит на мысль о том, что этот великий вопрос, к тому же не просто культурный, в Центральном Комитете Коммунистической партии Китая окончательно не решен, ведь раньше говорили, что „меньшинство может взять верх над большинством, меньшинство может быть право". О каком меньшинстве идет речь и в каком отношении оно может быть право — теперь мы этого не можем понять, но код событий покажет.

Эти 16 пунктов для развития такой крупномасштабной культурной революции могут в известной мере служить только общей ориентировкой, но полагаю, что они не достаточны и не охватывают всех проблем, которых много и которые трудно собрать под заглавием „Культурная революция"! На практике отчетливо видим, как проходит эта Культурная революция. Бичеванием пекинского парткома и парткома университета, как и „буржуазных академистов", была изобличена также деятельность некоторых органов печати, был подвергнут критике ряд романов, статей, как и деятельность некоторых других элементов. Признавая правильными эту критику и это изобличение, надо тем не менее сказать, что этим дело не исчерпа-

но, особенно касательно пресечения влияния буржуазной культуры. К тому же в этой работе нет четких установок относительно многочисленных направлений влияния этой культуры и нет четкого определения методов борьбы с ним. Приводится бесчисленное множество цитат Мао, которые с помпой выучивают. Это одно дело, но это еще не все, ибо не видно достаточно решительных, согласованных выступлений в различных направлениях. С другой стороны, мы следим за выступлениями студентов, о которых я говорил раньше, однако эти выступления не решают совокупности проблемы, они поверхностны. Их выступления могут производить впечатления, но решением столь великой задачи может руководить как следует только организованная революционная мысль партии.

Из этих 16 пунктов ясно проступает также идея о том, что эта Культурная революция, руководимая студентами, кому-то противопоставляется, ибо говорят, что кто-то боится революции масс. Понятно, не может быть, чтобы партия боялась революции, ее должен бояться враг. Конечно, есть и среди коммунистов такие, которые ведут себя неправильно, поэтому они и боятся; более того, могут быть и целые группы руководителей в партийных комитетах, которые боятся революции, но это можно объяснять либо тем, что они вырожденцы, либо тем, что они скрытые враги, но никогда не боится революции партия, никогда не боится ее весь Центральный Комитет партии, избранный революционной волей коммунистов в соответствии с партийными нормами в случае, если эти нормы надлежащим образом соблюдались в повседневной партийной жизни. Происходящие в Китае события подобного впечатления не производят, наоборот, они производят такое впечатление, что эти нормы нарушались и должны быть восстановлены.

Разве вероисповедание может быть искоренено

путем закрытия отдельных католических церквей, как это делают студенты, или же путем замены в церкви икон бюстами и портретами Мао?!! Конечно, нет. Вероисповедание в Китае является, по-видимому, крупной проблемой, которая не может быть решена подобными мерами.

В этой Культурной революции бросается в глаза еще другое неправильное явление: ее инициативу и ее знамя несут школьники и студенты. Не только нигде не видно молодежной организации, но — что еще более серьезное — не чувствуется даже участие рабочего класса. Как будто боятся его. Это странно, он-то не включается в битву, не говоря уже о крестьянстве.

Мыслима ли Культурная революция без участия рабочего класса и крестьянства? Ни в коем случае. А ведь поговаривают, что Культурная революция позднее будет распространена и на деревню!!

В одном из параграфов 16-пунктного документа указывается, что „в настоящее время мы намерены бороться и подавить тех, которые занимают руководящие посты, но которые стали на капиталистический путь, подвергать критике академические авторитеты..." и т.д. Вести такую борьбу дело правильное, но, насколько мне известно, а мне известно очень мало об „академических авторитетах в Китае", эта борьба представляет собой широкую область, так что нужные результаты не могут быть достигнуты только тем, что сделано и делается пекинскими студентами. Эта революция может и должна еще дальше развиваться вглубь.

Что массы надо воспитывать в процессе движения, этот вопрос Центральный Комитет Коммунистической партии Китая ставит правильно, это глубоко марксистско-ленинский принцип. Правильные дискуссии с широким участием масс, вдохновляемые и правильно руководимые партией, являются основным марксистско-ленинским методом укрепления самой

партии и условием подлинной пролетарской демократии. Однако в случае столь опасной и столь глубокой враждебной работы, в случае, когда „деспоты", как их называют в документе, узурпировали руководство, диктатура пролетариата предполагает принятие также репрессивных мер против них. Между тем до сих пор этого до такой степени избегают, что эти „деспоты" остаются в составе Политбюро Центрального Комитета. Так, например, до сих пор совершенно не упоминается имя Пэн Чжэня, не известно, что с ним происходит.

Однако многие пункты документа не ставят точки над „и", а это ясно дает нам понять, что в Китае есть другие главные руководители или фракционные группы, которые позднее либо окажутся „исправленными", либо будут атакованы открыто. Интересно деление кадров на категории. Из этой категоризации не видно конкретно, кто из главных руководящих кадров к какой категории относится. Об этом можно только делать предположения.

Еще что-то новое замечаем в этой Культурной революции: создание групп, комитетов и съездов Культурной революции. Говорят, что ими будет руководить партия. Это новая форма и нам надо посмотреть, как она будет развиваться и как она будет способствовать решению этой крупной проблемы. Однако, если эта работа не будет вестись под строгим руководством партии, то будет создан новый, параллельный с партией организм, который возьмет в свои руки одну из главнейших ее функций — функцию руководства в области идеологии и культурной революции вообще. Какое отношение имеет к этим комитетам и съездам порядок выборов времени Парижской Коммуны — это мне не ясно, это мне надо еще выяснить. То же самое, мне придется вновь возвратиться к „пролеткульту" в Советском Союзе, как и к критике, которой он

был подвергнут Лениным, Сталиным и Большевистской партией.

Как явствует из указанных 16 пунктов, существуют „движение социалистического политического воспитания" и „Культурная революция". Оба они должны продолжаться. В одном из параграфов этого документа говорится, что проводить или нет Культурную революцию там, где существует „движение социалистического воспитания", это зависит от партийного комитета. Конечно, это мне также не очень ясно: где кончается одно из них и где начинается другое, хотя и говорят, что они влияют друг на друга.

Эта Культурная революция, полагаю я, кроме указанных мною выше целей, должна преследовать еще более далеко идущие цели, а если она направлена и на то, о чем пойдет речь ниже, то дело обстоит иначе, независимо от перегибов и зачастую опрометчивых действий „Красной гвардии".

Хотя и кажется, будто власть находится в руках пролетариата, вполне возможно, что буржуазия еще сильна и опасна. Об этом говорят сами китайские товарищи, ставя вопрос: кто победит в Китае, социализм или капитализм? Мы просто удивлены столь категоричной постановкой вопроса без указания на то, где победил социализм и где не победил, а буржуазия держится прочно.

Не раз китайские товарищи говорили нам, — естественно, умаляя при этом эту силу — что в Китае у них около 50 миллионов врагов. Такую вражескую силу нельзя считать незначительной, независимо от того, что Китай насчитывает 700 миллионов жителей. И эта колоссальная вражеская сила, конечно, не сидела и не сидит сложа руки, она работает и оказывает свое влияние, она борется и саботирует. **Эта вражеская сила не ощущала как следует мощного кулака диктатуры пролетариата ни в области идеологии, ни**

в области экономики, если не считать деревню, где она в некоторой мере ощущала его в экономической области. Говорят, что в Китае промышленность также социалистическая, но мы еще видим, что капиталисты и промышленники на предприятиях получают установленную ренту. Говорят, что она ничтожна, но ведь это неприемлемо. На самом деле, этого не следовало допустить, а китайцы допустили и еще продолжают допускать его. Но в то время, когда китайцы ввели эту ренту, все эти капиталисты владели огромным, совершенно нетронутым движимым имуществом! **Подобная снисходительность по отношению к эксплуататорам, конечно, сопровождалась также примиренческой, мягкой и оппортунистической политикой по отношению к ним.** Все это „сосуществование" прикрывалось кампанией „перевоспитания", начиная с императора Пу-и Маньчжоу-Го и вплоть до старого промышленника.

Все эти враги не только не получили сокрушительных ударов, но и были „устроены на работу", были „перевоспитаны", приспособились к политике социалистического государства. Их враждебная работа при новых условиях развертывалась по-новому во всех областях, но особенно в области пропаганды, в области идеологии.

По-моему, Коммунистическая партия Китая допускала такое положение очень долгое время, так что теперь, когда внешние противоречия, борьба против американского империализма и современного ревизионизма обостряются, этот внутренний враг зашевелился, выйдя из „установленных" рамок. Именно тогда китайские товарищи пробудились ото сна. Перед какими серьезными трудностями они оказались, этого нам нельзя сказать, но китайские товарищи говорят, что это был „крупный заговор".

В отношении врагов надо было принять меры,

однако какой путь был избран? То, что мы анализируем, является ли тем, что надо, и будет ли достигнуто то, к чему стремятся китайские товарищи? Мы всем сердцем хотим скорейшего разгрома в Китае вражеской силы. Мы бы применяли по отношению к ней воистину революционные методы. Видимо, Коммунистическая партия Китая не желает придать этой борьбе ее истинную политическую окраску, а стремится ликвидировать вражескую силу окольными путями, требующими более длительного времени.

Мы замечаем также поддержку и возбуждение армии. Она сильна, она орудие диктатуры пролетариата, но сейчас незачем привести ее в движение. Конечно, внутренние враги ужасно боятся ее, вот почему, для того чтобы они ощутили первый вкус удара, Мао направил „красногвардейцев" в города, где, видимо, гнездятся враги.

Постепенно „Красная гвардия" переходит от стрижки волос и смены вывесок к более конкретным требованиям против городской буржуазии, иначе говоря, к ликвидации ее экономической мощи и старой линии, до самого конца проводившейся по отношению к ней. Они дошли до „упорядочения даже национального флага", в связи с чем, пожалуй, поступили правильно.

Поворот необходим, но он должен быть совершен обязательно под руководством партии. Это внутреннее дело Китая, которое будет решено самими китайскими товарищами, но мы, как их друзья и союзники, считаем, что, независимо от обстоятельств, те, кто выродился во врагов, должны получить мощный удар. То же самое, все те, кто несет ответственность за эту оппортунистическую линию по целому ряду вопросов, о которых я говорил раньше, кем бы они ни были, должны быть подвергнуты суровой критике и получить заслуженное наказание. Если Центральный Коми-

тет Коммунистической партии Китая на своем последнем пленуме подверг эти вопросы объективному анализу в духе марксизма-ленинизма и принял надлежащие меры, то мы должны приветствовать эти меры; если он этого не сделал, то это значит, что дела не в порядке. Однако ход событий внесет дальнейшую ясность в это дело.

ЧЕТВЕРГ
1 СЕНТЯБРЯ 1966 г.

„КРАСНАЯ ГВАРДИЯ"

Что такое на деле такая „Гвардия", зачем она создается — это нам не очень ясно. Говорят, что она ведет Культурную революцию по всему Китаю, что она „создана для коренной чистки старой, буржуазной капиталистической и ревизионистской культуры". Ну хорошо, но как она будет проводить эту „коренную чистку", каковы основные установки, с чего она должна начать, как она должна начать и проводить эту чистку — ответ на эти вопросы я нигде не нахожу. Более того, начало этой работы отличается анархичностью и конфузливостью.

С самого начала бросаются в глаза некоторые серьезные явления:

1 — „Красная гвардия" состоит главным образом из молодежи — университетских студентов и учащихся средних школ, а теперь к ним примкнули также их учителя. Членами „Красной гвардии" являются только горожане. Поскольку эта Культурная революция носит всекитайский характер, чтобы не сказать больше (ведь китайская пропаганда старается придавать и придает революции именно эту направленность), она не может ограничиваться одними только студентами и ею не должны руководить только они, ибо это создает впечатление, будто эта революция касается только студентов, будто „студенты способны совершать ее и руководить ею". Итак, получается, что столь широкая и

глубокая Культурная революция, призванная ликвидировать „буржуазную надстройку", занимающую „прочные" и даже, согласно утверждениям китайских товарищей, „угрожающие позиции", поручается новой прослойке интеллигенции, которая господствует над основным классом общества — рабочим классом, хотя эта Культурная революция названа также „пролетарской". Это, естественно, неправильно даже с формальной точки зрения, не говоря уже о сути дела. Впрочем формы также о многом говорят, они фактически являются явным отражением сущности проблемы.

2 — Если говорить о пролетарской культуре, то весьма странно то обстоятельство, что рабочий класс и крестьянство или хотя бы рабоче-крестьянская молодежь (поскольку они хотят придать революции окраску молодого поколения) выступают в роли наблюдателя в этой революции, не принимают в ней участия. Что бы ни говорили китайские товарищи, ничем нельзя объяснять это двусмысленное поведение. **При социализме культура является не украшением только определенного слоя, а достоянием всего народа.** И если надо сказать слово о культуре и искусстве, то прежде всех его должны сказать рабочие и крестьяне.

Неужели сознание рабочих и крестьян в Китае не нуждается в чистке?! Или, быть может, на них не влияла и не влияет буржуазно-ревизионистская культура?! Почему не включаются и они в это движение, чтобы направлять его, руководить им? Или же, поскольку наиболее опасная болезнь задевает университетскую и школьную интеллигенцию, то рабочий класс не должен принимать участия в этой „коренной чистке"? Но как это можно игнорировать мнение рабочего класса и крестьянства о столь важном вопросе и обойтись без их участия в его решении? Как это возможно, что школьная и университетская молодежь имеет право вмешиваться во все дела, вершить закон, задавать тон

этой революции, а руководство ею находится в руках именно того слоя, который совершал ошибки и который по своей природе занимает колеблющиеся позиции? **Эту антибуржуазную и антиревизионистскую стену может сделать неприступной только пролетарский железобетон, и если нужна „железная метла", чтобы подмести гниль, то такой метлы без железа, то есть без рабочего класса, быть не может.**

3 — Если говорить, что „Красная гвардия" состоит из молодежи и даже из пионеров, то что происходит с коммунистической молодежью, некогда прославленной в Китае организацией? Ее совершенно не слышно, создается впечатление, будто она не существует или же переживает „процесс увядания". Почему? Что стало с ней? Разве это нормально, что определенная молодежная фракция подменяет целую организацию, разрушает традицию? Если нарушаются старые организационные структуры, то надо объяснить, зачем это делается. Если же „руководство молодежи скатилось на враждебные позиции", то надо убрать эти вражеские элементы и идти вперед. Все говорит об одном: все то, что мы видим и слышим, не в порядке.

Каковы до сих пор конкретные заслуги „Красной гвардии" в Культурной революции? Она вышла на улицу, приступила к делу такими действиями, от которых и больно и смешно; попирает законы республики; зачастую идет вразрез и с директивами Мао, о которых китайские товарищи трубят на всех перекрестках; тревожит добрых людей, не говоря уже о вредных, и поднимает большой шум на улицах. А этот безудержный, оркестрованный и поощряемый шум привел к тому, что в некоторых городах „Красная гвардия" вступила в стычки с рабочим классом, в результате чего сотни человек получили ранения. Нынешние действия „Красной гвардии" напоминают некоторые пре-

досудительные акции, предпринимавшиеся до войны в целях подготовки неблаговидных дел.

Единственное конкретное дело, которым занимается „Красная гвардия", это то, что она защищает Мао Цзэдуна и превозносит его до небес. Он заменяет ей бога в подлинном смысле слова. Зачем снимать вывески и насильственно стричь волосы? Подобные акты не попахивают культурной революцией.

До сих пор все выступления „Красной гвардии", все ее выкрики преследуют лишь одну цель: превозносить культ Мао. Все это создает впечатление, что кому-то косвенно говорят: „равного Мао нет, не троньте Мао, идите за Мао, иначе горе вам". Итак, Мао защищают школьники и университетское студенчество. Таково впечателение, которое производит весь шум „красногвардейцев", поднявшийся до небес накануне пленума Центрального Комитета и еще больше усилившийся после него. А это наводит на мысль о том, что в Центральном Комитете имели место столкновения, но между кем и почему? Ничего не известно.

Мао дважды демонстративно вышел смотреть парад, втиснулся в гущу демонстрантов, скандирования которых о нем достигли небес, побывал среди них и вкусил их фантастические экзальтации; между тем Линь Бяо, его боевой соратник, который идет вслед за Мао — что явно бросается в глаза и даже делается демонстративно — расхваливает его и твердит „гвардейцам" все одно и то же: „Читайте маоцзэдунъидею". После него всегда поднимается и говорит Чжоу Энь-лай, „дирижер оркестра", он говорит о Мао то же самое, добавляя при этом еще несколько слов о Линь Бяо. Остальные партийные и государственные руководители как фигуранты следят за этой организованной и оркестрованной процессией. Мао, Линь Бяо и Чжоу Энь-лай вызывают на митинги на площадь Тяньаньмынь предполагаемых виновников и др. Вся эта картина создает та-

кое впечатление, что в известной мере, хотя и в других формах, и в руководстве поступают точь-в-точь, как „Гвардия", которая ставит „колпак" злодеям, а затем волочит их по улицам.

Судя по тому, как проходит эта Культурная революция, мы еще точно не понимаем, к чему она приведет; более того, при этом в значительной мере упущены из виду воистину революционные меры, которые должны были быть приняты по отношению к врагам, будь они внутри партии или вне ее рядов, нарушены самые обязательные организационные партийные нормы.

В Китае создается и раздувается настроение антимарксистской ксенофобии, которая принимает особо тревожные размеры в отношении советского народа. В Китае борьба против советского ревизионизма, которая должна быть ожесточенной и бескомпромиссной, судя по тому, как она ведется там, по крайней мере на мой взгляд, уже стерла грань между ревизионистскими предателями и советским народом.

Посмотрим как дальше будет развиваться эта очень беспокоящая нас ситуация. Из позавчерашнего выступления Чжоу Энь-лая на площади Тяньаньмынь ясно, что во всей этой обстановке главную роль играет он, независимо от того, что превозносится Линь Бяо. Его выступление служит программой деятельности для „Красной гвардии". Помимо всего прочего, в этой программной речи бросается в глаза тот факт, что Чжоу Энь-лай ребром ставит вопрос: „Дать массам свободно высказываться, действовать, делать революцию" и т. д. Но ведь кто мешал им до сих пор действовать свободно? К тому же и теперь массы не высказываются в подлинном смысле слова, высказывается лишь определенная категория людей, незначительная часть масс, самая экзальтированная, но в то же время и самая незрелая и самая неподходящая особенно для той

специальной работы, которая должна быть проведена.

В настоящее время в Китае все дело сводится к Культурной революции и к шуму „Красной гвардии", как будто нет других проблем, как будто собравшемуся Центральному Комитету предстояло решить только о 16 пресловутых пунктах! Но предположим на один момент, что там был рассмотрен и решен только вопрос об этих 16 пунктах. Но ведь эти решения в первую очередь касаются партии, поэтому они прежде всего должны быть поставлены на рассмотрение партии, она должна обсудить их, принять их, она должна руководить. А между тем в этом отношении ничего не видно, даже и не ощущается проработка этих директив в партии, никакая поддержка не видна со стороны партии; что же она, за или против?

Видимо, партия еще не информируется о постановлениях пленума. По всей вероятности, они избрали путь создания общественного мнения в народе и среди коммунистов через „Красную гвардию", решив поставить эти вопросы на обсуждение партии после создания этого общественного мнения. Вот какое заключение могу вынести я из той части выступления Чжоу Энь-лая, в которой он отметил, что в Пекин будут продолжать приезжать члены „Красной гвардии" из других провинций страны для изучения опыта. Так что это шумное дело будет дальше продолжаться и использоваться против кого-то, для чего-то. Странные методы!!

Таковы мои соображения, но было бы целесообразно, чтобы китайцы поставили в известность албанских товарищей о происходящем там, чтобы мы не были вынуждены блуждать в потемках и судить по хронике.

ВТОРНИК
20 СЕНТЯБРЯ 1966 г.

„ГВАРДЕЙЦЫ" ДЕЙСТВУЮТ БЕЗ РУКОВОДСТВА И БЕСКОНТРОЛЬНО

Истинная цель движения „Красной гвардии" остается для нас неизвестной, независимо от заявлений официальной китайской пропаганды о том, что она была создана для проведения Культурной революции. Фактически до сих пор мы не видим, чтобы в этом направлении было сделано много дел, за исключением тех, которые упомянуты мною в некоторых из предыдущих записок.

Однако замечаем, что китайские товарищи стали понемногу исправлять, правда, с большой осторожностью, некоторые совершенно неясные дела. Они стали в некоторой мере говорить о том, что „Красной гвардией" руководит партия", что „ее действия одобряются рабочим классом и крестьянством", что „рабочий класс принимает участие в Культурной революции" и т.д. Иначе говоря, они стали понемногу говорить о том, что Культурная революция не есть привилегия студентов, учащихся и учителей. Иной раз они дают понять, что „Красной гвардией" совершены и „неблаговидные" дела и предъявлены „неуместные" требования, выходящие „за пределы ее компетенций". Сверх того, в последнее время они отмечают, что „Красная гвардия" не должна вмешиваться в дела фабрик и коммун. После всего этого „Красная гвардия" теперь постепенно „свертывает" свою деятельность, идет „на уборку пшеницы" и т.д. и т.п.

Естественно, империалистические и ревизионистские враги ведут широкую антикитайскую клеветническую кампанию. Это нас не удивляет, этой кампании не надо верить, но это факт, что сами китайцы дали повод к этому. Все то, что делает „Красная гвардия", и даже больше того, что делают и могут делать „гвардейцы", под руководством партии, иными формами и иными мерами могло быть сделано лучше, глубже и правильнее.

Почему же этого не было сделано?! Для нас это остается неизвестным. Факт, что в Китае „гвардейцы" действуют без руководства и бесконтрольно, „Красная гвардия" продолжает существовать. Посмотрим, как она будет работать в дальнейшем, как будет организована, какие она примет формы. Или же она растает как снежинка в воде?

По-моему, эта „помпа", эта шумиха, эти компетенции, которыми облачена „Красная гвардия" и эти эпитеты, которые приклеены ей, насколько можно судить по очевидным фактам, долго сохраняться не могут, в противном случае дело было бы поставлено под большие вопросы. Это создает впечатление, как будто в Китае нет ничего другого, кроме „Красной гвардии" и Мао, Линь Бяо и Чжоу Энь-лая. Они вчетверо — превыше всего, они вершат закон, делают дождь и солнце. Мое мнение таково, что китайским товарищам надо поскорее отказаться от подобных ошибочных позиций. Быть может, я и ошибаюсь, но даже и если ошибаюсь, то это потому, что Центральный Комитет Коммунистической партии Китая не информировал и не информирует нас о „подлинных постановлениях последнего пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая".

Я считаю, что они обязательно должны были ознакомить нашу партию с этими постановлениями, ле-

жащими в основе происходящих там событий. Утверждения о том, будто китайский посол в Тиране, 4-5 месяцев назад выехавший на родину, „занимается там физической работой" — неприемлемы! Сколько же времени уйдет на эту „физическую работу"? За это время персонал китайского посольства в Тиране сидит, как мумия, хранит полное молчание, он замкнулся в себе и не знает, что ответить, когда кто-либо из наших товарищей задает какой-нибудь вопрос.

Y нас зрелая партия, она всегда прекрасно умела, занимать правильную позицию в отношении Китая, защищать его, но в то же время быть осторожной в связи с перегибами китайских товарищей и со всем тем, что для нас является неясным. Быть может, китайские товарищи недовольны. Нам все равно. Мы будем всегда солидарны с ними только на марксистско-ленинском пути.

Китайские товарищи продолжают не здоровым, не марксистско-ленинским, не правильным путем собирать высказывания того или другого лица за границей, чтобы раздувать культ Мао и оркестровать их в один лад со своими собственными высказываниями. Несмотря на уважение, с которым мы относимся к Мао, как руководителю Коммунистической партии Китая и китайского народа, мы не были и никогда не будем их спутниками в этом деле. Мы никогда не допустим, чтобы наша партия встала на путь культа личности.

Быть может, в этих трудных ситуациях китайским товарищам и нужен культ Мао, так как только его большой авторитет может оздоровить партию и страну. В таком случае это может быть уважительным ввиду внутреннего положения страны, однако не следует косвенно „навязывать" подобную линию друзьям и товарищам, которых они не держат хотя бы в курсе происходящих в стране событий.

ПЯТНИЦА
23 СЕНТЯБРЯ 1966 г.

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К НЫНЕШНИМ СОБЫТИЯМ В КИТАЕ

Перед лицом всех этих развивающихся в Китае событий в первую очередь мы должны сохранять хладнокровие; наши мнения и наше отношение к происходящим там событиям должны быть обдуманными, обоснованными, насквозь пронизанными марксистско-ленинским духом. Прежде всего мы должны быть принципиальными, ибо только так мы не будем ошибаться; мы должны проявлять бдительность, с тем чтобы в этих столь сложных и щекотливых вопросах улавливать, отличать ключевые проблемы, вокруг которых развиваются эти события, и не основывать наши суждения и наши решения на второстепенных и третьестепенных вопросах, так как это может нас дезориентировать.

Культурная революция, имеющая большой и глубокий смысл, на практике не выражает подлинные цели, которые она должна преследовать. Некоторые из этих целей выражаются хаотично, проявляются анархично, они не определены четко, к тому же не даются ясные ориентации и направления для их осуществления. С тех пор, как „Красная гвардия" стала прибегать к насилию, Культурная революция вышла из рамок такой революции и скорее всего похожа на политическую революцию.

Итак, теперь эта Культурная революция еще яв-

нее принимает вид насильственной политической революции, противопоставляющейся „политической контрреволюции", о которой не говорится открыто, но о которой дают понять во многих указаниях и газетных статьях. Вообще говорят, что эта революция направлена против реакционеров, ревизионистов, капиталистов, находящихся в партийных и государственных органах, в руководстве. О многом дают понять, а толком ничего не уточняют.

Y этой контрреволюции своя глава. Кто же он такой? Находится ли он в голове, в туловище или в хвосте? Кто автор или авторы этого контрреволюционного заговора? Как развивалась и как была допущена вся эта враждебная деятельность, какие меры были приняты последним пленумом Центрального Комитета Коммунистической партии Китая? Это загадка, в этом главное, но об этом китайские товарищи не говорят даже нам, своим верным друзьям! Только посвятившись в это, мы будем в состоянии ясно видеть, а теперь мы только предполагаем, говорим наугад.

Наше заключение о том, что в руководстве Коммунистической партии Китая существуют острые противоречия и конфликт, для нас не подлежит никакому сомнению. Доказательство тому — все эти происшествия — противоречивые происшествия, — завершавшиеся партийным и не партийным путем, но чаще всего не правильным, не партийным и не государственным путем.

Эти происшествия не только не дают точного объяснения того, какие ошибки были допущены в линии Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и кем они были допущены, т. е. кто на правильном пути, а кто на ошибочном; более того, практика исправления этих ошибок наводит на мысль о том, что не найдено правильное решение, что не достигнуто единство мнения и действия, что один пыта-

ется странными методами навязать другому свои взгляды. Навязывание взглядов посредством применяемых там методов опять-таки говорит о колебаниях, свидетельством которых являются приливы и отливы.

По всей видимости, китайские товарищи хотят, чтобы мы и другие их друзья шли в ногу с ними, и в то же время они совершенно не думают и не предпринимают ни малейшего шага, чтобы объяснить нам суть дела. Этого, конечно, нельзя считать ни марксистским, ни товарищеским, ни дружеским отношением к ,нам, поэтому это неприемлемо для нас.

Именно в силу этих сложившихся ситуаций и условий наша принципиальная, обдуманная позиция имеет большое значение. Обжегшись на молоке, теперь мы дуем и на воду, так что на шаткие мостки ступать не будем.

Мы ни на йоту не отойдем от марксистско-ленинских позиций, которые мы занимали по отношению к Коммунистической партии Китая и Китайской Народной Республике, независимо от того, что мы не посвящены в дела Культурной революции, во что нас должны посвятить они.

Мы должны беречь и закалять марксистско-ленинскую дружбу и сотрудничество с Коммунистической партией Китая и с Китайской Народной Республикой. Но мы ни на миллиметр не можем отклониться от линии, которую мы проводим по отношению к ним, не разъяснившись и не убедившись, как марксисты-ленинцы, в том, что там происходит, и в том, каково их мнение о происходящих там событиях.

Y китайских товарищей наблюдается что-то опасное: мнение о том, что они могут обходиться без друзей и товарищей! В чем оно проявляется? Во-первых, они не информируют нас о происходящих там больших событиях; во-вторых, они сваливают в одну кучу друзей и врагов. Сегодня они сообщили нам, что мы

должны отозвать на год наших студентов, учащихся в Китае.

Эти и другие факты не хорошие признаки, все это вредит как им, так и нам. Сегодня они потребовали, чтобы мы отозвали наших студентов, завтра же могут отозвать своих специалистов под тем предлогом, что те, мол, будут выполнять физическую работу или принимать участие в Культурной революции. За их „левачеством" мы замечаем действия, отдающие болезнью с нехорошими последствиями. Мы будем хранить хладнокровие, будем очень осторожны, однако подобные действия не могут не вызывать у нас тревогу.

Как бы то ни было, наша партия закалялась в трудностях, у нее большой опыт, у нее правильная линия, так что ее не поколебать никакому ветру, никакой бури.

**СУББОТА
24 СЕНТЯБРЯ 1966 г.**

ЧТОБЫ НЕ БЫТЬ ЗАСТИГНУТЫМИ ВРАСПЛОХ

Оборот, который принимают события в Китае, приносит с каждым истекающим днем все новые тревоги.

Решение китайцев выслать на год иностранных студентов, в том числе и наших, имеет объективную причину. Китайцы закрыли университеты, в них царят беспорядок и смута; Культурная революция основательно запутала профессоров; „Красная гвардия" дискредитирует их, сжигает у них книги, библиотеки; в то же время нет учебников, соответствующих „их линии" (линии „гвардейцев"), хотя этой их „линии" относительно школ еще отчетливо не видно.

Однако другим важным аспектом является политический аспект. Из поступающих сообщений узнаем, что Культурная революция, действия „Красной гвардии" и пропагандирование культа Мао наталкиваются на серьезные противодействия. Находящиеся в Китае студенты из разных стран проводят линию своих партий. По праву так поступают и наши студенты, которые получили указания быть спокойными, осторожными и защищать линию своей партии. Китайские студенты обращаются корректно с нашими студентами, однако уже нет прежнего энтузиазма в отношениях с ними, тогда как с вьетнамцами, корейцами и монголами китайские студенты находятся в явных противоречиях. Поэтому китайцы избрали путь их высылки за пределы страны якобы на год.

Политически это грубая ошибка. Китайцы с полным убеждением и со спокойной совестью считают, что поступают хорошо, но этим они проигрывают и сознательно изолируют себя. Это таит в себе еще и другое опасное явление, но они совершенно не беспокоятся о том, что другие скажут о нем. Одним словом, они говорят другим: „мы делаем свое дело и нам все равно, что другие думают; мы большая страна, большая партия, мы знаем, что делаем, а то, что делаем, делаем правильно; хотите — следуйте за нами, не хотите — не следуйте".

Об этом их антимарксистском поведении говорит также тот серьезный факт, что Коммунистическая партия Китая даже и не поставила нас в известность о том, что происходит в Китае и что они решили предпринять. Это надо понимать так: читайте наши газеты, одобряйте наши действия, расхваливайте нас и следуйте за нами.

С другой стороны, увидев наше правильное реагирование, поняв, что мы не можем поддакивать их подозрительным перегибам, китайцы через своих людей в Тиране приступили к первым провокациям, напоминающим старые методы титовцев и хрущевцев. Китайцы разъезжают по нашей стране, пристают к тому или другому работнику и домогаются „интервью" о том, что они думают о Культурной революции, о Мао и о „Красной гвардии". Этими „интервью" они преследуют двоякую цель: во-первых, опубликовать их в пекинской прессе и использовать в „большом оркестре", и, во-вторых, побудить наших людей высказываться об этих проблемах, чтобы создать впечатление, будто „албанское руководство идет вразрез с „горячим" желанием людей в Албании". Конечно, эти „китайские корреспонденты" не добились своего. Тем не менее они продолжают работать в этом направлении.

Обучающиеся у нас китайские студенты сегодня

хотели организовать в университете „выставку, рассказывающую о том, что говорят иностранцы о Мао Цзэдуне". Это открытая провокация против нас, не желающих петь осанну Мао. Наша молодежь указала им место, правда, осторожно, но ясно.

Это „первые уколы", но если их линия не будет исправлена, они могут зайти еще дальше в отношениях с нами. Y нас горький опыт, поэтому нам нельзя быть застигнутыми врасплох. При этих ситуациях необходимо подробно, но без шума и треска, пересмотреть по одному все объекты 4-го пятилетнего плана, которые нам будут поставлены Китаем на кредиты. Этот вопрос следует рассмотреть сквозь призму его участия в сооружении этих объектов и возможности отмены Китаем кредитов, или создания им трудностей, или отсрочки строительства объектов в такое время, когда нами уже выделены на них крупные материальные и денежные средства. Поэтому при сооружении этих объектов надо действовать осторожно, начинать надо с наипростейших, а затем перейти к наисложнейшим с таким расчетом, чтобы даже в случае, если они „подложат нам свинью", нам можно было самим достроить их. В связи с этим, естественно, у нас будет время яснее увидеть политическое предрасположение китайцев.

Я уверен, что китайские товарищи не встанут на этот путь в отношениях с нами, но тем не менее я предвижу, что, если они будут продолжать проводить эту линию, у нас с ними будут и политические и идеологические трения, но это зависит от них, ибо мы не отойдем от своей марксистско-ленинской линии, от нашей открытой, искренней, марксистско-ленинской дружбы.

**ПОНЕДЕЛЬНИК
26 СЕНТЯБРЯ 1966 г.**

АРМИЯ ПРИВОДИТСЯ В КАЧЕСТВЕ ОБРАЗЦА ДЛЯ ВСЕХ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ДЛЯ ПАРТИИ

В силу того, что положение в Китае не ясно и что Центральный Комитет Коммунистической партии Китая не сообщает нашей партии никаких официальных данных, мы вынуждены делать предположения, исходя из данных, помещаемых в китайской печати. **Все происходящее в Китае может быть „делом рук военных"** во главе с Мао.

Что мы узнаем из печати? Вот уже больше года, как китайская печать выдвигает армию больше, чем это необходимо, хотя она и старается делать это не очень броско. Правда, нагнетенная международная обстановка такова, что надо придавать значение армии, отмечать ее мощь, ее вооружение и т. д. и т. п. Это нормально, но, исходя из вышеуказанного, китайская печать помещает некоторые высказывания Мао, которые особо привлекают внимание: **Армия приводится в качестве образца для всех..., и для партии.** А это наводит на мысль о том, что Мао, а за ним и военные хотят навязать партии все, что присуще армии — от воспитания и вплоть до „скромности", т.е. получается, что **„в армии линия Мао, идеи Мао претворяются блестяще, тогда как в партии и других областях — нет".** Эти идеи возвеличивались крещендо, но вначале они не могли бросаться в глаза как ненормальные явления, так как ничто не навязывалось партии открыто, на-

против, внешне все делалось „от имени партии, Центрального Комитета, Мао".

Эта тенденция стала отмечаться все более и более. В военной печати были подвергнуты критике некоторые романы, были написаны другие; были упразднены воинские звания, но **до этого Линь Бяо выступил с экзальтирующей статьей, которая для тех ситуаций опять-таки могла быть рассмотрена как нечто нормальное и нужное.**

Затем, как только Культурная революция дала себя знать, вышла другая статья Линь Бяо — „Об идеях Мао". Тут-то мы и стали подмечать перегиб и еще отчетливее чуять, что что-то происходит, **так как статья выходила за пределы партийных норм, переходила границы.** Границы были перейдены, когда бурно вспыхнула Культурная революция и после пленума Центрального Комитета, с выдвижением на первый план, после Мао, Линь Бяо, с выдвижением его в качестве главного руководителя „Красной гвардии", как и при последующих действиях.

В мае нынешнего года, во время пребывания нашей делегации в Китае, Мао сказал нашим товарищам, в частности: **„Говорят, что я философ, мыслитель ..., нет, это неверно, я военный...".**

Другой факт. Мао также сказал нашим товарищам относительно кадров Коммунистической партии Китая: **„Дело дошло до того, что секретарь нашего обкома продается врагу за килограмм свинины...".**

Это некоторые отрывочные данные, но на этот счет, в свете событий и учитывая потемки, в которых мы пребываем, они могут кое-что разъяснить нам, ориентировать нас. Быть может, случилось так: в последнее время Мао не очень занимался руководящей работой, он закрылся в башне из слоновой кости или же его изолировали другие, которые время от времени ходят к нему и информируют его в общих чертах. А

руководят-то другие, имеющие свои заслуги и свои промахи. **Промахов, конечно, уйма, причем в принципах, а ответственность Мао за них нельзя исключить.** Конечно, жизнь в Китае идет вперед. **Ошибки будут, но ведь главные установки в некоторых ключевых направлениях — политических и идеологических — дает Мао, а в этих установках имели место серьезные колебания, но, должно быть, есть и тяжелые ошибки, которые совершены другими и о которых я говорил раньше.**

Факт, что Мао оторван от жизни партии и страны, его лишь информируют другие. На местах партия наталкивается на трудности и борется с ними, тогда как армия и военные не могут наталкиваться так сильно и так часто на такие трудности, поэтому те, кто информирует Мао, видели их, так сказать, извне, видели только их черную сторону и докладывали о них, стоя над ним как молот над головой, так что им удалось **убедить Мао в том, что надо действовать, надо нанести беспощадный удар. Мао оказался в таком положении, что, должно быть, потерял веру в руководящих партийных работников и полагает, что эту чистку должна взять в свои руки армия под его руководством.** Эту чистку он начал с того, что привел в движение студентов, которые превратились в „красногвардейцев", **начал ее с Культурной революции, которая превратилась в „политическую революцию", проводимую под руководством Мао и Линь Бяо, имея за спиной армию.**

Что могло произойти на последнем пленуме Центрального Комитета? Продолжим выше выдвинутое предположение. Была проанализирована партийная линия, и Мао, Линь Бяо и др. все вместе атаковали всех остальных, обвинив их во всем, в чем только можно обвинять. Естественно, остальные, по всей вероятности, защищали свои неправильные взгляды. Мао и Линь Бяо

взяли бразды правления, обрушились на старых, отодвинули их и „вышли на площадь Тяньаньмынь". В двух из своих речей Линь Бяо говорит: **„Бить тех, кто стоит у власти и встал на капиталистический путь...", „Бить по штабам". Ясно, что „красногвардейцы" везде в Китае, помимо всего прочего, атаковали партийные комитеты. Следовательно, надо было сделать так, чтобы акция была предпринята снизу верх, причем совершалась посредством студенческой „красногвардейской" молодежи; армия должна была быть наготове, но не шевелиться; не надо было возбуждать рабочий класс и крестьянство, — и все это надо было прикрывать культом Мао, переросшим в мистицизм.** Быть может, Мао и Линь Бяо оказались в меньшинстве в Центральном Комитете, но раскол был предотвращен благодаря культу Мао, так как обе стороны не хотели бросить Мао на весы, но военные воспользовались этим и взяли верх, так как Мао был на их стороне.

Итак, благодаря культу Мао одна сторона действует, тогда как другая подавляется своими же ошибками, но в то же время постепенно пытается оправиться. Многие действия тех, кто стоит за „красногвардейцами", ясно показывают, что они не политичные, не партийные люди. Они, несомненно, фанатизированы. Нужно какое-то отступление от подобных действий. Быть может, другие постепенно оправляются и не хотят выступать открыто, а пытаются „по-китайски" вновь завоевать утраченную почву.

На чьей стороне стоит фактически Чжоу Энь-лай?! Это — опять-таки вопрос. Стало быть, этот вопрос также не следует отвергнуть. Теперь первое слово за военными, у них во главе Мао, с его помощью они вновь завоевывают утраченные позиции.

Все то, что не делается правильным, партийным, марксистско-ленинским путем, что идет вразрез с этим путем, является ошибочным. Мы всегда задаем во-

прос: Почему Центральный Комитет Коммунистической партии Китая не ставит нас в курс происходящих там событий?! Если оставаться на этой гипотезе, то нормально ли то, что он не ставит нас в известность? Но кто же должен ставить нас в известность? Центральный Комитет? **Ведь фактически Центрального Комитета нет.** Те, кто выступает главными фигурами, не могут ставить нас в известность, ибо в таком случае им пришлось бы осведомлять нас о всех проблемах. А это — дело рискованное. Штаб „Красной гвардии", который фактически руководит, также не может этого делать, вернее, он **„осведомляет нас" посредством газет и дацзыбао. „Вот линия, говорят они, читайте, если хотите — следуйте за нами".**

Посмотрим, что получится в дальнейшем. Как они будут вести себя и с какими речами будут выступать на своем празднике, какие манифестации устроят? Все это может в некоторой мере рассеять нынешний густой туман. Но это лишь предположение, так как нам точно не известно, что там могло произойти.

ЧЕТВЕРГ
6 ОКТЯБРЯ 1966 г.

ОЧЕНЬ СТРАННО!

В статьях, опубликованных китайской печатью, с каждым днем все более и более и совершенно непристойно затемняется имя Коммунистической партии Китая. Совсем не упоминаются имя и роль партии ни относительно прошлого, ни относительно настоящего. **Имя партии полностью заменено именем Мао, культом Мао, идеями Мао.** Начиная с мая месяца, если я не ошибаюсь относительно времени, китайская линия по этому вопросу полностью изменилась. Раньше также слишком много говорили о Мао, но отмечались партия, ее Центральный Комитет, тогда как с мая месяца два последних вычеркнуты, как сказать, из словаря.

Все отождествляется с Мао, все сделано Мао, китайская пропаганда выдает его за „бога", за „непогрешимого", за единственную „путеводную звезду"; в Китае и за его пределами должны существовать только Мао и его идеи. Мао подменил партию, идеи Мао подменили марксизм-ленинизм. Причем они ставят вопрос так: **Либо этим путем, либо против него.**

Теперь еще яснее видно, что китайская армия играет решающую роль в этом пути. Она на стороне Мао, а Мао на ее стороне. Выходит, что армия „представляет" и самым „корректным" образом „проводит в жизнь" линию Мао, идеи Мао. **Поэтому она „главный идейный и политический руководитель в нынешние моменты". Партия, народ отодвинуты на вто-**

рой план, „партия должна учиться ¥ армии, армия должна руководить партией"!

Из такой постановки этой проблемы колоссального значения нельзя не прийти к выводу, что в настоящее время в Китае имеются две силы, два межвоюющих полюса: с одной стороны, армия во главе с Мао, с другой стороны — мощная часть партийного руководства во главе с „группой капиталистов", как их называет Линь Бяо. По всем признакам, во главе этой группы, должно быть, стоит Лю Шао-ци. Что из себя представляет эта группа, каковы ее политические и идейные взгляды? На эти вопросы трудно дать точный ответ, так как они хранят молчание.

Что получится из всего этого? Конечно, в составе руководства имеется крупная фракция, что сказывается и в партии. Возникает мысль о том, что у группы Мао сила не в партии и что она ведет борьбу против другой силы с позиций армии и авторитета Мао. С этих позиций и в этих формах Мао и Линь Бяо „атаковывают штабы", „чтобы ликвидировать стоящую у руководства капиталистическую группу".

Во всех этих выступлениях, во всех статьях, особенно в статьях, написанных военными, бросается в глаза тот факт, что не только обходится молчанием партия и ее роль в армии, но, помимо культа Мао, превозносится также культ Линь Бяо. В печати пишут такие вещи, как-то „армией руководит Линь Бяо, она преуспевает под **личным** руководством Линь Бяо".

С внешней стороны трудно различать четко взгляды обеих групп. Если взять за основу то, что пишет официальная пресса, а именно, что все делается под водительством Мао, то получается, что эти другие „являются врагами". Но почему же они являются врагами, что они сделали, в чем заключается „их крупный заговор", — об этом ничего не говорят. Это требует искренних, откровенных разъяснений, которых

китайцы официально избегают. Почему? Y них нет никаких оснований не говорить нам об этом. Но даже если предположить, что тезисы группы Мао правильны и что „заговор — крупный", то формы и методы, которые применяются для ликвидации этой группы, не правильные, не марксистско-ленинские.

Во-первых, группа Мао, если она права, должна опираться на партию и на народ, не исключая и армию, но не так, чтобы игнорировать партию или пренебрегать ею, или навязать партии свою волю при помощи армии. В таком случае возникает вопрос: партия стоит за Мао или против него? Но, поскольку эти „штабы", которые подвергаются атакам, составляют меньшинство, допустимо ли игнорировать партию и спутать ее с ними?! Следовательно, больше не надо говорить, что это, мол, „горстка капиталистов" стала на путь вырождения, а надо говорить, что на этот путь встала вся партия. Возможно ли это? Нет, никоим образом!

Но можно ли утверждать, что во всех уровнях руководства партии, начиная с центра и вплоть до мест, есть „враги"? До некоторой степени это может быть правдой, но ведь не все враги. Это факт, что в 16 пунктах документа, выпущенного последним пленумом ЦК Коммунистической партии Китая, классифицированы комитеты и люди. **Тогда почему китайские товарищи не опираются на благонадежных и не убирают зловредных, а побуждают студентов „атаковать партийные комитеты" и полностью ликвидировать руководство партии, ее силу, ее авторитет, заменяя их Мао, его идеями и военной силой?!**

Но давайте делать, как всегда, предположения, закругляя вопросы. Китайские товарищи во главе с Мао учились на горьком опыте Советского Союза, где ревизионисты смогли усыпить советских марксистов-ленинцев, развели против них интриги, скомпромети-

ровали их, прибрали власть к своим рукам и наделали то, что всем известно. Предположим, что „такой же заговор" готовился и в Китае и что китайские товарищи во главе с Мао раскрыли его и уже принимают меры. Но в чем заключается этот заговор, об этом они молчат. Они заявляли и заявляют, что политическая и идеологическая линия партии была и остается правильной. Борьба против современного ревизионизма, против империализма была и остается правильной (быть может, имели место и колебания, некоторые люди, быть может, ошибались, этого исключить нельзя), экономическая линия была правильной и ее результаты налицо (могли быть допущены и ошибки).

Ну и что же? Выходит, что грехи имели место только в области культуры. Ладно, предположим, что это так. Но как же согласиться с тем, что культура развивалась в отрыве от остальных областей или была изолирована от них? Неужели эта культурная линия отличается одними лишь промахами? Ведь все делалось от имени Мао, он сам предварительно просматривал все, все делалось сквозь призму „предписаний, статьей и директив Мао".

Однако предположим, что все обстоит именно так, как пишет китайская печать, предположим, что это крупный заговор. Но как же он будет ликвидирован? Неужели оставляя этих „врагов" в составе руководства? По нашему мнению, так дело нельзя исправить. Вопрос должен быть поставлен так: либо они „враги-капиталисты" и они должны быть ликвидированы, либо они товарищи, допустившие большие ошибки, и они должны быть немедленно устранены от руководства всех уровней, либо они товарищи, допустившие ошибки в некоторых вопросах, но признавшие свои ошибки и выступившие с самокритикой. Тогда, в последнем случае, надо ли было поступить так, как поступили с ними? При этом я не имею в виду ни меры, принимае-

мые китайскими товарищами по изъятию той литературы, которую они считают вредной и ревизионистской, ни необходимость того, чтобы Культурная революция проводилась правильным, марксистско-ленинским путем, естественно, в соответствии с их условиями, с условиями Китая.

„Большие скачки" в этих делах мне кажутся нерекомендуемыми и они не дадут хороших результатов. Все это обязательно будет иметь последствия. Да завершится все у них благополучно, да будем мы неправы, но идеалистами мы никогда не будем и вслепую каким-либо путем идти не будем, не убедившись марксистско-ленинским методом в его правильности.

ПОНЕДЕЛЬНИК
10 ОКТЯБРЯ 1966 г.

ТЕЗИСЫ О ЕДИНСТВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

После размежевания нужно единство.

Нельзя вести борьбу против современного ревизионизма без марксистско-ленинского единства.

I и III Интернационалы.

Имеются два понятия о единстве:

1) Ревизионистское „единство" (с его разновидностями).

2) Марксистско-ленинское единство.

Нам следует разоблачать первое и консолидировать второе.

Существует ли в международном марксистско-ленинском движении полное марксистско-ленинское единство мнения и действия?

И да, и нет в нужной мере и в нужной степени, так как это движение растет, а опыта у него нет, каждая марксистско-ленинская партия или революционная группа занимает особые позиции, по многим общим капитальным вопросам нет вполне единых мнений, а также и потому, что ревизионизм и империализм ведут против марксизма-ленинизма организованную и согласованную борьбу.

Итак, необходимо найти формы и пути преодоления этих препятствий.

Международное коммунистическое движение дол-

жно руководствоваться марксизмом-ленинизмом, правильно истолковываемым и проводимым в жизнь в соответствии с нынешними условиями и с особыми позициями каждой марксистско-ленинской партии или группы. Следовательно, нужен анализ современной обстановки, но он не может быть произведен только одной партией, взгляды которой служили бы маяком для других. Между марксистско-ленинскими партиями или группами необходимы также и консультации, результатом которых будут правильные установки для борьбы, ведущейся как в общих, так и в особых условиях.

Некоторые капитальные вопросы, по которым должно быть единое определение, способствующее упрочению единства и усилению борьбы против современного ревизионизма:

1) Окончательное размежевание с ревизионистами предполагает особое совещание.

2) Возникновение ревизионизма, его причины и т. д. и т. п.

3) Вопрос о Сталине.

4) Отношение к Советскому Союзу, в первую очередь, и к другим странам, где господствуют ревизионисты.

5) Более обдуманная позиция относительно более организованной политической, идеологической и материально-технической помощи новым марксистско-ленинским партиям и группам, а также национально-освободительной борьбе, относительно союзов с прогрессивной антиимпериалистической буржуазией и по многим другим такого рода проблемам, имеющим огромное значение для нашей общей борьбы.

Все это и многое другое известно и вообще проводится в жизнь, но не согласованно.

Относительно вопроса о Сталине и причин возникновения ревизионизма в Советском Союзе и в других странах есть много сходных мнений, но есть и несходные. Если эти вопросы не будут разъяснены, если по ним не будет достигнуто более или менее единое мнение, могут возникнуть противоречия, а начало противоречия налицо, что мешает укреплению единства.

Стратегия и тактические приемы нашей борьбы. Первая должна быть одинаковой для всех, тактические же приемы могут быть различны, однако они должны служить первой и развиваться в полном соответствии с марксизмом-ленинизмом.

— Зачем Коммунистическая партия Китая выступила с 25 пунктами* и какова их участь?

— Тактика Китайской Народной Республики и тактика Народной Республики Албании.

Тактические приемы всех марксистско-ленинских партий и групп, действующих в оппозиции или в подполье.

а) Вопрос о границах с Советским Союзом.

б) Индийский вопрос.

в) Корейский и японский вопросы.

г) Вопрос о Коммунистической партии Польши (марксистско-ленинской).

д) Помощь, которую необходимо оказывать марксистско-ленинским группам.

Коммунистическая партия Китая избегает общих совещаний.

а) Она внесла предложение о созыве совещания

---

* Статья „Предложение в связи с генеральной линией международного коммунистического движения", „Жэньминь жибао", июнь 1963 г.

9 наших партий. Когда мы выразили наше согласие, она взяла его обратно.

б) Она внесла предложение, без созыва совещания, о создании „антиимпериалистического фронта вместе с ревизионизмом", и снова отказалась от него.

в) Она проводит совещания с каждой из остальных партий в отдельности, что, впрочем, она вправе делать, и после такого рода совещаний эти партии выступают с заявлениями и статьями, поддерживающими все то, что делает и говорит Китай.

г) Теперь все усилия Коммунистической партии Китая направлены к тому, чтобы марксистско-ленинское коммунистическое движение признавало, что идеи Мао Цзэдуна руководят миром, чтобы оно приняло культ Мао, одобрило Пролетарскую культурную революцию и всю линию Коммунистической партии Китая с ее положительными и отрицательными сторонами.

Все это грозит единству большими опасностями.

Нам это должно быть ясно, мы должны смело смотреть правде в глаза. Китайские товарищи затеяли и с нами разногласия, но втихомолку, не предавая их огласке, однако эти разногласия могут усугубиться. Поэтому нам надо опередить события. Мы это делали и должны делать. Но как же объясняться открыто обеим нашим партиям? Вопросы будут решены, если обсуждать их воистину марксистским путем. В противном случае они будут усугублены. Так случилось и с советскими, и мы ничего не разрешили. Вопросы были разрешены на бухарестском и на московском совещаниях. С китайцами дело не должно дойти до этого, но оно может дойти и до этого вопреки нашему желанию.

Нельзя *en bloc* соглашаться ни с мнениями одной партии, ни с мнениями двух партий. Все они должны высказывать свое мнение. Поэтому совместное сове-

щание и принятие совместных решений имеют важное значение. Совещание ознакомится с формами работы и организации, изучит их и в то же время выдвинет задачи перед каждой партией в отдельности.

Китай до сих пор избегал такого рода совещаний. Зачем?

а) Боится, как бы его не обвиняли в гегемонизме, но такое мнение неправильно.

б) Боится, как бы мы, остальные, не смотрели неправильно на его отношение к совещанию. (Мы на деле проявляли свой интернационализм.)

в) Он не хочет компаньонов при принятии решений. Такая тенденция и такая позиция — опасны.

г) Он избегает их, ибо в Китае еще нет единства. В таком случае, пусть он скажет нам об этом.

Исходя из всего этого:

Правильно ли и нужно ли, чтобы мы изложили эту идею в общих чертах на нашем съезде? По-моему, да. Это нормально. Это одна из форм нашей борьбы.

В принципе против идеи совещания никто не может выступать; самое большое, что могут сделать, это дать ей бесследно пропасть. А между тем ошибутся они, а не мы. При таких ситуациях без Китая мы не можем проводить таких совещаний. Китай может по-прежнему не хотеть. В таком случае он несет ответственность за это. Но хотя он и не сочтет целесообразной такую идею, мы, считая ее во всех отношениях правильной, должны выдвинуть ее. Пусть совещание проводится, когда созреют условия, пусть организационные формы и др. будут определены в процессе борьбы. С Китаем мы уже сделали свое относительно этого вопроса, говорили с ним раз, два раза. Именно он откладывает проведение в жизнь этой идеи.

Полагаю, что выдвинутые мною выше вопросы,

как и другие подобные им вопросы, имеют очень актуальное значение для укрепления марксистско-ленинского единства международного коммунистического движения, и они могут быть решены не иначе как на совместных партийных совещаниях. Китай, по-видимому, иного мнения, он считает, что достаточно лишь того, чтобы все единогласно одобряли происходящее ныне в Китае, и наше единство упрочено. К существующим контроверзам прибавляется еще одна, и, поскольку китайцы действуют втихомолку, мы должны предвидеть, что в одно прекрасное утро окажемся изолированными от них, хотя мы и на правильном пути. Поэтому нам следует предупредить опасность. То, что я предлагаю, законные, правильные формы.

Так они поступили и в связи с корейским и японским вопросами, шепотом, и именно поэтому дела приняли уже известное нам направление.

Представители новых групп и партий с восторгом пишут в своих органах печати о том, что происходит в Китае, но, когда они приезжают в нашу страну, говорят нам, что они не согласны с тем или иным мнением Коммунистической партии Китая. А нам что им сказать?

Эти марксисты-ленинцы завтра приедут на съезд нашей партии и они будут выступать. Кто поручается за то, что среди них не будет таких, которые умышленно или неумышленно будут говорить с возбуждением о различных аспектах нынешнего курса развития Китая, на которые наши взгляды противоположны? Тогда выявятся две позиции. Ну а если они, с благим или неблагим намерением, спросят наше мнение, что нам ответить им? Ответить им? Плохо. Не ответить? Опять плохо. Поэтому то, что мы включаем в доклад — это самый правильный, воистину марксистско-ленинский ответ, который мы можем давать иностранным товарищам.

ПОНЕДЕЛЬНИК
17 ОКТЯБРЯ 1966 г.

ЕЩЕ РАЗ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

Выдвинем следующую гипотезу:

Правда, международная обстановка представляется серьезной и критической. Американский империализм готовится к войне и угрожает войной всем нам, но особенно Китаю. Китай должен быть в высшей степени подготовленным в военном отношении, но в первую очередь он должен быть подготовленным в политическом отношении. Его тылы должны быть не только прочными, но и хорошо очищенными от ревизионистской „пятой колонны". Морально-политическое единство народа вокруг партии и Мао должно быть чрезвычайно сильным, стальным.

Допустим, что при таких ситуациях все приемлемо, — имею в виду также разнузданный культ Мао, принимающий в последние месяцы большие размеры, — но ни в коем случае нельзя допускать даже малейшее затемнение партии. Теперь китайские товарищи, много лет подряд проявлявшие явный либерализм относительно политической линии, видят, что ситуация критическая и хотят положить конец этому либерализму, который процветал целую жизнь даже на местах, не говоря уже о руководящих кадрах. Однако они наталкивались и наталкиваются на большое сопротивление. И китайские товарищи нашли „средство" подавления этого сопротивления: товарища Мао, который, по их мнению, ныне является единственным

руководителем, могущим вдохновлять партию и народ и увести их на правильный путь.

Если дело в партии дошло до такого положения, то это правильно, чтобы товарищ Мао, как сказать, исправил эту ситуацию, так как китайский народ и китайские коммунисты питают к нему полное доверие. **Однако Мао должен исправлять эту ситуацию, опираясь в первую очередь на партию. Я думаю, что он с этого и должен начать, ибо в этом единственный залог всех побед.** А между тем мы не видим, чтобы Мао обращался с призывом к партии, рабочему классу или революционному крестьянству. Быть может, они считают так: „Когда говорит Мао, говорит партия".

Как „великий марксист-ленинец", Мао должен знать, что без партии не было бы ничего возможно, что без нее ничего не возможно и теперь. Правда также, что он является таким авторитетом, который, когда говорит о Коммунистической партии Китая, подразумевает и самого себя и наоборот. Тем не менее, если положение столь критическое, оно может быть восстановлено только поднимая на ноги всю партию, в противном случае надо думать, что за все это время некоторые другие старались коварными методами подорвать партию, подорвать авторитет Мао и поднять свой авторитет. **Это, быть может, и имело место, ибо, действительно, китайские товарищи немножко задремали.**

Широкую пропаганду, ведущуюся вокруг трудов Мао и их изучения, можно и надо критиковать за применяемые в ней формы и методы, но если на нее смотреть как на составную часть данной проблемы и сквозь призму данной гипотезы, то она естественна, ибо, с одной стороны, массы учатся, а, с другой стороны, пропагандируются идеи Мао, и это делается в интересах дела. **Как бы то ни было, нам надо быть**

бдительными и осторожными в этом вопросе, придерживаться установок, принятых на последнем Пленуме ЦК партии.[1]

Китайская делегация, которая приедет на V съезд нашей партии, может разъяснить нам многие вопросы. Набрасываю на бумаге, конечно, очень осторожно, некоторые вопросы, которые мы можем задавать ей, с тем чтобы иметь более ясное представление об этом положении. Вопросы будут такого характера:

— Нам хотелось бы более подробно узнать о враждебной деятельности антипартийных элементов в области культуры.

— Атаковали ли эти враги политическую и экономическую линию Коммунистической партии Китая и составляли ли они серьезную угрозу для государственной власти в Китае?

— Если это возможно, расскажите нам, каковы сходные черты этих врагов и других современных ревизионистов, и установили ли они организационную связь с ними?

— Разъясните нам более подробно, если это возможно, основные установки китайской Пролетарской культурной революции.

— Охватывает ли китайская Пролетарская культурная революция весь Китай, или же она ограничивается прослойками интеллигенции и культурно-просветительными учреждениями?

---

1 XVIII Пленум ЦК АПТ, 14 октября 1966 года.

— „Красная гвардия", состоящая из учащихся, студентов и преподавателей, является просто революционным движением этих слоев, или же ядром какой-нибудь новой организации студенческой молодежи, которой будет руководить Коммунистическая молодежь Китая или непосредственно партия?

— Возложены ли на „Красную гвардию" политические задачи, и в каких формах партия осуществляет руководство ею и ее деятельностью как в центре, так и на местах?

— Какие организационные формы применяет „Красная гвардия" в центре и на местах?

— Хотя это просто ваше внутреннее дело, если это возможно, нам хотелось бы узнать немножко более подробно о смысле данных товарищем Линь Бяо директив „о капиталистических элементах у власти" и о революционном действии „штурмовать штабы реакционеров, стоящих у власти".

— В чем, по мнению Коммунистической партии Китая, заключаются идеологические и политические разногласия между нашими партиями, с одной стороны, и Коммунистической партией Японии и какой-либо другой партией — с другой?

— Если возможно, проинформируйте нас о нынешнем положении в Коммунистической партии Индонезии. Была ли Коммунистическая партия Индонезии в курсе готовившегося государственного переворота Y Тунга, приняла ли она участие в нем, почему она оказалась неорганизованной и не дала революционный отпор варварской реакции белых генералов?

— Мы просим вас открыто, по-товарищески и без всяких стеснений рассказать о том, каковы ваши впечатления о работе V съезда нашей партии и о различных политическо-теоретических взглядах нашей партии.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
23 ОКТЯБРЯ 1966 г.

НИЧТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАЗРЕШЕНО ПРАВИЛЬНО БЕЗ ПАРТИИ

Китайские товарищи, видно, пробудились от глубокого сна, стали размышлять о том, какую линию они проводили до сих пор и особенно в период после VIII съезда, проанализировали эту линию и констатировали, что долгое время они допускали проведение оппортунистической, чтобы не сказать ревизионистской, линии. Поскольку они говорят, что „подвергли анализу причины возникновения ревизионизма в Советском Союзе", в этом анализе они, должно быть, разглядели себя как в зеркало и пришли к горьким заключениям.

Это факт, что их последний, VIII съезд, состоявшийся в 1956 году, проводил свою работу под непосредственным влиянием XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. **Многие основные положения VIII съезда, изложенные в докладе Лю Шао-ци, являются хрущевскими положениями, полностью принятыми ими. Очевидно, китайские товарищи разделяли основные тезисы Хрущева против Сталина, за титизм, за мирное сосуществование и т. д. Помимо всего этого, на VIII съезде нашла развитие вширь и вглубь весьма опасная оппортунистическая, ревизионистская внутренняя линия.**

Короче говоря, китайские товарищи сводят к минимуму классовую борьбу, они, как сказать, поделили

экономическую власть с капиталистической буржуазией, которой гарантируют одну треть прибылей и участие в управлении страной; они во всеуслышание рекомендуют сосуществование с ней и т.д. В составе фронта[1] они предоставляют буржуазным партиям почти те же политические права, что и Коммунистической партии Китая и даже говорят, что эти партии имеют право контроля над ней. Что же касается старой интеллигенции, то с ней не только обходятся „корректно", но чуть ли не превозносят ее. Помимо всего этого в докладе перед VIII съездом все связывается с „воспитанием, с перевоспитанием" даже помещиков, отмечая при этом, что они „должны быть приняты в кооперативы" и указывая, что капиталисты **„с энтузиазмом восприняли руководство рабочего класса и Коммунистической партии Китая".**

Одним словом, надо перечитать доклады VIII съезда, чтобы увидеть во всей ее широте проводимую китайцами линию, которая проводилась в жизнь безудержно, бесконтрольно, без съездов, без пленумов; все это было сопряжено с катастрофами, под действием которых китайские товарищи кое-как пробудились ото сна и теперь говорят себе: „Куда мы идем?!!". Наконец, они увидели, что капиталисты и ревизионисты заняли важные посты в партии и государстве и что их следовало убрать оттуда. Во время анализа, который они, быть может, произвели, они встретили сопротивление.

Но в каких формах могло быть оказано это сопротивление? Мао и другие товарищи, может, все, коллегиально, признали допущенные в политической линии ошибки. Это было бы правильно. Но может быть и обратное, т. е., что они взвалили вину на некоторых,

---

1 Народный политический консультативный совет Китая.

возглавляемых Лю Шао-ци, независимо от того, в какой мере виновен он сам. Это было бы неправильно. В первом случае Лю Шао-ци и его группа, может быть, возразили и выступили в защиту положений VIII съезда, „обосновывая их"; во втором же случае они не только выступили в защиту положений съезда, но и потребовали признания виновности и ответственности всех. Если анализ произведен согласно первой версии, то Мао и его товарищи справедливо атаковывали Лю и его компанию, которые „послушались" на 50 или 25 процентов, и Мао, видя, что чистку трудно было вести таким образом, поступил так, как нам известно, то есть, назвав эту революцию культурной революцией, привел в движение учащуюся молодежь.

Но почему он поступил так? В целях сокрытия того, что работа, проделанная до тех пор руководством и в особенности группой Лю Шао-ци, была „контрреволюционной, ревизионистской" работой? Чтобы избегать восстановления партии „против партии", чтобы избегать восстановления рабочего класса „против партии"?

Мао надо было мобилизовать партию на борьбу с ревизионистскими фракционерами, надо было поднять партию и рабочий класс на борьбу за восстановление линии, норм, законов диктатуры пролетариата, и все. Быть может, это сопрягалось бы с болью и для них, и для тех, кто дремал, и для тех, кто действовал, **однако это привело бы к правильному и окончательному, а не к половинчатому решению дела. Или будет в корне изменена оппортунистическая линия VIII съезда, или дело будет хромать.**

А это может делать только партия, но только марксистско-ленинским путем, в противном случае она не стоит на правильном пути. Этого нельзя допускать. Тогда с надежной частью „плыви против течения", громи врагов и полностью исправь линию, и незачем

шептать на ухо студентам: „делайте то-то, разоблачайте того-то, атакуйте такой-то комитет или выбирайте такой-то комитет". Это неправильно.

Не приводить в действие рабочий класс, чтобы поставить вещи на свое место под тем предлогом, что рабочий класс, мол, не должен восставать „против партии", и, с другой стороны, призывать студентов „выбирать" для рабочего класса партийные комитеты и диктовать ему, что надо делать, это совершенно неправильно. К тому же, приводить в движение рабочий класс, это значит поднять его не против партии, а против ревизионистов, против их сопротивления. Оказывают они сопротивление или нет? Если оказывают, то зачем скрывать это и идти на половинчатое решение дела?

Ничего не может быть разрешено правильно, никакая правильная, марксистско-ленинская линия не может быть выработана и принята без партии, без рабочего класса во главе. Любой другой путь ведет к ошибкам, к явлениям, чреватым большими опасностями для будущего.

ПОНЕДЕЛЬНИК
24 ОКТЯБРЯ 1966 г.

КАК ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПОСТУПАТЬ КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ?

Если они заключили, что в линии их партии имели место грубые ошибки, то их должна была исправить партия, а очередному съезду следовало бы определить ее линию. Съезд надо было подготовить, следовательно, надо было готовиться в первую очередь самой партии, ибо она и только она может и должна исправлять все.

1 — Это значит, в первую очередь, что пленум Центрального Комитета должен был основательно проанализировать линию, ошибки, коллективную и личную ответственность, меры и ориентировки.

2 — Весь этот глубокий анализ партийного руководства следовало представить на обсуждение всей партии, вплоть до первичных организаций; надо было встряхнуть всех — от мала до велика. Следовало принять коренные меры; места должны были делать замечания, вносить предложения и принимать резолюции. Следовало беспощадно бичевать ошибки, изобличать ревизионистов, их образ мышления и действия, их методы организации, надо было сломить любое их сопротивление.

3 — В ходе всей этой огромной работы следовало мобилизовать организацию коммунистической молодежи, профсоюзы, фронт и, по необходимости, на всякий случай, создать „Красную гвардию".

После очистки линии, после очистки партии и руководства от ревизионистских элементов и группировок, после избрания новых, решительных и преданных марксизму-ленинизму руководителей, нужно было:

а) Очистить государственный аппарат от врагов, от ревизионистов, бюрократов и сокрушить любую линию, поддерживавшую капиталистов, любую форму их работы, любую их привилегию, любое их сопротивление.

б) Всю эту работу надо было сопровождать всеобщей мобилизацией людей на борьбу за выполнение экономических планов, за повышение революционной бдительности, за укрепление обороны страны.

в) Наконец, основательно улучшив положение, надо было пойти на IX съезд умноженными силами, с чистой и стальной партией, с марксистско-ленинским единством.

Иначе, **если оставить партию в пассивном положении и в неуверенности, диктовать ей, что делать и чего не делать через студенческую „Красную гвардию" или через указания какого-то Центрального Комитета, не обладающего единством, — из этого ничего хорошего не получится. Линия масс это не „линия площадей и улиц". Эту линию должна понимать и проводить в жизнь партия, она должна ею руководить, иначе она не даст серьезных результатов.**

Мы не знаем, проводили ли китайские товарищи единую с партией рабочую линию в этом большом вопросе. Мы видим только то, что „Красная гвардия" нападает на партийные комитеты, на руководителей и др. „Красной гвардии" дают указания нападать на них, но делается ли это после правильного партийного анализа, с тем чтобы прижать врагов к стене? Этого мы не знаем.

Время укажет нам формы и методы, применяемые

китайскими товарищами, как и их результаты. Это будет „новый опыт", но мы желаем, чтобы этот их опыт положил конец этой большой враждебной деятельности, раскрытой в братском Китае.

ПЯТНИЦА
28 ОКТЯБРЯ 1966 г.

НАШИМ ПАРТИЯМ СЛЕДУЕТ КОНКРЕТИЗИРОВАТЬ СВЯЗИ С МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ

Сегодня я принял в резиденции Центрального Комитета партии прибывшую в нашу страну для участия в работе V съезда АПТ делегацию Коммунистической партии Китая, состоящую из Кан Шэна, члена Политбюро и Секретариата ЦК КП Китая, Ли Сянь-няня, члена Политбюро и Секретариата ЦК КП Китая, и др.

Рассказав им о боевой дружбе между двумя нашими странами и партиями, о политическом и экономическом положении страны и о высоком революционном духе, характеризующем нашу партию, я остановился на позиции, которую мы должны занимать, и на отношениях, которые мы должны поддерживать с марксистско-ленинскими коммунистическими партиями, с тем чтобы для китайских товарищей не было неожиданным то, что мы намерены изложить на съезде, и которое я более или менее оформлял в виде тезисов в настоящем дневнике (10 октября — Тезисы о единстве международного марксистско-ленинского движения).

При этом мы задавались целью кое-как побудить китайских товарищей активизироваться в поддержку новых марксистско-ленинских партий. В связи с этим, в общих чертах, я сказал им следующее:

По случаю нашего съезда мы пригласили в нашу страну делегации из всех, старых и новых, марксист-

ско-ленинских коммунистических партий, стоящих на правильных, марксистско-ленинских позициях; мы пригласили также представителей из революционных марксистско-ленинских движений и групп. Некоторых из последних мы пригласили в качестве наблюдателей. Мы считаем, что это будет большой помощью для нашей партии, и мы очень высоко ценим их приезд, как и помощь, которую они нам окажут. Мы находим также, что это послужит нашей общей великой цели: укреплению международного единства марксистов-ленинцев, их марксистско-ленинских партий и групп, нашей великой борьбе против империалистов и современных ревизионистов-ренегатов.

У нас с ними, конечно, будут двусторонние или трехсторонние переговоры в порядке обмена мнениями и опытом. Это, полагаем, будет очень плодотворным для нашего движения, которое сделает новые шаги вперед.

Многие товарищи, конечно, захотят встретиться и побеседовать и с вами, делегацией Коммунистической партии Китая. Мы считаем, что эти ваши возможные встречи и переговоры с ними очень важны для революционного движения. Мы, со своей стороны, поставим в ваше распоряжение все, удовлетворим все ваши просьбы о содействии, с тем чтобы обеспечить полный успех этих встреч и переговоров.

Товарищи из братских партий и марксистско-ленинских групп, конечно, как нам, так и вам выскажут свои мысли и предложения об общих для нас проблемах движения, а, может, и о своих особых, внутренних проблемах.

Мы будем очень тронуты доверием, которое они проявят к нашей партии, мы уделим все свое внимание их мыслям и предложениям и сделаем все от нас зависящее, чтобы помочь им по мере своих скромных сил.

Но мы считаем интернациональным долгом, вытекающим из интересов упрочения нашего интернационалистского единства, неоднократный обмен и координирование мнений с вами о проблемах, занимающих товарищей из братских партий, и об их возможных запросах. Думаем, что у вас не будет возражений на это.

Мы считаем, что нам, в первую очередь, вашей великой партии и нашей партии, следует сделать первые шаги на пути к конкретизации более тесных, более действенных связей со всем мировым марксистско-ленинским движением в целях дальнейшего укрепления нашего марксистско-ленинского единства и усиления наших совместных действий против наших общих врагов.

Мы думаем, в особенности, что настало время для проведения между нашими марксистско-ленинскими партиями различных, самых подходящих и плодотворных деловых встреч. Эту важную проблему мы ставим не для того, чтобы разрешить ее теперь, по случаю нашего съезда. Нет. Эту проблему мы поставили и перед товарищем Чжоу Энь-лаем, когда он посетил нашу страну, вновь ставим его и перед вами. Мы были бы счастливы обмениваться с вами мнениями по этой проблеме; однако, если понадобится и когда ваша партия найдет это целесообразным, мы будем готовы направить в Пекин также партийную делегацию для особого обсуждения этого вопроса.

Нам кажется важным и необходимым обсуждать эту проблему и конкретизировать ее, пусть и в первых элементарных формах, ибо современные ревизионисты и их патроны-капиталисты используют все средства демагогии и экономическое давление, прибегают к нажиму и шантажу, с тем чтобы нанести сильный удар нашему интернационалистскому марксистско-ленинскому единству и всячески мешать его укреплению, нанести удар движению путем идеологической диверсии изнутри, путем изоляции — извне.

Своей ревизионистской идеологией современные ревизионисты прилагают все усилия, предпринимают всякие попытки, чтобы проникнуть и в наши уже утвердившиеся, революционные, монолитные и верные марксизму-ленинизму партии. Можно представить себе, что они делают и что они будут делать против новых марксистско-ленинских партий и революционных групп. Мы считаем своим высоким долгом всеми силами и средствами содействовать нашим товарищам из этих партий, еще не закрепивших как следует свои позиции.

Мы пригласили на съезд делегации также от Трудовой партии Кореи, Коммунистической партии Японии и т.д. Некоторым партиям мы направили приглашения, отметив при этом, что, в случае невозможности послать делегации, пусть они пришлют приветственные послания.

С некоторыми социалистическими странами мы поддерживаем отношения, мы не вступили в открытую полемику с ними, с позициями и взглядами партий в этих странах. Как вам уже известно, мы не только не разделяем многих их ревизионистских взглядов, но и ведем с ними борьбу; в докладе съезду, как увидите, мы с принципиальных позиций бичуем и атакуем эти их взгляды, не упоминая при этом по имени партий или лиц.

Так мы поступаем, например, с Румынией, Коммунистическая партия которой открыто атаковала нас. Наши взгляды на эту партию вам известны, ибо мы не раз беседовали с товарищами из вашей партии и высказывали им свое мнение об антимарксистских позициях и демагогии руководства Румынской коммунистической партии.

Если я не ошибаюсь, год назад мы имели встречу с делегацией Коммунистической партии Японии, приехавшей к нам на отдых. Мы устроили встречу и обменялись мнениями с японскими товарищами. На этой

встрече мы открыто изложили им свои взгляды. Они как-то были сдержанными, однако полностью одобрили взгляды нашей партии. После этой встречи мы замечаем, но еще не очень ясно, что линия Коммунистической партии Японии претерпела не положительные изменения, изменения вправо. По какой причине?! Нам хотелось бы, если это будет возможно, узнать что-нибудь от вас о политических и идеологических позициях Коммунистической партии Японии.

Что касается Трудовой партии Кореи, то мы с ней почти совсем не имели партийных контактов. Мы не разделяли ее двусмысленной позиции в отношении Хрущева и хрущевского ревизионизма, причем наши подозрения не были необоснованными. Поведение корейских товарищей в последнее время подтверждает, что нас с ними по многим вопросам разделяют принципиальные противоречия. Они взяли на вооружение оппортунистическую, двусмысленную, центристскую линию. Нам хотелось бы также, чтобы и относительно Трудовой партии Кореи вы объяснили нам, если это будет возможно, по каким объективным и субъективным причинам корейские товарищи скатились на эти позиции.

Распространяться больше не буду о беседе, которая, должно быть, включена в протокол, хранящийся в Архиве Центрального Комитета.

ЧЕТВЕРГ
10 НОЯБРЯ 1966 г.

ОБЪЯСНЕНИЯ КАН ШЭНА

Вчера мы встретились с товарищем Кан Шэном, который дал нам относительно Пролетарской культурной революции в Китае некоторые дополнительные разъяснения, явившиеся дополнением к переговорам нашей делегации с товарищем Мао в мае месяце и к переговорам с товарищем Чжоу Энь-лаем, когда тот был в последний раз в нашей стране.

Из изложения, сделанного товарищем Кан Шэном, явствует, что в главном руководстве Коммунистической партии Китая имелись глубокие идеологические и политические расхождения. Существовали две или, вернее, три группы: группа Мао, группа Лю Шао-ци с Дэн Сяо-пином и третья — группа Пэн Чжэня с Лю Дин-и, Ло Жуй-цзинем и т.д.

Товарищ Кан Шэн назвал Пэн Чжэня врагом и замаскированным агентом, совершившим измену еще в 1925 году. Следствие по его делу продолжается. Пэн Чжэнь и другие его товарищи, такие как Лю Дин-и, Ло Жуй-цзинь и т.д. были ревизионистами, агентами капиталистической буржуазии, замышлявшими узурпацию власти в Китае. Они, несомненно, расставили повсеместно, в центре и на местах, конечно, и в армии, сеть своих людей, но Кан Шэн в подробности относительно этих вопросов не вдался. **Итак, выходит, что опасность была реальной и очень серьезной.**

А Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина китайские товарищи

считают элементами, придерживающимися буржуазно-капиталистических взглядов; по их словам, они не стоят на одной ступени с группой Пэн Чжэня, но нарушили директиву Мао, которая была принята ими вместе с другими; они действовали в „рабочих группах и прибегали к белому террору" в попытках подавить Пролетарскую культурную революцию. „Эти два товарища, сказал Кан Шэн, хотя и твердолобые, признали свои ошибки и выступили с письменной и устной самокритикой перед расширенным Центральным Комитетом партии и остались в составе Постоянного Комитета Политбюро".

Из изложения товарища Кан Шэна явствует, что группа Лю выступала против линии масс, против линии Мао и попыталась удушить эту линию. Выходит также, что „Красная гвардия" „была создана как дальнейшее развитие линии масс при разоблачении деятельности Пэн Чжэня и его сообщников".

Больше он не говорил об этом и не дал понять о наличии других разногласий в руководстве. Однако, судя по общему духу изложения, я думаю, что настоящая Культурная революция является не только культурной, но и политической, т.е. такой, как мы полагали. Итак, китайские товарищи, не признаваясь в этом, через Культурную революцию пытаются исправить многие ошибки политического и организационного характера, как и ошибки в области экономики, образования и т.д.

Товарищ Кан Шэн совсем не упомянул о роли „Красной гвардии", а отметил лишь роль „партии и Мао в этой революции". В своем ответном изложении я поблагодарил Кан Шэна и изложил ему нашу точку зрения об этой их проблеме. Таким образом, мы не задавали ему вопросов, которые могли быть заданы ему с нашей стороны, и косвенно, **ссылаясь на наш опыт, мы подтвердили некоторые основные принципы, такие как**

роль партии во всем, ведение классовой борьбы, сохранение высокой бдительности в руководстве, чистка партийного руководства от враждебных и подозрительных элементов, категорическое отклонение любой линии на „сосуществование с капиталистами" (намек на тезисы их VIII съезда) и т.д.

Товарищ Кан Шэн выразил полное согласие с нашим изложением; было отмечено полное единство. Он очень обрадовался этому, мы также. Могли ли китайские товарищи больше и подробнее говорить нам о своих внутренних делах, в частности, об ошибочных тезисах Дэн Сяо-пина и Лю Шао-ци, ошибки которых, полагаем, заключаются не только в „рабочих группах"? Мы думаем, что они могли говорить нам более подробно. Однако мы больше не могли распространяться в этом вопросе.

Тем не менее мы очень рады, когда нам говорят, что правильная, марксистско-ленинская линия восторжествовала; в противном случае, Китай и международное коммунистическое движение оказались бы перед катастрофой. **Мы подошли правильно и занимаем твердую позицию относительно принципиальных вопросов, связанных с великой китайской проблемой. Мы отметили и китайским товарищам, что, как мы, так и они всегда должны доводить дела до конца и решительно убирать гнилье, невзирая на формы, которые могут быть применены при этом.**

**ПОНЕДЕЛЬНИК
14 НОЯБРЯ 1966 г.**

КИТАЙСКИЕ СОБЫТИЯ СТАНОВЯТСЯ ДЛЯ НАС ЯСНЫМИ

Из различных бесед, которые мы имели с товарищем Кан Шэном, нам почти стало ясно, что происходит в Китае. Разъяснения, данные нам Кан Шэном по особому поручению Мао, были очень необходимы и полезны нам. Когда Кан Шэн собирался к нам, Мао сказал ему: **„Поставь в известность албанских товарищей, ибо они, конечно, очень беспокоятся о наших делах; ведь они у нас самые близкие товарищи".**

Из всех разъяснений, данных нам Кан Шэном, получается, что мы были вправе беспокоиться и выдвигать много предположений, и так, и сяк, на основе тех немногих данных, которыми мы располагали.

Главным для нас вопросом, который разъяснил бы нам почти все проблемы, связанные с китайскими событиями, был вопрос о единстве в руководстве, о существовавших внутри него разногласиях и о том, в чем они заключались. Какие взгляды отстаивал тот или другой, как разрешены эти разногласия?

Что внутри руководства Коммунистической партии Китая имелись глубокие разногласия — в этом мы ничуть не сомневались, но что именно это были за разногласия и кто ошибся — это нам было не совсем ясно. Что касается дела Пэн Чжэня и его группы, то его нам разъяснил и товарищ Чжоу Энь-лай, но не в его совокупности, он не указал нам на ту большую опасность,

которую представляла эта группа. Больше мы ничего не знали, но извне замечали, что были и другие, в частности, Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пин, о которых мало говорили, ставили против них некоторые дацзыбао, которые снова снимали, но главное, мы видели, что в списке руководства изменился порядок размещения лиц. Это вызывало у нас смущение, ибо до этого они представляли их нам как одних „из лучших" товарищей, как „марксистов-ленинцев и верных линии Мао". Вот поди ж ты, в одно прекрасное утро эти товарищи оказались на другом пути, „на реакционном, капиталистическом пути" и подверглись нападкам.

Мы по праву ставили вопрос: что же происходит? Сам Мао в мае, когда наша делегация была в Китае, сказал нашим товарищам, причем в присутствии Дэн Сяопина: „Вот видите Дэн Сяо-пина? Он небольшого роста и, может, вам кажется невнушительным, но это хороший и способный товарищ" и т.д.

Существование группы Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина в противовес линии Мао, а также их служебное положение и их престиж в партии и в народе делали дело еще более сложным, еще более опасным. Эти два товарища исказили принятое совместно с Мао и коллегиально постановление о порядке проведения Культурной революции и приняли организационные меры, вплоть до террора, с целью увести эту революцию в сторону от ее истинных целей и задушить ее. В свете этой ситуации можно объяснять все принятые меры, ход Культурной революции, деяния „Красной гвардии", дацзыбао, статьи и т.д. Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пин вынуждены были признать свои ошибки перед расширенным Центральным Комитетом и выступить с самокритикой, устно и письменно. Итак, ситуация была довольно критической и очень опасной.

Кан Шэн ничего больше не сказал нам, однако, после наших вопросов, он признал и согласился с на-

шим мнением о том, что в работе VIII съезда, в докладе Лю Шао-ци на этом съезде и в резолюции много ошибок, касающихся политической линии.

Относительно вопроса „антиимпериалистического фронта с участием в нем также ревизионистов" он сказал, что это не мнение и не постановление Центрального Комитета, т.е. он дал понять, что это было мнение Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лая, ибо это они изложили его нам.

Что касается поездки в Москву, после падения Хрущева, он сказал, что это была идея Мао, однако „вы (албанцы) были вполне правы и хорошо сделали, что не поехали в Москву".

В заключение получается, что перед лицом этой серьезной опасности, грозившей партии и диктатуре пролетариата в Китае, имело место столько деяний и было принято столько мер со своими положительными сторонами и перегибами.

Мы настаиваем на своем мнении относительно культа личности, некоторых методов работы, считающихся „подходящими" для Китая, а также относительно эксцессов „Красной гвардии". Впрочем эти последние, учитывая все то, что произошло в Китае, могут и иметь место. Тут надо иметь в виду высокую цель, причину того, почему все это делается. Это важно и положительно. Почему они не сделали это тем путем, каким мы полагали? Может, китайские товарищи считали, что опасность вражеской работы была устранена без необходимости того, чтобы поднять на ноги партию, рабочий класс и народ.

С другой стороны, если это правда, что Линь Бяо написал статью, в которой он ставит Мао выше Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а марксизм-ленинизм считает „устаревшим", мы целиком и полностью против этого.

Разоблачена, значит, глубоко опасная и враждеб-

ная работа, направленная против партии и социализма в Китае, и принимаются меры по ее ликвидации. **Однако мы считаем, что меры, принимаемые против этих врагов, не радикальны. Детально мы дел не знаем, но мы не можем понять, как это враги, такие как Пэн Чжэнь живут на дачах, имеют автомашины, получают оклады, а главное, оставляются в руководстве! Это же скандально. Мы отдали бы под суд подобных преступников и, в зависимости от их опасной предательской деятельности, правосудие подвергло бы их заслуженной каре.**

Эта серьезная внутренняя враждебная работа ведется и становится угрожающей в такое время, когда американские империалисты, в союзе с советскими ревизионистами, угрожают Китаю войной и готовят его окружение огнем, войсками.

Война империализму, война современному ревизионизму, возглавляемому советским ревизионизмом, война в защиту чистоты марксизма-ленинизма — такова наша линия, и мы будем отстаивать ее даже своей кровью.

Эти наши взгляды и эти наши правильные марксистско-ленинские решения товарищ Кан Шэн и члены делегации Коммунистической партии Китая, приехавшие на наш V съезд, видели в проявлениях наивысшего энтузиазма не только в зале съезда, но и везде, среди широких масс народа, где бы они ни побывали. Они были очень тронуты, взволнованы и восторжены. Закалилось стальное единство **на марксистско-ленинском пути** между двумя нашими партиями, и мы будем бороться за его дальнейшее упрочение.

ПЯТНИЦА
9 ДЕКАБРЯ 1966 г.

ВЫВОДЫ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ

Как показывают факты, многолетние предвидения нашей партии относительно линии Коммунистической партии Китая подтверждаются.

Китайские товарищи говорят, в порядке самокритики, что они недооценивали появление титизма и современного ревизионизма, а их опасность увидели, когда хрущевцы захватили бразды правления в Большевистской партии и советском государстве.

Однако, основываясь на официальных китайских документах, мы полагаем, что хрущевский ревизионизм и его настоящую опасность они увидели, когда начали открытую борьбу против них и публично встали на одну линию с нашей партией. Раньше они дремали, а это подтверждается их VIII съездом, подтверждается их поведением на московском Совещании 1957 года, подтверждается также тем, что они не решались занять решительную позицию, когда Хрущев открыто напал на нашу партию. Ныне понятны зигзаги и колебания китайских товарищей на антиревизионистских позициях в тот период. Камуфлированные китайские ревизионисты, за неимением возможностей прекратить полемику, изо всех сил старались сдержать ее.

Твердая, марксистско-ленинская позиция нашей партии помогла китайским товарищам яснее видеть. Мы должны прийти к заключению, что Мао и некоторые его товарищи, еще раньше не разделявшие некоторых

взглядов хрущевских ревизионистов, осознали не только вопиющую измену этих ревизионистов, но и ошибочные моменты в своей линии, проводимой по отношению к хрущевцам, а также деятельность ревизионистких элементов внутри Коммунистической партии Китая.

Здесь, наверное, началась классовая борьба внутри руководства Коммунистической партии Китая, между приверженцами Мао Цзэдуна и его линии, с одной стороны, и ревизионистской группой Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина, Пэн Чжэня и т.д., — с другой, борьба, которая мало-помалу приняла более широкие размеры, более острый характер и продолжается и поныне. С этим периодом связаны и многие действия китайских ревизионистов относительно „антиимпериалистического фронта и с ревизионистами" и т.д. Понятен также тактический период хрущевцев, свергших Хрущева и якобы не полемизировавших с нами. Этими происками они, безусловно, стремились помочь своим товарищам, китайским ревизионистам, более спокойно организовать взятие власти в Китае, ликвидацию или нейтрализацию Мао, ибо в условиях революционной ситуации китайские ревизионисты были бы разоблачены, как и разоблачились.

Теперь, когда Мао Цзэдун и Коммунистическая партия Китая уже разоблачили китайских ревизионистских предателей и их заговор, современные ревизионисты с советскими ревизионистами во главе и их верные союзники, американские империалисты, еще яростнее развернули антикитайскую, антимарксистскую и антиленинскую кампанию, ибо их заговор провалился, ибо их китайские товарищи разоблачены и изолированы, а их надежды на взятие власти в Китае пошли прахом. Причем советские, венгерские и другие ревизионисты на своих съездах открыто берут под защиту своих разбитых в Пекине товарищей. Это следует счи-

тать победой не только для Китая, но и для нас и для международного коммунистического движения.

Такие формы массовой революционной борьбы, в особых условиях, могут иметь свое значение для повышения сознательности масс, для воспитания новых поколений революционеров, и могут быть использованы, естественно, не шаблонно, революционерами-марксистами-ленинцами:

Во-первых, в тех странах и в тех партиях, где современные ревизионисты у власти.

Во-вторых, в тех социалистических странах и в тех партиях, где ревизионисты стоят или нет у власти, но орудуют под сурдинку или придерживаются так называемого среднего пути.

В-третьих, в новых марксистско-ленинских партиях и в революционных группах, борющихся в одно и то же время против ревизионистов своих стран и против капиталистическо-ревизионистской системы.

Наша партия, конечно, извлекает уроки из хода нынешних событий в Китае и из опыта Коммунистической партии Китая, будь он и горький.

Благодаря последовательно марксистско-ленинской линии нашей партии против титизма, против хрущевцев и современного ревизионизма, против империализма и всех врагов, одним словом, благодаря ведению острой классовой борьбы как внутри страны, так и на международной арене, наша партия сохранялась и оставалась чистой, боевой и революционной, наш народ также.

Мы должны смело идти по этому пути; **горький и хороший опыт пусть постоянно содействуют обогащению нашего опыта, чтобы никогда не угрожали опасности ни нашей партии, ни нашему народу, ни нашей родине.**

ПЯТНИЦА
30 ДЕКАБРЯ 1966 г.

ПРОДОЛЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

Великая пролетарская культурная революция в Китае продолжается, и, конечно, она должна неуклонно обостряться, с тем чтобы вырвать с корнем сорняки, произросшие и могущие произрастать и позже на пути социализма в Китае. Это важно как для нас, так и для всех марксистов-ленинцев. Мы поддерживали и будем поддерживать правильную ориентацию настоящей китайской Культурной революции, ибо она бьет по буржуазно-капиталистическо-ревизионистской линии группы китайских руководителей во главе с Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пином, Пэн Чжэнем, Пэн Дэ-хуаем, Ло Жуй-цзинем, Лю Дин-и и многими другими.

Это факт, что, насколько мы знаем, Центральным Комитетом партии официально не вынесен окончательный приговор по делу этой группы. Может, и, должно быть, приняты меры внутреннего характера. Тем не менее я считаю, что этого недостаточно. Как мы знаем — ведь нам говорили о Пэн Чжэне, Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пине — два последних выступили с устной и письменной самокритикой. Нам говорили также, что два последних противодействовали линии „партийных рабочих групп", посланных ими для борьбы с Культурной революцией. И все. Но разве это все? Многочисленные дацзыбао против Лю и Дэна про-

должаются. В них выдвигается требование „отстранить их, ликвидировать", но больше ни слову.

Мы думаем, что их ошибки заключаются не только в том, о чем говорят; они заключаются во всех глубоких причинах, побудивших их пытаться сдержать развитие Культурной революции. И эти причины есть суть, основа ошибок. Если принять за основу основные ориентации Культурной революции, нацеленные против империализма, против капитализма, против современного ревизионизма, на защиту марксизма-ленинизма, социализма, диктатуры пролетариата, на поддержку классовой борьбы, линии масс, то враждебность этой группы, возглавляемой Лю Шао-ци, очевидна. Но правильно было бы открыто говорить об ошибках и предательстве этих людей, чтобы и друзья, и товарищи могли правильно судить и чтобы они дальше укрепляли и еще лучше аргументировали солидарность в борьбе.

Не подлежит никакому сомнению то, что в линии Коммунистической партии Китая были отмечены ошибки и что этим ошибкам дали усугубиться. Насколько ошибся тот или другой, этого мы не можем знать, но, судя по нынешним действиям, создается впечатление, будто ошибки в политической линии постепенно исправляются, и мы полагаем, что группа Лю Шао-ци была самым главным виновником в этих ошибках, что она сопротивляется борьбе за их устранение.

Не говорить открыто об этих ошибках в политической линии и о главных виновниках — это тактика, которую мы и понимаем, и не понимаем. **Когда у нас были подобные случаи, мы говорили о них открыто, партия узнавала „почему" и „как" и она целиком поддерживала свое руководство, которое полностью вводило коммунистов в курс дела. Но подрывной или открытой борьбе врагов мы не давали усугубляться. Наша революция была непрерывной, борьба против от-**

крытых и скрытых врагов партии и народа никогда не прекращалась.

Надо полагать, что в Китае эта враждебная работа долгое время была упущена из виду, так что она усугубилась. Под флагом „идей Мао" и „генеральной линии партии и Центрального Комитета" враги и невраги действовали по этой линии. Враги делали свое дело, а хорошие люди почивали с легким сердцем. Когда у них открылись глаза, тогда, по-видимому, была продумана и новая тактика борьбы за ликвидацию этой враждебной работы. Именно против этой тактики и выступила группа Лю, ибо она привела бы к ее ликвидации. Быть может, другая, „нормальная" тактика при ненормальной ситуации, продлила бы жизнь враждебной работе и стала бы опасной.

Ныне мы видим, что Культурная революция распространяется и на фабрики, на рабочий класс. Это означает, что и здесь многое надо поставить на свое место, многих людей надо убрать, многие идеи и действия надо выправить. Отсюда революция, безусловно, перейдет в деревню, и это дело готовится длительными походами „красногвардейцев". Мало-помалу вся эта революция входит в нормы, предвиденные нами в начале ее. Теперь, видимо, ликвидируются и разоблачаются вражеские группировки, и в то же время идет работа и над исправлением ошибок.

Советские ревизионисты возлагали большие надежды на своих товарищей, китайских ревизионистов, и теперь, когда последним нанесен удар, советские уже открыто берут их под защиту и призывают восстать против Мао. Это борьба не на жизнь, а на смерть, и китайские товарищи это должны понимать, они должны довести эту борьбу до конца. **Если по отношению к врагам они займут уступчивые, оппортунистические позиции, какие занимали до сих пор, то они рыцари на час. Это означает дать врагу законсервироваться в**

целях захвата власти в последующем, ибо перед лицом поражения враги меняют тактику, „раскаиваются", „выступают с искренней самокритикой", скандируют: „Да здравствует Мао" и прибегают к другим подобного рода ухищрениям.

Революцию нельзя бросить на полпути; раз ты ее начал, доведи ее до конца. Нам надо быть беспощадными к врагам партии, народа, марксизма-ленинизма и революции.

1967

ВТОРНИК
3 ЯНВАРЯ 1967 г.

ЧИТАЯ СТАТЬЮ О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

По случаю Нового года газета „Жэньминь жибао" опубликовала длинную статью о китайской Пролетарской культурной революции. Я прочел ее изложение, переданное Синьхуа. Эта статья, по-видимому, более концентрированно излагает основные цели и установки этой революции, причем делает это более уравновешенно, в какой-то мере избегая экзальтации и гипербол.

Несколько месяцев спустя становится ясно, что достигнутое до сих пор — дело не из легких, и что, по-видимому, окончательная победа также будет делом не из легких, хотя наибольшее сопротивление ревизионистов в Китае, несомненно, подавлено. Тем не менее, **поскольку главные ревизионисты не убраны с занимаемых ими важных постов, несмотря на то, что они фактически изолированы или занимают свои посты формально, все равно то, что Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пин продолжают еще долго оставаться на своих постах, есть проявление слабости. Их пребывание на занимаемых ими постах побуждает сопротивление поддерживающих их на местах элементов.** Их надо не только разоблачать, что и делается посредством дацзыбао, но и свергнуть.

Почему это не делается? **Если продолжать старую тактику, то это грубая ошибка, и дела пойдут плохо. Если же „они еще сильны", то чего китайским товара-**

щам ждать, почему они не наносят им молниеносные удары, а продолжают тянуть канитель? Даже в случае, если „они выступили с самокритикой", все равно их обязательно надо убрать с занимаемых ныне постов.

Но для того, чтобы убрать их, и в частности чтобы снять Лю Шао-ци с поста президента, надо собрать Центральный Комитет партии, созвать Всекитайское собрание и т.д. Как показывает практика, китайские товарищи боятся собраний, независимо от того, что, когда их проводят, продолжают больше месяца.

Но на этот раз, чтобы разобраться в ошибках группы Лю Шао-ци, надо глубоко вникнуть в дела, надо раскрыть их настоящие и многочисленные причины. За такие анализы должна взяться в первую очередь партия, а это значит, что надо соблюдать те партийные нормы, о которых я говорил в моих предыдущих записках об этом вопросе. **В их статье не может не бросаться в глаза то, что многие вопросы ныне ставятся иначе, и что высказанные нами мысли, будь это в статьях, на V съезде или в беседах, в особенности с товарищем Кан Шэном, не глухому угодили на ухо.**

Y меня такое впечатление, что китайские товарищи были или оказались перед невозможностью действовать так, как думали мы, но теперь, когда они кое-как оправились и произвели некоторые чистки и разоблачения, они лучше управляют ситуацией и продолжают укреплять ее, так что все входит в колею. Им, как я уже говорил и в других записках, приходилось прибегать к новым тактическим приемам, причем они были не стихийными, а продуманными.

Не могу согласиться с китайскими товарищами и по вопросу о Сталине. Дело Сталина они затмевают. В этом принципиальном вопросе они не объективны и не полностью стоят на марксистском пути. Китайские товарищи продолжают судить о Сталине сквозь призму своих оппортунистических взглядов.

И в упомянутой статье они игнорируют, чуть ли не „забывают" совсем об упорной принципиальной борьбе, которую вел Сталин против оппортунистов, правых, троцкистов, бухаринцев и т.д. Он в трудных условиях вел эту борьбу против внутренних и внешних врагов Советского Союза, против тех, кто чего только не делал для восстановления капитализма в Советском Союзе. Незначительной ли была эта борьба?! Незначительным ли был этот опыт?!

Сталин до последнего дня своей жизни решительно боролся против скрытых и открытых врагов. А после войны чем был ленинградский вопрос? Чем были реформы в Центральном Комитете и выдвижение в руководство большого числа молодых людей? Что означало осуждение Жукова, который впоследствии показал кем был? Что означало снятие Косыгина, который также впоследствии показал себя? Что означало утверждение Хрущева о том, что Сталин не доверял им и говорил: „вы капитулируете перед империализмом"? И все слова Сталина подтвердились.

Это кое-что отрывочное, которое мы знаем, но если бы мы полностью были в курсе деятельности Сталина после второй мировой войны, тогда мы еще лучше увидели бы его титаническое марксистско-ленинское величие.

Наша партия извлекла большую пользу из учения Сталина, она верно последовала ему, поэтому и не ошибалась. Вот почему в Албании не происходит то, что происходит ныне в Китае. То, что Коммунистическая партия Китая делает ныне посредством Культурной революции, наша партия делала давно, постоянно, последовательно, шаг за шагом по-революционному и на высоком уровне.

Заслонять, ради возвеличения самого себя, огромную роль Сталина, который вел столь последовательную борьбу, это совершенно несправедливо; присваи-

вать то, что другие марксистско-ленинские партии делали и делают последовательно — это совершенно не по-марксистски. Но китайские товарищи могут сказать: „вот это факт, что в Советском Союзе одержали верх ревизионисты". Да, факт этот горький, однако власть там ревизионисты захватили после смерти Сталина. Почему они не могли захватить ее при его жизни?

Предположим, что Сталин, дескать, „не был бдительным" и „заблаговременно не принял нужных мер", ну а вы, китайские товарищи, критикующие Сталина, почему вы не раскусили Хрущева за 10-14 лет, Тито — за 18 лет, и группы Лю Шао-ци и Пэн Чжэня — не менее, чем за 16 лет? Ведь у вас за плечами и большой революционный опыт Ленина и Сталина, и горький опыт Тито, Хрущева, Као Кана, Ван Мина и т.д.

Нет, нет! Сталин был и в веках останется великим человеком, великим революционером, великим марксистом-ленинцем. Ошибки Сталина, если они имеются, незначительны. А чтобы счесть их, надо сыскать и чтобы сыскать их, надо подойти к ним с точки зрения условий того времени.

Лю Шао-ци, этот ревизионист, зачитал когда-то членам нашей делегации целый доклад о так называемых правых ошибках Сталина, и заявил им, будто Сталин говорил, что кончилась классовая борьба и т.п. Какая ирония! И кто это так говорил нашим товарищам? Тот, который на VIII съезде Коммунистической партии Китая проповедовал сосуществование с капиталистами! Лю Шао-ци оказался китайским Хрущевым!

Или: приезжает к нам Чжоу Энь-лай и зачитывает нам целый доклад с целью убедить нас, что Сталин „допустил серьезные ошибки" в отношении китайцев! И когда он зачитывает нам этот доклад? Именно в то время, когда в Китае антисталинцы, китайские ревизионисты, замышляли захват власти!

Нет, на эту удочку нас не поймаешь. Эти взгляды

китайских товарищей — ошибочные, и они должны исправить их, ибо это взгляды на большие принципиальные вопросы. Революция, будь это и „великая революция", будь это и „Великая пролетарская культурная революция", не может продвигаться вперед без правильного понимания Сталина и его дела и без защиты их, без идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Теперь китайцы добавляют к ним также идеи Мао.

Ладно, это уж ваше дело: назовите Мао „великим". Но ведь его никак нельзя сравнивать со Сталиным, Сталин был воистину великим, Ленин еще более великим.

СУББОТА
7 ЯНВАРЯ 1967 г.

БОРЬБА ПРОТИВ РЕВИЗИОНИСТОВ В КИТАЕ БУДЕТ ДОЛГОЙ

Китайский вопрос имеет колоссальное значение для международного коммунистического движения, поэтому мы с самым пристальным вниманием следим за происходящими там событиями, стараемся как можно правильнее ценить и анализировать их, выдвигать различные предположения и, с помощью конкретных фактов и данных, проверять их точность, выдвигать другие предположения и снова и снова проверять их.

Мы глубоко сознаем нашу ответственность за эти великие проблемы. Они имеют для нас тройное колоссальное значение, так как мы, во-первых, должны **как можно больше и правильнее использовать как хороший опыт, так и ошибки Коммунистической партии Китая; во-вторых — максимально помогать Коммунистической партии Китая своими правильными позициями, и в третьих, — помогать также международному коммунистическому движению своими правильными, взвешенными и зрелыми позициями.**

Культурная революция в Китае развивается успешно; разоблачение ревизионистских элементов, и, в первую очередь, Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина, Пэн Чжэня, Ло Жуй-цзиня и т.д., усиливается, принимая широкие размеры. Как уже видно, кампания против них углубляется; она сделала много шагов вперед по сравнению с той фазой, когда Кан Шэн сказал нам, что „они

выступили с самокритикой", что „Лю, Дэн и др. по своим провинностям не стоят в одном ряду с Пэн Чжэнем". Такое усиление обличительных ударов — дело хорошее, хотя оно, по-нашему, недостаточно, но это уж другой вопрос.

Кроме этого, судя по тому, что мы узнаем и что мы читаем развешиваются серьезные дацзыбао также в адрес многих других руководителей, таких как Чэнь И, Ли Сянь-нянь и, особенно, Чэнь Бо-да, меньше в адрес Чжу Дэ и Чжоу Энь-лая (?) и т.д. Следует признать, что, за исключением части из них, которые могут быть поставлены некоторыми провокаторами или приверженцами ревизионистской группы, все эти дацзыбао вдохновлены сверху, организованы на основе анализа допущенных в политической линии ошибок, а также отдельными кадрами. Факт также, что нынешняя кампания отличается от первой фазы, в которой, когда появлялось какое-либо дацзыбао в адрес какого-нибудь главного руководителя, оно тут же снималось, а авторам его предлагалось „обратиться в Центральный Комитет". Это опять же свидетельствует о дальнейшем углублении Культурной революции, критики ошибок, об углублении пролетарской демократии и демократического централизма, о том, что товарищ Мао и его соратники с каждым годом все больше становятся хозяевами положения.

Сопротивление современных ревизионистов поддается, сломается. Культурная революция идет на подъем, охватывает ряды рабочего класса, крестьянства, армию, молодежь, интеллигенцию. Есть ли еще угроза? Насколько мы можем судить, нельзя сказать, что угроза полностью устранена, враг может пойти и на отчаянный поступок в предсмертный час, или может попытаться избежать сокрушительного удара, подбирая ноги во избежание бури. **Так что и после окончательной победы, т.е. после разгрома ревизионистов, борьба**

против них в Китае, как мы расцениваем ее, будет долгой, ожесточенной и последовательной, иначе, если идти по оппортунистической линии „воспитания и перевоспитания", то это грозит большими опасностями. Борьба против классового врага должна быть беспощадной, не на бумаге и словами, а фактически и делами.

Говорят, будто в последнее время появилось несколько дацзыбао, в которых сообщается, что „Мао изолирован или отстранен группой Лю Шао-ци", что „Мао оказался в меньшинстве, а постановление о некотором его отстранении, с тех пор как он сложил о себя пост президента Республики и был замещен Лю, было принято по состоянию здоровья, по старости" и т.д. Все это очень интересно, но мы должны ожидать их подтверждения, ибо они проливают свет на многие капитальные вопросы и, в первую очередь, на ошибки в партийной линии.

Нам не надо далеко ходить, ведь с VIII съезда Коммунистической партии Китая и до сих пор установленная линия, по всей вероятности, вырабатывалась сообща; значит, Мао тоже несет ответственность за ошибки. В другом дацзыбао говорится, что товарищ Мао выступил с самокритикой на XI пленуме Центрального Комитета.

Итак, согласно этим немногочисленным фактам и тем достоверным данным, которыми мы раньше располагали, явствует некоторое отстранение Мао от руководства. (После своего возвращения из Китая и обработки Козловым в Москве, Лири Белишова сказала, в частности, Хюсни: „вот китайцы также товарища Мао оставили в стороне от этих разногласий с советскими, не хотят впутать его в них, поэтому давайте так сделаем и мы с товарищем Энвером". (!) Сам Ло Жуй-цзинь сказал нашему послу в Пекине: „товарищ Мао теперь стар, мы не должны утомлять его, поэтому мы посоветовали ему отдыхать и не беспокоим его, нами руко-

водит Чжоу Энь-лай.) До какой степени доходит это отстранение Мао? Каким путем оно осуществлено? С каких пор? Этого мы теперь не можем установить. Но это, пожалуй, может быть правдой как относительно Мао, так и относительно Линь Бяо, о котором нам всегда говорили, что он „очень болен".

Итак, фактически партией, государством и армией руководили Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин, Чжоу Энь-лай, Чэнь И, Ло Жуй-цзинь и т.д. Мао, может, спрашивали о каких-либо вопросах, но, когда речь шла об исполнении его наказов, неизвестно, какая участь постигала их, между тем как другие активно действовали и, на деле, прибрали власть к своим рукам. Мао должен был стоять в оппозиции по многим вопросам, и, невзирая на условия, изоляцию и т.д., он должен был ясно видеть неблаговидные дела этих врагов и не сидеть сложа руки.

По-видимому, группа Лю Шао-ци столько лет подряд избегала созыва партийного съезда и пленумов Центрального Комитета, ибо, в противном случае, „вспыхнула бы борьба". Следовательно, руководство осуществлялось на групповых началах, а не коллегиально, не партийным путем. Этим можно объяснить как то, что Мао оказался в меньшинстве, так и его изоляцию с целью предупреждения конфронтации идей надлежащим путем и анализа линии. Ревизионисты избегали этого анализа партийным путем. По-видимому, они боялись возможных последствий и авторитета Мао. Дела, как сказал нам Кан Шэн, дошли до того, что печать не поместила критическую статью Мао о какой-то драме, хотя он послал ее в Пекин для опубликования.

Если следовать логике этих фактов, получается, что власть в Китае была в руках ревизионистов. Иначе нельзя объяснять: колеблющуюся позицию китайских товарищей по отношению к хрущевцам; колеблющуюся позицию Пэн Чжэня в Бухаресте; пассивную пози-

цию, которую они занимали целые годы подряд в вопросе о защите нашей партии; с одной стороны, их настояние на том, чтобы Хрущев прекратил полемику против нас и, с другой стороны, оказание на нас давления относительно предоставления нам кредитов, как это поступали Чжоу Энь-лай или Лю Шао-ци, который говорил нашему послу в Китае: **„до каких пор будет продолжаться эта полемика? Не может же она продолжаться всю жизнь!"**; их утверждения о том, что **„мы не бьем по хрущевцам по имени, поскольку они не делают этого с нами"**; или их поддержку и восхваление Айдита за „его марксистско-ленинскую линию"; их утверждения: „мы не вмешиваемся в дела Трудовой партии Кореи", несмотря на то, что она стояла не на марксистско-ленинских позициях; иначе нельзя объяснять „линию антиимпериалистического фронта и с ревизионистами", яростно защищенную Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лаем, с которой мы вели решительную борьбу и о которой Кан Шэн, когда мы сказали ему об этом, открыто сказал, что „антиимпериалистический фронт вместе с ревизионистами — это не линия Мао Цзэдуна"; и, наконец, поездку Чжоу Энь-лая с большим усердием и надеждами в Москву, после падения Хрущева, где Малиновский открыто сказал ему: **„чего ждете, почему не свергаете и вы Мао, как это мы поступили с Хрущевым" и т.д. и т.п.**

Все это, как и другие факты, показывает, что группа Лю Шао-ци захватила власть и прилагала все усилия к достижению компромисса с хрущевскими ревизионистами. Но борьба Албанской партии Труда, сопротивление Мао и сплотившихся вокруг него китайских марксистов-ленинцев, как и страх перед полным разоблачением — все это ослабляло позиции ревизионистской группы Лю и расстраивало ее планы и тактику.

Не будет отсутствием скромности, если утверждать, что наша партия играла решающую роль в

борьбе против современного ревизионизма и фактически была единственной партией в борьбе с современными ревизионистами, открытыми и скрытыми. Коммунистическая партия Китая, когда она была в руках Лю Шао-ци, упорной борьбой нашей партии вынуждена была через силу включиться в борьбу против хрущевского ревизионизма и, наконец, встала на „путь истинный". Этот момент означает начало краха ревизионистской власти группы Лю Шао-ци.

Выходит, что вся эта борьба, которая велась в различных аспектах, при сложных национальных и международных конъюнктурах, привела к назреванию подготовленных Мао ситуаций и вспыхиванию Культурной революции, — большой метлы для чистки отбросов и врагов.

Жизнь снова будет подтверждать все, помогая нам закрепить или исправить наши предположения и выводы. Мы должны анализировать все в свете марксизма-ленинизма, ибо это важно для нашей генеральной линии, важно для стратегии и тактики нашей партии, которые всегда должны быть дальновидными, правильными, обоснованными и освещенными нашей марксистско-ленинской теорией.

ЧЕТВЕРГ
12 ЯНВАРЯ 1967 г.

ПОДДЕРЖИВАТЬ ПРАВИЛЬНЫЕ ЦЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

Мною даны указания о том, как надо поступать в связи с срочным „объявлением" 32 революционных организаций Шанхая. Видимо, китайские ревизионисты начали подрывные действия в области экономики в городе Шанхае. Они использовали ошибочную линию, в их руках был комитет, они „благополучно сосуществовали с капиталистами" и теперь, расценив ситуацию отчаянной, пришли в движение. Несомненно, они поощрялись и тем, что диктатура пролетариата не бьет по ним как следует, и что их вожакам, таким как Лю Шао-ци, Дэн Сяопин и другим замаскированным ревизионистам, еще не наносят окончательных ударов. Китайская реакционная буржуазия, примазавшаяся к партийным и государственным органам, действует активно.

Срочное „объявление" 32 революционных организаций Шанхая имеет большое значение на этой стадии Пролетарской культурной революции, ибо теперь эта революция выходит из рамок дацзыбао, а острие диктатуры пролетариата приводится в движение. Решено, значит, нанести удары и физически по реакционным элементам, арестовывать, судить и наказать их. Наконец-то! Может, китайские товарищи арестовывали и раньше, однако формами, которыми они действуют ныне, дело меняется. Там раньше применяли такие фор-

мы и способы, что было создано впечатление, что настоящая революция будет только „мирной" революцией. Надо быть наивным, чтобы думать, будто ревизионисты будут сидеть сложа руки перед лицом такого поражения.

Поэтому мы должны опубликовать это срочное „объявление", сопровождая его статьей в защиту правильной, революционной, марксистско-ленинской линии, в которой было бы выражено то, что мы всегда думали и что теперь представляется случай открыто изложить в печати, а именно, что врагам надо раздавить голову не только словами, дацзыбао, но и пулей в лоб. Враг должен глубоко, до мозга костей, ощущать силу удара диктатуры пролетариата.

Мы еще больше должны активизировать свою пропаганду в защиту Китая, Коммунистической партии Китая, Мао и правильных целей Пролетарской культурной революции как внутри страны, так и за ее пределами. Это решающие моменты. Наше радио, в своих передачах для внешнего мира, должно греметь в этом направлении. Почти в каждой радиопередаче на иностранных языках надо отводить место правде о Китае, его защите, а защита его должна характеризоваться нападением с нашей стороны на современных ревизионистов и буржуазную пропаганду, которые до хрипоты трубят против Китая в целях надувательства мировой общественности. В эти моменты на нас лежит особо большая обязанность — пропагандировать в истинном свете основные цели китайской Пролетарской культурной революции и преподносить ее революционерам-марксистам-ленинцам в Европе и всюду в качестве примера борьбы за разгром стоящих у власти ревизионистских клик.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 ЯНВАРЯ 1967 г.

ПАРТИЯ В КИТАЕ БУДЕТ УКРЕПЛЯТЬСЯ, ОСНОВАТЕЛЬНО УСТРАНЯЯ ОШИБКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ

В текущем месяце внимание заслуживали события, происшедшие в Шанхае и Нанкине. Забастовки и нанесенные удары являются результатом враждебной работы ревизионистов и внутренней реакции, которые при полном согласии между собой, как и при поддержке и подстрекательстве современных ревизионистов, во главе с советскими ревизионистами, и империалистов, которые с пеной у рта разразились разнузданной клеветнической пропагандой, последнее время попытались поднять восстание и перенести его с Шанхая и Нанкина на весь Китай.

Их общая цель заключалась в том, чтобы воспрепятствовать Культурной революции внутри рабочего класса, сбить с толку рабочий класс и увести его на путь, враждебный социализму, Мао и диктатуре пролетариата, сделать его охвостьем и оружием контрреволюции. Такая цель, конечно, должна была потерпеть фиаско, как и потерпела, однако они попытку сделали.

Тактика современных ревизионистов и внутренней китайской реакции, стремившихся увести рабочий класс Шанхая и Нанкина в сторону от Культурной революции и поднять его на контрреволюцию, как видно и как можно судить по печати, заключалась в том, чтобы обратить острие революции к проблемам эконо-

мизма, с тем чтобы ослабить ее политическую сторону. Они, спекулируя на экономических недовольствах, при помощи взяток и посредством повышения у них зарплаты, побуждают рабочих к забастовкам против их же власти, призывают их не выходить на работу и, под предлогом походов или „поездки в Пекин за опытом", задерживать транспорт, вредить производству и создавать хаос в стране. Враг, под видом революционных выступлений, подбил рабочих нападать на дома „богатых", ставшие собственностью государства, по-анархистски врываться внутрь и поселяться в них. Все эти враждебные замыслы были сведены на нет. Однако это большой урок.

Вот, что значит спать долгим непробудным сном, придерживаться уступчивой и оппортунистической линии в отношении классовых врагов, не соблюдать с величайшей строгостью марксистско-ленинские нормы в партии. В течение всего этого времени, за 17 летний период после провозглашения Китая Народной Республикой, оппортунистические и ревизионистские элементы скрывались за этикеткой партийной линии, свободно, никем не обеспокоиваемые орудовали в своих целях; по-видимому, они подготовили кадры и заняли ключевые посты. Они ослабили, подточили партию и руководителей. С низов и до самого центра почти все кадры были их сторонниками. Так что ревизионисты поступали как им заблагорассудилось, готовились к захвату власти и ликвидации товарища Мао и его соратников в руководстве партии. Теперь, конечно, совершается большой поворот, причем совершается он правильным путем. В результате всех этих событий во многих местах партия, должно быть, пришла в смятение или была парализована. Многие руководители ни к чему не годятся, они уже убраны, но чистка должна быть еще более основательной. Позже, как я полагаю, надо всю партию подвергнуть коренной чистке от отпе-

тых элементов, контрабандой пролезших в ее ряды. Надо провести ревизию партии, ибо только так она может быть закалена.

Всей этой развертывающейся ныне в Китае массовой критикой и самокритикой легче достигнуть этой цели. Это и есть путь консолидации Коммунистической партии и Народной Республики в Китае. Сделай это раньше китайские товарищи, не произошло бы все то, что произошло.

Здесь, полагаю, очень важно посмотреть, как анализировались ситуации, как определялись позиции, как вырабатывались стратегия и тактика Центрального Комитета партии сразу же после освобождения. Было ли все правильно?! Не были ли допущены перегибы либерального, оппортунистического толка, якобы в силу некоторых „особых характеристик Китая"? Но и если предположить, что такой подход к делу „был расценен правильным", соответствующим особым условиям Китая, полагаю, что китайские товарищи не следили систематически, с марксистско-ленинской строгостью за проведением линии, за ее развитием и ее совершенствованием. Это, конечно, можно было делать, но для этого надо было придавать большое значение партийному строительству и строгому соблюдению партийных норм. Как видно, фактически им не придавалось значения, а виновны в этом ревизионистские элементы, завуалированные внутри партии, которые преследовали определенные цели. Это мешало вносить исправления в линию и эти элементы дошли до того, что на VIII съезде Коммунистической партии Китая вновь подтвердили этот курс во всей партийной и государственной деятельности.

Коммунистическая партия Китая, по-моему, орудовала лозунгами, а они были „директивами, изданными сверху", Центральным Комитетом, который никогда не собирался, следовательно, это были лозунги, форму-

лированные группой Лю. Некоторые из этих лозунгов, пожалуй, большинство из них, были вообще правильны, но как они разбирались, как проводились и кто их проверял — это другой вопрос большого значения.

Товарищу Мао и его соратникам предстоит колоссальная работа по разрешению и исправлению дел, по укреплению партии путем ее чистки, по выправлению линии путем основательного устранения ошибок и отклонений в линии.

Это очень хорошо, что товарищ Мао при этих ненормальных ситуациях приступил к работе по чистке и укреплению партии.

Армия, полагаем, при созданных ныне в Китае ревизионистами ситуациях должна и будет играть большую роль в защите установленной власти. **Армия — это оружие диктатуры, она всегда должна быть начеку, стоять на правильном, марксистско-ленинском пути, проявлять высочайшую бдительность в отношении внутренних и внешних врагов. Армия должна быть всегда политически просвещенной, а для того, чтобы она была политически просвещенной, партийная организация в армии должна быть чистой, политически и идеологически развитой, она все должна понимать и проводить в жизнь только сквозь эту призму, сквозь призму марксизма-ленинизма, сквозь призму интересов народа и партии. Поэтому необходимо также, чтобы армейские кадры были верны партии, марксизму-ленинизму и народу. Только так можно сорвать замыслы врага, только так ему не будет места в армии, даже в случае, если она поддастся его влиянию, только так армия остается в руках партии подлинным оружием диктатуры пролетариата.**

ВТОРНИК
17 ЯНВАРЯ 1967 г.

БЕСПОЩАДНАЯ ВОЙНА ВРАГАМ!

Прочитанные мною сегодня две статьи, опубликованные в главных китайских газетах, показывают, что положение, хотя и не тревожное, слишком беспокоящее. В них объясняется и утверждается, что в некоторых партийных и государственных органах власть находится в руках врагов, которые выступают против революционной линии, поощряя противодействия и произвол.

Но то, что еще более тревожно, это утверждение, что и в рядах армии встречается сопротивление, имеются военные руководители, сопротивляющиеся линии Культурной революции. Обе статьи призывают к единству, к сплоченности вокруг партии и Мао, к подавлению сопротивления врагов.

Иначе и не могло быть, поскольку длительное время линия была шаткой, оппортунистической, поскольку раньше не было приложено усилий к тому, чтобы коренным образом исправить ее и вовремя разбить и сокрушить врагов. Как видно, Мао еще в 1962 году удалось отреагировать на „ревизионистское окружение", но не с надлежащей суровостью, так что ревизионисты помешали проведению должным образом принятых в том году решений. Они саботировали.

Я полон оптимизма и уверен, что сопротивление врагов будет подавлено, что партия в Китае соберется с силами. При нынешних ситуациях решающую роль

играет престиж Мао. В этих ситуациях китайским товарищам надо остерегаться какой-нибудь каверзы, которую враги-ревизионисты могут устроить под сурдинку. Враги бьют потерявших бдительность. Поэтому бдительность и беспрерывно беспощадная война врагам!

ВОСКРЕСЕНЬЕ
29 ЯНВАРЯ 1967 г.

РЕВИЗИОНИСТЫ В КИТАЕ СТРЕМЯТСЯ БЕСШУМНО ЗАХВАТИТЬ ВЛАСТЬ

Из происходящих событий, которые, конечно, полностью разъяснит нам товарищ Хюсни по возвращении из Китая, явствует, что настоящая революция является, как сказать, революцией, направленной против контрреволюции, которая шла в Китае с давних пор. Оказывается также, что ревизионистские, буржуазные и камуфлированные элементы, такие как Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин, Пэн Чжэнь, Ло Жуй-цзинь, Хэ Лун и другие одержали верх, захватили власть, вершили закон, потворствовали бюрократии и прикидывались марксистами.

Получается также, что в Коммунистической партии Китая, должно быть, были две линии: линия Мао и линия этих ревизионистов — буржуазная, реакционная и антимарксистская линия. Мао и поддерживавшие его линию товарищи, видно, составляли меньшинство и были не в силах опрокинуть эту опасную ситуацию. Такой, по всей вероятности, была в общих чертах ситуация, однако мы, не зная фактов и дат, не можем точно и верно сказать, когда и как это произошло, при каких обстоятельствах и как оно совершилось, кто способствовал этому положению, каковы ошибки того и другого лица и насколько содействовал тот или другой ниспровержению этой ситуации или, наоборот, ее укреплению.

Факт также, что большинство главных зловредных элементов систематически работали над тем, чтобы поставить своих людей на ключевые места, воспитывать и вдохновлять их и с их помощью прибрать все к своим рукам, за исключением, как видно, армии. Конечно, тот большой авторитет, которым Мао пользуется у партии и народа, не только не мог быть открыто затемнен и опрокинут врагами, но и был для них непреодолимой преградой. Мао, конечно, в трудных, тяжелых условиях, даже будучи изолированным, все-таки действовал.

Ревизионисты, по-видимому, рассчитывали полностью прибрать к рукам власть и партию изнутри бесшумно, тихой сапой, избегая ударов, как политических, так и экономических, а для отвода глаз прикрываться как раз именем Мао. Тем не менее, хотя бесшумно и тихой сапой, Лю Шао-ци стал президентом республики, сам встал впереди и мало говорил о Мао или же говорил о нем умеренными терминами, якобы для того чтобы они не впали в ошибку „культа личности Сталина". Таким образом, они помышляли мало-помалу разбить „преграду Мао", закрывать его в музей древкостей, где либо он угас бы естественным образом от склероза, либо они ускорили бы его отправление „к праотцам".

Интересно было бы проанализировать коварные методы, которые они применяли, чтобы оставить Мао в меньшинстве, использование ими ошибок или послаблений Мао в политической линии (которые наверняка имели место) в целях укрепления своих реакционных позиций.

Интересно было бы также знать, как работал и руководил Мао в окружении всех этих врагов и каковы его послабления и ошибки в политической линии. Главное: обращение Мао с этими врагами, „утихомиривающая" тактика обхвата и одоления этих ревизионистов

были временным тактическим приемом или же его линией?

Факт, что теперь Мао оказался в меньшинстве, что партия была подмыта изнутри и, видимо, прогнила. Вот почему при этих ситуациях он оперся на армию и, видно, посудил, что в этой революции армия сыграет решающую роль. Поэтому он должен был держать армию в своих руках и при ее помощи привести в себя врагов социализма и партии.

Ясно, что военный переворот под предводительством Мао и Линь Бяо был реальной действительностью, он в готовности стоял и стоит за Культурной революцией.

ПЯТНИЦА
3 МАРТА 1967 г.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ИЗВРАЩЕНИЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ВЫТЕКАЛИ ИЗ ОШИБОК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ

Народные советы, как основные органы государственной власти в социалистических странах, ведут начало от ленинского опыта Советов. При наших условиях этот опыт был приспособлен к управлению страной и воспринят трудовым народом. Нам не понятно, почему китайские товарищи производят ряд „опытов" в этом направлении с целью найти „новые формы"?!

Это их дело, они также могут вырабатывать свой опыт, однако я полагаю, что на нынешней стадии строительства социализма эта ленинская форма власти является самой подходящей формой, она основана на наших марксистско-ленинских принципах. Власть народных советов мы должны совершенствовать, возможно больше сблизить ее с народом, демократизировать ее; в эти советы надо выбирать наиболее революционно настроенных людей из народа, не допускать обюрокрачивания их административных аппаратов, одним словом, власть советов должна быть формой государства диктатуры пролетариата, как этому нас учат Ленин и ленинский опыт наших партий.

Если китайские товарищи позволили, чтобы власть их народных советов длительное время находилась в руках ревизионистских элементов, совершивших, таким образом, принципиальные извращения, то эти изввра-

щения следует устранить, причем виновны в этом не формы и не принципы, а отклонения и ошибки в политической линии.

Но, по-видимому, китайские товарищи размышляют, подвергают анализу Культурную революцию и делают выводы. В последних действиях мы замечаем, что они устраняют ошибки, перегибы, экзальтации, анархию, все те явления, наблюдавшиеся в процессе Культурной революции, о которых я сигнализировал в моих ранних записках.

Китайские товарищи идут к унификации различных течений, проявившихся у хунвэйбинов („красногвардейцев"), проводят чистку среди руководителей в партии и государстве. Насколько они очищают партию и каким образом это делают, это нам еще не ясно. Не видим в частности, какие публичные меры принимаются ими против главных волков, таких как Лю. Дэн, Пэн Чжэнь и т.д. Нам говорили, что их изолировали, но официально они занимают прежние посты, получают оклады и пользуются прежними привилегиями. **Это не хорошо у китайских товарищей. Посмотрим, как они все это исправят.**

ПЯТНИЦА
7 АПРЕЛЯ 1967 г.

В КИТАЕ ИДУТ ПО ПУТИ „УНИФИКАЦИИ" ПАРТИИ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ

Трудно делать точные выводы из сообщений китайской печати и радио. Можно сказать лишь то, что положение ныне в Китае лучше, чем до начала Культурной революции, ибо, фактически, эта революция была развернута в целях ниспровержения буржуазной власти ревизионистов, установившейся в Китае под видом диктатуры пролетариата. Итак, революция была поднята для ниспровержения контрреволюции, установившейся за 17-летний период. Это хорошая сторона. Но целиком ли свергнута контрреволюция в Китае? Это не ясно, должно быть, еще есть такие места, где она не свергнута, где допускается терпимость, ибо революция еще не в состоянии везде осилить контрреволюцию.

Видно, что буржуазно-капиталистическая линия в Китае была не поверхностным, а очень глубоким явлением. Китайские ревизионисты прочно держали в своих руках партию, государственную власть, экономику. В их руках находились аппараты с их работниками, так что навряд ли кто-нибудь мешал им, а тех, кто пытался мешать им, ликвидировали. До Культурной революции ревизионисты прибегали ко многим уловкам, тактическим приемам и массовым контратакам. Для отражения революции они продолжают применять как легальные, так и нелегальные формы.

Китайские товарищи, насколько мы можем судить извне, считали, что угроза очень небольшая. Они полагали, что сопротивление будет слабым, и для его подавления достаточно будет одних лишь дацзыбао. Армию они были вынуждены пустить в ход позже, когда реакция наступала многочисленными силами, когда они увидели, что их кадры снимали с постов.

Однако, как видно, пока что продолжается лишь политическое разоблачение ревизионистов и их лидеров, таких как Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пин, **а, что „своеобразно" смешно, в официальной китайской печати указывается на множество политических и идеологических преступлений Лю Шао-ци, но его имени ни разу не упоминают.** Воистину странно! Это напоминает те моменты, когда они не хотели упоминать Хрущева.

Однако здесь возникает и другой вопрос: где был Мао, где были все эти другие товарищи — „революционеры", когда Лю Шао-ци высказывал такие политические и идеологические мысли (ныне их помещают в газетах), которых не то, что трезвый капиталист, но даже Гитлер и Муссолини в период своей величайшей жестокости не высказывали, боясь разоблачения? А Лю Шао-ци, высказавший все эти мысли, продолжает еще, пусть и формально, занимать посты заместителя председателя партии и президента республики.

Другим важным вопросом, как мы узнаем (пожалуй, это нам совершенно непонятно), является то, что „партии не существует" или существуют отдельные коммунисты. Нет коммунистической молодежи, но зато есть много организаций „Красной гвардии", нет партийных комитетов и государственных органов, но зато есть „революционные комитеты", назначаемые „массами" по принципу „тройной связи". Это „новая форма", рожденная Культурной революцией.

Насколько мы понимаем, дело идет к „унификации партии с государственной властью"!!?? Это „опыт

Культурной революции". Некоторые говорят: „Это эксперимент", другие уже сделали его *fait accompli;* третьи сохраняют структуру партии! Черт это разберет.

Я считаю, что для разъяснения этого вопроса потребуется много времени, а половинчатыми мерами, ощупыванием, экспериментами, отрицанием уже накопленного марксистско-ленинского опыта он не может разъясниться как следует, ведь уже видны признаки оппортунизма, заметны послабления и боязнь перед революционными массами.

Много вреда причинила и причиняет международному коммунистическому движению враждебная работа китайских ревизионистов и отсутствие действительно радикальных мер по их окончательному подавлению.

ПЯТНИЦА
28 АПРЕЛЯ 1967 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ПРОТИВ АНАРХИИ НЕЛЬЗЯ БОРОТЬСЯ АНАРХИЕЙ

Конечно, за неимением фактов, можем ошибаться, ибо в этом столь большом и в то же время столь сложном вопросе характерно отсутствие последовательности в сообщении фактов Коммунистической партией Китая.

Официальная китайская печать, в первую очередь газета „Жэньминь жибао", являющаяся органом Центрального Комитета, проявляет неуверенность, она избегает высказывания подлинного мнения и толкования событий, поэтому вместо их она помещает материалы, которыми пытается доказать, что „идеи Мао всегда были и остаются правильными", что „Мао все понимал правильно, он все предвидит правильно, все должны руководствоваться идеями Мао", которые преподносятся в виде цитат, вот уже год заполняющих газеты, покрывающих стены, тела людей и предметы. Кажется, будто китайские товарищи объясняют события, точно они являются порождением идей Мао, так что **все статьи и другие материалы печати на то и направлены, чтобы убедить людей, что Мао „гений", вместо того чтобы конкретно объяснять, что же происходит в действительности.** Это серьезный недостаток в освещении событий.

Однако мне кажется, что это не случайно, это представляет собой хаотичное положение и метод работы и

борьбы, не помогающий поставить вещи на свои места. Может, я и ошибаюсь, но думаю, что Культурная революция была начата без ясных перспектив, не был намечен путь, по которому она пойдет, не были предусмотрены неожиданности. Полагаю, что не существовало штаба революции. В революцию пошли без партии.

Куда делась партия? Что стало с ней? Кто руководил партией? Партия, по имеющимся данным, не была в руках Мао, это другие маневрировали ею. Итак, **партия, как марксистско-ленинская партия, не включилась в революцию и не руководила ею.** Этой революцией руководили некоторые кадры и коммунисты с Мао во главе, но не как партия.

На революцию поднялась „Красная гвардия", но это не была ни партией, ни организацией коммунистической молодежи, ни профсоюзной организацией, ни рабочим классом. Это большой минус с принципиальной и организационной точек зрения. Поднялась на революцию „Красная гвардия", но что она должна была делать, по какому пути она должна была следовать? Мне кажется, что это не было ясно с самого начала, однако и в последующем „Гвардии" были даны указания демонстрировать силу, верность идеям Мао, разоблачать ревизионистов и вырвать у них власть.

Основным вопросом, значит, был вопрос о власти. Если идет борьба за взятие власти, это значит, что эта власть у кого-то в руках, и он не уступает ее, поэтому надо подняться на революцию. Стало быть, поднялись на революцию, чтобы захватить власть без партии в качестве руководящей силы, вернее, — у партии была власть, но партия была на неправильном пути.

Была ли партия или нет на правильном пути? Если нет, то надо ясно говорить почему, в чем заключались ее ошибки, кем они были допущены и как надо было исправить их? Если партия была на правильном

пути, то почему она фактически не руководит революцией? Если ревизионисты в меньшинстве, то почему же партия не сводит счеты с ними сразу, особенно теперь, когда идет революция?

Это не ясно, заволочено туманом; быть может, это будет разъяснено и решено революцией.

Полагаю, что революция это самая серьезная вещь, которая лишь может быть, и она не терпит ни стихийности, ни отсутствия железной дисциплины, ни колебаний в принципах, ни анархии, ни беспорядка. Все эти чуждые нам явления мы находим в китайской Культурной революции. Они не только не устранены, но, судя по тому, как идут дела, они будут продолжаться долгое время, нанося ущерб делу революции и социализма в Китае.

Революция без сокрушения отъявленных предателей или, по крайней мере, без упоминания их имен, это не революция. Если не будет отрублено несколько голов предателей, заслуживающих этого, это не революция. Если действовать так, как действуют китайские товарищи, то больше нечего говорить о диктатуре пролетариата, больше нечего говорить о классовой борьбе, ибо тогда это слова и только слова. Мы не говорим, что надо снимать головы ни за что ни про что и без вины, но, раз врагов обвиняют в измене, они вполне заслуживают расстрела. Чего тогда ждут? Даже и если руководствуются тем принципом, что „сначала врагов надо разоблачать", то почти уже год, как их разоблачают.

Однако возьмем вопрос о разоблачении. Правильно ли оно проводится и кто им руководит? Факт, что этого не делает партия, как организованная и соблюдающая меру сила, она бездействует, она парализована, чтобы не сказать разгромлена. Это разоблачение посредством дацзыбао проводит „Красная гвардия". Она и все „те, кто делает революцию", говорят что им

угодно, ругают и дискредитируют кого им угодно. Одним словом, не партия, как партия, руководит всеми этими действиями, ими руководят Мао и ряд товарищей, которых трудно проверять в таком огромном Китае, где фактически нет партии и где враг интенсивно работает на протяжении десятилетий. **Против созданной анархии нельзя бороться анархией.**

Крупная ошибка Мао и других товарищей, полагаю, заключается в том, что они неправильно подходят к „вопросу о партии", к вопросу о ее линии и ее кадрах. Вопрос, по моему, надо ставить так: ошибалась ли партия или нет в течение 17 лет?

Конечно, Коммунистическая партия Китая допускала грубые ошибки. Кто-то повел ее по неправильному пути, и партия не была в состоянии видеть, куда ее заводят. Итак, вместе с некоторыми людьми ошиблись и многие другие. Необходимо, чтобы партия прежде всего подвергла анализу свою ошибочную линию и исправила ее. Если партия не увидит своей ошибки, ошибка не может быть исправлена. Вопросы в Китае ставятся не так, там не считаются с партией.

Вопрос ставится так: кто прав и кто ошибся? „Ошиблись Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин", а Мао нет? Конечно, там кто-то ошибся, а ошиблась как раз банда Лю Шао-ци. Однако вместе с Лю и Дэн Сяо-пином **ошиблась вся партия, значит, и сам Мао, который дал партии ошибаться.** В таком случае партия должна проанализировать всю эту ситуацию, оценить ее и принять надлежащие меры. Фактически, партия оставлена без внимания, и было позволено другим, молодежи, „гвардейцам" критиковать партию извне, не партию непосредственно, а людей, где и кого им угодно. Людей надо критиковать и посредством дацзыбао; однако есть или нет партии, которая бы руководила, санкционировала и говорила: „Это хорошо, а это плохо"? Этого уже целый год не видно.

Кто не ошибался в Коммунистической партии Китая? Выходит, что только Мао и двое-трое других. Тогда что будет с этой уймой обманутых кадров, которые целые годы допускали ошибки также невольно? Будут ли они служить опорой, будут ли отделены плевелы от пшеницы, будет ли построена партия так, чтобы она действовала нормально и по-революционному? Этого еще не видно ясно, поскольку и предательская группа Лю-Дэна еще окончательно не ликвидируется.

Многие кадры, как мне кажется, разоблачены и реабилитированы не правильным путем. Партия не собралась проанализировать свою работу и осуждать кадры в индивидуальном порядке, привлечь виновных к ответственности, критиковать их также через дацзыбао, когда это надо было. На Чэнь И, например, возводят тяжкие обвинения через дацзыбао. Его защищает Мао, он руководит Министерством иностранных дел. Это и не серьезно, и не соответствует партийным организационным нормам, а ведь таких кадров миллионы.

Одной лишь статьей „О подходе к кадрам" или „Долой анархию!" навряд ли можно устранить эти неполадки, ибо эти голоса не угождают в ухо партии, как партии, как организованному отряду класса. Партия в смятении, ее держат в смятении, и это оправдывают тем, что „происходит революция". Без партии нет истинной революции, без партии революция будет хромать, будет наталкиваться на серьезные неожиданности.

Почему не начинают с укрепления партии на местах, если этого трудно добиться в центре? Почему хотят наладить дело только сверху? Ясно, что товарищи не опираются на партию, как на организованную силу, или как на партию, которую они перестраивают после потрясения. Они только и делают, что назначают комитеты, как, например, Пекинский комитет (состав кото-

рого изменился три раза, и тем не менее они отметили это как событие большого международного значения).

Мы не можем понимать таких образов действия. Рана кровоточит, гной удаляется. Это мы видим, но он удаляется медленно, не основательно и не как следует, марксистско-ленинскими хирургическими методами. Посмотрим, опыт многому научит нас, мы только желаем, чтобы руководимая Мао революция победила, ибо эта победа имеет колоссальное мировое значение.

Китайские товарищи, как я полагаю (быть может, я и ошибаюсь, ибо мы продолжаем пребывать в потемках относительно многих внутренних фактов, касающихся их партии), **в своих действиях проявляют внушительную дозу либерализма и оппортунизма. Это, конечно, очень вредно.** Эти тенденции, должно быть, не новы и не случайны. Тот факт, что в их партии на протяжении 17 лет отмечались две линии, которые сосуществовали без особых трений (в последнее время говорят, будто бы были трения) и казались столь налаженными, что на вид выглядели как одна единственная линия, подтверждает социал-демократический оппортунизм в их линии.

Ссылкой на специфические условия Китая нельзя оправдывать ошибку или, вернее, некорректное проведение марксистско-ленинской линии. **В Китае и везде марксизм-ленинизм необходимо проводить не догматически. Нельзя произвольно манипулировать законами революции, классовой борьбы, природы и роли марксистско-ленинской партии под видом „гибкой политики" или под предлогом необходимости „правильных компромиссов", диктуемых обстоятельствами. В случае нарушения принципов, союзы и компромиссы заводят на неправильный путь и угрожают линии, самой партии, ставят под вопрос верное движение революции вперед.**

Это факт, что Коммунистическая партия Китая

десятки лет подряд жила, допуская внутри себя две линии. **Если руководствоваться тем принципом, что в партии нужны две действующие линии, то такая партия не может быть марксистско-ленинской.** И внутри партии следует вести классовую борьбу, причем острую, с целью скорейшей и окончательной ликвидации антипартийной, антимарксистской фракции. Подобной борьбы мы не видели в Коммунистической партий Китая даже тогда, когда некоторые руководители (которые не были одинокими) были осуждены как фракционеры. Наоборот, они оставались не только в партии, но и в главном руководстве.

И теперь, в этой тяжелой обстановке, когда проводится революция с целью вырвать власть из рук ревизионистов, мы видим те же самые дилетантство, великодушие, медлительность и либерализм в отношении антипартийных и враждебных классу элементов. Мы замечаем отсутствие железной дисциплины, необходимой для партии и революции, мы не видим ясно и как следует демократического централизма, необходимого особенно в революционное время, мы не видим не только подлинного авторитета руководителя, который необходим, но даже авторитета целого коллегиального руководства в центре и в провинциях, необходимого в любое время и в особенности во время проведения революции.

Заслонять партию и противопоставлять ей массы, ставить партийное руководство, подлинное коллегиальное руководство, под неконтролируемый и неуправляемый огонь широких масс или „красногвардейцев" или под их стихийный, неправильно вдохновляемый огонь, — это крупная катастрофическая ошибка. Подобные послабления не могут быть оправданы лозунгом „политики масс". Политикой масс должна руководит партия, построенная на правильных организационных принципах, на основе марксистско-ленинского

централизма, обладающая ясной политической и идеологической линией и железной дисциплиной. **Мы думали — ибо такое впечатление создавалось, — что все эти правильные нормы и принципы соблюдались в Коммунистической партии Китая.**

Группа Лю Шао-ци, понятно, искажала партийные принципы и нормы или ставила их на службу враждебной, антимарксистской и антиклассовой цели. Отсутствие острой, упорной и постоянной борьбы внутри партии, а не только в ее руководстве, за выработку и проведение линии с классовых, марксистско-ленинских, партийных позиций являлось колоссальной ошибкой. Это ничем не может быть оправдано. Это доказывает, что линия не всем была ясна.

Продолжать не говорить в партии о том, в чем она ошибалась — это серьезная ошибка. Ей говорят лишь о том, что все ошибки допущены группой Лю-Дэна. Это одно дело, но ведь на основе этой линии работала и допускала ошибки вся партия. Пытаться объяснить партии допущенные ошибки ошибками и предательством Лю-Дэна, как это делается извне отрывочными, беспорядочными дацзыбао — это не правильно, это не плодотворно, это не может закалять как следует партию на пути познания и исправления ее ошибок и повлечет за собой дальнейшие горькие последствия, когда партия будет реорганизована.

Как будет реорганизована партия — это тоже не ясно. Ясно то, что образуются революционные комитеты. Полагаю, что они, хотя и с запозданием, будут продолжать руководить революцией и в какой-то мере восстановят очищенную от ревизионистского хлама партию, с тем чтобы пойти затем на съезд, наметить на нем правильный курс и подвергнуть открытой, правильной и окончательной критике отмеченные ошибки. Поживем, увидим!

Явления, несовместимые с марксизмом, такие как

превозношение культа Мао в национальном и международном плане, **китайская пропаганда допускает и в Пролетарской культурной революции, считая ее „столь же великой, что и дело Маркса и Октябрьскую революцию, если не больше", и т.д. Это никудышное и необоснованное бахвальство.** Согласно пропаганде китайцев, все должны пройти через эту их стадию, ибо их Культурная революция универсальна! Но это не так и не может быть так. Если захватившая власть марксистско-ленинская партия в процессе строительства социализма грузится в непробудный сон до такой степени, что новая ревизионистская буржуазия и подавленные капиталистические классы почти захватили власть вновь, как это происходит ныне в Китае, то следует снова захватить власть, следует снова провести революцию, которую можно называть пролетарской лишь в том случае, если такому названию содействуют поставленные перед ней цели, если она ведется последовательно и на основе марксизма-ленинизма.

Марксистско-ленинская партия, наподобие нашей партии, верно строящей социализм, действительно, а не на словах ведущей классовую борьбу и успешно углубляющей пролетарскую революцию, не может идти по проповедуемому китайцами пути. Путь нашей партии — это революционный, последовательный, марксистско-ленинский путь. Марксистско-ленинская партия, наподобие нашей, строит социализм, углубляет революцию, но не проводит революции, подобной той, которая проводится ныне в Китае, ибо наша партия не допускала и не допустит, чтобы кто-либо вырвал у нее власть из рук, она крепко держит ее в своих стальных руках, и никогда не будет угрозы каких-либо происшествий, если она будет идти вперед, как и идет, всегда решительно и бдительно по марксистско-ленинскому пути.

СРЕДА
3 МАЯ 1967 г.

РАЗВЕ ЭТО КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА?

Трудно понимать критерии, соблюдаемые в Китае относительно кадровой политики, являющейся столь важным вопросом. Отмечаются настоящая анархия, либерализм, сектантство; имеются и правильные лозунги, провозглашаемые и в печати.

На протяжении целых лет мы видели, что в Китае ничего не двигалось в этом отношении, все считалось „нормальным". Существовала, конечно, кадровая политика, и внешне она соответствовала марксистско-ленинским нормам. Но и когда возникали серьезные вопросы, как вопрос антипартийной группы Као Гана, или Пэн Дэ-хуая, или Ван Мина, создавалось впечатление, ложное, конечно, будто эти уклонисты были отдельными лицами, без основы в партии, и считалось, что их деятельность не могла иметь последствий. Это была ложная ситуация, и они всячески выдавали ее за реальную, причем доходили до того, что партия или мировая коммунистическая общественность не могли узнать почему Као Ган покончил самоубийством, почему Пэн Дэ-хуай снова стал членом президиума, а Ван Мин — членом Центрального Комитета и ему выплачивали высокую зарплату, хотя он и находился в Москве, как политический беженец. Значит, в отношении этих вражеских антипартийных элементов занимали оппортунистическую, буржуазно-либеральную позицию. **Хрущев хвалил эту их позицию, а Микоян в бесе-**

де с нами расценил ее как „хорошую позицию китайских товарищей", которая „не имела ничего общего с кадровой политикой Сталина".

Может быть, китайские товарищи оправдываются тем, что они, мол, не могли поступать иначе, что якобы имелись две линии, что якобы товарищ Мао оказался в меньшинстве, так что кадровой политикой занималась группа Лю. Трудно принять подобные аргументы, в особенности, когда речь идет о высокопоставленных антипартийных кадрах, чья враждебная работа была раскрыта и изобличена самим Мао.

Ну хорошо, давайте согласимся на один момент с вышеприведенным рассуждением; но почему же ныне поступают таким же образом и с Лю, с Дэном, с Дао Чжу и т.д.? Вот уже год, как о них умалчивают, официально их имена не упоминаются, а стены Китая обвешаны дацзыбао, которые чего только не говорят о них, да не только о них, а о всех кадрах, начиная с Чжу Дэ, Чэнь И, Хэ Луна и сотен других, которым дацзыбао публично перемывают косточки.

Почему это так происходит? Происходит, полагаю, потому, что бытует такое мнение: „Сначала разоблачим их перед массой, а уже потом официально"; или хотят оказать на них давление, чтобы они признали свои ошибки, встали, мол, на линию, а затем реабилитировать их и наконец сказать: „Официально мы не говорили, это массы говорили, это массы критиковали" и т.д. **Итак, рано или поздно окажемся там, где раньше были: Лю остается президентом, остается в составе Центрального Комитета, остается в составе президиума, как раньше оставались Ван Мин, Пэн Дэ-хуай и другие.**

Разве это кадровая политика?! Разве это классовая борьба?! Разве это закалка партии?!

Что происходит с Чжу Дэ? Дацзыбао наговорили против него с три короба. Сам Кан Шэн говорил нам о нем, как о „подкупленном, антимаоистском милита-

ристе", а на Первомайском празднике в Пекине он демонстративно вышел перед публикой вместе с Мао, четвертым за ним. Что мы должны понимать под этим? Он, мол, признал свои ошибки и сохранил за собой пост!

Завтра это может произойти и с Лю и Дэном. Почему бы нет? „Пусть сидят на занимаемых ими постах и исправляют свои ошибки", как говорили нам и о Ван Мине и Пэн Дэ-хуае.

Подобные действия совсем неправильны, они дорого обойдутся Китаю и его Коммунистической партии. Лю и его группа в этой линии безусловно „снова склонят голову", как не раз склоняли ее, мол, в прошлом, и снова поднимут ее, как не раз поднимали ее и в прошлом. Но, когда они вновь поднимут ее, Мао уже не будет для спасения ситуации.

ПОНЕДЕЛЬНИК
22 МАЯ 1967 г.

ЗАПИСКИ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ. ПАРТИЯ ОЧИЩАЕТСЯ НЕ ИЗВНЕ, А ИЗНУТРИ

Как видно, можно прийти к выводу, что соратники Мао составляли меньшинство в партии и им не удалось поставить вопросы для разрешения самой партией, ибо не смогли бы осилить ревизионистов с Лю и Дэном во главе. Итак, партия, как таковая, была оставлена в стороне.

Дебаты, Культурная революция начались вне партии. Ревизионистская группа, опиравшаяся на большинство партийных и государственных аппаратов, была противопоставлена Культурной революции.

С поднятием на революцию хунвэйбинов и благодаря армии, которая оставалась верной линии Мао, были достигнуты успехи в разоблачении Лю, Дэна и их компании, но еще не в разгроме ревизионистской оппозиции, которая также изменила тактику борьбы. Через свои реакционные организации внутри хунвэйбинов, якобы под знаменем идей Мао, оппозиция подстрекала не только к беспорядкам, анархии, хулиганству, экономизму, но и к открытому бунту и вооруженным схваткам, приводившим даже к человеческим жертвам.

Вначале Мао не пустил в ход армию, это он сделал позже, ибо, по-видимому, не считал ситуацию тяжелой. Тем не менее Мао опирался на армию, на „красногвардейцев" (хунвэйбинов) и на „бунтовщиков-революционеров".

Надо было перейти из обличительной пропаганды к захвату власти, узурпированной ревизионистами. Это было главной целью Культурной революции. А для этого должна была выступить армия, ибо стало ясно, что иначе ничего путного не будет. Y противника была сила, организованность, дисциплина и т.д.

На этой стадии был провозглашен союз троих: армии, бунтовщиков, кадров. На этой основе были избраны революционные комитеты и был игнорирован опыт „Шанхайской коммуны". По-видимому, и форма троих будет временной, т.е. до тех пор, пока не будет стабилизировано положение и власть не будет взята действительно везде, ибо во многих провинциях она не взята, да и там, где она взята, продолжаются дебаты и схватки. Ревизионисты оказывают сопротивление и различными тактическими приемами стараются задушить революцию. Они пытаются пробраться в тройственный союз, с тем чтобы внутри его вызывать беспорядки и вечно продолжать дебаты в случае, если будет проводиться этот курс. Они сопротивляются извне и сколачивают новые многочисленные фракции изнутри.

Товарищи, с Мао во главе, стоят за борьбу с анархией, за установление порядка и дисциплины, которых ныне не найдешь нигде, кроме как в армии, но и ей говорят „учись у масс". Массы ошеломлены, и единственная у них дисциплина — это „доверие к Мао Цзэдуну". Это положительно, однако отсутствует организующая сила, партия. У армии в этом вопросе нет того опыта, которым обладает партия.

Полагаю, что игнорирование партии, отсутствие борьбы и дебатов внутри ее, которые должны были происходить одновременно с Культурной революцией, **есть крупная принципиальная ошибка, которая повлечет за собой много вреда и доставит много хлопот.** В первую очередь и прежде всего надо было бороться с ревизионистской фракцией внутри партии и осилить ее. Этому

великому, необходимому и трудному делу надо было содействовать поднятием масс на революцию, а во главе этих масс должен был находиться рабочий класс в союзе с крестьянством и армией.

Для победы революции необходимо руководство пролетарской партии, необходима железная дисциплина, необходимы ясность линии и большая решительность в действиях.

Китайские товарищи много говорят о классовой борьбе в партии, но на деле партию, твердыню революции, они не очищают изнутри, между тем как извне окружают ее людьми, не организованными в авангардную партию. Быть может, китайские товарищи работают над воссозданием новой партии в ходе революции, однако отчетливо мы ничего подобного не видим. Производят ли они опыты, накапливают ли они опыт? Однако рабочего класса и крестьянства нигде не видно в этих опытах. Часть из них ревизионисты используют против революции, ибо они борются якобы именем партии.

ВТОРНИК
4 ИЮЛЯ 1967 г.

В ЧЕМ ОБВИНЯЕТ ЛЮ ШАО-ЦИ ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ КП КИТАЯ?

Происходящая в Китае Культурная революция разъясняет нам многие проблемы, которые были нам незнакомы или не вполне ясны. Она разъясняет нам главное, а именно то, что в руководстве Коммунистической партии Китая и, конечно, в самой партии, существовали две противоположные линии: линия Мао Цзэдуна и линия Лю Шао-ци.

Можно сделать приблизительный вывод, что кризис в партии существовал еще до освобождения, он продолжался и после освобождения, а затем обострился в 1959 году, когда начался „большой скачок вперед" и вырисовались две противоположные линии. Примерно в 1962 году Мао, оказывается, начал наступление, а в 1965 и 1966 годах началась открытая борьба, которая велась посредством Культурной революции, „Красной гвардии" и т.д. В 1967 году (21 января) „Жэньминь жибао" писала: „Великая пролетарская культурная революция с самого начала была борьбой за власть ...".

Обвинения против Лю Шао-ци формулируются „Хунци":

— До 1950 года, т.е. 17 лет назад, Лю проводил курс на реставрацию капитализма.

— В 1940 году, в период войны с Японией, Лю Шао-ци проводил линию, капитулянтскую в отношении

захватчиков и колеблющуюся в отношении гоминьдана.

— В 1945-1946 годах, после победы над Японией, Лю проводил капитулянтскую линию мира и демократии. В 1949 году он рекомендовал медлить с установлением „народной демократии" в Китае, его линия была уступчивой и дружественной в отношении капиталистов и их защитников. Лю Шао-ци придерживался реакционных взглядов на культуру, он выступал против обострения отношений с американцами.

— С 1953 по 1955 год Лю сдерживал коллективизацию в деревне, а в 1956 году он выступил против ведения классовой борьбы.

— С 1959 до 1962 года Лю Шао-ци резко выступал против „большого скачка вперед, народных коммун и генеральной линии." В то же время он стоял за оппортунистическую ревизионистскую внутреннюю и внешнюю линию, за хорошие отношения с хрущевцами и за смягчение их с американцами. Тем временем Лю Шао-ци переиздал свою ревизионистскую книгу „Как стать хорошим коммунистом", которая содержит теорию о партии, как он ее понимает.

— В 1963 году Лю сорвал дело социалистического воспитания, а в начале Культурной революции открыто встал на борьбу за подавление ее, рабочих комиссий и т.п.

— Лю Шао-ци участвовал в „Пекинском заговоре" и т.д.

ПЯТНИЦА
14 ИЮЛЯ 1967 г.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ — ПОЛИТИКА САМОИЗОЛЯЦИИ

Китайские товарищи, со времени начала Культурной революции, чтобы не сказать еще раньше, **проводят неоконтуренную внешнюю политику, или, вернее внешнюю политику, больше склонную к самоизоляции.** Она не активная и не ловкая политика. Они уходят в себя и этим создают впечатление, что они влюблены в эту политику. Мы с сожалением можем отметить, что фактически их политика не ощущается как следует и в должной мере на международной арене. Она не является такой политикой, которая, основываясь на правильной политической линии и ставя перед собой задачу вести решительную борьбу против американского империализма и советских ревизионистов, внимательно следила бы за противоречиями на международной арене и умело использовала бы их, вырабатывала бы правильную тактику борьбы и помощи в зависимости от обстоятельств, конъюнктур, времен и стран.

Их генеральная тактика такова: „Война всем, вражда со всеми". Подобная тактика является слишком сектантской и уводит только на путь: „либо со мной, либо против меня"; „если не мыслишь и не поступаешь так, как я говорю или как я поступаю, ты против меня".

Если во внешней политике государства, особенно социалистического, преобладают подобные взгляды —

это результат поверхностного анализа событий и явлений на международной арене, результат отсутствия объективного анализа. При этих ситуациях необходимо использовать всю мощь и все возможности могучей социалистической державы.

Неактивную позицию занимают китайские товарищи также в отношении международного коммунистического движения, вообще, в отношении новых революционных, марксистско-ленинских партий и групп — в особенности.

Помимо всего прочего, наблюдается, в какой-то степени, и отсутствие скромности у китайцев, которые усиленно, иной раз ребяческими методами и формами, хотят взять на себя роль лидершипа международного коммунистического движения, вместо того, чтобы предоставить другим сказать свое слово об этом. **Они ставят вопросы шиворот-навыворот: „Тот, кто стоит за идеи Мао Цзэдуна, тот марксист-ленинец; того, кто позволяет себе задавать некоторые естественные, правильные вопросы, считают подозрительным элементом и могут назвать и антимарксистом".**

В основе всего этого лежит преувеличенная идея „культа личности", ведь в некоторых дацзыбао, которые, полагаем мы, конечно, не проверены (пока что они являются единственными официальными материалами, на которые мы можем ссылаться), **Мао ставят даже выше Маркса, выше Ленина и выше Сталина. В них говорится: „Мао — вершина марксизма".**

Я полагаю, что и сам Мао не может быть согласен с подобными преувеличениями, однако они имеют место. А между тем ставить так эти вопросы, это совершенно неправильно. **Уважение к чьим-либо заслугам едва ли можно навязывать силой, оно навязывается жизнью, завоевывается трудом, завоевывается делами, правильностью мыслей и действий.**

Мы уважаем Мао, но, будучи марксистами, мы по-

лагаем, что, если подвергнуть анализу всю его революционную деятельность, наверняка будут выявлены и неясности, вопросы, нуждающиеся в анализе и разъяснении.

Встает, например, вопрос: Что делал Мао за эти 18 лет и почему он дал партии ослабляться? Почему он отдал ее в руки ревизионистам, которые подточили ее изнутри? За весь этот „темный" период был ли товарищ Мао в изоляции, был ли он в меньшинстве, или же он также плавал в водах оппортунизма и, как таковой, допускал две линии в Коммунистической партии Китая?

Это положение, весь этот ход развития держится в тени, скрывается. В газетах и дацзыбао приводятся выдержки лишь из сочинений Мао, написанных до 1942 года! Но почему только до этого периода, а не после него, т.е. периода, когда происходили подобные вещи? Мы уже не говорим об ошибках, допускающихся ныне, в ходе Культурной революции.

Несмотря на эти ошибочные позиции, китайские товарищи силой хотят навязать Мао другим в качестве „величайшего марксиста во всей истории коммунизма", хотят, чтобы коммунистическое движение везде в мире *en bloc* переняло и проводило их опыт, их Культурную революцию. Так, как ставит вопрос китайская пропаганда, — это и не реалистично, и не правильно, и не приемлемо.

Однако мы спрашиваем: Какой опыт мы должны перенимать *en bloc*? Хороший опыт имеется, и не подлежит сомнению, что все мы должны учиться друг у друга. **Говоря об опыте *en bloc*, особенно в данные моменты, надо разъяснить, о каком опыте идет речь. О партийном опыте? О нем, — а он является главным, — китайским товарищам нельзя говорить, ибо их партию подточил и разгромил враг-ревизионист. Они еще не организовали партию.**

Или же речь идет об опыте Культурной революции? Y этой революции, которая еще развивается, есть свои хорошие стороны и цели, но есть и свои дурные стороны, такие как анархия, отсутствие дисциплины и единства и т.д., в силу чего дело доходит до вооруженных схваток.

Конечно, прежде чем претендовать на опыт Культурной революции, китайским товарищам надо сделать теоретические и практические выводы о роли учащихся и студентов в этой революции, которые образуют „Красную гвардию" и которыми не руководит партия. Надо объяснять предосудительные перегибы, как, например, массовое дискредитирование кадров и большое смятение в партии и государстве, состояние неуверенности и т.д. **Китайские товарищи при этих ситуациях рекомендуют: „Совершайте Культурную революцию, как у нас"! Такой совет лишен логики и смысла.**

Руководствуясь именно подобными скоропалительными рассуждениями, неправильными принципами и необдуманными претензиями, китайские товарищи могут навредить и международному коммунистическому движению и, в частности, вновь создающимся марксистско-ленинским группам и партиям.

Китайские товарищи взяли на вооружение в качестве постоянного принципа: „Помощь всем марксистско-ленинским группам, выступающим против ревизионизма и империализма", однако, если не прослеживать эти движения и группы в их революционном диалектическом развитии, если не расценивать их сквозь строго марксистско-ленинскую призму, помощь иногда может взять и неправильный курс.

Притязания на то, чтобы и в плане международного коммунизма было провозглашено, что „Мао является неоспоримым мировым вождем" и т.д. и т.п., приведут к тому, что, если какая-нибудь марксистско-ленинская

группа или партия не как следует делает упор на Мао, тогда как уклонисты в их рядах, чтобы скрыться и пользоваться их помощью, особо делают упор на Мао, на Культурную революцию и т.д., то, естественно, последние станут любимцами китайских товарищей. Даже и если в конечном итоге враждебная работа этих фракционеров будет вскрыта, все равно зло уже совершено.

Уже признанные партии не должны продолжать содействовать фракциям в новых группах и партиях под предлогом того, что они „не знают" этих групп и партий.

В Коммунистической партии Китая, насколько мы знаем и видим, уже давно царят фракции, да и какие!! В настоящее время там нет организованной партии. При этих условиях понятно, почему китайские товарищи не дают дельных советов марксистам-ленинцам создавать и укреплять свои новые партии. Они думают, что у этих новых партий нет во главе таких больших авторитетов, каким является Мао для Коммунистической партии Китая. „Авторитеты" для китайских товарищей на стороне ревизионистов, **поэтому они говорят марксистам-ленинцам: „У вас глава Мао, так что проводите Культурную революцию". Но без партии нельзя совершать ни пролетарскую, ни культурную революцию.**

Китайские товарищи считают, что помощь международному коммунистическому движению и мировой революции состоит в рекомендации им проводить, по примеру Китая, Великую пролетарскую культурную революцию. По их мнению, впредь надо вдохновляться не Великой Октябрьской социалистической революцией (Парижской Коммуной можно), а Культурной революцией, ибо подобно тому, как марксизм-ленинизм был подменен „маоцзэдунъидеей", так и Культурная революция содержит в себе Октябрьскую социалистическую

революцию! Так пишут в китайских газетах! Это позорные и антимарксистские позиции. Каким это образом товарищ Мао допускает подобные вещи в печати? Я полагаю, что он не в курсе подобных нелепостей, иначе это просто ужас.

Китайские товарищи не только не оказывают надлежащей помощи революционным движениям (а надлежащая помощь не заключается только в материальной поддержке), но о каждом таком движении в мире они говорят: „Это идеи Мао Цзэдуна создали его и руководят им".

Вот что они говорят: „В каком-то районе в Японии 100 коммунистов взбунтовали под знаменем Мао Цзэдуна". „Коммунистическая партия Бирмы борется, руководствуясь идеями Мао Цзэдуна", несмотря на то, что она является старой партией, обладающей боевым опытом. „Одна фракция внутри фракции Коммунистической партии Индии, руководимая идеями Мао Цзэдуна, вместе с крестьянами борется за землю в Пенджабе" и т.д. Они пока что не заявляли прямо (а косвенно пытаются это делать) о том, что идеи Мао руководят и Албанской партией Труда, и войной во Вьетнаме и т.д. **Их промахи и притязания доходят до таких утверждений: „Мао — это творец народных войн, он отец народных войн".** Другими словами, усилия народов, веками боровшихся за свою свободу против угнетения, и т.п. пошли насмарку. Следовательно, и усилия Большевистской партии и Албанской партии Труда в их народных войнах тоже пошли насмарку. Чтобы эти войны были народными, они должны носить отпечаток Мао и его идей!

Итак, на великих классиках ставится крест, ставится крест и на теории о революции и о народной войне. Подобное поведение не только неприемлемо, но и несносное.

Китайская революция, освободительная борьба,

Культурная революция — все они имеют большие плюсы, но имеют и большие минусы. Из революций надо извлекать уроки, ибо их опыт колоссален. Все, что правильно, надо использовать при конкретных условиях, в соответствии с конкретной обстановкой данной страны. Но и ошибки есть ошибки, их надо отмечать, чтобы они не только не повторялись, но и исправлялись.

Китайские товарищи, прямо или косвенно, добиваются того, чтобы все руководствовались их опытом. На словах они говорят: „Мы много учимся у Албанской партии Труда", однако никакую партийную делегацию они не посылали когда-нибудь к нам для ознакомления с нашим опытом, не говоря уже о том, чтобы перенять его. Это, конечно, их дело, однако оно не соответствует их словам. Отчего это происходит — они сами знают. Сказать, что они не считаются с этим опытом, ибо у них другие условия, или что они поступают так из-за высокомерия, — это пока трудно установить. Они могут поступать, как им захочется; мы посылали в Китай за опытом партийные делегации.

Китайские товарищи пришли к выводу, что красный томик „Цитаты Мао Цзэдуна" есть „верх марксистско-ленинской науки и философии, есть ключ революций, ключ побед". Они говорят: „Возьми его, прочти, выучи наизусть, выйди на улицу и делай революцию". Не умаляя ценность дела Мао в целом и правильных цитат, взятых из его произведений, мы должны сказать, что подобные утверждения — просто ребячество.

В нашу страну приезжают товарищи-коммунисты из-за рубежа и рассказывают, что в Китае им дают наставления как организовать фронт в их странах, как сколачивать союзы. Однако очень часто эти китайские рекомендации отдают и сектантством и либерализмом. **По нашему мнению, чтобы давать правильные советы другим партиям, надо очень хорошо знать политическую обстановку в странах, где они действуют, и тем**

не менее надо быть очень осторожным. Дело принимает еще более опасный оборот в случае, если политику фронта или союзов ты проводишь неправильно даже в своей стране и тем не менее хочешь преподнести ее другим в качестве образца.

Конкретно я считаю, (может, я и ошибаюсь) что китайские товарищи должны быть осмотрительны в этом отношении. В Индии, например, насколько мы знаем, ныне имеются три „коммунистические партии". Мы, конечно, поддерживаем там истинных марксистов-ленинцев, однако советовать им „проводить культурную революцию" или давать им рецепты о том, как „организовать союзы и фронт в Индии", предварительно не проанализировав фронты, союзы и Культурную революцию в своей стране, это может сбить с толку индийских товарищей.

Мы считаем, что индийские товарищи марксисты-ленинцы должны опираться на Коммунистическую партию Китая, просить помощи и получать ее, **но мы считаем нужным также всегда иметь в виду, что индийские товарищи сами отвечают за свою работу, что они наиболее компетентны в этих делах.** Советы им и любому другому, кто желает слушаться их, можно давать; их можно и критиковать по-товарищески, когда они ошибаются, с ними можно вести борьбу, когда они сходят с правильного пути, но рецептов давать не следует.

Если соблюдать подлинные марксистско-ленинские нормы в отношениях с партиями или группами, все пойдет хорошо. **Марксизм-ленинизм, — если его правильно применять, — это наиболее, точная, наиболее рациональная, наиболее зрелая, самая непогрешимая наука. Неправильное его проведение ведет на неправильный путь. Превращать вещи, будь они простые или сложные, в шаблоны и добиваться их разрешения при**

помощи цитат и готовых формул — от этого ничего хорошего не получится.

Если проследить официальную государственную политику китайских товарищей, то увидим, что она совершенно неуравновешенна, она, можно сказать, не существует, да и когда проявляется, она неправильна.

В странах, где имеется китайская политическая и экономическая эмиграция, китайские товарищи, по-видимому, открыто привели ее в действие в защиту Китая, советуя ей прибегать к насилию по отношению к властям стран, где она находится. Это не умная пропаганда. Власти различных стран преследуют китайских эмигрантов из-за их насильственных актов, и это естественно, ибо буржуазные и капиталистические лидеры не могут проявлять терпимости в этом отношении.

С другой стороны, отношения Китая почти со всеми капиталистическими государствами построены на насилии и попрании всех дипломатических норм. Нет в Пекине такого посольства капиталистической страны, которое не было бы подвергнуто осаде и нападению со стороны „гвардейцев". В Пекине поступают именно так, как поступили в Джакарте индонезийские фашисты с китайским посольством. Подобными и многими другими актами во взаимоотношениях с другими странами мира Китай создает себе большую косность и невозможность действовать как в области политики и пропаганды, так и в области торговых взаимоотношений.

Отсутствие контроля и неясность лозунгов политического и культурного характера и, что еще хуже, когда они искажены и переработаны капиталистическо-ревизионистской пропагандой, изолирует Китай и вызывает у народов мира некоторую отчужденность, ибо подобная самоизоляция, созданная со столь странной беспечностью, не позволяет Китаю показываться на международной арене своими успехами во всех областях жизни. Исчезли китайские выставки, они подме-

нены красными томиками с цитатами Мао, некоторыми журналами, печатающимися в Пекине и распространяющимися за границей из рук в руки.

Капитализм и ревизионизм одурманивают умы людей, развертывая разнузданную пропаганду против Китая. Китайские товарищи, по-видимому, вопреки своим утверждениям, думают, что „башня из слоновой кости" — это лучше всего. Они, видимо, считают, что капиталисты и ревизионисты очень беспокоятся, когда Китай не присутствует на международной арене. Это рассуждение неверно, ибо враги добиваются как раз отсутствия Китая, с тем чтобы свободно орудовать.

Китайская дипломатия бездействует во взаимоотношениях не только с капиталистическими странами, но и с освобожденными странами Африки и Азии. Буржуазное руководство в этих странах использует эту пассивность китайской дипломатии. Оно только получает некоторую помощь от Китая (когда он оказывает ее), однако, кроме этого, ничего другого не слышно. И эта вялость является следствием неумной политики Китая.

Большим успехом для Чэнь И было то, что „власти Республики Мали разрешили распространение нескольких томиков с цитатами Мао"! Это уже плачевно. Во Франции буржуазия сама печатает эти цитаты и свободно продает их на рынке. Французская буржуазия, как известно, держит в узде власти Мали, которые довольно хорошо умеют отталкивать Китай от своего народа.

Вся эта ошибка заключается в том, что, хотя они и говорят, что следует укреплять связи с народами, пути к достижению этой цели они не нашли. Эти связи не могут быть установлены путем подрывных действий, для этого надо найти трещины в самом капиталистическом руководстве в этих странах и использовать эти трещины.

Китайские товарищи слишком полагаются на самотек, они медлительны и говорят: „Есть время; народы, увидев наш пример, последуют за нами". Они ошибаются, когда полагают, что для победы народов достаточен их пример, тем более, когда этот пример еще не совсем ясен.

Китайская политика и китайская дипломатия не оказывают нужной помощи товарищам коммунистам в мире. Возьмем арабо-израильский конфликт. Что делает Китай в дипломатической области в эти столь ответственные моменты? Ничего организованного.

Когда Насер попросил помощи у Китая, Китай сразу же предоставил ее. Он, бесспорно, поступил правильно, однако Насер лишь поблагодарил его за помощь и подумал: „Больше ни к чему Китай мне не пригодится". Мы считаем, что надо было сыскать и использовать возможности для популяризации поддержки и помощи арабским народам. Но какие возможности? Одна из возможностей в этом отношении это использование существующих между албанским и арабским народами связей и дружбы. Однако приходит ли китайцам на ум идея использования этих связей и этого доверия арабских народов к албанскому народу и принципиальной политике социалистической Албании для углубления дружбы и сотрудничества наших стран, Китая и Албании, с этими народами? Ничуть! Мы предлагаем им, они не отвечают.

Китаю, великой социалистической стране, непозволительно проводить такую бесперспективную, столь апатичную и чрезвычайно сектантскую политику. Китай обязан играть главную и решающую роль на международной арене, занимая решительную позицию в отношении врагов и в то же время используя их противоречия, которые надо дальше углублять, так как они способствуют нашей борьбе.

Китай говорит о стратегии и тактике, но мы ника-

кой тактики не видим в китайской дипломатии. Он проводит оппортунистическую по отношению к местной буржуазии политику (там еще в силе положения VIII съезда Коммунистической партии Китая о сосуществовании с национальной буржуазией, местные капиталисты продолжают получать ренту за свои национализированные заводы и фабрики), там другие партии организованы во фронт, между тем как Коммунистическая партия пребывает в хаосе и беспорядке!

При всем нашем уважении к китайским товарищам, нам надо отметить, что нельзя не критиковать и не исправлять подобных вещей, особенно в такое время, когда они лезут из кожи вон, чтобы навязать себя в качестве лидершипа международного коммунизма. **Если Китаю может принадлежать подобная славная роль, то он не может играть ее, проводя ошибочную линию, не сотрудничая и не советуясь с марксистско-ленинскими партиями. Взаимоотношения между марксистско-ленинскими партиями должны отличаться единством и равенством, им должны быть чужды соображения: „Малая партия и большая партия", „партия-мать и партия дочь". Не будем облизывать оплеванного. Наша партия никогда не делала и не будет делать этого по отношению к кому бы то ни было. Нашей путеводной звездой является марксистско-ленинская теория. Для нашей партии классиков марксизма-ленинизма — четыре: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Все остальные — их ученики.**

ПОНЕДЕЛЬНИК
24 ИЮЛЯ 1967 г.

КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОГРУЖЕНА В СОН

1 — Китай должен использовать этот момент для действий широкого масштаба в арабских странах, так как никогда не было момента, более благоприятного, чем этот, и такой момент долгое время повторяться не будет. Мне кажется, что китайская дипломатия спит непробудным сном и витает в облаках.

Арабские страны и их руководители после израильского июньского нападения переживают трудные ситуации. Они ошеломлены, ибо, с одной стороны, на них воздействуют советские ревизионисты, Тито, чехи и т.д., а, с другой стороны, воздействуют американцы, французы и англичане. Руководители арабских стран ищут поддержки у этих врагов, ибо, как они думают, у них нет другого выхода.

Ревизионисты и империалисты, в союзе между собой, схватили арабские страны за горло, а Китай дает им действовать свободно, думая, что предоставления с его стороны Насеру некоторого количества пшеницы и кредита в 10 миллионов долларов достаточно.

Арабские страны нуждаются, в первую очередь, в большом политическом весе Китая. Мы убеждены в том, что они хотят подобной поддержки, пусть и для того, чтобы оказать давление на железные клещи, схватившие их за горло. Так что политическое вмешательство Китая в арабские страны в эти моменты явилось бы колоссальной помощью этим странам.

Народы этих стран с восторгом встретят поездку Чжоу Энь-лая к ним в эти моменты. Друг познается в беде, и политическая акция оценивается не в долларах. Если Китай сделает такой ход, то это явится мощной бомбой для ревизионистов и американцев. Империалистическо-ревизионистский мир встревожится, а друзья — обрадуются. Да и сама китайская внешняя политика очень нуждается в подобной акции.

Советские ревизионисты безмятежно маневрируют в арабских странах. Американские империалисты также делают свое. То же самое делают и те другие державы, которые одержимы захватническими интересами в этих странах. А Китай что делает? Китай делает Культурную революцию!

Но если намереваешься ехать в арабские страны, чтобы пропагандировать Культурную революцию, превозносить культ Мао и подготовить почву для продажи там его портретов и его красного томика с цитатами, когда у арабов земля горит под ногами, то лучше сиди у себя, а то еще больше испортишь дело.

Думаю, что будет политической победой для Китая и для всех нас, если в арабские страны поедет правительственная делегация КНР, возглавляемая Чжоу Энь-лаем.

2 — **Что думают китайские товарищи о кубинском вопросе? Разве не пора, чтобы они, соблюдая наши принципы, отошли немножко от закостенелых позиций в отношении Кубы в эти моменты,** когда Кастро находится в противоречии с советскими, с капиталистами стран Латинской Америки, и, как всегда, с Соединенными Штатами Америки? Мы прекрасно знаем, кто такой Кастро, какими идеями он руководствуется, какие он чаяния питает и какие методы применяет. Но это факт, что он, даже при очень трудном экономическом положении своей страны, на свой манер сопротивляется в какой-то мере как советским, так и аме-

риканцам и призывает ко „всемирной революции". Кастро не разделяет наших взглядов, и мы также никак не можем разделить его взглядов. Однако, если его взгляды не действуют на нас, то наши взгляды могут подействовать на него.

Факт то, что он проявляет признаки сближения с нами, ощущает, что мы ему нужны. Итак, должны ли мы продолжать оставаться „закостенелыми", не вести принципиальной политики для углубления противоречий между Кастро и советскими? Ни в коем случае. Мы должны шевелиться. Что думают делать китайцы в этих ситуациях, чтобы можно было координировать свои действия?

Во всей анархистской деятельности Кастро имеются этапы, о которых не следует забывать, — такие, как решительное сопротивление американцам, сопротивление относительно ракет, война в Заливе Кочиносе, а теперь разногласия с советскими. Кастро не человек чистой воды, но и на некоторых корейских и румынских руководителей он не похож. Y Кастро очень развит дух сопротивления. Основываясь на этих его чертах, не отходя, однако, от своих принципов, мы должны стараться воздействовать на него в хорошую сторону, ибо это в интересах революции.

(Об этих вопросах я поговорил с товарищем Нести Насе, чтобы он имел их в виду в беседе с китайским послом, в непринужденной беседе в виде высказывания мыслей.)

СУББОТА
29 ИЮЛЯ 1967 г.

КИТАЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОБЫТИЯ

Китай замкнулся в себе. Даже его ближайшие друзья, какими являемся мы, ничего не узнают о том, что происходит в Китае, как там идут дела, как идет Культурная революция, захватывают ли власть, закрепляют ли ее, ведется ли работа по организации партии или нет? Как развивается экономика? А весточки о сельском хозяйстве? Ничего, абсолютно ничего не передают.

Наше посольство в Пекине давно уже сидит совсем без дела, без встреч, да и какой-нибудь работник Министерства иностранных дел на какой-либо случайной встрече ничего не говорит нашим товарищам либо потому, что он ничего не знает, либо потому, что он боится говорить, либо потому, что китайцы живут всеобщим лозунгом изоляции. Посольство же КНР в Тиране — совершенно несуществующее посольство, оно уже год без посла, а все остальные его работники — „мертвы", молчаливы, они только прогуливаются, совершают визиты, говорят хорошие слова о нашей стране, а о своей стране, о том, что там происходит, ничего не выговаривают, абсолютно ничего.

Китайская печать и телеграфное агентство Синьхуа также ничего не говорят о событиях в стране, а пресыщаются цитатами и одними и теми же темами, которыми вот уже два года как они вертят и так и сяк. Но и они написаны с таким „совершенством", что из них ничего не поймешь, ничего не узнаешь о том,

что там думают и что там делают. Те, которые пекут эти „булочки", стали мастерами не говорить ничего, говоря кое-что и всегда одно и то же.

Однако правильна ли подобная линия по столь важным внутренним вопросам Китая? Нет, это ошибочная линия. Мировая общественность хочет знать, что происходит в Китае, как там идет Культурная революция и каковы ее успехи. Друзья Китая в мире исчисляются миллионами, они возлагают надежды на него, поэтому они просят и его помощи. Передовую общественность, которая ждет с нетерпением, с доброжелательством, кормят приевшимися фразами, комментариями цитат, и вот этой общественности ничего конкретного не говорят, а предоставляют буржуазной печати и радио обрабатывать ее всякого рода измышлениями, интригами, выдумками и т.д. Итак, в силу отсутствия сведений о реальной действительности (которую должен разъяснять сам Китай) находят себе почву измышления врагов, вызывающие заблуждение, отчужденность, недоверие к делам Китая. Сама линия, взятая Китаем на вооружение, говорит миру: „уж не очень интересуйтесь нами", или „расхваливайте нас", „расхваливайте Мао, ибо не велика беда, если вы не знаете, что делается у нас". Это значит не обращать внимания на зарубежное мнение о внутренних делах.

На внешние же вопросы Китай совсем махнул рукой. Он совсем не принимает участия в разрешении международных проблем, ни по каким вопросам он не говорит своего слова, ибо он выбрал путь молчания. Неужели это марксистско-ленинская позиция? Нет. Можно ли оправдать это их утверждениями: „Мы заняты Культурной революцией"? Нет. Допустимо ли им сказать: „У нас нет ни кадров, ни технических и финансовых возможностей делать это"? Нет, никоим образом.

Никакими причинами не может быть оправдана

эта крупная ошибка китайских товарищей, которые прибегают к тактике молчания и якобы пренебрежения международными проблемами. **Подобное поведение достойно осуждения, оно неприемлемое, немарксистское. Такое поведение объективно на руку империализму и современному ревизионизму. Это, по сути дела, есть прекращение политической борьбы, прекращение острой полемики, прекращение изобличения коварных деяний врагов народов и коммунизма. И враги того и хотят — не говорить о них, не критиковать их, не мутить их воды, не расстраивать их планы, давать им свободно и спокойно работать. Нет, это неправильно.**

Это неправильно еще и потому, что друзья и товарищи, которым дороги Китай и Мао и которые питают уважение к ним, хотят в то же время узнать и их позицию в эти столь важные моменты, которые переживает мир. Китайцы очень любят, чтобы другие следовали за ними, но в чем следовать за ними? В молчании, что ли? Сложить ли руки и выжидать, разинув рот, пока китайцам не захочется заняться международными проблемами? Те, кто думает и поступает таким образом, просто дураки, а не революционеры-марксисты-ленинцы.

Такое поведение дает повод людям строить себе иллюзии. Министр иностранных дел Чехословакии сказал: „Почему Албания нападает на нас, а Китай, наоборот, ничего не делал против нас?" И результатом этого является то, что чехословацкие ревизионисты стали относиться к Китаю по дружески; вокруг посольства КНР в Праге уже нет полицейских, убраны лозунги, персонал этого посольства гуляет там, пользуясь „дружественными" почестями и уважением.

К чему все это? К чему такое гробовое молчание со стороны китайцев? Что происходит в Чехословакии? Можно ли оправдывать подобную позицию рассуждением о том, что „чехословацкие ревизионисты настро-

ены против советских ревизионистов"? Позволительно ли забывать о том, что они ревизионисты, реакционеры, что они друзья Бонна и американцев? Следовательно, обе стороны, как чехословацкие ревизионисты, так и советские — враги, и против них надо вести борьбу.

Китайцы, может, своим „стратегическим глазом" хотят переместить угрозу третьей войны из Азии в Европу, отдалить угрозу от своих границ и своим молчанием „давать" противоречиям развиваться в Европе. Однако нельзя пассивно следить за этим. **В наших интересах разгромить современный ревизионизм и, в первую очередь, в Советском Союзе, разгромить советско-американский союз, разгромить американский империализм.**

Однако борьбу против них надо вести в мировом масштабе, она должна быть очень активной, а не вялой, не стихийной. Нам надо углублять противоречия между капиталистами и ревизионистами, однако китайская тактика молчания неправильна. Тут неладно с каким-то серьезным делом. Если рассмотреть вопрос сквозь марксистско-ленинскую призму, получается, что Китай ослабил решительную, принципиальную, основную борьбу против советских ревизионистов, а против остальных он не говорит совсем.

Полностью прекращена борьба против индийской, японской, индонезийской реакции. И против Соединенных Штатов Америки борьбу ведут лишь для отвода глаз.

Можно ли игнорировать всю эту ситуацию под тем предлогом, что они заняты Культурной революцией? Можно ли всю эту ситуацию объяснять тем, что „у нас нет надежных людей"? Навряд ли можно согласиться с таким утверждением. Культурная революция может продолжаться годами, но допустимо ли и дальше такое пренебрежение крупными мировыми проблемами, в ре-

шении которых Китай должен играть большую и решающую роль на благо пролетарской революции?

Если углубиться немножко больше в этот вопрос, то можно заметить, что китайские товарищи, под теми же предлогами, не помогают новым революционным движениям и новым марксистско-ленинским партиям, не поддерживают их. Они, может, оказывают им какую-нибудь незначительную материальную помощь, но ведь не только в этой помощи они нуждаются. Они нуждаются особенно в большой политической помощи Китая, а Китай совсем не говорит о них, кроме как о некоторых новых партиях Азии, таких как партии Цейлона, а также и о партии Австралии.

Давая подобные оценки, мы основываемся на имеющихся у нас фактах. Время разъяснит все.

**ВТОРНИК
15 АВГУСТА 1967 г.**

ЭТО ХОРОШО, ЧТО СТАВЯТ ТОЧКИ НАД „И"

Последняя статья „Жэньминь жибао" под заголовком „По какому пути следовать, по социалистическому или по капиталистическому" раскрывает, что в Коммунистической партии Китая имелись две линии, одна — буржуазно-капиталистическая, другая — революционная. Первой руководил Лю Шао-ци, второй — Мао Цзэдун. Приводя ряд цитат, статья отмечает великую измену Лю Шао-ци и следовавшей за ним большой группы. Она отмечает также, что Мао противился этой линии.

Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин с компанией, согласно имеющимся данным, действительно были изменниками марксизма-ленинизма, поэтому их надо бить до смерти. Это надо было сделать давно. **Всегда ставятся вопросы: почему дали развиваться этой враждебной работе, которая, согласно приводимым документам, была выявлена давно Мао Цзэдуном? Почему ей дали стать настолько опасной, что „поставила под угрозу существование социализма и диктатуры пролетариата в Китае"? На эти вопросы пока что не дают ответа.**

Однако подобной ситуацией нанесен колоссальный ущерб Китаю и Коммунистической партии Китая, обмануты миллионы кадров, которые считали, что „проводимая врагами линия была правильной линией Мао". Одним словом, было допущено, чтобы под именем Мао скрывался антисоциализм, антимарксизм. С одной сторо-

ны, Мао засыпали расточающими похвалы эпитетами, с другой стороны, велась усиленная враждебная работа. **Это значит либо полностью потерять революционную бдительность, либо ограничиваться упоминанием раз от разу некоторых правильных принципов и давать врагам манипулировать ими как им угодно, в результате чего их эффект противоположен, либо частично мириться с нездоровым положением, либо оказаться совсем в меньшинстве, ибо врагу удалось обмануть большинство.**

Разоблачение враждебных групп внутри Коммунистической партии Китая едва ли не было обойдено молчанием, на них никогда не делали упора как надо и сколько надо, причем многие из этих врагов продолжали занимать посты в центральном руководстве.

Чем можно объяснить все это? Пока что не дают ответа на этот вопрос. Почему эти десятки ярых врагов, такие как Лю, Дэн, Пэн и т.д. и т.п., хотя они и были известны как таковые еще в 1921 году, смогли занять ключевые позиции в партии и государстве? На этот вопрос также нет ответа.

Китайские товарищи держали нас в неведении относительно этой столь вопиющей враждебной работы. Они могут говорить, что мы сами должны были понимать все это. Но как мы могли понимать все это, когда Лю Шао-ци был вторым лицом в партии, когда он стал даже президентом республики, когда к его слову прислушивались везде в Китае и везде его почитали? Как могли мы раскрывать их, если сам Мао Цзэдун расценивал их, как „полноценное золото"? Как можно было нам обнаруживать их, когда они „осуждаются" за противодействие линии и тем не менее опять же остаются членами Центрального Комитета и Политбюро? Еще и поныне, год спустя после начала революции, имя Лю Шао-ци скрывается, Лю не называют по имени. В Китае еще продолжают оставаться в силе законы о защите ка-

питалистов, в которых обвиняются Лю и его компания. В такое время, когда ты утверждаешь, что ты поднял народ на революцию для спасения революции, подобные действия никак нельзя называть революционными.

Мы понимаем, что о многих вопросах трудно говорить и их трудно подвергать анализу в этих сложных ситуациях, когда идет борьба за взятие власти вновь и за одоление „чудовищных ревизионистов". Однако нам кажется, что у этого вопроса два аспекта: внешний и внутренний. Внешний аспект может подождать, а внутренний нуждается в разъяснениях, ибо имеются миллионы обманутых кадров, которые заблудились, думая, что стояли на правильном пути, а теперь их осуждают. Но китайские товарищи и ко внешнему миру должны относиться с еще большим уважением. **Они должны крепко, по-революционному держать в своих руках печать, которая взрывает невообразимые бомбы.**

Китайская печать засыпает Мао похвалами и эпитетами, возводя его в настоящего бога, она как ни в чем не бывало ликвидирует Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и доходит до скандала, когда говорит, что „Те, кто не следует по пути Мао и Культурной революции, будь они революционеры-марксисты или страны, где у власти диктатура пролетариата, являются уклонистами". Это не по-марксистски, это троцкизм, это неверно.

Что касается нас, то мы относимся с уважением к любой хорошей, правильной идее Мао, но тем не менее нашим единственным, верным, непогрешимым путем является и останется марксизм-ленинизм.

1968

ВТОРНИК
16 ЯНВАРЯ 1968 г.

КИТАЙ СНОВА МОЛЧИТ. ВНОВЬ НАЧАЛСЯ ПЕРИОД РАЗРЫВА

С китайскими товарищами не поддерживаем почти никаких связей и официально не знаем, что происходит там со времени поездки туда нашей делегации. Вновь начался период разрыва. Своего посла в Тиране они отозвали, так как он оказался замешанным в группу Лю-Дэна. Когда приедет новый заместить его? Нет никаких признаков, — может, через год, может, через два. Но на деле все равно, как с послом, так и без него, ибо и когда у китайского посольства в Тиране есть глава, его совсем не слышно, он не встречается с нами, не обращается с просьбой беседовать с нами. Он больше похож на заведующего церемониями. Ждет лишь дня обычного приема по случаю праздника республики и случая сопровождать какую-нибудь китайскую культурную делегацию, приезжающую к нам. И когда случается встречаться, он не высказывается открыто, а лишь повторяет некоторые стереотипные формулы и цитаты, не смея разобрать какую-нибудь из них. Одним словом, глава китайского посольства у нас не проявляет никаких признаков смелости, никаких признаков личности.

Как идет Культурная революция, что происходит и что делается в стране, что думает Китай о мировых проблемах? Толком мы ничего не знаем. И с нашим

послом в Пекине не поддерживают никаких официальных связей, чтобы можно было информироваться об этих проблемах. Остается лишь узнать что-либо из какого-нибудь дацзыбао или из какой-нибудь газеты „Красной гвардии", изобилующих сплетнями и противоречивыми взглядами — сегодня так, а завтра этак.

Происходит все это в такое время, когда нам следует быть в курсе многих вещей, ибо мы хотим добра Китаю, мы тесно связаны с ним, хотим также помогать друг другу опытом в соответствии с марксизмом-ленинизмом.

Как идет борьба за взятие власти, как осуществляется революционное объединение, к чему оно направлено и какие достигнуты результаты; как идет работа по воссозданию партии и массовых организаций; какова ныне кадровая политика; какую роль играют в эти моменты армия, „Красная гвардия", рабочий класс, крестьянство; как развивается производство; как ведется классовая борьба, имеются ли вооруженные столкновения, организовывается ли реакция, содействуют ли ей советские ревизионисты, американский и мировой империализм и какими формами ей оказывается это содействие и т.д. и т.п.? Тысяча одинаково важных вопросов. Из всего этого мы ничего не можем узнать точно, т.е. официально.

Следить ли за сообщениями Синьхуа? Навряд ли можно понять что-нибудь из них, ведь сам Мао сказал нашим товарищам, что Синьхуа наполовину находилось в руках „врагов". Теперь говорят, что им руководит армия, однако армия ведет там пропаганду, полную призывов, фразерства, аллегорий, „поэзии", шума, из чего никак нельзя вывести суть перечисленных мною выше проблем.

Делать нечего, **постараемся самим сделать выводы и, как и до сих пор, самим построить нашу пропаганду**

в защиту Китая и в поддержку правильных целей Культурной революции. Понятно, что это не исключает и предположений и неточностей; другое дело, когда ты в курсе проблем.

ЧЕТВЕРГ
18 ЯНВАРЯ 1968 г.

НА ЭТОТ РАЗ У КИТАЙЦЕВ „РАСЩЕДРИЛСЯ" КАРАНДАШ

После стольких усилий с нашей стороны, китайцы положительно ответили о вопросе гидростанции Вау-и-Деес. Наконец-то они согласились ускорить на год ее сооружение. Они говорят нам, что все материалы будут доставлены. Так и быть! На этот раз у китайцев „расщедрился" карандаш.

ПЯТНИЦА
19 ЯНВАРЯ 1968 г.

ПРИЯТНАЯ ВЕСТЬ ИЗ КИТАЯ: РЕОРГАНИЗУЕТСЯ ПАРТИЯ

Приятная весть из Китая. Центральные газеты сообщают о директиве по реорганизации Коммунистической партии Китая, а также общественных организаций и посвящают этому вопросу различные материалы. Это очень обрадовало меня, ибо **без сильной, организованной партии, придерживающейся здорового демократического централизма, ничто не возможно, ничто не может иметь успеха.** Итак, подтверждается факт, что Коммунистическая партия Китая до сих пор была приостановлена или распущена, и Культурной революцией руководили Мао и „Главная группа Культурной революции". Однако подобное положение не следовало тянуть, ведь весь этот период без партии во главе, как бы этого ни требовали сложившиеся ситуации, имел и будет иметь и в будущем много отрицательных последствий. Но тем не менее для Культурной революции это положительный результат, ибо этим был нанесен сокрушительный удар ревизионистской угрозе, чтобы не сказать, что она была полностью ликвидирована. **Для полной ликвидации основ и корней ревизионизма в Китае наверняка понадобится еще более решительная борьба внутри и вне партии, понадобятся железная дисциплина, величайшая революционная бдительность.**

Реорганизация партии, несомненно, имеет решающее значение, но дело в том, как будет осуществлена

эта реорганизация, на каких основах и принципах. Известно, что единственно правильными и спасительными принципами являются марксистско-ленинские принципы. Допустят ли дальше Мао и его товарищи „испытания" и „опыты", чтобы „видеть сначала, что покажет опыт" и т.д.?

Китайские товарищи способны на такие вещи и они сами увидели, какие плоды пожали. Поэтому, если они не издадут ясных и четких, марксистско-ленинских директив, продолжение разброда в этой капитальной проблеме вполне вероятно. Китайские товарищи не безопытны в деле создания настоящей коммунистической партии. Y них есть свой опыт, но есть и большой опыт Большевистской партии Ленина-Сталина, независимо от того, что они не упоминают о нем. Я думаю и убежден в том, что, если китайские товарищи не положат в основу реорганизации своей партии ленинский опыт большевиков относительно партии пролетариата, у них ничего путного не получится, их партия будет страдать еще больше, чем раньше. Несомненно, это их право учиться и на своем опыте, однако они должны подходить к этому опыту реалистично и понимать, что то, что произошло у них, было большим уроком для них и для всех марксистов. Рассматриваемая сквозь эту призму, китайская Культурная революция явилась чем-то новым (ибо была вырвана власть из рук ревизионизма), и реорганизация партии опять же является чем-то новым (ибо из подточенной ревизионизмом партии реорганизуется, как мы надеемся, марксистско-ленинская партия). Итак, как Культурная революция, так и реорганизация КП Китая суть две стороны одного и того же вопроса, богатого положительными и отрицательными уроками и опытом. Окончательная победа, достижение революционных целей радуют нас, поэтому мы от всего сердца приветствуем их.

СУББОТА
20 ЯНВАРЯ 1968 г.

НА МОЛЧАНИЕ КИТАЙЦЕВ МЫ НЕ БУДЕМ ОТВЕЧАТЬ МОЛЧАНИЕМ

Я дал указания и тезисы **для опубликования в газете „Зери и популлыт" статьи о „значении указаний Мао по реорганизации КП Китая и массовых организаций"**, в которой должны быть трактованы все три фазы:

1) Фаза Культурной революции;

2) Фаза реорганизации партии;

3) Фаза реорганизации новых структур, стабилизация и нормализация положения в целом.

Y нас, правда, нет точных официальных данных о ходе событий в Китае, однако **на молчание китайцев мы не можем и не должны отвечать молчанием.** Будем пользоваться тем, чем располагаем, и сделаем, сквозь призму нашей идеологии, анализы и вынесем нужные заключения.

ПОНЕДЕЛЬНИК
22 ЯНВАРЯ 1968 г.

ПОРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ КИТАЙСКИХ РЕВИЗИОНИСТОВ

С каждым днем становится яснее, что китайские современные ревизионисты во главе с Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пином „были облечены властью и вступили на капиталистический путь", — как выражаются китайские товарищи. Это означает, что **настоящая правая реакционная, враждебная фракция, десятки лет стоявшая во главе Коммунистической партии Китая, работала и организовывала крупный заговор для превращения Китая в капиталистическую страну**, диктатуры пролетариата — в диктатуру буржуазии, а Коммунистической партии Китая — в буржуазную ревизионистскую партию.

В этих направлениях китайские ревизионисты продвинулись далеко вперед. Как они подготовили эту почву, какие они применяли формы работы, как они использовали допущенные ошибки, большие послабления в политической линии, отсутствие бдительности со стороны марксистов-ленинцев — на этих, как и на других острых проблемах останавливаться не буду еще и в силу того, что многие вещи нам еще неизвестны, они являются внутренними вопросами Коммунистической партии Китая. Однако это факт, что **в линии Коммунистической партии Китая, помимо прочих общеизвестных послаблений, событие и этап дальнейшего закрепления ревизионистских позиций знаменует собой их VIII**

съезд, состоявшийся в 1956 году. Достижение этого успеха китайскими ревизионистами подтверждает, что сопротивление им в руководстве и во всей Коммунистической партии Китая было слабым, его оказывало меньшинство, к тому же не решительно.

Создавшееся в Советском Союзе после смерти Сталина положение и взятие власти хрущевцами подвернулась китайским ревизионистам как нельзя кстати, и подбодрило их в борьбе за укрепление позиций в партии и государстве и за подготовку полной узурпации власти. Однако борьба, начавшаяся против современного ревизионизма, мешала им действовать втихомолку и осуществить свой коварный план. Мао и китайские марксисты-ленинцы пробудились, они, как сказать, набрались сил и начали реагировать. Борьба против хрущевцев и современного ревизионизма способствовала началу схваток и внутри КП Китая. Китайские ревизионисты из кожи вон лезли, чтобы удушить или хотя бы сдержать полемику с современным ревизионизмом. На первых порах, в целях сохранения своих скомпрометированных позиций, они пустились в демагогию, не препятствуя открыто борьбе крыла Мао против хрущевцев. Ясно, что к этому времени китайские ревизионисты уже захватили ключевые позиции в партии, в государственной власти, в администрации и других секторах. Они расставили везде свои кадры, готовые к действию, даже начальник генерального штаба был их человеком. Министерство внутренних дел и милиция находились в их руках. Им удалось подточить и усыпить партию, проводившую линию, которую ей диктовали ревизионисты и которая называлась „линией Мао Цзэдуна". Но буря надвигалась, и это факт, что китайские ревизионисты, несмотря на свои прочные позиции и усиленную поддержку со стороны Хрущева, оказались слабее Хрущева и хрущевцев в борьбе за взятие влас-

ти, менее смелыми, чем они. Они, видимо, думали выиграть время.

Китайские ревизионисты просчитались. Они, по всей видимости, думали, что позиции, которые им удалось захватить, не могут быть вновь вырваны у них Мао, у которого, кроме армии, не было действительной силы ни в партии, ни в государстве. Они думали также, что Мао не бросит армию на борьбу против партии, против государственной власти и против масс, которые могли быть введены в заблуждение. Поэтому они медлили и от этого проиграли битву. Китайские ревизионисты недооценивали великий авторитет Мао среди народа и партии и не предвидели контрудара, который им нанесут.

Мао, зная свои слабые позиции в партии и в государственном управлении, имея в качестве надежного резерва армию и опираясь на авторитет и великую любовь, которую массы питали к нему, социализму и коммунизму, поднял массы молодежи на Культурную революцию, у которой только название было культурной, ибо фактически она была политической и идеологической революцией, направленной на ликвидацию ревизионистской группы Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина. Миллионы юношей и девушек поднялись на революцию, которая была стратегическим и тактическим делом Мао. Этого китайские ревизионисты не предвидели. Она походила на мощную политическую забастовку в условиях диктатуры пролетариата, имевшую своим главным героем молодежь, а не рабочий класс.

По всей вероятности, Мао думал, что поднятие рабочих на революцию могло привести также к вооруженным столкновениям между рабочими и „Красной гвардией", что вызвало бы вмешательство армии рабочего класса и его диктатуры, и „при сухом сгорело бы и сырое".

Может, именно поэтому в различных приказах, ко-

торые Мао отдавал армии, ей предписывалось не стрелять, избегать возможных провокаций, которые действительно устраивались против нее, и продемонстрировать свое мощное присутствие в решающие моменты. И это свое присутствие армия продемонстрировала, когда ей понадобилось ликвидировать схватки с хунвэйбинами или вмешаться и взять в свои руки ключевые позиции там, где ревизионисты сопротивлялись. Подобная деятельность армии давала понять рабочему классу, что армия была на его стороне, на стороне рабочего класса, диктатуры класса, под руководством Мао, и что она защищала диктатуру класса и социалистическое государство. Эти позиции побуждали рабочий класс и крестьянство быть наготове, начеку, бороться с беспорядками, хаосом и любой другой формой ревизионистского саботажа. Они также помогали рабочим и крестьянам политически осознавать необходимость того, чтобы и они развивали Культурную революцию на фабриках, в рабочих поселках и коммунах, но не методами, применяемыми хунвэйбинами, у которых на первый план выступало показное, что впрочем было необходимо в силу той роли, которую они были призваны играть в Культурной революции.

„Красная гвардия", по мнению Мао, была предназначена для политического и идеологического разоблачения ревизионистов и предателей. Это разоблачение пошло бы на руку и крестьянству. Этот контрудар застал китайских ревизионистов врасплох. Они полагали, что их противник либо спасует, либо прибегнет к классическим формам революции для взятия власти, и думали, что, какое бы сопротивление ни оказывалось им, они подавили бы обычными легальными формами партии, которая была под их контролем. Однако, когда Мао развернул Культурную революцию, они пришли в замешательство и не смогли найти иных форм для отражения этой сильной волны, кроме знаменитых „ра-

бочих групп Центрального Комитета", которые с первых же дней пошли прахом. Китайским ревизионистам был нанесен удар стихией хунвэйбинов, так как был парализован сам партийный или государственный аппарат, где они имели прочные позиции и откуда они могли действовать. С крайностями, к которым могли прибегать хунвэйбины, Мао мирился, считая их небольшим злом против всеобщего беспорядка, переполоха и анархии, к которым китайские ревизионисты прибегли бы как к единственному средству своей контрреволюционной борьбы. И действительно, китайские ревизионисты, еще до провала их замысла, который они рассчитывали осуществить с помощью „рабочих групп", начали думать о других формах контрреволюционной борьбы, которые соответствовали бы сложившейся ситуации. Среди этих форм отличались поощрение фракций в „Красной гвардии", схватки, компрометирование кадров, допустивших некоторые ошибки, крайности, перегибы, порой никчемные передвижения хунвэйбинов, открытое сопротивление ревизионистских кадров, возбуждение рабочих против „Гвардии" и против революционных кадров, захват радиостанций, забастовки рабочих, экономизм, раздача оружия, и, наконец, вооруженные нападения. Чем больше китайские ревизионисты разоблачались и теряли почву, тем больше они старались, стараются и постараются бороться и саботировать, приспосабливаясь к ситуациям и формам работы, которые создаются или закрепляются революцией, руководимой Мао.

Но, во всяком случае, главная опасность миновала. Революция, как заявляют китайцы, вступила в этап консолидации, взятия власти. Этот этап, конечно, не завершен во всех провинциях, ибо **захват власти вновь, т.е. чистка государственной власти и ее аппарата от ревизионистских элементов, будет длительным, продолжительным процессом.** Теперь китайские товарищи ра-

ботают и объявили о реорганизации партии и общественных организаций. Конечно, это особо важно.

Реорганизация партии является решающим вопросом, и от этого зависит победа или поражение Китая. Дело в том, на каких основах будет построена партия: Будут ли учтены как следует основные марксистско-ленинские принципы строительства истинно марксистско-ленинской партии? Если да, то в первую очередь необходимо не упускать больше из виду и не искажать положения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о партии. **Надеюсь, что Коммунистическая партия Китая будет освобождена от чуждых мелкобуржуазных и буржуазных воззрений, от всего вредного, сектантского, оппортунистического, ревизионистского в области организации, идеологии, политики, стратегии и тактики.**

Коммунистической партии Китая предстоит основательная колоссальная работа, ибо она довольно пострадала от левых и, особенно, от правых фракций и снова может пострадать в случае, если все ситуации, через которые прошли партия и страна, не будут подвергнуты глубокому марксистско-ленинскому анализу, если ошибки не будут подвергнуты смелой, большевистской критике и если не будет выработана новая, правильная, твердая линия. Это требует коренного перелома в организации, в политике, правильного и глубокого идеологического понимания проблем, эпох, событий, ситуаций, групп людей и самих людей, действовавших в течение всех этих времен и принимавших деятельное участие в событиях. **Реорганизовать партию значит оставить в ее рядах лучших людей, самых пламенных революционеров, тех, кто испытан в борьбе и трудностях, и принимать в ее ряды также лучших молодых людей, доказавших свою верность марксизму-ленинизму, народу и партии.** Я считаю, что сначала следует реорганизовать партийное ядро, которое должно быть тщательно подобранным и абсолютно верным, ибо на это больше-

вистское ядро выпадет ответственная и славная обязанность сквозь марксистско-ленинскую призму подвергнуть просеиванию все другие кадры, составляющие большинство, ему надо будет установить, уточнить, проверить, какие кадры достойны оставаться в партии и какие — нет. Я думаю, что в первую очередь надо остановить выбор на самых лучших, на тех, кто должен быть выдвинут в руководство, в комитеты, на ключевые посты. Если это не будет сделано по-научному и по-революционному, то навряд ли смогут быть установлены спасительные нормы партийной жизни.

Китайская большевистская партия, перестроенная на основе марксистско-ленинских критериев, явится спасением и залогом продвижения Китая в будущем по социалистическому, марксистско-ленинскому пути. На долю такой партии выпадает поставить все на свое место. Первым ее долгом является созыв IX съезда, который, если его работа будет проходить в марксистско-ленинском духе, явится историческим для Китая съездом. На эту партию лежит важная задача реорганизовать государственную власть, очистить ее, установить везде новые, революционные, пролетарские нормы, принимая новые, прочные и строгие организационно-административные меры, пересматривая и революционизируя также целые части надстройки, порядочно зараженные антимарксистскими, ревизионистскими и др. идеями. При всех этих процессах капитального значения враги, конечно, не будут сидеть сложа руки. За неимением возможности прекратить процесс реорганизации партии и государства, они постараются задержать его. Позже они постараются снова пролезть в партию и в государственные органы, и, замаскировавшись, они попытаются задержать, замедлить и сорвать изнутри революционизирование Китая. Однако, **если будет допущена недооценка врага, как это имело место до сих пор, то Китай пропал. Можно сколько**

угодно говорить о классовой борьбе, однако эту борьбу надо вести ожесточенно, правильно, с позиций рабочего класса, марксизма-ленинизма. Китай, оправившись после тяжелой болезни, очень нуждается в этой классовой борьбе, которую никак нельзя вести кампанейски, закостенелыми лозунгами и призывами, пунктами и кому когда угодно, ее надо вести постоянно, ожесточенно, с марксистско-ленинской последовательностью.

Все больше и больше принимает невиданные размеры то, что мы называем культом Мао, который действительно является раздутым культом. Но зачем Мао позволяет раздувание этого культа? Быть может, переживаемые Китаем критические моменты и то, что Коммунистическая партия Китая не только была в состоянии разброда, но и находилась в руках ревизионистов, вынудили Мао мириться с превозношением его имени и авторитета с целью мобилизовать здоровые революционные энергии масс и включить их в революцию. Иначе Китаю пришел бы конец. Не знаю, насколько можно этим оправдывать усиленное раздувание культа Мао, но как бы то ни было, мне кажется, что в этом его раздутом культе нет ничего марксистского.

Период усиленного политического разоблачения Лю Шао-ци, названного „китайским Хрущевым", как и его группы, по-видимому, кончился. Борьба, конечно, продолжается еще дальше наряду с полным захватом власти посредством революционного объединения, просеивания кадров через Культурную революцию, вступления на решающий путь реорганизации Коммунистической партии Китая, Коммунистической молодежи, женской организации и профсоюзов Китая. Если эти решающие секторы будут укреплены марксистско-ленинским путем и будут стоять на высоте своих задач, если диктатура пролетариата действительно будет уста-

новлена в Китае, то этим будет достигнута и закреплена настоящая победа.

Прослеживая ход китайской Культурной революции извне, без достаточных данных о реальном положении в Коммунистической партии Китая и в самом Китае, не исключена возможность сформулирования нами также опрометчивых выводов, основанных на повседневных фактах и данных китайской печати и радио, которые и сами находились под сильным влиянием ревизионистских элементов, так что освещали положение не объективно. Поэтому нам извне было трудно и трудно и теперь априори безошибочно высказаться о некоторых вопросах, когда в самом Китае имеются ошибки, неуверенность, когда там одна за другой меняются формы и тактические приемы, свергаются и создаются новые идолы и культы. Мы видим и понимаем, что во многих из форм и методов, которые применялись и применяются в Культурной революции, нет ничего марксистского и революционного, однако, несмотря на ошибки и послабления, имевшие место в ходе этой революции, мы надеемся, что ревизионизм в Китае будет разгромлен, что партия там доведет до конца начатое дело, не допуская больше тех искривлений и ошибок и той неразберихи, которые наблюдались до сих пор и которые довели Китай до края пропасти.

СРЕДА
20 МАРТА 1968 г

ГОЛОСА КИТАЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ НЕ СЛЫШНО

Насколько мы видим, голос Китая на международной политической арене почти заглушён, чтобы не сказать полностью заглушён.

Культурная революция, полагаю, не должна быть выдвинута в качестве причины этого. Культурная революция есть, в первую очередь, политическая и идеологическая революция, и как цели, так и действия ее нельзя сосредоточивать только в самом Китае, пренебрегая борьбой на международной арене. Никакими предлогами нельзя оправдывать этого очень заметного пробела. Еще хуже будет в случае высокомерной недооценки проблем международной политики и пренебрежения ими, объясняя подобное отношение к делу с позиций: **и если я не буду вмешиваться, и если я не буду высказывать своего мнения, все равно мир нуждается во мне. Даже тогда, когда я не говорю и не действую, мир меня боится. Ничего не может быть сделано без меня.**

Подобное пренебрежение может быть оправдано и так: Мы еще не в состоянии действовать; Министерство иностранных дел еще не организовано, оно очищается, проводит Культурную революцию. Это может быть одной из причин, однако, не находить и не назначать хороших людей, которых достаточно, чтобы они взяли в свои руки управление этими делами, означает

не компенсировать большие потери на международной арене, где империалисты и современные ревизионисты строят козни в большом масштабе, организуют и устраивают западни и куют цепи для коммунистов и народов. Занятая ныне позиция дорого обойдется завтра.

Практически голоса Китая не слышно; это не умно со стороны Китая. Время от времени он говорит о Вьетнаме, и это он считает вопросом, серьезным (это правильно) и единственным, заслуживающим внимания (это неправильно).

И пропаганда против советского ревизионизма не активная, она наивная, односторонняя, а главное — она ограничивается разоблачением их предательской линии в отношении войны во Вьетнаме, их связями с Миямото и еще какими-либо подобного рода вопросами. Понятно, что такая борьба совершенно недостаточна по сравнению с деяниями советских ревизионистов на международной арене и в международном коммунистическом движении. Чтобы бороться с ними, чтобы разоблачать их надо преследовать их по пятам во всех их действиях. Но это еще не все. Для достижения цели надо предугадать их замыслы и разбить их в пух и прах, не довольствуясь какой-то статьей, а предпринимая энергичные действия всякого рода. А между тем Китай ничего не делает в этих направлениях.

В мире происходят многочисленные и важные события и явления: капиталистический кризис развивается вовсю, раздираются и ниспровергаются клики, объединяются, меняют базисы и надстройки, умножаются противоречия между ревизионистскими государствами и т.д. и т.п., а китайский колосс, который может и должен играть решающую роль в эти моменты, чуть ли без языка сидит. „Пусть все пойдет своим стихийным чередом"! Это положение не верно. Это большая вина.

Народы, люди, коммунисты хотят узнать, что говорит Китай о той или другой проблеме. А Китай ничего не говорит, **либо потому, что у него нет головы, либо потому, что у него нет времени, либо потому, что он считает это ниже своего достоинства!** Подобное положение неприемлемо и оно должно быть изменено как можно скорее.

Но кому нам высказывать эти мысли, с кем обсуждать их? Вот уже год, как у них нет посла даже здесь, у нас. Надо ли объяснить и отсутствие посла тем, что „у них нет подходящего человека"? Или же безмолвным недовольством тем, что мы не следуем их ошибочной тактике молчания и не поем дифирамбы Мао? Нет, подобных вещей мы не допустим. Этот застой китайской политики на мировой арене очень опасен для дела борьбы против империализма и современного ревизионизма.

Мы свидетели также поверхностного отношения китайских товарищей к новым марксистско-ленинским партиям и группам. Они фактически поддерживают контакты и оказывают помощь как этим партиям и группам, так и тем, кто сидит обособленно или выступает против новых партий! Эти недифференцированные связи они оправдывают занятой ими с самого начала позицией — „будем помогать **всем** группам, борющимся против империализма и ревизионизма". Однако борьба сопрягается с дифференциациями, к которым надо подходить осторожно, с принципиальных позиций.

На самом деле, китайские товарищи делают и дифференциации, но иной раз фактически они не в состоянии следить за истинно революционной деятельностью своих знакомых, которые иногда и скрываются за пропагандированием Культурной революции или за распространением китайских материалов и значков с портретом Мао.

Некоторые из новых партий недовольны этим по-

ведением, и это недовольство они выражают то открыто, то втихомолку.

Недовольны поляки, и товарищи из Итальянской коммунистической партии (марксистско-ленинской). Эти вопросы, полагаю, надо разрешать хладнокровно, реалистично и в товарищеском духе. Я уже не говорю о Гриппе, который перед всем миром показал себя как антикитаец и открыто выступил в защиту Лю Шао-ци. Тем не менее Жак Гриппа ухватился за слова некоею Ритенберга, работавшего в Пекинском радио. Как нам стало известно, он, вместе со своей женой, оказался американским агентом и был арестован в Китае. Но, независимо от этого, Гриппа, ухватившись за его слова, раскрыл свое антимарксистское нутро.

ЧЕТВЕРГ
28 МАРТА 1968 г.

КИТАЙЦЫ „ОЧЕНЬ ЗАНЯТЫ РЕВОЛЮЦИЕЙ", ПОЭТОМУ ОНИ НЕ МОГУТ ПРИНИМАТЬ ТОВАРИЩЕЙ ИЗ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ПАРТИЙ

Мне сказали, что польскому товарищу Миялю сообщили из Пекина, что „его не могут принимать сейчас, потому что товарищи очень заняты революцией". Он возмущен этой приводимой ими „причиной", и это он высказал поверенному в делах Китая в Албании. „Уже два года, — сказал он ему, — как образована наша партия, и Китай не говорил ни слова о ней" и т.п.. Мы вправе спрашивать: какая помощь будет оказана новым партиям, если не признавать их и не говорить о них? Чудеса!

ЧЕТВЕРГ
25 АПРЕЛЯ 1968 г.

КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ ПРОДОЛЖАЮТ ОСТАВАТЬСЯ ЗАКРЫТЫМИ В СВОЕЙ СКОРЛУПЕ

Китайские товарищи, под предлогом Культурной революции, совсем замкнулись в своей скорлупе. **Они хотят придать ей вид „мировой революции", однако практически они ничего не предпринимают, чтобы она по крайней мере была названа „мировой".** Только переводят сотнями миллионами экземпляров на многие языки цитаты Мао, изготовляют миллионы и миллиарды значков с изображением его лица, расточают похвалы о нем в виде лозунгов. Больше ничего, абсолютно ничего.

Все связи Китая с внешним миром полностью заморожены, чтобы не сказать совсем прерваны. Все китайские послы отозваны из стран, где они находились. Ни их газеты, ни Синьхуа, ни Пекинское радио не трактуют никаких международных проблем. Даже многих внутренних проблем они почти совсем не трактуют. Что делается в стране? Как идут дела? Ничего не знаем.

Даже с нами, их ближайшими друзьями, все их связи заморожены. Наш посол в Пекине ни с кем не может встречаться, он изолирован. Странная ситуация!

Они не согласны прислать к нам, как обычно, делегацию на Первомайский праздник якобы потому, что заняты Культурной революцией! **„Поймите нас, товарищи албанцы!", говорят они, но мы совсем не понимаем их поведение. Если Китайская Народная Рес-**

публика будет продолжать так, то это уже просто ужас! Они даже из нашей страны не пригласили какой-нибудь делегации. Пролетарское государство! Праздник пролетариев! Проводит Пролетарскую культурную революцию!, причем „великую", и не отмечает праздника, не приглашает кого-нибудь именно потому, что оно занято этой „революцией". Это тоже странно! Тогда почему заявляешь, что власть везде в твоих руках и что ситуация внутри страны „замечательна"? Пусть так будет! Этого и мы желаем, но эти ситуации нам, как марксистам, непонятны.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
2 ИЮНЯ 1968 г.

ПЕРЕДОВАЯ КИТАЙСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Правильная позиция, осуждающая американцев и изобличающая советских ревизионистов. В одной из статьей „Жэньминь жибао" китайцы говорят американцам: „... вам незачем удивляться и поднимать шум по поводу того, что Северный Вьетнам помогает своим братьям на Юге, вам незачем удивляться и поднимать шум по поводу того, что китайцы помогают своим вьетнамским братьям. И той формальной границы, которая была, больше не существует, вы разрушили 17-ю параллель и ведете борьбу против всех вьетнамцев. Вы пришли из-за океана и воюете с нами, а мы, китайцы, неужели мы не имеем права защищать своих братьев, свои страны, свою свободу и независимость? Мы, китайцы и вьетнамцы, сплочены, мы будем биться до конца и разгромим вас". Такова, в нескольких словах, китайская позиция, позиция с тяжелыми последствиями для американских агрессоров и ревизионистских предателей.

Теперь Соединенным Штатам Америки приходится выбирать: либо продолжить войну, вторгнуться еще глубже и найти себе могилу, либо „показать хвост", как Франция, и убраться из Вьетнама. Американский шантаж уже не действует. Теперь инициатива уже не в руках американцев. Никакая их демагогия не пройдет даже у их друзей. Захватническая война остается зах-

ватнической. Она превратится во вторую корейскую войну с той лишь разницей, что многие союзники Соединенных Штатов Америки, которые помогали им в Корее, не будут присутствовать во Вьетнаме. Конец американцев наступит еще раньше.

Теперь советские ревизионисты находятся в очень трудном положении, им грозит громогласное разоблачение. Эта позиция китайцев, если только они не поколебнутся, пресекает советским ревизионистам путь тайных, изменнических сделок, срывает их демагогию, изобличает их позы „спасителей" Вьетнама и разбивает в пух и прах их цели „мирных соглашений", т.е. подлинные капитулянтские цели.

Весь Вьетнам и весь Индокитай должны быть объяты пламенем, американцы должны быть поскорее брошены в море. Единственный путь спасения — биться до конца и возможно упорнее, чтобы не дать больше Соединенным Штатам Америки безнаказанно бомбить Демократическую Республику Вьетнам, чтобы не дать Соединенным Штатам Америки укрепить свои расшатанные позиции во Вьетнаме, чтобы Соединенные Штаты Америки не осмеливались вызывать локальные войны в других странах, чтобы Соединенные Штаты Америки возможно скорее получили колоссальную военную и политическую пощечину.

ВТОРНИК
15 ОКТЯБРЯ 1968 г.

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ НА РЕВИЗИОНИЗМ

И после всей этой борьбы с титизмом и с хрущевцами, и после Культурной революции Чжоу Энь-лай продолжает допускать ошибки.

Известен тот факт, что он кичливо предложил нам ехать в Москву после падения Хрущева. Дело заключалось в том, чтобы мы помирились с ревизионистской группой Брежнева-Косыгина, на которую китайцы возлагали большие надежды.

Известен также наш ответ на его предложение, достойный как по содержанию, так и по тону. Чжоу Энь-лай поехал в Москву без нас и там потерпел постыдное поражение, о котором я писал раньше. **Позднее они сказали нам: „Мы допустили ошибку, поехав в Москву и предложив и вам сделать то же самое" и т.д. и т.п.** Однако это были только слова, ибо Чжоу повторяет ту же самую ошибку.

Беседуя с Бекиром Балуку о международной обстановке и особенно о положении, сложившемся на Балканах после оккупации Чехословакии, Чжоу Энь-лай внес предложение о том, чтобы **мы вступили в переговоры с титовцами и подписали с ними договор о дружбе и взаимопомощи!**

Как же это китайские товарищи могли допустить такую ошибочную мысль и встать на путь Лю, утверждавшего, что „в борьбе с американским империализ-

мом надо объединиться также с современными ревизионистами"?!

Как же это китайские товарищи могли допустить мысль о том, что для борьбы с советскими ревизионистами можно объединиться даже с Тито, отъявленным и открытым агентом американских империалистов, злейшим врагом марксизма-ленинизма, лишь потому, что тот в один момент находится во временных противоречиях со своими идейными друзьями — советскими ревизионистами?!

Нет, Чжоу Энь-лай, высказывая подобные мысли, отходит от принципов. **Ревизионистскую предательскую линию Лю Шао-ци поддерживает Чжоу Энь-лай, который не очистил свою голову и свое сердце.** Я говорю „не очистил" потому, что Чжоу Энь-лай человек остроумный, его поведение не может быть результатом незрелой или опрометчиво высказанной им мысли. Если же это поведение одобренно также и остальными китайскими товарищами, то ими допущена большая ошибка.

Но почему они допустили подобную ошибку?

Во-первых, у китайских товарищей есть идеологические неясности. Они не очень ясно представляют себе, что такое современный, титовский и хрущевский, ревизионизм и в чем заключается его большая опасность. Что касается Чжоу, то он первый и главный, которому эти вопросы не ясны, ибо он поступает совершенно ошибочно в этих вопросах.

Во-вторых, они относительно Тито и титизма придерживаются той точки зрения, что „Тито не допускал ошибок, ошибки допускал Сталин по отношению к нему". А когда конъюнктуры таковы, что между Тито и советскими возникают противоречия, китайские товарищи относятся к нему мягче, их старое мнение о Тито, против Сталина, преобладает и уводит их на порочный, оппортунистический путь. (Тут дает себя знать линия Лю Шао-ци — союз с ревизионистами, но на

этот раз уже против советских, а не против американцев, так как Тито является их агентом.)

В-третьих, из этих и других фактов явствует, что китайские товарищи борьбу против хрущевских ревизионистов не ведут целиком с принципиальных марксистско-ленинских позиций, они не ведут с ними постоянной и последовательной борьбы во всех областях, исходя из этих позиций, а проявляют в своей борьбе некоторые шовинистические тенденции против Советского Союза, предъявляют территориальные притязания и высказывают не обоснованные соображения об ошибках, якобы допущенных Сталиным в международном коммунистическом движении. Эти ошибки мешают китайским товарищам правильно анализировать проблемы, явления и принимать правильные решения по некоторым капитальным проблемам.

В-четвертых, всякого, кто выступает против советских, китайские товарищи считают своим возможным союзником, невзирая на то, кто такой этот псевдосоюзник, будь он даже временный. Такая стратегическая и тактическая линия, не руководствующаяся марксистско-ленинскими принципами, предосудительна.

Что же они предлагают нам на самом деле? Помириться и целоваться с титизмом — злейшим врагом марксизма-ленинизма, социализма и коммунизма, злейшим врагом нашей марксистско-ленинской партии, нашей социалистической родины; целоваться, помириться с Тито, который на протяжении 25 лет всеми своими силами пытался подавить, сокрушить, поработить нашу родину и сделать ее седьмой республикой Югославии! Итак, Чжоу Энь-лай советует нам изменить всему тому, что является для нас святыней, изменить нашей славной борьбе, нашему народу и марксизму-ленинизму.

Советовать братской партии и братской стране такой союз с титизмом лишь потому, что при нынешних конъюнктурах у него есть с советскими некоторые раз-

ногласия, которые завтра могут быть очень легко сглажены, или же надеяться, что титизм может служить „троянским конем" для проникновения в „третий мир" — все это стратегия и тактика буржуазной политики.

Социалистическая Албания, конечно, никогда не может позволять, чтобы кто-либо рассчитывал использовать ее в качестве пешки. Албания — искренняя, она любит друзей и верна им на марксистско-ленинском пути. Однако при этом мы должны сделать некоторые выводы общего стратегического характера. Конечно, я могу и ошибаться в этих оценках, ибо многие из них основаны на международных конъюнктурах.

Китайские товарищи, согласно своей генеральной линии борьбы, борются на два фронта: против американского империализма и против советского ревизионизма. На Китай могут напасть одновременно обе стороны, может напасть сначала одна сторона, а затем другая, но, быть может, на него не нападет ни одна из сторон, так как взаимоотношения между этими двумя империалистическими государствами — Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом — обостряются, противоречия между ними углубляются, так что и третья мировая война может начаться как война между империалистами. При этом мы имеем в виду сталинское положение о характере войн.

Наша задача и задача Китая — готовиться к обороне, готовиться на случай войны и всеми средствами разоблачать как американский империализм и его союзников, так и советских ревизионистов и их союзников.

Наша борьба должна иметь своей целью ослабление обеих империалистических держав, разжигая раздор и противоречия как между ними, так и внутри каждого из этих государств, ослабляя связи их союзников с ними и борясь за ослабление их влияния на страны и народы, не связанные военными союзами. Эти страны

нам надо либо восстановить против американских империалистов и советских ревизионистов, чтобы они стали серьезным препятствием для их агрессивных планов, либо по крайней мере нейтрализовать их. Поэтому, наряду с подготовкой к обороне, мы должны вести очень активную политику на международной арене, причем политику, основанную на глубоких анализах и на принципах марксизма-ленинизма. В нашей политике не должны иметь места ни авантюризм, ни непробудный сон.

Подготовка Китая и его политика имеют, конечно, большое значение. Но использует ли Китай все средства для борьбы на два фронта? В принципе — да, на практике — не в должной мере и не надлежащим образом. В стратегии Китая советские ревизионисты считаются главными и сильнейшими врагами, могущими напасть на него и нанести ему больше урона. Американцы также считаются жестокими врагами, имеющими, однако, меньше, чем советские, возможностей нападать и вредить ему. Это потому, что советские имеют общие с Китаем сухопутные границы, тогда как у американцев в распоряжении главным образом море, откуда они могут высадиться. Дело не из легких. Доказательство тому, — говорят китайцы, — и первая мировая война, и вторая мировая война и особенно война американцев против японцев на Тихом океане. (Атомными бомбами обладают обе стороны — как американцы, так и советские.)

Однако не следует упускать из виду, что Соединенные Штаты Америки стали бы весьма опасными, если бы им удалось использовать в качестве штыка милитаристскую Японию и в качестве баз и пушечного мяса другие страны и народы азиатского бассейна, начиная с Индонезии, Австралии и т.д.

С другой стороны, у советских ревизионистов будет несколько очень слабых мест, в случае если они нападут на Китай. Им не только надо будет подготовить-

ся к длительной войне в Азии, но и придется предварительно подготовить общественность к подобной войне, что не так легко.

Другим слабым местом советских ревизионистов является Европа. Они должны обеспечить себе фланги, прежде чем вступить в войну с Китаем. Прежде всего им надо держать в узде европейских ревизионистов, т.е. своих союзников по Варшавскому договору, которые, якобы в целях обеспечения европейского фронта, не примут активного участия в авантюре против Китая. Однако германско-американская опасность в Европе для советских — большая, и она не может не стать угрожающей для них, если они пойдут на авантюру против Китая. Чем больше советские втянутся в войну с Китаем, тем больше они рискнут всем.

Никакой советско-американский „союз" не может препятствовать осуществлению германских агрессивных, экспансионистских целей в Европе, как и целей Соединенных Штатов Америки в ущерб Советскому Союзу и его сателлитам, которые в самый подходящий момент могут бросить его. НАТО не может допустить мирового господства советских ревизионистов. А к мировому господству стремятся как Советский Союз, так и Соединенные Штаты Америки, поэтому не может быть, чтобы один работал на другого, каждый из них будет пытаться выколоть глаза другому.

Рассматривая вопрос сквозь эту призму, можно заключить, что из обеих империалистических держав Советский Союз не самый сильный, а самый слабый, ему надо защищать огромные границы, у него весьма колеблющиеся союзники и империалистический партнер — Соединенные Штаты Америки — у которого он стремится вырвать силу и мировое господство. Но и между Соединенными Штатами Америки и их партнерами имеются глубокие противоречия, и они умножатся. Как у Японии, так и у Федеративной Герма-

нии (не говоря уже о других членах натовской группы) свои планы и стремления. Они будут играть отведенную им роль как в подготовке мирового пожара, так и в участии в войне.

Мы уже замечаем, что советские ревизионисты укрепляют европейский фронт, кордон Германская Демократическая Республика — Венгрия — Чехословакия — Румыния — Болгария. Выход советского флота в Средиземноморье является частью стратегического плана в предвидении дальнейшего обострения отношений с НАТО и, в первую очередь, с Соединенными Штатами Америки и Западной Германией. Этим планом советские укрепляют военный фронт против Бонна, окружают Турцию и Грецию, норовят напасть на Албанию, установить базы в Африке, откуда англо-американские союзники напали на Италию и нацистскую Германию во время второй мировой войны и т.д.

Разве подобные действия в интересах НАТО и американцев? Разве Соединенные Штаты Америки спокойно следят за этими действиями и за их расширением? Нет, это углубит противоречия между этими двумя империалистическими группировками, а это может привести и к войне между ними.

Итак, мы видим, что в Европе идут приготовления, причем такие приготовления, которые привели к взрывам в Чехословакии, завтра они могут привести к аналогичным событиям в Румынии, послезавтра — у нас, где советские стремятся иметь морские базы, с тем чтобы обосноваться в Средиземноморье. В качестве дани за эти приготовления советские стараются спасти американцев во Вьетнаме. Так что мы теперь наблюдаем стадию консолидации советских военных позиций в Европе, в Средиземноморье и Африке. Насколько далеко они наложат свои лапы, этого мы не знаем, поэтому мы — да не только мы, но и китайцы — должны быть прозорливыми, бдительными.

Однако раз мы говорим, что надо вести борьбу на два фронта, давайте-ка посмотрим, как ведут эту борьбу ныне китайские товарищи. Мы не видим, чтобы Китай делал что-либо для разоблачения Японии, возможного союзника Соединенных Штатов Америки против Китая, или для углубления ее противоречий с Америкой. Китай — это великая держава. Что он предпринимает в отношении Индии? Ничего. А Чжоу Энь-лай советует нам заключить союз с Тито! Мы не видим ни одного мощного политического удара мирового масштаба против капиталистических государств — друзей американцев, — начиная с индонезийцев и вплоть до австралийцев.

Мы не видим никакой конкретной активной политики в отношении африканских и азиатских стран, „неприсоединившихся" к пактам, где закон вершат Соединенные Штаты Америки и советские. В своих попытках загнать эти страны в китайское стадо Чжоу Энь-лай делает ставку на Тито, агента американцев и друга советских ревизионистов. **Подобная политика не правильная. Подобная неуклюжая, бесперспективная политика чрезвычайно опасна для нас.**

Y китайских товарищей еще не организованы ни печать, ни Министерство иностранных дел, ни дипломатия. Как же можно идти так, когда враги бегут во весь опор и организуются для борьбы против нас и против народов?

Следовательно, на нас выпадает великий долг продолжать политическую и идеологическую борьбу на всех фронтах, в том числе и в тех направлениях, в которых Китай не ведет ее. Никакие стороны международных проблем не должны быть оставлены открытыми с нашей стороны. Когда мы будем говорить об Индии или Японии, нас обзовут „мегаломанами" по многим вопросам. Однако нам надо руководствоваться тем принципом, что мы должны, хотя бы и немного,

оказывать влияние относительно некоторых вопросов. Китайские товарищи должны беспокоиться или высказываться о ряде проблем, жизненно важных для всего мира и для социализма. Мы должны идти в авангарде борьбы, сохраняя при этом скромность.

ЧЕТВЕРГ
24 ОКТЯБРЯ 1968 г.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ О ЮГОСЛАВСКО-АЛБАНСКОМ „ОБОРОНИТЕЛЬНОМ СОЮЗЕ"

Из имеющихся у нас достоверных данных явствует, что в период обострения отношений между Югославией и Советским Союзом, как и между Советским Союзом и Албанией (в сентябре-октябре месяцах 1968 года), высшее югославское руководство обсудило возможность заключения югославско-албанского оборонительного союза. Была высказана мысль о том, что это предложение должно быть выдвинуто югославской стороной. Однако, после длинных дискуссий и при убеждении, что оно было бы отвергнуто албанской стороной, этот вопрос был предан забвению.

Странно то, что мысль югославов совпадает с предложением Чжоу Энь-лая. По всей вероятности, югославы, по крайней мере, подсказали эту идею китайцам, если не обсуждали ее с ними по секрету.

И это последнее возможно, ибо указанное предложение Чжоу Энь-лая сопровождалось отклонением с его стороны стратегических и тактических принципов нашей обороны. Это нам стало ясно из того, что Чжоу **не проявил готовности предоставить нам тяжелое оружие; он посоветовал нам с первого же нападения врага отступить и забраться в горы для ведения партизанской войны; он посоветовал нам сотрудничать с Тито и, наконец, в целях запугивания, в довершение всего этого, сказал, что „после президентских выборов в Соеди-**

ненных Штатах Америки, весной или летом 1969 года, вы можете оказаться под угрозой".

Другими словами, Чжоу Энь-лай говорил нам: **Поторопитесь, свяжитесь с Тито, соединитесь и заключите с ним союз, в этом ваше спасение!**

1969

ВТОРНИК
29 АПРЕЛЯ 1969 г.

КИТАЙЦЫ УМАЛЧИВАЮТ О СОБЫТИЯХ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И В ЕВРОПЕ ВООБЩЕ

Китайские товарищи совершенно молчат о том, что происходит в Чехословакии, в Польше и в Европе вообще. Они совершенно не дают себя знать, ни единого слова не пишут в своих газетах и ничего не говорят в своих радиопередачах о том, что мы пишем и говорим против ревизионистов. Странно!!

Из Праги нам сообщают, что строгий надзор чехов над их посольством снят, входящие в китайское посольство не подвергаются контролю, китайцы только слушают, что они говорят, и больше ничего. Странно!!

Работники китайского посольства говорили нашим товарищам: **Наше отношение к чехам зависит от их отношения к советским, т.е. даже если бы чехи Дубчека были фашистами, „они хороши", достаточно лишь того, чтобы они были настроены против советских. Странно!!**

Что это за люди те, кто работает в китайском посольстве? Не являются ли они последователями Лю и Дэна, скандирующими „Да здравствует Мао"?! Все может быть. Или же чехи „любезно" ставят в известность официально китайцев: „Советские обижают нас в том-то и в том-то, а мы оказываем им сопротивление: мы виновны перед вами, но пока что не можем говорить об этом; мы хотим улучшить отношения с вами" и т.д. и т.п.?

Китайцы придерживаются тактики молчания, „на всякий случай" подождать, „пока не выяснится ситуация". Или они исходят из ошибочного принципа: **„Достаточно лишь того, чтобы они были антисоветчиками, а что касается того, что они, быть может, служат контрреволюции, это не так уж нас беспокоит, ибо они в Европе", и это факт, что китайская политика совершенно не интересуется Европой. Странно!!**

ВТОРНИК
9 СЕНТЯБРЯ 1969 г

НА ПРАЗДНИК НАС ПРИГЛАШАЮТ, НО ВСТРЕЧАТЬ НАС НЕКОМУ

Товарищ Нести Насе сообщил нам, что Китайская Народная Республика приглашает нас на празднество 20-летия республики. И приглашают нас, и добавляют, что „товарищи в Пекине очень заняты делами, мы готовимся к войне", что „больших торжеств не будет, но вас приглашаем, ибо вы — наши братья" и т.д. и т.п.

Странные вещи! Одним словом, они хотят сказать: „Пришлите второстепенную делегацию". Только что прибывший к нам китайский посол, с которым мы еще не виделись, „поедет в Пекин встретить нашу делегацию", ибо там, видите ли, некому встречать ее! А здесь, в посольстве КНР, говорят, что устроят большой прием, на который будут приглашать все наше руководство, но самого посла не будет. Вот уже три года, как их посольство без посла. Два предшественника нового посла арестованы, а вновь прибывший, вместо того чтобы заниматься своими делами, „поедет в Пекин встретить нашу делегацию". Очень странно они ведут себя!!

Нам следует послать делегацию, возглавляемую членом Политбюро, например, товарищем Хаки Тоска.

ПЯТНИЦА
12 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

НОВАЯ КОЛЕБЛЮЩАЯСЯ ПОЗИЦИЯ КИТАЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ

Китайский посол сказал товарищу Нести, что „мы (китайцы) в своей речи на празднике (20-летия Китайской Народной Республики) в Пекине не упомянем о советских ревизионистах, а скажем „социал-империалисты", с тем чтобы они не выходили из зала"!!

Последуйте нашему примеру, — хотел сказать этим посол.

Рита [Марко] сообщает из Ханоя, куда он поехал участвовать на похоронах Хо Ши Мина, что Ли Сянь-нянь сказал ему: „Если Косыгин подаст нам руку, мы тоже подадим ему, ибо у нас с ними дипломатические отношения"!! Рита отклонил эту мысль, и Ли Сянь-нянь был вынужден не пожать протянутую руку Косыгина. Чудеса! Чудеса!!

СУББОТА
13 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

КОСЫГИН В ПЕКИНЕ

Все вчерашние „чудеса" показали, где собака зарыта. Вчера Косыгин вернулся из Иркутска и вылетел в Пекин. Там его встретили Чжоу и Ли Сянь-нянь и, как сообщило вчера агентство ТАСС, они обсудили „обоюдополезные вопросы". Все давно было тайком подготовлено. Оказывается, их подлости нет предела!

ПОНЕДЕЛЬНИК
15 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ ВСТРЕТИЛСЯ С КОСЫГИНЫМ

Мы опасались того, что Чжоу Энь-лай может встретиться с Косыгиным в Ханое по случаю похорон Хо Ши Мина. Чжоу Энь-лай способен на такие политические пируэты. Это опасение было обоснованным, несмотря на то, что много воды утекло со времени начала Великой пролетарской культурной революции.

Советские ревизионистские предатели и их китайские союзники, во главе с Лю Шао-ци и его компанией, разоблачены. Но, несмотря на достигнутые победы, надо еще много работать над тем, чтобы закрепить эти победы и в первую очередь реорганизовать и консолидировать Коммунистическую партию Китая на марксистско-ленинском пути.

Достигнуто ли это? К сожалению, мы сомневаемся в этом. Знаем, что положение упрочилось, что дело везде идет по пути стабилизации, но, поскольку партия еще не взяла прочно в свои руки дело и руководство положением, сохраняется опасность колебаний в линии, причем больше правого, чем левого толка. Многие могут молчать, могут прикидываться „раскаявшимися", „послушными" или „перевоспитанными" до тех пор, пока не пройдет „тяжелая" волна Культурной революции, чтобы затем оживиться, возобновить работу новыми формами, новыми лозунгами, в „новых" ситуациях, под „флагом идей Мао Цзэдуна", размахивая красной

книжкой и прицепляя на грудь красную подковку с золотым портретом Мао Цзэдуна!

Одним из этих может быть Чжоу Энь-лай, поэтому мы опасались того, как бы он не устроил какую-нибудь встречу в Ханое с архиревизионистом Косыгиным. Узнав, что Чжоу уехал из Ханоя до прибытия туда Косыгина, мы обрадовались и сказали: „Вот это твердая позиция, теперь китайцы не хотят даже смотреть на Косыгина", не то что подавать ему руку, хотя бы формально, и беседовать с ним.

Позже на похороны Хо Ши Мина поехал в Ханой Ли Сянь-нянь, которому хотелось „подать руку Косыгину", но его, как сказать, остановил товарищ Рита.

Прошло и это, и мы думали, что с этим вопросом было покончено как следует. **Однако это только цветочки, ягодки впереди. Китайцы и советские давно втихомолку готовили встречу Чжоу Энь-лая с Косыгиным.**

После похорон Хо Ши Мина, по приглашению Ли Сянь-няня, Рита поехал с визитом в Пекин. Рите они ничего не говорили, нам, здесь в Тиране, тоже. В день встречи Чжоу Энь-лая с Косыгиным в Пекине, 11 сентября 1969 года, состоялась и встреча Риты с Кан Шэном и другими. Прощаясь с Ритой, Кан Шэн ответил: „Быть может, Косыгин, возвращающийся из Ханоя, остановится на Пекинском аэропорте, и даже возможно, что теперь, когда мы находимся здесь, Чжоу Энь-лай уже беседует с Косыгиным на аэропорте". Удивленный Рита говорит ему: „Как это возможно? О чем же они будут беседовать?!". Кан Шэн с величайшим бесстыдством ответил ему: „Ничего не знаем". Поскольку этот разговор нарочно состоялся в конце встречи, на этом они и распростились.

Своим „самым близким" друзьям и товарищам они не только ничего не говорили раньше об этой встрече, но и в последний час, когда переговоры уже закончились с ревизионистом, они скрывали это от нас, и лишь

два дня спустя нам сообщил об этом Чжоу Энь-лай в присутствии Кан Шэна. Все это ясно говорило о том, что относительно этих переговоров на уровне премьер-министров уже давно велись переговоры, причем китайцами даже были поставлены „условия". Такое поведение китайцев — ошибочное, это неискреннее, плохое к нам отношение.

Согласно первой радиограмме Риты, Чжоу Энь-лай сообщил ему, что он обсудил с Косыгиным следующие вопросы:

1 — **Разрешить пограничные вопросы**, а пока они не будут разрешены:

а) Сохранить статус-кво;

б) Прекратить нападения;

в) Вывести войска обеих сторон от спорных зон;

г) Пастухам обеих сторон, как и раньше, свободно передвигаться летом со своим скотом.

2 — **Разрешить вопросы железнодорожного, речного, морского и воздушного транспорта.**

3 — **Разрешить некоторые вопросы торговли.**

4 — **Обменяться послами.**

Предварительные условия китайцев относительно переговоров:

1 — **Не прекращать идеологическую полемику.**

2 — **Советские не должны нападать на китайские атомные базы, в противном случае будет война до конца.**

Согласно радиограмме Риты, Чжоу Энь-лай добавил: „Косыгин вообще принял то, что ему было сказано, и он доложит об этом руководству. Эти переговоры были проведены по указанию Мао Цзэдуна и Линь Бяо. Советские хотят переговоров потому, что их внутреннее положение характеризуется острым кризисом; Косыгин — „голубь", он трижды подавал в отставку. При помощи этих переговоров они хотят оказывать давление на Соединенные Штаты Америки. На

время будет достигнута разрядка, но сколько она будет продолжаться, это неизвестно, однако мы (китайцы) не пойдем ни на какие уступки советским".

Вот, что вкратце сообщается в первой и единственной радиограмме, полученной от Риты. Он вылетает из Шанхая на родину 16 сентября. Рита высказал им „свое первое личное мнение" о том, что они нехорошо поступили, идя на встречу такого высокого уровня, что это ошибка и она на руку советским ревизионистам, которые будут спекулировать на этом. Более подробно мы узнаем, когда сам Рита будет докладывать об этом. Но можем судить и на основе того, что мы уже знаем. Раз китайские товарищи не информируют нас, мы должны судить по имеющимся у нас данным.

Американцы передали „сенсационную" весть: **Советский Союз нападет на Китай и особенно на китайские атомные базы.** Эту весть раздували и продолжают раздувать буржуазная печать и канцелярии. Весть эта подкрепляется кровопролитными советскими провокациями на китайских границах и сосредоточением нескольких сотен тысяч советских войск (?!) вдоль столь огромной китайско-советской границы.

Возможно ли, чтобы советские ревизионисты приняли подобное решение?! Всякое бывает, но я думаю, что это просто советско-американский блеф, рассчитанный на запугивание Китая. Даже если исходить из суждений самого Чжоу Энь-лая, Советский Союз не может быть подготовлен к развязыванию войны против Китая, когда он сам охвачен кризисом, когда советское руководство расколото, когда между ним и Соединенными Штатами Америки „так много противоречий", что он добивается „смягчения своих отношений с Китаем", с тем чтобы „оказывать давление на них", тем более, если подвергнуть более глубокому анализу международное положение. Другими словами, ревизионистский Советский Союз готовится к войне, но он еще не под-

готовлен к ней, особенно против Китая, в такое время, когда у него дело не в порядке с положением внутри страны, со своими тылами и флангами, и когда у него имеются противоречия с Соединенными Штатами Америки.

Китайцы, по-моему, испугались, поколебались перед этим подстроенным огромным шантажом. К этому их привел поверхностный анализ международного положения, нереальное истолкование наличных фактов Имеющиеся у них факты, по всей вероятности, не достоверны, а они истолковывают их как „достоверные".

Китайские товарищи испугались потому, что они переоценивали силу советских ревизионистов и американского империализма.

Они (и это китайские товарищи знают) сами еще не уверены, что касается консолидации партии и государственной власти в своей стране. Именно это и пугает их, так что они стремятся выиграть время.

Y китайских товарищей вызывает колебания возрождение оппортунистско-либерально-ревизионистской линии, которую, по-видимому, Культурной революции навряд ли удалось основательно побороть и ликвидировать.

Чжоу Энь-лай всегда стоял за сделки и за компромиссы правого характера. Он говорит нам, что эти переговоры с Косыгиным состоялись „по указанию Мао и Линь Бяо". Это может быть действительно так, однако я думаю, что главным вдохновителем является он сам.

Идти на разрядку вследствие шантажа, это на руку врагу. Ты можешь сказать, что „я предупредил авантюристов, намеревавшихся напасть на наши атомные базы, что если они сделают это, с ними будет война до конца. И они отступили. Мы пришли на помощь „голубю" Косыгину, который против авантюр", и т.д. и т.п.

Во-первых, этого можно было добиться и без встречи Чжоу Энь-лая с ревизионистом Косыгиным, что возымело бы еще больший эффект, ибо отпало бы предположение „страха" и дало бы понять, что „я не поддался этому подстроенному блефу", основанному на слухах, распространяемых американцами.

Во-вторых, зачем нужно прийти на помощь „голубю" Косыгину, являющемуся таким же ревизионистским царем, что и все другие?! Почему надо содействовать уравновешению сил в советском руководстве? Зачем это надо, чтобы „смягчение отношений с Китаем" служило советским ревизионистам капиталом как внутри страны, так и на международной арене?! Зачем „ослабление и снижение напряженности" с Советским Союзом и с кремлевскими царями, с ренегатами, бандитами — как их называли и какими они являются в действительности — должно сдерживать консолидацию завоеваний Культурной революции?!

Именно в этом и заключается тяжелая ошибка китайских товарищей в столь ответственном шаге, который не останется без последствий. Что нужно было обсудить пограничные вопросы и т.д., это верно, но не на уровне Чжоу Энь-лая. Эти переговоры можно было вести на гораздо более низком уровне, и пусть они продолжали их, если им угодно, целые годы. Китайцы сами говорят: „Мы не боимся времени, оно работает на нас". Тогда зачем они поторапливаются?

Три года подряд китайская дипломатия спала глубоким сном, теперь она только что пробудилась, и ее первым сенсационным делом было подать руку русскому царю, Косыгину. Как бы ты, товарищ Чжоу Энь-лай, ни вертел этим, все равно нас не убедишь. Свинью за бобра мы не купим.

Мы будем и впредь занимать правильную, принципиальную, дружественную, братскую и благосклонную позицию в отношении Китайской Народной Республи-

ки, Коммунистической партии Китая, как и в отношении товарища Мао Цзэдуна. Наши замечания будут всегда принципиальными и основанными на фактах. Китайским товарищам, которых мы любим и уважаем, будем продолжать открыто высказывать наши мнения, как и раньше. Нам надо обсуждать и разъяснять их, как это полагается между товарищами. **Однако мы не навязываем им каких-либо из наших мнений, которые они могут считать неправильными, но им тоже не следует питать каких-либо иллюзий насчет того, что могут навязать нам какое-либо из своих неправильных мнений.**

Мы бдительно будем следить за дальнейшими последствиями этого „нового курса на ослабление напряженности в отношениях с советскими, не идя им ни на какие уступки", как об этом заявил Чжоу Энь-лай. **Мы ни на йоту не отойдем от своей линии в отношении современного ревизионизма, возглавляемого советскими ревизионистами, как и в отношении империализма, возглавляемого империализмом Соединенных Штатов Америки.**

ЧЕТВЕРГ
18 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

ОТКЛИК НА ВСТРЕЧУ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ С КОСЫГИНЫМ

Немного дней прошло со времени этой встречи, вызвавшей, естественно, большое удивление, ибо ввиду состояния отношений между Китаем и Советским Союзом, такая встреча высокого уровня была неожиданностью. Итак, встреча вызвала сенсацию, и, как таковая, она больше на руку шарлатанам, чем китайцам.

Китайцы могут утверждать: „Мы завоевали себе престиж, так как не мы поехали в Москву, а Косыгин приехал в Пекин". Это „пиррова победа", потому что даже только пропагандистские выгоды, извлекаемые советскими ревизионистами и их друзьями, компенсируют этот так называемый китайский престиж. В целях компрометирования других, советские готовы идти даже к черту и еще куда угодно, если от этого им удастся извлечь хоть малейшую выгоду. В данном случае их выгода большая даже если дело кончится этим или если эта встреча пойдет прахом. В последнем случае советские будут винить в этом китайцев, утверждая: „Мы взяли на себя труд послать в Пекин самого премьер-министра. У китайцев отсутствует добрая воля, если не больше".

Китайцы могут утверждать, что „встреча имела результаты, и кремлевские авантюристы отказались от нападения на Китай, ибо предварительным условием встречи было ненападение на китайские атомные ба-

зы, так как в противном случае Китай вступил бы в войну с Советским Союзом".

Фашисты нарушают соглашения, а не то что слова. Советские бы либо напали, либо блефовали. Все зависит от реального положения. **Мы полагаем, что сегодня, при нынешней ситуации, при нынешних конъюнктурах советские блефуют.** Китайцы, по-видимому, придерживались иного взгляда на положение, чем мы. Но если советские решили напасть на Китай, то они сделают это завтра же, если китайцы не пойдут им на большие уступки. Если они блефовали, независимо от того, что им сказали китайцы, советские ясно поняли, что китайцы приняли всерьез шантаж, испугались, пошли на переговоры, лед тронулся.

Но насколько лед тронулся, это посмотрим дальше, однако, после первоначального удивления, мировая общественность начала комментарии. Конечно, марксистам-ленинцам не понравилась эта встреча, которую они считают неправильной и нецелесообразной. **Ревизионисты прыгают от радости по поводу того, что „начались переговоры с Китаем. Постепенно мы договоримся; переговоры — хорошее дело, нужно терпение; политика Советского Союза — правильная", и продолжают этим тоном.** Конечно, они еще больше будут раздувать эту демагогию, следя также и за последствиями этой пекинской встречи.

Советские ревизионисты содействуют всему этому. Москва прекратила свои нападения на Китай, тогда как Китай обрызгивает советских насыщенной розовой водой. Советское телевидение передает встречу Косыгина с Чжоу Энь-лаем. **Я увидел эту передачу своими глазами. Особенно при прощании, они чуть ли не поцеловались, оба они жали руки друг другу и трудно было им расстаться, точно как двум любимым друзьям, не видевшим друг друга четыре года и очень тосковавшим друг по другу. До чего это скандально!!**

Мировая реакционная печать широко комментирует в пользу Советского Союза это событие. Комментарии говорят даже, что это **„явилось помощью, которую Китай оказал Советскому Союзу на международной арене, и что Громыко более уверенно может маневрировать на переговорах с американцами в Нью-Йорке".**

Американскому империализму очень выгодна в стратегическом отношении политика „разложения Китая", при таком условии, конечно, чтобы она велась в его интересах, а не в интересах советского социал-империализма. Американский империализм, несомненно, бдительно будет следить за этими последствиями, а советские, со своей стороны, будут продолжать давать американцам большие заверения, идя им на уступки. Это одна сторона дела. Другая сторона заключается в том, что советские ревизионисты сделают все возможное, чтобы дальше расширить пробитую ими в китайской крепости брешь, ибо это им нужно как для консолидации позиций правящей клики в самом Советском Союзе, так и для укрепления господствующих позиций Советского Союза над его сателлитами. Это нужно им еще и для того, чтобы подавить сопротивление и революционную борьбу народов, управлять ими в соответствии со своей экспансионистской социал-империалистической идеологией и добиться восстановления пресловутого „антиимпериалистического фронта и с ревизионистами". Это старый план Хрущева, Лю Шао-ци, а также и Чжоу Энь-лая, который с особой силой отстаивал его перед нами в Тиране и который мы бичевали и отклоняли с такой же силой.

Мы должны решительно и бдительно бороться против такого опасного поворота, если он произойдет в Китае. Занимая принципиальную и открытую позицию, мы должны высказывать наше мнение китайским товарищам, обсуждать дела с ними, ибо это есть общая и еди-

ная для всех марксистов-ленинцев линия, так что китайские товарищи не могут считать этот вопрос сугубо китайской проблемой.

Быть может, проведенная встреча не будет иметь отрицательных последствий, так как у Мао и его товарищей теперь, после Культурной революции, разгромившей ревизионистскую клику Лю Шао-ци, позиции более прочные.

Будем надеяться, что указанная встреча явилась просто нехорошо продуманной тактикой, без реалистичной оценки данных, на которых эта тактика построена.

ПЯТНИЦА
19 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

КИТАЙЦЫ ОХВАЧЕНЫ СТРАХОМ ПЕРЕД СОВЕТСКИМ ШАНТАЖОМ

Сегодня прибыл из Пекина товарищ Рита и доложил нам конкретно. **Чжоу Энь-лай, так же как и в первый период Культурной революции, как во время Лю Шао-ци, и теперь сидел на ревизионистско-оппортунистском коне и воодушевленно гнал его во весь опор.** Он был всемогущим. Его товарищи, начиная с Кан Шэна, сидели и слушали, совершенно не вмешиваясь. Это значит, что все были согласны с чепухой, которую нес Чжоу Энь-лай.

Когда Рита высказал ему свое мнение о том, что встреча с Косыгиным была неверным шагом, Чжоу Энь-лай раздраженно и нетоварищеским тоном ответил ему: **„Вы — экстремист".** Нет никакого сомнения в том, что это ревизионистское определение, данное Чжоу Энь-лаем, было адресовано всему нашему руководству.

Чжоу Энь-лай в своем изложении не принял ни малейших мер предосторожности, чтобы скрыть свои оппортунистические и противоречивые взгляды, нарочно изложенные им таким образом, чтобы дать нам понять, что нам следует ослабить напряженность с Советским Союзом.

Вот его рассуждения:

1 — Советский Союз нападет на нас, он сосредо-

точил войска, однако теперь он не в состоянии действовать.

2 — Советские руководители — дураки. Так говорил и Никсон.

3 — Советские генералы и маршалы неспособны. Так говорил и Никсон.

4 — Советское руководство расколото на „ястребов" и „голубей". Советский Союз стоит за мир, мы должны ослабить напряженность, помогать „голубям", чтобы там взяло верх течение мира, а нам (китайцам) выиграть время, чтобы вооружаться, тогда как Советскому Союзу разоружаться. (Ну и гениальная стратегия!).

5 — Советский Союз утратил авторитет и контроль над своими сателлитами. (Следовательно, Китай должен помочь ему завоевать их.)

6 — Советский Союз был дискредитирован на московском Совещании. (Следовательно, Китай должен помочь ему оправиться.)

7 — Советский Союз должен оказывать давление на Соединенные Штаты Америки. (Следовательно, Китай должен помочь ему в этом.)

Перечислив все это, Чжоу Энь-лай заключил, что снижение напряженности — дело полезное.

Возникает вопрос: Кому это полезно? По мнению Чжоу Энь-лая — Китаю. По нашему мнению — Советскому Союзу и ревизионистской фракции в Китае, как и современному ревизионизму во всем мире. Это понятно и детям, не то что политически мыслящим людям. Именно за такие позиции боролись, борются и будут бороться империализм и его агентура — современный ревизионизм.

Чжоу Энь-лай старался скрывать этот грязный путь фразерством, пустыми лозунгами или историческими событиями прошлого, но этот его путь ничего общего не имеет ни с революционной марксистско-ле-

нинской тактикой, ни с революционной марксистско-ленинской стратегией и его даже нельзя сравнивать с событиями прошлого.

Две вещи ясны:

1 — Китайцы охвачены страхом и идут на принципиальные уступки.

2 — Китайцы охвачены страхом перед советским шантажом, и ревизионистскому китайскому крылу, замаскированному Культурной революцией, известен этот блеф, ему известно также и неконсолидированное внутреннее положение. Поэтому это ревизионистское крыло использует ситуации для укрепления своих позиций в государстве и в партии под флагом Мао и одновременно помогает своим друзьям — советским ревизионистам, переживающим большие трудности как внутри Советского Союза, так и на международной арене.

В Китае много говорят о мерах по подготовке к войне, а также о повышении бдительности. Это очень хорошо. Об этом говорил и Чжоу Энь-лай. Но какая тут бдительность, когда ты полностью утратил главное, идейно-политическую бдительность?

Чжоу Энь-лай был настолько раздраженным во время беседы с товарищем Ритой и отстаивал свои мысли с таким жаром (конечно, и потому, что был рассержен на Риту, разумеется, на наше руководство, отклонившее его взгляды), что, хотя он и пригласил Риту на банкет, не провозгласил ни одной здравицы за наше руководство. Неужели это было просто забвением? Не верю. Было давлением. Если он „забыл", то почему ему не напомнил Кан Шэн?! Было много способов.

Утром следующего дня как Кан Шэн, так и Ли Сянь-нянь, каждый в отдельности, остановили товарища Риту в аэропорте, перед его отлетом, и от имени Чжоу Энь-лая просили у него прощения за то, что тот

вчера вечером на банкете „забыл" провозгласить здравицу за здоровье товарища Энвера и т.д. Вот на какие хитросплетения они способны.

Однако они продолжают прибегать к хитросплетениям. То, о чем я говорил выше, произошло с товарищем Ритой 12 сентября. 18 сентября китайский посол у нас устроил обед в честь Правления Общества китайско-албанской дружбы и, к нашему удивлению, и он также не поднял тост за наше руководство, хотя ему и следовало сделать это. Это нас удивило, так как мы еще не знали, что подобное произошло с товарищем Ритой в Пекине. Но теперь монтаж понятен: китайский посол поступил так, для того чтобы и его гости не провозглашали здравицу за Мао Цзэдуна и чтобы он, пользуясь этим случаем, мог доложить, что албанцы не поднимали тост за Мао. Чжоу Энь-лай известит об этом руководство, но при этом скажет: „Албанцы — мстительны, так что мы квиты; я, Чжоу Энь-лай, сделал это ненароком, тогда как албанцы сделали нарочно". Какие интриги!! Иначе нельзя объяснять такие вещи, которые не должны иметь места.

Таковы, вкратце, основные вопросы, вытекающие из беседы товарища Риты, но есть и другие, многочисленные подробности, которые занесены в протоколы заседания нашего Политбюро и которые также важны.

Мы должны найти способ выразить китайским товарищам нашу четкую и открытую точку зрения по этому вопросу, имеющему большое значение не только для Китая, но и для нас, и для наших общих и совместных позиций. Мы скажем им об этом по-товарищески, задаваясь целью помочь им положить конец этому нездоровому курсу, который может иметь тяжелые последствия как в самом Китае, так и в мировом масштабе. Мы надеемся, что китайские товарищи и особенно товарищ Мао правильно и по-товарищески поймут наши замечания и цели.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
21 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

У КИТАЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НЕТ СТАБИЛЬНОСТИ

Китайские послы (в том числе и китайский посол в Тиране, который не заводит разговоров на эту тему), где бы ни встречались с нашими людьми, притворяются, будто не информированы своим центром в Пекине о встрече Чжоу Энь-лая с Косыгиным. По-моему, этого не может быть. Какой-нибудь китайский посол, как тот в Париже, говорит нашему послу: „Это лицемерие советских". Но задается вопрос: Зачем состоялась встреча? И он сам дает вульгарный ответ: „Премьер-министра на аэропорте встречает премьер-министр"! А в другой стране китайский посол спрашивает нашего посла: „Что говорят в дипломатических кругах об этом событии?". Китайская печать и радио проявляют нерешительность в пропаганде против советских ревизионистов. Они то ведут эту пропаганду, то прекращают; то ослабляют ее, то усиливают; у них нет стабильности. Посмотрим, что будет дальше.

ЧЕТВЕРГ
25 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

КАК РАЗДУВАЮТ СОВЕТСКИЙ ШАНТАЖ ПРОТИВ КИТАЯ?

Пекинская встреча Чжоу Энь-лая с Косыгиным стоит в повестке дня мировой общественности. Телеграфные агентства капиталистических стран, американская и западная империалистическая печать продолжают прибегать ко всякого рода спекуляциям и предположениям, притворяются, будто ничего не знают о сути встреч, но дают понять, что и знают, и якобы догадываются и в то же время измышляют, косвенно дают советы, предлагают меры и ответные меры.

После указанной встречи советская печать на время „прекратила полемику" с Китаем. Западные агентства сделали упор на это, чтобы показать „благосклонность и миролюбивость Советского Союза". Китайская же печать полемику не прекратила, но зато нюансировала ее: Косыгин был отделен от Брежнева, атакам подвергались только последний и ренегатская кремлевская клика, иной раз велась полемика больше экономического характера, нежели политического. **Чжоу Энь-лая советские либо подвергали атакам редко, либо совсем не подвергали им. Их атаки направлялись против Мао и Линь Бяо.**

Итак, можно прийти к предварительному заключению, что этот компромисс дал первый результат: „Косыгин — человек разумный, он экономист, миролюбив и с ним можно начинать переговоры". Поэтому китай-

ской стороне следует прекратить нападки на него. А со стороны советских не было нападок на Чжоу Энь-лая. Итак, появились протагонисты „переговоров", которым, конечно, „не легко будет", ибо, по мнению китайцев: „Косыгину противостоит бешеная оппозиция Брежнева и авантюристически настроенной военщины", а „Чжоу Энь-лаю, по словам советских, противостоит бешеная оппозиция Мао, Линь Бяо и авантюристически настроенной военщины". Так что, по их мнению, надо опираться на эти данные и сделать так, чтобы лед тронулся.

Китайцы уже сделали первый шаг, они нападают не на Косыгина, а на кремлевскую клику, тогда как советские на две недели прекратили полемику с „кликой Мао". Тем не менее, по-видимому, заметив, что дело с дальнейшими переговорами не клеится, Москва начала писать кое-какие статьи против „клики Мао".

Что происходит за дипломатическими кулисами между Советским Союзом и Китаем в связи с теми проблемами, о которых сам Чжоу Энь-лай сказал Рите, что будут переговоры и что будет достигнута разрядка? Мы не знаем ровно ничего. Китайские товарищи совершенно ничего не дают понять.

Будет ли продолжена пекинская встреча? Этого с уверенностью мы не можем сказать. Если бы дело полностью зависело от Чжоу Энь-лая, то продолжение будет, и оно будет в пользу сближения Китая с Советским Союзом порочным, антимарксистским путем. Но может и не быть, и все это событие кончится ничем. Люди раскусят советский блеф и шантаж, поймут опасность этого оппортунистического шага, тормозящего Культурную революцию и укрепляющего позиции китайских ревизионистов внутри страны и за ее пределами. Следовательно, будет положен конец этим опасным действиям, удушив их еще в зародыше.

При этих неизвестных нам ситуациях дипломаты

из ревизионистских стран останавливают наших дипломатов и все, одинаково, как будто получили указания из одного и того же центра, с энтузиазмом высказываются о пекинской встрече, говорят им, что „она открывает хорошие перспективы для единства, для борьбы против империализма", что „вы, албанцы, должны последовать примеру Китая" и т.д. и т.п.

С этим вздором они обращаются и к китайским послам, но, конечно, им преподносят его, изобильно приукрасив „сахаром и хвалой", а те (китайские послы) все это передают Чжоу Энь-лаю, который принимает его всерьез, то есть, понимая его так, будто „сателлиты Советского Союза готовы бросить клику Брежнева, поэтому у встречи положительные стороны, поэтому ..." и т.д. и т.п.

С другой стороны, советские ныне проводят очень большие военные маневры в Польше. Какие цели преследуют они, проводя эти маневры? Напугать своих сателлитов, говорить Китаю: „Давайте продолжим диалог, так как опасность для нас в Европе". Или же говорить Соединенным Штатам Америки: „Мы пойдем на уступки Китаю, поэтому делайте и вы тоже самое". Или дать Китаю понять: „Мы в состоянии нанести удар и тебе, и Соединенным Штатам Америки, поэтому давайте продолжим начатый диалог". Одним словом, советские ревизионисты раздувают шантаж и страх.

Капиталистическая же печать поет на иной лад, она делает все *fait accompli* и выражает свои желания: „Мао номер или умирает, Линь Бяо болен, Чжоу Энь-лай прибирает власть к своим рукам в Китае, так что дело идет к оттепели, как это случилось в Советском Союзе после смерти Сталина". И преподносит цветы Чжоу Энь-лаю!

Реакция использует все. Посмотрим, что произойдет. Лондонское радио сообщило вчера, что по случаю 20-летия Китайской Народной Республики китайский

представитель „пригласил четырех министров английского правительства, но они не пойдут, так как и китайцы не пошли, когда были приглашены по случаю дня рождения Королевы Елизаветы".

Мы знаем только одно, которое сам Чжоу Энь-лай сказал нам: „с советскими поддерживаем дипломатические отношения и обменяемся послами, ослабим напряженность; с Соединенными Штатами Америки уже пятнадцать лет ведем переговоры; почему не делать то же самое и с Англией, Индией, Индонезией?" и т.д.

Посмотрим, как будут развиваться события, как будут идти дела — на каких основах, по каким принципам, и тогда, на основе данных, мы выразим свое мнение. До сих пор мы все свои суждения основываем на фактах. Так будем поступать всегда.

Встреча Чжоу Энь-лая с Косыгиным характеризовалась той же политической и идеологической оплошностью китайской стороны, той же поспешностью в действиях, что и молниеносная поездка Чжоу Энь-лая в Москву после снятия Хрущева с руководства. И тогда Чжоу Энь-лай в беседе с нашим послом выказал неописуемую кичливость и нетерпимость, открыто заявив ему, что „настало время улучшить отношения с советскими".

И на этот раз Чжоу Энь-лай с такой же невиданной кичливостью обозвал товарища Риту „экстремистом" и открыто заявил, что „мы будем идти по пути снижения напряженности с советскими, и это — полезное дело". Как в первый, так и во второй раз, Чжоу Энь-лай скрывался за Мао, не забывая отметить, что „эти шаги мы предпринимаем по приказу товарища Мао Цзэдуна".

Тем не менее, мы, как марксисты-ленинцы, высказывали и всегда будем высказывать наше мнение, даже в случае, если оно идет вразрез с мнением кого бы то ни было. Только открытая и принципиальная дискус-

сия, основанная на фактах и проводимая на марксистско-ленинском пути, может переубедить нас, побудить нас изменить наше мнение, если мы допустили ошибку; мы не поддадимся ни демагогии, ни угрозам, ни шантажу.

ВТОРНИК
30 СЕНТЯБРЯ 1969 г.

КИТАЙЦЫ НЕ ГОВОРЯТ О СОВЕТСКОМ РЕВИЗИОНИЗМЕ

В Пекине, в речах и в тостах, не упоминаются ни советский ревизионизм, ни клика Брежнева-Косыгина, а говорится только о социал-империализме. Китайский же посол в Тиране говорит против советского ревизионизма, не называя имен. Это последствия встречи Косыгина с Чжоу Энь-лаем. **Позицию, которую они занимают у нас, можно считать „вторичной", не так уж важной, „локальной позицией", что, по китайской дипломатии, означает „нераздражающей для советских" и „удовлетворительной для албанцев".**

СРЕДА
1 ОКТЯБРЯ 1969 г.

БЕСЕДА С КИТАЙСКИМ ПОСЛОМ

После того, как китайский посол произнес речь и поднял тост в честь праздника 20-летия провозглашения Китайской Народной Республики, я завел разговор о встрече, состоявшейся в Пекине между Чжоу Энь-лаем и Косыгиным. Он, по-видимому, ждал этого: я заметил, что его переводчик, который немного раньше, ничего не записывая, переводил ему на ходу все, что я говорил, когда я начал говорить об этом вопросе, вынул авторучку и тетрадку. Тем лучше, но это зависит от того, насколько он верно переводил мои слова.

Конечно, я сделал предисловие, потом вошел в тему. Я ему сказал приблизительно следующее: Товарищ Рита доложил нам о беседе, которую он имел в Пекине с товарищем Чжоу Энь-лаем. **Откровенно, как товарищи, говорим вам, что мы не нашли ни правильной, ни целесообразной неожиданную встречу, которую Чжоу Энь-лай имел в Пекине с Косыгиным.** Нам кажется ошибочной эта встреча столь высокого уровня при этих благоприятных для Китая и неблагоприятных для советских ревизионистов условиях и конъюнктурах. Называя ошибочной эту встречу и силу вышеприведенных причин, мы не считаем, что вы не должны вести переговоры с советскими о проблемах, которые товарищ Чжоу Энь-лай изложил товарищу Рите, но думаем, что эти переговоры не следовало вести столь поспешно, к тому же их надо было вести на гораздо

более низком уровне. Во всем этом событии и вообще при каждом событии перевес должен быть на нашей стороне, на стороне марксистов-ленинцев, надо чтобы от них выигрывали мы, а не наши враги.

Мы думаем, что этот поспешный и нецелесообразный поступок китайского руководства вроде пошел на руку советским ревизионистам, переживающим большие затруднения как внутри страны, так и на международной арене, и они, как и международная реакция, слишком раздувают это событие, конечно, в пользу „мудрой, дальновидной и терпеливой политики Советского Союза".

Эти выводы мы извлекаем из их печати, из западных телеграфных агентств и из встреч дипломатов различных стран, и особенно ревизионистских, с нашими дипломатами. Ревизионистские дипломаты одержимы сильной эйфорией; по их мнению, „все уже налажено с Китаем"; теперь „остается наладить дела только с Албанией".

Но ведь мы знаем, что Китай Мао Цзэдуна не наладил дела с советскими и другими ревизионистами и, как заявляет Китай, он никогда не примирится с ними. Будет непрерывная принципиальная идеологическая борьба до окончательного разгрома советских ревизионистов и современного ревизионизма.

Затем я долго говорил китайскому послу о единстве мнений между обеими нашими партиями на основе марксизма-ленинизма. Я отметил ему, что открытое, искреннее обсуждение проблем, которое мы, как марксисты, провели с Мао, Чжоу Энь-лаем, Кан Шэном и другими, также привело к упрочению нашего единства. Говорил я ему также о правильной линии Мао и Коммунистической партии Китая, о Культурной революции. о достигнутых в Китае больших успехах, о нашем совместном шествии вперед рука об руку как в хорошие, так и в ненастные дни.

Я сказал ему, что мы должны проявлять бдительность по отношению к врагам — советским ревизионистам и американскому империализму, что мы должны быть вооружены, чтобы встретить любое бедствие во всеоружии и сообща, ибо так мы победим.

Я выразил послу также наше мнение о том, что в этих ситуациях, в этих конъюнктурах советские ещё не подготовлены к войне против Китая. Сегодня они в этом отношении блефуют, они будут прибегать к шантажу.

Посол выслушал меня и в ответ поблагодарил. Единственно, что он смог сказать, это то, что „я (посол) на первых порах не правильно понимал Культурную революцию. Позже я убедился, и верю товарищам Мао, Линь Бяо и Чжоу Энь-лаю. Мы, китайцы, многому учимся у вас, товарищ Энвер. Наша дружба ..." и т.д. и т.п.

Ужин прошел очень хорошо и очень тепло.

СРЕДА
8 ОКТЯБРЯ 1969 г.

КРЕМЛЕВСКИЕ ЦАРИ СТАЛИ ДЛЯ КИТАЙЦЕВ „ЧЕСТНЫМИ МАЛЫМИ"!

Китайцы опубликовали вчера коммюнике, в котором сообщают, что они готовы начать в Пекине переговоры с советскими на уровне заместителей министров. В коммюнике подчеркивалось, что „китайцы никогда не предъявляли территориальных притязаний к Советскому Союзу". В нем говорится о „переговорах по торговым вопросам и о других проблемах".

Встреча Чжоу Энь-лая с Косыгиным уже приносит желаемые ими плоды. Отношения, конечно, будут расширяться в духе пресловутого „мирного сосуществования", благодаря которому кремлевские цари, ренегаты, за одну ночь, с вечера до утра, стали „честными малыми". Как это запечатлено и в фотографии, изображающей встречу Чжоу с Косыгиным, китайцы жмут Косыгину руку не одной, а обеими руками, не выпуская ее, так сильно они любят его и так истосковались по нему!

Думаю, что наше радио и наша печать должны игнорировать китайское коммюнике о начале переговоров с советскими, так же, как они игнорировали и встречу Чжоу Энь-лая с Косыгиным. И это оттого, что, если мы сообщим о нем, то должны сообщить и обо всем том, что последует за этим, а таких событий будет не мало. С другой стороны, продолжение наших нападок против советских ревизионистов как и раньше и

даже сильнее, сделает еще более явными наши противоречия в отношениях с Китаем. Или другой вариант: передать очень-очень короткое сообщение. Впрочем у нас будет время подумать над этим.

ВТОРНИК
14 ОКТЯБРЯ 1969 г.

ЧЭНЬ БО-ДА ОБОШЕЛСЯ ТЕПЛО С НАШЕЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ

Товарищ Хаки [Тоска] доложил нам, что, в общем, был принят хорошо; особенно в народе, в провинциях его встречали очень хорошо, исключительно тепло, любезно, как всегда. Чэнь Бо-да, который проводил его до Нанкина, проявил к нему большую чуткость, большую любезность, большую теплоту.

В Пекине, на празднике, отдавало немножко „новым протоколом". Мао и Линь Бяо он встретил мимоходом на трибуне Тяньаньмыня, так как они „были очень заняты делами".

Наша делегация имела переговоры с Чжоу Энь-лаем и Кан Шэном. Чжоу Энь-лай защищал свои взгляды, Хаки — наши. Каждый остался на своих позициях относительно встречи Чжоу с Косыгиным. Что касается других вопросов, то обе стороны были согласны.

Расстались они, как всегда, „в атмосфере искренней товарищеской любви", хотя, быть может, имеется и какое-либо противоречие. Хаки доложил об экономических достижениях Китая и об успехах Культурной революции. Это очень обрадовало нас, так как их успехи являются и нашими успехами.

ПЯТНИЦА
17 ОКТЯБРЯ 1969 г.

НЕЧТО НЕВЕРОЯТНОЕ

Вроде конфиденциально, посол Китая сказал мне, что в беседе, которую товарищ Линь Бяо имел с ним, сказал ему, что в период Великой культурной революции Китай добился огромных успехов, особенно в экономической области, так что „в течение двух будущих лет мы достигнем во всех областях высочайших мировых уровней".(!) И это он говорил серьезно. (!) Неужели они столь наивны?! Или же считают нас простофилями?!

СУББОТА
18 ОКТЯБРЯ 1969 г.

КИТАЙЦЫ ВЫСТУПАЮТ В РОЛИ АДВОКАТОВ ТИТО

Китайский посол и его советник, во время ужина, устроенного ими для некоторых работников нашей печати и радио по случаю ввода в эксплуатацию здания агентства Синьхуа в Тиране, сказали им, что „тезис о том, что Тито является агентом империализма, не соответствует времени"; а ответственный работник Министерства иностранных дел сказал в Пекине Хаки, что „Тито был жертвой", понятно чей. Наши товарищи дали им заслуженный ответ; тем не менее эти тенденции китайских товарищей нам представляются странными. **Быть начеку!**

СРЕДА
29 ОКТЯБРЯ 1969 г.

СТАРАЯ ТАКТИКА В ПОЛЕМИКЕ

Китайцы прибегли к старой тактике. С тех пор, как в Пекине находится делегация Советского Союза, возглавляемая Кузнецовым, они сами прекратили полемику с советскими ревизионистами. Но несколько дней назад, „задним числом", они поместили ту часть из речи Халима Будо в ООН, в которой разоблачаются советские. Как сообщает наш посол в Пекине, советским и другим аккредитованным там ревизионистам пришелся не по сердцу „этот китайский маневр", и они, безусловно, „пожаловались". Посмотрим, „тронула ли сердца" китайцев их „жалоба"? Будут ли они продолжать свой маневр? Будут ли они публиковать важнейшие части из речи Мехмета, произнесенной в Берате по случаю 25-й годовщины создания Демократического правительства Албании?

ЧЕТВЕРГ
30 ОКТЯБРЯ 1969 г.

ВСТРЕЧИ ЗА ВСТРЕЧАМИ В ПЕКИНЕ

Вот уже десять дней, как китайцы и советские проводят встречи за встречами в Пекине. Нас, „ближайших союзников Китая", совсем не ставят в курс того, о чем беседуют с нашими общими врагами. Видимо, Чжоу Энь-лай рассержен тем, что мы не разделили его взгляда на встречу с Косыгиным, и он в претензии на нас за то, что мы не рекламировали эту встречу. Тем не менее, нам все равно, **но и если это будет началом того, что нам не будет все равно, по тем принципиальным вопросам, к которым китайцы подходят неправильно, мы не держим и никогда не будем держать сторону Чжоу Энь-лая.** То, что они говорят „делайте нам замечания", звучит пустословно, ибо, если фактически сделаешь им замечания, то они обидятся.

С Кремлевской трибуны, на митинге, ренегат Брежнев говорил экзальтированным тоном „о вечной советско-чехословацкой дружбе" и засыпал цветами своих лакеев, чехословацких квислингов Гусака, Свободу и т.д., которые поставили Чехословакию под пяту советских оккупантов. С этой трибуны Брежнев не преминул мягко, слащаво и доброжелательно говорить и о советско-китайской дружбе, о постоянной готовности советских добиться того, „чтобы эта дружба процвета-

ла и закалялась на благо обоих народов и социализма", и он надеется, „что так и будет после встречи тов. Косыгина с тов. Чжоу Энь-лаем". Встреча товарища с товарищем!!

ВОСКРЕСЕНЬЕ
2 НОЯБРЯ 1969 г.

ГЛУБОКАЯ ТАИНСТВЕННОСТЬ ВОКРУГ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В ПЕКИНЕ

На обеде, который китайский посол устроил здесь, в Тиране, для некоторых наших товарищей, он ни словом не обмолвился о том, как идут переговоры, проводимые ими в Пекине с советскими. Глубокая таинственность! Только конфиденциально он сказал, что „на устроенном китайцами обеде для советских, Кузнецов и другие съели все, что было на столе". Тоже мне посол! Советская буржуазия так изголодалась, что ждала китайского обеда для утоления голода!

Допустимы ли подобные глупости? А с другой стороны, поддерживают положение о том, что „опасность советского нападения на Китай является слишком угрожающей и даже непосредственной". Этим, быть может, они хотят оправдать переговоры и сближение о ними.

ВТОРНИК
4 НОЯБРЯ 1969 г.

КИТАЙЦЫ СНЯЛИ И ЭПИТЕТ „СОЦИАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМ"

Се Фу-чжи, член Политбюро Коммунистической партии Китая, выступая на национальном празднике Алжира, совсем снял и эпитет „социал-империализм". Видимо, их дела с советскими идут на лад. О празднике в Берате и произнесенной там Мехметом речи не сообщали, хотя бы в виде весточки, ни Синьхуа, ни „Жэньминь жибао". Это признак порочного пути, на который вступают китайцы. Посмотрим!

СУББОТА
8 НОЯБРЯ 1969 г.

НА УЖИНЕ, УСТРОЕННОМ ДЛЯ НАШЕГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕКИНЕ

Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, Чжоу Энь-лай, Кан Шэн, Чэнь Бо-да, Цзян Цин и т.д., устроило ужин для персонала нашего посольства в Пекине по случаю праздников Октябрьской социалистической революции и основания Албанской партии Труда. Всю беседу вела Цзян Цин. Иногда говорил и Чжоу Энь-лай, очень мало — Кан Шэн, совсем — Чень Бо-да. Стержнем беседы было то, какое звание надо присвоить Мао: „Славный учитель", „великий учитель" или же просто „учитель". Конечно, „ничего не было решено". О советско-китайских переговорах — ни слова. О Советском Союзе отзывались дурно. Это было хорошо.

ЧЕТВЕРГ
20 НОЯБРЯ 1969 г.

ЗНАКОМАЯ ТЕОРИЯ

Китайский посол в Тиране Гэн Бяо якобы поставил в известность товарища Нести о пекинских переговорах между китайцами и советскими. Он сказал ему: „Хотя мы и хотим добиться какого-нибудь результата, переговоры ничего не дают, так как советские не хотят этого. Ничего другого, кроме пограничных вопросов, не обсуждается". Вот и все, что он сказал ему, затем полчаса он говорил о целесообразности переговоров и стал распространяться: **„Так делали и поляки, так поступил и Сталин с Гитлером, чтобы выиграть время.** И мы хотим выиграть время, вооружаться, ибо на нас нападут советские". Знакомая песня!

ВОСКРЕСЕНЬЕ
23 НОЯБРЯ 1969 г.

ТОЛЬКО ЛИ СЯНЬ-НЯНЬ, ЧТО ЛИ, ДОЛЖЕН ПРИЕЗЖАТЬ В АЛБАНИЮ?

Сегодня Пекин сообщил, что китайскую делегацию, которая приедет для участия в празднествах 25-летия освобождения родины, будет возглавлять Ли Сянь-нянь. Уже четвертый или пятый раз Ли Сянь-няня присылают во главе китайских делегаций, приезжающих к нам, как будто у такого огромного Китая нет других товарищей, которые также могли бы приезжать и видеть Албанию. Это, по крайней мере, странно. Для нас это не важно, но у нас возникает вопрос: только Ли Сянь-нянь, что ли, должен приезжать в Албанию? Он проведет у нас только неделю, так что фактически у него останется только один день для поездки по Албании. Пусть поезжает посмотреть ГЭС Вау-и-Деес, которую он не видел!

СРЕДА
3 ДЕКАБРЯ 1969 г.

ЛИ СЯНЬ-НЯНЬ НЕ ИМЕЛ НИКАКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕСЕДЫ С НАШИМИ ТОВАРИЩАМИ

Ли Сянь-нянь приехал и уедет немым, как рыба. Ни с кем из наших товарищей он не вступил ни в малейшую политическую беседу, совсем, совсем. Мы полагали, что он скажет что-нибудь на встрече со мной, но он ничего не сказал, хотя своей беседе я придал политический и очень дружественный характер. С величайшим бесстыдством он представил мне по одному членов делегации, независимо от того, что я их знал, и в конце сказал: „Когда я прибыл в Румынию, на аэропорте меня спросили: Как идут переговоры с советскими? И я ответил, что они не хотят, чтобы эти переговоры были преданы гласности". Сказав это, всего и больше ничего, Ли Сянь-нянь посмотрел на часы и попросил разрешения уйти под предлогом того, что „вы очень заняты делами". То же самое произошло во всех манифестациях, вплоть до их выставки, где он, как компетентный человек, мог говорить об экономике Китая. Тут могут быть две причины: либо ему советовали так вести себя, либо же он боится говорить, так как в Культурной революции ему намяли холку. Если верно последнее, то зачем послали к нам эту мумию?! Мы хотели вести переговоры, но и от них он отказался, заявив: „Мы, с нашей стороны, не имеем чего-нибудь нового". Увидев как обстоит дело, и мы махнули на не-

го рукой. Но во всем дело наше на мази. А они остаются опозоренными и двусмысленными.

Сегодня мы дали прощальный ужин для Ли Сянь-няня, который в своей речи употребил обычные формулы. Никакая идея не была подана, никакая проблема не была выдвинута с его стороны.

ЧЕТВЕРГ
4 ДЕКАБРЯ 1969 г.

ЭТО МЫСЛИ НЕ ОДНОГО ТОЛЬКО ЛИ СЯНЬ-НЯНЯ

В беседе по дороге в Фиер Ли Сянь-нянь дал понять Мехмету, что они готовятся к войне, следовательно, военная промышленность главенствует в Китае, что китайцы помогают Южному и Северному Вьетнаму, которому нанесен тяжелый урон, и что их (старая песня) занимает вопрос о рабочей силе у нас, они опасаются того, как бы мы не обедняли деревню! Всеми этими рассуждениями он хотел сказать нам: „Больше не просите помощи у нас". Высказываясь, он подчеркивал, что „это были его мысли", каких у него много, но до сих пор не высказывал ни одной. Мы знаем, что это не только его мысли. Мехмет дал ему ответ.

ПЯТНИЦА
5 ДЕКАБРЯ 1969 г.

ЗЛОНАМЕРЕННЫЕ И ПРОВОКАЦИОННЫЕ ЦЕЛИ

В Фиере заместитель главы китайской делегации (военный) устроил низкопробную провокацию. С величайшим бесстыдством он сказал Хаки: „Вы хорошо одеваетесь и хорошо питаетесь, а мы, вот посмотри, одеваемся в парусиновую одежду". Ну и Хаки ответил ему, как он того заслуживал: „Костюм, в который я одет, — сказал ему Хаки, — не из шерстяной, и не из хлопчатобумажной, а из синтетической ткани. Парусина же твоего костюма — хлопчатобумажная и, если позволишь (и он маленько засучил штанину его брюк), то, что ты надел (кальсоны) и та фуфайка, что у тебя под рубашкой — шерстяные, а у меня (Хаки приподнял штанину своих брюк) таких нет. Y меня под рубашкой (и он расстегнул пуговицу своей рубашки), как видишь, только хлопчатобумажная майка. И шерстяного свитера у меня нет. Итак, ваша одежда дороже нашей. А что касается питания, — сказал он ему, — если ты делаешь выводы из ужина, который мы устраиваем таким друзьям, как вы, могу сказать, что, когда я был в Китае, китайские товарищи не знали чем еще угощать меня, и столы были завалены блюдами. Вы оба вопроса ставите неправильно, ибо мы не только против роскоши, — это само собой разумеется, — но и очень экономны и рациональны в употреблении добра".

Ли Сянь-нянь, с другой стороны, мимоходом попытался винить Мехмета в том, что якобы он отказал-

ся вести переговоры, между тем как именно он, Ли Сянь-нянь, отказался от переговоров.

Указанная китайская делегация была самая негативная, самая отвратительная делегация, она преследовала злонамеренные и провокационные цели. Но мы не потеряли хладнокровия.

СУББОТА
6 ДЕКАБРЯ 1969 г.

ЛИ СЯНЬ-НЯНЬ И ЕГО ДЕЛЕГАЦИЯ

Мы ожидали, что от нашего „великого, дорогого, марксистско-ленинского" союзника на наш великий праздник 25-летия освобождения приедет делегация, достойная глубоких, чистых, искренних чувств и великой любви, которые мы питаем к народному Китаю, к его Коммунистической партии и к председателю Мао. **Кого же они прислали? Кто приехал во главе делегации? Хмурый человек, человек, который был подвергнут настолько суровой критике в Культурной революции, что мы диву даемся, каким это образом он занимает этот пост (только в Китае бывают такие „чудеса" даже тогда, когда проводятся „революции"), человек, который никогда не был искренен и доброжелателен в отношении Народной Республики Албании и марксистско-ленинской линии нашей партии. Этим человеком был Ли Сянь-нянь, друг и правая рука Чжоу Энь-лая, который наверняка не только спас его от чисток, но и сохранил ему прежний пост и даже еще больше поднял его престиж и власть.**

Ли Сянь-нянь приехал, значит, в Албанию больше в качестве посланника Чжоу Энь-лая, чем посланника Коммунистической партии Китая. Он поступал и вел себя у нас так, как наказал и приказал ему Чжоу Энь-лай. Он так дурно вел себя с нами, что и сам Чжоу Энь-лай никогда не вел бы себя так, ибо он очень умный человек и большой дипломат. А Ли Сянь-нянь то,

что у него было на сердце и в голове, ясно выражал не только лицом, но и словами, действиями, поведением, жестами. На него была возложена весьма неблаговидная, дурная, провокационная, недружественная миссия.

Итак, китайская делегация со всех точек зрения была негативной. Только благодаря хорошей работе и организованности нашей стороны все это не стало известно общественности. Этому ее поведению, которое мы уловили, во всех случаях и при всех его проявлениях мы противопоставили достойное поведение и дружественную атмосферу. Тем не менее члены делегации нашли способ и подстроили повод (без повода) для провокации.

Конечно, мы понимаем эти явления, они не случайны, они представляют собой подземные проявления принципиальных противоречий, которые могут существовать внутри Китая и Коммунистической партии Китая, проявления жестокой борьбы между группами, которые не только не ликвидированы в Китае, но и развиваются и обостряются и имеют последствия и для нас, сказываются и в отношениях с нами.

В Китае имеются люди — замаскированные ревизионисты, которые несогласны с правильной, последовательной, революционной, марксистско-ленинской линией нашей партии, и которым не по душе тот престиж и тот авторитет, который завоевала и с каждым днем завоевывает наша партия в международном коммунистическом движении. Они тщетно пытаются заставить нас принять некоторые положения и взгляды, политически и идеологически ошибочные как в их внутреннем, так и в международном плане, чтобы создать впечатление, будто наша партия является хвостом их партии и фактически сделать ее таким.

Нас, конечно, так легко на эту удочку не поймаешь. Мы не только сохраняем независимость и лич-

ность нашей партии, не только отстаиваем нашу линию, но и развиваем ее марксистско-ленинским путем, а такое развитие само собой выставляет напоказ наши противоречия с ними по многим вопросам.

Мы по-товарищески разъясняли им наши взгляды на многие вещи. Они одобряли их, не возражали против них, ибо они были обоснованными, принципиальными взглядами, однако, по сути дела, довольными они не остались. Скромными они кажутся, но очень скромными не являются, особенно некоторые руководители Коммунистической партии Китая. Они просят, чтобы им делали замечания, но в действительности из-за критических замечаний делают очень кислую мину, а некоторые из них даже таят злобу и мстят, когда это им удается.

Однако это факт, что все эти противоречия не являлись предметом открытого обострения, за исключением наших открытых возражений, когда они дважды пытались добиться того, чтобы мы договорились с советскими. Мы категорически отвергли эти попытки. В обоих случаях они поступали по своему усмотрению, но, наконец, встали на наш путь. Это, конечно, вызвало у некоторых китайских руководителей возмущение против нас, так как мы не последовали за ними, что и задело их гордость, ведь как это возможно, мол, чтобы „великие руководители великой партии" встали на путь и разделили взгляды „малой", к тому же „непослушной партии".

Китайским товарищам стало не по себе и настолько обиделись на нас, что Чжоу Энь-лай даже обозвал нас „сектантами" за то, что мы не были согласны и не одобрили его пекинскую встречу с Косыгиным, и, с другой стороны, мы высказали мнение о том, что „для урегулирования пограничных вопросов вести переговоры надо, но на низких уровнях". Китайцы обиделись и во всеуслышание заявили, что „это было решение

Мао Цзэдуна". **Однако мы можем быть против и этого решения Мао Цзэдуна.** Они не могут представлять себе подобного, хотя всю жизнь, и конспиративно и открыто, не раз они выступали и выступают против линии Мао Цзэдуна. Быть может, это решение было принято Мао; но это другие внушали ему и желали встречаться с советскими.

Тем не менее, мы не делали трагедии из этого вопроса, сказали им это хладнокровно, по-товарищески, тепло, сказал я сам, сказали также товарищ Рита и товарищ Хаки, находившиеся в Пекине. Они сделали свое, мы — свое и игнорировали эту проблему; они прекратили полемику с советскими. Однако, промолчав месяц, они встали на наш путь, возобновили ее. Встреча, видимо, ни к чему не привела.

Мы полагаем, что некоторые китайские руководители не могут забыть этой нашей позиции, тем не менее у них не было причин так открыто выразить это через делегацию, присланную на наши празднества. Но все равно, ничто не могло поколебать великую любовь, основанную на принципах пролетарского интернационализма, которую мы питаем к Китаю. Кто бы ни приезжал к нам на празднества, нам было все одно, однако, зная Ли Сянь-няня и поскольку он пятый раз приезжал в нашу страну, мы имели основание сомневаться и говорить: „Неужели в Китае нет другого товарища, которого можно было послать к нам по случаю этого великого дня?! Только ли Ли Сянь-нянем держится Китай?!". Мы считали своим долгом хорошо встречать его, но и быть осторожными.

Как вел себя Ли Сянь-нянь перед лицом огромного энтузиазма нашего народа, наших кадров, наших руководящих товарищей? Холодно, как лед, хмуро, еле-еле здоровался, не говорил, если не говорили ему; когда заводили разговор с ним, он отвечал „да", „нет" и затасканными формулами. Он никогда не входил в гущу

народа, никому из народа не подавал руку; отказался от переговоров и спровоцировал Мехмета, как будто это мы отказались; сделал все, чтобы дать понять, что они не могут помогать нам. Его товарищ спровоцировал Хаки, заявив ему: „Вы одеваетесь хорошо и питаетесь хорошо, а мы одеваемся в парусину". Они не включили Хаки в список приглашенных посетить их выставку; то же самое, Ли Сянь-нянь, покидая Тирану, не подал руку Хаки, — и многие другие подобного рода низкопробные жесты.

Но к чему это недружелюбное, чтобы не сказать больше, поведение?! Это было умышленное, рассчитанное поведение. Зачем? Кому оно на руку? По какой причине?!

Без всякого сомнения, такое поведение было продиктовано Чжоу Энь-лаем, полагаем мы, ибо Ли Сянь-нянь — его человек. С Чжоу Энь-лаем у нас всегда были трения касательно политической линии. В период Культурной революции Чжоу был спасен Мао. **Он сам говорит, что допустил грубые ошибки. Это он говорит устами, но не сердцем. Вот в том то и дело, в этом заключаются наши возражения, возражения касательно политической линии. Это основа. Тогда одно за другим наступают события, которые дают право нам, а не ему, и от этого он озлобился на нас.**

Не нашим ли возражением против встречи Чжоу Энь-лая с Косыгиным продиктовано такое поведение Ли Сянь-няня?! **Частично да, но не все. Здесь может скрываться что-то большее, которое, должно быть, имеет своим источником внутреннюю борьбу, которая, видимо, идет в их руководстве.**

Из чего мы делаем такие выводы? Помимо других серьезных вопросов принципиального значения, остановимся на некоторых сигналах, которые на первый взгляд не бросаются в глаза, но приобретают другой смысл, когда размышляешь над ними.

Что это такое?

В представленном китайским посольством списке приглашенных на китайскую выставку, Хаки не фигурировал. Мы сказали: „Это они просто забыли". Хаки особенно был спровоцирован заместителем главы делегации, о чем я говорил выше. Чтобы проводить Ли Сянь-няня прибыло в аэропорт все наше Политбюро. Ли Сянь-нянь всем подал руку, а Хаки — нет. Тогда это уже не было случайностью.

Зачем такое обхождение с Хаки? Что произошло в Китае с Хаки? Хаки там вел себя как выдающийся марксист-ленинец, с любовью отзывался о Китае, о Мао, о Культурной революции и т.д. В беседах Хаки очень осмотрителен, корректен, умен, вежлив. Если переговоры немножко обострились, а это было сделано правильным с нашей стороны путем, — то это произошло во время беседы товарища Риты с Чжоу Энь-лаем, который вел себя с ним вопиюще надменно. Ну ладно, но если что-то осталось, то почему же они вели себя так не с Ритой, а с Хаки?

Итак, почему с Хаки? Все дело по всей вероятности заключается в следующем: **На первой встрече с Хаки как Кан Шэн, так и Чжоу Энь-лай сказали, что „единственный товарищ, который не бывал в Албании — это Чэнь Бо-да". В этот момент Чэнь Бо-да с большим воодушевлением сказал: „Было бы счастьем для меня посетить Албанию", и Хаки пригласил его на празднества. Впервые Чэнь Бо-да сопровождает зарубежную делегацию в ее поездке по Китаю, и это наша делегация, возглавляемая Хаки. Чэнь Бо-да, обычно неразговорчивый, с Хаки залился соловьем. Он с чрезвычайно пламенной любовью говорил о нашей партии и о нас, резко критиковал работу китайского руководства, общался только с Хаки и с нашим переводчиком.**

Обо всем этом столь теплом, столь правильном, товарищеском, марксистско-ленинском отношении Чэнь

Бо-да к нам, несомненно, было доложено Чжоу Энь-лаю, который воспринял это не хорошо, что и сразу открыто продемонстрировал на совместной встрече, когда Чэнь Бо-да покинул встречу в середину беседы Чжоу Энь-лая, „так как у него болел живот".

Приземлившись в Тирану, Ли Сянь-нянь, представляя свою делегацию, как это у них вошло в обычай перечислять по одному и по порядку своих руководителей, не пропуская даже запятых, два-три раза „забывал" Чэнь Бо-да. Наши товарищи заметили это, но приняли за „забвение", однако в свете указанного моего рассуждения эти факты связываются.

Итак, я полагаю, что недружелюбное поведение Ли Сянь-няня, продиктованное группой Чжоу Энь-лая, должно было дать нам понять, что они „не согласны с деятельностью Чэнь Бо-да и Хаки".

Ну а что сделали Хаки и Чэнь Бо-да, кроме цементирования пламенной, марксистско-ленинской любви между Албанией и Китаем, между Коммунистической партией Китая и Албанской партией Труда, любви нашего народа к китайскому народу и к Мао Цзэдуну? Но эти люди страшатся солнечного света.

Чэнь Бо-да, несомненно, имел желание приезжать к нам, но Чжоу Энь-лай находил способы присылать Ли Сянь-няня, ибо тот умеет хорошо передавать директивы Чжоу. Это Ли Сянь-нянь сделает и когда вернется в Китай. Всю эту любовь, эту искренность и этот энтузиазм, которые наш народ, наша партия и мы выказываем к Китаю и к Мао, Ли Сянь-нянь извратит, представит их в мрачном свете.

Мы всегда победим, ибо мы на правильном и полном свете пути. Козням мы переломаем ноги. Пусть Ли Сянь-нянь доложит как ему угодно, у лжи и козни ноги коротки.

СУББОТА
6 ДЕКАБРЯ 1969 г.

КИТАЮ НЕ СЛЕДУЕТ ЗАНИМАТЬСЯ МЕЛОЧАМИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Революционная борьба Китая на международной арене должна быть направлена на достижение великих целей, а не заниматься мелочами — как бы обменяться послами с Югославией. Иметь Китайской Народной Республике посла в Югославии или нет — это не имеет никакого значения. Противоречия следует использовать, но нельзя заниматься незначительными вопросами, чтобы упустить из виду большие. На долю Китая выпадает взяться за великие проблемы в двух направлениях:

1) В направлении использования противоречий между американцами и советскими. Противоречия между ними касаются вопроса о противодействии Китаю, мирового господства и деления сфер влияния. Так что надо подорвать их мировое господство и деление ими сфер влияния. Сделав это, мы сорвем, таким образом, их планы войны и агрессии.

2) В направлении невралгических и наиболее уязвимых точек колониальных империй, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Где их невралгические точки? Конечно, главными в Европе не являются ни Югославия, ни Румыния, а Федеративная Германия и Франция. Остальными невралгическими частями мира, где сталкиваются интересы двух сверхдержав, являются Ближний Восток (арабские народы), африканский континент, Индия, Индокитай. Индоне-

зия и Япония. Во всех этих направлениях Китай должен действовать марксистско-ленинским путем, не давая покоя обеим империалистическим державам, не давая им действовать спокойно. Он должен расстраивать им планы. Надо, чтобы народы мира видели великую и освободительную политику Китайской Народной Республики.

Поддерживать только торговые связи с капиталистическими государствами — этого недостаточно. Торговля должна служить политике. Китай до сих пор потерял много времени в этом направлении и продолжает его потерять. Его великий престиж, можно сказать, действует инертно. Если бы Китай действовал на международной арене живо и по-боевому, то результаты были бы колоссальными. Полагаю, что ему надо действовать в двух направлениях: в направлении революционной помощи, которую надо оказывать народам и революционным марксистско-ленинским партиям, и в направлении активного наблюдения за политикой империалистических буржуазных государств и активных действий по ее торпедированию.

Совето-американцы стараются закрепить свои соответствующие позиции в Европе и сохранить статус-кво; при этом каждая из сторон пытается разрешить противоречия внутри своего стана. Конечно, среди этих противоречий надо выявить самые главные и посмотреть, как они развиваются, следить за их динамикой.

В ревизионистском стане имеются противоречия между советскими, поляками, немцами и чехами. В настоящее время надо следить за противоречиями советских с Германской Демократической Республикой, ибо они могут обостряться. Позже могут обостряться и советско-польские противоречия.

В империалистическом лагере очень важно следить за развитием политики Бонна и Парижа. Бонн улыбается обеим сторонам, однако он рвется на Восток для

откола, для окружения Германской Демократической Республики и для ее поглощения. Тогда „улыбка" обратится в скрежет зубовный.

Франция ныне, на Гаагском совещании, подает признаки смягчения с Англией, всегдашней союзницей Соединенных Штатов Америки. Италия на этом же совещании присоединяется к Бонну для оказания давления на Францию. Эти дела находятся в процессе развития. Надо быть начеку, следить и действовать.

Китай имеет возможности и должен много делать в этом направлении. Мне кажется маловажен тот факт, что он обменялся послами с Белградом. Мы не знаем, что делает и как поступает Китай, ибо он не дает нам возможности вести переговоры с ним. Ли Сянь-нянь, который приехал в нашу страну, также сказал нам, что им „не о чем беседовать". Во всяком случае, на прощальном ужине я смог высказать ему некоторые из этих идей, чтобы он передал их Мао.

1970

ВТОРНИК
6 ЯНВАРЯ 1970 г.

НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ

Китайские товарищи в Пекине сказали нашим товарищам: „Теперь некоторые наши пароходы придут в Албанию с северных китайских портов, проходя через Тайваньский пролив"!! Наши сказали им: „Как?! Но ведь там патрулирует Седьмой американский и чанканшистский флоты, не произойдут ли инциденты?". Но китайские товарищи ответили: „Мы должны следовать учению Мао и не страшиться империалистов" и т.д. Видимо встречи послов, китайского и американского, в Варшаве дали какой-нибудь, первый, результат. Нет дыма без огня. Японское телеграфное агентство однажды зашло еще дальше, заявив: „Седьмой американский флот больше не будет патрулировать тайваньские воды"!!

СРЕДА
7 ЯНВАРЯ 1970 г.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ НА УРОВНЕ ПОСЛОВ

Китайские товарищи возобновили в Варшаве „переговоры" на уровне послов с Соединенными Штатами Америки, которые они давно прекратили в связи с Культурной революцией. Встречи не проводятся больше в польском здании, т.е., по крайней мере в принципе, не проводятся под польским контролем и слежкой, а ведутся в соответствующих посольствах Китая и США.

Это, конечно, очень интригует советских ревизионистов, которые нехорошо смотрят на эти переговоры и боятся. Они поспешили послать Кузнецова в Пекин. Все три государства пускаются на происки в целях интриговать. Китай, **если не пойдет на уступки**, делает очень хорошо, что протискивается в них клином, использует противоречия и мутит им воды.

ПЯТНИЦА
9 ЯНВАРЯ 1970 г.

АНАЛИЗ, КОТОРЫЙ МАО ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ

Надо разъяснить:

1) Каковы характеристики Культурной революции внутри Китая и каковы ее международные характеристики, наподобие того, как их определил Ленин для Великой Октябрьской социалистической революции.

2) Говоря об империализме, надо делать актуальный анализ в продолжении ленинского анализа империализма. Я полагаю, что это должен сделать и Мао Цзэ-Дун, в особенности относительно Культурной революции.

Сделал ли он это? Мне кажется, нет еще. Никакого подобного материала мы не видели. Говорят, что на IX съезде партии он выступил с „важными" речами, но за рубежом ничего не было слышно. Доклад Линь Бяо на IX съезде не такого характера, о котором я говорю; то же самое можно сказать и об обычных статьях, опубликованных за эти три года в китайской печати. Это, кажется мне, Мао должен сделать, поскольку китайские товарищи все время твердят, что „настоящая революция имеет международное значение, и марксисты-ленинцы должны вдохновляться ею".

ПОНЕДЕЛЬНИК
26 ЯНВАРЯ 1970 г.

АКТИВИЗАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Полагаю, что одной из главных целей Китая в Азии должна быть активизация его политики в первую очередь в направлении Японии. Япония — это Боннская Германия на Дальнем Востоке. Американцы, еще в период второй мировой войны, а также и после нее пытались и старались держать Японию в узде. „Узда" сохраняется и обращена в политическое влияние и в тесные и взаимосвязанные экономические отношения. Тем не менее Япония до какой-то степени разломала американские рамки и прилагает усилия к экономическому проникновению в разные страны мира, конкурируя даже с самими Соединенными Штатами Америки. Но она не делает того шума о „независимости", который делает Федеративная Германия в Европе. Несомненно, Япония не сидит спокойно, но она ступает осмотрительно.

Советские ведут себя уступчиво с Японией, получают от нее кредиты, предоставляют ей концессии в Сибири. Это им выгодно не только в экономическом, но и в политическом и военном отношении, ибо этим они изолируют Китай. Японцам же это выгодно в экономическом отношении, ибо они находят себе страну для экспансии, оказывают давление на Китай и, используя советско-американский союз, стараются, тем самым, вырваться из американских клещей.

Американцы не могут держать Японию всю жизнь

в цепях. Но, стремясь использовать ее в качестве пешки и единственно серьезной стратегической базы для своих приготовлений к возможной войне против Китая, они вынуждены работать над тем, чтобы сорвать советские планы и устремления в отношении Японии. Однако Япония может не стать орудием ни того, ни другого, зная, что в этом случае ее выгоды, как третьего империалиста-агрессора, будут гипотетичны.

Если согласиться с подобной возможностью, Китай, как великая держава, обладающая большим политическим, экономическим и военным потенциалом, должен активизировать свою внешнюю политику в направлении Японии, которая нуждается в торговом обмене, нуждается в рынках, а Китай является для Японии страной, о которой она мечтает в этом отношении. Если китайцы начнут активизироваться в направлении Японии, в первую очередь, через торговлю, обмениваясь затем и послами, то нынешнее статус-кво на Дальнем Востоке начнет нарушаться. Советско-японская, а также и американо-японская стены дадут трещины. Китай активно выступит на политической и экономической арене, что повлечет за собой последствия и в стратегии войны, готовящейся советскими ревизионистами и американскими империалистами. В силу этих действий китайцев, японская пешка утратит прежнюю -маневренность, уменьшатся возможности Соединенных Штатов Америки использовать Японию, как им угодно и когда им угодно, в качестве плацдарма против Китая, как использовали ее во время корейской войны. Такие шаги китайцев в направлении Японии ныне подходящи, ибо китайцы начали в Варшаве и переговоры на уровне послов с Соединенными Штатами Америки. Это может облегчить и продвижение японцев.

Советские ревизионисты, как известно, совершили военные провокации на границе с Китаем, и в целях шантажа и запугивания продвинули 1 миллион войск к

Монголии и к границам с Синьцзянем. Состоялась встреча Чжоу Энь-лая с Косыгиным (с чем мы не были согласны, а Чжоу Энь-лай лелеял надежду и рассердился на нас и т.п.), но она ничего не дала. Тогда Мао отдал приказ о всенародной подготовке к войне против возможной советской ревизионистской и империалистической агрессии. И подготовка идет большая. Это приводит в ужас советских. Причем не только расстраивает их внутри страны, но и вызывает для них кризисы также на международной арене. Советским либо придется серьезно готовиться к нападению, и тогда внутри страны в политическом и экономическом отношении произойдут странные вещи, либо они покажут, что все это было просто блеф. Впрочем вся политика советских ревизионистов переживает кризис — в самой Европе, на Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке.

Китай должен и имеет все возможности углубить кризис, охвативший советский ревизионизм. Он должен действовать живо, умно и всеми средствами во всех уголках земного шара в целях осуждения советского ревизионизма, и не только в направлении Японии, откуда могут проистекать военные угрозы, но и в направлении Индии, которая менее опасна в военном отношении, очень слаба в экономическом и военном отношениях. Там достаточно дозировать отношения, чтобы сохранить хорошие связи с Пакистаном, который конфликтует с Индией. В отношении Советского Союза Китаю следует продолжать эту жестокую линию, изолировать его во всех отношениях; более того, он может изучать и еще больше углублять противоречия между Советским Союзом и Польшей, ибо, хотя внешне гомулковская группа прикидывается, будто она ладит с советскими, на самом деле между ними имеются противоречия. Распри с Польшей совсем расстраивают планы советских. Я улучу момент и изложу эти вопросы китайскому послу, чтобы он доложил Пекину.

ПОНЕДЕЛЬНИК
22 ИЮНЯ 1970 г.

КИТАЙЦЫ БЕСЕДУЮТ О „РУМЫНСКИХ ПЛАНАХ НА БАЛКАНАХ"

Кадри [Хазбиу] вернулся из Китая и доложил нам.

Он побеседовал с Чжоу Энь-лаем и Кан Шэном, одними из главнейших среди тех, кто принимал его, а затем и с другими руководителями более низких инстанций. По словам Кадри, ему была оказана теплая, дружественная встреча; были сказаны хорошие слова об Албании и о нашей партии.

В беседе Чжоу Энь-лая, в которой присутствовал и Кан Шэн, не было ничего нового — общие фразы и идеи, которые более подробно трактуются в газете „Жэньминь живао", хотя встреча эта носила характер встречи на высоком уровне. Никакие политические соображения не были изложены китайцами о некоторых основных проблемах, касающихся их деятельности:

1) Ничего о поездке в Корею и об их соображениях по этому вопросу.

2) Ничего о беседах с румыном Боднэрашем.

3) Ничего о состоянии переговоров с советскими и об их дальнейшем ходе.

4) Ничего о положении в Индокитае.

Поскольку китайцы взяли на себя труд устроить с нами встречу на высоком уровне, мы должны были быть поставлены в известность обо всех этих четырех проблемах, не говоря уже о других. Почему же состоялась эта встреча? Чтобы не сказать нам ничего? Особенно о пе-

реговорах с советскими и с румынами китайские товарищи обязаны были проинформировать нас.

Мы думаем, что с Боднэрашем они имели продолжительные и даже сердечные беседы на политические и организационные темы. Чжоу Энь-лай должен быть в восторге от „ловкой и решительной" ревизионистской политики, изложенной ему Боднэрашем. Поскольку китайцы — как мы узнали окольными путями, так как они ничего не говорят нам — выдали румынам около 50 миллионов юаней, поскольку они намерены предоставить им военные заводы (об этом нам сказал Кан Шэн, который к тому же добавил: „вы (албанцы) можете брать затем оружие у румын"), мы имеем основание полагать, что обе стороны имели продолжительные переговоры о „румынских планах на Балканах". Эти планы заключаются в „румынско-югославско-албанском союзе" и прочих ревизионистских подлостях, неприемлемых для нас, но зато приятных для Чжоу Энь-лая, лишь бы эти союзы и эта дружба были направлены против советских, а что касается того, кто такие Тито и Чаушеску, то ему все равно.

Однако нас не проведешь на похлебке Чжоу, который, исходя из наших правильных, принципиальных марксистско-ленинских позиций, связанных с нынешней конъюнктурой, думает что мы скатываемся туда, куда ему хочется. **Чжоу принимает свои желания за действительность,** однако они никогда не осуществятся, ибо **мы никогда не будем ступать на шаткие мостки.** Тито и титизм — враги марксизма-ленинизма, они характеризуются антисоциалистической и антиалбанской направленностью. Будучи ревизионистами, титовцы тесно сотрудничают с американцами. Сегодня у них некоторые противоречия с советскими ревизионистами, завтра же они выравнят их. Наша позиция в отношении народов Югославии — правильна и принципиальна, она помогает и албанцам Косово укреплять

свои позиции против великосербского шовинизма и стать, в то же время, щитом и для Народной Республики Албании.

Мы, естественно, не согласимся, чтобы румынские ревизионисты „поставляли нам оружие", ибо судьбу своей обороны мы не можем доверять тем, кто ныне тесно связан с Тито, с американцами, а завтра поладит (впрочем они и не были в разладе) и с советскими ревизионистами. Все надежды Чжоу Энь-лая в этом направлении тщетны.

Мысль, которую Чжоу Энь-лай высказал Кадри: „Мы боремся против советского ревизионизма, борясь против американского империализма" была неправильной и даже совершенно ревизионистской. Другими словами это означает прекратить полемику. Кадри попросил повторения этой фразы, полагая, что перевод был неточен, но нет, перевод был точен. Подобное ни о чем не свидетельствует, кроме как о традиционных зигзагах Чжоу Энь-лая. Мы очень сожалеем об этом. И тем не менее полемику с советскими они продолжают. Зачем говорить так, бесконтрольно, если другие вещи подвергаются строгому контролю, с тем чтобы ни о чем не говорить?

Во всяком случае, это их мнения, у нас же свои. Мы постараемся переубедить их и по тем вопросам, относительно которых мы несогласны с китайскими товарищами.

ДУРРЕС, ВТОРНИК
7 ИЮЛЯ 1970 г.

МЫ НЕ ДОПУСТИМ, ЧТОБЫ НАША РОДИНА ПОПАЛА В РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ЛОВУШКИ

Румын Чаушеску, союзник Тито, взял на себя роль единственного человека, способного осуществить „единство социалистических стран в их идеологическом разнообразии".

Этот ревизионист в одной из своих речей последнего времени выпустил этот *ballon d'essai** с целью надувательства.

Советские ревизионисты лихорадочно продолжают свои попытки окружить и поглотить Румынию, а Чаушеску, со своей стороны, претендует на роль „зодчего" столь желаемого ревизионистского „единства". Конечно, союз с Тито и опора на него и на его „коммунизм" не в состоянии озолотить фальшивую монету Чаушеску, но он опирается на „дружбу китайцев". „Единство" для ревизионистов заключается в следующем: **кому из них удастся „смягчить" политику Китая и подвести его к своей борозде.**

Китай руководствуется принципом: „Сближаться с антисоветчиками, использовать противоречия". Использованием противоречий нельзя пренебрегать, однако при этом никогда не следует забывать, с кем имеешь

---

* По-французски: пробный шар.

дело, упускать из виду конъюнктуры и думать, что использовать противоречия это значит подбивать того или другого ревизиониста временно выступать против советских ревизионистов. Разногласия среди ревизионистов могут быть и продолжительными, ибо они капиталисты; тем не менее использование их в нашу пользу должно иметь целью не укрепление той или иной стороны в ущерб социализму, а ослабление обеих сторон и их разоблачение.

Румынские ревизионисты ведут явно антимарксистскую внутреннюю и внешнюю политику. Они по уши в долгах у Соединенных Штатов Америки, Западной Германии, Франции и других капиталистических стран. Конечно, эти государства предоставляют кредиты в том случае, если видят, что извлекут из них экономические и политические выгоды. В этом состоит „независимая" политика Чаушеску. Независимая от кого? От советских ревизионистов, которые не мирятся с подобным положением. А Чаушеску, которому угрожают в его попытках закрепить свой капиталистический режим, „независимый" от советских ревизионистских капиталистов и зависимый от американских и западных капиталистов, утверждает, что якобы социализм в Румынии под угрозой и поэтому он просит дружбы и поддержки Китая, Албании и т.д.

Нам ясна эта ситуация, а китайцам не совсем. Они думают и верят, что румынские руководители являются „добрыми малыми, славными малыми, твердыми антисоветчиками". Мы будем поддерживать румынский народ, если только он будет подвергнут угрозе нашествия со стороны советских, но в других делах, в бесчисленных предложениях, вносимых румынскими руководителями в рамках балканской и международной политики, мы совсем не будем поддерживать их. Они во всем ревизионисты, они проводят ту же политику, что и Тито, и пытаются добиться того и проник-

нуть туда, чего не смог добиться и куда не смог проникнуть Тито. Чаушеску — еще не окончательно битая карта в руках американцев. (Откуда знать? Может, и в руках советских.)

Китайцы отзывались и отзываются с восторгом о румынах. В последнее время у них был Боднэраш, который порядочно надул их, причем настолько порядочно, что, когда Эмиль сказал Мао: „Если на нас нападут русские, мы дадим им зайти внутрь, а затем разгромим их" (тезис Мао), он наградил его „браво".

После поездки в Китай, Боднэраш оказался не только „совершенным политиком и полководцем", но и „пламенным прокитайцем", „твердым антисоветчиком" и, несомненно, он обязался посредничать и у своего близкого друга Тито. Итак, „бедненький Эмиль" заполучил дружбу Китая, обеспечил 50 миллионов юаней, военные заводы, проложил румынскому Министру обороны путь в Пекин, чтобы запросить другую помощь и т.д. и т.п. Как говорят и там и сям, в Румынию может приехать и Чжоу Энь-лай. Все это и другие действия китайцев совпадают с линией Чаушеску и не составляют осмотрительной, продуманной поддержки, которая помогала бы нашей стратегии.

Явно неправильны также сразу отвергнутая нами старая идея Чжоу Энь-лая: „Вы, албанцы, на антисоветской платформе, когда советские угрожают Югославии, можете связаться военным соглашением с Тито", как и предложение получать оружие от Румынии, сделанное нам Кан Шэном, якобы человеком, занимающимся партийными вопросами (но по совету Чжоу с целью дать понять, что это мысль не только Чжоу Энь-лая, но и всего руководства, разумеется, в первую очередь, Мао). **Итак, китайцы лелеют и планируют югославско-румынско-албанский сговор против советских. Нас не проведете, китайские товарищи, мы не**

попадем в эти ревизионистские ловушки, мы не втолкнем свою родину в волчью пасть. Ни вам, ни Тито, ни Чаушеску не удастся натянуть нам нос. Мы постараемся открыть вам глаза на эти ошибочные планы или на эти ошибочные тактические приемы, к которым вы, по крайней мере, можем сказать, прибегаете и от которых вы должны отказаться, проявляя в то же время более высокую бдительность.

Сам Кан Шэн сказал нашему послу: „Вы не удивляйтесь, что мы устраиваем величественную встречу какому-нибудь принцу, не удивляйтесь, что мы встречаем делегации французского правительства, не удивляйтесь, если мы будем встречать и какую-нибудь советскую делегацию, однако с вами, албанцами, мы товарищи по оружию"! К чему такие заявления Кан Шэна?! Что они готовят?! Смягчение ли? Прекращение ли борьбы?

Мы замечаем, что китайцы усердно отправляют послов в Югославию, Советский Союз и другие страны. Внешне это нормально, но что скрывается за этим?

Ким Ир Сен теперь стал для китайцев „великим вождем". Китайцы быстро приходят в восторг. Y Ким Ир Сена в настоящее время с советскими могут быть некоторые противоречия, которые, конечно, надо использовать, однако он продолжает поддерживать нормальные связи с советскими ревизионистами, и не следует удивляться тому, что подобное сближение с китайцами он использует как противовес советским.

Все это, естественно, обязывает нас быть очень бдительными и хорошо взвешивать предпринимаемые шаги, ибо при ситуациях, создаваемых ревизионистами и нашими китайскими товарищами, наши правильные позиции им кажутся сектантскими. И они не могут не казаться такими тем, кто смотрит сквозь либеральные и ревизионистские очки, тем, кто тактические приемы об-

ращает в порочную стратегию и, так или иначе, хочет, чтобы и другие поступали подобно ему. Нет, мы не ударимся в ошибки, независимо от того, нравится это или нет некоторым. Мы пойдем прямо, марксистско-ленинским путем.

ДУРРЕС, ПЯТНИЦА
24 ИЮЛЯ 1970 г.

НЫНЕ КИТАЙСКО-РУМЫНСКИЙ СОЮЗ, А ПОЗЖЕ, МОЖЕТ, И КИТАЙСКИЙ СОЮЗ С ТИТО

Отбыл в Пекин румынский министр обороны. Китайцы встречают великими почестями этого ревизиониста.

Румынский посол в Пекине сказал нашему поверенному в делах, что министр обороны раньше намеревался пробыть три дня просто с визитом вежливости, после возвращения из Кореи, но китайские товарищи попросили его продлить время своего пребывания до 10 дней, т.к. будут важные переговоры.

За день до этого некий заведующий отделом в Министерстве иностранных дел Китая сказал нашему поверенному в делах, что „решено, что теперь в связи с приездом румынского министра обороны, Румынии с нашей стороны будут предоставлены заводы по производству самолетов, танков, ракет, пушек, станковых пулеметов и т.д. **С румынами будет заключено также тайное соглашение".** Дело дошло до тайного соглашения! Но что это за соглашение и какого оно характера, об этом мы ничего не знаем, ибо нас не посвятили в него.

Видимо, китайцы не ограничиваются только предоставлением Румынии небольшой помощи, они, несомненно, распространяют ее и на политические сферы, и почему бы нет и на идеологические, раз они поставляют ей оружие и заключают даже тайные соглашения?

Конечно, все скоро выяснится. Иллюзии китайцев тщетны, ибо румыны заинтересованы в том, чтобы о получаемом ими оружии и подписываемых ими соглашениях узнали в первую очередь советские ревизионисты. Что советские ревизионисты придут в ярость, это само собой разумеется, и можно сказать, что китайцы нашли „надежных и подходящих" людей для применения этого оружия.

Что касается сохранения тайны об этом, то Боднэраш поехал и доложил Тито о своих переговорах с китайцами, и весьма вероятно, что он защищал дело Тито перед китайцами. Весьма вероятно, что Тито станет соучастником в производстве этих вооружений, или же **позже мы можем стать свидетелями также „китайского союза с Тито",** который будет продвигаться наряду с китайско-румынским союзом. Все может быть, когда погружаешься в вонючие ревизионистские воды. Но не без умысла улыбаются нам Тито и югославы. Они хотят как можно скорее продвигаться в деле улучшения отношений с нами. Румынский посол, сопровождавший делегацию румынских профсоюзов, во время одного ужина сказал нашим товарищам, что тот, кто ладит с Албанией, тот ладит и с Китаем.

Понятен также резкий поворот главы румынской профсоюзной делегации, который, хотя мы и не приняли его, расточил тысячи похвал в мой адрес, как будто ничего и не произошло. Румыны ведут себя так в определенных целях, однако мы разгадываем их намерения. Мы разгадываем также аналогичные намерения китайских товарищей, независимо от того, что о вопросах своей линии они либо не информируют нас, либо информируют косвенно, либо на ходу, в углу какого-нибудь коридора через какого-либо должностного лица десятой степени Министерства иностранных дел.

Член одной румынской делегации сказал одному из

наших товарищей: Когда Румынии грозило советское нашествие, в Гьердапе встретились Тито и Чаушеску, которые подписали тайное соглашение, согласно которому Тито должен был прийти на помощь Румынии и продвинуться своими войсками вплоть до Бухареста. Я сомневаюсь в достоверности этого, ибо Тито хорошо знает румынских руководителей, и навряд ли он рискует из-за них. Символически, на словах, Тито выступает в их защиту, но чтобы из-за румын он поднимал оружие на советских, этого он не сделает. Таково мое мнение об этом хитром ревизионисте.

Во всяком случае, то, что румын сказал нам „конфиденциально", Боднэраш сказал конфиденциально и Мао, Чжоу Энь-лаю и Линь Бяо, и я уверен, что они приняли это за чистую монету и даже сказали: „Молодец, Тито". Быть может, они выработали и новые тактические приемы и новую стратегию работы с этими напыщенными ревизионистами и „ярыми врагами" советских ревизионистов, которые ныне ссорятся друг с другом, а завтра будут целоваться и разделять постель. Только китайцы окажутся у разбитого корыта. Они могут сказать: Что мы здесь потеряли? Только несколько оружейных заводов.

Нет, дело не в этом! Если говорить об оружейных заводах, хотя они и не попадают в хорошие руки ни с точки зрения храбрости и стойкости, ни с идейно-политической точки зрения, мы не против, чтобы они предоставляли такие заводы румынам. Если у Китая есть, пусть он предоставит, но правильнее было бы, чтобы он учитывал сначала своих истинных друзей. Дело в надеждах, которые китайцы возлагают, в доверии, которое они питают, создают и укрепляют к этим ревизионистским руководителям, изменникам марксизма-ленинизма. И почему? Лишь потому, что у них имеются противоречия с советскими ревизионистами!

Побывавший в Китае Бетанкур заявил в Париже, что в будущем Чжоу Энь-лай приедет с визитом во Францию. Это другой вопрос, за развитием которого мы будем следить. За всем будем следить, будем бдительны во всех отношениях, ибо этого требуют высшие интересы народа и партии.

ДУРРЕС, ВОСКРЕСЕНЬЕ
26 ИЮЛЯ 1970 г.

ТИТО УДАЧНО ИСПОЛЬЗУЕТ СВОЮ „ПРОКИТАЙСКУЮ" КАРТУ

Ревизионисты воодушевленно говорят: „Улучшаем отношения с Китаем, идем по пути устранения разногласий. Так и надо, ибо у нас общий враг — империализм. Мы должны оставить в стороне все, что нас разъединяет, и следовать тому, что нас объединяет". Этим языком говорят венгры, так же говорят восточногерманцы и чехи.

Конечно, путь этим „перспективам" проложил Китай обменом новыми послами с Советским Союзом, Югославией, Венгрией и Польшей, что завтра он сделает и с Болгарией, Восточной Германией, Чехословакией. Венгры, не говоря уже о румынах и югославах, в восторге. Они довольны тем, что расширилась их торговля с Китаем, в котором они видят рынок для сбыта своих залежалых товаров, и что они могут распространять среди китайцев иллюзию об углублении с советскими противоречий, существующих на деле, но служащих только венгерским антимарксистам для дальнейшего упрочения связей с Тито и с западными странами.

Тито удачно использует свою „прокитайскую" и „антисоветскую" карту, одним словом, свою старую карту подрыва коммунизма, подрыва советской ревизионистской империи и укрепления так называемой группировки „третьей силы" с американским империализмом.

Китайские товарищи питают иллюзии и полагаются на антисоветизм всех этих ревизионистов, который не приносит какой-нибудь идеологической и политической пользы нашему великому делу.

Что наличие разногласий с другими антимарксистами ослабляет советских ревизионистов, это факт и их надо разжигать, однако лести антимарксистов нельзя верить, нельзя верить их обещаниям и лжи. Все они лгут, и это факт, что свою политику они не могут скрывать. Какой-то болгарский министр сказал одному нашему дипломату, что „Советский Союз предложил Китаю кредит в один миллиард долларов, но Китай отказался принять его. Он поступил нехорошо, как и вы, албанцы, что не ответили положительно на советское предложение установить торговые связи".

Все могло происходить в этой обстановке начала смягчения в китайской позиции.

Направление послов в эти страны мы считаем нормальным шагом со стороны Китая, однако дойти до того, чтобы эти послы доверялись похвалам, которые расточат в их адрес местные ревизионисты, и говорили нашим, что руководство этих стран отзывается положительно о Китае, это означает быть предрасположенным благосклонно прислушиваться к предателям и доверяться им. В этом могут крыться зло и опасность. Не исключено, что это есть и предрасположенность послов, однако подобных предрасположений, если они субъективны, не следует преподносить нам.

Нашей постоянной обязанностью было и является: доверяй, да проверяй, будь начеку и строго придерживайся марксистско-ленинской линии нашей партии!

ВЛЁРА, ПЯТНИЦА
31 ИЮЛЯ 1970 г.

КИТАЙЦЫ КРУТЯТ ЛЮБОВЬ С РЕВИЗИОНИСТАМИ. БУДЕМ БДИТЕЛЬНЫ!

Объяснение в любви открыто продолжается между китайцами и ревизионистами, причем на глазах у наших товарищей. Так что это — новая линия, взятая на вооружение китайским руководством. Наш поверенный в делах в Китае сообщает о беседе, состоявшейся в его присутствии на одном приеме послов между болгарским представителем в Пекине и представителем Министерства иностранных дел Китая. Разговаривали они так нежно друг с другом, будто были два возлюбленных, поздравляли друг друга с восстановлением „братских" дипломатических отношений. „Скоро, — говорил ему китаец, — направим в Софию посла; все будет налажено при доброй воле обеих сторон". Болгарин отвечал: „С нашей стороны добрая воля существует не только сейчас, она всегда была у нас" и т.д. И в этом духе беседа продолжалась долго. С болгарами у китайцев до вчерашнего дня были самые худшие отношения, ибо они считали болгарское руководство самым отвратительным и самым послушным слугой советских ревизионистов. Так оно и есть. В данном случае китайские товарищи не могут ссылаться на „углубление противоречий между советскими и болгарскими ревизионистами", как они любят оправдывать поворот. В данном случае Болгария может служить в качестве моста

и хорошего примера для более быстрого сближения с советскими ревизионистами.

Более того, китайцы начали играть и незавидную роль — роль провокаторов, и эту отвратительную игру ведут работники китайской госбезопасности.

Наши товарищи сообщают из Пекина, что на ужине, на который был приглашен товарищ из нашего Министерства внутренних дел, заместитель министра иностранных дел Китая в своей речи, в частности, сказал: „Когда Албанская партия Труда, руководимая Энвером Ходжа, первой напала на советских ревизионистов, все, кроме Китая, осудили Албанию, но теперь они признают, что Албания была права. **И к числу тех стран и партий, которые признают Албанию правой, относятся Румыния и Югославия".**

Китайцы взяли на себя, таким образом, постыдную роль: реабилитировать предателей и пытаться надуть нас. Это значит, что так глубоко погрязли в весьма подозрительные конъюнктуры, что не могут сдерживаться и делают даже подобные предложения. И кому? Нам!

Будем бдительны! Если китайские руководители будут продолжать так и не остановятся на этой наклонной плоскости, по которой начали катиться, путь Китая примет катастрофический оборот. Мы, своей позицией, постараемся помочь им, если они хоть немного послушаются нас и если это просто первые неосмотрительные шаги с их стороны, чему я впрочем не верю.

ПЯТНИЦА
11 СЕНТЯБРЯ 1970 г.

ОСТОРОЖНО, ТОВАРИЩИ КИТАЙЦЫ, НЕ ПОПАДАЙТЕСЬ В ЛОВУШКИ ВРАГОВ!

В беседе, которую наш посол в Румынии имел с Эмилем Боднэрашем, последний изложил ему главные направления их политики. Вновь подтверждаются наши соображения: румыны являются антимарксистами, ревизионистами, националистами, антисоветчиками (на шовинистической основе), антисталинцами. Они являются титовцами, не только потому, что поддерживают хорошие отношения во всех областях с югославскими ревизионистами и согласовывают действия с ними, но и потому, что идеологически они мыслят как и они. Оба этих антимарксистских течения, прикидываясь антисоветскими, своими формами и методами стараются поляризовать ревизионистские силы (отколовшиеся от советских) и добиться, дескать, своей реабилитации в международном коммунистическом движении. Этот момент противоречий в стане ревизионизма, видимо, румыны истолковали и китайцам в качестве „противоречия" с советскими и взяли на себя перед ними обязательство углублять их и „загнать паршивых овец в стадо". Я подозреваю, что китайцам это понравилось, и они, должно быть, принимали совместные меры, которые румынами уже проведены в жизнь, такие, как, например, контакты с французской, итальянской и другими коммунистическими партиями. Мы должны следить за действиями китайцев.

Боднэраш косвенно посоветовал „не ругать Брежнева". И об этом, должно быть, они беседовали с китайцами, ибо последние не упоминают по имени ни Брежнева, ни советского социал-империализма. А Тито, титовскую Югославию он превозносит до небес и проповедует югославско-румынско-албанский союз, который, по мнению Эмиля Боднэраша, „изменит положение в Европе".

В этом направлении работают и титовцы. Рибичич сказал китайскому послу в Белграде, а он передал это нам: „Мы, югославы, допустили большие ошибки в отношении Албании, мы всеми средствами стремились свергнуть существующий там режим, но нас подбивали советские (Сталин), а теперь мы постараемся улучшить отношения" и т.д. Ну и „самокритика"!, специально для китайцев, чтобы они подумали, будто „титовцы — честные малые", что „виновен Сталин". Боднэраш зашел еще дальше, когда сказал нашему послу: „Своей независимостью мы обязаны Рузвельту и Черчиллю, которые возражали Сталину, выступавшему против (в Ялте)".

Ясно, что китайцы рискуют встать на неправильный, антимарксистский путь; проблемы они обсуждают с румынскими ревизионистами, продавшими себя американскому империализму. Однако китайцы допускают грубую ошибку, что не расценивают как следует истинную природу и подлинный вес этих ревизионистов. Эти ревизионисты настолько пугливы, насколько и высокомерны; они настолько коварны в своих глупостях, что, как я и раньше отмечал, убеждены в том, что играют и будут играть роль примадонны в европейской и мировой политике и в международном коммунистическом движении. Представляют дело так, будто они открыли Китай и будто их политика управляет и политикой Китая.

Боднэраш говорил нашему послу высокомерным

тоном, как будто это они правят политикой! Так называемое сопротивление советским, которое может быть и новой тактикой Тито, американского империализма и советских, направленной на акцию с далеко идущими целями против Китая и вообще против марксизма-ленинизма, служит румынским ревизионистам так же, как оно служило и Тито и титовцам, козырем для поднятия их престижа, которого они заслуживают своей „храбростью", своей „принципиальностью" и т.д. и т.п. На этом пути румынские ревизионисты будут врать столько же, сколько врал и врет Тито, однако в идеологической области эти ревизионисты стремятся скомпрометировать Китай, вовлечь его на свой путь, подкармливая его слабые и неясные стороны, но особенно они стремятся, под предлогом использования противоречий, существующих между советскими и другими ревизионистами, сбить с толку китайцев и добиться нарушения ими принципов. В этом кроется большая опасность: советские ревизионисты, чтобы скрывать взаимопонимание и мир в своих отношениях с американцами, говорят о них: „Они нам нипочем, мы — великая держава". Румынские ревизионисты говорят: „Пусть мы по уши в долгах, империалисты нам нипочем". Китайцы могут недооценивать ошибочные тактические приемы в политике, но этим они допустят грубые принципиальные ошибки. Осторожно, товарищи китайцы, не попадайтесь в ловушки врагов!

Это факт, что до сих пор мы не поставлены китайскими товарищами в известность о переговорах, которые они имели с Боднэрашем, а позднее с министром обороны Румынии. Это не нормально в отношениях между друзьями. А Боднэраш заявил нашему послу, что „беседа с Чжоу Энь-лаем и Мао была очень сердечная, мы обсуждали с ними целый ряд проблем, и были согласны". По углам, по коридорам Министерства иностранных дел Китая, в конце какой-нибудь

прогулки на лодке (чтобы нашему человеку не было времени задавать вопросы) какое-нибудь третьестепенное лицо говорит нашему товарищу некоторые общие слова, причем один из них на прощании сообщил ему: „С Йоницэ мы подписали также тайное соглашение"! Все это делается с тем, чтобы не сказать нам ничего, а также и для страховки.

Китайский посол в Тиране сломал ногу, но минул уже год, а у нас нет китайского посла, так что нам некому излагать наши взгляды на многие проблемы. Быть может, китайским товарищам нравится как раз такое положение, так как мы открыто высказываем им наши мнения.

Среди китайских послов в ревизионистских странах наблюдаем тенденцию говорить о „наличии противоречий в партии и государстве относительно советских". Работа Боднэраша и Тито дает свои плоды!

Китайский посол в Белграде еще не говорил нашему послу, так как „забыл" (или же еще не получал из Пекина указаний о том, что и сколько говорить), о своей встрече с Тито, а то, что Рибичич сказал ему о нас, поспешил передать. Хорошая согласованность между Тито и Боднэрашем: борьбу против Сталина, „хорошие слова" в наш адрес. Боднэраш даже сказал нашему послу, что Тито в Черногории должен был еще лучше отозваться об Албании. По возвращении из Китая Боднэраш поехал к Тито с докладом, они координировали свои действия. Мы не слепцы! Горе тем, кто не хочет видеть!

СРЕДА
9 ДЕКАБРЯ 1970 г.

ПРЕДОСУДИТЕЛЬНАЯ ПОПЫТКА ПОМЕШАТЬ СООРУЖЕНИЮ ФИЕРЗСКОЙ ГИДРОСТАНЦИИ

Почти две недели назад к нам прибыла заместитель министра энергетики Китая во главе группы специалистов, чтобы ознакомиться с положением дел у нас с гидростанциями и помочь нам в этом отношении. Несколько дней назад она два-три раза встретилась с товарищем Рахманом Ханку, занимающимся этими проблемами, и изложила ему следующие вопросы:

1) Фиерзская гидростанция не может быть сооружена там, где предусмотрено и где уже идут работы, так как местность там ненадежная, имеются расселины, которые не могут быть закрыты, ввиду чего надо вести новые поиски, надо переместить ось работ; плотину нельзя соорудить из грунта (глины), как это решено, и, в силу того, что в результате образования будущего озера, вода омоет югославскую территорию, могут иметь место неожиданности.

2) Гидростанцию им. Мао Цзэдуна вы не сможете завершить к намеченному вами сроку; ее плотина ненадежна и может поставить под угрозу имя Мао.

Все это было категорически отвергнуто Рахманом Ханку, как необоснованное и не приемлемое для нас.

Она вторично вернулась при том же мнении, но Рахман настаивал на своем и попросил у нее очной ставки с китайскими специалистами, которые, по ее утверждению, разделяют ее мнение, тогда как на самом

деле они во всем были согласны с нашими специалистами.

В третий же раз она попросила извинения у Рахмана, так как она, мол, была введена в заблуждение двумя инженерами, и заявила, что она сама полностью разделяет наши взгляды на все вопросы, что все решено правильно и т.д. и т.п. похвалы в наш адрес.

Странно!! Она посланец Пекина, а не двух инженеров, которыми она оправдывалась! Это предосудительная попытка помешать сооружению Фиерзской гидростанции. Отвратительнейшие, нетоварищеские образы действия. Мы, несмотря на дружбу, должны быть начеку.

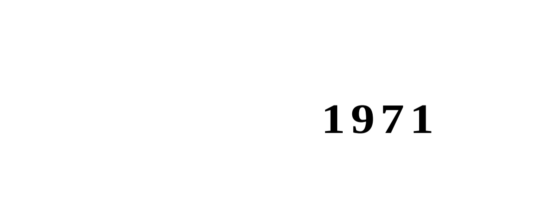
ВТОРНИК
22 ДЕКАБРЯ 1970 г.

ЧТО СКАЗАЛ ГЭН БЯО, ПОКИДАЯ ТИРАНУ?

Китайский посол Гэн Бяо, который совершает прощальные визиты, так как покидает Тирану и будет работать заведующим внешним отделом при ЦК КП Китая, в беседе с товарищами из Внешнего сектора при ЦК АПТ, сказал: Коммунистическая партия Китая с ревизионистами (речь шла об итальянской ревизионистской партии) больше не будет поддерживать связей, тогда как по линии Общества китайско-итальянской дружбы — да.

Ну и хорошая линия! Ясная, марксистско-ленинская линия!! По мнению китайцев, с ревизионистами можно дружить, можно с ними обмениваться визитами, они своими статьями могут восхвалять Китай, могут восхвалять Мао, и это, по их мнению, хорошее дело! Ясно, что при такой „дружественной" обстановке не может идти речь ни о политической, ни об идеологической борьбе с ними. Полемика гаснет. Конечно, на этом пути и такими формами найдутся и способы „создания совместного антиимпериалистического фронта и с ревизионистами", являющегося излюбленным курсом китайских товарищей, который они, по всей вероятности, проводят уже давно и последовательно.

Подобное распахивание ворот Китаем в области дипломатии, которое идет вразрез с пролетарской политикой, повлечет за собой много странных вещей, так как принципы внешней политики будут шаткими и субъективными. Все это вызовет зигзаги, которые могут быть и опасными.

1971

ПЯТНИЦА
1 ЯНВАРЯ 1971 г.

В КИТАЕ РЕОРГАНИЗУЕТСЯ ПАРТИЯ

Из Пекина поступают радостные вести. Коммунистическая партия Китая реорганизуется согласно указаниям Мао Цзэдуна и директивам последнего ее съезда, состоявшегося в 1969 году. В конце прошедшего года состоялся также партийный съезд провинции, в которой родился Мао, и говорят, что в этом году по очереди будут проведены все остальные провинциальные партийные съезды. **Следовательно, надо предполагать, что по всему Китаю продолжается работа по реорганизации партии, по созданию первичных парторганизаций и партийных комитетов.**

Конечно, проведена первая чистка партии от враждебных элементов и эти последние уже выгнаны из партии. Проведение Культурной революции способствовало этому решающему делу, но эта работа еще не закончена. Борьбу за чистку партийных рядов и за закалку коммунистов нужно продолжать, причем продолжать ее в новых условиях и правильным, марксистско-ленинским путем.

Поступающие сведения — и это вполне логично — говорят о том, что после образования партии они организуют профсоюзы, молодежную и женскую организации. **Интересным будет этот опыт, приобретенный китайскими товарищами в деле реорганизации партии, как и общественной, экономической и государственной**

деятельности в условиях Китая после Культурной революции.

Сама Культурная революция составляет большую политическо-теоретическую проблему, подлежащую изучению. Теперь уже ясно, что враг глубоко проник в партию, в государственные органы, в области экономики, политики и культуры. Авторитет Мао сыграл решающую роль в сложившихся в Китае очень сложных и тяжелых условиях. **Это факт, что Мао опирался на армию, являющуюся единственной организованной и, может, не зараженной ревизионистским духом силой.** Поднялись на революцию также массы, особенно молодежь, так как к этому их призвал Мао Цзэдун, который руководил ими в „этом большом беспорядке".

Я набросил на бумаге некоторые мысли о Культурной революции и о других событиях, происходящих в Китае, особенно после 1964 года. Эти мысли и соображения я формулировал на основе реальных событий, официальных позиций китайцев и т.д. Довольно часто информация, факты были отрывочными, не подтвержденными, и я вынужден был основываться на предположениях, прибегать, как сказать, к *puzzle**. Эти записи я сохранял и к ним больше не возвращался, следовательно, я оставил их в таком виде, в каком я обдумывал их, когда записывал. Набрасываемые мною в этом дневнике мысли являются, как сказать, размышлениями, основанными на происходящих в Китае событиях, на фактах, о которых много пишут на все лады, как в Китае, так и за рубежом, и я стараюсь найти, подметить нить в этом процессе сложных ситуаций. Есть, несомненно, вещи, подтвержденные временем и событиями, есть другие, понятые не как следует, есть

---

* По-английски: загадка.

и такие, которые не подтверждаются, так как таковы были ситуации, очень смутны.

Важно то, что целый континент, каким является Китай, по-видимому, избавился от ревизионистской катастрофы; там, судя по тому, что говорят, победила пролетарская революция, и это нас радует.

СРЕДА
17 ФЕВРАЛЯ 1971 г.

ЧЭНЬ БО-ДА ОСУЖДАЮТ КАК ПРЕДАТЕЛЯ

Товарищи из Центрального Комитета Коммунистической партии Китая официально сообщили нам, что **„Чэнь Бо-да объявлен предателем"**. В связи с этим вопросом они привели ряд причин, относящихся к периоду с 1925 года, самыми главными из которых являются: „Он был членом гоминьдана; в то время он писал против Коммунистической партии Китая статьи, в которых называл партию ротозейкой в политике; во всем следовал за Ван Мином, когда тот был генеральным секретарем; когда сопровождал Мао в Москве в 1950 году, три дня подряд он не ставил его в известность о том, что он делал; возражал против положения Мао о том, что власть рождается из дула ружья; был троцкистом, был сторонником Пэн Дэ-хуая и Лю Шао-ци, отредактировал „знаменитую" книгу последнего и распорядился печатать ее в органе Центрального Комитета партии „Хунци"; стоял за „рабочими группами", потом всю вину взвалил на Лю; пытался внести раскол среди военных кадров и противопоставить их друг другу (во время Культурной революции); действовал за кулисами, участвовал в майской контрреволюционной организации № 516, стремившейся свергнуть часть руководства и т.д. и т.п.".

И, несмотря на все это, его считали „выдающимся руководителем", „великим теоретиком", „близким товарищем Мао Цзэдуна и Линь Бяо", „бдительным то-

варищем", „специальным секретарем Мао" и т.п. Все эти эпитеты в его адрес не выдуманы нами, это слова, которые Мао, Линь Бяо, Чжоу Энь-лай и Кан Шэн говорили нашим находившимся с визитом в Китае товарищам, членам Политбюро, представляя им Чэнь Бо-да.

С другой стороны, Чэнь Бо-да еще с начала Культурной революции и до сих пор официально был признан одним из главных активных руководителей после Мао, оставляя позади даже Кан Шэна, не говоря уже о Чжоу Энь-лае, который совсем не входил в этот руководящий комитет. Итак, после всех этих похвал и высоких постов его объявляют предателем!

Задаем вопрос: Что это за кадровая политика? Нас нельзя убедить в том, что ничего не было известно о деятельности Чэнь Бо-да, не было известно, что тот открыто поддерживал Ван Мина, Пэн Дэ-хуая, Лю Шао-ци и др. Почему же его еще оставляли на посту секретаря Мао и, что еще хуже, как это возможно, чтобы этот оппортунист, троцкист и т.д. и т.п. возглавлял Культурную революцию, цель которой заключается как раз в том, чтобы окончательно убрать таких людей? Как это возможно, чтобы именно в разгаре этой революции главные китайские руководители на глазах у наших товарищей расточали похвалы в адрес Чэнь Бо-да?

Такое положение для нас немыслимо. Такая политика, т.е. сажать врагов на руководящие посты, восхвалять их, а затем разоблачать, будь она и совершенно макиавеллистской, совсем непонятна.

Является ли Чэнь Бо-да врагом и предателем? Это, конечно, такой вопрос, на который нам нельзя отвечать. В компетенциях Коммунистической партии Китая судить о нем на основе фактов, данных, на основе их правильного и объективного истолкования в соответствии с марксистско-ленинской диалектикой, но ведь на

основе выше сказанного мною у нас возникают большие сомнения.

Предположим, что этот человек развертывал скрытую враждебную деятельность, но о ней не знали, и она была раскрыта только в последнее время, но ведь его деятельность и его тесное троцкистское сотрудничество с такими врагами, как Ван Мин, Пэн Дэ-хуай, Лю Шао-ци, которые были уже известны и которые были разоблачены и осуждены, велись публично, открыто на глазах у всех. Так что мы опять спрашиваем: как это такому человеку доверили руководство Великой пролетарской культурной революцией, как это могли считать его главным ее руководителем после Мао и Линь Бяо? Это темное, очень темное дело.

Помню, что сообщил нам Хаки по возвращении из Китая в связи с Чэнь Бо-да, которому было поручено сопровождать его в поездке по разным провинциям Китая. Чэнь Бо-да проявил исключительную теплоту, он был очень любезным и корректным, благожелателем и поклонником Албании, нашей партии, албанского народа. Хаки подмечал и правильные критические замечания, которые Чэнь Бо-да на глазах у Хаки делал китайским ответственным работникам в связи с их работой; он заметил также большое недовольство Чжоу Энь-лая к Чэнь Бо-да, которое он открыто проявил, когда Чэнь Бо-да покинул совещание, на котором говорил Чжоу Энь-лай, сказав: „Не чувствую себя хорошо".

Теперь мы еще лучше можем объяснить подлое обращение Ли Сянь-няня с Хаки и вообще его большую отчужденность ко всем, когда он приехал к нам на праздник освобождения. Он, по-видимому, хотел сказать нам, что китайские товарищи „не согласны с поведением Хаки и с дружественным отношением к Чэнь Бо-да". Это очень подло. Они ни в подметки не годятся Хаки, который вел себя как подобает. Они поступили

гадко, выделив для сопровождения члена Политбюро братской партии такого руководителя, которого они обрабатывают как врага, и после всего этого, приезжая в нашу страну, без капли стыда таят злобу на нас в связи с таким вопросом, о котором мы совершенно ничего не знаем и который, видимо, разработан только Чжоу Энь-лаем и Ли Сянь-нянем в их головах.

Нас, естественно, очень занимает вопрос о том, когда и как закончится этот большой переполох в Китае, так как Китай имеет большое значение для мировой пролетарской революции, для коммунизма. Кто победит, замаскированный оппортунизм или марксизм-ленинизм?

Я думаю, что под сенью идей Мао Цзэдуна идет ожесточенная схватка между сильными группами, которые то сообразуются, то всплывают на поверхность, то наносят удары, то подвергаются ударам,- идет борьба за власть, за упрочение позиций; каждая из этих групп старается возможно больше и выше поднять имя Мао, рекламировать его идеи и, с другой стороны, с большим мастерством продолжать свое дело, расставлять своих людей, занять ключевые позиции, стать абсолютно „необходимой", „неприкосновенной", „некритикуемой".

Любую объективную критику в адрес главной фракции сразу же относят к области враждебной деятельности, враждебного отношения „к председателю Мао"; любой жест, любое слово анализируют сквозь эту призму и открывают старые, целиком исписанные тетрадки, которые имеются почти на всех, так как Коммунистическая партия Китая всю свою 50-летнюю жизнь провела в непрерывной фракционной борьбе, в ходе которой кадры перемешаны, запачканы, исправлены или осуждены.

Как бы то ни было, такое положение особенно тревожит нашу партию, так как мы не из тех, кто го-

ворит „аминь" тем, кто не на правильном пути или не дает нам вполне убедительных фактов о тех проблемах, относительно которых они хотят убедить нас, не введя нас полностью в курс дела.

Мы констатировали также, что китайское руководство слишком чувствительно к нашим реагированиям, которые всегда были и будут обдуманными, хладнокровными и правильными. Наши общие интересы велики, и мы будем бороться и никогда не допустим, чтобы они трактовались не правильным, не марксистско-ленинским путем.

ЧЕТВЕРГ
15 АПРЕЛЯ 1971 г.

„ПОЛИТИКА ПИНГ-ПОНГА"

Китай, как заявил Чжоу Энь-лай, два дня назад „открыл новую страницу" в своих отношениях с Соединенными Штатами Америки. Он начал эту политику с приглашения команды американских пингпонгистов, которые провели встречи с китайскими пингпонгистами в Японии.

Американские пингпонгисты вместе с четырьмя или пятью журналистами и кинематографами были приглашены в Пекин. Они поехали туда и им была оказана „хорошая, теплая встреча", **причем французкое телеграфное агентство АФП прибегало даже к сравнению, отмечая, что встреча была более теплой чем та, которая могла быть оказана команде албанцев, которые были и остаются самыми верными друзьями Китая.** Конечно, буржуазные телеграфные агентства делают из мухи слона, и этим стараются доказать, что „в Китае происходит нечто большое". Реакция будет продолжать распространять и пропагандировать эту тактику, так как она нужна ей для того, чтобы ввести в заблуждение общественность. **Однако это факт, что данное событие имеет значение не обычного спортивного события, а нового политического события.**

Вопрос о пингпонгистах это просто предлог для предприятия других новых акций, идя навстречу шагам, которые время от времени предпринимались президентами Соединенных Штатов Америки по отношению к Китаю.

Американские пингпонгисты были приняты и Чжоу Энь-лаем, что нужно считать важным политическим жестом по отношению к Соединенным Штатам Америки. **Чжоу Энь-лай не только принял их с традиционной „сердечностью", не вступая даже в полемику, но и сказал им, что Китай желает развивать дружественные отношения с американским народом.**

Никсон, со своей стороны, ответил, как сказать, по горячим следам Чжоу. Он заявил, что снимает эмбарго в отношении Китая на многие нестратегические товары, что он готов развивать торговлю и т.д. В то же время, по сообщению телеграфных агентств, Соединенные Штаты Америки вывели из Китайского моря искателей нефти.

Итак, как видно, лед трогается. Это, как говорится в народе, цветочки, а ягодки впереди. **Китайское министерство иностранных дел через нашего посла в Пекине осведомило нас об этом событии, уверяя в том, что ничего не изменилось и ничего не изменится в политике Китая по отношению к американскому империализму, советскому ревизионизму и мировой реакции.**

Китай должен выступать на международной арене как мощная, колоссальная социалистическая держава, он должен бороться за революцию, за свободу и права народов, за социализм и коммунизм. Великий Китай должен всеми силами бороться против двух великих империалистических сверхдержав — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза — расстроить их коварные планы, подорвать их поджигательские союзы, нарушить им „покой" и сорвать их планы мирового господства, которое они стремятся установить, путем порабощения народов, удушения революций и т.д.

Выхода Китая на международную арену мы желали и поддерживали его, о его необходимости мы неоднократно говорили непосредственно главным товарищам из китайского руководства. **Но главное при**

этом заключается в том, чтобы Китай оставался всегда красным, чтобы с точностью проводились в жизнь марксистско-ленинские идеи, чтобы не было отклонений от наших пролетарских принципов и нашей пролетарской стратегии. Тактические приемы в этом случае понятны, но, по нашему мнению, и они должны всегда быть принципиальными и служить стратегии.

Y китайских товарищей вошла в натуру привычка иногда переходить границы, допустимые ситуациями и моментами; порой они спешат, идут на крайности, а потом отступают. Эту тактику мы наблюдали в позициях китайцев по отношению к советским ревизионистам. Надеемся, что такая тактика не будет применяться и по отношению к американцам, к англичанам и др. Вот, например, по моему, не было уместным, чтобы американских пингпонгистов сразу же принял Чжоу Энь-лай; их мог бы принять кто-нибудь другой, и лишь в том случае, если надо было достигнуть какой-либо неотложной важной цели. Мы не знаем, в этом ли заключилась их цель. Поживем — увидим.

Ладно, мы понимаем этот шаг Китая, но многим людям в мире не так легко понимать его, а враги будут добиваться именно того, чтобы эти люди понимали его превратно в случае, если Китай, вырабатывая свою тактику, не будет проявлять осмотрительность, если он допустит опрометчивость и не будет заботиться о том, чтобы все служило стратегии и интересам революции. Неудача и успех — брат и сестра; каждая из сторон борется за то, чтобы иметь возможно больше побед и никаких потерь.

Американцы и советские также прилагают свои усилия в этих направлениях, поэтому борьба будет жестокой, она будет вестись в некоторой мере в новых условиях и конъюнктурах, которые мы должны всегда использовать для нашего дела и для их поражения.

**ВОСКРЕСЕНЬЕ
23 МАЯ 1971 г.**

ЧАУШЕСКУ ПОСЕТИТ КИТАЙ

Румын Чаушеску начал принимать и встречать всех, без исключения и без разбора. Он встречает и провожает лидеров империализма, представителей мировых банков капиталистических стран, встречает и провожает лидеров ревизионистских стран, встречает и провожает официальные китайские делегации высокого уровня и т.д. От всех получает большие кредиты: от американцев, от Германской Федеративной Республики, от Франции, от Китая — от кого только он не получает! **Румыния Чаушеску продается в кредиты с аукциона. Это называется „смерть в кредит".**

И Николае Чаушеску совершенно непристойно и без зазрения совести кичится этой антимарксистской, ревизионистской политикой, он выдает себя за настоящего коммуниста, за великого человека нашего времени, за выдающегося дипломата! Он бывает всюду, — начиная от Вашингтона и вплоть до Тегерана, чтобы отметить тысячелетия персидской империи, чтобы наградить шахиншаха — убийцу борцов и коммунистов — и чтобы получить от него орден.

Чаушеску идет по титовскому пути измены и авантюр. Он готовится сменить на международной арене Тито в американской колеснице. Чаушеску настолько зазнался, что, сравнивая Тито с самим собою, он ка-

жется ему „никудышным". Тито, правда, нам враг, однако Чауш остается чаушем перед башчаушем*.

Но несмотря на этот факт, китайские товарищи улыбаются этому антимарксисту и играют ему на руку, помогая ему своими позициями выдавать себя за марксиста, каким он не был, не есть и никогда не будет.

Патроны Чаушеску, мировой капитал, очень заинтересованы в нем, подобно тому, как были заинтересованы и в Тито, с тем чтобы он играл роль „коммуниста", чтобы его страна, Румыния, считалась страной, строящей социализм и имеющей противоречия с советскими ревизионистами. Как раз эту последнюю карту играют китайцы, чтобы оправдать свои очень дружественные связи с румынами. Китайцы шепчут нам на ухо: „Знаем мы их, они (румыны) — ревизионисты, мы знаем, что в Румынии не строится социализм, мы скандализированы помпезными встречами, которые были оказаны в Румынии де Голлю, Никсону, боннскому канцлеру и т.д. и т.п., но...".

По-моему, это „но" позволяет китайским товарищам совершать много политических ошибок в своих позициях по отношению к Румынии, и в то же время скрывать эти ошибки.

В первую очередь, „аттестат", которого Чаушеску домогается у Китая в доказательство того, что он „коммунист", не должен быть выдан ему. Но между тем китайские товарищи уже выдали его и укрепляют ему позиции. Китайцы поддерживают с румынами партийные связи, употребляют в отношении Румынской коммунистической партии настолько хвалебные термины, что перешли все границы. Скоро Чаушеску по-

---

* Из турецкого. Соответственно: сержант и старший сержант.

сетит Китай и как представитель партии, как ее первый секретарь, и там ему наверняка будет оказана величественная встреча — народом, хороводами, гонгами и миллионами людей, не говоря уже о речах! Чаушеску оплатит той же монетой — он будет расточать такие похвалы, такие восхваления, что просто удивит китайцев, которые скажут: „Как это может быть, что нас немножечко грызло сомнение относительно этого человека?!".

Конечно, Чаушеску в Китае будет умничать. Он не испытывает недостатка ни в словах, ни в хитростях. Быть может, на него возложены и „особые миссии" ...

Но как бы то ни было, только поездка в Китай поднимет коммунистический вес этому псевдокоммунисту в глазах тех, кто лелеет видеть Китай под своей пятой. Ревизионист Чаушеску черпает силы, чтобы обманывать, интриговать, бороться против марксизма-ленинизма.

Еще в то время, когда Чаушеску выразил пожелание поехать в Китай, мы не были против этого. Мы не были за отклонение его просьбы, но мы были за то, чтобы он совершил эту поездку только как представитель румынского государства, а не как представитель партии. Причем ему следует устроить не чрезвычайную встречу, а обычную официальную встречу.

А теперь посмотрим вопрос о кредитах, которые Китай предоставляет Румынии. Мы не знаем, сколько он предоставляет ей, но косвенно узнали, что кредиты эти огромны, причем предоставляются они даже в иностранной валюте. Это неправильно, чтобы социалистическое государство предоставляло кредиты ревизионистскому государству, связанному с капиталистами и империалистами, государству, подрывающему основы социализма и строящему капиталистическую экономику, экономику по титовскому образцу, предоставлять кредиты ревизионистскому руководству, восстанавливаю-

щему и укрепляющему новую румынскую буржуазию. По нашему мнению, это грубая политическая, идеологическая и экономическая ошибка со стороны китайского руководства.

Китайцы могут говорить, что „у нас своя широкая, перспективная политика, и чтобы она была выкристаллизована, мы пойдем и на некоторые уступки, пойдем и на некоторые лишения, но, в конце концов, наши деньги отдаем; вам, албанцам, мы также предоставляли кредиты" и т.д. и т.п. Это их право, **однако с политической и идеологической точки зрения, принимать антимарксиста за марксиста — это неправильно. Неправильно предоставлять Румынии кредиты, с тем чтобы новая румынская паразитическая буржуазия жила в большой роскоши в то время, когда китайский народ борется и переносит большие лишения и которому, несмотря на достигнутые успехи и на его большую работу, порой не хватает масла, мяса и даже главного — хлеба, риса.**

Это может не иметь эффекта в Китае, но зато производит эффект в Албании, в социалистической Албании, окруженной жестокими врагами, в том числе и ревизионистами, прикидывающимися коммунистами и афиширующими себя благодаря кредитам, получаемым от империалистов и от Китая, как румыны, и борющимися против нашей Республики, которая, фактически, не может претендовать на жизненный уровень новой буржуазно-ревизионистской прослойки.

Как бы то ни было, мы будем следить за поездкой Чаушеску в Китай, посмотрим и меру приемов и речей китайских товарищей. Но наша печать будет относиться к этому холодно и будет давать очень скромное сообщение в виде хроники. Пусть и китайцы поймут наше отношение к румынским ревизионистам, чью медь мы вовсе не намерены „позолотить".

СРЕДА
2 ИЮНЯ 1971 г.

КИТАЙЦЫ И ЧАУШЕСКУ

Чаушеску прибыл в Китай во главе делегации из ... 80 человек. Тут же и повар!

Ему устроили величественную встречу на аэропорте и на улицах, куда вышло более полмиллиона человек, устраивавших ему овацию. Кроме Чжоу Энь-лая и других ответственных партийных и государственных кадров, Линь Бяо направил на аэропорт свою жену, тогда как жена Мао ждала „выдающихся гостей" в „приемной резиденции". Как видно, встреча была комплектной: и оба главных были представлены своими супругами на встрече „главного Румынии".

Речь Чжоу Энь-лая была помпезной и исключительно теплой, она изобиловала такими выражениями, как „румынский народ сражался героически", „он сам освободил себя", „Румынская коммунистическая партия — героическая революционная партия", „Социалистическая Румыния ведет героическую борьбу против империализма", „Румынская коммунистическая партия и Чаушеску борются за величие социалистической Румынии", „китайский народ вдохновляется ими", „китайский народ поможет им до конца" и т.д. и другие, подобные им выражения.

В адрес кого расточат эти похвалы? В адрес признанного ревизиониста, в адрес титовца, проамериканца, так восторженно встретившего Никсона, в адрес человека, ныне якобы имеющего противоречия с со-

ветскими, но который завтра вновь соприкоснется с ними, ибо он реакционер, у него нет принципов.

Кстати сказать в ответ на речь Чжоу Энь-лая, Чаушеску с величайшей уверенностью и хладнокровием изложил свою ревизионистскую линию. **Он не сказал ни слова о Культурной революции, будто ничего и не произошло, и словом не обмолвился об американском империализме, а высказался „за единство социалистических стран и международного коммунистического движения".**

Заместитель министра иностранных дел Китая, сидевший за одним столом с нашим послом, который смотрел на это холодно и не аплодировал, оказавшись в неловком положении, говорит ему: „Мы неоднократно советовали товарищу Чаушеску не ставить так эти вопросы, он ставит их неправильно". Наш посол отвечает ему: „Напрасно вы советуете ему, он иначе вопросы ставить не может, ибо он — твердый ревизионист". — Это верно — ответил ему китаец.

Чаушеску был принят Мао. Синьхуа лишь сообщило, что он сказал делегации: „Товарищи румыны, объединимся же для свержения империализма". Навряд ли Чаушеску и его друзьям удастся свергнуть империализм!! Если мир будет ждать этого от таких, как Чаушеску, то империализм проживет десятки тысяч лет. Это пролетариат и народы борются против империализма.

Во всяком случае, Чаушеску делает свое, проводит и отстаивает свою ревизионистскую линию, продолжает среди оваций свою поездку по Китаю и наверняка получит порядочные кредиты „для построения социализма". Из Китая он заедет к своему другу, Ким Ир Сену. Из Кореи он поедет во Вьетнам, а затем в Монголию, где его ждет Цеденбал, который „собран" Брежневым, как монгольские матрешки, и нечему удивляться, если он оттуда поедет в Москву, якобы проездом.

а в действительности, для того чтобы делать уступки советским, с которыми, как он сам заявлял во всеуслышание, „находится в противоречиях", и получать от них. Наверняка Чаушеску введет Брежнева в курс достигнутых в Китае результатов и не преминет восхвалить самого себя; он поделится с ними своими впечатлениями о Китае и расскажет им о больших „надеждах", которые он питает.

Тон официальной речи Чаушеску и особенно та часть, где он говорит: **„Объединимтесь на борьбу против империализма, упрочим единство социалистических стран", наводит на мысль о том, что он был прислан в Пекин советскими со специальной миссией. Эта миссия должна заключаться в прекращении полемики с советскими и в идеологическом примирении с ними.**

Если китайские товарищи примут подобное, то это будет явным скатыванием в ревизионизм, **но я надеюсь, что Мао не пойдет на это. А что касается некоторых других, то они найдут подходящие способы и примут все это.**

Именно такую линию проповедовали Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пин в то время, когда нападки советских ревизионистов на нашу партию и наши нападки на них были в разгаре и развертывались вовсю. Мы еще тогда сказали китайцам, что мы „не пойдем этим путем; если вы хотите, идите, но это будет роковым для вас путем". Они крутились-крутились и отступили, и этот путь больше не был упомянут, но зато огонь борьбы против советских ревизионистов усилился. Теперь появился румынский „политик" и предлагает нам пуститься в хоровод предательства, куда он сам погряз, как в отхожее место. Если он не хочет доставить себе неприятности, пусть лучше не свяжется с нами, пусть он останется там, где он сейчас со своими друзьями — московскими, белградскими и другими ревизионистами, где бы они ни находились.

Ввиду некоторых слабостей китайских товарищей, связанных с политической линией, стратегия Чаушеску, Тито и их патронов стремится к тому, чтобы посредством различных тактических приемов создать в мире впечатление, что вокруг Китая, на основе определенных принципов, создается блок (не будучи блоком), и дает предположить, что, поскольку Китай на стороне Румынии, Югославии, Северной Кореи и Северного Вьетнама, то и Албания также на их стороне. Эту так называемую группировку, которую они пытаются сколотить потихонечку-помаленечку, они перекрашивают в марксистско-ленинскую коммунистическую группировку, внутри которой установлены партийные взаимоотношения, развивающиеся при некоторых внутренних, но незначительных противоречиях.

Мы должны разоблачить и разгромить эти антимарксистские и проимпериалисгические стратегию и тактические приемы. Китайские товарищи не должны давать обмануть себя и попадать в эти ловушки, **и мы не должны допускать того, чтобы дело выглядело так, будто в маневрах, в которые ревизионисты заигрывают с китайцами, мы заодно с ними и одобряем их. При любом, представляющем угрозу вопросе мы должны занимать свою независимую позицию, с тем чтобы общественность понимала, что мы не идем на сделки с ревизионистами, а проводим свою независимую марксистско-ленинскую политику и занимаем свои независимые марксистско-ленинские позиции.**

С китайцами мы должны открыто, по-товарищески обсуждать многие из этих вещей, которые мы считаем важными вопросами, касающимися политической линии. Как всегда, мы с ними будем откровенными и искренними, ибо мы хотим, чтобы в нашем марксистско-ленинском единстве не было никакой тени. Независимо от того, нравятся или нет китайским товарищам наши товарищеские замечания, мы их будем делать, когда

это надо. Мы считаем, что, когда каждая из сторон высказывается открыто, исходя из интересов марксизма-ленинизма и общей линии, это положительно, и марксисты-ленинцы не могут не поразмышлять над этим; даже и тогда, когда взгляды различны, время, диалектический и революционный ход событий подтверждают правильность любого положения, любой позиции, будь это правильная или ошибочная.

ПОНЕДЕЛЬНИК
7 ИЮНЯ 1971 г.

ПОСЛЕ ЧАУШЕСКУ КИТАЙЦЫ ЖДУТ И ЮГОСЛАВА ТЕПАВАЦА

Чаушеску уже завершает свою поездку по Китаю. Министр иностранных дел Югославии, Тепавац, начнет ее завтра или послезавтра. Синхронизированные поездки. Один не дает яйцу другого остывать. Оба — товарищи, друзья, союзники-ревизионисты. Оба, как румын, так и югослав, выдают себя за коммунистов, марксистов-ленинцев, за „бешеных" антисоветчиков, за столь же „бешеных" антиимпериалистов.

Первый, Чаушеску, делает вид, будто уже имеет „аттестат" марксиста, и пытается закрепить его печатью Мао. У другого же, югослава, „аттестат" разорванный и запятнанный, но он хочет склеить, умыть и сполоснуть его опять-таки печатью Мао. Итак, требуется печать, и, конечно, оба этих высоко метящих „добряка", скоординировали свои действия, тактические приемы и стратегию.

Китай, по крайней мере румына, о котором мы уже знаем, встречает цветами, эпитетами, восхвалениями, гонгами и народом. Это внешняя сторона. Посмотрим, какая будет устроена встреча югославу. Полагаю (однако ничего не известно), что народом Тепаваца встречать не будут, но Чжоу Энь-лаем, шефом китайской дипломатии и всего китайского, он обязательно будет принят, причем незамедлительно. Югослав Тепавац так ловко будет маневрировать, наплетет им ве-

щей „столь вероятных, столь занимательных, столь политически правильных", что, как я полагаю, перед ним будут распахнуты и ворота Мао, которому он может вручить какое-нибудь товарищеское и дружеское приветственное послание от Тито.

Лед тронулся под предлогом антисоветизма. Позже Тито с Йованкой или Чжоу Энь-лай могут совершить поездку по странам друг друга, „понятно", отстаивая разделяющие их взгляды, но сотрудничая на основе объединяющих их взглядов.

Мастер Тито и его маленький, но одержимый большими чаяниями подмастерье Чаушеску, под ширмой антисоветизма будут маневрировать в целях сближения с Соединенными Штатами Америки, где у них и голова, и кормушка. Горе тем, кто попадает в их ловушку!

Голодным и запах хлеба нравится. У титовцев котомка полна информации, мастерски преподнесенных и состряпанных в специальных кухнях западного шпионажа. Они легко могут продеваться в игольное ушко, как хитрые дипломаты и даже как „марксисты", если не заострить бдительность по отношению к ним. Они матерые обманщики, способные брать других в клещи, восхваляя великое или малое государство. Им все равно, они готовы, ничего не признавая, „признать" ошибки, допущенные в отношении других, пока не запустят когти в горло.

Чаушеску трубил о том, что по пути в Китай не проедет через Москву. Теперь, когда он уже обеспечил себе поездку в Пекин, он заявил, что посетит и Монголию — советскую колонию. Румынские послы в Европе готовят почву для проезда Чаушеску через Москву в целях утверждения сей раз „нейтральности" и в доказательство того, что он в Китае добивался „единства социалистических стран".

Мы не знаем, что еще понесет Чаушеску в Моск-

ву, но несомненно, он понесет такие заверения, как „китайские товарищи очищают свою линию от крайностей" и т.д. и т.п. Стало быть, то, что говорят и нам, китайские товарищи еще более подробно говорят своему другу и товарищу, Чаушеску.

Чаушеску, несомненно, посоветует советским набраться немножко терпения, не „форсировать" ход событий, ибо они и титовцы уже работают. Ревизионисты будут продолжать свое ремесло и зарабатывать у своих клиентов, которым они оказывают особые услуги.

Не может отличаться от Тито Николае Чаушеску, который норовит занять его место и играть его роль, получать, всегда после предательского и торгашеского акта, чек на доллары или на рубли. Все, что я говорю, подтверждено и вновь будет подтверждено временем.

ВТОРНИК
8 ИЮНЯ 1971 г.

ЧЭНЬ БО-ДА ОБВИНЯЮТ ВО ВСЕХ ГРЕХАХ

Гэн Бяо, бывший посол Китая в нашей стране, а теперь заведующий внешним отделом при Центральном Комитете Коммунистической партии Китая, сказал нашему послу в Китае приблизительно следующее: Мы очень заняты делами, ибо очищаем линию от искажений и грубых ошибок, совершенных Чэнь Бо-да.

Каковы эти ошибки, совершенные Чэнь Бо-да? Превозношение культа Мао, пение дифирамбов Мао; обвешивание стен цитатами и портретами; раздутая и бессодержательная пропаганда; неуглубленное изучение теории; замазывание недостатков; тенденция во всем выдвигать на первый план Китай и т.д. и т.п.

Ну и прекрасно, исправляют недостатки и ошибки в политической линии. Это положительно. Но опять-таки ставится вопрос: только ли „подлый Чэнь Бо-да" наделал этого? Был ли Чэнь Бо-да подлый или нет — это они лучше нас знают. А остальные где были? Почему они допустили эти „ошибки в политической линии"? И в какое время они допустили их? Именно тогда, когда велась борьба против группы Лю Шао-ци и когда надо было проявлять очень высокую бдительность в борьбе за чистоту линии!

Обвешивание стен цитатами и портретами, неуглубленное изучение мыслей и идей Мао Цзэдуна установленными для этого формами и методами, а также пение дифирамбов (по оркестровке и под руководством

самого Чжоу Энь-лая), — неужели все это дело ума и рук одного только Чэнь Бо-да? Выходит, что он „странный диктатор", который никого не признает, ни с кем не считается и поступает так, как ему заблагорассудится. А другие что делали? Спали, что ли? Не заслуживают ли они критики хотя бы за это? Один раз заснули, второй раз заснули, кто поручится за то, что они не заснут в третий раз?!

Подтверждается все то, что мы говорили относительно этих вопросов, о которых мы судили по внешним фактам. Тем не менее мы говорили, что некоторые вещи, хотя это и не соответствовало нормам марксистско-ленинской партии, в процессе Культурной революции *à la rigueur** могли быть допущены; так, например, при тех обстоятельствах необходимо было поднять авторитет Мао во имя торжества над бандой Лю Шао-ци и т.д.

Однако китайские товарищи говорят нам теперь, что настоящая чистка линии производится „в связи с выходом Китая на международную арену", „чтобы быть корректными с зарубежными гостями и др.". Если все это делается в силу этих причин, то опять-таки это беспринципность, это конъюнктурщина, это отдает оппортунизмом.

Будут ли сохранены марксистско-ленинские принципы в нынешней линии, стратегии и тактике Коммунистической партии Китая и китайского правительства? Это смягчение и прогрессивное расширение на чжоуэньлайский манер сохранят ли пределы линии, твердой в принципах и гибкой в действиях, или же гибкость возьмет верх над принципами, приведет к их извращению, пока не найдется снова, наконец, какой-нибудь Чэнь Бо-да, чтобы взвалить на него вину, или пока не

---
* По-французски: В крайнем случае.

одержит верх какой-нибудь другой Чэнь Бо-да и не станут Чэнь Бо-да те, кто отстаивал противоположные линию и принципы?

Если придерживаться пути, который по душе иностранцам, то мы знаем, чего они хотят; мы знаем также, что этот путь прокладывается не сразу, а подготавливается, проводится прогрессивно, пропагандируется, „иллюстрируя" его марксистско-ленинской теорией, идеями Мао Цзэдуна, внутренней пропагандой и „зарубежными друзьями" „хорошо" отмечаются „блага, достижения, международная слава", которые принесла „эта столь умная и гибкая марксистско-ленинская линия".

Так что Чаушеску начал работу с официальной поездки в Китай, и, хотя он ни словом не обмолвился о Великой культурной революции, ему были оказаны очень большие почести и было предоставлено много помощи, он был назван „марксистом-ленинцем". Югослав Тепавац следует за Чаушеску. Югославские титовцы — мастера на интриги. Они видят, что китайское железо горячо, и спешат ковать его, не давая ему остывать.

Китайцы сказали нам, что они решили пускать в Китай американских сенаторов, дельцов, журналистов, социологов и т.д. С этого начали и советские.

Да не быть чему-нибудь дурному!

СУББОТА
12 ИЮНЯ 1971 г.

В КИТАЕ ВСТРЕЧАЮТ ТИТОВСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Поездка Тепаваца в Китай совершается по приглашению китайского правительства. В шанхайском аэропорте он был встречен народом, знаменами и главными городскими властями. В пекинском аэропорте встреча была более теплой. Более пяти тысяч человек вышло туда с цветами, знаменами и гонгами. Его встретил Ли Сянь-нянь со своей обычной свитой.

Югослав остался довольным встречей. Это отмечается и титовской прессой. Китайцы также остались очень довольными. Это отметил Ли Сянь-нянь в своей речи на устроенном им банкете. На это указывают статьи „Жэньминь жибао", которые вот уже несколько дней как занимают целую страницу, посвященную этому событию.

Нашему послу в Пекине до сих пор они не говорили ни слова. Мы судим только по речам Ли Сянь-няня и Тепаваца.

Ли Сянь-нянь обратился к югославу с очень теплым, очень дружелюбным тоном, он не затронул партийных, идеологических вопросов или вопросов, по которым они не „согласны"; насколько я заметил, он не сказал, что в Югославии строится социализм, однако дал понять это; обо всем же остальном он говорил и закончил свою речь, провозгласив тост за здоровье Тито. Ли Сянь-нянь громогласно и в то же время услужливо

(с очевидной целью сближения и примирения) превознес югославских ревизионистов.

Помимо высокой оценки героических подвигов народов Югославии в период второй мировой войны, являющихся реальной действительностью и заслуживающих того, чтобы о них говорить, **Ли Сянь-нянь (без адреса) превознес и нынешнюю борьбу, которую югославы, дескать, ведут против империализма!!, их борьбу и сопротивление великой державе, которая в последнее время (?!) вмешивается в дела Югославии. (Под „великой державой" подразумевается Советский Союз, но под этим можно подразумевать и время Сталина.)**

Ли Сянь-нянь славословил политику Тито „в третьем мире" и большую роль югославов-титовцев в этом направлении. Он выразил благодарность за постоянную помощь, которую Югославия оказывала Китаю в Организации Объединенных Наций, отметил „правильные" позиции титовцев в отношении Вьетнама, Камбоджи, арабских стран и т.д. и т.п., и заключил, отметив, что они будут сотрудничать, будут сосуществовать, будут помогать друг другу и т.д. и т.п. красивые и хорошие слова, будто совершенно ничего не случилось между марксистами-ленинцами и титовцами.

Речь же Тепаваца изобиловала нюансами, она звучала уверенно, была речью дипломата, горячей и в то же время холодной, как змеиная кровь. Титовец изложил свою линию, хорошо ставя точки над „и". Он расточил некоторые нормальные похвалы в адрес китайцев (великий поход, китайское терпение), однако он не преминул сказать, что „не хорошо знаем друг друга", что „мы, югославы, не против великих держав, а против их диктата", что „положение в мире мы находим тревожным", что „мы в Югославии строим социализм", что **„мы стоим за европейскую безопасность", что было одобрено Ли Сянь-нянем в его речи и т.д. и т.п.**

Не отсутствовали предложения о дружественном сотрудничестве во всех областях, и титовец закончил свой „букет" здравицами, среди которых четыре были особыми: одна за Мао, другая за Линь Бяо, третья за Чжоу Энь-лая и, наконец, последняя за Ли Сянь-няня (четыре человека, которые правят Китаем). Наверняка это очень угодило китайцам.

Позже Тепавац посетил какие-то фабрики, китайскую стену, могилы императоров и покушал палочками, по китайскому традиционному обычаю. Китайцы отмечали все это. Наконец, ему устроил теплый прием Чжоу Энь-лай. Ничего не говорят о том, что было сказано, о чем они беседовали. Нашему послу ничего не говорят ни об окончании переговоров с Чаушеску, ни об окончании переговоров с Тепавацем. Хорошо, мы ждем, мы терпеливы.

Однако ясна одна тенденция. С одной стороны, румыны под личиной коммунистов и поддерживая партийные связи с китайцами, с другой стороны, — югославы под личиной коммунистов, за которых китайцы еще их „не признают и с которыми не поддерживают партийных связей", прилагают усилия и добиваются своего — сблизиться с Китаем, считать себя и стать его лучшими в мире друзьями (за исключением пока что, думают они, Албании, которая, по их мнению, а, может, и по мнению китайцев, может быть преодолена, либо став соучастницей в их сделках, либо оставаясь чем-то незначительным и анахроничным). Так настроен и Китай, в эту дудку играет и он.

В настоящее время Китай считает „первым другом и товарищем" Албанию и Албанскую партию Труда; во вторую очередь — Вьетнам и Корею; в третью очередь — и здесь его звезда начинает восходить в Европе — Румынию и Югославию. В дружбе с этими лжекоммунистами ревизионистской Европы, с этими проамериканцами преобладает антисоветчина. Именно

на антисоветчину опираются китайцы, развивая дружбу с этими двумя странами, якобы в государственном плане, но на очень размягченной идеологической платформе. Румыния и Югославия также используют советско-китайские противоречия в целях смягчения своих противоречий с советскими.

Обе стороны стараются извлечь выгоды из обстановки, которую они сами создали и которую они накачивают. **Два европейских паломника упрочивают свои позиции в отношении американцев и других капиталистических государств, а также в „третьем мире", показывая им, что они являются друзьями колоссальной державы, которая идет в гору и без которой невозможно продвижение вперед.** Югославские и румынские ревизионисты, понятно, являются соавторами чего-то большого, которое подготавливается.

С другой стороны, Китай норовит, — и я считаю, что он шалит, ибо расчеты не в его пользу, — опираться на двух международных политических *forbans, * **от которых проку нет и сближение с которыми лишь пятнает ему репутацию. Мы будем свидетелями такого ненормального для Китая развития. Формы не могут долгое время скрывать содержание.**

О сосуществовании можно говорить много, причем его можно называть „ленинским" с большой буквы, однако суть в содержании. Оно должно быть действительно ленинским, иначе грош цена этому сосуществованию. Посмотрим! Посмотрим! Да будем мы неправы! Мы готовы выступить с самокритикой, в случае если ни одно из того, что мы предсказываем, не сбудется. **Однако народ говорит: „нет нужды в объяснениях, коли дело как на ладони".**

---

* По-французски: разбойник.

ВТОРНИК
22 ИЮНЯ 1971 г.

КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ „ИНФОРМИРУЮТ" НАС О СВОИХ ПЕРЕГОВОРАХ С ЧАУШЕСКУ

Ну и информация! Ее сделало какое-то четвертостепенное или пятостепенное лицо из внешнего отдела Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, а не Гэн Бяо, как он сам обещал нашему послу, так как, видите ли, он был занят делами!

Информация изобиловала общими рассуждениями, сообщениями о том, кто прибыл и кто отбыл, т.е. содержала то, что передано Синьхуа и опубликовано в газетах, цитаты из публичных выступлений Ли Сяньняня и Чаушеску.

Потом было сказано, что Чаушеску поехал в Китай в целях укрепления своих позиций и позиций Румынии в мире, и чтобы попросить у китайцев экономической помощи, „ибо он находился перед трудностями", и китайцы дали ему 60 миллионов долларов в валюте и товарах.

Чаушеску предложил китайцам прекратить полемику с „Коммунистической партией Советского Союза и другими партиями социалистических стран", вступить в СЭВ и участвовать в международных организациях, таких как Всемирная Федерация Профсоюзов и др., и улучшить отношения с другими ревизионистскими партиями мира ради единства международного коммунистического движения.

Наконец, в заключение, китайцы заявили нашему

послу, что переговоры завершились с успехом, усилилась „борьба против американского империализма и советского социал-империализма". Чаушеску хорошо высказался о Китае, о развитии промышленности и, как об этом выразились китайцы, он сказал: **„Об этом пишет румынская печать, мы начали воспитывать румынский народ".**

„С Чаушеску все пошло хорошо, — сказали нашему послу китайцы, — но у нас с ним были и противоречия. Мы не были согласны прекратить полемику с советскими даже через 8000 лет; **мы не объединимся с ними на борьбу против империализма; мы не войдем в международные организации, против ревизионистов будем бороться вне этих организаций, а не участвуя в них".**

Таковы были противоречия. По всем остальным вопросам переговоры прошли как по маслу. Чаушеску заверил китайцев в том, что советские не будут нападать на них и что нет больше опасности второй Чехословакии. Как видно, румын Чаушеску принес китайцам „все блага".

К чему нам то, что нам шепчут китайцы на ухо? Чаушеску по многим вопросам навязал им свой шаг. Он не давал китайцам нападать на советских ревизионистов, позаботился о том, чтобы в коммюнике и выступлениях даже не было намеков на то, что Советский Союз обижает румын, а предложил и выразил свою готовность содействовать тому, чтобы Китай пошел навстречу советским ревизионистам. Чаушеску ничего не хотел изменить в своих ревизионистских формулировках. Его намерение как можно больше сблизить китайцев со своими взглядами было очевидным.

Чаушеску добивался того, чтобы было зафиксировано, сколько всего социалистических стран, однако китайцы не попали в эту ловушку.

Но поняли ли китайцы, кто такой Чаушеску? Если поняли, то зачем они устроили ему такой величественный прием, оказали ему столь много почестей, воздали ему столь много похвал?

Чаушеску хотел перечеркнуть даже и термин „марксистско-ленинские партии", когда в коммюнике говорилось об обеих партиях, он хотел, чтобы употреблялся термин „братские партии". Ясны как намек, так и цель. Китайцы, конечно, "окунули в воду Чаушеску и вымыли его", настаивая на употреблении термина "марксистско-ленинские партии". Так что Румынская коммунистическая партия получила от китайцев печать, подтверждаюшую, что она "марксистско-ленинская партия", тогда как на самом деле она является насквозь ревизионистской партией.

Что получается из всего этого? Ясно, что государственные отношения взяли верх над идеологической линией Коммунистической партии Китая. Эта последняя, идеологическая линия, подчинилась государственным отношениям. Были попраны, искажены или умалены многие основные идеологические принципы, как и многие важные принципы, лежащие в основе политической линии, причем не случайно, а идеологически вполне сознательно. Не важны многосмысленные фразы, которые нам шепчут "на ухо" о том, что "переговоры с ними и их поездка позволяют нам узнать, кто они такие"(!). Очень поздно узнали их!! Разве у них не было времени узнать их раньше?! Было вдоволь и времени, и дел, доказывающих, кто такой Чаушеску с компанией. Однако какова польза от одного слова, сказанного на ухо, если официальные позиции говорят о противоположном, если решения и действия в области политического, идеологического, экономического и военного сотрудничества говорят о другом? Мы уверены в том, что последующие события докажут, что мы правы. Ко всему мы подходим сквозь политическую и иде-

ологическую призму, не смешиваем государственные отношения с партийными, однако и государственные отношения не стоят вне сферы политики и идеологии партии, поэтому мы трактуем их очень осторожно, с тем чтобы не перейти грань. Враги прилагают много усилий и прибегают ко всякого рода ухищрениям, чтобы увести тебя на путь извращения марксистско-ленинской линии. А чтобы не скатиться на путь врага, нужны марксистско-ленинское идеологическое формирование, зрелость, убежденность и решительность. Обладая всем этим, можно двигаться вперед, ограждая себя как от сектантства, так и от оппортунизма, не рискуя оказаться в изоляции, не скатываясь в ревизионизм и не переходя в объятия капитализма.

ДУРРЕС, СУББОТА
24 ИЮЛЯ 1971 г.

ПРИЕМ НИКСОНА В КИТАЙ — БОЛЬШАЯ ОППОРТУНИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Никсон поедет в Пекин. Мы несогласны с этим, поэтому думаю, что надо написать китайцам письмо. Вот какими были бы основные тезисы:

Поблагодарить за информирование товарищем Чжоу Энь-лаем нашего посла в Пекине, который специально приехал в Тирану и доложил нам о том, что ему было сообщено. (Желательно во вступлении изложить в очень сжатом виде, употребляя аутентичные выражения Чжоу, те вопросы, которые мы будем выдвигать или оспаривать, но так, чтобы все отличалось логической последовательностью. Этим мы говорим китайским товарищам, что наш ответ основан на информации Чжоу.)

Дадим тираду, в которой отметим, что обе наши партии, оба наших правительства и оба наших народа **стояли на одной и той же передовой линии фронта борьбы против американского империализма, советского ревизионистского империализма и мировой реакции,** добились успехов и т.д. и т.п. Эти враги нападали на наши страны, на наши партии, на марксизм-ленинизм, но они потерпели поражение, они уже разоблачены, а наше единство окрепло.

Будем говорить о большой роли Китая на международной арене, о том, как другие боролись против него и как мы защищали его.

Будем говорить о Культурной революции, о надеждах врагов и о победе этой революции в Китае.

С продвижением вперед Культурной революции и изменением соотношения сил, враги начинают „улыбаться Китаю", ложные друзья прикидываются его искренними друзьями, ревизионистские предатели, давно ставшие на службу у американского империализма и находящиеся в конъюнктурных разногласиях с советскими ревизионистами, выдают себя за друзей Китая, за врагов советских, за врагов Соединенных Штатов Америки и решительных друзей „третьего мира". Все говорят о мирном сосуществовании: многие государства признают Китай и Албанию. Такую благоприятную конъюнктуру, созданную не волей наших врагов, а нашей решительной борьбой, мы должны были умело использовать всякий раз, когда представлялся случай, **и всегда соблюдая принципы и сохраняя достоинство наших социалистических государств.**

Мы стояли и стоим за то, чтобы Китай выступил на международной арене как великая и могучая социалистическая держава и чтобы заодно с ним все мы, все народы мира сказали свое слово, навязали свою волю великим империалистическим державам — советской, американской и другим, — и сорвали их коварные, поджигательские, колониалистские, поработительские планы.

Мы считаем нужным координировать нашу совместную борьбу, особенно когда речь идет о „большой стратегии". Поэтому вы должны правильно понимать нас, мы никогда не стояли, не стоим и не будем стоять за то, чтобы великий Китай не вел переговоры с кем ему угодно, чтобы он не устанавливал дипломатические отношения с кем ему угодно, хотя бы и с американским империализмом. **Но, когда речь идет об изменении тактики, не говоря уже о стратегии, по отношению к американскому империализму, мы дума-**

ем, что близкие друзья должны консультироваться между собой, чтобы взвесить как минусы, так и плюсы предпринимаемого шага, если он должен иметь большой международный эффект и резонанс.

Принимать у себя президента Никсона и вести с ним переговоры, не имея дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки, а, наоборот, в условиях враждебных отношений между обоими государствами, и главное, зная, что мы имеем дело с врагом номер один народов — **это неправильно, это не будет одобрено народами, революционерами, настоящими коммунистами. Мы из тех, кто не одобряет такое решение, и мы не будем поддерживать его.**

Мы выразим свое убеждение в том, что китайские товарищи не пойдут на уступки в принципах, что они будут как следует бороться против американского империализма, и что **эта наша разумная марксистско-ленинская позиция сразу же окажется в вопиющем противоречии с принятым ими решением, которое мы будем считать опрометчивым.**

Мы должны указать им, что враги — американский империализм, советский ревизионизм, титизм, румынские ревизионисты и вся мировая реакция — уже согласовали свои действия по дискредитированию политики Китая. **Не следует забывать, что пробным камнем, тем, что разделяет нас от врагов, является жестокая, бескомпромиссная борьба, борьба зуб за зуб в первую очередь с американским империализмом и советским социал-империализмом.**

Нам кажется, что продолжение переговоров с американцами по вопросам, имеющим значение для Китайской Народной Республики, как и по международным вопросам **важно при некоторых определенных условиях, а именно: когда это в интересах Китая и дела революции вообще; когда стороны идут на эти переговоры по крайней мере в одинаковых условиях, что осо-**

бенно касается Китая; когда Соединенными Штатами Америки уже будет признано правительство Китайской Народной Республики как единственно законное правительство китайского народа и когда ими будут выведены войска с Тайваня, и т.д., и когда эти переговоры не посягают на интересы народов, революции и марксизма-ленинизма. При этих условиях мы не против переговоров и понимаем, что для достижения всего этого переговоры можно проводить и по ступеням, но, естественно, очень осторожно; **однако мы не согласны, чтобы эти переговоры по ступеням сразу перешли от „никчемных контактов" к встрече высших государственных деятелей обеих стран — Китая и Соединенных Штатов Америки — лишь потому, что Никсон не раз изъявлял такое желание!** По нашему мнению, этого нельзя называть „простой постепенностью переговоров", это есть очень сложная, причем не без последствий, постепенность.

Мы ничего не слыхали о том, „чтобы Никсон три года подряд изъявлял свое горячее желание посетить Китай", но верим вам. **Желание этого президента-фашиста посетить Китай понятно, это желание агрессора, палача народов, врага коммунизма, социализма и особенно Китая, у которого он оккупирует Тайвань и против которого заодно с советскими ревизионистами составлял заговоры. Он является особенно врагом Албании, народно-демократического правительства которой Соединенные Штаты Америки никогда не хотели признавать и против которой, сообща с титовцами, греческими монархо-фашистами, итальянскими неофашистами и советскими ревизионистскими социал-империалистами составляли тысячу заговоров.** Поэтому мы, с нашей стороны, вовсе и не думали следить за „подобными желаниями" этого палача, задавшегося целью дискредитировать Китайскую Народную Республику и от-

колоть ее от друзей, чтобы размахивать затем якобы оливковой ветвью в то время, когда на Вьетнам и другие страны сбрасывались ужасные количества бомб. Однако мы исходили из того, что, подобно Албании, и Китайская Народная Республика стояла гранитной скалой и разоблачала этого палача, боролась с ним.

Неудовлетворение китайскими дипломатами желания Никсона посетить Китай при таких условиях (о котором мы узнаем теперь через данное сообщение) вы (китайцы) считаете „ультралевым поступком" вашего Министерства иностранных дел. Это ваше право, но, поскольку вы ставите нас в известность, мы выражаем вам наше мнение, а оно таково, что не следовало удовлетворить желания Никсона.

Говорят, что „варшавские переговоры проходили открыто и о них знал весь мир". Это может быть так для всего мира, но не для нас, для Албании, верного союзника Китая, которого никогда не ставили в известность об этих переговорах, кроме как теперь.

Мы теперь впервые узнаем также о том, что Китай дал свое согласие в Варшаве, чтобы Соединенные Штаты Америки направили в Китай специальные высокопоставленные должностные лица для подготовки визита президента в такое время, когда США расширяли войну и усиливали свои налеты против народов Индокитая. Это мы считаем глубоко неправильным как принцип, как стратегию и как тактику.

Мы думаем, что приезд пингпонгистов не случаен. Он не имел своей целью „установление связей с американским народом", а, наоборот, явился предлогом для восстановления порванных связей и проведения в жизнь совершенных сделок.

Соображения и выводы о положении в Соединенных Штатах Америки возведены в абсолют и трактованы нереально, для того чтобы они помогли объяснить предпринимаемый ими политический шаг: „Американский народ не хочет войны", „он проводит демонстрации", „идут уличные бои, убиты четыре студента", „швыряют ордена в парк Белого дома", „американский народ не против режима, он против Никсона". И этого Никсона, которого американский народ „ненавидит", приглашают в Пекин!

Эйзенхауэра в Японии, Джонсона и Никсона везде (за исключением Югославии и Румынии, где их встречают цветами) встречали помидорами, тухлыми яйцами и демонстрациями.

Мы считаем, что **революция на подъеме, что народы борются за свободу, что американский империализм слабеет и переживает тяжелый кризис, причем не только он, а вся мировая капиталистическая система,** и это вопреки их воле, независимо от их захватнических и кровавых войн. **Однако картина, которую рисует нам товарищ Чжоу Энь-лай, приводя ряд вполне реальных фактов, не может служить подтверждением вывода о том, что „американский империализм совершенно измотан и достаточно дуть на него, чтобы он рухнул", хотя в доказательство этого и приводятся цитаты самого Никсона.**

Врага не следует ни переоценивать, ни недооценивать. Это правда, что в Соединенных Штатах Америки устраиваются выступления протеста и демонстрации против войны во Вьетнаме, однако они пока что еще спорадичны, **и нельзя сказать, что „Соединенные Штаты Америки стоят перед большой революционной бурей". Мы не так смотрим на это дело. Американский народ, в силу своего экономического положения, в силу вдохновляющей его идеологии, своего образа жизни,**

своих обычаев, традиций, связей и др. далек от того, чтобы стоять на революционных позициях. Потечет много воды под мостами американских рек, прежде чем настанет это время. Мы уверены в том, что это время обязательно настанет, но для этого нужна упорная работа, упорная борьба. Не следует строить себе иллюзий.

Теория контактов с народом.

„Мы проводим дипломатию народа", говорят они, тогда как на деле проводят дипломатию лидеров. При этом приведем пример наших отношений с югославами.

По аналогии китайцы должны поступать с советскими так же, как и с американцами. Значит, поехать Брежневу в Пекин.

Изложить нашу позицию в отношении советских ревизионистов.

Нельзя верить словам американского империализма. „Американская армия будет подточена", „Никсон приезжает потому, что не хочет продолжения войны" (т.е. американский империализм больше не хочет войн!!), „Никсон стремится смягчить Китай" (да, чтобы ослабить и натравить его на советских ревизионистов, с которыми Соединенные Штаты Америки, должно быть, имеют противоречия).

Теория войны и мира.

Мы не верим, чтобы Соединенные Штаты Америки вывели свои войска и сняли свои базы, которые они имеют в различных странах мира, если они не будут вынуждены к этому борьбой. Пример Ливии многого не подтверждает. Если Соединенные Штаты Америки

думают, что их марионеткам надо самим бороться против поднимающихся народов, получая от Америки помощь деньгами, то это значит, что Соединенные Штаты Америки приговорят к смерти самого себя и своих марионеток. Не следует питать иллюзий о том, что это произойдет по воле Америки. Отступать от какой-либо страны после понесенного поражения, не значит не вмешиваться в какую-нибудь другую страну.

Переговоры о войне во Вьетнаме целесообразна лишь в том случае, если им предшествовали консультации с вьетнамцами и если они ведутся на правильных, принципиальных основах. Мы уже определили свою линию относительно войны во Вьетнаме и снова излагаем ее им.

Вновь подтвердить наше отношение к Тайваньскому вопросу.

Японская проблема.
Корейская проблема.
Индийский вопрос.

Что сказал Киссинжер?

Было бы правильнее, если бы мы предварительно обсудили этот „большой стратегический план", ибо фактически тут имеем дело с новым стратегическим планом, с переговорами в верхах непосредственно между Китаем и Соединенными Штатами Америки в особых условиях.

Линия нашей партии останется неизменной.

В заключение можно сказать, что китайцы совершили большую оппортунистическую ошибку, показали

себя правыми, их поступок является ревизионистским и предосудительным. Они ни в коем случае не должны были согласиться с тем, чтобы Никсон приехал в Пекин. Этим политическим актом они дезориентируют международное революционное движение, сдерживают революционный порыв, душат его и способствуют разжиганию самых отвратительных пацифистских настроений. Они наносят тяжелый ущерб новым марксистско-ленинским партиям, которые видели в Китае и в Мао Цзэдуне стержень революции и защитника марксизма-ленинизма.

Современные ревизионисты очень довольны тем, что сделал Китай, ибо такой поступок льет воду на их мельницу. Они будут широко использовать это и посредством хитрой демагогии подточат тот положительный капитал, который приобрел Китай. **Они будут маневрировать так, чтобы Китай как можно глубже погряз в ревизионистское болото, и в дружбе с американцами они возведут в теорию антисоветизм великого китайского государства.**

Мировой империализм и капитализм извлекают пользу из такого поступка Китая. Он, своим поступком, содействовал фашисту Никсону, создал ему большие возможности снова победить на президентских выборах, создал ему возможность выдавать себя за „президента мира, за великого президента". Никсон этим самым завоевал право на роль „судьи" между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Обе эти страны делают вид, будто хотят дружбы с американским народом, однако они сочиняют и договариваются с президентами. Договариваясь с президентами, обе стороны утверждают, что устанавливают контакты с американским народом и что „этим они расшатывают трон американского империализма". Все это значит пускать пыль в глаза общественности, ибо, чтобы американский народ подвергался влиянию Китая, для это-

го нет нужды в том, чтобы в Пекин приезжал Никсон или какой-нибудь другой президент. Борьба и идеи не знают границ.

Правда, что американскому империализму надо „расшатать трон внутри страны", но правда и даже сущая правда и то, что ему надо расшатать и подорвать трон и за ее пределами. Сила американского империализма кроется не только внутри самих Соединенных Штатов Америки, но и за их пределами, а за их пределами — их слабая струна. Американский империализм эксплуатирует народы мира и эту эксплуатацию он сохраняет при помощи силы, войск, баз, заговоров, которых он не только не уменьшает, как утверждает Чжоу, но и будет увеличивать. Именно здесь надо бить посильнее. Этот фронт никоим образом нельзя ослаблять. Если Соединенные Штаты Америки потерпят провал в этом, то их империи наступит конец, подобно английской империи, и лишь тогда можно предвидеть тяжелые кризисы в самих Соединенных Штатах Америки.

**ДУРРЕС, ПОНЕДЕЛЬНИК
26 ИЮЛЯ 1971 г.**

ВОПИЮЩИЙ РЕВИЗИОНИЗМ

Китайско-американский медовый месяц начался. Сваты, наконец, провели предпоследние встречи для подготовки большой свадьбы — встречи Мао с Никсоном.

„Длительные и сердечные" переговоры „между старыми друзьями" — Мао Цзэдуном, Чжоу Энь-лаем и Эдгаром Сноу — закончились с успехом, как арии начала „Мадам Баттерфляя". Их содержание стало известно Никсону (ибо в этом заключалась цель этих переговоров), стало известно американской реакции, стало известно Уолл-стриту, наверняка стало известно союзникам Соединенных Штатов Америки и, в первую очередь, советским, и только от албанцев, „верных союзников" Китая, китайцы это скрывали и скрывают.

Мы ставим простой вопрос: Почему? Что тайного в этих переговорах, чтобы не посвящать нас в их содержание? Ответ также прост: переговоры не проходили на основе марксистско-ленинской линии, поэтому китайские товарищи боятся посвящать нас в них.

С Эдгаром Сноу они, несомненно, вели переговоры на все лады об их стратегии и тактике. Эдгар Сноу наверняка многое у них выведал, ни во что не посвящая их. Ситуацию он нашел очень благоприятной для американского империализма и осуществил „сватовство", которому, к несчастью Чжоу Энь-лая, три года подряд

мешали вооруженные нападения на Вьетнам и на весь Индокитай (как сам Чжоу говорит).

Беседовать с посланником американского империализма, выдающим себя якобы за друга Китая, быть уверенным, что сказанное тобою ему он „в свежем виде" передаст лидерам империализма — впрочем потому и велись переговоры и, с другой стороны, не ставить в известность в первую очередь твоего друга и союзника, Албанию, а затем и всю мировую общественность, **это подлость, это вопиющий ревизионизм, это не „народная дипломатия", на которую претендуют китайцы, а тайная дипломатия вкупе с лидерами американского империализма.**

Хрущев натворил много гадостей, с открытым забралом и под сурдинку, однако встречи он предавал гласности. Встреча Чжо Энь-лая с Киссинджером должна была проходить тем путем, которым и прошла, ибо так она началась — совершенно секретно, но, поскольку она закончилась „с успехом" и миру была сообщена „великая радостная весть", китайцы никак не могли скрывать этого от нас.

Независимо от великого позора, которого они никогда не осознавали, ибо давно вели тайные переговоры, несмотря на то, что они поставили нас в известность, когда это стало *fait accompli*, **переданная нам информация Чжоу Энь-лая говорит об их оппортунистическо-ревизионистской линии, говорит об отсутствии логики и аргументов, говорит об их стремлении к сближению с американцами и несуразных попытках скрывать это стремление. Настоящая информация приводит неубедительные доводы, чтобы опередить справедливую и принципиальную критику, которой они будут подвергнуты и, наконец, все это основано на очень поверхностном, ошибочном политическом анализе, построенном на несостоятельных предпосылках, отнюдь не убедительных для оправдания натворенной ими гадости.**

Возьмем вопрос о пресловутом „анализе международной обстановки", сделанном Чжоу Энь-лаем. В нем ясно видна его вера в Соединенные Штаты Америки. Он верит несостоятельным, пацифистским, ревизионистским, антиреволюционным и антимарксистским доводам, он верит, что американские войска и базы будут сняты из Индокитая, вообще из Дальнего Востока, с Тайваня. Из изложения Чжоу получается, что японский милитаризм становится грозной силой и будет стремиться к экспансии, поэтому Чжоу попросил Соединенные Штаты Америки не допустить этого, и они „приняли" его просьбу. Из переговоров явствует, что между Китаем и Соединенными Штатами Америки нужен „союз или дружба" в целях сдерживания Японии, становящейся опасной силой. Но тут еще и вопрос о Советском Союзе. Что было сказано о нем? По словам Чжоу, китайцы не коснулись его, а Киссинджер говорил долго. А что он сказал? Для нас, албанцев, это покрыто мраком неизвестности.

Как это можно, чтобы китайцы передавали нам мнение наших врагов о наших врагах!!! Это вопиющая подлость. Однако это должно иметь свои веские причины. Оба этих государства, как Соединенные Штаты Америки, так и Китай, сходятся в антисоветских настроениях и в противоречиях, имеющихся у обоих с Советским Союзом. Обе стороны рассчитывают извлечь выгоду из этого.

Вся политика Китая в отношении Соединенных Штатов Америки ограничилась Индокитаем, Тайванем, Японией и Пакистаном. Советский Союз, согласно китайскому изложению, будто совсем не существует, будто совсем не существуют Европа, Латинская Америка, Африка, Азия, будто не существуют все большие и сложные мировые проблемы. Это означает войти в международную арену через кухонную дверь, желательно бесшумно, чтобы не отбить аппетит великим господам,

накрывшим стол и пожирающим плоть и кровь народов. Другими словами, Китай говорит Соединенным Штатам Америки: „Давайте будем друзьями в этом районе, давайте сдержим Советский Союз — я здесь, а вы — в других концах мира и особенно в Европе и Африке. Y меня нет больших притязаний на сферы влияния в тех странах, я даже и в Индии не предпринимаю ни малейшей попытки" и т.д.

Итак, я полагаю, что вопрос не так прост, как хочет нам растолковать его Чжоу Энь-лай „дипломатией лидеров", которую советские ревизионисты проводят с Соединенными Штатами Америки, и „дипломатией народа", которую проводят китайцы, якобы для того, чтобы связаться с народом через лидеров. На эту удочку никого не поймаешь! Это значит: „Не снег, а снегопад".

Почему Чжоу не вступает в связь с индийским правительством, чтобы связаться с индийским народом? Что в интересах Китая и революции, связаться сначала с американским или же с индийским народом? **Встают вопросы: какой народ ближе к революции, индийский или американский? Кто более жесток и более опасен, индийская реакция или же американский империализм? Куда Чжоу дел так страстно отстаиваемую им теорию „окружения города деревней"? Почему не ведется борьба за подрыв влияния американского империализма в Индии и во всем мире, с тем чтобы ослабить как метрополию, так и империализм?** К чему такая упорная защита Пакистана (в отношении которой мы не имеем ничего против) в ущерб сближению с Индией? Хан Пакистана столь же вероломен, что и Ганди Индии. А в отношении Японии, почему Китай не пытается проводить ту же „умную политику", которую он начал проводить в отношении Соединенных Штатов Америки?

Нет! Это беспринципная политика, и в ее основе

лежит антимарксистская, антиреволюционная линия. Стремятся к примирению с американским империализмом, стремятся к компромиссу с ним ценою нарушения принципов. Слова о том, „хотим связаться с американским народом, чтобы расшатать трон империализма в метрополии" — сущая демагогия. **Поездкой ли сяньняней, го мо-жо и им подобных в США с визитом и для встреч с правительственными лидерами ни контакты с американским народом не устанавливаются, ни трон империализма не расшатывается. Только справедливая, принципиальная, бескомпромиссная борьба, только революция угробит империализм.**

Эта пресловутая, якобы новая дипломатия, которую проповедуют нам Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай, не новая, а старая; это дипломатия „осмоса". Это значит: пошли людей из Китая, чтобы их „воспитывала" Америка, пошли людей и из Америки в Китай, чтобы они „занимались там воспитательной" работой. Эти люди, которые приедут в Китай, на 99 процентов будут агентами империализма, а те, которые поедут из Китая, будут ревизионистами, подобранными Чжоу Энь-лаем и его людьми. Перспектива для Китая ничего себе!!

Если сразу же не сдержать этот ревизионистский курс, то Китай Мао Цзэдуна пойдет по тому же пути, по которому пошел ревизионистский Советский Союз, а это грозит тем, что дела примут такой оборот, который вызовет большой разброд.

Происходящее в Китай на руку и империалистам и ревизионистам. Первый этап — это заманивание Китая на путь сделок с ревизионистской изменой, на путь его дискредитации на международной арене в глазах народов и коммунистов. Второй этап — это игра трех сверхдержав, этап новых затей, балансирования сил, самых яростных распрей на международной арене.

Народы и марксисты-ленинцы должны самоотверженно бороться за то, чтобы пресечь путь этому регрес-

сивному мировому курсу. На нашу малую, но героическую, марксистско-ленинскую партию выпадает историческая и трудная миссия стоять во главе этой борьбы и руководить ею. Мы будем бороться и победим, ибо мы идем по пути Ленина и Сталина.

ДУРРЕС, ВТОРНИК
27 ИЮЛЯ 1971 г.

АНТИМАРКСИСТСКОЕ ВЫСТРАИВАНИЕ

Китайские позиции в отношении советских ревизионистов в сущности выражают явно великодержавные шовинистические взгляды, хотя китайцы стараются аккуратно замаскировать их. Они то и дело отмечают, что „мы — не великое государство", „мы не станем сверхдержавой", „мы изживаем у кадров и в народе настроения великого государства", однако действительность не всегда подтверждает этого; когда речь идет о том, чтобы определить свое отношение к таким вопросам, по которым надо по крайней мере узнать и мнение других, „младших" — ведь это мнение необходимо — они этого не делают, причем сердятся, если им указывают на эту „небрежность". Китайские товарищи находят, что другие должны одобрять все, что они говорят и делают; они думают, что любое их высказывание и действие должно считаться сокровищем марксизма-ленинизма и его следует проводить везде. Типичной в этом отношении является происходящая ныне в Китае Культурная революция, которую они, без малейшей скромности, считают обязательным для всех путем, совершенно не задумываясь над тем, будет ли она признана или нет мировым коммунистическим движением.

Китайские товарищи на практике относятся с пренебрежением к вновь созданным марксистско-ленинским партиям. Они не оказывают поддержки и помощи

этим партиям, а поддерживают связь со всякого рода группами, и особенно с теми, которые превозносят Мао Цзэдуна и Культурную революцию, невзирая на то, как настроены эти группы.

Итак, „антиревизионизм", который они выказывают в отношении хрущевцев, не основан на марксистско-ленинской идеологии. Против советского ревизионизма они борются не с принципиальных позиций. Наоборот, кто антисоветчик, тот хорош для китайцев, он становится в ряд с ними, независимо от того, кто эти антисоветчики: титовцы-ревизионисты, изменники марксизма-ленинизма, агенты американцев, румынские ревизионисты, связанные с американцами и с европейской реакцией, или же это буржуа-реакционеры. Достаточно лишь быть антисоветчиком и ты завоюешь симпатию китайцев.

Эта антимарксистская позиция завела ныне Китай в тупик, на такой путь, который, если он его не бросит, приведет его к измене. Эти антимарксистские взгляды, которых Китай придерживается в своей политике по отношению к Советскому Союзу, известны империализму и современному ревизионизму, причем как первый, так и второй стараются до максимума использовать их.

Между советскими ревизионистами, с одной стороны, и югославскими и румынскими — с другой, имеются конъюнктурные и естественные противоречия, однако втроем они добиваются подрыва основ социализма в Китае. Все эти три ревизионистских заговорщика мастерски плетут друг против друга интриги, прибегают к угрозам и давлению, отступают и т.д. и т.п., чтобы создать у Китая, ослепленного антисоветчиной, впечатление, что между Югославией и Румынией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, ведется борьба не на жизнь, а на смерть, и

что Китай „должен защищать слабых, ибо таким образом он защищает народы".

Китай становится в один ряд с Югославией и Румынией, не считаясь с тем, кто они такие, в целях обострения их противоречий с Советским Союзом. Эти противоречия наверняка разжигают, причем больше, чем надо, и сами Румыния и Югославия, с тем чтобы хорошенько забрать в лапы Китай. **Фактически, Китай и Румынию ничто не разделяет. Они полностью согласны друг с другом в политике и идеологии, они заявили, что их партии являются братскими партиями.** Это означает, что для Китая румынская ревизионистская партия и ревизионистская группа Чаушеску являются марксистско-ленинскими. Это решено и подписано. Поддержка Китаем политических шагов Румынии, его экономическая и военная помощь обеспечены.

Тот факт, что коммунистический Китай объявляет себя братом и товарищем ревизионистской Румынии, душой и телом связанной с Варшавским договором и СЭВ, получающей помощь от них, от американцев, от боннских реваншистов и т.д. — это весьма скандально, это идет вразрез с марксизмом. К тому же румынские ревизионисты известны и своей „храбростью". Надо полностью потерять здравый смысл, чтобы погрязнуть в эту трясину. Эти действия отличаются насквозь антимарксистской логикой.

Связи Китая с титовской Югославией также зиждутся на антимарксистской почве. Китайцы никогда не были убеждены, что Тито — ренегат марксизма-ленинизма. Коммунистическая партия Китая оказалась па нашей стороне в борьбе против титизма в силу сложившихся обстоятельств, ведь ей нельзя было иначе, наподобие того как и ныне она, в силу же сложившихся обстоятельств, не может заявить о своей солидарности с Союзом „коммунистов" Югославии. По-

ка что для нее опасно заявлять, что в Югославии строится социализм и что Союз „коммунистов" Югославии — марксистская партия. Но об этом она может заявить завтра. „Пока что, думают китайцы, мы развиваем и усиливаем государственные, экономические, культурные связи и довольствуемся тем, что „братская партия Румынии" — „сестра Союза коммунистов Югославии"". Итак, сестра моей сестры — моя сестра. Отношения Китая с Тито, помимо общих антисоветских целей, преследуют еще другую цель. **Китайцы питают особое, затаенное уважение к универсальной политике Тито в „третьем мире", к „престижу" этого оплачиваемого американцами политикана, к его „умению", с одной стороны, с жаром служить американцам, с другой — поносить их маскировки ради.** Китайцы хотят как можно больше и скорее извлечь выгоды из всех этих „положительных" сторон Тито, ибо они потеряли много времени, а Китай, чтобы наверстать упущенное, своим сближением с политикой Тито, Чаушеску, Никсона, Брежнева и всей мировой реакции, помог им добиться крупного успеха.

„Дальновидная" антимарксистская политика Китая поставила Китайскую Народную Республику в один ряд с Федеративной Республикой Югославией и с Румынской Народной Республикой. После посещения Бухареста и Белграда, Никсон посетит Пекин. Три „социалистические" страны пригоняют людей цветами встречать палача народов. Бухарест и Белград, по крайней мере, поддерживали дипломатические отношения с американским империализмом и давно встали к нему на службу, тогда как Китай, *qu'allait-elle faire dans cette galère**, как это некогда говорил Мольер. Китай,

---

* По-французски: Кой черт понес его на эту галеру. (Из „Плутней Скапена" (1671), действие второе, явление седьмое.)

несомненно, завело на этот путь все то, о чем я говорил выше.

Вся внешняя политика Китайской Народной Республики является неопределенной, хаотичной и колеблющейся политикой, зависящей от конъюнктур; она то изолированная и ошибочная, то открытая, как теперь, но опять же ошибочная политика. Внешнюю политику Китая делает Чжоу Энь-лай своими право-оппортунистическими взглядами. Он ни с кем не считается, он сам решает, иногда в принципе получая вообще одобрение Мао.

Европа, по мнению Китая, уже непригодна для революции. По мнению Чжоу, мощные демонстрации и забастовки европейского рабочего класса гроша ломаного не стоят. Для него ценны только некоторые демонстрации в Вашингтоне. Создавшиеся марксистско-ленинские партии также не представляют какой-либо ценности для Чжоу. В Европе политику Китая проводит Румыния. Поскольку Румыния и Югославия дали свое согласие на созыв конференции „европейской безопасности", то и Китай заявляет, что он согласен. Китай славословит и одобряет политику, которую титовцы проводят в Лусаке и в „третьем мире" в расчете урвать какой-нибудь кусок. Но ведь быть согласным с Румынией и Югославией в европейской политике, означает быть согласным с американской политикой.

В информации, которую передает нам относительно поездки Никсона в Китай, Чжоу Энь-лай говорит ряд нелепостей. Он утверждает, что Франция также согласна принять Англию в Европейский Общий рынок в целях укрепления антиамериканских позиций стран, входящих в эту организацию. Думать так, значит ничего не смыслить в политике. Помпиду это не де Голль. Традиционными друзьями французской буржуазии были и остаются англосаксонские страны: Соеди-

ненные Штаты Америки и Англия. Германия была традиционным врагом Франции, а также и Англии. Англия при любой ситуации будет опираться на Соединенные Штаты Америки, невзирая на то, что Чжоу Энь-лай отдал приказ „Жэньминь жибао" писать о старой американской гражданской войне, с тем чтобы засахарить для китайского народа радостную весть о поездке Никсона в Пекин. Принятие Англии в Общий рынок, несмотря на ее противоречия с Соединенными Штатами Америки, соответствует интересам американской политики в Европе. Франция дает свое согласие на принятие Англии в эту организацию скорее в противовес боннской Германии и опасаясь возможного союза между Бонном и Москвой, чем в противовес Соединенным Штатам Америки.

Все это будет подтверждено временем, но за это время Китай совершает грубые принципиальные ошибки, которые дорого обойдутся ему и всему миру. Мы должны стараться, если это будет возможно, пресечь этот авантюрный курс Китая. Письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Китая, которое мы готовим, является одной из этих попыток. Это письмо может обойтись нам дорого, но мы не должны делать никаких уступок в принципах. Мы должны до конца отстаивать марксистско-ленинские принципы нашей партии.

**ДУРРЕС, СРЕДА
28 ИЮЛЯ 1971 г.**

КИТАЙ, ВЬЕТНАМ, КОРЕЯ И ПОЕЗДКА НИКСОНА В ПЕКИН

Вот уже несколько лет, как Северный Вьетнам ведет героическую вооруженную борьбу против американского империализма. Он испепелился от бомбардировок, но не сдается; наоборот, он продолжает героическое сопротивление и борьбу на Юге. Народ Южного Вьетнама героически сражался и сражается с американским империализмом и сайгонскими марионетками.

Американцы продолжают вести одну из самых варварских войн, которые лишь знает мир. Американские варвары прибегали ко всякого рода тактике, ко всем хитростям, применяли все изобретенные до сих пор виды оружия, кроме атомного оружия, но не смогли победить. Они разбиты, побеждены и теперь стоят у грани поражения.

Борьба вьетнамцев восхитительна. Советские ревизионисты приложили все усилия к тому, чтобы заставить вьетнамцев прекратить войну, пойти на компромисс и переговоры с американцами. Советские ревизионисты стали штрейкбрехерами в отношении войны Вьетнама. Они пытались обеспечить Соединенным Штатам Америки отступление „с честью", с тем чтобы отстаивать затем свои интересы во Вьетнаме с целью стать "соучастниками завоеванной победы". Сильное и скандальное давление советских на вьетнамцев дало один результат: вьетнамцы начали в Париже переговоры с

американцами согласно лозунгу: „И война, и политика и переговоры".

Китай помогал и помогает сражающимся вьетнамцам. Он был готов в любой момент посылать туда и добровольцев. Китайцы были против переговоров вьетнамцев с американцами. Они не раз говорили им об этом; официально они говорили и нам. Переговоры вьетнамцев с американцами китайцы считали делом неправильным, неплодотворным и даже вредным и опасным, однако это было дело самих вьетнамцев; отношение же Китая к войне вьетнамского народа и его помощь ему не терпели изменений.

Наша партия, без консультации с Китаем (ибо китайцы не берут на себя труд консультироваться с нашей партией даже по этим капитальным проблемам), когда надо было определить свое отношение к вьетнамской войне, заняла известную всему миру позицию и оказывала этой войне всевозможную помощь. Мы не были согласны на переговоры, которые вьетнамцы начали с американцами. Наше мнение мы неоднократно высказывали вьетнамским товарищам. Так обстояло дело до сих пор.

Несмотря на то, что Китай и Албания были против парижских переговоров, это, в конце концов, было дело вьетнамцев. Мы не могли запрещать им сделать это. С другой стороны, мы должны были продолжать и действительно продолжали еще больше помогать их освободительной борьбе и разоблачать злодеяния американцев, оставаясь последовательными в своих позициях. Мы оставались последовательными в своей поддержке борьбы Вьетнама, а Китай — нет. **Когда война продолжалась, когда американцы убивали людей, бомбили Вьетнам и весь Индокитай, Китай вел тайные переговоры и договаривался с американцами о поездке Никсона в Пекин, где, как выявилось, они должны были вести переговоры и о Вьетнаме.**

Эти постыдные антимарксистские, антитоварищеские переговоры велись без ведома вьетнамцев, не говоря уже о нас. Это было скандально. Это было со стороны китайцев вероломство по отношению к вьетнамцам, к их борьбе, по отношению к нам — их союзникам, и всем другим прогрессивным народам. Это просто возмутительно.

Итоги переговоров Чжоу Энь-лая с Киссинджером явились громом среди ясного неба для нас, албанцев, для вьетнамцев и корейцев, не говоря уже о других. Хан Пакистана оказался достойным быть раньше нас посвященным в „божеские сокровенные тайны". Какая наглость со стороны китайцев! Это мы обосновываем фактами. Когда Чжоу Энь-лай в три часа по полночи вызвал нашего посла, чтобы лаконично передать ему „радостную весть", которая должна была быть опубликована день спустя, сказал ему, что он снова вызовет его для подробного введения его в курс дела, чтобы тот поставил в известность товарищей в Тиране, ибо, сказал он ему, „я только что вернулся из Ханоя, где поставил в известность товарищей. Теперь я поеду в Корею поставить в известность Ким Ир Сена и, когда вернусь, введу в курс этого дела Сианука и вызову и вас".

Нас, конечно, он поставил в известность после принца Камбоджи! О чем это говорит? Это говорит о том, что вьетнамцы, корейцы, как и мы, оказались перед совершившимся фактом.

Какую позицию заняли вьетнамцы? Этого мы не знаем. Чжоу не молвит ни слова, а почему — мы сами можем догадаться. Вьетнамцы были против поездки Никсона в Пекин в такое время, когда американцы воюют против них. Вьетнамцы, несомненно, считают, как и мы, что Китай своей позицией помогает Никсону-фашисту, убийце номер один вьетнамцев, прикидываться пацифистом и способству-

ет переизбранию его на пост президента Соединенных Штатов Америки. Это означает беседовать с врагом о судьбе сражающегося народа, взявшего судьбу в свои руки, означает беседовать с величайшим палачом народа, не спросив этого народа и не посоветовавшись с ним, между тем как ты, Китай, выступал самым решительным противником переговоров с американцами о войне во Вьетнаме. **Китай, с одной стороны, критикует советских и вьетнамцев за их переговоры с американцами; с другой же стороны, он втихомолку сам вступает в сделки и ведет переговоры с ними! Это значит подкладывать другим свинью, это не честно и не по-марксистски.** Вьетнамцы сразу же опубликовали статью, в которой выразили свое недовольство, обрушиваясь на Соединенные Штаты Америки и на Никсона и отмечая, что они не позволят великим державам играть их судьбой.

Подобный поворот в отношении Китая к Вьетнаму является просто позорным и объясняется изменением линии Китая — его курсом на сближение с Соединенными Штатами Америки. Китайцы допускают еще и другую грубую ошибку в попытках оправдать свою гадость. В переданной нашему послу информации Чжоу Энь-лай отмечал: „Мы предвидим, что война во Вьетнаме будет продолжаться; поэтому, как мы сказали и товарищам в Ханое, надо чтобы в одно и то же время они воевали, а мы вели переговоры.

Это, несомненно, по праву возмутило вьетнамцев, ибо те, которые выступали против переговоров, теперь говорят им: „Вы сражайтесь, проливайте свою кровь, а мы здесь, в Пекине и Вашингтоне, ведем переговоры". Другими словами это означает, что, если во Вьетнаме будет одержана победа, то ее принесли переговоры между Мао и Никсоном, т.е. победа принадлежит китайцам, а не тем, кто истребился и испепелился. Нет! Это неприемлемо, абсолютно неприемлемо.

Корейцам Севера во главе с Ким Ир Сеном, в силу того, что они центристы, во многих отношениях пришлись по вкусу эти политические жонглирования китайцев, однако в некоторых других отношениях они им не по душе. Они также, получив от Чжоу информацию, опубликовали статью, в которой делали упор на американский империализм, японский милитаризм и др. А что пришлось по сердцу корейцам? Им пришелся по сердцу поворот китайцев вправо, который приведет их к центристским позициям корейцев. Но Ким Ир Сену не нравится позиция великого китайского шовинистического государства. Он рассматривает это со своих националистских позиций, с позиций равной от Советского Союза и Китая дистанции. Ким Ир Сену нравится поддержка его Китаем перед лицом японской угрозы, и косвенно он радуется развивающейся между Китаем и Соединенными Штатами Америки дружбе, однако он опасается обострения отношений между Китаем и Советским Союзом. Поэтому он будет маневрировать и добиваться того, чтобы он служил как бы мостом между Китаем и Советским Союзом в целях сближения этих двух ревизионистских государств. Ким Ир Сен занимает более прочные, чем Чаушеску, позиции, чтобы ходить у китайцев с советской карты, а Чаушеску — это американская карта при китайцах. Не случайны были любовь и „прочное" единство взглядов, продемонстрировавшиеся между Кореей и Румынией по случаю поездки Чаушеску в Корею.

Китайцы начали слишком превозносить Корею. Ким Ир Сена они начали называть великим вождем, а еще вчера они нам официально говорили, что „он гроша ломаного не стоит, что он был ефрейтором китайской армии" и т.п. *O tempora! O mores!** Чего толь-

---

* По-латински: О времена! О нравы!

ко не услышим, чего только не увидим!! Это начало, но начало из ряда вон плохое.

Мао Цзэдун должен как можно раньше бросить этот путь. Этот путь нельзя защищать так, как делают китайские пропагандисты, которые говорят, что „и Ленин вел переговоры с меньшевиками", „и Ленин вел переговоры с немцами в Бресте". Завтра эти пропагандисты наверняка скажут, что „и Сталин подписал пакт о ненападении с Гитлером". К таким „аргументам" всегда прибегала буржуазия, но она ломала себе шею на них, ибо ни Ленин, ни Сталин никогда не допускали принципиальных ошибок, никогда не нарушали принципов. Их действия были четкими, правота их действий целиком и полностью подтверждена временем и непогрешимой теорией — марксизмом-ленинизмом.

ДУРРЕС, ПЯТНИЦА
13 АВГУСТА 1971 г.

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ ДОГОВОР И КИТАЙ

Прошлую неделю Громыко подписал в Дели договор „о дружбе и сотрудничестве" между Советским Союзом и Индией, или, другими словами, подписал советско-индийский договор против Народного Китая.

Между советскими ревизионистами и индийской реакцией существуют тесные и дружественные связи, установившиеся и окрепшие еще при Хрущеве. Хотя для видимости занимала нейтральную между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки позицию и враждовала с Китаем, Индия Неру стояла на позициях „третьей силы", причем Неру был одним из главных руководителей этой „силы". Индия питалась у обеих кормушек — получала как от Советского Союза, так и от Соединенных Штатов Америки, состояла в Содружестве наций, но, внешне, тяготела к советским. Последние на все лады афишировали эту дружбу, оказывали Индии большую помощь, разжигали неприязнь Неру к Китаю и возбуждали его притязания на Пакистан. Опираясь на эту политику, хрущевцы старались, естественно, проникнуть в так называемый „третий мир" и воздействовать на него.

Индийский субконтинент, конечно, имел большое стратегическое значение для советских социал-империалистов, которые стремились эксплуатировать его формами нового колониализма, использовать его в качестве мощной опоры для окружения Китая, для

нейтрализации американского империализма в Индийском и Тихом океанах и недопущения в Индии вспыхивания и развития революции.

Так называемая коммунистическая партия Данге в Индии встала на сторону советских ревизионистов и служила их целям. Заместители Хрущева и Неру продолжили путь, намеченный их предшественниками. Косыгин и Бахадур, пока тот был жив, не только рука об руку добивались покорения Пакистана, но и кашмирский вопрос решили, конечно, в пользу Индии. Индира Ганди впоследствии пошла по их же пути. Она даже пошла еще дальше, она сбросила маску „неприсоединившегося" и договором связалась с советскими ревизионистами.

Может возникнуть вопрос: что тут анормального между социал-империалистами и индийской реакцией? Ничего. Наоборот, тут можно заметить некоторую ловкость экспансионистской политики советских ревизионистов, известную „конкуренцию" в проведении их линии на окружение Китая и постоянную поддержку агрессивности индийской реакции по отношению к Пакистану и „его друзьям". Индийская реакция предъявляет притязания и на Тибет, она постоянно оспаривает границы с Китаем. Индийская реакция даже напала на эти границы, но она понесла позорное поражение. В этом вопросе хрущевцы открыто и последовательно стояли на стороне своих друзей — индийских реакционеров.

Китай стал сближаться с Пакистаном, разумеется, в противовес Индии. Это было правильной государственной политикой со стороны Китая, и эта политика продолжается, однако я считаю, что он должен знать меру, ибо все деяния Хана Пакистана нельзя считать правильными и заслуживающими поддержки. Айюб Хан, Яхья Хан, Ага Хан с чертом и с кем угодно — такие же реакционеры, что и Неру со своей дочерью.

Обе стороны варварски угнетают свои народы, которые живут в неописуемой нищете. **Социалистическому государству не к лицу утратить в своей политике в отношении других государств главное понятие помощи народам в их борьбе за свое избавление от внутреннего и внешнего ярма.** Восточный Пакистан восстал против Хана. Народ там угнетен и, под водительством Рахмана, возмутился из-за Бангладеша. Было пущено в ход оружие. Причастна ли индийская реакция к этому? Несомненно, причастна. Однако сразу же высказаться за Хана и принять на себя обязательство, что в случае нападения Индии на Пакистан Китай придет на помощь Пакистану, это значит выступать вкупе с Ханом, независимо от того, что с государственной точки зрения Хан стремится защищать свои государственные границы. Между тем вопрос о бенгальцах и об индийском народе вообще — это очень щекотливый вопрос. Эту столь щекотливую проблему Китай, на наш взгляд, мастерски игнорировал.

Китай, насколько мы знаем, не предпринимал никаких попыток улучшить отношения с Индией с той великой целью, чтобы нейтрализовать там советско-американское влияние, несмотря на известную позицию, которую занимали Неру, Бахадур Шастри, Индира Ганди. Китайцы, выдающие себя за терпеливых, здесь не проявляли этого качества, наоборот, они проявили противоположное ему. Держать сторону одного Хана (который связан и договором с Соединенными Штатами Америки) против другого Хана и называть такую позицию „дипломатией народа" — это никуда не годится. Друг Хан может подвести в любой момент, а народ никогда не подведет, если ты действительно проводишь политику в интересах народа.

Позволительно ли Китаю проводить такую политику несближения в отношении Индии? Я думаю, что нет. Удивительна подобная позиция Китая в отноше-

нии Индии в такое время, когда он идет на столь большие уступки Никсону, главе американского империализма. А советские поступили ловко. Они подписали советско-индийский договор и укрепили свои позиции в Индии; они сказали индийской реакции и „индийскому народу": „Не бойтесь ни Китая, ни Соединенных Штатов Америки, ибо, если кто-либо нападет на вас, в войну вместе с вами вступим и мы". Заключенный в это время указанный договор говорит миру, что он „был подписан в противовес носящемуся в воздухе китайско-американскому союзу". С другой стороны, Китай официально оказался окруженным огненными договорами: старыми договорами СЕАТО, СЕНТО и т.д., а теперь и советско-индийским договором. Этот процесс ускорила „умная политика" Мао и Чжоу Энь-лая, их курс на сближение с Соединенными Штатами Америки, его ускорила „дипломатия народа".

Кольцо окружения Китая примет еще большие размеры. Министр иностранных дел Индии, Сингх, как только Громыко отбыл из Дели, на следующий же день вылетел в Джакарту, чтобы договориться с индонезийскими фашистами. Поговаривают, что в противовес этому Китай послал какого-то человека в Малайзию. До чего убогая, непоследовательная, конъюнктурная политика! До чего оппортунистическая и субъективистская политика людей, сбитых с толку происходящими событиями!

Как явствует из этой политики, „Япония стала для Китая главной угрозой", за ней идет Советский Союз, который китайцы собираются сдержать при помощи „новой дружбы с Никсоном, с Югославией Тито и с Румынией Чаушеску"!

Кардинальных пункта „позитивной" политики Китая — три: переговоры с Никсоном, дружба с Чаушеску и установившиеся связи с Тито. Эти два последних, по мнению китайцев, „подложат мину под совет-

ских в Европе!". А связи с Соединенными Штатами Америки сдержат и советских, и японцев в Азии! Но китайцам и в ум не приходит, что они стоят на оппортунистических позициях, что они изолируют, окружают и дискредитируют себя в глазах народов, что они ослабляются, и, в случае, если они не отреагируют, они станут добычей врагов.

Подобной политикой Китай не может прорвать, в интересах дела социализма, советско-японско-американское огненное кольцо. Y Советского Союза, Японии и Соединенных Штатов Америки большие и сложные интересы. Связи с Ханом Пакистана не помогут прорвать этот фронт. Только революционная борьба и революционная дипломатия, только связи с народами не дают спуску врагам.

Советские наверняка возьмутся и за конкретизацию дружбы с Японией, между тем как китайцы в это время стараются узнать, знаем ли мы что-нибудь о том. что было обсуждено в Крыму и не было ли решено там напасть на Румынию, как это было с Чехословакией?!!! Действительно трудно понимать подобную политику, которая не имеет постоянной оси и которая меняется то в одну, то в другую сторону.

Посмотрим, как будет развиваться позже эта политика. Будем всегда надеяться, что Мао Цзэдун пересмотрит эту стратегию, на которую взяла курс китайская политика.

ДУРРЕС, ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 АВГУСТА 1971 г.

ПРОИСКИ КИТАЙЦЕВ НА БАЛКАНАХ

Сегодня приезжает в Тирану общевойсковая военная делегация КНР, возглавляемая начальником Главного Политуправления, Ли Дэ-шэном. Она приезжает в качестве делегации дружбы, но не специально к нам. Настоящая делегация специально была предназначена для Румынии, которая 23 числа текущего месяца отмечает годовщину освобождения. Китайские товарищи попросили, чтобы их делегация побывала и у нас после Бухареста. Мы, конечно, согласились, но сочли целесообразным, чтобы эта делегация посетила сначала Албанию, а затем Румынию. Поэтому китайским товарищам было сообщено, что мы вполне согласны с их предложением, однако, если они сочтут целесообразным, нам хотелось бы, чтобы делегация приехала сначала в Тирану, а отсюда выехала в Бухарест.

Китайцы приняли наше предложение, но мы ничего не выиграли от этой перемены. Мы ничего не изменили в целях китайцев. На деле, быть может, для нас было бы лучше, если бы китайская делегация приехала к нам после Бухареста, с тем чтобы общественность видела, что она отбыла специально в Румынию и, „закончив работу у „высокоуважаемого друга" на европейском континенте, заехала и в Албанию". Одно дело, когда она приезжает к нам из Румынии, другое дело, когда она приезжает сначала к нам.

Впрочем почему любой шаг, который предпримет

Китай в Европе должен проходить через нас? Такая претензия была бы неправильной, ибо мы скромны и никогда не считали себя „пупом земли". **Поскольку друзья не советуются с нами относительно своих возможных политических шагов, почему мы должны, пусть и внешне, формально, вмешиваться в те моменты и в те вопросы, взгляды на которые у нас иные, чем у них? Так что мы не должны допускать опасных прецедентов, которые позже могут дорого нам обойтись.**

Возьмем вопрос о посещении Румынии китайской делегацией. Главной целью китайцев является поддержка антисоветизма румын и разжигание неприятельских румынско-советских противоречий. **Противоречия румын с советскими имеют под собой не марксистско-ленинскую, а националистскую почву.** Румынские руководители, как и советские, являются ревизионистами. Румыны являются членами СЭВ и Варшавского договора. Они получают от Советского Союза кредиты и ведут с ним крупномасштабную торговлю, но не хотят разделять многих положений советских, которые угрожают им, шантажируют и запугивают их.

Политика румынских ревизионистских руководителей одинакова с политикой Тито: тесная дружба с Соединенными Штатами Америки, с Бонном, с Италией и со всеми капиталистическими государствами. Теперь Румыния оказалась близким другом Китая, который помогает Румынии, защищает и поддерживает ее именно за эту ее политическую линию. Мы, конечно, относительно этого вопроса не можем согласиться с Китаем. **Мы против вмешательства советских ревизионистов в Румынию или Югославию, мы стоим за сохранение независимости и суверенитета этих двух стран от угроз советских ревизионистов и империалистов и будем содействовать этому. Однако мы никак не можем связывать свою правильную политику с авантюрной политикой титовцев и румынских ревизионистов.**

Нам ли солидаризироваться с этой их гнусной политикой? Нет, никоим образом! Мы не только никогда не сделаем этого, но и не допустим, чтобы эти два ревизионистских государства, а также и Китай, создавали у общественности впечатление, будто мы выступаем заодно с ними. Мы будем на стороне Румынии и Югославии в том случае, если эти два государства будут подвергнуты нападению извне и только в случае, если они с оружием в руках будут бороться против завоевателей, и если им не придет на помощь НАТО или какой-либо его член, так как в последнем случае война теряет освободительный характер и принимает характер империалистической войны.

Китайцы, как видно, проводят на Балканах и в Европе такую политику, которой мы полностью не можем придерживаться в соответствии с их соображениями. Их политика на Балканах и в Европе нацелена на „дружбу со всеми теми, кто настроен против советских", невзирая на то, кто они такие — проамериканцы, титовцы и т.д. Это для них не важно. Это бесперспективная, не правильная, не марксистско-ленинская политика. Поощрять противоречия, защищать народы, способствовать революции, следить за ходом политики и событий — все это, кажется мне, великие проблемы, а не столь простые, как их считают китайцы.

Румынские ревизионисты опираются на югославских ревизионистов. Не удивительно, если между ними заключены и тайные соглашения, о которых советские знают, но молчат, так как они выгодны им или же у них есть и свои планы в этой игре. Тито же опирается на американцев, на НАТО. Существует союз между Югославией, Грецией и Турцией, который пока что пребывает в состоянии спячки, но, в случае угрозы, он может активизироваться. Югославы и румыны чего только не делают, чтобы ввести и нас в свой круг. Таким образом, думают они, „будет три социалистические

страны" против Советского Союза, плюс Греция и Турция, и тогда все Балканы будут включены в титовско-американский заговор. Нам следует помнить, что Чжоу Энь-лай еще несколько лет назад сказал Бекиру Балуку, что нам надо идти именно в этом направлении.

Старая мечта Тито и англо-американцев, их попытки во время Сталина и их нынешние попытки составляют одну нить!! Китайцы, а не мы, оказались в этих вонючих водах. Мы на шаткие мостки ступать не будем, даже если это потребует принесения в жертву дружбы с Китаем. Мы, если понадобится, будем бороться и одни, но будем идти прямо и не поддадимся на интриги великих держав.

Поездка китайской делегации в Румынию и приезд ее к нам имеют своей целью создать у мировой общественности впечатление, будто Югославия, Румыния и Албания — „солидарны", причем даже в военном отношении, против Советского Союза. В целях создания этого впечатления, китайцы, воспользовавшись албанско-китайской дружбой, без нашего согласия приходят на помощь румынам и югославам в этом направлении.

Три дня назад одна венгерская газета сообщала, что осенью Чжоу Энь-лай посетит Тирану, Белград и Бухарест. Насколько это правда — мы не знаем, но китайцы подобного скандала могут натворить. Чжоу Энь-лай сказал Тепавацу, министру иностранных дел Югославии, что „если приеду в Европу, то приеду и в Югославию". Конечно, если они сделают такой шаг, то это будет очень опасно для нас. Мы не можем согласиться ни с содержанием, ни с формой этой поездки, не можем согласиться также с их пропагандой, ибо китайцам, титовцам и румынам достаточно, чтобы Албания, пусть даже и формально, входила в программу настоящей поездки. Мы будем вынуждены, как всегда, открыто высказать китайцам наши взгляды. Мы готовы принимать Чжоу Энь-лая в любое время, но не

при таких обстоятельствах. В то же время мы не мешаем ему ехать в Белград, в Бухарест, в Москву и в Вашингтон, если ему захочется. Однако эти проблемы, как их осмысливают и как их решают китайцы, доставят нам хлопоты, поэтому мы должны обсуждать их хладнокровно и решать их также хладнокровно, марксистско-ленинским путем и в интересах нашей социалистической родины.

Югославами, румынами, буржуазной прессой ведется и раздувается широкая пропаганда о том, что Советский Союз нападет на Югославию и Румынию. Они тут упоминают, конечно, и Албанию. Китайцы, со своей стороны, находясь в тесных контактах с румынами и югославами, попали в эти западни и серьезно обеспокоены судьбой Югославии и Румынии. Китайские послы наивно пытаются убедить нас в истинности этих слухов и даже докладывают нам якобы сообщаемые им югославскими генералами „данные" о смысле советских маневров в Венгрии и Болгарии. Вся эта стряпня китайцев похожа на ремесло неофитов, превозносящих новые дружбы и верящие им. Впрочем это их дело.

Что советские оказывают давление на Румынию, это не подлежит никакому сомнению. Они сеют страх среди румын, чинят и будут чинить им трудности внутреннего порядка. Советские, не сегодня-завтра, возьмут крепость изнутри в Румынии. Румыния осаждена. Пойдут ли они на нее вооруженной агрессией? Они способны на все, однако ситуации не благоприятны для этого. Советским легко захватить Румынию штурмом, однако, если они пойдут на подобный шаг, проиграют много в политическом отношении.

Советские шантажируют также Югославию, хотя они и уверены, что югославов им не напугать. Они знают, что в случае чего в Югославии прольется кровь. Но я полагаю, что Советский Союз навряд ли нападет на

Югославию. Этого даже цари не делали, наоборот, они выступали самыми верными защитниками сербов, черногорцев и т.д. Советские ревизионисты также не осмелятся напасть на Югославию, ибо это явилось бы сумасбродством. Тито прекрасно знает это. Только китайцы не знают этого и принимают на веру то, что им говорит Тито. Советские оказывают давление и шантаж на Тито, с тем чтобы он смягчил политику в отношениях с ними, отмежевался от румын и политически работал на советских на международной арене. Тито же вьется ужом, а советские с выгодой для себя используют бродящую обстановку внутри Югославии. Им и их друзьям, великосербам, Тито не дает поступать своевольно. Вот где кроются противоречия и трения, но это далеко до вооруженного нападения. Тито и выгодна и невыгодна подобная обстановка. Внутри страны она ему не выгодна, но тем не менее она является преобладающей; а за рубежом он использует ее и то и делает, что получает колоссальную помощь и кредиты от американцев и других.

Все это мы имеем в виду. Мы хорошо знаем Тито, знаем хитрость его и советских. Они на все могут идти, если им придется туго (но прогноз этого не предвещает). Большой шум, поднимаемый в мире великими державами о соперничестве и гегемонии, что-то выведет наружу, и полагаю, что это свидетельствует именно о том опасном „что-то", которое они готовят. Поэтому надо хранить хладнокровие, трезвость суждений и революционную бдительность.

ПЯТНИЦА
24 СЕНТЯБРЯ 1971 г.

ЧТО ГОВОРЯТ ТЕЛЕГРАФНЫЕ АГЕНТСТВА О КИТАЕ?

В эти дни различные телеграфные агентства поднимают большой шум о „чем-то", происходящем в Китае. Они говорят, что день провозглашения республики, 1 Октября, не будет отмечаться, не будет парада (это подтвердили нам китайские товарищи не вескими причинами); что полеты самолетов в Китае отменены (это также подтвердили нам китайские товарищи, как и наши летчики, находившиеся в Китае); что якобы Линь Бяо, при помощи начальника Генерального штаба китайской армии, сбежал (почему они сообщают нам об этом: надо быть бдительными в отношении советских?!!); что якобы Мао Цзэдун страдает болезнью сердца или что он умер (к этим измышлениям они обращаются каждый год), или идет собрание Центрального Комитета, внутри которого разгорелась борьба между либеральной и „сильной" фракциями. Кому верить? Не исключено, что все это просто вздор. Посмотрим!

ЧЕТВЕРГ
14 ОКТЯБРЯ 1971 г.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ НЕ ПОШЛЕТ ДЕЛЕГАЦИИ НА VI СЪЕЗД АЛБАНСКОЙ ПАРТИИ ТРУДА

Об этом сообщил нам китайский посол в Тиране, а Гэн Бяо — нашему послу в Пекине. Этого мы не ожидали, нам и в голову не приходило, что Коммунистическая партия Китая может бросать нашей партии такой публичный „вызов".

Какие причины они привели?

1) На своем последнем съезде они решили не приглашать делегаций братских партий на свои съезды и не посылать делегации Коммунистической партии Китая на съезды братских партий.

2) Нынешнее международное коммунистическое движение не таково, каково оно было прежде; создано много марксистско-ленинских партий и групп, которые еще не признаны и которые выступают разрозненными, к тому же в различных странах имеются по две и по три таких партий и т.д. и т.п.

3) Товарищи из руководства в настоящее время очень заняты государственными и партийными делами внутри страны, так что не могут выезжать за границу и т.д.

Однако, добавил китайский посол, „Коммунистическая партия Китая направит VI съезду АПТ приветственное послание и по случаю 30-летия Албанской партии Труда; в связи с этим будут писать наши газеты

и будут устроены митинги на предприятиях и в учреждениях" и т.д.

Таковы знаменитые причины, которые они выставляют в связи с тем, что на VI съезд нашей партии они не пошлют делегации. Все эти причины беспочвенны, не веские; некоторые из них даже ложные. Проанализируем их по порядку.

Съезд Коммунистической партии Китая не принимал подобного решения, как они утверждают; логично, чтобы такое решение принимали Центральный Комитет или Политбюро. Подобное решение может приниматься, но лишь в определенные моменты и при определенных случаях, а не так, чтобы оно стало принципом, как говорили нам китайские товарищи. Они решили не приглашать делегаций на IX съезд своей партии. Это в порядке вещей, и против этого никто не мог бы возражать. Они могли бы принимать и решение — которое действительно приняли, не направить делегации на VI съезд нашей партии. С формальной стороны, это их право, однако им не позволительно лгать. Решение не направить делегации на съезд нашей партии было принято Центральным Комитетом, Политбюро или же некоторыми руководителями, но не IX съездом Коммунистической партии Китая. Этим неудачным маневром они стремятся замаскировать поползновение своего руководства, именуя его проведением в жизнь решения IX съезда своей партии, то есть „оказывают себе медвежью услугу". Это решение принято недавно, в середине сентября. Это подтверждается двумя фактами:

а) Еще в июне месяце они сказали одному товарищу из Коммунистической партии Польши, который был в Китае и хотел приехать в Албанию: „Останься до октября и **поезжай вместе с нашей партийной делегацией, которая поедет на съезд Албанской партии Труда".**

б) Два-три дня назад индонезийский товарищ ска-

зал нам: по какой авиалинии мне приехать в Тирану для участия в VI съезде АПТ, так как китайские товарищи предложили мне приехать вместе с китайской делегацией, которую должен был возглавлять Ли Сянь-нянь, но теперь они сообщили мне, что не пошлют делегацию.

Эти факты подтверждают, значит, что это не решение съезда, что решение послать делегацию на VI съезд нашей партии уже было принято, но затем оно было отменено после нашего письма Центральному Комитету Коммунистической партии Китая, в котором мы высказывали свое мнение относительно поездки Никсона в Пекин. Из этого явствует также, что данное решение принято после 1 сентября, когда были отменены манифестации и парады на Тьяньаньмыни, когда один самолет был разбит далеко вглубь монгольской территории, когда были запрещены военные и гражданские полеты в Китае, когда были закрыты аэропорты и т.д.

Все это верно, а имя Линь Бяо, фактически, с того времени совсем не упоминается ни на приемах, устраиваемых в Китае, ни в беседах китайцев за рубежом. Китайский посол у нас, который имя Линь Бяо упоминал ежечасно и ежеминутно вместе с именем Мао, теперь не упоминает даже последнего, чтобы не бросался в глаза пробел.

На этом вопросе внешний мир спекулирует вовсю, и вот главное, о чем он трубит: Линь Бяо и его товарищи ликвидированы, ибо они были против поездки Никсона в Пекин. Тогда, если это происшествие действительно случилось, (а мы считаем, что оно случилось), неучастие делегации в VI съезде пашей партии служит отражением противоречий с нашей партией по принципиальным вопросам. Мы в этом убеждены, ибо нам хорошо знакомы колебания китайцев в политической линии и ревизионистские позиции группы Чжоу Энь-лая, который фактически одержал верх над другими и действует при поддержке Мао и под его сенью.

Итак, изложенные в нашем письме взгляды совпадали со взглядами группы Линь Бяо. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая не только не ответил на наше письмо и совсем не реагировал, но и доброжелательно принял наши запросы о сельском хозяйстве, предъявленные по приезде нашей делегации сельского хозяйства в КНР.

Мы пришли к выводу, что они устно дадут нам ответ на письмо через главу своей делегации, которая, согласно принятому ими решению, должна была приехать на съезд нашей партии. Однако, по всей видимости, дела у них осложнились из-за „противодействия группы Линь Бяо". Если принять эту версию, то можно сказать, что дела осложнились для них потому, что „Линь Бяо они осудили из-за проблемы Никсона", а это значит, что они находятся в принципиальном противоречии с нашей линией по этому вопросу; если они намеревались прислать делегацию на съезд нашей партии, то они должны были дать ответ на наше письмо о визите Никсона в Китай; в то же время они должны были проинформировать нас и о причинах „осуждения Линь Бяо". Это их не устраивало, поэтому предполагается, что, для того чтобы выйти из положения и во избежание дальнейшего обострения отношений с нашей партией, они решили не направить делегации.

(На заседании Политбюро я изложил еще целый ряд других аргументов, подтверждающих правильность линии нашей партии и ревизионистские взгляды руководства Коммунистической партии Китая, поэтому мне не хочется дальше распространяться об этом вопросе.)

Вторая причина, которой китайские товарищи объясняют отсутствие делегации Коммунистической партии Китая на съезде нашей партии, совершенно несостоятельна. **Мы проводим съезд Албанской партии Труда, а не совещание международного коммуниз-**

ма. Следовательно, ты приходишь на VI съезд Албанской партии Труда, а не на совещание марксистско-ленинских партий мира. Ты, Коммунистическая партия Китая, приняла решение не приглашать на свой съезд братские партии, и это твое дело; Албанская же партия Труда решила приглашать делегации, и это ее дело.

Однако основная проблема заключается не в этом праве, она заключается в чем-то другом: **Коммунистическая партия Китая не доверяет вновь создавшимся марксистско-ленинским партиям и группам, которые борются и крепнут, очищаются и закаляются, что является диалектическим революционным процессом. Коммунистическая партия Китая не желает афишироваться вместе с ними, она боится этого, и это соответствует ее колеблющейся ревизионистской линии. Она проявляет полную солидарность с ревизионистской партией Румынии, но ее тянет и к другим ревизионистским партиям.** Не желая афишировать себя, она хочет, чтобы ее хвалили другие и чтобы она вела какие-либо двусторонние переговоры, но чтобы она не оказывала никакой помощи движению международного коммунизма в целом. Коммунистическая партия Китая, в чьих рядах существуют две или больше линий, поддерживает связи с любой партией или группой, прикидывающейся марксистско-ленинской и хвалящей ее. Албанская же партия Труда занимает революционную, марксистско-ленинскую позицию в отношении мирового коммунистического движения и марксистско-ленинских партий и групп, которым она оказывает помощь и поддержку, и осуждает те, которые отклоняются от марксистско-ленинских принципов.

Относительно выставляемой китайцами третьей причины можно сказать, что, если принять версию о том, что в руководстве Коммунистической партии Китая имели место брожения, о которых я писал, тогда понятна причина того, почему не было делегации от

этой партии. Но говорить, если нет чего-либо серьезного, что „не можем послать делегацию, так как товарищи заняты делами", это не только нелепо, но и враждебно по отношению к Албанской партии Труда. (Это положение я более подробно разъяснил на заседании Политбюро, так что распространяться об этом нет надобности.)

Нет худа без добра. Реакция и ревизионисты воспользуются этим антимарксистским шагом руководства Коммунистической партии Китая, а международное коммунистическое движение посудит о том, насколько правильна линия у нашей партии и насколько неправильна она у Коммунистической партии Китая по этому вопросу.

Мир увидит также и поймет, что Албания непобедима, что Албанская партия Труда непобедима. Отсутствие делегации Коммунистической партии Китая на съезде нашей партии внутри нашей страны не произведет никакого отрицательного эффекта, наоборот, **наша партия и наш народ, выдержавшие столько бурь, станут еще более сильными и еще более прочными. Единство у нас достигнет наивысшей точки, восхищение народа своей партией будет неописуемым.**

Эта оппортунистическая, ревизионистская линия Коммунистической партии Китая, конечно, чужда международному коммунистическому движению, ибо она ослабляет и сбивает его с толку. Однако все будет преодолено.

Будем бороться и надеяться, что китайские товарищи сдержатся. (Относительно наших позиций я также долго говорил на заседании Политбюро, поэтому распространяться здесь нет надобности.)

ВТОРНИК
26 ОКТЯБРЯ 1971 г.

ПРИНЯТИЕ КИТАЯ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Голосование состоялось вчера в полночь, и наша резолюция, требовавшая принятия Китайской Народной Республики в Организацию Объединенных Наций при соблюдении всех ее прав и выдворения из этой организации трупа Чан Кай-ши, победила при 76 голосах за. Американская резолюция получила лишь 35 голосов. Американский империализм понес крупное политическое поражение. Смелой, последовательной и упорной борьбой против Соединенных Штатов руководила Народная Республика Албания.

Малая, но непобедимая социалистическая страна победила самую могучую империалистическую державу. Мы боролись за великое и правое дело, поэтому и победили. Наши противники были полномочными в Организации Объединенных Наций, и во главе их стояли Соединенные Штаты Америки. Советские, фактически, состояли в сговоре с США, и голосование советских ревизионистов якобы за Китай, было просто формальным актом; они проголосовали за него, чтобы избежать разоблачения своей сделки с Соединенными Штатами Америки, направленной на недопущение принятия Китая в Организацию Объединенных Наций. Любая другая позиция испортила бы им дело, навлекла бы на них большие неприятности, лишила бы их влияния и подорвала бы установленное ими статус-кво.

В Организации Объединенных Наций господствовали эти две сверхдержавы, остальные же, кто больше, кто меньше, следовали за ними. Только социалистическая Албания смело давала по рукам им обеим и их сателлитам на каждом заседании и по любому вопросу, бичевала любые их интриги и коварные замыслы. Такова была реальная действительность, и эта действительность увенчалась принятием Китайской Народной Республики в Организацию Объединенных Наций.

Это социалистический Китай своим великим престижем внутри страны и за рубежом, на международной арене, сокрушил своих врагов и их обструкционистскую политику, десятилетиями державшую его вне Организации Объединенных Наций. Китай имеет большой вес в мире.

Наша партия защищала Китай всеми своими силами. Мы одни отстояли Китай в Бухаресте против всех и эти „все" имели во главе советских ревизионистов и пользовались поддержкой американского империализма и мировой реакции. Мы защищали Китай, защищали Мао Цзэдуна и Культурную революцию, ибо мы защищали марксизм-ленинизм. Мы остались одни, но не вздрогнули, не испугались, мы отразили страшные бури, обрушившиеся на Китай и на нас.

Наши позиции в отношении Китая всегда были принципиальными, открытыми, искренними, независимо от того, что в различных ситуациях многие его действия и позиции были неясными, оппортунистическими, ревизионистскими. Мы не потеряли веру в Коммунистическую партию Китая, однако марксистско-ленинские принципы мы берегли и бережем как зеницу ока; свои товарищеские замечания мы всегда делали, когда их надо было делать, невзирая на то, как они будут встречены.

Итак, в дело принятия Китайской Народной Рес-

публики в Организацию Объединенных Наций внесла огромный вклад и правильная, революционная, марксистско-ленинская линия нашей партии и нашего правительства в области мировой дипломатии.

Вполне естественно и законно поднятие еще выше авторитета Народной Республики Албании в мире. Зарубежная пресса пишет: **Целыми годами сражался Давид с Голиафом, и победила маленькая Албания, великая Америка побеждена!** Мы были уверены в этой победе, так же как уверены и в том, что для Соединенных Штатов Америки это поражение не первое и не последнее.

Это большое международное событие будет иметь большие последствия в мировых делах. Многое зависит от того, какую политику будет проводить Китайская Народная Республика. Если она будет проводить умную, ловкую, а главное — принципиальную, марксистско-ленинскую политику, то от этого революции и освободительной борьбе народов будет большая польза.

Что касается нас, то мы будем продолжать свой путь, свою линию, свою борьбу в защиту марксизма-ленинизма, дела социализма и коммунизма. Мы будем продолжать неуклонно оказывать свою помощь борющимся народам, будем продолжать решительную борьбу против американского империализма, советского социал-империализма и их сателлитов. Мы будем в полном единстве со всеми теми, кто верно и последовательно будет проводить принципы марксизма-ленинизма.

В письме, которое Центральный Комитет нашей партии направил Центральному Комитету Коммунистической партии Китая, где он высказывал свое мнение о том, что Никсона не следует принять в Пекине (мы понимаем, что китайские товарищи не остались Довольными этим мнением, хотя до сих пор они нам ничего не говорили), мы показали последовательность

своей борьбы, в результате которой была устранена одна из преград, устроенных Соединенными Штатами Америки, выступавшими против принятия КНР в Организацию Объединенных Наций. Итак, с принятием Китая в эту организацию эта преграда была преодолена. Созданы, таким образом, условия вынудить Соединенные Штаты Америки признать правительство КНР и разъяснить тайваньский вопрос до поездки Никсона в Китай. Следовательно, мы боролись за то, чтобы был положен конец несправедливостям в отношении Китая, причем не сделками, а борьбой, не волей Соединенных Штатов Америки, а вопреки их воле.

Китайским товарищам не следует ни забывать, ни недооценивать это; более того, это должно побудить их признать грубую ошибку и стыдиться за то, что они не пошлют делегации на VI съезд нашей партии, той партии, которая всегда, в самые тяжелые моменты их жизни, была на их стороне. Но ничего, мы исполнили свой долг как марксистско-ленинская партия и как социалистическое государство.

ВТОРНИК
26 ОКТЯБРЯ 1971 г.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПО СЛУЧАЮ ПРИНЯТИЯ КИТАЯ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Мы должны поздравить Китай с принятием его в ООН. По этому случаю я дал Нести указание пойти поздравить китайского посла и узнать его мнение (якобы во избежание какой-либо ошибки) на счет целесообразности направить телеграмму Мао, Дун Би-у и Чжоу Энь-лаю вместо Мао, Линь Бяо и Чжоу Энь-лаю, как обычно, отмечая ему, что „мы делаем это, чтобы придавать этому значение также с государственной точки зрения". Облегченный, китайский посол ответил ему: „Очень хорошо вы подумали". Нести снова сказал ему: „Надо ли вам проконсультироваться с Пекином по этому вопросу?". Посол ответил: „Нет, нет, вы очень хорошо продумали этот вопрос". Итак, ничего не говоря нам, косвенно он подтвердил, что с Линь Бяо что-то случилось. Распространенные слухи, должно быть, не лишены основания. Подождем, пока китайцы сами не проинформируют нас. В один прекрасный день этот вопрос выяснится.

Мы посоветовали товарищам организовать визиты трудящихся Тираны в китайское посольство и направление Пекину поздравительных посланий.

Всей нашей последовательной марксистско-ленинской позицией в защиту Китая и Коммунистической партии Китая скажем Пекину, что они совершили большую ошибку, не послав делегации на наш VI съезд.

ЧЕТВЕРГ
28 ОКТЯБРЯ 1971 г.

ПЕРЕГОВОРЫ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ С ГЕНРИ КИССИНДЖЕРОМ

Закончился второй тур переговоров. Вместо четырех дней они продолжались шесть дней, причем в условиях строжайшей тайны. Коммюнике лаконичное, особенно со стороны китайцев; это коммюнике, в котором отмечается только то, что „переговоры касались поездки американского президента в Пекин". Это известно всему миру.

Киссинджер же, который возвратился в Вашингтон, первым делом встретился со своим президентом и, по сообщениям иностранных телеграфных агентств, заявил, что **все прошло хорошо, переговоры о поездке президента в Китай стоят на правильном пути. Эта поездка состоится в начале 1972 года и в связи с ней Киссинджер снова поедет в Пекин, где он будет иметь переговоры с Чжоу, на этот раз уже в связи с подготовкой поездки с технической стороны.**

Киссинджер, всегда по сообщениям телеграфных агентств, заявил, что Никсон обсудит с Мао и Чжоу много вопросов, но только не вопросов, касающихся Советского Союза и вьетнамской проблемы, которая должна быть „обсуждена с вьетнамцами". Киссинджер также заявил, что якобы он ничего не знал о разногласиях в китайском руководстве и что якобы это, как он выразился, их не интересует.

Итак, можно заключить, что для поездки Никсона

в Пекин нет никаких препятствий. Даже если внутри китайского руководства были препоны касательно этой поездки, они уже устранены — осуждены как „левацкие взгляды". Они наверно не только договорились относительно круга вопросов, подлежащих обсуждению, но и нашли их приблизительное и совместное решение.

Вопрос о принятии Китая в Организацию Объединенных Наций, в котором мы сыграли важную роль, решен борьбой, причем на год раньше, чем этого ожидали как Никсон, так и Чжоу Энь-лай, и чем они официально заявили за несколько дней до окончательного голосования в ООН. Стало быть, внешнее препятствие номер один устранено. Как я уже посоветовал и Нести отметить в своей речи в организации Объединенных Наций, „Понтий Пилат" умыл руки относительно выдворения Чана из этой организации. **Это открыло путь к преодолению второго препятствия — к установлению дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. Для этого надо найти обоюдоприемлемую формулу, с тем чтобы были „и волки сыты, и овцы целы", чтобы и Чану жить на Тайване, и Чжоу сохранить видимость, так как в „переговорах" (подразумевай дружбу) с Соединенными Штатами Америки заключается стержень „новой" и большой стратегии Китая.**

Договоренность по этому вопросу, быть может, достигнута уже теперь, во втором туре переговоров между Чжоу и Киссинджером, и Соединенным Штатам Америки понадобится один или два месяца, чтобы убедить Чана пойти на такую сделку.

Возможно, третий визит Киссинджера приведет к установлению дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. Тогда для Чжоу все пойдет как по мас-

лу. Президента Никсона будут встречать в Пекине цветами, гонгами и портретами, „откроется новая эра", откроются новые страницы, „запевай, ласточка, на иной лад", и Чжоу скажет: Албанцам мы уже „заткнули рот относительно их замечаний по поводу визита Никсона в Пекин, так как Китай уже принят в Объединенные Нации, он уже признан Соединенными Штатами Америки, а тайваньский вопрос уже урегулирован". — Теперь, — скажет Чжоу, — давайте, наши искренние американские друзья, побеседуем! Но о чем беседовать? О наших делах и о делах других, будем развивать дружбу, торговлю, связи в области искусства и культуры, будем приезжать друг к другу бесцеремонно, будем беседовать о Японии, об Индии, об Индонезии, о Европе, об Австралии, одним словом, обо всем, „за исключением Советского Союза и Вьетнама".

Однако Чжоу прекрасно знает, что албанцев на такую удочку легко не поймаешь. По всей вероятности, у китайцев были внутренние противоречия. Они скрывают их от нас, они остерегаются нас „как черт ладана". Но как бы они ни остерегались, настанет день, когда то, что они скрывают от нас, станет явным. **Китайский посол в Ханое как-то сказал нашему послу: „Мы (китайцы), как посольство, так и войска, работавшие здесь, допускали грубые ошибки в отношении вьетнамцев. Мы осуждали парижские вьетнамско-американские переговоры. Это была левизна". Конечно, это „левизна", когда ты сам правый, ведь когда ты являешься правым, оппортунистом и ревизионистом, начинаешь упрекать марксистов-ленинцев в левизне...**

Титовцы и румыны ликуют. Китай с ними, если сегодня не вполне открыто, то завтра да; он будет придерживаться одной с ними линии. Китай займет „третью" позицию, позицию „третьего мира", того мира, который Ти-

то называет другим именем — „неприсоединившимся миром", и будет стремиться стать его руководителем. Китай будет стараться сбалансировать американскую и советскую силу в новых сферах влияния, которые ему придется вырвать у них обоих, но, к сожалению, не в пользу революции. Тито и Чаушеску будут добиваться того, чтобы ветер, который дует в Китае в пользу Соединенных Штатов Америки, усилился в ущерб советским. Пусть этот ветер по-прежнему называется „восточным ветром", но этот ветер с Востока — метельный, влажный ветер, насквозь пронизанный ревизионизмом. Это приведет к тому, что Китай начнет увеличивать свои кредиты странам „третьего мира", приступит к переговорам и контактам с ревизионистскими партиями, где бы они ни были; Китай бросит одну за другой новые марксистско-ленинские партии, утверждая, что достаточно по одной „двусторонней встрече" и по одной беседе, и все.

Впрочем он стал бросить их, публично начав это с того, что не пошлет делегации на VI съезд нашей партии, в котором примут участие представители марксистско-ленинских партий и революционных групп. Конечно, поворот будет нюансированным, „аргументированным", чтобы он не был похож на поворот ни советских ревизионистов, ни титовцев, ни румын. **Он будет отличаться своими китайскими нюансами и великого государства, и неконсолидированной партии, в которой действуют многие течения.**

Естественно, для нашей партии и для международного коммунистического движения борьба становится более тяжелой, более трудной. Однако нам все ясно, ничто не может ввести нас в обман. Наша партия прошла через огонь и воду, она прошла через много трудностей и препятствий; борясь, она накопила большой опыт. Мы будем гордо стоять в борьбе за защиту марксистско-ленинских принципов, против кого бы то ни бы-

ло, даже против всех, если это понадобится. Марксизм-ленинизм озаряет нам путь, он никогда не заведет нас в тупик, если мы останемся ему верными. И наша партия останется верной марксизму-ленинизму, своему народу, социализму и коммунизму.

ВТОРНИК
9 НОЯБРЯ 1971 г.

КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ И VI СЪЕЗД НАШЕЙ ПАРТИИ

Шестой съезд партии закончился с исключительным успехом. На этом съезде было блестяще продемонстрировано как единство рядов партии, так и единство партии с народом, проявились мудрость и зрелость партии, ее смелость и несокрушимый интернационализм.

Как отнесся Центральный Комитет Коммунистической партии Китая к этому великому для нашей партии и нашего народа событию? Холодно и, я бы сказал, оскорбительно. Однако мы не подали виду, несмотря на то, что мы раскусили всю их китайщину. Мы не скатились на их ошибочные позиции, а твердо придерживались своей марксистско-ленинской революционной линии по отношению к Коммунистической партии Китая и братскому и дружественному китайскому народу.

Пусть коммунисты в мире посудят о том, кто поступал правильно, а кто дурно, кто твердо придерживался марксистско-ленинской линии, а кто поколебался. **Утверждение руководства Коммунистической партии Китая о том, что оно не направило делегации на VI съезд нашей партии „в силу решения, принятого IX съездом", неверно, это ложь, шитая белыми нитками. Съезд, уважающий учение Маркса и Ленина, не может принимать подобного решения. Такое решение было бы антимарксистским. Мы знаем, что IX съезд Комму-**

нистической партии Китая не принимал такого решения, и китайское руководство, которое лжет, занимает вдвойне антимарксистскую позицию как в отношении своего съезда, так и в отношении нас. Центральный Комитет какой-либо партии, в зависимости от условий и обстоятельств, может принимать такое решение, и нельзя сказать, что он поступает неправильно, однако такое решение не может оставаться в силе навсегда, его никогда нельзя считать решением, одобренным съездом.

Итак, решение не послать на VI съезд Албанской партии Труда делегации КП Китая принято Мао и Чжоу Энь-лаем из-за противоречий с нашей партией, касающихся политической линии. В чем заключаются противоречия? Об этом мы им говорили открыто, по-большевистски. Они не говорят об этом, но собирают и искажают наши высказывания, а затем показывают публично свои позиции и выступают с немарксистскими суждениями.

Это факт, что они придерживаются ревизионистской линии, проводят курс на примирение и контакты с ревизионистскими партиями, где бы они ни были в мире. Итак, приспосабливаясь к „политической" обстановке, они стали сидеть на двух стульях — их сердце по ту сторону, тогда как стереотипные формулы, вывески для публики, — ведь они еще нужны им, — здесь, у нас. Понятно, марксизм-ленинизм быстро изобличает камуфлированных оппортунистов и лжецов.

Китайские руководители не только не послали делегации на наш VI съезд, но и отражают свои позиции также в печати и радио в виде „расплывчатых вывесок", которые служили им для того, чтобы проводить время и „выйти из положения".

Их приветственное послание VI съезду нашей партии было чем-то обычным, таким посланием, которое можно направлять всякого рода партии, к тому же

полным стереотипных формул, какие всегда употребляют китайцы. Его не подписал Мао, как раньше, ибо „он считал это ниже своего достоинства". Во время работы VI съезда они ничего не писали о нем, а лишь поместили в „Жэньминь жибао" какую-то статью „Зери и популлыт" и опубликовали корреспонденцию китайских журналистов, присутствовавших на съезде, которую можно называть никудышной хроникой. И чтобы показать, будто проявляют интерес к нам, поместили в своих газетах всякую китайщину относительно „олив дружбы", „албанской пшеницы" и другой подобного рода вздор.

Приветственное послание по случаю 30-й годовщины основания нашей партии было просто копией приветственного послания, направленного ими VI съезду, и они лишь добавили или сняли с него некоторые стереотипные формулы. Оно тоже было бездушным, подобно анонимному приветствию, направленному нам по случаю избрания нового Центрального Комитета нашей партии. Говорят, что по этому случаю они устроили торжественное собрание в Пекине; нам об этом ничего не известно, но тем не менее представляем себе, как оно прошло.

В этом и состоит „весь шум", поднятый товарищами из китайского руководства относительно VI съезда нашей героической партии, которая, когда на Коммунистическую партию Китая и на Китай яростно обрушивались все и вся, защищала их с марксистско-ленинской решимостью. Только Албанская партия Труда, только социалистическая Албания остались на их стороне и своей упорной, постоянной, последовательной, принципиальной, марксистско-ленинской борьбой защищали Коммунистическую партию Китая и завоевания народного Китая. **Мы исполнили свой интернациональный долг как их надежные друзья. История судит о нас, она будет судить о нас и в будущем, она все-**

гда будет признавать правыми Албанскую партию Труда и Народную Республику Албанию.

Китайское руководство думает так: „Переправившись на другой берег, больше не нуждаюсь в коне". Однако мы, албанцы, в своей многовековой истории никогда не несли и не терпели кого-либо на спине, а тем, которые рассчитывали на это, албанцы так намыли шею, что пройдут века, сложатся различные обстоятельства, но этого им никогда не забыть. Для нас, албанцев, как народа и как марксистов, дружба, основанная на марксистско-ленинских интернационалистических принципах, свята, и мы смело и настойчиво боролись и будем бороться за такую дружбу. За настоящую марксистско-ленинскую дружбу с Коммунистической партией Китая и с китайским народом, за дружбу, которая для нас священна, мы будем бороться, проявляя в то же время умеренность, зрелость и терпение, **однако марксистско-ленинские принципы нашей партии мы будем отстаивать как свою жизнь и будем бороться, невзирая на лица, против всех тех, кто будет пытаться извратить и попрать их.**

СРЕДА
10 НОЯБРЯ 1971 г.

„НЕЧТО" СЕНСАЦИОННОЕ

Как сообщают нам в радиограмме из Пекина, один китаец сказал одному из наших товарищей: „Через 10 дней вы услышите нечто очень сенсационное". Прошло 10 дней, и тот же человек сказал: „В главном руководстве Китая произошел большой раскол; приняты меры против тех, кто во время Культурной революции говорил одно, а делал другое. Во главе их стоит Линь Бяо".

ЧЕТВЕРГ
11 НОЯБРЯ 1971 г.

ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ РУКОВОДИТ ТАКЖЕ АРМИЕЙ

Китайское руководство совершенно молчит о том, что происходит, однако люди начинают „сами говорить".

Китайские водители, работающие в посольстве Народной Республики Албании в Пекине, говорят нашим товарищам: „Чжоу Энь-лай, хотя и был очень усталым, теперь выглядит более отдохнувшим и руководит также армией".

Итак, вы это поймите так, что Линь Бяо убран!

**ПОНЕДЕЛЬНИК
15 НОЯБРЯ 1971 г.**

ЗАПИСКИ О КИТАЕ

Опубликование в Китае Отчетного доклада нашему VI съезду и его проработку там среди партийных и народных масс следует считать огромным успехом нашей партии и ее марксистско-ленинской линии.

Китай теперь наверняка переживает момент тяжелого внутреннего кризиса, и особенно кризиса в главном руководстве партии. Мы официально ничего не знаем, нам ничего не говорят о „борьбе против левизны", о „свержении Линь Бяо" и др. Но, что там происходит что-то серьезное, в этом нет никакого сомнения.

Кто это „левые"? В чем их обвиняют и кто их обвиняет? Все это навсегда скрывать нельзя. Это факт, что при таких трудных ситуациях Доклад VI съезду нашей партии был передан партии и народу Китая „для изучения и извлечения уроков". Это радует нас.

Ревизионисты и оппортунисты могут делать и говорить все, что им захочется, но впечатления китайских коммунистов и китайского народа о нашей партии и нашем народе глубоки, и их нельзя изглаживать при помощи клеветы. Наша партия своей политикой должна сделать все возможное, чтобы воздействовать на Китай и на Коммунистическую партию Китая своей правильной линией, марксистско-ленинским путем.

Нам никогда не следует забывать о том, что это наш самый высокий долг на международной арене.

Мы находимся в жестокой и беспощадной борьбе с империализмом, ревизионизмом и реакцией. **Кто завоюет себе Китай? Реакция или социализм, ревизионизм или марксизм-ленинизм?** Мы будем бороться за торжество марксизма-ленинизма.

Пусть социалистическая Албания кажется небольшой как государство, — марксизм-ленинизм, под знаменем которого она борется, — колоссален. Поэтому по всякому вопросу, касающемуся Китая, я всегда говорю нашим товарищам: никогда не следует забывать об этой великой цели, об этой великой, колоссальной задаче международного масштаба, в интересах мировой революции.

ПЯТНИЦА
19 НОЯБРЯ 1971 г.

КАРРИЛЬО В КИТАЕ

Агентство Синьхуа сообщило, что делегация испанской ревизионистской партии Пассионарии во главе с ее генеральным секретарем, Каррильо, прибыла в Китай и посетила многие его города. Оно передавало, что в честь делегации был устроен сердечный банкет, а Гэн Бяо, заведующий внешним отделом при Центральном Комитете Коммунистической партии Китая, имел с ней переговоры, на которых были изложены взгляды обеих сторон.

Теперь уже ясно — Коммунистическая партия Китая встала на путь контактов, переговоров и, почему бы нет, и соглашений. Быть может, это пока что об отдельных проблемах, покуда они не договорятся обо всем. После этой встречи очередь за встречами с другими ревизионистскими партиями — итальянской, французской, английской, голландской и другими. Это целый развивающийся процесс.

С одной стороны, Коммунистическая партия Китая следует по самому открытому оппортунистическому пути, она якобы поддерживает двусторонние связи с коммунистическими и рабочими (марксистско-ленинскими) партиями лишь „с целью узнавать их мнение, информироваться", но не помогая им и особенно не поддерживая их идеологически в борьбе против ревизионистских партий и других анархистских, троцкистских групп; с другой стороны, Коммунистическая партия Ки-

тая начала и будет продолжать развивать контакты и вступать в сделки с ревизионистскими партиями. Настоящая линия, конечно, погрузит ее глубоко в трясину ревизионистской идеологии, приведет ее идеологически к „третьему миру", т.е. на ревизионистский путь Тито, Чаушеску, Кастро и т.д.

Другой путь, которого придерживается Коммунистическая партия Китая, это путь якобы государственных связей в целях укрепления связей с ревизионистскими партиями в тех странах, в которых они у власти и у которых имеются противоречия с Советским Союзом и с ревизионистской партией Советского Союза. **Наряду со всеми этими действиями и именно для того, чтобы замаскировать истинные тактические и стратегические цели этих ревизионистских и оппортунистических действий, Коммунистическая партия Китая „поддерживает связи", афиширует и трубит о том, что „она и Албанская партия Труда проводят одну и ту же линию и находятся в полном марксистско-ленинском единстве", и, поддерживая нас, дает понять, будто „и мы согласны со многими ее действиями". Это очень коварная тактика.**

Это наилучшим образом подтверждается также тем, что одной из причин, которыми они объясняют свое неучастие в нашем VI съезде, было „широкое участие в нем марксистско-ленинских партии". В телеграмме, направленной нашему съезду, как и в телеграмме по случаю 30-летия нашей партии превозносится до небес этот интернационализм нашей партии и поддержка, которую мы оказываем марксистско-ленинским партиям. Но, как только закончился этот съезд, они опубликовали коммюнике о принятии ими Каррильо, посланника Ибаррури, которая на московском Совещании, когда мы выступили в защиту марксизма-ленинизма, когда мы обрушились на советский ревизионизм и на Хрущева, обозвала нас „троцкистами".

В Китае открыто встречают ревизионистскую группу Каррильо и социалистическую группу Петро Ненни и сразу же публикуют совместные коммюнике об их визитах, но, когда Китай посетила делегация Коммунистической партии Польши (марксистско-ленинской), а это было намного раньше их, не только с трудом Чжоу Энь-лай уделил ей час приема, но и совместное коммюнике, предложенное самими китайцами и на опубликование которого они дали свое согласие, они совсем не опубликовали. Это, помимо отсутствия искренности, подтверждает и то, что я сказал выше: китайцы приносят в жертву Коммунистическую партию Польши (марксистско-ленинскую), чтобы связаться с ревизионистской партией Герека и с польским государством якобы потому, что у них имеются противоречия с Советским Союзом и с Коммунистической партией Советского Союза.

Принятие ревизионистской группы Каррильо в Пекине нанесет ущерб и создает много помех молодой Коммунистической партии Испании (марксистско-ленинской), будет мешать ее дальнейшему развитию, дальнейшей консолидации ее позиций. В то же время это вынудит Коммунистическую партию Испании (марксистско-ленинскую) занять позицию как внутри партии, так и в своей пропаганде, в отношении связей Коммунистической партии Китая с ревизионистской партией Пассионарии, ибо испанская ревизионистская партия в своей печати будет особо отмечать в свою пользу этот достигнутый ею в Китае успех. По этому случаю она непременно скажет, что уже „наведен мост единства коммунистического движения"; что „нет существенных разногласий между ней и Коммунистической партией Китая"; что „не было обращено внимания на те незначительные вещи, которые разделяют нас, и в основу марксистско-ленинского сотрудничества положено то, что нас объединяет"; что „принято реше-

ние прекратить полемику между обеими нашими партиями", и так по порядку будет выложен весь ревизионистский багаж.

Впрочем об этом дает понять и опубликованное в Пекине коммюнике, несмотря на то, что в нем ничего не упоминают. В китайском коммюнике лишь говорится, что обе стороны изложили свои взгляды. Изложение взглядов — дело естественное, но каковы эти взгляды? В чем вы согласны и в чем не согласны?! Предполагается, что они сошлись взглядами, да и если они не сошлись некоторыми из них, то они были настолько незначительны, что не стоило отмечать их. Вот как умело округляют их Каррильо и Пассионария.

Та же ситуация будет создана для всех коммунистических партий (марксистско-ленинских), когда в Китай поедут делегации ревизионистских партий их стран.

Итак, новая конкретная опасность, чреватая серьезными последствиями, угрожает особенно новым марксистско-ленинским партиям, ряды которых еще не окрепли и не консолидировались. Это, конечно, большая опасность в первую очередь для международного коммунистического движения, поэтому особенно на нашу партию выпадает задача в сотрудничестве и единстве с остальными марксистско-ленинскими партиями нейтрализовать эту опасность и преодолеть ее.

Мы будем вести борьбу в защиту принципов, в защиту марксизма-ленинизма, в защиту братских марксистско-ленинских партий, которые должны сознавать грозящую опасность, быть бдительными, осмотрительными, принципиальными и революционными; должны укрепляться организационно, идеологически и политически; сохранять марксистско-ленинское единство своих рядов, ибо при таких ситуациях и особенно когда партии еще не подкованы, оно всегда находится под угрозой.

ПОНЕДЕЛЬНИК
22 НОЯБРЯ 1971 г.

КИТАЙ, ВЬЕТНАМ И ТАЙНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ С СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ

В этом отношении мы должны полагаться на предположения, работать воображением, делая некоторые выводы из отдельных лаконичных сообщений иностранных телеграфных агентств, из отдельных заявлений Никсона, из некоторых поездок северовьетнамских руководителей и из какого-либо фактически ни о чем не говорящего китайского коммюнике.

Китайцы ничего не говорят нам не только о своих переговорах с США, но и ни о каком своем политическом шаге на международной арене. Мы сами должны отгадать китайскую загадку их внешней политики. Часто дело осложняется, а в ряде случаев, не имея точных данных, мы можем и ошибаться.

Итак, судя по ходу событий и по имеющимся у нас данным, я думаю, что вьетнамско-американская парижская конференция, на которой северовьетнамцы надеялись одержать „политическую победу", спит непробудным сном, она переведена из Парижа в Пекин и перешла из легального в нелегальное положение.

С тех пор, как было объявлено, что Никсон поедет в Пекин встретиться с Мао Цзэдуном, огонь потух в Париже и задымился в Китае. По всей видимости, эту конференцию окатили холодной водой без консультации и без согласия вьетнамцев, которые порядочно

возмутились и об этом возмущении против китайцев они дали ясно понять.

Вьетнамцы, видимо, не хотели, чтобы это было сделано без их ведома, через их голову, за их глаза и под сурдинку, особенно потому, что, „когда речь идет о Вьетнаме, последнее слово за ними". Китайская помощь в этом отношении, по мнению вьетнамцев, является второстепенной и не одной единственной помощью Вьетнаму; наряду с ней, на том же уровне, если не выше, по всей видимости, стоит и помощь советских. Поэтому вьетнамцы хотят иметь не одну, а две одинаковые, равные опоры, которые были бы как их друзьями, так и друзьями американцев.

Китайцы, по-видимому, вынуждены были „приспустить флаг" перед ними и „исправить ошибки", ибо за это время в самом Китае, видите ли, произошли „тяжелые вещи в руководстве", которые связали Чжоу по рукам и ногам, но которые в то же время дали ему возможность взвалить так называемые ошибки в отношении Вьетнама на „ультралевых, на заговорщиков".

Был поспешно отправлен Ли Сянь-нянь в Ханой еще до прибытия туда Подгорного. Ли Сянь-нянь выступил с самокритикой, он явился там не с пустыми руками, а наобещал им помощи и заверил их в том, что с американцами они будут вести переговоры о Вьетнаме так, как повелят вьетнамцы. Это удовлетворило как их, так и их советских друзей, которые, как инициаторы и усердные зачинщики изменнического компромисса с американцами о погашении войны во Вьетнаме, не остались вне хоровода, разыгрывающегося в ущерб вьетнамскому народу.

Так что, согласно этим данным, мы должны прийти к выводу о том, что они будут обсуждать эти вопросы с Никсоном не только в Пекине, но и в Москве. **Никсон сел на обоих коней, служащих его курсу войны**

во Вьетнаме. Если „захромает" один, то телегу американского империализма может тащить другой.

После того, как это положение было уже обеспечено за кулисами, начались сделки. Говорят, что во время вторичного посещения Пекина Киссинджером, посланником Никсона, туда поехал и северовьетнамец Ле Дук Тхо. Говорят также, что в условиях строжайшей тайны и под шефством Чжоу Энь-лая состоялась встреча между Киссинджером и Ле Дук Тхо. Что было заключено — неизвестно.

Недавно, на пресс-конференции, Никсон заявил, что он „выведет еще один контингент войск" из Вьетнама. Несомненно, это „червячок на удочке", связанной с тайными сделками: ты дашь мне, и я дам тебе; насколько ты уступишь, настолько и я уступлю. В это время в оккупированном американцами Таиланде произошел военный переворот. Премьер-министром стал один „маршал", а членами правительства — десять генералов, все они агенты Пентагона. Поэтому, „если мы добьемся компромисса во Вьетнаме, — говорит Никсон, — мы продолжим войну в Камбодже и в Лаосе, имея надежные базы в Таиланде".

При этих „замечательных" ситуациях, которые были созданы для Вьетнама политикой компромисса, а также политикой советских и китайских ревизионистов, Фам-ван-Донг в эту неделю поехал в Пекин. Зачем он поехал туда? Мы не знаем, но догадаться можем.

Чжоу Энь-лай, по-видимому, для того чтобы успокоить вьетнамцев, заверить советских и сказать американцам, что „больше я ничего не могу делать с вьетнамцами", в совместном с Фам-ван-Донгом коммюнике отмечал, что „это вьетнамцы сами решают за себя".

По всей видимости, в „воздухе" носится еще одна встреча с Киссинджером в Пекине, якобы для улаживания технических вопросов, связанных с „поездкой Никсона", которая, как предвидят телеграфные агент-

ства, совершится приблизительно в марте-апреле. Значит, времени вдоволь для сделок и компромиссов.

Все это мы поняли. Теперь, как всегда, на нас выпадает задача постоянно следить за событиями, изучать их, самим делать выводы и строить свою линию и свои позиции, ибо никто из этих людей не скажет чего-нибудь и особенно чего-нибудь правдоподобного.

ВТОРНИК
28 ДЕКАБРЯ 1971 г.

МАССОВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ БОМБАРДИРОВКИ В СЕВЕРНОМ ВЬЕТНАМЕ

Вот уже 6-7 дней подряд, как американская авиация особенно усиленно бомбардирует (250 налетов в день) Северный Вьетнам, радарные установки, аэродромы и деревни. Бомбардировки подошли вплотную к Ханою, однако его еще не подвергали бомбежке; вьетнамское радио сообщает, что среди населения имеются убитые, а американское командование в Сайгоне передает, что бомбардировки совершаются по приказу самого президента Никсона.

Никсон и американский империализм никогда не откажутся от агрессии и от бомбардировок во Вьетнаме, если у них не будут отрезаны руки. Во Вьетнаме разыгрывается большая трагедия, выходящая за пределы этой страны. Вьетнамцы уже усиливают войну, которую известное время они смягчили в силу „великой политики", которую они проводили на парижских переговорах. Но парижские переговоры пошли им не впрок.

Втихомолку готовилась поездка Никсона в Пекин. Эта „бомба" была сброшена, и вьетнамцев, оказывается, также как и нас, не спросили, а это им не понравилось, поэтому они внутренне подняли шум. Мы прочли торжественные заявления Китая о том, что вьетнамский вопрос не будет обсужден с Никсоном; мы следили за обменом визитами в Ханой и Пекин

между китайскими и вьетнамскими делегациями; были опубликованы заявления, были произнесены речи: „Китай всегда является тылом Вьетнама", „Китай считает, что сам Вьетнам должен решать о своих судьбах" и т.д.

С другой стороны, Киссинджер приезжает в Китай вторично, проводит длительные переговоры с Чжоу и делает торжественные заявления о том, что „на переговорах с Никсоном речь не пойдет о третьих странах". Другими словами, Чжоу Энь-лай устами Киссинджера (ибо китайцы, со своей стороны, ничего не говорят о переговорах с американцами) во всеуслышание заявляет, что его не занимает проблема войны американцев во Вьетнаме. Китайцы могут отрицать и должны абсолютно опровергнуть это, однако от этого дело не меняется. Этот факт таит в себе большую опасность для китайцев.

Нынешняя ситуация, значит, сложилась так: с одной стороны, в Пекин приезжают и уезжают официальные американские делегации и втихомолку, в условиях дружбы и доброжелательства готовят, вплоть до мельчайших подробностей, поездку президента Никсона; с другой стороны, американские бомбардировщики сотнями и тысячами каждодневно летят над Северным Вьетнамом, сбрасывают бомбы и убивают народ от имени того преступного бешеного президента, который в Пекине будет встречен цветами и народом.

Это политическое преступление, это никогда невиданный и не слыханный скандал. Пекин пишет какую-нибудь статью, но это не имеет никакой ценности, это равносильно ценности „пламенных антиамериканских" статей „Правды". Демагогия!!

Пекин не предпринимает ни малейшего шага, чтобы использовать его в качестве предлога по крайней мере для приостановления визита Никсона в Пекин, ставя американцам в качестве условия прекра-

щение бомбардировок в Северном Вьетнаме. Но Пекину не легко предпринимать даже такой политический шаг. Никсон схватил его за горло и шантажирует.

Китайцы во всеуслышание обязались не обсуждать вьетнамский вопрос с Никсоном во время его визита в Пекин. Это одно, **но самое удивительное это сама поездка Никсона в Пекин, вопрос о новой китайской политике, о новой китайской стратегии. Визит Никсона вызвал реагирование в стране и доставил им большие неприятности, поэтому они приняли и радикальные меры, произвели чистку. Теперь они уже не могут отступить, ибо отступление влечет за собой пагубные последствия для политиков, выработавших новую стратегию. И это хорошо знает Никсон, знают советские, вьетнамцы, знает весь мир.**

Результаты: вьетнамцы будут продолжать атаки (косвенно, одним выстрелом вьетнамцы убивают двух зайцев — ставят в затруднение и китайцев, которые примут у себя Никсона). Никсон зверски бомбит Вьетнам и собирается ехать в Китай, сеет вражду между Китаем и вьетнамским народом, роняет престиж Китая и играет на руку советским, с которыми он в сговоре.

Советские изобличают китайцев за то, что в такое время, когда Вьетнам подвергается бомбардировкам, они „исполняют дуэт с американцами". Но хрущевская клика „изобличает" и американцев, „поддерживает" вьетнамских ревизионистских друзей и вполне возможно, что, когда Никсон закончит свой визит в Китай, советские отменят его визит в Москву по причине бомбардировок во Вьетнаме. И все это для того, чтобы разоблачать в глазах мировой общественности Китай, принимающий Никсона в такое время, когда Вьетнам подвергается бомбардировкам, а для себя создать впечатление, что вот, мол, „мы, советские, отказываемся принять Никсона в Москву, наподобие того, как

мы отказались принять и Эйзенхауэра после инцидента с самолетом Y-2"!!

Это очень опасная и хитросплетенная игра, которую могут вести советские и американцы. Мы так или иначе должны навести китайцев на эту мысль. Китайцы, быть может, предвидят это, они, быть может, избегают этой возможности с целью успокоить себя тем, что якобы советские не сделают этого, ибо они опасаются того, как бы Соединенные Штаты Америки и Китай вдруг ... и т.д.

Все это сон наяву в попытках оправдать слабость: „Ты, Китай, не можешь выйти из этого тупика", однако из тупика надо выйти во что бы то ни стало, иначе получится курам на смех.

ЧЕТВЕРГ
30 ДЕКАБРЯ 1971 г.

ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКАЯ ВОЙНА И КИТАЙ

Народы Индии и Пакистана страдают и будут продолжать страдать от английской империалистической политики, от жестокого гнета местной капиталистической буржуазии и от империалистических происков советских ревизионистов и Соединенных Штатов Америки.

Английский империализм якобы предоставил свободу Индии, а, на деле, в своих корыстных интересах, искусственно создал государство Индии и государство Пакистана. Пакистан был образован на основе мусульманского вероисповедания, и его государственная территория была разделена на две части: на Восточный Пакистан и на Западный Пакистан, отделенные друг от друга почти целым континентом — Индией, состоящей из многих народов различного вероисповедания.

Индии, несомненно, существование государства Пакистана было навязано, ибо она хотела полностью поглотить его и поставить под господство махараджей, но за неимением возможности добиться этого она удовлетворилась аннексией Кашмира, который, если признавать религиозное деление и другие традиции, принадлежал Пакистану. Последний, разумеется, никогда не признавал подобного несправедливого решения английского империализма в пользу Индии.

Поэтому всю свою „свободную и независимую" жизнь оба этих буржуазных капиталистических госу-

дарства стояли с обнаженными ножами. В обоих „свободных и независимых" государствах английский империализм имел большие интересы, поэтому он продолжал развивать отношения с ними в своих интересах, без формы „вице-короля"; он вершил там закон, и эти страны входили в Британское содружество наций, в зону стерлинга и т.д. И государственные и армейские кадры как Индии, так и Пакистана готовились и воспитывались в Англии.

В этих двух „свободных" странах господствовал жестокий гнет феодалов-махараджей и крупных капиталистов, пользовавшихся покровительством Сити Лондона. **Народы Индии и Пакистана страдали под двойным средневековым гнетом; там нельзя было описывать нищету, голод и болезни. Индийцы и пакистанцы относятся к числу самых бедных народов мира во всех отношениях.** Они продолжают быть в таком же положении и поныне, несмотря на то, что мировая капиталистическая буржуазия старается разрекламировать правительства этих двух стран — индийское и пакистанское правительства. Джина, Ага Хан и другие ханы Пакистана; Ганди, Неру, Шастри или Индира Ганди и другие махараджи Индии, прогуливающиеся нагишом, держа при себе козу, или путешествующие на украшенных жемчужинами слонах, — все они сидели и сидят на шее у пакистанского и индийского народов.

Обе эти страны многочисленного населения и большого значения в мировых политических сферах получили какое-то развитие в рамках буржуазно-капиталистического строя. Различные империалистические государства, в первую очередь Англия и Соединенные Штаты Америки, а теперь и советские ревизионисты использовали их в интересах своей политики мирового господства. Эти два якобы независимых государства проводили то политику Англии, то политику Соединенных Штатов Америки, будучи связанными с ними агрес-

сивными военными договорами. Так, например, Пакистан связан с ними через СЕНТО; правительству Неру — оплоту „третьего блока" — удалось получить от США кредиты в миллиарды долларов; оно к тому же сыграло на руку их политике, совершив вооруженную провокацию против Китая и открыто сдружившись с хрущевцами. Теперь Индира Ганди дошла до того, что связалась с Советским Союзом даже военным договором.

Американский империализм пришел на смену английскому империализму в этих странах и в течение целого ряда лет добивался преобладания в них влияния американских монополий и Пентагона. Соединенные Штаты Америки стремились распространить свое влияние на весь этот район в целях упрочения своего империализма в Азии и на Дальнем Востоке и особенно в целях подготовки военного окружения и агрессии против Китайской Народной Республики и других стран Азии. Находясь в открытой войне с народами Вьетнама, американский империализм натравил Индию на Китай; но это еще не все. Он подливал масла и в огонь индийско-пакистанской вражды, с тем чтобы эти два государства, Индия и Пакистан, были у него в милости, ибо таким образом ему легче вмешиваться затем в их внутренние дела и т.д.

Из-за территориальных притязаний Пакистан и Индия до сих пор три раза вступали в вооруженные конфликты друг с другом, и им всегда „помогали" оружием и „советами" убивать друг друга, заключать перемирие и опять убивать друг друга. В эту гнусную империалистическую игру включились и хрущевцы, которые открыто встали на сторону реакционной и агрессивной Индии, а теперь, связавшись с ней и договором, натравливают индийцев на Пакистан.

Нынешний конфликт между Индией и Пакистаном не имеет своей целью только разрешение путем войны

разногласий между этими двумя государствами; он в то же время носит более широкий агрессивный стратегический характер, ибо в него открыто и якобы „менее открыто" замешаны Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.

Индия — это агрессор, что не подлежит никакому сомнению, причем она совершенно не берет на себя труд замаскировать этот факт. Индия первой напала на границы Восточного Пакистана и совершила вмешательство во внутренние дела другого государства. Повод состряпан, подстроен: Бангладешский и Бенгальский вопросы.

В Восточном Пакистане, как известно, были проведены выборы, причем были проведены так, как могут проводиться в странах, где господствуют военные диктатуры феодалов. Такие выборы, как и их результаты одинаковы как для Пакистана, так и для Индии. Так что в Пакистане партия Муджибура Рахмана завоевала в Бангладеше большинство кресел в парламенте. Яхья Хан, конечно, принял меры, ибо Муджибур Рахман провозгласил „свободную Народную Республику Бенгалию", с тем чтобы отколоть ее от Пакистана. Рахман был арестован и на этом кончилось все.

Индия, которая была замешана в этом заговоре, подстрекаемая и поддерживаемая советскими, с которыми всего несколько недель назад подписала договор, отдала распоряжение, в соответствии с которым началась эмиграция бенгальцев в Индию. Говорят, что туда перешло 10 миллионов беженцев. Нашумев с месяц по поводу этого массового переселения и по поводу „варварств" пакистанских ханов и подготовив почву, индийцы бросили свои войска „на защиту прав бенгальцев", „на защиту Республики Бенгалии", и, чтобы кое-как узаконить этот акт в официальном порядке, они признали образованное ими квислинговское правительство, провозгласив Бангладеш „республикой".

Тактика индийцев не нова. Из Тибета сбежал Далай-лама, а вместе с ним и горстка кулаков и феодалов. Индийское правительство собрало разбежавшихся по Индии тибетских беглецов, организовало их вокруг Далай-ламы и стало трубить против Китайской Народной Республики. Это была подготовка почвы для предпринятой им впоследствии вооруженной агрессии против Китая, которая встретила отпор со стороны армии Мао Цзэдуна. В то время Хрущев открыто выступил против Китая и взял под защиту индийских агрессоров. Ту же позицию занимают советские ревизионисты и на сей раз. В вопросе индийско-пакистанского конфликта они также открыто стоят на стороне Индии, на стороне агрессоров. Это они объясняют тем, что они, видите ли, союзники Индии, что Индия — „мирное, прогрессивное" и даже „социалистическое" государство; они даже доходят до утверждений о том, что Индия „отстаивает свободу и независимость угнетенных народов" и т.д. Значит, Советский Союз „отстаивает национально-освободительную борьбу народов", „отстаивает свободу и независимость народов". Все это турусы на колесах, демагогия. Таково их предательство, а оно раскрывает изнанку целей советских ревизионистов и советского социал-империализма.

Советско-американско-индийский план преследует еще дальше идущие цели. Советские, американцы и индийцы стремятся политически дискредитировать Китай, вовлечь его в свои крупномасштабные международные интриги, и, наконец, спровоцировать его, с тем чтобы он вступил в вооруженный конфликт.

Это факт, что Китайская Народная Республика поддерживает дружественные отношения с Пакистаном, предоставляет ему экономические кредиты, помогает ему вооружением, она связана с ним стратегической автомобильной дорогой, проходящей через Гималаи и имеющей большое значение как для Китая, так и для

Пакистана. Китайско-пакистанская дружба, независимо от существующих в двух странах форм режима, есть хорошая, положительная, прогрессивная вещь, противопоставляющаяся враждебной, провокационной и антикитайской политике индийского правительства. В Индии, Афганистане, Индонезии и т.д. режимы не только одинаковы и даже хуже чем в Пакистане, но и отличаются явно антикитайской направленностью.

Что при нынешнем конфликте Китай на стороне Пакистана — дело естественное не только потому, что между ними существуют дружественные отношения, но и потому, что, фактически, агрессором, вмешивающимся во внутренние дела другого свободного и независимого государства, является Индия. Поэтому позиция Китая при настоящем конфликте — правильна.

В политическом и дипломатическом отношении Китай должен оказывать Пакистану мощную поддержку. Мы будем выступать плечом к плечу с ним, ибо нам следует разоблачать локальную и международную агрессию и заговор Индии, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Китай поставлял пакистанцам оружие, он снова может поставлять его им, если они попросят. Это, на мой взгляд, Китай может делать, но чтобы самому вовлекаться в этот вооруженный конфликт — этого он не должен делать. Китаю надо остерегаться этой провокации, ибо главной целью советских, американцев и индийцев является как раз вовлечение Китая в войну, прорыв установленного вокруг него „огненного кольца".

Провокация, если она произойдет, будет устроена Индией, причем именно там, где велись бои при первой провокации. Ближайшей целью ее будет Тибет. Эта провокация будет сопровождаться советскими провокациями вдоль советско-китайских границ, где советские ревизионисты, согласно китайским данным, сосредоточили полтора миллиона солдат. Советские в кур-

се ситуации внутри Китая; им известны меры, принятые против Линь Бяо и других маршалов, (о которых официально мы ничего не знаем) и они могут создавать тяжелые и трудные ситуации на границах Китая. Поэтому Коммунистическая партия Китая должна быть предельно бдительной, как можно скорее и решительнее включиться в борьбу за марксистско-ленинское единство партии, как и партии с народом, а также за сплоченность армии. Либеральная политика, не говоря уже о ревизионистской, при нынешних условиях Китая повлечет за собой тяжелые и непоправимые последствия.

Советские ревизионисты целиком выступают заодно с Индией, значит, в первую очередь, против Китая, но в то же время они оказывают и некоторое серьезное давление на американское влияние на этом подконтиненте. Пакистанско-индийская война служит политической, идеологической, а позже, быть может, и вооруженной подготовкой советско-китайского конфликта.

В этом конфликте американский империализм играет роль „умеренного", „мирного", прикидывается противником Индии и сторонником Пакистана, не присоединяясь, однако, ни к той, ни к другой стороне. Он делает вид, будто в его расчеты входят „мирная стратегия", „переговоры и взаимопонимание с Китаем", „переговоры и взаимопонимание с Советским Союзом", он якобы старается постепенно уходить и делает вид, будто уходит из Вьетнама, а между тем война продолжается, однако Соединенным Штатам Америки по душе этот новый конфликт в Азии, ибо он отвлекает внимание мировой общественности от Вьетнама и ослабляет противников США: Китай и Советский Союз. Американцы добиваются этого, с тем чтобы противоречия между Китаем и Советским Союзом переросли в войну.

Теперь Соединенные Штаты Америки „поддерживают равновесие" в политике и в этом конфликте между Китаем и Советским Союзом, между Пакистаном и Ин-

дией. Пропаганда же советских ревизионистов все твердит о том, что в этом конфликте Китай сближается с Соединенными Штатами Америки.

Итак, Китай вместе с „третьим миром", как заявила его официальная делегация в ООН, выступает против одной из участниц этого „мира", Индии, являющейся, как известно, даже одним из государств, „руководящих" „третьим миром". Тито, также лидер „третьего мира", держит сторону Индии; и на этот раз он „внешне" против Соединенных Штатов Америки, а на деле — против Китая и за советских, которые в любое время могут, через болгар, сколотить квислинговское македонское правительство, наподобие правительства Бангладеша, и напасть на Югославию. Предатель Тито, по-видимому, отупел или же ему, как агенту американцев, хочется оказаться внутри индийско-советского стана, с тем чтобы видеть и наблюдать.

Во всяком случае, Китаю надо проявлять большую осмотрительность как на международной арене, так и у себя; ему надо укрепить марксистско-ленинские позиции партии, организационную, государственную, военную стороны дела. Насколько он укрепил их? Об этом мы не можем высказаться.

Говорят, что Культурная революция закончилась, но выходит, что она еще не кончилась. Говорят, что она ликвидировала группу Лю Шао-ци, но говорят также, что в ходе этой революции были допущены грубые ошибки сектантского порядка. Что это за ошибки сектантского порядка?! В каком они отношении допущены?! Кем они допущены?! Мы ничего об этом не знаем. Говорили, что была реорганизована партия, были созданы революционные комитеты, были убраны зловредные элементы, были избраны депутаты в ассамблею, которая должна была образовать правительство и принять новую конституцию. И вот поди ж ты! Опять нежданно взорвалась мощная бомба, разнесшая боль-

шую часть Политбюро во главе с Линь Бяо и старшее офицерство. Но кто знает, сколько сотен тысяч стоит за ними, сколько вещей надо изменить, сколько людей надо заменить, сколько накопилось недовольных, сколько непослушных, сколько заблудившихся! Все идет. Но как идет?! В том-то и дело. Это крупная проблема среди крупных проблем.

Явно либерально-оппортунистическую политику стала проводить в Китае в последнее время группа Чжоу Энь-лая в условиях большой эйфории (по словам Чжоу Энь-лая, который сказал нам это, когда сообщил о приглашении ими Никсона посетить Китай). Однако не могло то получиться и не то получается. Кажется, будто международные события подстроены так, чтобы ослабить Китай. Предстоящие встречи с Никсоном пропагандируются империализмом как „обнадеживающие мирные" встречи, а Китай идет на эти встречи не только не „сильным внутри", но и неподготовленным на международной арене к тому, чтобы взяться за крупные проблемы.

Теперь Китай стал членом Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности; он должен взяться за проблемы прямо, а не косвенно, извне. Китай не ожидал, что будет принят в ООН еще в этом году, он не был подготовлен в этому. Чжоу Энь-лай собственнолично признался в этом. Соединенные Штаты Америки понесли поражение. Казалось, как это они дали понять, что и для них это было неожиданным и вне их расчетов. Разве так могло быть? Или же это было чем-то подстроенным американцами и советскими, чтобы сразу же завести Китай в тупик, ведь как только он был принят в ООН, начался индийско-пакистанский конфликт, а Китай, если он прямо и не замешан в него, то, в силу всего выше сказанного нами, поддерживает Пакистан.

Империалисты и ревизионисты зажали Китай в тис-

ки; с одной стороны, они угрожают ему провокациями, войной, с другой — прибегают к „оливковой ветви", к „переговорам", к „разъяснениям". Оба они будут разузнавать, как бьется внутренний пульс Китая, оба будут работать, будут провоцировать, будут обещать, будут грозить, будут улыбаться как в своих особых, так и в общих контрреволюционных интересах.

Если в Китае не существуют и не будут созданы те здоровые, прочные, ясные, марксистско-ленинские ситуации, о которых мы говорили выше, то там дела примут весьма опасный оборот. Только при условии большой политической и идеологической ясности, железной организованности, марксистско-ленинской политики и стального единства могут быть отражены внутренние и внешние угрозы.

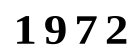
Советские и американцы, несомненно, будут действовать и реагировать сообразно с действиями и реагированиями Китая. Если Китай устоит как полагается перед этими двумя жестокими врагами социализма, коммунизма и народов, то мы увидим существенные изменения в тактике и стратегии обеих империалистических держав. Китай не должен вызывать у них ни малейшей иллюзии, не должен давать им ни малейшей политической поблажки. В таком случае Соединенные Штаты Америки не могут сидеть сложа руки и довольствоваться витанием в облаках в то время, как советские превращают Индию во второй Египет, а Индийский океан — в океан для своего флота. Китай должен разжигать и углублять американо-советские противоречия и в то же время не давать Соединенным Штатам Америки разжигать и использовать советско-китайские противоречия.

Наша беда в том, что эти наши мнения по этим международным проблемам нам не представляется случай обсуждать с китайскими товарищами. Если их изложить китайскому послу у нас или кому бы то ни бы-

ло, кроме Чжоу Энь-лая, то они только записывают и совершенно не высказываются. Но, во всяком случае, я и так улучу момент и изложу им наши взгляды.

Другая трудность заключается в том, что внутреннюю ситуацию Китая реально мы не знаем, ее мы знаем только через пропагандистскую платформу. Но ничего не поделаешь.

Третья трудность — это вопрос о китайском курсе на сближение с Соединенными Штатами Америки. Наша позиция и их позиция в отношении этой проблемы, касательно которой наши мнения расходятся, не изменились. Китайцы даже не взяли на себя ни малейшего труда дать нам ответ, пусть даже короткий, хотя бы на наше письмо к ним.

1972

ПОНЕДЕЛЬНИК
3 ЯНВАРЯ 1972 г.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ГРУППОЙ ЛИНЬ БЯО?

Китайские товарищи по-прежнему ничего не говорят нам относительно дела Линь Бяо и других военных, убранных со сцены с сентября месяца 1971 года.

Уход Линь Бяо со сцены является уже неоспоримым фактом, ибо в Китае проходило много „официальных манифестаций" и было доказано, что его нет больше в руководстве. Как известно, в мире много спекулируют на этом вопросе только потому, что Пекин и не утверждает, и не отрицает ничего. Китайцы не говорят, а только дают понять, что „это наши внутренние дела, иностранцев они не касаются". **В принципе это может быть правильно до некоторой степени и на некоторое время, однако относительно столь серьезного вопроса, каким является снятие главы армии, когда прошло столько месяцев и когда к этой китайской проблеме приковано все внимание мировой общественности, спекуляциям надо пресечь путь. Пусть люди узнают, что произошло, и обретут покой. Как бы то ни было, друзья Китая не должны блуждать в потемках и судить на основе предположений.**

В связи с этой проблемой в отношении нас они хранят недопустимое молчание; даже и если они косвенно ставят нас в известность, то это не дружеский, не серьезный, а безответственный метод: и говорим, и не говорим! До сих пор это китайские шоферы или китайские переводчики — „члены партии", работаю-

щие при нашем посольстве, дают нам „официальные" версии происшествия, а эти версии различны. Все они говорят нам: „То, что мы рассказываем вам, нам говорили в партии, предупредив, чтобы мы об этом никому не говорили, но вы у нас верные друзья. Мы полагаем, что ваш посол в курсе дела; тем не менее, пожалуйста, держите все в тайне".

Тогда мы должны угадывать: эти люди, которые приходят рассказывать нам, подговорены ли руководством, или же они делают это по собственной инициативе, считая нас наиближайшими друзьями и предполагая, что мы уже в курсе дела? Однако мы должны сказать, что до сих пор китайцы фанатичны в сохранении тайн.

Важно то, что они нам говорят! Они утверждают, что то, что они говорят нам, — и мы им верим, — говорили им в партии, и что больше они ничего не знают; или же мы должны предположить, что им дали указание: „Скажите албанцам столько и больше ничего".

Сущность рассказываний — общая, однако между версиями имеются различия и противоречия, имеются двусмысленные, темные вещи, одним словом, имеется китайщина.

Во всех версиях указывается, что „в руководстве был организован опасный заговор военными во главе с Линь Бяо".

Шофер говорит нам, что „Линь Бяо вместе с женой, после неудавшейся попытки убить Мао, ибо они были настроены против него, вместе с другими заговорщиками сели в самолет и улетели с целью сбежать в Советский Союз, но они были засечены на границе, где самолет был сбит, охваченный пламенем, в Монголии Цеденбала". Эта версия похожа на версии западных телеграфных агентств, хотя этот шофер, „член партии", утверждает, что это им говорили в партии и наказали им не говорить иностранцам об этом.

Однако наиболее правдоподобной версией, которую мы должны считать полуофициальной, подготовленной для передачи ее нам, является версия китайского переводчика бюро печати нашего посольства (назначенного Министерством иностранных дел Китая), который, мы уверены, является членом Коммунистической партии Китая. Он говорит нам, что **„Линь Бяо много боролся против Мао, Чэнь И, Кан Шэна, Чжоу Энь-лая и других. На сентябрьском пленуме 1970 года Линь Бяо поставили на вид многие ошибки, но он грубо отмахнулся от них и набросился на многие старые кадры, обвиняя их в том, будто они не верны Мао Цзэдуну. В период с августа по сентябрь 1971 года председатель Мао находился с визитом на юге. Линь Бяо и его агенты поручили какому-то командующему армией убить Мао Цзэдуна во время его возвращения из Шанхая, после чего должен был быть обвинен в заговоре Чан Чун-цяо.**

По приказу заговорщиков, старому офицеру было поручено заминировать мост между Шанхаем и Нанкином, через который должен был проехать поезд. Однако председатель Мао вернулся в Пекин преждевременно, а сам офицер, который любил председателя Мао, сказался больным, так что заговор провалился. В это время Линь Бяо и его группа находились якобы на отдыхе в Пеи Да-хе; тем не менее он отдал приказ флоту, пограничным портам и воинским соединениям быть готовыми захватить власть после убийства Мао Цзэдуна в Шанхае и Чжоу Энь-лая в Пекине. Когда заговор был раскрыт, по приказу Мао были усилены границы и была объявлена боевая готовность. Один самолет, на борту которого находились секретные документы о ядерном оружии, был пойман еще до взлета с аэропорта. Таким же образом провалилась и попытка к бегству".

Когда наш товарищ спросил у этого переводчика,

что происходит теперь с Линь Бяо, о котором телеграфные агентства сообщают, что он убит, тот ответил: **„Мы ничего не знаем, нам только это говорили", затем он продолжил: „Ву Фа-сен, маршал военно-воздушных сил, был подлецом, ибо командование авиацией доверял 24-летнему сыну Линь Бяо. Жена Линь Бяо, Е Чюн, которую он включил в состав Политбюро, была шпионкой иностранцев, быть может — советских. Линь Бяо относился с пренебрежением к Мао и к Чжу Дэ, которого он считал тупоумным. Он слишком подлизывался к Мао, а втихомолку готовил заговор против него; Мао раскрыл заговор, и положение теперь — отличное; злодеи убраны".**

Точно настоящий желтый роман, изобилующий заговорами, пуском поездов под откос, шпионами на службе у иностранцев и т.д. и т.п.

Какие выводы мы можем сделать из этих сообщений? Правдоподобны ли они? Не выдуманы ли они людьми, слушающими зарубежные радиопередачи и измышляющими всякого рода версии, или же люди подговорены для того, чтобы сообщить нам то, о чем не информируют нас официально?

Если принять последний случай, то мы можем сказать, что подобная позиция в отношении нашей партии совершенно не корректна со стороны Коммунистической партии Китая. Эти происшествия, в таком виде, в каком нам о них сообщают, просто *rocambolesque*,* они выглядят наивными, рассчитанными на простаков, совершенно не разбирающихся в политике. Если китайское руководство ставит эти вопросы в партии действительно так, как нам говорят эти люди, то это делается только для того, чтобы волновать членов партии, а не для того, чтобы рассказывать им правду.

---

* По-французски: невероятные, необыкновенные приключения.

Согласно китайскому изложению, „заговорщицкое дело Линь Бяо" не очень-то отличается от дела Чэнь Бо-да, о котором они проинформировали нас официально. И в отношении его говорили, что, „с одной стороны, он подлизывался к Мао, с другой — за кулисами готовил заговоры", говорили „о сектантской политике в отношении верных председателю Мао кадров", и, под конец, его назвали „шпионом иностранцев".

О том, в чем заключаются политические и идеологические противоречия между этими людьми и Мао Цээдуном, они ничего не говорят своей партии, не говоря уже о нас.

Все может быть, но что могут быть такие руководители, которые в течение целого ряда лет считались верными политике Мао Цзэдуна и ему лично, а в одно прекрасное утро оказались заговорщиками, попытавшимися „взорвать поезд", чтобы убить Мао, захватить власть и занять его место — это уже не так легко принимать за чистую монету.

Возникает вопрос: зачем надо было Линь Бяо убить Мао и занять его место, если он занимал как раз самое главное после Мао место, был его заместителем, назначенным Уставом и самим Мао? Линь Бяо был очень известным в Китае. Культурная революция — „дело председателя Мао" — подняла его престиж. Что же тогда произошло, чем объяснить тот факт, что это — „идеологическое убеждение и это взаимное политическое доверие" между Мао и Линь Бяо исчезли сразу, что и побудило второго дойти до организации покушения на Мао? Этот акт также похож на покушения „Джеймса Бонда". Поскольку было задумано взятие власти, зачем надо было остановиться на столь ненадежных методах, раз дело касается людей близких к Мао, которым легче было ликвидировать его другими методами? **Но нет, это должно было „взволновать народ", надо было „взорвать поезд; лично самому Мао надо было**

раскрыть заговор и отдать приказ о его ликвидации".

Точно как в романе, накануне „рокового дня" Мао из Шанхая прибыл в Пекин, офицер, который должен был заложить мину и который „любил товарища Мао", сказался больным, а Линь Бяо „где-то" ожидал результата, чтобы захватить власть. Версия ничего себе, попробуй-ка принять ее за истину! Во всяком случае, почему они не ставят нас в известность официально? Они, безусловно, могут ставить нас в известность „и подобными версиями", одинаковыми с версией о Чэнь Бо-да, поскольку они то же самое говорили и своей партии; **однако я думаю, что тут суть кроется именно в политических вопросах, а это — главное. Прежде всего, видимо, имелись противоречия относительно политической линии, имели место споры, возражения. В каком отношении „Линь Бяо и левые выступали против взглядов Мао"? Об этом нам не говорят.**

Мао и Чжоу Энь-лай выработали „новую стратегию" по случаю поездки Никсона в Пекин и об этом они официально проинформировали и нас. **Были ли согласны Линь Бяо и „левые" с поездкой Никсона, были ли они согласны с этой „новой стратегией Мао и Чжоу"? Об этом они нам не говорят, а хранят полное молчание; они даже своим людям, своей партии не говорят об этом.** Почему не говорят? Потому, что в партии и в народе наверняка имеется мощное течение против визита Никсона в Пекин. **Вот почему китайское руководство, полагаю, хочет, чтобы этот период, т.е. период визита Никсона, прошел под знаком данной им версии о „группе Линь Бяо". Так что внимание партии и народа будет отвлечено от политического события — поездки Никсона — и приковано к заговору, а дальше „видно будет".** После отъезда Никсона из Пекина и в зависимости от результатов, которые будут достигнуты, можно принимать новые, окончательные версии, и тогда „ситуация назрела", следствие кончилось, и за

день до того, как о ней узнает весь мир, „окончательную версию о заговоре" сообщат и нам, албанцам, „самым близким товарищам по оружию".

Мы зададим вопросы, которые всегда задавали: „Почему произошло все это? Как это произошло? Как это возможно, что об этих ужасных вещах узнали с таким опозданием?". Конечно, эти вопросы мы задаем себе до „изложения", которое китайские товарищи сделают нам „задним числом". Так было и с группой Лю Шао-ци, которая целыми годами подряд орудовала в открытую, и никто ее не тревожил. Началась Великая культурная революция, дело Мао Цзэдуна, которой фактически руководил Чэнь Бо-да. Была совершена масса действий, и, под конец и к шапочному разбору, в одно прекрасное утро нам сказали, что „Чэнь Бо-да был хуже всех, старым агентом гоминьдана, шпионом" и т.д. и т.п. С другой стороны, Чэнь Бо-да был старым, известным кадровым работником, он дослужился до секретаря Мао и, наконец, в самые трудные моменты, когда вспыхнула Культурная революция, он стал членом Политбюро и был одним из главных, чтобы не сказать самым главным лицом, руководившим Культурной революцией.

Когда Культурная революция подходила к концу, Чэнь Бо-да оказался „предателем, врагом, шпионом, участником покушения". Затем выступило на сцену дело Линь Бяо, „заместителя Мао Цзэдуна и его верного товарища по оружию", назначенного и утвержденного уставом партии, принятым IX съездом Коммунистической партии Китая, созванным 12-13 лет спустя после VIII съезда и после тех событий, которые потрясли Китай.

Человек по праву удивляется и задает вопрос: как могут происходить и как допускаются подобные вещи? Действует ли, рассуждает ли партия об этих столь важных вопросах, или же там действуют соперничающие группы? Наша партия своей марксистско-ленинской

логикой не может считать нормальными и правильными все эти действия. Дело не в том, чтобы мы взяли под защиту Линь Бяо или его группу, ибо надо знать всю подноготную, чтобы можно было судить. Однако, на основе этих событий, судя по тому, как они происходят, как они развиваются, чем они кончаются и какую стряпают им решение, мы стараемся добраться до некоторых истин, делая выводы и всегда имея в виду правильную линию и марксистско-ленинскую политику, которых должна придерживаться марксистско-ленинская партия, в данном случае Коммунистическая партия Китая.

А кто такой Линь Бяо фактически? Для нас он самый безызвестный человек. Правда, он был командиром, которому было доверено освобождение Пекина. Может быть, он был и хорошим командиром, но только и всего. По мнению китайцев и иностранцев, в Национально-освободительной армии Китая были более выдающиеся командиры, чем Линь Бяо. Он стал министром обороны после того, как был убран Пэн Дэ-хуай. Линь Бяо остался министром обороны, независимо от того, что он стал и членом Политбюро. Однако этот человек был поднят на „костылях", его накачали, „как воздушный шар", другие, Мао, и он „засиял", нигде не проявив себя. Все показывались, управляли, всем аплодировали, а он сидел за кулисами — незримым, таинственным. **В его адрес только расточали похвалы, но его и не видели, и не знали; никто не беседовал с ним.** Повод в оправдание этого был найден: „он болен". **Но что это за болезнь? Ответ был таинственным: „Воды он не переносит". А с другой стороны, он был вторым человеком „иерархии".**

Наши товарищи, которым приходилось ехать в Пекин часто и официально (за исключением меня, побывавшего только один раз в 1956 году), очень редко видели Линь Бяо в лицо. Они только подавали ему руку

и никакой беседы с ним не имели. Он не показывался им под предлогом болезни. А с Мао встречались, его они видели и беседовали с ним всякий раз, когда бывали в Китае, не говоря уже о Чжоу Энь-лае, с которым они всегда беседовали. Единственным работающим человеком среди главных руководителей в Китае был и остается Чжоу Энь-лай. Это бесспорно, независимо от его взглядов.

Но каковы были взгляды Линь Бяо — этого мы не знаем и мы никогда не слышали, чтобы он говорил нам об этом своими устами. Сам Мао и его товарищи говорили, что „Линь Бяо — такой-то и такой-то...", они же сами опять скажут нам, что „Линь Бяо — такой и сякой..." И мы имеем право судить о том, что они говорят нам, и спрашивать их: „А где вы были? Как вы управляете партийными делами? Что это у вас за подход к этим кадрам?". Линь Бяо, быть может, был ноль без палочки, но его накачали, у него вскружилась голова, и он подумал, что он был действительно „великим человеком". Такие беспринципные люди становятся опасными.

На каком-то листке моего дневника о Китае, во время Культурной революции, когда Китай переживал кризис и когда мы старались сами делать выводы, чтобы занять правильную позицию, ибо и тогда, как и теперь, китайские товарищи не говорили нам ничего, помню, я выдвинул **гипотезу о военном государственном перевороте, направленном на захват партийного руководства**[1]**. Подобную деятельность я осуждал, и она предосудительна в любой момент. Надо, чтобы армия была оружием диктатуры в руках партии, а не чтобы партия была орудием армии и чтобы армия командовала ею. Все может быть в стране, где партия не стоит**

---

1 См. стр. 290-294 настоящего тома.

у руля, где она не сильна, не монолитна, не марксистско-ленинская в принципах и в действиях. Всего можно ожидать от группы Линь Бяо, как можно ожидать и от группы Чжоу Энь-лая. Обе крайности соприкасаются.

Опять же в своих прежних записках, извлекая выводы из китайской печати, ибо китайские товарищи ни разу не информировали нас об этих вопросах, **я находил большой принципиальной ошибкой „взятие военными в руки" партийного руководства или „преобладание военных" в нем. Это делалось под тем предлогом, будто партийное руководство на местах, за исключением крестьянских коммун, находилось под влиянием группы Лю Шао-ци, т.е. состояло из „людей этой группы". Об этом в печати не говорилось открыто, однако это подтверждалось там на практике. Получалось и получилось (ибо позже снова началась ее реорганизация), что партия „была распущена" и „приостановила" свою деятельность в период Культурной революции. То же самое произошло со всеми массовыми организациями. Вне этой „организованной неурядицы" оказались только деревня и армия. Итак, получалось, что руководила армия, или же, что военные были главными среди тех, кто руководил.** Считая это неправильным, мы говорили, что в разгаре „неурядицы" подобное временно „могло быть необходимым", а затем все надо было привести в соответствии с нормами. Но ничего не было сделано. Такое положение продолжалось и с установлением „спокойствия", с возобновлением „организации" партии и революционных комитетов. Военные были везде в избытке — не один-два в качестве избранных без кавычек, а избранные в кавычках.

Теперь, с осуждением Линь Бяо, настоящую причину которого мы, конечно, не знаем, а думаем, что она кроется в политических, стратегических вопросах, в вопросах линии, — все эти принципиальные ошибки

они взвалят на него, скажут, что только Линь Бяо был виновным в том, что военные фактически захватили руководство партией и продолжали держать его в руках и позже. Значит, получится, что все они были людьми Линь Бяо, а чистка метлой, которая наверняка будет произведена, внешне будет прикрыта „принципиальными лозунгами" „о соблюдении" партийных „норм", а действительность будет далеко не той.

В таких случаях всегда ставится вопрос: поскольку следует соблюдать партийные нормы, то почему они не соблюдаются всегда, а нарушаются при всеобщем одобрении, всеми считаются правильными, а затем часть людей „прозревает", „исправляется", и все ошибки вменяются в вину другой части?

Ныне в китайских газетах помещаются передовицы: „Армия должна укреплять единство с правительством Китайской Народной Республики", „Армия должна поддерживать политику правительства", „Армия должна учиться у народа, а народу надо учиться у армии". Странное плетение словес!! Какое положение, какие ситуации существовали и существуют в Китае! **Где руководство партии, Центрального Комитета? Армия действует с одной стороны, правительство — с другой, ниспровергаются ситуации, но какие новые ситуации создаются? На каких основах? В соответствии с какими нормами? Конечно, говорят, или, вернее, дают понять — „партийным путем, марксистско-ленинским путем, на основе идей Мао Цзэдуна", однако через какой-то отрезок времени, вот поди ж ты, возникает что-то другое серьезное.**

Будем надеяться, что не произойдет что-нибудь опасное для социализма в Китае, однако единственным залогом этого является существование марксистско-ленинской, монолитной партии.

СРЕДА
2 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

АМЕРИКАНЦЫ ЛЬСТЯТ ЧЖОУ ЭНЬ ЛАЮ

Американцы вчера вечером слишком льстили Чжоу Энь-лаю в печати. Называли его мыслителем, философом даже в его улыбках. Чжоу, очень доброжелательный, по их мнению, попросил их делать ему замечания, которые он и принял, заявив, что примет меры к „спасению Пекина от смога". Он говорил им, что очень восхищается американским народом. По словам американцев, Чжоу мягко раскритиковал линию Никсона на войну во Вьетнаме, тогда как американцы восхваляли Чжоу за то, что он работал много — 18 часов в день — и что он свеж, как яблоко. Они льстят ему.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
13 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ СТОИТ НА РЕВИЗИОНИСТСКИХ ПОЗИЦИЯХ

Гэн Бяо, бывший посол Китая у нас, теперь стал важной личностью в Центральном Комитете Коммунистической партии Китая. Он руководит внешним отделом, и в печати все время стоит в ряду главных руководителей. Вполне возможно, что после этой „чистки", проведенной в Политбюро, в одно прекрасное утро он окажется его членом. Он был человеком хитрым, способным „дипломатом", преданным Чжоу Энь-лаю. Теперь Гэн Бяо встречает и провожает друзей и приятелей Коммунистической партии Китая, посещающих Китай, — коммунистов, ревизионистов и троцкистов; он „им дает линию", конечно, тем, кто согласен с ней.

Он прикидывается, будто у него дела с нами, т.е. с нашим послом, „на мази"; когда ему случается встречаться с ним, он пускает в ход уже знакомые формулы. Однако, когда встречается с общими товарищами и друзьями, давая им линию, он, конечно, торпедирует эти формулы. Часть друзей и товарищей по возвращении из Китая приходят к нам и говорят, что они не согласны со взглядами китайцев; другие же говорят, что согласны, но полагая, что мы проводим „одну и ту же линию, что и китайцы", стараются оправдать их антимарксистские позиции.

Француз Жак Жюрке, главный руководитель Французской коммунистической партии (марксистско-ленин-

ской), разыгрывающий „подпольщика", вот уже шесть месяцев, как избегает, после возвращения из Пекина, встречи с нашими товарищами в Париже. Под предлогом „нелегальности" он не приехал даже на наш VI съезд. А в последние дни, как это видно и как он и сам сказал, ввиду того, что „давление и преследование его со стороны полиции уменьшаются", он сходил в наше посольство. Он отпустил себе даже бороду, чтобы быть „настоящим подпольщиком".

Что сказал Жюрке нашим товарищам? Он сказал, что его партия укрепляется и расширяется на фабрике, где работает Казас, которого они исключили из рядов партии и который раскритиковал именно Жюрке, потребовав с него отчета за то, что он нарушал партийные нормы. Казас — рабочий и бывший член Политбюро Французской коммунистической партии (марксистско-ленинской).

Жюрке сказал потом нашим товарищам, что ему поручено Чжоу Энь-лаем найти для китайцев известного во Франции ревизионистского писателя, который писал бы о Китае, как это делали они и в Италии, где известной ревизионистке, побывавшей в Китае, они помогли написать книгу о Китае. — Я, — сказал далее Жюрке нашим товарищам, — работаю в направлении писателя Шаброля, известного ревизионистского писателя, которого я стараюсь уговорить.

Наши товарищи спросили Жюрке, почему ревизионисты должны писать о Китае, ведь Шаброль, несмотря на то, что он покинул французскую ревизионистскую партию, все же остается ревизионистом, человеком буржуазии и кем угодно.

Этот вопрос не так уж важен, отметил Жюрке. Я коснулся и встречи и беседы, которые китайские товарищи имели в Китае с Каррильо Коммунистической (ревизионистской) партии Испании. Беседа была плодотворной, — сказали они мне, — ибо испанская реви-

зионистская партия ведет правильную внешнюю политику, к тому же у нее есть противоречия с советскими, поэтому китайцы будут сотрудничать с Каррильо. Китайские товарищи вступят в контакты и с Итальянской коммунистической (ревизионистской) партией. Это Румынии, — заключил Жюрке, — удалось установить контакты между этими партиями и Коммунистической партией Китая, и китайские товарищи считают, что это хорошая и необходимая вещь.

Жак Жюрке полностью воспринял установки китайцев. После этих заявлений, он сказал нашим товарищам: „Мы уже устанавливаем контакты с Шарлем Тижо, с которым мы ведем переговоры и которого мы сближаем". Тогда наши товарищи сказали ему: „Но ведь Шарль Тижо, независимо от того, что он исключен из Французской коммунистической партии (ревизионистской), объявил себя антисталинцем и пламенным защитником Тито; каким это образом вы побеседуете и объединитесь с ним?". И этот ревизионист ответил: „Как поступаете и вы с Румынией и Югославией, которые вы называете ревизионистскими странами". Наши товарищи сказали этому ветрогону, что он ничего не понял из линии и борьбы Албанской партии Труда против современного ревизионизма и особенно против титизма, что он даже не взял на себя труд прочитать последние доклады, сделанные на нашем VI съезде. С титовской Югославией мы поддерживаем государственные отношения, а идеологически мы находимся с ней в ожесточенной и непримиримой борьбе.

С другой стороны, товарищ из одной марксистско-ленинской коммунистической партии, побывавший в Китае, выразил нам свое недовольство некоторыми взглядами китайских товарищей, касающимися политической линии.

„Китайские товарищи, — сказал он, — затребовали от меня информации о многих товарищах из моей

страны, и это меня удивило. Я попросил их проинформировать меня о деле Линь Бяо и т.д., но они ни словом не обмолвились о нем, мои слова пропустили мимо ушей. Мы обсудили с китайскими товарищами вопрос о поездке Никсона в Пекин, и мы изложили свои взгляды об американском империализме и свою позицию по отношению к нему, которая полностью совпадает с линией АПТ. Китайцы придерживаются иных взглядов. Они выступают за сотрудничество и совместные действия против другого врага, т.е. за теорию, согласно которой можно опираться на Соединенные Штаты Америки для борьбы против советских, и привели мне некоторые странные примеры: „Трудовая партия Кореи есть антиревизионистская партия, она борется с ревизионистами внутри своих рядов и поддерживает дружбу с советскими ревизионистами". Китайцы сказали ему также: „Партия трудящихся Вьетнама есть антиревизионистская партия и поддерживает хорошие отношения с советскими". „Наконец, сказал этот товарищ, — **Чжоу Энь-лай посоветовал нам примириться и сотрудничать с буржуазным правительством нашей страны. Это, — сказал он, — странные вещи, которые, если поставить в партии, вызовут раскол".**

Очевидно, что эти и многие им подобные позиции показывают, что Китай не проводит политики, основанной на марксизме-ленинизме. **Его политика примыкает и еще больше будет примыкать к политике великой державы, стремящейся к консолидации своих позиций на международной арене дружбой, союзами, конъюнктурными связями, неоснованными на незыблемых марксистско-ленинских принципах и отвечающими не интересам социализма и мировой революции, а интересам великого, могучего Китая, называющего себя социалистическим, а на деле не являющегося таким.**

Направленность борьбы, которую Коммунистическая партия Китая объявила „левым силам", ясна. Это

есть борьба против тех, кто остается верным принципам, против тех, кто хочет, чтобы борьба велась одновременно на два фронта: как против империализма, так и против ревизионизма.

Китайцы выдают себя за антиревизионистов, однако они ведут и расширяют сотрудничество с любым ревизионистским течением, якобы имеющим противоречия с советскими ревизионистами. Значит, практически они объединяются (и они объединены также идеологически) с ревизионистами для борьбы против советских ревизионистов.

Китайцы выдают себя за антиимпериалистов; они притворяются, будто борются против двух империалистических сверхдержав, однако в настоящее время они развивают контакты и сотрудничество с Соединенными Штатами Америки против советских. Это как будто они используют противоречия. Они не говорят напрямик, что врагом номер один человечества являются советские, но дают понять, что Соединенные Штаты Америки не являются больше врагом номер один.

Завтра же, при новой конъюнктуре, роли могут меняться. **Дело в том, что Китай, проводя непринципиальную политику и делая вид, будто использует противоречия и конъюнктуры, не может консолидироваться как могучая социалистическая страна, а Коммунистическая партия Китая — как непоколебимая марксистско-ленинская партия, отстаивающая принципы. Наоборот, нынешняя политика Китая проводится с ревизионистских позиций, а это значит, что Коммунистическая партия Китая стоит на ревизионистских позициях, поэтому и проводимая ею политика не может быть истинной политикой социалистического государства.**

Это безмерно беспокоит нас, а наибольшее беспокойство касается всего человечества.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
20 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

КИТАЙСКАЯ ЛИНИЯ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА ОДЕРЖИМА НАЦИОНАЛИСТСКИМИ МОТИВАМИ

Относительно поездки Никсона в Китай, который вылетает сегодня вечером с острова Гуам, чтобы быть завтра утром в Пекине, телеграфные агентства сообщают, что иностранные журналисты туда не поедут, кроме американских журналистов и тех, которые находятся с постоянной работой в Пекине. Хотя и поднимают много шума вокруг этого визита, они не так много трубят об этом запрете. Выдвигаются бесчисленные предположения и гипотезы. Проследим за событиями и увидим.

Три различные линии.

Мы опубликовали в последнем воскресном номере газеты „Зери и популлыт" от 13 февраля статью под заголовком: „Демаркационная линия между марксистами-ленинцами и современными ревизионистами необходима". В этой статье политической и идеологической направленности, основанной на линии нашей партии и на записках и набросках, сделанных мною при некоторых моментах политики и позиций Коммунистической партии Китая, **вновь подтверждается неизменная, революционная и боевая линия нашей партии против американского империализма и реакции и против совре-**

менного ревизионизма с советским ревизионизмом во главе. Я говорю „вновь подтверждается наша линия" в силу новых моментов, сложившихся на международной арене и в международном коммунистическом движении, как и внутри современного ревизионизма.

Мировой империализм и особенно американский переживает глубокий кризис. Американский империализм пытается выйти из этого кризиса с наименьшими для себя потерями и ущербом, с тем чтобы бремя кризиса легло на плечи его партнеров — других капиталистических государств — и его „друга" — советского социал-империализма. Подобное углубление мирового кризиса в свою очередь вызвало среди этих капиталистических и империалистических государств глубокие экономические и политические кризисы, которые далеки от развязки. Напротив, они углубляются, ставя под угрозу равновесие мировых капиталистических сил. „Статус-кво достигнуто". В пароход, если так можно назвать „статус-кво", вода уже проникает со всех сторон, так что надо либо выбраться из него, либо найти новые пути сделок между империалистическими волками.

При этой революционной ситуации в мире (ибо такой является ситуация, поскольку империализм, капитализм и советский социал-империализм переживают тяжелый кризис) Китайской Народной Республике отводится решающая роль. Для судеб мировой революции важен и факт, какой курс возьмет линия Коммунистической партии Китая.

В указанной статье мы отмечали некоторые основные аспекты нашей линии, которым мы остаемся верными как в стратегии, так и в тактике, ибо речь идет о защите марксизма-ленинизма и его основ. Итак, наша партия не прекращала и никогда не прекратит борьбу против мирового империализма и особенно против американского империализма, врага номер один наро-

дов. **Нынешние его кризисы и те, которые вспыхнут в будущем, являются и будут результатом борьбы народов, и революционеры не должны давать себя обмануть и смягчить борьбу против него, идти на компромисс с ним, ибо империализм, в силу понесенных поражений, старается прикидываться ягненком. Из поражений империализма следует извлекать пользу революционным, а не либерально-оппортунистическим путем. Существующие среди империалистов большие противоречия мы должны использовать, но всегда революционным путем, не нарушая принципов и не отходя от них. Это первый вопрос.**

Другим столь же важным вопросом, изложенным в статье, является хорошо известное положение нашей партии: **„Война до конца современному ревизионизму и в особенности советскому ревизионизму". Никаких компромиссов с ними, никогда не прекращать полемики с ними, помогать везде истинным марксистско-ленинским силам отличать правду от неправды и вести смелую и героическую борьбу в защиту марксизма-ленинизма.** Без борьбы против ревизионизма не может быть борьбы ни против капитализма, ни против империализма, ни против социал-империализма.

Одна из первейших обязанностей наших марксистско-ленинских партий заключается в том, чтобы помогать марксистско-ленинским партиям, вновь созданным почти во всех странах мира. Мы не можем идти ни на какие компромиссы в принципах с ревизионистами всех мастей. Нас ничто не сближает и ничто не объединяет с ними идеологически и политически. Чтобы еще раз иллюстрировать эти наши принципиальные позиции, мы взяли дело Итальянской коммунистической партии (ревизионистской), наподобие того как могли взять и дело Коммунистической партии Испании (ревизионистской) Каррильо или Румынскую коммунистическую партию Чаушеску. Это мы делаем не по такти-

ческим соображениям, а потому, что таковы факты, которые наша партия подвергает анализу в свете марксизма-ленинизма, делая правильные выводы из них. Такой является наша линия — всегда революционная, непримиримая как с империализмом, так и с современным ревизионизмом.

Другая линия — это линия Коммунистической партии Китая, известная линия, которую мы всегда подвергали анализу. Она характеризуется скачкообразностью и периодичностью. Можно сказать, что в настоящее время она направлена против советского ревизионизма, однако она одержима явно националистскими, великодержавными мотивами, хотя китайская пропаганда и старается завуалировать этот ее порочный курс. Коммунистическая партия Китая не ведет упорной борьбы на принципиальной марксистско-ленинской платформе, постоянно и последовательно. Причину этого мы, конечно, должны искать в колебаниях самой китайской линии, как за рубежом, так и внутри страны. Линия Коммунистической партии Китая не является устойчивой марксистско-ленинской линией, а это подтверждается серьезными внутренними событиями, постоянно разыгрывавшимися и разыгрывающимися в Китае.

Вопрос об использовании противоречий в некоммунистическом мире Коммунистическая партия Китая не рассматривает с марксистских, революционных позиций. Китайцы решили сблизиться со всеми теми, у которых имеются противоречия с советскими ревизионистами, будь это другие ревизионисты, социал-демократы, американские империалисты или же представители других буржуазных государств. Эта политика, конечно, не проводится открыто, средь бела дня, однако „хорошие" и ясные данные об установлении связей с румынами, играющими также роль посредников между китайцами и другими ревизионистами, сладостные беседы

с Каррильо и т.д. шиты белыми нитками. Из этих фактов выводы вытекают сами: **Коммунистическая партия Китая пытается сколотить новый блок с ревизионистскими диссидентами для противопоставления его советской группировке, а этот новый блок не может быть ничем иным, кроме как ревизионистским.**

Завтра начинается официальная встреча с главой американского империализма. Никсон, палач народов, пожмет руку Мао и Чжоу Энь-лаю. Свое мнение об этой встрече наша партия изложила китайцам в письменном виде. Китайская пропаганда продолжает „нападки" как в направлении Советского Союза, так и в направлении Соединенных Штатов Америки; однако, относительно США ей, понятно, и хочется и не хочется делать этого. Y китайцев Никсон в гостях, но в одно и то же время они хотят беречь свою репутацию в глазах мировой общественности. **Как пойдут дела после этой встречи? Есть два пути: или война, и тогда настоящая встреча была бы чепухой на постном масле, или же в отношении американского империализма они будут поступать так, как поступают советские ревизионисты, т.е. „ругай его днем и целуй ночью". Интенсивность „поруганий и поцелуев" нельзя будет долгое время скрывать демагогией.** Это факт, что встречи и переговоры с американцами носят антисоветский характер. По мнению китайцев, можно опираться на американцев для борьбы против советских. Я уже говорил выше, как надо использовать противоречия, существующие между этими двумя сверхдержавами; однако, перейти в их *giron**, попрать революционные принципы ради того, чтобы стать великой державой на этом ошибочном пути, это означает отойти от линии.

Другая известная линия — это линия советских ре-

---
* По-французски: лоно.

визионистов. Эти враги ничего не упускают, они совершенно бессовестные, они сорвали с себя все маски и выступают настоящим лицом социал-империалистов, какими они являются. Кремлевское руководство наверняка прочитало нашу статью, которую не упустило из виду и руководство Пекина. Реагирования были разными, действия тоже. Руководители Кремля два дня тому назад выступили с передовицей в газете „Правда", в которой, конечно, совсем не упоминалась статья нашей газеты „Зери и популлыт", китайцы же молчат, они, конечно, ничего не берут на себя, пропускают все мимо ушей, как будто не о них идет речь.

Что, в сущности, говорится в теоретической статье „Правды"?

„Война американскому империализму и китайско-американскому союзу", достигаемому с поездкой Никсона в Пекин.

Вся эта директива-призыв Москвы означает: мировой гегемонии советских ревизионистов угрожает третья держава, какой для них является Китай Мао Цзэдуна. **Советские ревизионисты, отдавая себе отчет в противоречиях, существующих между ними и другими ревизионистскими партиями, опасаются своей изоляции и перехода этих партий на сторону Китая, „который встречает их с распростертыми объятиями и прекращает с ними полемику". Это идеологическая угроза. Другое, чего боятся советские ревизионисты, это то, что между ними становится третья держава, а это ставит под угрозу их дружбу с американцами, нарушает установленное равновесие и лишает их империалистических прибылей, вытекавших из этого равновесия.** Мы должны с величайшим вниманием следить за всеми этими переменами в линии и в политике Китая, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки и тщательно анализировать их. Мы стоим накануне великих событий с глубокими последствиями.

ВТОРНИК
22 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

МАО ЦЗЭДУН ПРИНЯЛ НИКСОНА

Вчера Мао Цзэдун принял Никсона и имел с ним беседу, которая продолжалась один час. О чем они говорили, это неизвестно.

Чжоу Энь-лай и Никсон выступили с речами на банкете, в котором приняло участие пять тысяч человек. Синьхуа не передавало их речи, а иностранные агентства — да. Так, если судить по их сообщениям, речь Чжоу была „любезной", очень корректной, полной предложений об установлении дружественных отношений между „обоими народами"; это речь-призыв к установлению нормальных, к тому же и дипломатических отношений на основе пяти принципов. Речь же Никсона пронизана демагогией о мире, о дружбе с китайским народом, она изобилует ироническими, но тонкими хвальбами в адрес китайцев.

ЧЕТВЕРГ
24 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

ЖЕНА НИКСОНА РЕКЛАМИРУЕТ КИТАЙ

Жена Никсона также вошла в хоровод пропаганды. Она рекламирует „китайскую кухню, китайские товары, китайское искусство, китайскую шелковую пижаму, народные коммуны". Пат Никсон стала другой Анной Луизой Стронг.

ПЯТНИЦА
25 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

КИТАЙЦЫ ПЫТАЮТСЯ ВЫРВАТЬ У СОВЕТСКИХ ГЕГЕМОНИЮ В РЕВИЗИОНИСТСКОМ ЛАГЕРЕ

Из достоверного источника узнаем, что Каррильо, генеральный секретарь Коммунистической партии Испании (ревизионистской) (крыло Пассионарии), предал огласке „партийные" переговоры, которые он имел в Пекине с официальными руководителями из Центрального Комитета Коммунистической партии Китая.

Он остался „очень довольным" пекинскими переговорами. На него произвели большое впечатление „достижения Китайской Народной Республики, как и оборонительные меры, принятые китайцами для отражения любого возможного советского нападения". Об этих аспектах Каррильо отзывается с большой симпатией, более того, он стал агитатором, пропагандирующим Китай. **Он признался, что самой большой ошибкой его партии была позиция, которую она на протяжении ряда лет занимала по отношению к Коммунистической партии Китая, поэтому прежде всего он „снимает шляпу" перед Чаушеску, который помог ему понять Китай и установить с ним контакты.** Каррильо говорил, что советские очень рассердились на испанцев за этот шаг и что Французская коммунистическая партия (ревизионистская) также не встретила хорошо визит испанских ревизионистов в Китай. Он сказал, что Долорес Ибаррури, которая находится в Москве, не была принята не только никем из главных советских ру-

ководителей, но даже никем из кадров среднего ранга. Ее принимали только кадры низшего ранга.

Китайцы сказали Каррильо, что „следует оставить в стороне разногласия и найти те вопросы, по которым обе стороны могут договориться". Они говорили ему также, что таким же образом они желают поступать и с другими партиями (понятно, ревизионистскими). Y Каррильо сложилось впечатление, что китайцы хотят поступать таким же образом и с советскими.

Из этого же достоверного источника узнаем также, что, когда **был в Пекине, Чаушеску высказал китайским руководителям целесообразность того, чтобы Китай снова вернулся в международные организации профсоюзов, молодежи и женщин.** В отличие от того, что раньше говорили нам сами китайцы, теперь выходит, что китайские руководители дали Чаушеску положительный ответ, **т.е. и они думают снова вернуться, но только по истечении некоторого времени, ибо их возвращение теперь привело бы только к обострению полемики.** Итак, „нужно найти более подходящее время".

Из указанного источника узнаем еще то, что во время прошлогоднего визита в Румынию делегации Французской коммунистической партии, Чаушеску поставил в известность об этих соображениях китайских руководителей Жака Дюкло, на которого они произвели впечатление. Этим можно объяснить, согласно источнику, тот факт, что Французская коммунистическая партия, хотя она и настроена против Китая, не развертывает против него какой-нибудь яростной кампании.

По ту сторону баррикады советские ревизионисты и их сателлиты из стран „народной демократии" (в неодинаковой степени) развернули большую пропагандистскую кампанию против Китая и его политического и идеологического курса. В этой кампании, оркестро-

ванной кремлевскими дирижерами, современные ревизионисты и открытые сотрудники американцев обвиняют Китай в ревизионистском перерождении, в соприкосновении и сближении с американскими империалистами. Эта пропаганда, опорочивающая Китай, не носит только рутинный характер, ей придают настолько серьезный характер и уделяют настолько большое внимание, что советское, болгарское и чешское руководство (о которых нам известно) выпустили письма и резолюции для своих партий и для широких масс, причем сами главные руководители разъезжают по местам и прорабатывают их. **Китай беспокоит их, поэтому они нападают на него и пытаются сорвать китайско-американское сотрудничество, которое начинает принимать размах с поездкой в этом месяце Никсона в Пекин.**

Из этих данных нам следует вывести некоторые заключения:

Все это подтверждает и подкрепляет наши предсказания по данному вопросу. Китай постепенно отходит от своей революционной линии как в области стратегии, так и в области тактики, он стал проводить либерально-ревизионистский оппортунистический курс. Теперь, проводя такой курс, он идет по пути смягчения отношений с американским империализмом и с другими капиталистическими странами, по пути сделок с ними. В этом направлении Китай выступает опасным конкурентом советских „в тех выгодах и тех материальных благах, которые приносит им политика балансирования в рамках „американской дружбы"". Обе стороны, как советские, так и китайцы, на словах метят и будут метать громы и молнии на Соединенные Штаты Америки, но тем не менее они стремятся к дружбе с ними. Причем тут эти ревизионисты конфликтовали и будут конфликтовать между собой в интересах американского империализма. Обе эти разновидности ревизионизма будут продолжать отходить от марксизма-лени-

низма, прикрывая этот отход выцветшими масками, которые они стараются сохранить. Это одна сторона дела.

Советский ревизионизм будет стараться сохранить свою гегемонию в ревизионистском лагере, а китайский ревизионизм будет бороться за то, чтобы вырвать у него эту гегемонию, или, по крайней мере, разделить ее с ним. В этих областях один защищается, а другой нападает, конечно, прибегая к одному и тому же ревизионистскому антимарксистскому оружию. Как он официально заявил в ООН, Китай входит в „третий мир". Относительно ревизионистских партий, Коммунистическая партия Китая также меняет тактику и стратегию — пытается сплотить вокруг себя те ревизионистские партии, которые имеют противоречия с советскими, подобно тому, как она будет пытаться перетянуть на свою сторону „третий мир".

Линия китайцев, выработанная и согласованная с Чаушеску и Каррильо, еще раз подтверждает наши взгляды и предсказания. **Китай быстро и постепенно идет по пути превращения в великую ревизионистскую державу, по пути преобразования своей линии в ревизионистскую линию. В настоящее время он находится в более ожесточенной борьбе с советскими, как с великой социал-империалистической державой, ставя под угрозу их ревизионистскую идеологическую гегемонию, и улыбается и поддерживает дружественные связи с Соединенными Штатами Америки, стараясь укрепиться в противовес им, как великой капиталистической державе.**

Такова направленность новой стратегии и тактики, которую китайцы заново взяли на вооружение и которую Чжоу Энь-лай устно изложил нам, информируя о поездке Никсона в Пекин. Это суть дела, остальное же — просто *fioritura** и гарниры. Как будут проводиться

* По-итальянски: украшение.

в жизнь эта тактика и эта стратегия — это зависит от многих обстоятельств, которых невозможно предвидеть, однако ничто не должно застигать нас врасплох; мы должны встречать события во всеоружии. **Доверяй да проверяй. Нам следует всегда хранить высокую бдительность. Мы не должны допускать посягательств на интересы партии, народа и социализма, а должны защищать их марксистско-ленинским путем, никогда не отходя от марксизма-ленинизма.**

БУРРЕЛЬ, ВОСКРЕСЕНЬЕ
27 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

АМЕРИКАНЦЫ ДОВОЛЬНЫ МАО И ЧЖОУ

Сегодня вечером китайцы и американцы выпустили совместное коммюнике. Судя по тому, что мы читали в печати и что мы видели на телевизоре, Никсон хорошо и любезно встречен китайцами и особенно Мао и Чжоу Энь-лаем. На коммюнике я только что бросил беглый взгляд, так как был очень усталым. Конечно, его мы изучим с самым большим вниманием, однако с первого же взгляда видно, что оно для американского империализма медоточиво. Американцы довольны Мао и Чжоу.

ПЯТНИЦА
3 МАРТА 1972 г.

КИТАЙЦЫ УКЛОНИЛИСЬ, КАК И ХРУЩЕВ

Я внимательно изучил китайско-американское коммюнике и сделал записи о нем. Китайцы действительно уклонились, подобно Хрущеву в свое время. Китайский ревизионизм также будет развиваться своим путем, своими зигзагами и нюансами, но он всегда — ревизионизм, антимарксизм и сотрудничает с американским империализмом.

СУББОТА
4 МАРТА 1972 г.

КИТАЙЦЫ НЕ ДАВАЛИ НАМ НИКАКОЙ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ВИЗИТЕ НИКСОНА

Китайско-американское коммюнике — одно из самых удивительных. **Мао Цзэдун этим документом действительно хочет показать миру, что он открывает „новую эру" в истории человечества, что он проводит „новую стратегию" по отношению к американскому империализму, как выразился Чжоу Энь-лай нашему послу в Пекине, сообщая ему относительно поездки Никсона в Пекин.**

Коммюнике, речи и приемы говорят о том, что Никсона в Китае встречали как друга, а не как врага, каким он и является. Несмотря на то, что они приняли его, они могли не выпустить столь постыдное коммюнике, дискредитирующее социализм и Китай, который афиширует себя как „социалистическую страну, соблюдающую и отстаивающую марксистско-ленинские принципы".

Китайцы могли принять очень скромное и очень холодное коммюнике, в котором только упоминалось бы, что они установили контакты, что между ними были большие разногласия, что они решили „так или сяк о Тайване", упоминалось бы то, о чем было или не было решено, и отмечалось бы, что между двумя странами могут развиваться также кое-какие торговые связи.

Другой вопрос, который, помимо всего прочего, бросается в глаза в китайско-американском коммюни-

ке, это то, что единственное, о чем Китай проявляет интерес, это он сам и государства вокруг него, особенно государства Индокитая и Корея. **Китай выдает себя за „противника зон влияния", но в данном коммюнике он, сообща с американцами, определяет свои зоны влияния, а также зоны влияния Соединенных Штатов Америки и Японии, т.е. Азию и Тихий океан.**

Китай, „великая социалистическая" страна, как это ни странно, вопреки марксистской диалектике и историческому материализму, совсем не упоминает в коммюнике ни о народах Европы, ни о народах Африки и Латинской Америки, ни о народах Среднего Востока!!

Китай, который много говорит об использовании противоречий среди наших врагов, почти забыл о них, или же сводит их только к „советско-американским противоречиям", и, сближаясь с Соединенными Штатами Америки, полагает, что углубил их и на этом все исчерпано. Не говорить, как поступает Китай в данном случае, о сражающихся народах других континентов — это огромная и непоправимая ошибка, которая дорого ему обойдется. **Для Китая, видимо, другие народы и их борьба не существовали и не существуют. Ясно, что все эти другие народы, о которых не говорится, относятся к „зоне влияния американцев и советских".** Только так можно это понимать.

Китай, как „великая социалистическая" страна, в эти моменты тяжелого и всеобщего кризиса американского империализма и советского социал-империализма, должен был бороться и маневрировать, чтобы углублять этот кризис (чтобы ослаблять обе сверхдержавы, чтобы оказывать мощную поддержку национально-освободительной борьбе народов и революционному движению, чтобы не допустить поляризации реакционных сил в мире, для чего ему следовало поощрять диссидентство тех буржуазных, капиталистических государств, которые оказывают сопротивление американ-

скому империализму и советскому социал-империализму и имеют с ними противоречия). **Но вместо этого он сблизился с Соединенными Штатами Америки и потворствовал поляризации реакции, помог ей в этом кризисе, обескуражил противников Соединенных Штатов Америки и ослабил революцию. Китайцы представляют дело так, будто всю эту якобы марксистско-ленинскую политику они проводят в интересах „победы революции". Они хотят сказать американцам: „Мы не сверхдержава", нам же они хотят сказать: „Надо ввести в обман врагов, надо выиграть время, надо создать у них впечатление, будто мы не за революцию". Но между тем ни нас, ни американцев, ни кого-либо другого не поймаешь на такую китайщину.**

В Европу, которую китайцы совсем не упоминают, входит и социалистическая Албания. **До сего дня, 4 марта, китайское правительство не давало нам никакой официальной информации о визите Никсона и переговорах с ним. Гробовое молчание! А Никсон, как только вылетел из Шанхая, разослал сопровождавших его помощников государственного секретаря по дружественным и союзным ему странам более подробно проинформировать их о его переговорах в Пекине и их результатах. У Мао и Чжоу нет друзей, они не информируют „друзей", так как не считают их друзьями.** Китайцы могут осведомлять нехотя и не обо всем корейцев и вьетнамцев, тогда как албанцы для них будут последней спицей в колеснице. Этого китайцы не говорят, но об этом свидетельствуют их дела, это они говорят косвенно, а коммюнике дает понять об этом. **Но ничего, мы на правильном пути, мы терпеливы и уверены в том, что мы не проиграем, так как мы марксисты-ленинцы.**

ВОСКРЕСЕНЬЕ
5 МАРТА 1972 г.

МЫ ДЕЛАЕМ ВЫВОДЫ НА ОСНОВЕ ФАКТОВ

Наш посол в Пекине, Джорджи Робо, сообщает, что 4 марта заместитель начальника Генерального штаба, Дэн Сяо, принял для знакомства нашего помощника военного атташе в Пекине, которому говорил, среди прочего, и о визите Никсона в Китай. Дэн Сяо сказал: „Никсон приехал, но он не был встречен ни народом, ни цветами. Если бы выходил народ, то он встретил бы его плохо. Y нас были большие разногласия и противоречия с Никсоном. Наши взгляды изложены в коммюнике, в котором есть и кое-что общее. Мы не пошли ни на какие уступки в наших принципах. В ходе беседы председатель Мао нанес Никсону тяжелые удары. Мы потребовали от американцев немедленного вывода войск из Индокитая. Относительно Тайваня мы сказали им, что он является территорией Китайской Народной Республики". Дальше Джорджи Робо добавляет, что китайский товарищ Дэн говорил „против империализма и ревизионизма", отметил „существующую между двумя нашими странами дружбу", сказал, что теперь „мы будем еще больше бить американский империализм" и что „еще теснее свяжемся с албанским, корейским, вьетнамским и индокитайскими народами".

Вот и все, что сказал китаец, заместитель начальника Генерального штаба Китая. Ну и информация, ничего не скажешь! Либо этот китайский кадровый работник и понятия не имеет о том, что происходит

в Китае и в мире в связи с поездкой Никсона в его страну, либо ему сказали: „Албанцам скажи то, что мы тебе говорим". И этот кадровый работник полагает, что раз ему самому достаточны эти сведения, то „они достаточны и албанцам".

Однако для албанцев совершенно недостаточны слова Дэн Сяо о том, что „Мао нанес Никсону тяжелые удары". Мы нигде не видим этих „тяжелых ударов". Если китайцы считают „тяжелыми ударами" слова, сказанные ими Никсону: „Вы должны покинуть Индокитай, а Тайвань — часть КНР", то у них просто желудок все переваривает. Тяжелых ударов нет ни в словах заместителя начальника Генерального штаба, ни в коммюнике.

Но только одно сказал метко, конечно, нечаянно, заместитель начальника Генерального штаба, что „народ не вышел встречать Никсона, ибо, если бы он вышел, он встретил бы его плохо". Это значит, что китайский народ не согласен с поездкой Никсона в Китай, т.е. не одобряет этого решения Мао и Чжоу об этой поездке. Заместитель начальника Генштаба сказал также, что отныне борьба Китая против американского империализма усилится.

Почему? Ничто не говорит о том, что борьба усилится. Происходит противоположное тому, что они говорят. Встреча Никсона с Мао и Чжоу привела к смягчению, а не к обострению борьбы. По-видимому, китаец считает нас простофилями. „Думайте так, как я вам говорю, и не извлекайте выводов из того, что я делаю. Незачем работать вашей голове, раз работает голова Мао-Чжоу", — хочет сказать он. Может быть, это верно для китайцев, но не для албанцев. Его партия и марксизм-ленинизм учат албанца мыслить, рассуждать и делать выводы на основе фактов.

Ограничатся ли китайские товарищи только этой информацией, или же они дадут нам другую информацию? Будет ли это „официальной информацией", или же они сделают это через посла? Посмотрим!

ВТОРНИК
14 МАРТА 1972 г.

ПРОВОДИТСЯ КУРС НА НЕОБЪЯВЛЕННЫЙ БОЙКОТ АЛБАНИИ

Прошло две недели с тех пор, как Никсон покинул Китай. Прошло столько времени, что и мировая печать только изредка говорит теперь об этом „великом всемирно-историческом событии", так как она уже исчерпала сенсации и предположения и теперь ждет и сообщает прямые или косвенные результаты, которые могут вытекать из состоявшихся переговоров. Так, мировая печать отметила в эти дни, что Париж определен Китаем и Соединенными Штатами Америки центром, где будут происходить регулярные встречи между послом Никсона и китайским послом. Варшава не является больше главным местом китайско-американских встреч. Теперь местом встреч стал Париж, **а послы сторон, которые будут встречаться там, не являются ни послом Соединенных Штатов Америки, ни послом Китая, аккредитованными во Франции, как это было, когда эти встречи проводились в Польше, а являются особыми, специальными посланниками.**

Итак, „между Китаем и США установлены регулярные правительственные контакты на уровне послов", центром которых будет не Пекин и не Вашингтон, а Париж. Уже преодолено и это препятствие, сохранены американо-тайбэйская дружба и достоинство Чан Кай-ши. Как сообщала зарубежная печать, эти послы провели позавчера в китайском посольстве в

Париже первую „сердечную" встречу, длившуюся 55 минут. Это, естественно, отныне ничто не должно нас удивлять.

А к нам Китай в настоящее время относится холодно. Никаких контактов китайцы не имеют с нами ни через нашего посла в Пекине, ни через китайского посла в Тиране. Относительно переговоров с Никсоном они до сих пор не брали на себя труд давать нам какие-либо информации, хотя бы простое и обыкновенное парафразирование китайско-американского коммюнике. Понятно, так они не обходились ни с вьетнамцами, корейцами и камбоджийцами, ни с румынами. Наверно, сам Чжоу Энь-лай проинформировал их всех.

Нас могут спрашивать: почему они должны информировать вас, раз вы были против поездки Никсона в Пекин? Да, мы были против, но мы, как друзья и товарищи, открыто выразили им наши мнения. Поэтому они, если считают нас друзьями и товарищами, обязаны информировать нас и смело сказать нам: „Ошиблись вы" или „ошиблись мы", или „не ошиблись ни мы, ни вы", и только для сведения: „Делайте выводы сами, товарищи албанцы". „Мы информируем вас, так как вы наши товарищи, несмотря на то, что по этому вопросу мы не согласны". Это было бы самым правильным путем. Именно так, откровенно и по-товарищески, мы вели себя с ними. Китайцы же до сих пор придерживаются пути молчания и необъявленного бойкота Албании.

В то же время китайцы пытаются создать впечатление, что они корректны в экономических отношениях с нами, что они стараются и делают все возможное, чтобы быть корректными. Когда наши люди, занимающиеся экономическими вопросами, встречаются с соответствующими китайскими официальными лицами, последние хорошо отзываются об Албании и т.д.

Лед, образовавшийся наверху, еще не дошел до низов. В Министерстве иностранных дел Китая теперь наших людей встречают холодно; им говорят пошлости по коридорам и залам ожидания аэропорта, когда они там кого-либо встречают. Румын же принимает сам Чжоу. Китайский посол в Тиране закрылся в „своей башне из слоновой кости" и, когда в газете „Зери и популлыт" помещается статья против Никсона, он посылает к нашим людям агентов Синьхуа, которые задают вопросы: „Кем написана эта статья, где находятся эти ссылки" и другие такого рода вопросы, которые кажутся нелепостью, но фактически преследуют определенную цель.

Конечно, мы еще посмотрим, но этот ревизионистский политический бойкот нашей страны со стороны Китая может разойтись как масло в каше. Реакция и другие ревизионисты подмечают эту позицию Китая и стали подчеркивать ее. Мы, с нашей стороны, будем укреплять нашу линию, будем демонстрировать нашу большую искренность в своей дружбе с братским и союзным китайским народом. Однако борьбу против американского империализма и современного ревизионизма никогда не прекратим. **Если Китай сойдется с американским империализмом, то, разумеется, противоречия и борьба с нами усилятся. Такой вероятности мы не желаем и не хотим, но если она наступит, то мы будем бороться и преодолеем ее, защитим нашу марксистско-ленинскую линию и победим.**

СУББОТА
18 МАРТА 1972 г.

НИКАКИХ СТАТЕЙ В КИТАЙСКИХ ГАЗЕТАХ О ВИЗИТЕ НИКСОНА В КИТАЙ

Поездка Никсона в Китай может вызвать охлаждение в албанско-китайских дружественных отношениях. Это большой и важный политический вопрос, к которому мы и китайцы подходим по-разному. Этот вопрос я трактую не впервые, поэтому нет надобности распространяться тут о нем. Китайцы уже исчерпали эту проблему, по крайней мере, ее первую стадию: они приняли Никсона, а как его приняли, это уже известно (об этом я также писал раньше), ныне начались или „возобновились" переговоры (конечно, иного содержания, о других проблемах и, несомненно, большого значения) между китайским и американским послами, но только не в Варшаве, а в Париже. О чем беседуют эти послы? Для всех это покрыто мраком неизвестности. Когда переговоры велись в Варшаве, говорили, что они идут „о Тайваньском вопросе"; теперь какое-либо китайское официальное лицо пускает словечко, как-то **„Посмотрим, сдержат ли слово Соединенные Штаты Америки". Какое слово должны сдержать Соединенные Штаты Америки — это, конечно, китайцы знают, ибо мы знаем одно: что американский империализм, пока он не будет разгромлен, не будет держать никакого слова, он есть и останется вероломным, коварным, обманщиком, кровожадным, врагом социализма и народов.**

Если спросить у китайцев „какое слово должны сдержать американцы", то они наверняка ответят: „то, что написано в китайско-американском коммюнике". Однако американский империализм никогда не говорил противоположного того, что еще раз говорил в этом коммюнике, и тем не менее он всегда делал противоположное того, что говорил. Тогда лучше и не спрашивать и, конечно, нам не следует спрашивать у китайцев об этом вопросе, подождем, что принесут ситуации и время.

Почему нам не следует спрашивать? Наше мнение о поездке Никсона в Пекин мы выразили китайцам официально, партийным и весьма дружественным путем. Они не давали нам никакого ответа, хотя мы отчетливо подчеркнули что, несмотря на наше несогласие по этому вопросу, мы уверены в том, что Коммунистическая партия Китая не пойдет ни на какие уступки в принципах, и наша великая марксистско-ленинская дружба будет сохранена.

Это китайцы должны были поставить нас в известность, хотя бы и кратко, о переговорах с Никсоном. Но этого они не сделали и считают, что для нас достаточно чтения публичного коммюнике. Ведь так оно получается. Ну что же. О поездке Никсона в Пекин мы не говорили и не заняли официальной позиции, тогда как весь мир говорил. В то же время мы безостановочно шли своим путем — продолжали борьбу против американского империализма, против советского ревизионизма, мы защищали великую и искреннюю дружбу с Китаем. **Кому была охота, пусть делал выводы из нашей линии.**

Никсон уехал из Пекина, комментарии немножко утихли. Китай молчит об этом вопросе больше, чем мы. Никаких комментариев, никаких статей в китайских газетах об этом „историческом событии". Только изредка какая-либо малотиражная провинциальная ки-

тайская газета помещает „какую-нибудь" похвалу какого-то Жюрке, утверждающего, будто поездка Никсона в Китай была победой для этого последнего и поражением для американцев.

Может, китайцы хотят, чтобы мы также восхваляли их! Этого мы никогда не сделаем. А что мы будем делать? Будем проводить нашу линию, будем хранить нашу дружбу, несмотря на все это большое принципиальное несогласие.

Быть может, китайским товарищам не по сердцу наша правильная позиция и они, будучи недовольны этим, но не выражая открыто этого недовольства, **относятся к нам холодно, вначале ведут себя „корректно", а затем эта „корректность" может уступить место отношениям „мирного сосуществования" и, наконец, просто „дипломатическим" отношениям.** Они могут относиться очень корректно к своим экономическим обязательствам перед нами, но ведь для нас этого не достаточно, это не главное. Главное для нас — марксистско-ленинские связи между нашими партиями, наша дружба. Они могут думать, что „албанцы нуждаются в нас", поэтому любое халатное отношение к дружбе с нашей стороны может быть рассмотрено как охлаждение, а охлаждение вызывает оледенение, которое в свою очередь изолирует нас от дружественного Китая. Но может случиться и так, чтобы какой-нибудь закостенелый из наших людей, не как следует понимающий линию нашей партии, говорил: „Мы, албанцы, идеологически правы в этом вопросе, Китаю мы нужны". Такие мысли не отвечают нашей линии.

Поэтому я дал указания товарищам из Министерства иностранных дел и другим товарищам не делать уступок в принципах, но быть чуткими, любезными и искренними в отношениях с китайскими товарищами. **Оппортунистами не быть; высказывать, когда надо, свое мнение по вопросам, касающимся политической линии, защищать линию, ибо на этой линии зиждется и албанско-китайская дружба...**

ВТОРНИК
21 МАРТА 1972 г.

ПОЕЗДКА НИКСОНА В КИТАЙ, КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ КОММЮНИКЕ

К этой поездке, как до, так и в ходе ее, китайская сторона внешне относилась по-разному. Она только раз или два отмечала, что поездка американского президента состоится тогда-то и больше ничего. Китайская пропаганда хранила „абсолютное молчание" об этом событии, как будто ее „оно не очень интересовало". **Ее молчание, конечно, не представляло реальную действительность, не представляло того значения — причем большого значения, — которое китайцы придавали этой поездке и ее результатам.** Внешне казалось, будто китайцы не принимали подготовительных мер, но это не так: они очищали города, белили магазины и дома, особенно на тех улицах и в тех зонах, по которым должен был проехать Никсон, снимали все „опасные" лозунги, которые могли бы рассердить „выдающегося" гостя, наполнили магазины всякого рода товарами, а в книжных магазинах появились произведения „китайских и зарубежных классиков", которые до вчерашнего дня были изъяты из обращения, и т.д. **Все это делалось под маской китайского „Нового года". Но нельзя было кого-либо обмануть. Все это было связано не с „годом мыши", а с „приездом ... бумажного тигра".**

Китайская печать уже прекратила пропаганду против американского империализма, но, встречая Никсона, она вынуждена была писать несколько раз, „чтобы защищать" Вьетнам, который особенно в эти моменты подвергался жестоким бомбардировкам со стороны американцев. Итак, именно в это время, когда китайцы встречали Никсона, вьетнамцы усилили свои атаки, Никсон усилил бомбардировки, а советские ревизионисты выступили „единственными и искренними друзьями вьетнамцев", „бешеными антиамериканцами" и обвиняли Китай в том, что он „вступил в союз с Соединенными Штатами Америки против Вьетнама". За это время китайцы не отвечали советской пропаганде, а почему они вынуждены были поступать так, легко понять. Причина в том, что они оказались в неловком положении перед Вьетнамом и не хотят создать впечатление, будто переговоры с Никсоном будут направлены против Советского Союза.

Другая же сторона, американский империализм и весь капиталистический мир, устроили этой поездке большую рекламу, пустили в ход все средства и чего только не говорили и не предполагали. Иными словами, они так много били в барабаны, что до какой-то степени создали в мире впечатление, будто эта поездка „изменит курс истории", что Никсон, этот ярый антикоммунист, осуществит то сближение с Китаем, которого не удалось осуществить никакому другому президенту Соединенных Штатов Америки. Буржуазия записала Никсона в историю как „человека мира", и это факт, что за все это время ее пропаганда была настолько оглушительной в этом отношении, что были завуалированы страшные злодеяния этого военного преступника, истребляющего народы Индокитая и т.д.

Китай несет большую ответственность за то, что он принял Никсона в Пекин, не предъявляя ему ни малейшего условия. Но не только он ответствен за эту

пропагандистскую победу Никсона. Сами вьетнамцы, которые якобы „рассержены" на китайцев за то, что те приняли Никсона в Пекин, уже давно ведут тайные переговоры с палачами своего народа, не говоря уже о советских ревизионистах, которые по горло запачканы связями и сотрудничеством с американцами.

Мы, с нашей стороны, ни на миг не прекращали борьбу против американского империализма и против Никсона, причем и в ус себе не дули. Это заметили и иностранные телеграфные агентства, которые отмечали, что наша пропаганда отличалась от пропаганды китайцев.

Итак, несмотря на то, что до того времени, пока Никсон не ступил на китайскую территорию, Китай не Говорил о нем, прибытие президента Соединенных Штатов Америки в Китай сопровождалось большой помпой, а сам президент — большой группой сотрудников и порядочным числом журналистов, оснащенных всеми нужными аппаратурами телевидения, радио, кинематографии, связи и т.д. Об этом событии говорил весь мир. **Один американский журналист назвал прибытие Никсона в Пекин „прилунением".**

Китайцы встретили Никсона в аэропорте без народа, баз речей, без дипломатического корпуса. Иначе, при любой ситуации, это было бы настоящим скандалом и вызовом. Его встречала обычная и постоянная группа, состоящая из Чжоу Энь-лая, Ли Сянь-няня, представителя армии в Центральном Комитете Коммунистической партии Китая и из целого ряда официальных лиц. Чжоу Энь-лай выглядел „остолбеневшим", так как он, конечно, знал, что на него смотрит весь мир, а Никсон скалил зубы подобно лошади, был весел, радостен, несмотря на то, что улицы, по которым они проезжали, были пусты, конечно, по приказу и по директиве. Но об „отеплении" этой обстановки позаботились „американская пропаганда и телевидение".

„Внешняя холодная китайская корректность", которая проявлялась в аэропорте и на улицах, по которым проезжали гости, была ничем иным, как trompe-*l'oeil**. Вместо того, чтобы продолжать таким образом обращаться с „этим нежеланным гостем", которого приняли, „чтобы обмениваться с ним мнениями по проблемам, интересующим обе страны", не предъявляя ему никаких условий, с гостем, которого до вчерашнего дня сами китайцы называли „самым подлым фашистским преступником", „убийцей" и т.д. и т.п., протоколы и отношение к Никсону совершили поворот на 180 градусов.

Еще не успел президент Соединенных Штатов Америки отдохнуть от дороги, как его принял Мао Цзэдун, причем в своем рабочем кабинете. Это, насколько мы знаем, он делал впервые. Других друзей и гостей Китая, даже и самых близких, Мао Цзэдун всегда принимал и принимает в конце их поездки. Наши делегации он также всегда принимал в конце поездки. Американские журналисты не знали о том, что Мао примет Никсона сразу же по его прибытии, их делегация, по-видимому, также не знала об этом, поэтому они назвали это „бомбой". **И на самом деле этот прием был бомбой. Этим Мао хотел выразить Никсону свою особую теплоту и свое особое благосклонное отношение к этим встречам и переговорам, хотел показать ему интимность, для чего он принял его в своем рабочем кабинете, а на столе, где президент облокотился, была видна стопа книг, которая должна была сказать Никсону, что он имеет дело с „великим мыслителем". Мао Цэздун хотел также показать Никсону, что это он, Мао, открыл эту „новую эру в мире", сводящуюся к „китайско-американским отношениям", а, с другой стороны, сказать китай-**

---

* По-французски: обманчивая внешность.

скому народу» что эта „дружественная политика" с американским империализмом „есть моя политика, а не политика Чжоу Энь-лая". Если эта политика ни к чему не приведет, то „у нас опыт есть, так что вину взвалим на Чжоу".

В коммюнике, выпущенном после встречи Мао с Никсоном, ни о чем не говорилось, кроме как о том, что „переговоры были искренними и откровенными", т.е. ни рыба, ни мясо, тогда как китайское телевидение говорило другим языком. На малом экране виднелись Мао и Никсон, радостные и веселые, они жали друг друга не одной, а обеими руками. Радостный и веселый Киссинджер развалился в кресле, как у себя дома. Чжоу Энь-лай был *aux anges**, **смеялся и хохотал так много и громко, что вынужден был прикрывать рот рукой. Итак, обстановка была больше чем дружественной, и эту обстановку зафиксировало только китайское телевидение, т.е. все находилось под контролем, ибо передавалось по малому экрану, и это Чжоу делал неспроста, а для того, чтобы „этот исторический момент" был зафиксирован историей, чтобы американцы видели это и чтобы китайский народ также ориентировался на эту „гениальную пролетарскую стратегию и тактику" Мао Цзэдуна.**

После этого „многозначительного" жеста Мао, обстановка, которая внешне казалась принужденной, прояснилась, лед тронулся, начали „расцветать сто цветов", начался „великий поход".

Банкет китайцев был величественным. Что сказал Чжоу Энь-лай на этом банкете? Самые лучшие слова, как будто перед ним был не новый, а старый друг, так как „китайский народ и американский народ — друзья" и т.д. Итак, Чжоу сказал: Мы должны добиваться

* По-французски: на седьмом небе.

нормализации отношений между обеими нашими странами и обмениваться мнениями по вопросам обоюдного интереса. Наконец-то, — сказал Чжоу, — открылись двери для дружественных встреч.

Другими словами, это значит, что Никсон — друг Китая и народов, так как именно он открыл эти ворота дружбы. Для Чжоу и его единомышленников Никсон перестал быть империалистом, фашистом, палачом народов. **Это называется переход на путь лакеев империализма.**

Разногласия у нас есть, — говорит Чжоу в своей речи, — но они не должны мешать нам договариваться и сосуществовать, и т.д. Да, разногласия незначительны !!!

Некогда так говорил и Хрущев, однако он не проявлял к американским гостям такой „вежливости", какую проявляет Чжоу, который в высшей степени осторожен, не только чтобы не уронить какого-либо неуместного слова, но и чтобы избежать кривотолков.

Для Чжоу, который пытается скрыть свои намерения, американский народ „так хорош", что лучше нельзя, „американский народ — друг китайского народа", **и так продолжается песня Чжоу, причем и оркестр играл в зале песню „Эй, Америка-красавица"! Эй, Америка-красавица миллионеров и миллиардеров! Эй, Америка, центр фашизма и варварского империализма! Эй, Америка, убийца вьетнамцев и арабов, притеснитель свободы народов! Эй, Америка-„красавица" гангстеров! Эй, Америка-„красавица", где угнетаются и истребляются негры, безработные, коммунисты !!!**

И как раз эту Америку воспевают в Пекине, да так, что Никсон в своем ответе Чжоу Энь-лаю на банкете сказал: **„Я никогда не слушал, чтобы американскую музыку играли в чужой стране лучше, чем у вас". Ясно, даже Никсон диву дается, причем он как-то хочет**

сказать: „Я оказался неправ, считая что вы действительно коммунисты".

Никсон в своей речи также восхваляет Китай и его большое гостеприимство, славословит любезную и красноречивую речь Чжоу. Он, не задумываясь, говорит: „То, что мы делаем здесь, может изменить мир"; „... возможности мира увеличиваются до бесконечности"; „нас сближает общность интересов, которые стоят выше этих разногласий".

И Никсон продолжает:

„Давайте начнем вместе долгий поход, не по тупику, а по различным путям, приводящим к одной и той же цели, к созданию мировой структуры мира и справедливости, при которой все могли бы жить вместе с одинаковым достоинством, и каждая нация, малая или большая, имела бы право самой установить форму управления, без постороннего вмешательства или доминирования...".

И дальше:

„У нас с вами нет никаких причин враждовать, так как никто из нас не добивается захвата территории другого, никто из нас не добивается господства над другим и не стремится протянуть руки и установить мировое господство. Мы вместе можем построить новый, еще лучший мир".

А Чжоу Энь-лай как отвечает этой фашистской нечисти? Он отвечает ему именно так и просто: „... Мир идет к прогрессу, к свету, а не ко тьме". Чжоу Энь-лай перечеркнул даже выражение, что мир идет к революции. Верно пишут газеты: **„Чжоу оставил в стороне мировую революцию".** Таковы подлые и скандальные пропаганда и демагогия, раздуваемые Пекином вокруг Никсона, — матерого фашиста, кровопийцы народов мира, главы мирового империализма! И кем? Пекином, претендующим на роль всемирного центра марксизма-ленинизма!

Демагогия империалиста такова, что и он, вкупе с Чжоу Энь-лаем, говорит, что „Мир идет к свету, а не ко тьме". Вся американская пропаганда старается отметить, что Никсон и американский империализм стали друзьями Китая и китайцев, друзьями народа и руководства. Лед тронулся после встречи Никсона с Мао. Китайские газеты полны фотографий Никсона, Мао, Чжоу, Цзян Цин и т.д. За протокольной встречей, которая состоялась в аэропорте, последовали горячие встречи, банкеты, спектакли, закрытые стадионы, где 20 тысяч человек встают, аплодируя Никсону и Чжоу Энь-лаю, „зодчим" этой „исторической встречи". Цзян Цин, жена Мао, изменила одежду и *coiffure**. Волосы у нее совершенно *à la garçonne***, кепку с красной звездочкой она уже бросила в мусорный ящик, а военный мундир периода революции заменила костюмом из кашемира или черного сукна. На каждом спектакле она сидит рядом с Никсоном, а когда они не вместе, Никсон и его жена выполняют свои программы — осматривают китайские кухни, якобы „удивляются, изумляются", „едят палочками", „какая прелесть!". Они посещают коммуны, целуют китайских детей, **посещают и Великую китайскую стену. „Разрушим всякие стены", говорит Никсон. Это „семь дней, изменивших мир". „Мы — Соединенные Штаты Америки и Китай — держим в наших руках судьбы мира".** И предвыборная кампания, ратующая за переизбрание Никсона президентом Соединенных Штатов Америки, продолжается с китайской территории! А Чжоу Энь-лай, со своей стороны, доволен и весел. Реакция восхваляет и превозносит его до небес, но ему все равно, ведь по его мнению, проводя такую политику, он „с величайшей ловкостью проводит в жизнь линию председателя Мао".

---

* По-французски: прическу.

** По-французски: по-мальчишески.

Итак, за время этого визита были исполнены все желания Никсона, Мао и Чжоу. Никаких разногласий не проявилось между двумя сторонами, за исключением некоторых обычных формул. Наконец, вышло и совместное китайско-американское коммюнике, подтверждающее их единство по многим основным взглядам. Посмотрим же их.

Поездка Никсона в Пекин, оказанный ему прием и совместное китайско-американское коммюнике — это победа для американского империализма и для Никсона лично. А Китай не выиграл и не мог что-либо выиграть в этом случае; наоборот, он проиграл в глазах революционных народов мира, в глазах мирового коммунистического движения. **Китай „финансировал" американский империализм доверием в глазах народов. Он сказал народам и коммунистам, что с американским империализмом и в те моменты, когда он орудует огнем и мечом, и когда он оккупирует их земли, и когда он не поддерживает и не желает поддерживать с ними дипломатических отношений, и когда его система переживает кризис, с ним можно беседовать по-дружески, с ним можно сидеть душа в душу, за ним можно признавать право обманывать народы.** Вот, что сделал Китай. Это недопустимо и предосудительно, это идет вразрез с нашей марксистско-ленинской линией.

Китайско-американское коммюнике — самый подлый документ, который только может быть. В этом коммюнике рядом друг с другом изложены „чудесные" взгляды обеих сторон — как одной, так и другой. Китайцы „кормят" нас общими фразами: "Народы хотят свободы; где гнет, там и сопротивление; нации, большие и малые, должны быть равноправными; все войска должны быть выведены из чужих стран" и т.д. Так, китайская сторона продолжает очень длинную тираду без никаких намеков, без адреса. Ими упоминаются только Япония и Бангладеш, все остальное исчезло для них.

Этого требует известная китайская вежливость (?!), поскольку „гость у тебя дома"?! Зачем ты его пригласил? Но вернее будет сказать, что такая позиция диктуется проводимой тобою новой линией, а не долгом вежливости по отношению к приглашенному „гостю".

Американская сторона также пускается в еще более длинную тираду в указанном коммюнике. Она ничего не признает, наоборот, согласно коммюнике, „Америка-красавица", оказывается, является „самой миролюбивой и самой демократической страной", которая лишь может быть; американцы против агрессии, они за самоопределение стран Индокитая (!). Соединенные Штаты готовы сделать то и то, — все, что вы захотите и что вы скажете (красивых фраз вдоволь), но, другими словами, они будут сохранять дружбу с Чан Кайши, с кликами стран Индокитая и с Республикой Южной Кореи; поговаривают, что они выведут свои войска из разных районов (словами, конечно), „когда будет достигнута разрядка" и т.д. и т.п. Так продолжается американская „песня" в совместном коммюнике.

Переливание из пустого в порожнее! Почти никаких возражений, хотя и подчеркивают, что между ними „существуют большие противоречия". Не видно ни капельки полемики, наоборот, разыграв эту „идиллическую сцену" перед ожидавшей публикой, они выступили с тем, что у них было на сердце. И вывод таков: **типично хрущевское мирное сосуществование, даже более совершенное, ибо, согласно китайско-американскому коммюнике, все будет разрешено, причем без конфликтов, иными словами, „без оружия, без войн", будет разрешено розами! Тигр оказался воистину „бумажным тигром". Однако тут не поймешь, кто бумажный тигр.**

Что выходит из этого коммюнике? Китай говорит миру, что он имел дружеские переговоры с Соединенны-

ми Штатами Америки, что в результате этих переговоров будет предотвращена война между ними, что не будет допущено, чтобы район Азия-Тихий океан стал зоной влияния чьей-либо великой державы (басни), что ни одна из сторон не должна заключать соглашений с какой-либо третьей стороной против другой стороны (басни), и что мир не должен быть делен на сферы влияния (опять басни).

Все эти басни, написанные в коммюнике, одобряются китайцами, которые говорят миру: „Вот мы заставили американцев принять все эти положения. Это крупная победа для социализма". Китайцы говорят простакам: „Посмотрите, американцы не так уж плохи", и, несмотря на то, что ни о Тайване не было достигнуто чего-либо, ни дипломатические отношения не установлены, „мы с Соединенными Штатами Америки будем вести торговлю, будем обмениваться учеными, артистами, журналистами" и т.д. Другими словами, „мы распахнули ворота Китая для нашествия Соединенных Штатов Америки". Это немножко странно, но так оно и будет на самом деле.

Чжоу Энь-лая, когда возвратился в Пекин из Шанхая, куда он поехал проводить Никсона, встречали торжественно, гонгами, цветами и Цзян Цином. Чжоу был „героем дня!". Этот „герой дня" внутри страны всеми силами будет бороться за укрепление позиций своей группы, пользуясь при этом и поддержкой Мао. Он будет быстро развивать многосторонние отношения с американцами, будет поддерживать кандидатуру Никсона, так как теперь он у него друг и с ним он будет строить много комбинаций, но в то же время будет стараться не разоблачать себя основательно в глазах народов. „Герой дня" будет противиться советским до тех пор, пока будет пользоваться поддержкой Соединенных Штатов Америки, но, наконец, и он сбросит маску, как сбросил ее

Хрущев. **Что касается мировой революции, коммунизма и социализма, то он на них навалит тяжелый камень, как это сделали ревизионисты в Советском Союзе и в других странах. Путь, на который они встали, туда и ведет.** Да будем мы неправы, но факты не позволяют нам судить по-иному! Марксизм-ленинизм, которым мы вдохновляемся и руководствуемся, не позволяет нам иначе судить о китайских товарищах и их действиях.

СРЕДА
22 МАРТА 1972 г.

КИТАЙ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Как я уже не раз писал, советские ревизионисты еще до приезда Никсона в Пекин, за время его пребывания там, так и несколько дней подряд после его отъезда развертывали оглушительную антикитайскую пропаганду, гораздо сильнее прежней. Китайцы молчали и продолжают молчать в связи с этой антикитайской пропагандой советских.

Развертывая антикитайскую пропаганду, опорочивая Китай и Мао в глазах народов и международного коммунизма, советские стремились доказать, что:

а) Маоисты вошли в сделку с американским империализмом о делении сфер влияния в мире и об установлении в мире своего господства, господства двух империалистических держав.

б) Китайско-американская сделка осуществляется на почве антисоветизма, раскола и ослабления социалистического лагеря и международного коммунизма.

в) Китайско-американская сделка направлена против национально-освободительной борьбы народов. Китай изменил в особенности интересам и борьбе вьетнамского народа и всех народов Индокитая.

Таковыми были в общих чертах демагогические цели советских ревизионистов в отношении Китая за весь этот период. Советские били в большие барабаны. Этим они пытались скрывать свое предательство и свои действительные союзы, заключенные с американ-

цами против марксизма-ленинизма, против народов и в то же время выступить защитниками народов Вьетнама, „ярыми" антиамериканцами, показать свою „принципиальность". Народные массы этим не были введены в заблуждение, однако нельзя сказать, что эти клеветнические измышления не произвели никакого эффекта. Думать так, было бы ошибкой.

После отъезда Никсона из Китая, Китай не отреагировал на советских, которые продолжали свое дело, но с меньшей интенсивностью, на этот раз они били в маленькие барабаны, так как Никсону наступала очередь поехать в Москву, а Москва должна сделать так, чтобы общественность кое-как забыла ее оглушительный барабанный бой. Пока „враг", являющийся твоим другом, находился в чужом доме, ты чего только не наговорил на него; однако теперь этот „враг", являющийся твоим настоящим другом, приезжает в Москву! Следует переменить музыку.

Атаман Леонид (Брежнев) выступил с трибуны съезда советских профсоюзов. Тут нас интересует то, что сказал архиревизионист о китайцах. На этот раз он надел „бархатные перчатки", умерил свой тон. В сущности, он сказал: „Советские выступали за то, чтобы Китай и Советский Союз тесно сотрудничали как две социалистические страны, они призывали и прилагали свои усилия к этому; однако Китай не хотел и отвергал наши предложения. В связи с этим Советскому Союзу приходится выразить свое сожаление". Далее атаман Леонид в сущности продолжает: „Во время визита Никсона китайцы заявили, что они готовы сотрудничать с кем угодно на основе политики мирного сосуществования. Ну что же, прекрасно; раз это так, раз вы так хотите, раз вы поступили так с империалистической страной — Соединенными Штатами Америки — мы, советские, предлагаем вам сотрудничать на этих основах; в конечном итоге, мы готовы заключить на

этих основах также договор о дружбе и ненападении" и т.д.

Теперь ответ за Китаем. Сразу же после выступления Брежнева в Пекин прибыл Ильичев. Y друга, конечно, предложения в кармане.

Как будет поступать Китай? Он, несомненно, будет плавать в этих водах, но посмотрим, каким стилем и сколько километров в час!

ПОНЕДЕЛЬНИК
17 АПРЕЛЯ 1972 г.

БЕСЕДА ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В начале апреля месяца поехала в Пекин наша правительственная делегация для подписания соглашения о кредитах, которые Китайская Народная Республика предоставляет Народной Республике Албании для нужд сельского хозяйства.

Во главе делегации мы могли направить в Китай и какого-либо заместителя министра, но мы направили министра, с тем чтобы оживить немножко отношения между Албанией и Китаем, так как у нас сложилось впечатление, что китайская сторона вроде охладела со времени визита Никсона в Пекин. Об этом визите мы совсем не писали в печати, полностью игнорировали его, но в то же время во всех остальных направлениях продолжали проводить линию дружбы с Китаем Мао Цзэдуна. (Мы не только направили в Китай министра сельского хозяйства, но и провели ряд других мероприятий дружеского характера, которые китайцы, со своей стороны, встретили с энтузиазмом и ответили на них взаимностью.) Нашу делегацию они встретили очень хорошо в Пекине. В аэропорт вышло три тысячи человек с музыкой, знаменами и портретами.

Направляя министра в Китай, мы не только стремились придать значение соглашению, которое он должен был подписать, и отблагодарить китайских товарищей за оказываемую нам помощь; поскольку он

является кандидатом в члены Политбюро, во время встреч с ними или в речах, с которыми он мог выступать, он должен был подтвердить перед ними нашу неизменную политику великой дружбы и единства с Китайской Народной Республикой и с Коммунистической партией Китая. Конечно, вопрос о Никсоне должен был быть обойден молчанием, ведь не нам поднимать этот вопрос. Это китайцы должны были кое-что сказать нам в ответ на письмо Центрального Комитета нашей партии и поставить нас в известность, хотя бы и кратко, для отвода глаз, об итогах переговоров между Мао, Чжоу Энь-лаем и Никсоном. Так, направляя в Китай кандидата в члены Политбюро, мы давали возможность Чжоу Энь-лаю высказаться по этому вопросу, если бы он считал это целесообразным. Глава нашей делегации имел указание поблагодарить Чжоу Энь-лая за информацию в случае, если бы тот изложил ему этот вопрос, и сказать ему, что он передаст это своему руководству. Он должен был не высказать какого-либо мнения, а лишь подтвердить вообще уверенность нашей партии в том, что Китайская Народная Республика и Коммунистическая партия Китая всегда „ведут" борьбу на двух фронтах, — как против американского империализма, так и против советского ревизионизма, — и что они „прочно придерживаются" принципов марксизма-ленинизма. Если бы Чжоу Энь-лай не заговорил об этом, то ответственность легла бы на них. Мы выполнили свой долг, даже напоминая им лицом, направленным нами туда во главе делегации, что они должны были выполнить, хотя бы формально, этот долг перед нами, независимо от того, что мы не были согласны с ними.

Мы полагали, что Чжоу Энь-лай, будучи умным „политиком", не упустит этого случая, но мы ошиблись. Чжоу Энь-лай принял нашу делегацию (при этом мы основываемся на радиограмме из Пекина, ко-

торой нас информируют о беседе). Беседу открыл и закрыл Чжоу Энь-лай, тогда как глава нашей делегации лишь иногда просто вмешивался в разговор незначительными высказываниями. Чжоу ничего не говорил ему о политических вопросах (хотя у него в привычке долго говорить об этих вопросах), ничего не говорил ему об Албании (он только поинтересовался здоровьем наших товарищей...).

Беседа служила Чжоу самокритикой перед нами в других направлениях. Он сказал: „У тракторов, которые мы прислали вам, имеются неисправности в коленчатом вале; самолеты МИГ-19 также дефектны, поэтому не пользуйтесь ими до тех пор, пока мы не пошлем бригады для их осмотра и ремонта. Дефектны у нас, — сказал Чжоу, — также грузовики и ГАЗы, которые мы передали Вьетнаму, а также машины для уборки сахарного тростника, которые мы передали Кубе" и т.д.

В заключение своей беседы, недостатки и изъяны в их машиностроительной и военной промышленности Чжоу связал „с саботажнической деятельностью элементов ультралевого течения". Он сказал, что „ультралевое течение" в Китае пыталось подорвать достигнутые во время Культурной революции успехи и реставрировать там капитализм. В течение 2-3 лет, — отметил он далее, — военная промышленность повреждена и даже расстроена. Только в связи с моторами истребителей №6 товарищ Е Цзянь-ин провел совещание, длившееся 10 дней, для обсуждения со специалистами и установления причин дефектов этих самолетов. Он сказал, что такие дефекты у этого рода самолетов были на первых порах, и отметил, что и моторы советских самолетов работают у них только 100 часов. Однако у нас раньше, — добавил Чжоу, — моторы работали по 200 часов. Тогда как это случилось, что работоспособность этих моторов упала с 200 часов в 100 часов?

Есть некоторые моторы, работающие только 25 часов. „Элементы из этого течения нанесли нам огромный ущерб в армии, — сказал в заключение Чжоу. — Об этом мы говорим только вам, албанским товарищам". Это был единственный политический намек во время беседы; больше он ничего не сказал. Чжоу попросил, чтобы мы делали „критические замечания" насчет поставляемых ими машин и сказал, что примут меры по исправлению на месте всех выявленных изъянов.

Прощаясь с главой нашей делегации, Чжоу Энь-лай сказал ему, в частности: Товарищ Кан Шэн еще болен, он страдает бронхитом. Когда к нам приехал Чаушеску, товарищ Кан Шэн вышел один раз встретить его, а потом врачи посоветовали ему больше не выходить, и на самом деле товарищ Кан Шэн не чувствует себя хорошо и не может выходить на работу. Думаем, что этим он хотел сказать нам, что „он не убран как Линь Бяо".

Такова беседа Чжоу Энь-лая, согласно радиограмме, поступившей из Пекина. Таковы главные идеи этой беседы. Итак, ясно: Чжоу Энь-лай не хотел касаться политических вопросов, хотя он очень любит распространяться в них. „Мы (китайцы) придерживаемся наших позиций, вы — ваших. Что касается экономических отношений, то мы выполняем свои обязательства и всегда будем корректны", дает понять Чжоу. Ну ладно, мы придерживаемся своей линии, мы проявляли и проявляем лояльность, корректность в отношениях с Китаем. Чжоу ни на письмо нашего Центрального Комитета не ответил, ни в этот раз не высказался, а ведь ему надо было высказаться. Ничего, мы записываем.

Что можно заключить в итоге?

То, что Чжоу Энь-лай в беседе с нашим товарищем не затрагивает политических вопросов, явление не обычное для него. Имелись ли политические вопросы

первостепенной важности, которые он должен был затронуть? Да!

а) **Отношения с Соединенными Штатами Америки — это новые отношения.** Мы думаем, что он должен был сказать, до какой степени или в каких направлениях будут развиваться эти отношения. Чжоу Энь-лай может найти предлог: „Раз вы были против визита Никсона в Китай и игнорировали этот визит, зачем нам информировать вас об этом?". Хорошо, мы были против указанного визита, но теперь, когда визит уже состоялся, нам интересно знать, к чему привел этот визит и как думают китайцы вести в будущем свою политику в отношении Соединенных Штатов Америки. Мы вправе спросить об этом, так как мы союзники Китая. Китайские товарищи могут сказать: „Вы были поставлены в известность через китайско-американское коммюнике, после которого наша политика в отношении Соединенных Штатов Америки не претерпела изменений". Хотя это не так, (ведь продолжаются взаимные визиты различных деятелей обеих стран, не говоря уже о том, что они обсуждают и чего они добиваются, так как переговоры секретны) опять-таки они должны объяснить нам, почему **официально раньше нам было сказано, что, „то, что мы делаем с Никсоном — это новая, большая тактика и стратегия".** Итак, Чжоу Энь-лай совершенно умолчал об этом важном вопросе, так как позиции у него слабы и ему надо было сделать некоторые опровержения или подтверждения, в верности которых он не убежден, поэтому проявил осторожность. А осторожность говорит о колебаниях и неуверенности в политике, проводимой Китаем в отношении Соединенных Штатов Америки. Ни в самом Китае, ни на международной арене не видно, чтобы поставленные ими основные цели, тактические и стратегические, были осуществлены. Мы думаем, что этот политический акт в отношении Соединенных Штатов Америки

на международной арене оказался для Китая не полезным, а вредным.

б) **Вьетнамская проблема.** Во Вьетнаме началось большое военное наступление вьетнамцев. Американцы и их марионетки получают тяжелые удары. Это крупная победа не только для вьетнамского народа, но и для всех нас. Мы проводили и проводим политику выдворения американцев из Вьетнама. В этом мы поддерживаем Вьетнам.

А между тем Чжоу Энь-лай умолчал о победах вьетнамского народа в этой войне. Почему? Потому, что китайцы не ладят с вьетнамцами, а это, несомненно, в силу того курса, который они проводят в отношении Никсона, которого вьетнамцы по праву называют самым крупным военным преступником. Китайцы, принявшие Никсона у себя, имели с ним встречи и переговоры; борьба вьетнамцев поставила китайцев в трудное положение. Это значит: „Я проливаю кровь, а ты принимаешь как гостя моего убийцу и беседуешь с ним". Китай сделал официальные заявления, а коммюнике, подписанное обеими сторонами, подтверждало, что Китай „не будет обсуждать с Никсоном вопроса о вьетнамской войне". Это было большой политической и стратегической ошибкой с его стороны. Китайцы могут утверждать, что „вьетнамцы не хотели", чтобы они обсуждали с американцами их дела. Независимо от этого, Китай не должен был обойти молчанием этот вопрос, как он и обошел его. Этим воспользовались советские ревизионисты, которые теперь изображают дело так, будто они являются „главными вдохновителями вьетнамского наступления и оказывают ему самую большую поддержку".

Итак, Чжоу умолчал и о Вьетнаме, так как ему завязала язык политика, проводимая в отношении Никсона. Даже оказавшись в таком положении, Китай попрежнему продолжает оказывать Вьетнаму материаль-

ную помощь, однако его политическая помощь бледна.

в) **Китайская политика в отношении Пакистана и Бангладеша потерпела фиаско!** Что мог говорить Чжоу? Он совершенно умолчал о Среднем Востоке и Европе точно так, как в китайско-американском коммюнике.

г) **О советских ревизионистах он также не вымолвил ни слова. Почему?**

Вопрос, который поверхностно затронул Чжоу, это вопрос об „ультралевом течении", нанесшем „большой ущерб Китаю и стремившемся установить там капитализм". Конечно, Чжоу имел в виду группу Линь Бяо, не назвав его по имени. Это их старая тактика. Об этом не многозначащем факте он говорил, якобы конфиденциально, нам, албанцам. Чего добивалось это течение? Оно стремилось установить капитализм!! Но каким путем? Только саботируя самолеты, что ли? Неужели братская партия может довольствоваться только такой информацией? Либо информируй ее как следует, либо совсем не информируй!!

Что касается саботирования самолетов и вертолетов, то это не новый вопрос. Об этом говорили нашим товарищам, побывавшим в Китае еще в 1968-1969 годах, главные военные китайские товарищи, даже одни из самых главных, из тех, которые были убраны вместе с „ультралевой группой". Стало быть, работа по саботированию самолетов была раскрыта еще тогда, когда Линь Бяо был „полновластным". Как бы то ни было, они могут рассматривать это как „дело заговорщиков" и даже как главное их дело. Больше ничего Чжоу Энь-лай нам не сказал. Теперь он считает, что тем, что он сказал нам, исполнил свой долг „солидарности по отношению к Албанской партии Труда". Мы не одинакового с ним мнения и думаем, что раз затронул этот вопрос, он должен был разъяснить нам его.

Что касается дела Кан Шэна, о котором они часто говорят нам, они хотят сказать что „он болен и не уб-

ран вместе с ультралевой группой". Однако вроде слишком долго продолжается этот „грипп" или „бронхит". Вот уже больше года как Кан Шэн не показывается публике. Это ихнее дело, но очевидно, что и в этом вопросе они относятся к нам несерьезно.

ЧЕТВЕРГ
20 АПРЕЛЯ 1972 г.

КИТАЙ ВСЕ ГЛУБЖЕ ЗАХОДИТ В ТУПИК

Из Китая сообщают, что вчера прибыли в Пекин двое из самых важных американских сенаторов, Мансфилд и Скотт, главные представители двух американских партий. Они посещают Китай как „друзья" и будут беседовать с Чжоу Энь-лаем. Неизвестно, они могут встретиться и с Мао. Посмотрим.

Поездка этих двух главных империалистических эмиссаров очень роняет репутацию Китая и еще глубже заводит его в весьма неверный и безвыходный путь, на который он встал с принятием Никсона в Пекине. Они поехали туда в такое время, когда во Вьетнаме идет кровопролитная война, когда вьетнамцы продвигаются вперед, когда американцы и их марионетки получают удары, когда Никсон отдает приказы и варварски бомбит Ханой, Хайфон и вьетнамские войска на юге.

Эта ситуация ужасна для Китая, а Чжоу продолжает идти по начатому им пути. Советские протестуют против обстрела их судов в Хайфоне, угрожают тем, что могут не принять Никсона в Москве и, пользуясь этой ситуацией, представляют дело так, будто именно они (советские) помогают Вьетнаму одержать победу. Никсон угрожает блокировкой Хайфона. Тогда советские могут попросить у Китая разрешения на перевоз военных материалов через его территорию. Если Китай не согласится, — и он не согласится, — то ситуация для него осложнится.

СУББОТА
22 АПРЕЛЯ 1972 г.

ВЬЕТНАМСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ И КИТАЙ

Вчера вернулась из Китая наша правительственная делегация и сегодня она доложила нам о проделанной там работе. Что касается экономических вопросов, то все прошло хорошо, тогда как относительно политических вопросов нет ничего, кроме полного молчания.

Вот уже более трех недель, как вьетнамцы во всех концах страны ведут атаку на американские войска и сайгонские марионетки. Они открыли четыре важных фронта: один в направлении Хуэ, которое уже пройдено; другой в центре, со стороны Лаоса, по-видимому, с целью разделить Южный Вьетнам надвое, изолируя тем самым вражеские силы северной зоны Южного Вьетнама от сил сайгонского фронта; третий фронт они открыли на севере Сайгона, где взяли город Ан Лок, важный узел на подступах к Сайгону, которому они угрожают с севера (как сообщают, они находятся в 60 км от Сайгона); четвертый фронт открыли со стороны Камбоджи на юге Сайгона (находятся в 40 км от Сайгона). Главная цель — окружение и взятие Сайгона. Второе, гораздо более шумное Дьенбьенфу. Это будет решающей победой, если цель будет достигнута. Американский империализм потерпит полное и позорное поражение во Вьетнаме.

В настоящее время американский империализм и Никсон прижаты к стенке. Им не осталось ничего дру-

гого, кроме как применять тактическую и стратегическую авиацию, что впрочем не давало бы им заметного эффекта. Вьетнамизация конфликта с их стороны потерпела фиаско: у сайгонских марионеток горит почва под ногами. Тактика вьетнамцев заключается в том, чтобы продолжать наступление и в то же время требовать от американцев, чтобы они сели за стол переговоров в Париже. До сих пор американцы отказываются, заявляя, что пойдут на переговоры лишь при условии, если вьетнамцы прекратят наступление.

Это положение осложнило для Никсона и его администрации политическую ситуацию, причем именно накануне президентских выборов. Его противники ведут с ним упорную борьбу. В стране идут забастовки и демонстрации. Никсон был вынужден закрыть вчера ряд важных университетов, так как студенты и профессора бастуют. Говорят, что Никсон в будущую неделю выступит с „важной" речью.

Тактика войны вьетнамцев будет иметь успех при том условии, если они не откажутся от этой правильной тактики, ибо только она принесет им победу.

Отношения китайцев с вьетнамцами — холодны. Свидетельство тому — многие факты, упомянутые мною в предыдущих записках, однако мы случайно узнаем и о других фактах, укрепляющих наше убеждение.

Наш посол в Ханое в последние дни имел беседу с китайским военным атташе во Вьетнаме, который сказал ему: **„Мы (китайцы) ничего не знаем об этих наступлениях, так как вьетнамцы не ставят нас в известность. Мы не знаем, серьезное ли это мероприятие и будет ли оно доведено до конца, или же оно является авантюрой, которая дорого обойдется им. Советские причастны к этому наступлению".** Хотя бы только эти утверждения этого очень ответственного лица в самом Ханое ясно свидетельствуют о положении, сложившемся между китайцами и вьетнамцами. Эти слова не только говорят

о том серьезном факте, что китайцам совершенно чужды цели вьетнамцев, но и **вызывают сомнение: китайцы за или против нынешнего наступления?** Если они за, то китайский военный атташе должен был одобрить наступление вьетнамцев и поддерживать его, независимо от того, что они не поставлены ими в известность. Но может быть и так, что китайцы это наступление вьетнамцев считают авантюрой, так как проводят аналогию между ним и корейской войной, когда корейская армия подошла к Пусану и когда американцы перешли в контрнаступление и подошли к реке Ялу, на границе с Китаем.

Не поэтому ли китайцы называют наступление вьетнамцев „авантюрой"? Не думают ли они, что советские, будучи причастными к этому наступлению, вовлекли вьетнамцев в такую авантюру, с тем чтобы приблизить войну к границам Китая, провоцируя во Вьетнаме новое наступление, наподобие наступления Макартура, и дать тем самым повод советским не только раздувать антикитайскую пропаганду, но и втянуть Китай в войну с Соединенными Штатами Америки или даже самим войти во Вьетнам и окружить Китай с юга? Все это — возможные варианты.

Однако есть и другой вариант. Изменение стратегии и тактики Китая, особенно в отношении Соединенных Штатов Америки, привело к изменению основных позиций Китая.

Что касается Вьетнама, то Китай был против парижских переговоров вьетнамцев с американцами и считал, что они — дело напрасное. Когда же сам вступил в тайные переговоры с Соединенными Штатами Америки, он изменил свое отношение к этому вопросу. Вьетнамцы в Париже предложили 7 пунктов, а американцы — свои пункты. Это было время, когда была объявлена договоренность о поездке Никсона в Китай. Именно после этого американцы стали не обращать

внимания на парижское совещание. Почему? Несомненно, можно было предположить, что Никсон в Пекине должен был обсудить и вьетнамский вопрос. И для такого предположения имелись основания. Северовьетнамцы стали на дыбы и наверно поссорились с китайцами, да так, что Чжоу Энь-лай был вынужден публично заявить, что „с Никсоном вьетнамский вопрос не будет обсужден". В этом источник конфликта.

Однако этот конфликт, должно быть, имел место и в самом китайском руководстве, т.е. между Мао и Чжоу Энь-лаем, с одной стороны, и Линь Бяо и военными, или „крайними левыми", как они были названы — с другой. Следует предположить, что Мао и Чжоу были за поездку Никсона в Пекин и за смягчение политики в отношении Соединенных Штатов, как и за разрешение, до какой-то степени посредством переговоров, вьетнамской проблемы, тогда как Линь Бяо с остальными товарищами были против поездки Никсона, против смягчения политики с ним и за дальнейшее усиление боев со стороны Вьетнама. Именно за это их, видимо, и обвинили в „ультралевом уклоне".

Китайцы скрывают этот основной вопрос и говорят нам несостоятельные и противоречивые вещи, как, например, „ультралевые были просоветскими", и это они связывают с тем, что советские, может, причастны к вьетнамскому наступлению. По словам китайцев, ультралевые утверждают, что „на первый план надо ставить политику", тогда как по их мнению, „на первый план надо ставить промышленность". Это насквозь ревизионистский тезис. „Ультралевые против промышленности, причем против современной промышленности, они против ремесленного дела". Какие противоречия!

Итак, целый ряд таких глупостей. Многие естественные недостатки и ошибки в работе китайцы возводят в принцип и приписывают их „крайним левым". Это никуда не годится!

Китайцам трудно совершить поворот, поэтому „крайних левых" они не обвиняют публично в политических ошибках, а лишь в этих второстепенных и противоречивых вещах, с тем чтобы иметь возможность ужом виться, когда будут вынуждены идти на попятную.

Теперь китайские товарищи говорят нам, что „вьетнамцы — двурушники".

Наш посол в Пекине сообщил нам сегодня, что в последние дни там состоялся прием в честь какого-то африканского деятеля. На ужине был и Чжоу Энь-лай, который, на глазах у приглашенных, попытался создать впечатление, что их отношения с Вьетнамом „очень хорошие". Но получилось наоборот. Он встал из-за стола, направился к дипломатам и подал знак подойти к нему двум вьетнамским послам, — Севера и Юга, — но они даже не двинулись с места. Тогда Чжоу подошел к ним и начал говорить. Они слушали его с явным равнодушием, что бросалось в глаза всем тем, кто следил за ними. Наконец, оба вьетнамских посла, тем же равнодушием, дали понять Чжоу, что они не понимали, что он им говорил, так что Чжоу вынужден был вызвать переводчиков. Эта тяжелая для него сцена бросилась в глаза присутствующим и произвела большое впечатление.

Во всяком случае состояние отношений между Китаем и Вьетнамом шаткое. Это положение советские ревизионисты и американские империалисты используют в угоду себе и в ущерб вьетнамскому народу, который ведет героическую борьбу и который мы должны всеми силами поддерживать в его справедливой борьбе.

ПОНЕДЕЛЬНИК
22 МАЯ 1972 г.

НИКСОН В МОСКВЕ — КИТАЙ МОЛЧИТ

Москва встречает американского фашистского бандита, Никсона, оправдывая эту позорную трагедию якобы политикой ленинского сосуществования.

Как будто Ленин учил этих новых империалистов дружиться с империалистами, колонизаторами и извечными палачами народов, с душителями их свободы, расхитителями их богатств и независимости других стран, заключать союзы с ними, делить с ними мир и вкупе с ними бороться за мировое господство. Какая подлость! Какой циничный троцкизм!

Перед своим отъездом в Москву, Никсон принял все меры „к опорочению" Ленина: он подвергает варварским бомбардировкам Вьетнам, заминировал вьетнамские порты и побережье, продолжает самую варварскую войну, которая лишь может быть. В разгаре этой свирепой деятельности этот фашистский бандит сел в самолет и вылетел в Москву Ленина и Сталина, где в аэропорте его встречали советские предатели. В его честь был исполнен гимн Советов, тот гимн, который руководил освободительной войной. Пушки, сокрушившие нацистского изверга, снова произвели выстрелы, но на этот раз чтобы салютовать второго Гитлера, который на протяжении целого ряда лет по 24 часа в сутки применяет против героического вьетнамского народа пушки, бомбы, напалм, пулеметы и все другие виды оружия. В своем цинизме ревизио-

нистские предатели дошли до того, что жмут руку и улыбаются палачу, едят и пьют вместе с ним, вкупе с ним составляют заговоры против других народов в своих попытках поделить мир между собой.

Убийца вьетнамских детей, наверно, посетит советские школы и детские ясли, оскалится перед ними своей циничной улыбкой, пожмет руки и погладит по щекам внуков героев, вступивших в самые ожесточенные бои, которые лишь знала история, против мирового капитализма и империализма. Теперь новый Корнилов, новый Деникин в обличье Никсона бродит по Москве и Кремлю, окруженный почестями со стороны новых троцких и бухариных.

На пышном банкете в Кремле жестокий и подлый фашист Никсон говорил „о мире, свободе, сосуществовании, о дружбе между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом". Он говорил: „Мы открываем новую страницу в истории человечества" и не преминул отметить, что „мы, самые великие государства мира, должны сделать так, чтобы малые государства умерили свои чувства". Яснее не может быть: „Подавлять революции в мире, держать в узде народы, которые должны поступать так, как мы хотим и как мы им приказываем". И Никсон говорит эти слова в Кремле, где работал и боролся великий Ленин во главе большевиков, в Кремле, где кипела пролетарская революция.

Теперь в этом Кремле царствует контрреволюция, а Никсон с новыми керенскими, идя рука об руку, посещают могилу Ивана Грозного, всякую ветошь царей, погреба сокровищ Советского Союза. Мавзолей Ленина безмолвствует. Однако Ленин не умер. Ленинизм живет и здравствует. Он не сегодня-завтра сметет с пути и эту падаль, которая будет разбита и сокрушена пролетарской революцией. Предательство будет разгромлено.

В своей речи Подгорный с величайшим бесстыд-

ством буквально сказал: „Мы хотим ослабления напряженности в мире", т.е. ослабления революции, чтобы народы не поднимались на борьбу за свои права. Подгорный открыто призвал Соединенные Штаты Америки: „Предотвратить войну между нами, а остальное мы наладим, мы согласимся, договоримся". Яснее это значит деление зон влияния в мире между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Подгорный открыто признал, что „советско-американское сотрудничество до сих пор осуществлялось в интересах мира". Итак, борьба этих двух сверхдержав против отдельных народов не имеет значения, так как для них это обычная и необходимая вещь.

Гость же советских ревизионистов, Никсон, открыто угрожал народам атомной бомбой, заявив, что „Мы, великие державы, должны быть сдержанными в применении ядерного оружия, ибо дело может дойти до прямого удара". Это значит: „Вы, другие народы, будьте сдержанными в своих требованиях, слушайте нас, великие державы, возьмите нас в качестве судей, в качестве арбитров при решении своих дел и не чините нам препятствий, не давайте нашим планам прогореть, а то мы из тех, кто может устроить всемирный пожар". Вот, чем угрожают народам мира Никсон и советские контрреволюционеры.

„Наступает новый век", сказал Никсон относительно нынешней московской встречи. Это вызов, который мировой капитализм во главе с американским и советским империализмом бросает пролетариату, народам, революции. Народы, марксисты-ленинцы, революционеры будут бороться до полной победы над врагами.

В то время, как Никсон и Брежнев вкупе составляют заговоры в Москве, Китай совершенно умалчивает об этих проблемах, ведет политику полного молчания, тогда как вьетнамцы успешно продолжают наступление. Молодцы, вьетнамские герои!

ПОНЕДЕЛЬНИК
29 МАЯ 1972 г.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ МОСКОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ПОЗИЦИЯ КИТАЯ

Поездку в Москву Никсона, президента Соединенных Штатов Америки, нельзя считать маловажным и незначительным вопросом; нельзя считать, что переговоры, ведущиеся там между Брежневым и Никсоном, между американским империализмом и советским социал-империализмом, не имеют значения, напротив, они имеют большое значение. Весь мир, все народы, все правительства проявляют интерес и высказывают свое мнение о том, что происходит в Москве, об открытых и тайных планах и заговорах, которые составляются там обеими империалистическими сверхдержавами в ущерб народам мира, против их судеб и всеобщего мира. **Только Китай Мао Цзэдуна молчит! В своей печати и в своих радиопередачах Китай не сообщает даже о поездке Никсона в Москву, не говоря уже о других проблемах.**

Китай скрывает от своего народа тот факт, что гость, который был сердечно принят там три месяца назад, сегодня находится в Москве. Зачем он скрывает это от народа? Это одно из китайских чудес! **Игнорировать такое событие, о котором говорит и к которому определяет свое отношение весь мир, это, по меньшей мере, политическая нелепость. Занимать такую позицию, оправдывая ее тем, что „я Китай" и „я игнорирую вас" — это также вопиющее политическое вы-**

сокомерие, не знающее никаких границ. Это опять же великодержавная политическая нелепость, которая сегодня проявляется в этих формах и по таким проблемам, а завтра может проявляться и по другим проблемам. Народы задают законный вопрос: „Что думает это великое социалистическое государство, распространяющее по всему миру цитаты и идеи Мао Цзэдуна, об этих мировых событиях, связанных с деятельностью империалистов?". Китай молчит, или, вернее, китайская печать и радио с помпой и тамтамом отмечают тридцатилетнюю или сорокалетнюю годовщину какой-то статьи Мао о литературе и искусстве. После этого „литературного события", как будто им охота отвечать на договоры и соглашения, в серийном порядке подписанные в Кремле Никсоном и Брежневым, „Жэньминь жибао" помещает ребяческую передовицу, в которой советует мировой общественности изучать всемирную историю!

Не принимали ли китайцы перед Никсоном обязательство не критиковать американский империализм? Или же между ними заключены такие соглашения, ради реализации которых прекращается полемика? Все это вызывает подозрения. Между тем факты остаются фактами, Китай уже не стоит на прежних боевых и революционных позициях против империализма и особенно против американского империализма.

Накануне визита Никсона в Китай, а также во время этого визита, советские чего только не наговорили на Китай, как только не бранили его, как только не клеветали на него. Отвратительный скандал! **Китайцы умолкли, не вымолвили ни единого слова; нужно отметить, однако, что „конфиденциально" они сказали нам: „После отъезда Никсона, мы ответим советским как следует и даже резко".** Уехал Никсон, прошло много месяцев, прежде чем он поехал в Москву; он совершил всем известные

злодеяния во Вьетнаме, а китайцы и не писали и не говорили против советских. Снова молчание. И это тяжелое, смутное, сомнительное молчание продолжается. Это означает затухание полемики, затухание политической и идеологической борьбы.

Чем объяснить все это? Не пошли ли китайцы на тайные сделки с советскими относительно политики мирного сосуществования в его ревизионистском понимании? Или же они согласны с тем, что подписано в Москве Брежневым и Никсоном, и Китай, в условиях равенства, стремится войти в тот же хоровод? И такая возможность не исключена. Иначе никак нельзя объяснить это китайское молчание.

Все капиталистические государства мира, независимо от того, являются они или нет союзниками Соединенных Штатов Америки, очень обеспокоены советско-американским союзом, стремлениями совето-американцев к мировому господству, к делению между собой зон влияния. И все они так или иначе, открыто или полузамаскированно, выражают это беспокойство.

Совето-американцы открыто говорили и решали в Москве. „Мы, — говорили они другими словами, — **две атомные сверхдержавы, мы делаем войну, мы обеспечиваем мир, мы сохраняем созданный нами страшный атомный потенциал, мы решаем, что надо увеличивать и что надо уменьшать".** Это значит: **„Пусть весь мир содрогается перед нами и слушается нас, ибо мы делаем дождь и солнце".** Они продолжают: **„Другим народам не следует продавать оружие, а то они, естественно, доставляют нам хлопоты, восстают, делают революцию против нас, поэтому, и если произойдет подобное, нам, обеим сверхдержавам, надо умерить их пыл, несмотря на то, что мы обе против вмешательства во внутренние дела других народов; мы гарантируем им свободу, независимость и суверенитет".** Далее они снова продолжают: **„Нам следует вести боль-**

шую торговлю между нами; в отдельных районах нам следует вести малую торговлю с другими государствами и не вставлять палки в колеса друг другу; в странах этих районов нам следует сколачивать свои клики, привести их к власти и заботиться о том, чтобы укрепить их или свергнуть изнутри, если они не будут слушаться нас; конечно, мы должны делать это так, чтобы наше вмешательство не было слишком заметно; нам надо завладеть наукой, медициной, всем космосом".

Иными словами, они говорят: **„Нам надо стать хозяевами судеб народов, государств, овладеть их умами и чувствами; земля, небо и все остальное должны принадлежать нам, а крошки с нашего стола — другим". „Таким образом, — продолжают они, — мы осуществляем старую мечту капитализма, создаем своих баронов и рабов, а между ними стоят лакеи и *lansquenets**".**

Это и многое другое такого рода открыто, без обиняков, без капли стыда было сказано, решено и закреплено печатью в Кремле, где жили, работали и боролись Ленин и Сталин, сыны пролетариата и его вожди, самые верные ученики Маркса и Энгельса.

Но сколько других, еще более опасных для народов дел было решено в величайшей тайне царем Брежневым и фашистом Никсоном? Время раскроет все это, а жизнь докажет нашу правоту, ибо Албанская партия Труда — это та партия в мире, которая во всеуслышание поднимает свой голос и разоблачает предательство ревизионистов и советско-американские заговоры.

Китайцы всегда подчеркивают, что любой их политический шаг (отдающий оппортунизмом) предпринимается в целях использования и углубления противоречий. Так они говорили, когда начали свой медовый месяц с румынскими ревизионистами; так говорили,

---

* По-французски: продажные вояки.

когда заулыбались Тито, так заявили они, когда вели переговоры с испанцем Каррильо; так, наконец, говорили они, когда встретились с Никсоном. Однако, насколько они углубили эти противоречия? Кто выиграл, китайцы или другие? Конечно, китайцы проиграли. Противоречия между советскими и остальными ревизионистами существовали и существуют, тем не менее мы видим, что как Тито, так и Чаушеску, Герек или Гусак, больше смягчают, чем обостряют противоречия с Советским Союзом (так как боятся его). Это верно, а отсюда китайцы должны прийти и к заключению, что их так называемая помощь ничего не обостряла и что она никакой пользы не приносила ни революции, ни социализму.

Ну а противоречия между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, углубились ли они благодаря политике китайцев? Эти последние могут сказать что им угодно; противоречия существуют и будут существовать между обеими империалистическими сверхдержавами, однако поездка Никсона в Москву и то, что там было решено, привели к сравнительному смягчению, пусть это будет, если хотите, и в демагогических и пропагандистских целях.

Какую пользу принесло Китаю и социализму смягчение китайцами революционной борьбы? Никакой! Думаю, что от этого в проигрыше он и революция. Во Вьетнаме Китай вызвал к себе охлаждение и побудил вьетнамцев открыто предупредить его не обсуждать с Никсоном вьетнамский вопрос. Со своей стороны, вьетнамцы начали наступление и успешно продолжают его и теперь, когда Никсон уже завершил свой визит в Москву. Что это значит? Собственно говоря, это значит, что имеются только два пути: с одной стороны, революционный путь, с другой — путь „хрущевского мирного сосуществования". Последний путь не достоин для социалистического Китая.

Однако вся эта не реалистичная, не последовательно марксистско-ленинская политика китайских товарищей вызвала также заметное охлаждение и недоверие к ним со стороны революционных сил и коммунистических и рабочих (марксистско-ленинских) партий в мире. Раньше они говорили о Китае, гордились им, опирались на него и поддерживали его, причем преувеличенно выдавали себя даже за маоистские и т.д. Теперь они, в контактах с нами, совсем не упоминают о нем, и мы вынуждены сами чуть-чуть „раздувать" потухший огонь. Китай делает странные скачки и переживает странные моменты. Когда мы своей пропагандой боролись против ревизионизма и империализма, китайцы сидели под сурдинку. Затем они стали публиковать наши статьи, но сами не говорили. Позже, помимо опубликования наших статей, они начали и сами говорить. После этого они снова перестали говорить и продолжали публиковать наши статьи. Теперь же они и сами не говорят, и наших материалов не публикуют. Это говорит не просто о колебаниях, а о колебаниях вправо.

Несмотря на все эти факты, мы не перестаем надеяться, что Китай исправит эти позиции, ибо это будет отвечать высоким интересам революции и социализма. Мы будем вести в этом отношении настойчивую борьбу, занимая в области политики и идеологии твердые марксистско-ленинские позиции и укрепляя дружбу с Китаем по марксистско-ленинскому пути. Мы думаем, что, поступая таким образом, не идем на оппортунистические уступки в этом вопросе, а стараемся влиять в положительном направлении.

Однако одно ясно: „Новая стратегия и тактика" Чжоу и Мао в отношении Соединенных Штатов Америки отдались болью внутри Китая. Они вызвали реакцию, в связи с чем были приняты известные меры, которые никогда не были оглашены. Быть может, эти меры являются на их пути теми камнями, которые меша-

ют совершению поворота — исправлению ошибок. Со своей стороны они говорят, что „ошибки следует исправлять смело", но когда дело доходит до их исправления, не хватает смелости, потому что эти ошибки были совершены с болью и, если они будут исправлены, то это снова будет сделано с болью. Будь это так или иначе, марксизм-ленинизм учит, что ошибок надо избегать, а если они уже совершены, то их непременно и обязательно надо исправить.

ПЯТНИЦА
9 ИЮНЯ 1972 г.

КИТАЙЦЫ ПРЕКРАТИЛИ ПОЛЕМИКУ С АМЕРИКАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ И СОВЕТСКИМ РЕВИЗИОНИЗМОМ

Работники Министерства иностранных дел Китая говорят нашим товарищам в Пекине: „Независимо от того, что делают советские с американцами, какие планы и заговоры они составляют, мы будем продолжать свое дело". *Sibylline**! Что они делают? Совсем не говорят! Они полностью прекратили полемику как с Соединенными Штатами Америки, так и с советскими. Те также вовсе не говорят о Китае. Царит тишина, небесный мир! С неприятностями сопряжена эта обстановка!

Польские ревизионисты, стоящие у власти, ведут в отношении Китая двойную политику: открыто, в печати, безудержно бранят его, тогда как китайскому послу говорят хорошие слова, говорят, что хотят расширения отношений, причем польский посол в Пекине открыто критикует советских. Китайцы обращают внимание на второе, и не замечают первого, верят словам поляков о том, будто у них есть противоречия с советскими. Противоречия у них есть, конечно, но китайцы не должны доверять полякам, так как они стоят за разрыв с советскими, чтобы связаться с американцами.

---
* По-французски: загадочно.

ВТОРНИК
13 ИЮНЯ 1972 г.

ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ МЕЖДУ „КОММУНИСТАМИ" И ИМПЕРИАЛИСТАМИ

Наверняка советские и американцы подробно обсуждали в Москве вьетнамский вопрос в ущерб Вьетнаму. Эти свирепые империалисты хотят „выйти с честью" из этой войны, нажиться на крови, пролитой вьетнамским народом. Дело заключается во всестороннем давлении, которое обе стороны одновременно будут оказывать на вьетнамцев, с тем чтобы поставить их на колени. Американцы будут продолжать использовать оружие войны и террора, тогда как советские будут прибегать к демагогии, давлению и угрозам прекращения так называемой помощи Вьетнаму или будут выдумывать „затруднения", мешающие им оказывать эту помощь.

Конечно, все зависит от того, как будут вести себя вьетнамцы. До сих пор вьетнамцы воюют с американцами и сопротивляются советским. Теперь в Ханое, как и вьетнамские послы в зарубежных странах, открыто говорят о своем недовольстве к советским и осуждают их, чего раньше они не делали. По всей вероятности, в сложившейся обстановке оппортунистическое крыло в Ханое находится в трудном положении и в меньшинстве. Это нынешнее меньшинство вынуждено подчиняться правильным взглядам большинства, стоящего за борьбу до победы в соответствии с 7 пунктами. О Китае ничего не говорят, но твердую позицию, выз-

ванную поездкой Никсона в Пекин, уже смягчили.

15 числа текущего месяца сам Подгорный поедет в Ханой для переговоров. Конечно, он поедет туда, якобы для того, чтобы рассказать вьетнамцам о „героическом поведении советских" по отношению к Никсону, о том, что они „резко критиковали" американского президента и о том, что они не позволили себе „никакой уступки" в принципах не только относительно вьетнамской войны, но и относительно всех обсуждавшихся мировых проблем. Таково будет содержимое чемодана украинского коня, таков будет помет, которым он нагадит порог дома вьетнамцев. Попадут ли вьетнамцы на эту удочку — это уже другой вопрос. „Поклянувшись на всех языках", он приступит к давлению и шантажу в виде „мудрых советов", в виде объяснения так называемой „невозможности оказывать помощь ввиду сложившейся обстановки", „несогласия Китая дать разрешение на использование его территории для оказания этой помощи"и т.д. Подгорный непременно скажет вьетнамцам, что Соединенные Штаты Америки находятся, мол, в трудном положении и что Никсон подал заметные признаки того, что, „если вы сделаете ему небольшие уступки (настолько, чтобы спасти его честь), он уступит", и другую подобную болтовню.

Украинец Подгорный не преминет опорочить Китай в глазах вьетнамцев. Подгорный наверняка скажет им, что „Никсон питает чувства симпатии и уважения к китайским руководителям, что последние уже договорились с американцами о многих жизненных для Азии вопросах, что в Китае официально объявлено, что 19 июня в Пекин прибудет Киссинджер для продолжения переговоров, не законченных Никсоном с Чжоу Энь-лаем". Относительно всех этих будущих китайско-американских переговоров вьетнамцам будет преподнесена Подгорным гора клеветы. Попадут ли вьетнамцы или нет на эту удочку, это уже другой вопрос, как яв-

ляется другим важным вопросом, конечно, и вопрос о поездке Киссинджера в Пекин в третий раз.

Сердечные китайско-американские переговоры продолжаются в Пекине в условиях большой таинственности. Хранится неприступное молчание перед всеми, в том числе и перед друзьями. В отношениях между „коммунистами" и империалистами введена в силу тайная дипломатия. „Мир, даже и друзья, ничего не должны знать о том, о чем мы ведем переговоры и решаем, а то, чего доброго, они могут испортить нам обедню". Это значит: „Тесно сотрудничаем под полой, а для других запускаем несколько разноцветных фейерверков, возможно с самыми ярко-красными цветами для развлечения простой публики".

ПЯТНИЦА
16 ИЮНЯ 1972 г.

К ЧЕМУ ВСЕ ЭТИ ПОВТОРНЫЕ БЛАГОДАРНОСТИ?

Товарищ Нести Насе сообщил мне, что китайское посольство, от имени Министерства иностранных дел Китая, официально принесло (неизвестно который раз) пламенную благодарность за большую помощь, оказанную Китаю в принятии его в ООН и в другие международные организации и отметило имеющийся у нас большой опыт, как и помощь и тесное сотрудничество, которые должны быть свойственны нашим взаимоотношениям и т.д. и т.п.

Я ставлю вопрос: К чему все эти повторные благодарности и похвалы? Посмотрим, где собака зарыта!

СРЕДА
21 ИЮНЯ 1972 г.

„ХОРОШАЯ" КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ СДЕЛКА

Вот уже три дня как немец-американец Генри Киссинджер, главный советник фашиста Никсона, находится в Пекине. О его поездке в Китай Пекином и Вашингтоном было дано краткое сообщение. В этом сообщении говорилось что „будут обсуждены вопросы, интересующие обе страны". Красивая формула, которая, другими словами, означает: „Другим незачем интересоваться и беспокоиться о том, о чем мы будем вести переговоры; обсуждаемые нами вопросы — совершенно Haine внутреннее дело, и другим не следует интересоваться нашими внутренними делами". **Ну и „хорошая" китайско-американская сделка! И переговоры продолжаются в самой большой тайне между „ангелом" Киссинджером и Чжоу Энь-лаем, а, быть может, кто знает, поскольку дела секретны, с участием также Мао.**

Зачем обращаться по протоколу с „друзьями". Можно применять самые различные протоколы: с албанцами, о которых китайцы говорят, что они их „закадычные друзья", применяют протокол полного игнорирования. Нас они не осведомляли о том, что Киссинджер поедет в Пекин, не говоря уже о том, какие вопросы будут обсуждены. Мы узнали об этом из печати. **Тайная дипломатия в действии и у советских, и у китайцев, и у американцев. Полная солидарность всех трех по этому вопросу. Пусть другие не мешают им, бедняжкам, они ведь нуждаются в покое в своей ра-**

боте. А работают они на благо мира и народов ничего себе!!

Даже и от журналистов Запада, которые столь любопытны и больны, ничего не слышно. Им заткнули рот. И это, конечно, делают „в интересах всеобщего небесного мира".

Как плохо, что Китай попадается в эти грязные ловушки! **Капиталистическая Америка стала петухом дипломатии между Советским Союзом и Китаем.** Она диктует им политику и путь! Как плохо, как плохо! До каких пор народы будут терпеть эти сделки, совершаемые в ущерб их интересам?!

ВОСКРЕСЕНЬЕ
25 ИЮНЯ 1972 г.

ПОДГОРНЫЙ В ХАНОЕ, КИССИНДЖЕР В ПЕКИНЕ

Вчера мы устроили ужин в честь Сианука. Он отзывался очень хорошо и об Албании, и о своей политической и боевой позиции в отношении американских агрессоров. За едой мы продолжали политические беседы о нынешних международных проблемах, о Китае, Вьетнаме и Лаосе. Говорили также о культуре и искусстве в Камбодже и в Албании. Сиануку понравились албанские песни и танцы, которые исполнили наши артисты на этом ужине.

Поездка синхронизирована американской дипломатией. Вьетнамский вопрос — узловой вопрос, подлежащий решению, конечно, в пользу Соединенных Штатов Америки и в ущерб Вьетнаму.

Оба паломника, отправившиеся один из Москвы, а другой из Вашингтона, согласовали свои роли: советские придерживаются тезиса о том, что „вьетнамцев подстрекает к войне Китай", а американцы продолжают на иной лад: „вьетнамцев подстрекает к войне Советский Союз". Эти два тезиса сводятся к одному — стремятся доказать, что „вьетнамцы борются за пустяки". Итак, по мнению этих бандитов, вьетнамцы понапрасну погибают и испепеляются, они ничего не добились и ничего не добьются, у них один единственный выход: „Договориться с американцами, приняв американские условия".

Ради этой лжи и чтобы оказывать давление и шантаж на вьетнамцев, из Москвы без шума, как разбойник, отправился в Ханой Подгорный. Ничего не было сообщено в советской печати о поездке Председателя Верховного Совета Советского Союза, а Ханой встретил и в то же время полностью игнорировал его.

Советские ревизионистские обманщики до поездки Никсона в Москву обещали вьетнамцам передать им современные ракеты дальнего радиуса действия. Однако, по прибытии Никсона и, конечно, по договоренности с ним, они приостановили поставку не только ракет, но и других обещанных военных материалов А причина нашлась: минирование вьетнамских портов американцами. **„Как же могли советы пытаться прорвать блокаду? Это означало бы подвергаться обстрелу со стороны американцев, это было бы пламя ядерной войны!", „Товарищи*, вы сошли с ума, что ли?! Не хотите ли вы, чтобы мы, осердясь на блох, бросили шубу в печь? А мировая революция, а социализм, а коммунизм, который мы строим в Советском Союзе?!!".** Все это, конечно, надо правильно понимать. Ревизионисты рассуждают так: **„Мы не можем жертвовать дружбой с американским империализмом, ведь мы договорились с ним жить в мире и дружбе, мы разделили сферы влияния и защищаем их своими бомбами,** которые у нас в огромных количествах и которые мы можем легко сбрасывать на третьих в случае, если бы они восстали и не послушались нас. От американских бомб сегодня погибают вьетнамцы, и поделом им, мы молчим. Завтра от наших, советских, бомб будет погибать какой-нибудь другой народ, и Соединенные Штаты Америки будут молчать. Между друзьями такое поведение является чем-то естественным".

---
* По-русски в тексте.

Итак, после поездки Никсона в Кремль ракеты были сняты со списка, а после возвращения Подгорного из Ханоя ракеты превратились в 5 пушек и 5 грузовиков для их буксировки! Да и те, когда придут!

Вьетнамцы отказались принять предложения Подгорного, ибо они были американскими предложениями, сопровождаемыми советскими угрозами и шантажом. Они настаивали на своих 7 пунктах. Либо война до конца, до победы, либо принятие американцами 7 вьетнамских пунктов. Это было тяжелой пощечиной для Подгорного, который покинул Ханой „поджавши хвост". До тех пор, пока советский паломник, „специальный посланник американцев в Ханое", вел переговоры с вьетнамцами, Никсон не бомбардировал Ханоя, но, как только его друг уехал обратно, он возобновил бомбардировки, причем еще более варварски.

Киссинджер же пел в Пекине ту же песню, но „на подходящий китайский лад". Мы представляем себе этот „лад", однако китайцы, просто приличия ради, поставили, дескать, нас в известность „в общих чертах" через нашего посла в Пекине посредством некоего У Чжана, заместителя министра иностранных дел, который сказал ему, что „подробно не осведомлен о переговорах с Киссинджером". Это, конечно, неправда, но даже если это было так, пусть он полностью осведомится, а затем информирует нас, раз он решил проинформировать нас.

Однако что сказал У Чжан? Он сказал, что Никсон через Киссинджера заверил китайцев в том, что в Москве не было принято никаких решений, направленных против Китая, что Никсон отверг все враждебные Китаю инсинуации советских. Иными словами, выходит, что **американец заступился за Китай перед советскими! Итак, советские — плохие, тогда как американцы, оказывается, друзья Китая! Ну и времена наступили!** Поэтому, по словам У Чжана, Киссинджер вы-

сказался за то, чтобы в Китай приезжало как можно больше американцев и чтобы они развивали торговлю. Китайцы ответили им: „Мы будем принимать американцев в Китай, однако будем выбирать их сами, будем принимать того, кого хотим мы (китайцы)"!

Относительно Вьетнама У Чжан сказал, что Киссинджер в прошлом якобы говорил им, что американцы хотят как можно скорее закончить войну, но вьетнамцы люди „упрямые". И китайцы ознакомили Киссинджера со своим „известным" тезисом о том, что вьетнамский вопрос должен быть решен на переговорах в Париже.

Вот это и была беседа У Чжана! Дрянь!!

**ДУРРЕС, СУББОТА
22 ИЮЛЯ 1972 г.**

„ЗАГОВОР ЛИНЬ БЯО"

Наконец-то, почти 11 месяцев спустя, китайские товарищи, через нашего посла в Пекине, а также через китайского посла в Тиране, некоторым образом официально поставили нас в известность об „ультралевых", или о „заговоре Линь Бяо".

Китайские товарищи приблизительно сказали нам следующее:

Теперь мы (китайцы) говорим, что ультралевые полностью разоблачены, и главным, их корнем, был Линь Бяо. Он поднимал знамя председателя Мао против председателя Мао. В ходе Культурной революции он выработал левообразную, но в сущности правую линию, нацеленную на свержение диктатуры пролетариата и реставрацию капитализма в Китае. Те же цели преследовал и Лю, однако он, видимо, прибрал к рукам партию и реставрировал капитализм (этот образ действия китайские товарищи называют правым!), а Линь Бяо, через Культурную революцию, замышлял захват власти и установление капитализма (этот образ действия китайские товарищи называют ультралевым).

Линь Бяо, — сказали китайские товарищи, — был типичным двурушником. Он еще раньше, во время Ван Мина, поддерживал этого последнего, но тогда он был молод. Его поступок в то время был расценен как ошибка по незрелости. Затем он примкнул к Мао, принял участие в великом походе, сделал и хорошие

дела, но в ходе работы допускал ошибки, которые он исправил. Линь Бяо был против Корейской войны и против направления туда китайских добровольцев. Внешне он признавал свои ошибки, но, с другой стороны, подрывал все, что было в интересах партии. Когда председатель Мао развернул Культурную революцию, он понес знамя председателя Мао, но фактически работал на себя.

Они сказали нам также: Председатель Мао не одобрял оценок и похвал Линя в адрес идей Мао и его дела. Все те похвалы, которые превозносили Мао до небес, были антимарксистскими, ибо они ставили его над марксизмом-ленинизмом, ибо китайские солдаты и офицеры вешали на шею значки с портретом Мао и каждое утро преклонялись перед портретом Мао и перед этим же портретом делали самокритику (точно перед иконами Христа).

Мы, албанцы, все это осуждали как идеалистскую и антимарксистскую чушь, когда узнавали о нем, а китайское руководство допускало все это и даже стремилось навязать его и зарубежным странам. Мы не только никогда не одобряли этих действий, но и еще при первых проявлениях Культурной революции с отвращением осудили их.

Оценки: „идеи Мао являются вершиной марксизма-ленинизма" или: „Мао является самым великим марксистом-ленинцем наших дней" и т.д., которые делал Линь Бяо (а другие принимали это за чистую монету), были идеалистическими. Китайцы сказали нам, что Мао якобы давно критиковал его за это, и Линь Бяо принял критику, а на деле он продолжал прикидываться самым что ни на есть пламенным и верным сторонником Мао.

На деле, он трижды замышлял убийство Мао, — говорят китайцы, — но нам они говорили только об одном случае, о том, что сын Линь Бяо, заместитель

командующего авиацией, сколотил группу из 100 человек, с помощью которых он должен был убить Мао и Чжоу Энь-лая, захватить резиденцию Центрального Комитета и ниспровергнуть власть диктатуры пролетариата.

Линь Бяо обвиняют в том, что в период Культурной революции он подбивал вражеские элементы вредить партии и разжечь борьбу внутри армии. Он сколотил вокруг себя верную ему группу, участники которой льстили ему с целью поднять его фигуру.

Китайские товарищи сказали, что Мао с самого начала раскусил слова Линя, но не его коварных деяний. Эти его заговорщицкие деяния всплывали на поверхность мало-помалу, особенно после IX съезда Коммунистической партии Китая. Как известно, на этом съезде было принято решение назначить Линь Бяо преемником председателя Мао. (И этот факт, как и все другие ему подобные, мы, албанцы, давно осудили.) Боясь того, что может упустить эстафету, так как Мао Цзэдун был крепок здоровьем, Линь Бяо устроил „заговор в целях скорейшего захвата власти".

Линь Бяо, — сказали нам китайцы, — чуял, что Мао раскусит это, поэтому на II пленуме ЦК 1970 года он сколотил свою группу для совершения государственного переворота. В это время советские устроили провокацию на Уссури и продвинули к монгольско-китайским границам трехсоттысячную армию. Стало быть, это были согласованные действия. Участником этой группы был и Чэнь Бо-да, но Мао раскрыл его и сдержал заговор. Чэнь Бо-да был разоблачен (об этом говорили нам сами китайские товарищи). Против Линь Бяо ничего не было предпринято. Говорят, что Мао позаботился о том, чтобы спасти Линя. Однако из данных явствует, что он не был обнаружен, но был раскритикован за некоторые ошибки, и он продолжал собирать своих людей для поднятия вооруженного бунта.

Когда заговор был раскрыт, утром 13 сентября 1971 года, он сбежал на самолете в направлении Советского Союза, но самолет был сбит в Монголии и сгорел. Дочь Линь Бяо, за 5 часов до взлета самолета, сообщила Чжоу Энь-лаю, что отец ее собирается сбежать. Мао, оказывается, сказал: „Пускай сбежит!". Заговорщик Хуан Юн-шэн, с целью замести следы, предложил сбить самолет ракетами, но Мао помешал этому, ибо их обвиняли бы в его убийстве, а фактов для предъявления обвинения у них не было. На борту самолета без штурмана и без радиста были Линь Бяо, его жена и сын, летчик, как и некоторые другие незначительные лица — всего человек восемь или девять.

Итак, по словам китайских товарищей, как только заговор был раскрыт, Линь Бяо попытался сбежать в Советский Союз и, таким образом, разоблачил самого себя. Самолет сгорел на земле, так как у него не хватало горючего. „Было доказано, что ультралевое течение было сколочено и возбуждено Линь Бяо, что им же были выдвинуты и лозунги о свержении Чжоу Энь-лая, Чэнь И, Е Цзянь-ин".

„Значит, с разоблачением Лю Шао-ци, Линь Бяо и других заговорщиков Культурной революцией, — сказали китайские товарищи, — партия была очищена, она стала еще сильнее, еще выше поднялась ее сознательность в борьбе между двумя линиями и в классовой борьбе".

В группу, верную Линь Бяо, входили Хуан Юн-шэн, Ли Хуо-фэн, У Фа-сянь, Цзин Гуй-то, которые уже арестованы. Китайцы сказали нам, что „этот вопрос мы не предавали гласности; относительно других ждем, что скажут советские". (Советские, само собой разумеется, ничего не скажут, ибо они не хотят скомпрометировать себя, но в то же время и Линь Бяо не хотят скомпрометировать. Китайцы, если хотят, могут долго ждать.) „В нашей же стране, — сказали нам

китайские товарищи, — это известно всем и у всех эти вопросы ясны. За рубежом мы ничего не говорили. В нашей партии 10 раз складывались опасные ситуации борьбы между двумя линиями, но последняя была самая опасная и самая серьезная. Ультралевое течение уже разоблачено окончательно. Культурная революция затянулась из-за подрывной деятельности Линь Бяо", — продолжают они и добавляют, что „Организация номер 516 была названа контрреволюционной, ибо 16 мая 1966 года Центральный Комитет выпустил составленный Мао документ о Культурной революции, представлявший собой призыв к свержению Лю Шао-ци. Линь Бяо, помимо свержения Лю, направил стрелы и против Центрального Комитета с целью свержения его и захвата власти". В ходе Культурной революции, — сказали китайские товарищи, — имели место даже им не понятные явления. Указания Мао не проводились в жизнь, так как Организация номер 516 была контрреволюционной организацией. Документ от 16 мая 1966 года был проработан в партии, а 16 мая 1967 года он был опубликован для широкой публики, с тем чтобы массы могли основательно изучать его (через год?!).

Китайские товарищи сказали, что Линь Бяо разоблачался мало-помалу, ибо он работал за кулисами. „У нас имело место много подрывных действий во взаимоотношениях с зарубежными странами; в Министерстве иностранных дел также были такие группы, которые руководствовались идеями Организации номер 516. Не только мы, но и Мао Цзэдун, — сказали китайские товарищи, — разгадали намерения Линь Бяо, однако мы не могли думать, что он устроит явный заговор. Линь говорил мало, но орудовал втайне".

„Доклад IX съезду Линь Бяо зачитал, только и всего". (Чудеса! Заместитель председателя партии оказался патефонной пластинкой!)

Вот и вся история заговора Линь Бяо, которую ки-

тайские товарищи с трудом рассказали нам почти через год. А что тайного и таинственного было здесь, чтобы не сообщать нашей партии, которую они считают очень близкой, хотя бы основные факты происшествия, а об остальном сообщить ей позднее, после анализа дела? Ну ладно, это дело прошлое, как и остальные. У нас нет причин не верить этой версии, сообщаемой китайскими товарищами. Мы находим возможным происшествие подобного и даже организацию более опасных заговоров, которые могут обернуться катастрофой для диктатуры пролетариата и социализма. **Это может случиться, если будет утрачена революционная бдительность, если партия выбьется из колеи марксизма-ленинизма, если она воспитывается не в духе материалистической диалектики и исторического материализма, а в идеалистическом духе культа личности.**

„Заговор Линь Бяо" был действительно опасным и еще более страшным тем, что он, как явствует из рассказываний китайских товарищей, „был тесно связан с советскими". Линь, значит, „был их агентом, как и его жена и его сообщники".

Но опять возникают вопросы: каким это образом дали Линь Бяо натворить всех этих вещей?! Как это возможно, что человек, допускавший ошибки, пришел в руководство партии и его накачали так много?! Каким это образом они допустили, чтобы Чэнь Бо-да, о котором они говорили и нам, что за человек он был, возглавил Культурную революцию?! Почему не были предотвращены своевременно „все те крупные ошибки", которые были совершены в ходе Культурной революции?! Говорят, что их не понимали! Но ведь они были „вопиющими", их понимали мы издалека, не зная многих вещей и не будучи в курсе издававшихся директив, как же это может быть, чтобы их не понимали они?!

Это факт, что Коммунистическая партия Китая не была „во всеоружии", она, и если не была ликвидирована, была парализована, и директивы Мао, — говорят китайские товарищи, — не проводились в жизнь. Кому было проводить их? Заговорщикам, что ли? Понятно, они не могли проводить их, наоборот, их дело — сорвать их выполнение. Если китайские товарищи не доведут до конца анализ всего этого, чтобы раскрыть истинные причины и найти истинное марксистско-ленинское лекарство, **то в Китае ничего путного не будет, там произойдут другие, еще более серьезные вещи.** Китайцы говорят, что подобных происшествий у них случилось 10 раз. Это значит, что подобные происшествия там стали уже традицией, линией. Это может быть, ведь страна большая, партия большая! Но беда в том, что из всех этих зол китайские товарищи не извлекали нужных уроков. В руководстве группы, сменяющие одна другую, ссорятся, сталкиваются, низвергают друг друга. **Как только низвергается одна, встает вторая, низвергается и она, — встает третья. В партии делаются объяснения, только Мао стоит флагом. Все борются под флагом Мао, однако этот его флаг не сливается воедино с флагом партии, чтобы последний развевался вовсю. Против идеализма можно бороться на словах, однако культ Мао не что иное как идеализм. Он, вместо того чтобы укрепить партию, сделать ее самодеятельной, направляющей силой, сковывает ее отводит ей роль автомата. Решения принимаются только тогда, когда Мао говорит свое слово, но как он скажет это слово — это зависит от тех, кто ему преподносит дело.**

По-видимому, насколько мы можем судить по имеющимся данным, Мао и другие китайские товарищи думали, что Великая пролетарская культурная революция должна была кончиться за год, без шума и треска. Клика Лю Шао-ци, основательно прибравшая к рукам

бразды правления (сам Мао сказал нашим товарищам, что „не знаем кто кого"), сдалась бы сразу, без сопротивления. Странное понятие о революции и классовой борьбе!!

Враг захватывает у тебя власть и уже устанавливает капитализм, а ты думаешь, что сможешь уничтожить его, исключая любой метод насилия. **Когда происходят подобные вещи, а они вполне возможны, их авторов ты называешь „ультралевыми", независимо от того, кто был Линь Бяо. Но ведь революцией руководил Мао, и в штабе революции были и Чжоу Энь-лай, Кан Шэн, Цзян Цин и другие. Они-то что делали?** Одобряли ли они происходящее или нет? Если нет, то почему они не пресекали его? Если же они не могли его пресечь, так как Линь был полновластным, то нельзя говорить „мы не сумели раскусить уловку Линь Бяо". Раскусить уловку Линь Бяо под конец, когда его дочь взяла и сказала, что ее отец собирается сбежать — это большая, идеологическая и политическая, слепота.

Дальше. Не срывать бегство Линь Бяо, значит иметь странное представление о классовом враге, о классовой борьбе. Это свидетельствует об идее великодержавной надменности: „Пусть бежит этот враг, будь это и Линь Бяо; он будет изобличен". Что он будет изобличен, это верно, однако думать, что он вам нипочем — это уже неправильно.

Китайские товарищи изображают Линь Бяо очень „хитрым", однако своим заговором и предательством он совсем не показал себя хитрым. Его планы убийства Мао и Чжоу Энь-лая не так уж хитросплетенные, наоборот, они глупые: государственный переворот с участием 100 человек — как в Латинской Америке.

Линь Бяо, по китайским данным, оказывается заурядным агентом советских, которые припирают его к стенке и говорят: Действуй любой ценой, убей Мао, зах-

вати власть, а то „Китай сошелся с Соединенными Штатами Америки". Однако инцидент на Уссури произошел до поездки Никсона в Пекин, о которой китайские товарищи не говорят нам ни слова. **Одобрял ли Линь Бяо переговоры с Киссинджером и принятые решения? Об этом они умалчивают, не говорят ни слова. Почему?!** Не потому ли они не говорят нам о них, что и мы выступали против поездки Никсона в Пекин? Да, мы выступали и выступаем против поездки Никсона в Пекин, но по совершенно другим причинам. Занимая подобную позицию, мы руководствуемся правильными целями и принципами. Если они ничего не говорят нам в связи с этой проблемой, чтобы не обидеть нас, так как полагают, что якобы в этом вопросе мы, мол, сходимся с советскими и с Линь Бяо, то нам наплевать на них! В этом случае они, советские и Линь Бяо, стоят на ревизионистских, ультраправых позициях, они состоят в сговоре с американским империализмом и ссорятся друг с другом в попытках завоевать сильного империалистического партнера. **Итак, этого столь важного пункта китайские товарищи не разъяснили нам. Однако это нас не удивляет, ибо это и не первый и не последний раз.**

Политика распахивания дверей перед Соединенными Штатами Америки, теми формами и способами, которыми она проводилась китайцами, ознаменовала собой резкий поворот. Не может быть, чтобы Линь Бяо не имел и не выражал своего мнения об этой политике. Он высказал свое мнение. **Линь Бяо, по крайней мере, насколько мы официально знаем, был до конца и против советских, и против американцев. На этих же позициях стоял и Кан Шэн; неужели он тоже был заговорщиком? Или же он был ультралевым и слепцом, не видевшим, что творилось вокруг него? В объяснениях, которые давали нам китайские товарищи, все это покрыто мраком неизвестности.**

Другим вопросом, опять-таки заволоченным для

нас туманом, является попытка Линь Бяо сбежать на самолете. Вроде слишком необдуманный, совершенно неорганизованный вылет! Как это могло быть, чтобы Линь Бяо, министр обороны Китая, заместитель председателя партии, в отношении которого „нет фактов", не знал, что дочь своя донесла на него за пять часов до его бегства?! Как это может быть, чтобы „тайный человек советских", как его называли, который доверил полет своему сыну-заговорщику, к тому же заместителю командующего военно-воздушными силами Китая, выбрал самолет без экипажа, без достаточного горючего, без радиостанции, и сбился в Монголии, где сгорел словно детская игрушка?! **Подобные действия не похожи, по крайней мере, на действия заговорщиков-путчистов, которые, как нам говорили, намеревались убить Мао, Чжоу Энь-лая и прибрать все к своим рукам с помощью сотни человек. Как-то странными кажутся это необдуманное бегство Линь Бяо и тот факт, что его главные сообщники и шишки остались, совершенно не тронулись с места. Чудеса!! Впрочем такие чудеса бывают в Китае, так что и на этот раз удивляться нечему. Ушла тысяча — пусть уйдет и сотня!**

И тем не менее имеются некоторые удивительные странности, которые наводят на раздумье. Теперь даже сами китайцы чего только не говорят о Линь Бяо. Видимо, в Китае все осведомлены об этом. И наши специалисты, бывающие в Китае, ставятся в известность принимающими их организациями. Сущность одна и та же, но фиоритуры меняются. Чего только не говорят теперь о прошлом Линь Бяо!! В связи с этим еще более остро и ребром ставится вопрос: как это могло быть, чтобы этому человеку удалось дослужиться до столь высоких постов? **Но говорят, что Мао знал о его ошибках, критиковал его и хотел наставить его на путь истинный!! Неужели для того чтобы исправить этого человека надо было сделать его заместителем председа-**

теля партии и министром обороны?!! Это никуда не годится!

Теперь китайцы говорят, что „он сбежал так спешно, что забыл захватить с собой фуражку, и в самолет ему не удалось сесть через лестницу, так что он вскарабкался в него, помогаемый изнутри"!! Конечно, тот факт, что Линь Бяо сбежал так спешно, „опасаясь того, как бы его не поймали", приводится в качестве аргумента для последующего обоснования версии о том, что в самолете не было достаточного горючего. Спешкой объясняется также то, почему в самолете не было радиста и штурмана!! Трудно принимать за истину подобные вещи! „Линь Бяо сбежал, — говорят, — ибо догадался, что заговор раскрыт, поскольку был разоблачен Чэнь Бо-да". Однако „бегство" его произошло много месяцев спустя после разоблачения Чэнь Бо-да, так что Линь Бяо имел возможность „сбежать" не один, а двадцать раз.

С другой стороны, как это возможно, чтобы у заместителя председателя партии и министра обороны столь огромной страны, как Китай, у „столь опасного заговорщика" не хватало хладнокровия до такой степени, что он забыл фуражку, что у него не оказалось лестницы, чтобы сесть в самолет, что в самолете не оказалось достаточного для полета горючего? Кроме этого, как же этот „опасный заговорщик" сбежал, бросив остальных заговорщиков, своих товарищей, подведя их? Разве у этих последних не было возможности сесть в самолет в других пунктах и удрать? Было, конечно. Почему не сделали и они то же самое, а сделал это только Линь Бяо?

А другая версия: Не заставили ли они Линь Бяо сбежать и уничтожили его в пути? Камикадзе!

Возьмем версию, согласно которой Линь Бяо высказался против проводившейся линии, не знаем, в каких направлениях, но, предположим — в политике, которая

стала проводиться в отношении Соединенных Штатов Америки. Его противники назвали его просоветским и опасным элементом. Тогда было решено ликвидировать его. Фактов, подтверждавших существование заговора, у них не было, но они выдумали их, и, таким образом, против него был составлен заговор. Он срочно был вызван в Пекин, сел в самолет и, увидев, что он не приземляется в Пекин, спросил: куда летим? А когда позже увидел, что они находились в Монголии, он и его люди вынули пистолеты и покончили с собой. Что произошло внутри самолета? „Самолет упал, сгорел". Ничего не стало известно.

Какая-то канадская газета сообщала, что „Киссинджер сказал канадскому премьеру, что экспертизой было доказано, что в каркасе самолета обнаружены пробоины". Верно ли это? Говорят ли правду советские, или же они врут? Может быть, они правду говорят, но может быть и так, что они врут. Ключ к этой тайне у советских! Впрочем им выгодна такая версия, делающая более правдоподобным наше вышеприведенное предположение. Ставится вопрос: Почему? Почему стреляли в самолете?! Кто стрелял и почему?! Только Линь Бяо, что ли, стрелял?! Даже если принять эту версию, получается, что он стрелял потому, что он увидел, что его увозят за пределы Китая, в Монголию (а не в Советский Союз, как утверждают китайцы) против его воли.

Все это — предположенные версии, вызванные неясностью фактов, приводимых самими китайцами. Официально мы принимаем все то, что говорят китайцы, однако время все выяснит.

ДУРРЕС, ВОСКРЕСЕНЬЕ
30 ИЮЛЯ 1972 г.

ДВА ДАННЫХ О ЛИНЬ БЯО

Все китайские послы, где бы они ни находились, устраивают встречи с нашими послами и информируют их об измене Линь Бяо. Это та же версия, которая сообщена нам и официально. Имеется один единственный нюанс в сообщении поверенного в делах китайского посольства в Чили, который сказал нашему послу там, что „друзья Мао убили Линь Бяо, и самолет был сбит в Монголии". Китайцы впервые сообщают нам такое дело, а это совпадает с сообщением какой-то канадской газеты, которая пишет, что Киссинджер, находясь в Канаде в этом году, якобы сказал канадскому премьеру, что в каркасе сгоревшего китайского самолета, упавшего в Монголии, обнаружены пробоины от выстрелов внутри самолета. Это, по их мнению, означает, что в самолете имело место вооруженное столкновение.

Основывается ли поверенный в делах китайского посольства в Чили на этом данном и делает вывод из него, или же это сообщено ему из центра? Это неизвестно. Другие китайские послы этого не говорят.

ПЯТНИЦА
1 СЕНТЯБРЯ 1972 г.

ВИЗИТ ОДНОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КИТАЯ В ТИРАНУ

Заместитель министра иностранных дел, Цяо Гуан-хуа, по приглашению нашего Министерства иностранных дел, прибыл в Албанию с деловым визитом, и мы вместе, как союзники, будем обсуждать вопросы предстоящей сессии ООН. По пути к нам он заехал в Румынию. Там он имел переговоры с Манеску. **В беседе с нашими товарищами он сказал, что „там он не остался довольным переговорами", и обругал Манеску, обозвав его негодяем; он сказал, что „Румыния проводит политику, свойственную капиталистическому государству", что там его товарищи голодали, и что он предложит Чжоу Энь-лаю, чтобы „самолет, совершающий рейс из Пекина, вылетал из Афин прямо в Тирану, минуя Бухарест" и т.п.**

Цяо Гуан-хуа пробыл в Тиране два дня, не больше, и попросил, чтобы ничего не было сообщено в печати. Почему? Причин он не приводил. Но, в действительности, по словам наших товарищей, он очень любил хвастаться. Впрочем это не важно, просто мелочи. Он имел переговоры с товарищем Нести, с товарищами Реизом и Чено, затем он был принят и товарищем Мехметом.

Цяо Гуан-хуа приехал к нам под предлогом нашего приглашения обсуждать проблемы ООН и обмениваться мнениями о „международном прогнозе". Одна-

ко, на деле, настоящая цель его визита заключалась в том, чтобы загадочно „ввести нас в курс" дела Линь Бяо и „правильной тактики" нынешней китайской политики на международной арене. Как перед товарищами из Министерства иностранных дел, так и перед товарищем Мехметом, в особенности, Цяо Гуан-хуа предстал как человек, которому „Чжоу Энь-лай особо поручил по-товарищески и открыто поговорить с албанскими товарищами руководителями о волнующих нас проблемах". По всей видимости, он рассчитывал, что его приму и я, но это не было реализовано, так как я находился в Корче, а он пробыл у нас два дня, не больше.

Во время беседы с Мехметом (я прочел в Корче запись встречи) **Цяо Гуан-хуа сказал пару слов о Линь Бяо, который „был негодяем, заговорщиком, сбежавшим в Советский Союз на самолете, который упал и сгорел поблизости Улан-Батора. Линь Бяо сперва думал сбежать в Гонконг, но потом взял курс на Монголию".** Вот и все, что он сказал о Линь Бяо — ни больше ни меньше! Будто валяют дурака с нами! И это, по их мнению, наверняка считается „официальным введением в курс Албанской партии Труда"!

Другая его цель, как явствует из его беседы, заключалась в том, чтобы убедить нас в том, что применяемые Китаем тактические приемы как касательно переговоров с американцами, так и касательно их позиций в отношении ревизионистов и реакции, являются правильными, принципиальными, ленинскими. Итак, принципы не нарушаются, противоречия между врагами используются, вот именно на это и нацелены возможные компромиссы.

Китайский товарищ постарался все это противопоставить нашей линии, дав понять, что по этим вопросам (если такие имеются) между нами могут быть два взгляда, а по всем остальным мы согласны. Другими

словами, он хотел сказать, что „Вы (албанцы) в тактических вопросах выступаете против компромиссов, рекомендуемых Лениным и Сталиным, ибо вы не понимаете существующих между врагами противоречий и не стремитесь углубить их. Значит, вы — сектанты и левые, если не ультралевые"!

Конечно, эти инсинуации Цяо Гуан-хуа совершенно беспочвенные и провокационные. Китайский товарищ считал, что, даже совершенно не упоминая нашего письма их Центральному Комитету по поводу поездки Никсона в Пекин, своими словами он официально отвечал на это письмо и, конечно, отвергал его ...

Наши положения подтверждают, что мы, как всегда, не являемся ни сектантами, ни правыми, ни левыми, а являемся принципиальными, боремся на обоих фронтах — и против империализма, и против ревизионизма, боремся за углубление противоречий и заключаем компромиссы с теми государствами, в то время и при тех конъюнктурах, которые мы находим благоприятными для себя, но этого никогда не делаем относительно принципиальных и идеологических вопросов.

Мы не были против того, чтобы Китай вел переговоры с Соединенными Штатами Америки, но эти переговоры должны были вестись в условиях равенства: во-первых, надо было признать Китайскую Народную Республику единственным законным государством, установить дипломатические отношения с ним и разрешить тайваньский вопрос.

Во-вторых, обстановка не была подходящей для приема Никсона, ибо он и Соединенные Штаты Америки совершают агрессию во Вьетнаме и в других странах, и еще потому, что этот визит укрепил бы позиции Никсона накануне выборов. Никсон, со своей стороны, не намеревался делать Китаю какую-нибудь уступку, и фактически не сделал ни одной.

Сближение с Соединенными Штатами Америки

сбило с толку мировую общественность относительно Китая и поставило Китай почти на одну доску с Советским Союзом касательно мирного урегулирования мировых проблем и относительно революции, и в то же время злобно настроило Советский Союз в отношении Китая, как соперника, сходящегося с Соединенными Штатами Америки.

Китайцы отстаивают положение о том, что Советский Союз нападет на них, так как он сосредоточил 1 миллион солдат на границе с Китаем. Все может быть, но мы отстаиваем положение о том, что в настоящее время Советский Союз боится мировой войны и не развяжет ее. На Китай он оказывает давление по многим вопросам еще и потому, что Китай требует пересмотра границ. Приводимый китайцами пример — нападение Советского Союза на Чехословакию — не может служить доказательством возможности нападения на Китай в настоящее время. Другое дело нападение на Чехословакию, где не было произведено ни единого выстрела против социал-империалистического нашествия; замышляя же нападение на Китай, Советский Союз учитывает, что ему придется выдерживать войну мирового масштаба.

Что советские современные ревизионисты — враги, это уже ясно; что на всякий случай надо подготовиться против них — и это необходимо; **однако использовать подобную конъюнктурную, нереальную возможность, чтобы сблизиться с другим свирепым агрессором и опираться на него, — это уже неправильно.**

Пример пакта о ненападении, заключенного Советским Союзом с гитлеровской Германией, приведенный китайским заместителем министра иностранных дел в качестве „веского" аргумента для нас, которых они называют сталинцами и которые якобы не заключаем и не умеем заключать компромиссы, надо окончательно отвергнуть этому ревизионисту. Пакт Советского Союза

с гитлеровской Германией в то время и при тех обстоятельствах был правильным. Однако ныне время и обстоятельства для Китая, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки не те. С тем, кто до сих пор **совершал открытые вооруженные агрессии, кто завтра совершит другие, ты, Китай, дружишься; завтра ты сдружишься и с Советским Союзом, скоро ты станешь другом этих двух сверхдержав, раз ты подходишь к ситуациям так, как тебе угодно, а не на основе марксистско-ленинского анализа, раз ты идешь на компромиссы наперекор принципам и одеваешь их в ложную ленинскую тогу. Эти и другие подобного рода вопросы надо было затронуть, конечно, в дружеском духе и в теоретическом плане, в беседе с китайским товарищем. Во всяком случае, кое что ему было сказано, и мы улучим время все выложить китайцам.**

СРЕДА
27 СЕНТЯБРЯ 1972 г.

КИТАЙ УКРЕПЛЯЕТ СВОИ ПОЗИЦИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Теперь, после активизации Китая в отношении Японии (и это было достигнуто с поездкой Танаки и при достойных и правильных для Китая условиях, ибо Танака публично попросил извинения за злодеяния, совершенные Японией по отношению к Китаю, признал китайское правительство, а также признал Тайвань частью Китая), Китаю остается улучшить взаимоотношения и с Индией.

Оба этих два крупных политических шага таковы, что укрепляют позиции Китая на международной арене, действительно углубляют противоречия между Японией и Соединенными Штатами Америки, с одной стороны, Японией и Советским Союзом — с другой, и все это на руку Китаю. То же самое произойдет и с Индией, если Китай начнет действовать. Связи Китая с Пакистаном не должны стать помехой для разрешения этого вопроса. Настанет время, и ханы Пакистана, будь это Ага Ханы или Бхутто сойдутся с индийцами. А подобные действия Китая расстраивают планы американского империализма и советских ревизионистов на Дальнем Востоке и во всем мире.

Эти наши взгляды, как и наше мнение о том, при каких условиях надо было провести китайско-американскую встречу, я уже давно высказал китайским товарищам.

ЧЕТВЕРГ
28 СЕНТЯБРЯ 1972 г.

ВСТРЕЧА С ЯПОНЦАМИ БЫЛА НА РУКУ КИТАЮ

Мы должны дать понять китайским товарищам, что позиции Китайской Народной Республики относительно активизации политики в направлении некоторых капиталистических государств мы находим правильными. Мы считаем, что встреча с Никсоном не была целесообразной при тех условиях, при которых она состоялась, тогда как встреча с японцами была целесообразной, выгодной для Китая и невыгодной для Соединенных Штатов Америки и Советского Союза.

СУББОТА
30 СЕНТЯБРЯ 1972 г.

КИТАЙЦЫ ЕЩЕ НЕ РЕШИЛИ, ОТКУДА ВОЗЬМУТ ТЕХНОЛОГИЮ НАШЕГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

Вчера я присутствовал на ужине, устроенном китайским послом по случаю 23-ой годовщины Китайской Народной Республики. Помимо всего прочего, я высказал послу мнение о значении китайско-японского соглашения и не преминул сказать ему о том, что мы думаем и о китайско-индийских отношениях. А китайский посол сказал, что скоро они установят отношения с Германской Федеративной Республикой и добавил, что они постараются приобрести у Японии и Германской Федеративной Республики последние достижения техники, ибо „китайская промышленность сильно отстает". Он ничего не сказал о том, как они приобретут их — кредитами, клирингом или свободной валютой, но вполголоса упомянул, что они так же будут поступать и с американскими капиталистами.

Я, не в порядке постановки проблем, ибо это сделает наша экономическая делегация по приезде в Пекин, говорил ему о наших трудностях с обеспечением многих видов сырья, о дорогостоящем перевозе и длительном времени, которое уходит на перевозку поступающих из Китая в Албанию товаров. Этим я дал ему понять, что многие из этих товаров Китай должен обеспечить нам в европейских странах, с которыми он поддерживает торговые связи.

Посол сказал также, что технологию нашего металлургического комбината они постараются приобрести в Канаде. Другими словами, они еще не разрешили ключевого для этого крупного и очень важного объекта вопроса! Это представляет для нас много опасностей. Посмотрим, что будет дальше.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 ОКТЯБРЯ 1972 г.

КИТАЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ НАХОДИТ ВОЗМОЖНЫМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ НАШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАПРОСОВ

Наш посол в Пекине передал нам текст беседы, которую он имел с китайским официальным лицом, которое сообщило ему следующее мнение своего правительства:

Наши товарищи представили Фан И, когда он был в Тиране, некоторые запросы относительно наших проблем, связанных с перспективным планом на 1975-1980 годы, а именно о росте мощности плавки ферроникелевой руды, о сооружении Команской гидростанции и расширении Балшского ТЭЦа. Но китайское правительство удовлетворение этих запросов пока что не находит возможным. В качестве причин оно приводит „трудности" и говорит: „У нас нет больших запасов", „Посмотрим, построим сначала те, которые мы обязались построить" и т.п.

Эти их оправдания несостоятельны. Мы вновь вернемся к этой серьезной проблеме. У Китая есть возможности и у него их будет еще больше в будущем.

ВЛЁРА, ВОСКРЕСЕНЬЕ
17 ДЕКАБРЯ 1972 г.

ЧИТАЯ ЗАПИСЬ ОДНОЙ БЕСЕДЫ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ

Читая записи, сделанные нашими товарищами из военной делегации во время беседы с Чжоу Энь-лаем в Пекине, можно сделать некоторые выводы:

Чжоу Энь-лай в этой беседе подробнее и главным образом остановился на вопросах внешней политики Китая, на некоторых ее главных аспектах, на внутренних проблемах и, в первую очередь, на „заговоре Линь Бяо". На взаимоотношениях Китая с нашей страной он остановился в конце беседы.

О взаимоотношениях с нами Чжоу Энь-лай отозвался „доброжелательно" и остановился главным образом на помощи, которую они нам оказывают. Он отметил, что в деле оказания помощи за Вьетнамом следуем мы, затем, по очереди, другие страны, такие как Корея и т.д. Об этом могут судить только они, однако мы, со своей стороны, можем сказать, что они могут больше помогать нам. Впрочем они сами отмечают: „мы не помогаем вам в нужной мере, ибо мы еще переживаем трудности, и, как только преодолеем их, будем еще больше помогать".

Вообще из этих записей и из прежних бесед Чжоу Энь-лая с нашими делегациями явствует „забота" китайских товарищей об „успешном и своевременном" предоставлении помощи нам как в гражданской, так и в военной областях; задержки в поставке или в осуществлении помощи они объясняют саботажнической

работой Линь Бяо. Это, как сказать, главная тема беседы, проведенной Чжоу Энь-лаем, о сути которой я буду говорить ниже.

Нарисованная Чжоу Энь-лаем картина внешнеполитических проблем не была чем-то „блестящим", хотя она и была довольно пространной. **Вначале, прочтя записи, у меня создалось впечатление, что он говорил для наших товарищей; на деле же он говорил и для публики — и для китайских товарищей, которых он пригласил на встречу. Затронутые им проблемы нам были знакомы, и их содержание не отличалось никакой оригинальностью; к тому же и не было видно будущей перспективы международной политики Китая во всей ее широте.** Это были обычные и известные нам в ООН позиции по ряду проблем, поднимаемых другими, относительно которых Китай должен занять позицию.

Цель этой позиции: „Противодействовать и разоблачать" позиции советских, „обманывающих и надувающих других". Это хорошо, но ведь Китай не предпринимает никакой активной политической акции, которая обращала бы на себя внимание в ООН, действительно отбивала бы „нейтральных" от советского влияния и помогала бы этим „нейтральным" чувствовать себя уверенными, видя в Китае своего мощного и истинного покровителя. Но это еще не все; в беседе Чжоу Энь-лая не видно обдуманного плана работы и проблем, который нарушил бы врагам созданное им в ООН удобное статус-кво, при котором другие вынуждены подчиняться их закону. Я думаю, что недостаточно только говорить, как это делает Чжоу Энь-лай, что „мы будем бороться, даже если останемся одни в ООН, ибо мы боремся за правое дело". Это верно, но, раз мы боремся за правое дело, нас должны поддерживать и многие другие, а эти многие другие не будут поддерживать нас, если мы их не поддерживаем, причем не

только „предоставлением кредитов", ибо кредиты им предоставляют также империалисты и социал-империалисты, но и беспощадным разоблачением этих двух сверхдержав, чего Китай в настоящее время не делает как следует и в нужной мере.

Малые народы хотят разоблачения сверхдержав и пресечения их деятельности. Если дашь поблажки сверхдержавам, если допустишь нюансы и предпочтение в отношениях с ними, якобы в порядке балансирования или уравновешивания, то интересу и доверию народов к тебе пришел конец, ибо они видят, что к подобным проделкам правительства их стран прибегают каждый день, чтобы вырваться из когтей сильных мира сего. Они особенно внимательно следят за поведением Китая, ибо считают его могучим социалистическим государством.

Китай публично показывает, что его внешняя политика, по крайней мере пропаганда против Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, нюансирована. Чжоу Энь-лай также сказал: „Мы больше бьем по советским, ибо они больше обманывают, они выдают себя за социалистическую страну, а американские империалисты разоблачены как таковые". Это и верно, и неверно. Однако заявлять об этом и делать различия на практике — это неправильно, ибо таким образом обе сверхдержавы будут бороться против тебя тем оружием, которое ты сам им даешь. Советские ревизионисты говорят в связи с этим, что „Китай выступает против социализма", „присоединяется к американской политике". И, фактически, сама дифференциация, к которой он прибегает публично, утверждая, что врагом номер один является Советский Союз, а уже за ним идут Соединенные Штаты Америки, ведет его к последним. Другие имеют основание так думать, независимо от того, что Чжоу Энь-лай то и дело говорит, что Советский Союз и Соединенные Штаты Америки — одного поля ягоды.

Что касается политики, которую Китай проводит в отношении Соединенных Штатов Америки, Чжоу Энь-лай почти ничего не сказал; **быть может, он намеренно обошел этот вопрос молчанием, либо потому, что он в курсе наших взглядов, либо потому, что он не хотел раскрыть „подготовительные отношения, приводящие к сближению", которые могут получать бурное развитие после „заключения мира во Вьетнаме". Полагаю, что по обеим этим причинам Чжоу Энь-лай не затронул этого пункта.**

Это мнение у меня еще больше укрепляется взглядом Чжоу Энь-лая на перспективу войны во Вьетнаме. Он сказал, что Советский Союз мало помогает Вьетнаму. Это верно, а помогать мало Вьетнаму, значит ослаблять его оборону. **Чжоу Энь-лай считал, что Советский Союз желает продолжения войны во Вьетнаме.** Тут имеется противоречие, суть которого в следующем: „С одной стороны, не помогать вьетнамцам, а, с другой — ратовать за продолжение войны". Советские могут желать продолжения войны во Вьетнаме, с тем чтобы Соединенные Штаты Америки были заняты этой войной, чтобы Китай не мог укреплять „дружбу с Соединенными Штатами Америки", чтобы он попрежнему не поддерживал дипломатических отношений с ними и чтобы не был „решен" тайваньский вопрос и вопрос о „присутствии" 7-го американского флота в китайских водах.

Все эти планы вынашивают советские, это им выгодно, однако это не вполне отвечает тому что, они делают, не помогая Вьетнаму оружием. Советские, несомненно, в союзе с американцами, имеют в портфеле много вариантов этих планов, которые они актуализируют, связывают и сочетают со всеми мировыми проблемами, куда они совали свой нос.

Чжоу Энь-лай почти совсем не остановился на вопросах Европы и Среднего Востока, и это не потому,

что у него нет своего мнения о бурлящих там серьезных проблемах. Проводится политика, говорящая о том, что Китай не проявляет интерес к этим районам, и, по-моему, это неправильно, ибо разрешение военно-политических проблем в странах этих районов влечет за собой большие последствия для стран Азии. Именно здесь, в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке, обе сверхдержавы стараются найти общий язык, закрепить союз, и хотя бы на некоторое время развязать себе руки на другие районы. Проводить пассивную политику, какую проводит Китай, в эти моменты и в отношении этих районов — это близорукость, ибо, поступать таким образом, значит ждать, чтобы „противник-союзник" вступил в воображаемое „соглашение", которого ты добился одновременно с ним. Это значит „ждать тени", которая относительно империалистов гипотетична, ибо они также работали в таком направлении, чтобы „ты, Китай, ждал тени", покуда „они не наладят свои дела" и, когда они беззаботно наладят их, ибо „ты, Китай, не мешаешь им на их пути", тогда они придут, „но с кинжалом в зубах"".

Другим вопросом, которого Чжоу Энь-лай коснулся в ходе своей беседы, был вопрос о внутреннем положении Китая, вопрос о группе Линь Бяо. Об этом вопросе он говорил пространно, хотя в общих чертах это было то же самое, о чем нам официально говорил их посол.

Чжоу Энь-лай охарактеризовал деятельность Линь Бяо как такую деятельность, какую, по ее опасности, редко знал Китай. „Линь Бяо и его сообщники, — сказал он, — относились к числу наиопаснейших заговорщиков, но это была небольшая группа из 9 человек". **В этом заключается первое противоречие. Несомненно, версия Чжоу о том, что они были заговорщиками, приемлема, но чтобы эти 9 или 10 человек составляли самую большую опасность для Китая — это нас уди-**

вляет, подобно тому, как удивляет и следующее противоречие. Линь Бяо и его группа саботировали, мол, все в ходе Культурной революции! Что они, будучи врагами, вредили, мешали, — это не подлежит сомнению, однако взваливать на них любой срыв, любое невыполнение заданий, любой незначительный недочет — это значит перебарщивать. Говорят, что эта маленькая, по весьма опасная группа, саботировала промышленность, сельское хозяйство и его механизацию, саботировала вооружение армии и т.д. и т.п.

Возникает вопрос: а остальные, хорошие, где они были?

По словам Чжоу Энь-лая, все ошибки дипломатического, политического, идеологического характера были допущены группой Линь Бяо.

Возникает вопрос: а хорошие, где они были? Почему они не реагировали?

Линь Бяо превознес культ Мао, это он назвал Мао „великим марксистом-ленинцем", „великим вождем", „великим кормчим".

Опять возникает вопрос: а другие, хорошие, где они были? Почему они не пресекали это?

По словам Чжоу Энь-лая, Линь Бяо был человеком советских, но, опять же **по словам Чжоу Энь-лая, он опасался скорого нападения их на Китай, поскольку он, без ведома Политбюро и Мао, отдал приказ нагромоздить на аэродромах металлолом, с тем чтобы мешать посадке советских самолетов, и открыть дамбы и затопить города, чтобы мешать советским десантам.**

Итак, в записи изложения Чжоу Энь-лая находим описание целого ряда событий, связанных и отрывочных, которые приводятся в подтверждение того, что группа Линь Бяо была опасной, изменнической, саботажнической и т.п. группой. **Чжоу Энь-лай доходит до утверждения о том, что „Линь Бяо притворялся больным, но он был просто симулянтом".**

Много странных вещей говорят о человеке, который „дослужился до очень высокого поста".

Отчего нам не принимать все то, что нам подкидывают теперь о Линь Бяо, о совершенно незнакомом нам человеке? Он не показывался на сцене, не имел за собой никакой деятельности, и каким и кем он был — мы не знаем, однако ему покровительствовали Мао, Чжоу и другие, его поддерживала вся партия. Вчера все они весьма похвально отзывались о нем, а сегодня делают его козлом отпущения.

Мы, — говорят китайцы, — не в состоянии установить, до чего доходила деятельность этих врагов! Но ведь они, по словам Чжоу, дошли даже до составления заговоров (причем не один раз) с целью убийства Мао.

Об этом внутреннем деле Китая замечаний у нас много, ибо в этой трактовке проблем Чжоу Энь-лаем, — а это есть официальная версия, изложенная во всей их партии, — есть многочисленные и глубокие противоречия.

Во-первых, в этой постановке проблем полностью упускается из виду враждебная работа Лю Шао-ци и его большой группы, которая прибрала все к своим рукам, отстранила Мао, а партию довела до такого состояния, что для того чтобы покончить с этой обстановкой, понадобилась Культурная революция. Сам Мао не раз говорил нашим товарищам, что „еще неизвестно, кто возьмет верх — мы или они".

Китайские товарищи, насколько мы знаем, не подвергли глубокому марксистско-ленинскому анализу враждебную деятельность группы Лю Шао-ци с целью раскрытия корней и источников этой деятельности. Против нее говорили в печати и пропаганде, но все это оставалось только пропагандой. Факты показывают, что в ходе Культурной революции в руководстве возникла другая, еще более опасная враждебная группа, которая стояла во главе Культурной революции.

Эта группа, руководившая Культурной революцией и ставившая себе задачу убрать врагов-просоветчиков, Лю и его группу, сама же оказалась просоветской!

Культурная революция была необходимой, но были ли ясны руководившие ею директивы? И да, и нет. Нам кажется, что директивы возникают из странной стихийности, что вызвало искажения правого и левого толка. Группа Линь Бяо была „ультралевой".

О Культурной революции говорили и писали много, однако китайские товарищи не подвергали ее какому-либо глубокому анализу. Пошла ли впрок Китаю Культурная революция, или же она навредила ему? Китайцы говорят, что она пошла ему впрок; но чем тогда объяснить тот факт, что Линь Бяо и девять его соумышленников саботировали все?

Подобные анализы не очень серьезны. Линь Бяо с компанией саботировали, ну а куда делась вся враждебная деятельность Лю Шао-ци?! А все те другие, которых эта группа оставила после себя в партийных и государственных органах, не продолжали ли они саботировать?! Это недооценивается. Преданы забвению сильные колебания рабочего класса и даже саботажнические действия и столкновения с участниками Культурной революции, было забыто то, что партия прекратила всякую деятельность и даже так порядочно была разгромлена, что еще не организована. А массовые организации, которые были полностью ликвидированы? Почему? Потому что „они были не в порядке". Не вредил ли, не сдерживал ли, не саботировал ли этот большой беспорядок? Эти вещи надо анализировать, но этого нельзя делать только говоря, что все злодеяния совершены Линь Бяо.

Говорили, а Чжоу Энь-лай вновь продолжает говорить, что „армия была и остается столпом". Странно!! Во главе армии стоял Линь Бяо, и тем не менее

„ему не удалось использовать армию в своих целях", а удалось саботировать все в такое время, когда у руля стояли Мао и Чжоу!! Это непонятно или становится понятным только если учесть, что Коммунистическая партия Китая не стояла на правильном пути, не мыслила и не действовала в соответствии с марксизмом-ленинизмом и с ленинскими нормами истинно революционной партии.

На деле, у руля правления Коммунистической партии Китая стояли различные группы различных тенденций. Мао был философом, но, по всей видимости, философию он не очень связывал с практикой; он был либералом, и в этом направлении он давал другим организовывать, управлять, искажать. Он мало значения придавал методу коллегиального руководства и, как ни в чем не бывало, давал группам действовать. А группы разили друг друга. Мао не был чужд и реагировал на грызню этих групп, но тем временем группы действовали под флагом Мао и, прикрываясь этим флагом, старались ликвидировать даже самого Мао. Так поступил Лю Шао-ци с компанией, так поступил и Линь Бяо с компанией.

А Чжоу Энь-лай что делал? Он постоянно и при всех обстоятельствах показывал себя очень гибким, очень прагматичным, общительным со всеми — с более сильными, когда они у власти, и против них, когда их свергали. Любую свою позицию — за или против — Чжоу всегда связывал с „идеями Мао". Значит, в любое, благоприятное или лихое для него, время он в начале и в конце любого события размахивал „флагом Мао".

Это показало, что Чжоу Энь-лай, следуя, как и все другие, идеям Мао, поступал сообразно с линией Лю Шао-ци и проводил ее в области политики, идеологии и особенно экономики. Так было и с группой Линь Бяо; она заняла такую же позицию.

Когда эти две группы свернули себе шею, шея Чжоу Энь-лая опять осталась в стоячем положении. Он скорее дипломат, чем марксист, он увертывается при любой ситуации.

Чжоу Энь-лай был нужен всем, начиная с Мао и до Линь Бяо, потому, что он способный человек, умелый организатор, выдающийся экономист, талантливый дипломат и в то же время непревзойденный оппортунист. Во всех этих отношениях он является одним из самых выдающихся деятелей Китая после Мао и даже, сказал бы я, еще более квалифицированным, чем Мао Цзэдун.

Правды ради надо отметить, что эти способности нетвердого марксиста он поставил на службу Китая, как это он понимает, — на широкой либеральной платформе. Характерно то, что этот высший китайский руководитель показывает, что он наделен большими организаторскими способностями во всех отношениях, но эти способности он не ставит и на службу партии. Нет, партия страдает в области организационной. Почему? Много предположений можно делать, однако теперь, в этих кратких записках, я не могу пускаться в предположения, ибо и достаточными для этой цели фактами и документами мы не располагаем. Китайские товарищи очень скупы на факты и документы.

Во всяком случае, посмотрим, какие и сколько уроков извлекут Коммунистическая партия Китая и ее руководство из этих неудач, насколько они будут ценными и насколько они будут способствовать укреплению положения в партии, в государстве, делу социализма в Китае и во всем мире.

Мы выражаем пожелание того, чтобы там все было исправлено надлежащим образом, чтобы все шло хорошо. Быть может, мы и ошибаемся в этих анализах, но будет не в духе марксизма-ленинизма не делать их, не

думать и не извлекать и нам уроков для себя. Мы были вынуждены и вынуждены и теперь анализировать события на основе сообщений китайских товарищей, которые мы принимаем на веру, но всегда в критическом, марксистско-ленинском духе.

СОДЕРЖАНИЕ

Страница

Страница

1964

Страница

Страница

1 9 6 5

Страница

1966

Страница

Страница

Страница

1968

Страница

1 9 6 9

Страница

Страница

1 9 7 0

1971

Страница

Страница

1 9 7 2

Страница